

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Байкальский государственный университет

**Региональный центр научных исследований
экономической истории России**

**ИРКУТСКИЙ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК**

2021

Иркутск
Издательский дом БГУ
2021

УДК 338(571.5)(091)
ББК 65.01(2Р5)г
И81

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:
проф. А.В. Шалак, проф. В.М. Левченко,
проф. Г.А. Цыкунов, доц. Д.Я. Майдачевский

И81 Иркутский историко-экономический ежегодник: 2021. —
Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. — 468 с.

ISBN 978-5-7253-3040-3

Ежегодник знакомит с результатами исследований истории хозяйственного освоения Сибири. В издании также широко представлены социокультурные и политические факторы экономического развития региона, проблемы историографии, источниковедения и методологии изучения темы. Содержит материалы Всероссийской конференции, посвященной памяти В.Н. Шерстобоева.

УДК 338(571.5)(091)
ББК 65.01(2 Р5)г

ISBN 978-5-7253-3040-3

© Издательский дом БГУ, 2021

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель!

XXIII-й выпуск «Иркутского историко-экономического Ежегодника» выходит в непростое для всего научно-образовательного сообщества время. Эпидемия коронавируса внесла и продолжает вносить свои коррективы в деятельность вузов и академических институтов. Огромное количество времени уходит на освоение дистанционных технологий, запланированные научные мероприятия на это время либо отложены, либо переведены в виртуальный формат. Это не могло не отразиться и на формате историко-экономических чтений, посвященных памяти В.Н. Шерстобоева. Проблемой для научного сообщества становится также требование отчитываться публикациями только в определенных рейтинговых изданиях, прежде всего входящих в международную платформу Скопус и Веб оф сайнс, что естественно ведет к аккумуляции деятельности в этом направлении и забвению наших общероссийских, а тем более региональных изданий. При этом отметим, что общероссийских аналогичных рейтинговых платформ нет и, судя по всему, в ближайшее время их создание не предвидится.

Вместе с тем мы можем с удовлетворением отметить, что сообщество ученых, которое сложилось вокруг Ежегодника, достаточно активно откликнулось на его очередной выпуск. Это означает, что история нашего региона пополняется новыми разноплановыми исследованиями, представляющими несомненный интерес для тех, кто проявляет к ней внимание в силу своей профессиональной деятельности, либо в силу человеческой любознательности.

Очередной выпуск Ежегодника содержит традиционные рубрики по истории хозяйственного развития Сибири, демографическим процессам, природоохранным традициям и ряду других актуальных направлений. Отметим, что уже постоянной становится рубрика, в которой прошлые и современные процессы, протекающие в нашем регионе, рассматриваются в рамках геополитического треугольника Сибирь – Монголия – Китай. Значение трансграничных связей продолжает расти, поэтому осмысление исторического опыта в этой области и его экстраполяция на современность представляет несомненный интерес для исследователей. Материалы в данной рубрике представлены в основном специалистами из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

В 2020 г. отметил свой 90-летний юбилей Байкальский государственный университет. Редакционная коллегия не могла оставить незамеченной столь значимую дату в истории нашего вуза, поэтому настоящий выпуск Ежегодника открывается рубрикой, посвященной данному событию.

На протяжении уже многих лет регулярно отмечаются своими публикациями в Ежегоднике известные сибирские историки В.А. Ильиных, Л.В. Курас, Л.В. Кальмина, Ю.В. Кузьмин, Ю.А. Зуляр, В.Н. Казарин, В.П. Шахеров, Г.А. Цыкунов, Е.Н. Волосов, М.Д. Кушнарева и др. Их разноплановые исследования истории хозяйственного освоения, регионального управления, социальных, экологических проблем, трансграничных связей Сибири являются примером вдумчивого и глубокого анализа прошлого нашего региона. Приятно также отметить, что на их примере оттачивали и продолжают совершенствовать свое научное мастерство аспиранты, многие из которых за эти 23 года сумели защитить диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Это вселяет надежду, что у проекта «Иркутский историко-экономический Ежегодник» есть будущее.

Наших постоянных авторов мы также призываем активно публиковать свои научные изыскания в журнале «Историко-экономические исследования», который является рецензируемым изданием по отечественной истории.

Редакционная коллегия благодарит всех авторов XXIII-го выпуска Ежегодника и выражает надежду на наше дальнейшее плодотворное сотрудничество.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.01

Д.Я.МАЙДАЧЕВСКИЙ

УДК 338(571.53)(091)

ББК 65.03(253.5)

**ЭХО «ИЛИМСКОЙ ПАШНИ», ИЛИ НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ
ПРОЕКТ НАПИСАНИЯ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Заметка предваряет публикацию фрагмента статьи П.К. Соколова «Краткий очерк экономики Иркутской области», увидевшей свет на страницах «Ученых записок Иркутского финансово-экономического института» в 1957 году. Автор рассматривает этот очерк в качестве возможного результата не-реализованного проекта написания силами коллектива института двухтомной истории экономики Иркутской области. Проекта, возникшего на волне интереса к экономической истории региона, обусловленного выходом в свет «Илимской пашни» и инициированного ее автором — В.Н. Шерстобоевым. Приводятся краткие научно-биографические сведения об авторе публикуемого материала.

Ключевые слова: история экономики Иркутской области, Иркутский финансово-экономический институт, «Илимская пашня», В.Н. Шерстобоев, П.К. Соколов.

D. YA. MAIDACHEVSKY

**THE ECHO OF «ILYIMSKAYA PASHNYA»,
OR AN UNREALIZED
PROJECT OF WRITING THE HISTORY OF THE ECONOMY
OF THE IRKUTSK REGION**

The note precedes the publication of a fragment of the P.K Sokolov's article «A Brief sketch of the economy of the Irkutsk region», which was published on the pages of «Scientific notes of the Irkutsk Financial and Economic Institute» in 1957. The author considers this sketch as a possible result of an unrealized project of writing a two-volume history of the economy of the Irkutsk region by the efforts of the team of the institute. The project was created on the wave of interest in the economic history of the region, especially after the publication of V.N. Sherstoboev's «Ilyimskaya Pashnya» (Ilyim plow). Brief scientific and biographical information about the author of the published material is provided in this report.

Keywords: the history of the economy of the Irkutsk region, the Irkutsk Financial and Economic Institute, «Ilyimskaya Pashnya», V.N. Sherstoboev, P.K. Sokolov, history of science.

Успех, выпавший на долю первого тома «Илимской пашни», — не просто книги, с интересом встреченной читателями, и ставшей достижением (с точки зрения объема, иллюстраций и прилагавшегося к ней картографического материала) местного книжного издательства, но научной монографии, получившей положительные отклики в столичных научных журналах и позволившей автору, Вадиму Николаевичу Шерстобоеву, представить ее в качестве докторской диссертации в совет Института экономики АН СССР, — просто не мог не поднять степень интереса, в том числе и прежде всего среди коллег автора по Иркутскому финансово-экономическому институту (ИФЭИ)¹, к научному направлению, которое работа представляла, — экономической истории, не вызвать к жизни новых исследовательских проектов в этой научной области.

И такой проект был представлен В.Н. Шерстобоевым Ученому совету ИФЭИ в апреле 1951 года. Рассчитанный на три неполных года (1951–1953) работы коллектива, проект предусматривал подготовку преимущественно научными силами вуза двухтомной «Истории экономики Иркутской области» объемом в 80 печатных листов. Проект, позиционировавшийся автором как способный, во-первых, внести целелеполагающее и объединяющее начало в научную работу института, коллектив которого, по его словам, «созрел» для этого, а, во-вторых, привлечь своими целями и задачами научных работников города — не только преподавателей государственного университета и педагогического института, но и специалистов Областной плановой комиссии, Восточно-Сибирского филиала АН СССР и местного отделения Всесоюзного географического общества. Первоочередными шагами, как полагал инициатор проекта, должны были стать «конструирование» творческого коллектива, разрешение вопроса о доступе его участников в архив, а также заключение договора с областным издательством на подготовку рукописи с выплатой аванса авторам.

В первом томе (срок окончания работ над которым был отнесен на сентябрь 1952 г.) предполагалось рассмотреть историю развития народного хозяйства региона в дореволюционный период. Во втором томе, соответственно, — послереволюционный период (что должно было занять еще год), посвятив завершенную работу 300-летию города Иркутска. Именно вопрос о структуре работы вызвал небольшую дискуссию между членами совета, участвовавшими в обсуждении проекта. Исполняющий обязанности заведующего кафедрой статистики и математики М.М. Мага-

¹ Буквально по горячим следам выхода книги в свет в октябре 1949 г. Совет ИФЭИ на своем заседании возбудил ходатайство о присуждении В.Н. Шерстобоеву «за научный труд «Илимская пашня» (т.1)» Сталинской премии, которое будет отклонено из-за «отсутствия отзывов в центральной печати». В октябре 1951 г. Совет повторно выдвинул работу ученого на соискание указанной премии как уже получившую должную оценку научного сообщества [1, д. 74, л. 9 об].

рил выступил не столько против деления материалов планировавшегося издания на два тома (что было неизбежно в силу чисто технических, издательских соображений), сколько с неприятием закрепления этим делением разбивки истории на досоветский и советский периоды, полагая правильным писать книгу в едином историческом (т. е. в хронологическом) ключе. Его предложение не получило, однако, поддержки других членов совета, чье мнение выразили в своих выступлениях исполняющий обязанности заведующего кафедрой денежного обращения и кредита, канд. экон. наук, доцент П.Р. Филиппов и врио заведующего кафедрой экономической географии канд. геогр. наук, ст. преп. П.К. Соколов. Проект был принят в редакции В.Н. Шерстобоева, направлен для обсуждения на кафедры института, которым предлагалось определить конкретные направления работы над ним сотрудников [1, д. 63, л. 47 об.].

Научным руководителем научного и издательского проекта был утвержден В.Н. Шерстобоев, который одновременно вошел и в состав редакционного бюро будущей книги. Членами последнего стали также заведующий кафедрой марксизма-ленинизма института А.Т. Севастьянов, заведующий кафедрой политической экономии, канд. экон. наук И.С. Шаферман и уже упоминавшийся нами врио заведующего кафедрой экономической географии П.К. Соколов [Там же, л. 48].

Намеченным планам, однако, не суждено было реализоваться. Намечавшиеся обсуждения Советом ИФЗ «хода работ по подготовке к изданию двухтомника по истории Иркутской области» регулярно переносились [Там же, д. 74, л. 5об.]. А ровно через год с момента принятия плана действий стало понятно, что проект нежизнеспособен. В прениях по вопросу об итогах научно-исследовательской работы вуза за 1951–1952 уч. год В.Н. Шерстобоев вынужден был констатировать, что «никаких практических шагов к его [двухтомника] изданию сделано не было». За прошедший год дело не продвинулось дальше обсуждения планов написания отдельных разделов и консультаций с руководителем проекта, поисковая, а также архивная работа так и не начались. Беря часть ответственности за состояние дел на себя, ученый предлагал «с целью оживления работы» пересмотреть структуру издания и тематику отдельных его разделов. И хотя основную причину сложившейся ситуации сам он усматривал в «неорганизованности коллектива» [Там же, л. 64-64 об.], само намерение реанимировать проект путем пересмотра первоначальной его архитектуры свидетельствует скорее о переоценке им возможностей этого самого коллектива.

Тем любопытнее было обнаружить, что проект не завершился совсем уж безрезультатно. По крайней мере один из участников временного научного коллектива, пускай и нарушив сроки выполнения работ, не просто выполнил свой участок последних — разработав доставшуюся ему тему,

но взял на себя труд всего коллектива, в известном смысле выполнил его обязательства, составив по опубликованным материалам краткий научно-популярный очерк истории экономики Иркутской области. И таким сотрудником ИФЭИ стал Павел Клеоникивич Соколов (1889–1982).

Несмотря на то, что в течение четырех лет, с 1954 по 1958 г., П.К. Соколов являлся директором ИФЭИ, сведения о нем крайне скудны. Страница, отведенная ему в разделе «Директора и ректоры (1930–2000)» книги Г.Ф. Сонича «Иркутская государственная экономическая академия. История в лицах» — девственно чиста, если не считать подстрочного примечания автора о том, что на момент ее составления он не располагал никакими биографическими материалами об этом персонаже своего повествования [2, с. 28]. За прошедшие двадцать лет ситуация мало изменилась. Лишь недавно из интервью внучки П.К. Соколова стали известны годы его жизни, семейное происхождение, а также сведения о начальном периоде его биографии. Выходец из священнической среды, он получил духовное образование, сначала в начальном духовном училище, а затем и в среднем (профессиональном) учебном заведении Иркутской епархии — Иркутской духовной семинарии, где готовили церковно- и священнослужителей. По окончании обучения начался традиционный в этом случае «карьерный путь»: закрепление за определенной церковью, рукоположение в дьяконы, а затем и в священники. Одним из направлений деятельности П.К. Соколова, что являлось тогда общей практикой для священнослужителей, стал труд на ниве народно-общего образования в качестве учителя церковно-приходской школы [3].

По всей видимости, именно основательное образование, полученное в духовной семинарии (программа которых приравнивалась к курсу классических гимназий), а также некоторый педагогический опыт, позволили П.К. Соколову после революции продолжить карьеру уже на поприще образования, избрав своей учебно-научной специализацией востребованную в послереволюционные десятилетия дисциплину — экономическую географию. С открытием в Иркутске Сибирского финансово-экономического института (впоследствии переименованного в ИФЭИ) он становится ассистентом кафедры экономической географии вуза.

Хроника событий вузовской истории не богата упоминаниями его имени. Мы перечислим их практически все, если назовем: относящееся к декабрю 1948 г. утверждение темы научной работы уже старшего преподавателя П.К. Соколова — «Транспортное освоение малых рек Иркутской области»; его «прикомандирование» в мае следующего года к годичной аспирантуре для работы над кандидатской диссертацией; успешную защиту диссертации на тему «Хозяйственное освоение транспорта малых рек Иркутской области» в июне 1950 г. в совете Московского областного педагогического института [4, с. 49, 50, 53]. Наконец, запись от января 1954 г. сообщает о назначении доцента Павла Клеоникивича Соколова

на должность директора ИФЗИ, обязанности которого он будет исполнять до февраля 1958 г.

Из событий внутренней и внешней истории вуза, выпавших на период директорства П.К. Соколова, укажем лишь на одно, однако, на наш взгляд, крайне значимое, хотя и не зафиксированное его хроникой. После десятилетнего перерыва не просто возобновилась издательская деятельность института, она поднялась на иной, более высокий, уровень, отражая и количественный, и качественный рост научного его потенциала. На смену малостраничным, практически брошюрного объема «Сборникам статей» (коих выпущено было за все годы существования вуза всего лишь два — в 1940-м и 1944-м гг.) пришли «Ученые записки». Соблюдая принцип преемственности, они продолжили нумерацию, выгодно отличаясь, однако, от предшественников своим объемом, тиражом, количеством содержащихся в них статей и разнообразием тематики. За 1954–1957 гг. вышло в свет 4 выпуска «Ученых записок ИФЗИ», и только их неравномерный по годам выпуск не позволяет говорить о появлении у вуза повременного, периодического издания.

Среди авторов издания был и директор института П.К. Соколов, опубликовавший на его страницах две работы. Первая из них, вошедшая в состав третьего выпуска Записок (1954), знакомила читателя с результатами кандидатского исследования ученого — «Малые реки в транспортных связях Иркутской области» [5]. Вторая же — «Краткий очерк экономики Иркутской области» [6] из четвертого выпуска 1957 г. — и стала упомянутым выше единственным значимым результатом работы над коллективным проектом по написанию истории экономики Иркутской области. Символично, что публикацию этого очерка предваряла статья В.Н. Шерстобоева «Сельское хозяйство Ангаро–Илимо–Ленского края» [7] — первого доктора экономических наук и профессора ИФЗИ, который не в пример своему коллеге куда более искусно на нескольких страницах сумел соединить анализ прошлого и настоящего экономики таежно-горного края, обрисовать ее перспективы.

Как и планировавшаяся теперь уже в далеком 1951 году коллективная монография, научно-популярный очерк был разбит на две части, посвященные соответственно до- и послереволюционной истории экономики региона, рассказ о которой доведен до 1939 года. Сомнительно, что автор хоть в какой-то мере опирался на «план методологического порядка», который был выработан В.Н. Шерстобоевым для нужд участников историко-экономического проекта [1, д. 63, л. 48]: даже само слово «история» отсутствует в названии составленного П.К. Соколовым очерка. Перед нами добротное позитивистское описание хозяйства региона, выполненное в хронологическом / историческом ключе на основании вторичных источников, которое, пожалуй, вплоть до недавне-

го времени могло бы с успехом использоваться, если не в высших, то в средне-специальных экономических учебных заведениях в качестве учебного пособия. Однако, вряд ли это та «история», которую В.Н. Шерстобоев рассчитывал получить (по крайней мере, на начальном этапе реализации проекта) от своих коллег-экономистов, в том числе и экономико-географов, после профессиональной разработки ими архивных материалов. Тем не менее, очерк П.К. Соколова интересен и как редкая попытка сводной, обобщающей работы по истории экономики области (тем более что таковая не написана до сих пор), и как неотъемлемая часть истории местной науки и образования середины минувшего века.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р–1813 (Байкальский государственный университет экономики и права). — Оп. 1.
2. Сонич Г. Ф. Иркутская государственная экономическая академия. История в лицах : справ.-биогр. изд. / Г. Ф. Сонич. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 400 с.
3. Тихонова Е. Возглавит ли БГУ правнук ректора нархоза? / Е. Тихонова ; интервьюер А. Бородина // Байкальские вести. — 2017. — 22-28 мая (№ 21). — С. 11.
4. Иркутская государственная экономическая академия (1930–2000): Хроника / сост. Н. Н. Быкова, Т. А. Яковлева, Е. В. Рощупкина. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 224 с.
5. Соколов П. К. Малые реки в транспортных связях Иркутской области / П. К. Соколов // Ученые записки. Вып. 3 / Иркутский фин.-эконом. ин-т. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1954. — С. 96-115.
6. Соколов П. К. Краткий очерк экономики Иркутской области / П. К. Соколов // Ученые записки. Вып. 4 / Иркутский фин.-эконом. ин-т. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — С. 10-38.
7. Шерстобоев В. Н. Сельское хозяйство Ангаро–Илимо–Ленского края / В. Н. Шерстобоев // Ученые записки. Вып. 4 / Иркутский фин.-эконом. ин-т. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — С. 3-9.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department International Relations and Customs, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.

П.К. СОКОЛОВ

**КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭКОНОМИКИ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ***

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (ДО 1939 Г.)**

<...> Восстановленная в 1920 году советская власть в Иркутской губернии начала свою работу в крайне трудных условиях. Четырехлетняя империалистическая война и хозяйничанье белогвардейцев и интервентов, расхищавших народное достояние, разрушили и без того слабую экономику края.

Иркутская губерния по своему экономическому развитию относилась к аграрным губерниям с экстенсивным ведением хозяйства. Но среди других таких же аграрных губерний Сибири Иркутская губерния отличалась несколько большим промышленным развитием, и на ее долю приходилось около 1/3 всех рабочих Сибири.

Наиболее важными промышленными предприятиями в Иркутской области были: Ленские золотопромышленные прииски, Черемховские каменноугольные копи, крупные по тому времени солеваренный и кожевенный заводы в Усолье, фарфорофаянсовая фабрика в Хайте, Тельминская суконная фабрика, несколько винокуренных заводов и, наконец, мелкие фабрики и кустарные предприятия пищевой и легкой промышленности.

За исключением золотой и каменноугольной промышленности да, пожалуй, Усольского солеваренного завода, предприятия области были мелкими и технически отсталыми.

Все промышленные предприятия области за время Первой мировой войны и особенно в период колчаковщины пришли в упадок. Одни из них совершенно вышли из строя, другие давали продукцию не более 1/3 своей производственной мощности.

Такое положение создалось и в ведущих отраслях промышленности каменноугольной и золотой. Например, добыча каменного угля только в

* Соколов П. К. Краткий очерк экономики Иркутской области // Ученые записки. Вып. 4 / Иркутский фин.-эконом. ин-т. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1957. С. 10-38. Публикуется с сокращениями. За рамками переиздания остался первый раздел работы, озаглавленный автором «Иркутская область в дореволюционное время». Купюры во втором разделе обозначены многоточиями, заключенными в угловые скобки. Сноски оформлены в соответствии с современными правилами библиографического описания источников.

течение трех лет упала на 60 % и составляла в 1920 году 40 % к добыче 1917 года¹.

Добыча золота в 1920 году уменьшилась в 15 раз против лучших довоенных лет и «была наименьшей во всей истории Лены, кроме первых младенческих лет золотого промысла»².

Не лучше было положение и в сельском хозяйстве, где в эти годы наблюдалось ежегодное сокращение посевных площадей и понижение урожайности. Только за 1918 и 1919 годы посевные площади уменьшились: по ржи — на 18 %, по пшенице — на 28 %, по ячменю — на 40 %, по картофелю — на 49 %. Посевы технических культур за эти два года снизились на 40 %³.

Еще больше был нанесен ущерб животноводству. Хозяйничанье белогвардейцев привело к резкому уменьшению поголовья скота. С 1917 по 1920 год произошло сокращение стада более чем на 1/3. Следовательно, на последние годы колчаковского хозяйничанья приходится наибольший упадок хозяйства в Иркутской области.

<...> В такой крайне тяжелой обстановке приходилось рабочему классу и крестьянству восстанавливать разрушенное хозяйство. <...> Тяжелое хозяйственное положение требовало от областных советских и партийных организаций принятия исключительно энергичных мер по восстановлению хозяйства Иркутской области. Поэтому с первых же дней организации советской власти ускоренными темпами проводятся социалистические мероприятия, которые в центральной России были осуществлены еще в 1917–1918 годах: национализация промышленных предприятий, торговых заведений, транспорта, банков и крупных домовладений. Одновременно принимаются меры по снабжению промышленных предприятий сырьем и проводится работа, обеспечивавшая повышение производительности труда.

Огромное внимание уделялось сельскому хозяйству. Советская власть оказывает большую помощь крестьянам — беднякам и середнякам, пострадавшим от белогвардейцев. Им были розданы отнятые Красной Армией у колчаковцев лошади, сельскохозяйственный инвентарь, хлеб для посева, а в некоторых случаях хлеб для продовольствия.

Очень важное значение имело проведение передела крестьянской земли, имевшее целью наделение бедняков и маломощных середняков пашнями и сенокосными угодьями за счет кулацких земель. Это ликвидировало так называемую «земельную тесноту», созданную в Сибири

1 Иркутская область: Экономико-статистический справочник. Иркутск: Огиз, 1941. С. 112–115.

2 Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. [Иркутск]: Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. С. 191.

3 Потапов М.Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства (1921–1925 гг.). [Иркутск]: Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. С. 15.

аграрной политикой царского правительства и кулачеством, захватившим в свои руки лучшие участки земли.

Проведение всех этих мероприятий имело очень важное значение для укрепления советской власти, особенно на первом этапе установления ее в Сибири.

<...> Замена разверстки продналогом оказала огромное влияние на улучшение политического настроения бедняков и середняков. У крестьян появилась заинтересованность в развитии хозяйства. Увеличиваются посевные площади, и сельское хозяйство Иркутской губернии начинает быстро восстанавливаться.

С переходом к новой экономической политике перестраивается и система руководства промышленными предприятиями. Большая часть мелких предприятий передается кооперации. Крупные и более важные промышленные предприятия (их оказалось всего 24), остаются в ведении Иркутского губсовнархоза.

Были созданы три треста: «Лензолото», «Ангарметалл», Черемховский каменноугольный, которым, как впрочем и другим государственным предприятиям, предоставляется большая самостоятельность в решении внутрихозяйственных вопросов. Все предприятия постепенно переводятся на коммерческий расчет.

В невероятно трудных условиях, к которым нужно отнести недостаток продовольствия, перебои в снабжении сырьем и топливом, недостаток денег, начинается восстановление промышленных предприятий Иркутской губернии.

Уже в следующем, 1922 году производственные планы по большинству предприятий успешно выполняются. На Ленских золотых приисках, например, добыча золота увеличивается в несколько раз. План добычи угля в 1922/23 хозяйственном году (который начинался с 1 октября) был выполнен на 120 %. На Усольском солезаводе в 1921–1922 году было добыто соли 377 тыс. пудов против 257 тыс. пудов добычи предыдущего года. Поднялась производительность труда на фабрике «Сибфарфор», на Тельминской суконной фабрике и др. предприятиях.

Последующие (1923, 1924, 1925) годы отмечаются общим хозяйственным подъемом страны и успешным восстановлением хозяйства губернии.

По данным, приведенным в брошюре М.Ф. Пятапова «Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства», производительность труда на предприятиях местной промышленности только за один 1924–1925 хозяйственный год увеличилась по сравнению с предыдущим годом в среднем на 50 %. По отдельным же предприятиям (мыловаренный завод, конфетная фабрика и некоторые другие) выработка на одну поденщину возросла за год в два-три раза.

В 1925 году выпуск по всем основным отраслям промышленности приблизился к довоенному уровню. Но довоенный уровень, как извест-

но, был очень низким и достижение его в 1925 году не меняло производственного лица губернии, а было только одним из этапов дальнейшего движения вперед.

В то же время восстановленные промышленные предприятия качественно стали иными, так как их восстановление большей частью сопровождалось полной или частичной реконструкцией. Предприятия вступали в строй действующих на более высокой технической основе.

На 1 октября 1924 года промышленная продукция Иркутской губернии оценивалась 23,5 млн руб.¹ В том числе на продукцию государственной промышленности приходилось 22,3 млн руб., на кооперативную — 1,05 млн руб.) и на частную — 0,15 млн руб.²

С ростом государственной и кооперативной промышленности шел процесс вытеснения частника, закрывались частнокапиталистические предприятия.

На 1 октября 1924 года в Иркутской губернии из частных предприятий остались только мелкие мастерские и четыре махорочные фабрики, в которых было занято 27 рабочих. Удельный вес частника теперь составлял всего лишь 0,6 %.

В 1926 году довоенный уровень был достигнут и в сельскохозяйственном производстве. Как и в промышленности, процесс восстановления сельского хозяйства шел на новой технической основе. Сельское хозяйство ежегодно получало тысячи различных сельскохозяйственных машин. Крестьяне все в большем размере получали от государства материально-техническую помощь, семена, кредиты на обзаведение, агротехническую помощь и т. д. В результате повысилась агротехника хозяйств, увеличились урожаи и площади посева.

Плуг повсеместно вытеснил соху. Культиваторы, железные бороны и рядовые сеялки заменили деревянную борону, а сортировки и триера — деревянную лопату.

Большое развитие в деревне получили кооперативные кредитные и сельскохозяйственные товарищества, снабжавшие крестьян сельскохозяйственными машинами путем предоставления широкого производственного кредита.

В эти же годы наметился переход к более сложным видам производственного кооперирования. Начинают создаваться кооперативные объединения крестьянских хозяйств для совместного приобретения и использования сельскохозяйственных машин — машинные товарищества

1 Из этой суммы 12,5 млн руб. приходится на золотую промышленность, по 2,5 млн. руб. — на каменноугольную и кожевенную, приблизительно по 1 млн руб. на мукомольно-крупяную и фарфорово-фаянсовую; по 0,5 млн руб. на соляную, винокурную промышленность и железнодорожные мастерские.

2 Горавский А.И., Иванов В.А. Промышленность Средне-Сибирского края. Иркутск: Б. и., 1925. С. 8-9.

и товарищества по совместной обработке земли. Эти производственные кооперативы являлись в то время переходным типом к более высокой форме производственного объединения крестьянских хозяйств — к сельскохозяйственной артели.

<...> Годы первых пятилеток еще более изменили лицо области и с еще большей силой показали огромное превосходство социалистического общественного строя над капиталистическим. За короткий исторический срок Иркутская область из отсталой, аграрной превратилась в передовую, индустриальную.

За годы советской власти, кроме реконструкции старых, построены десятки новых крупных и средних промышленных предприятий, оборудованных новейшими современными машинами. Среди новых предприятий — несколько машиностроительных и механических заводов, механизированных шахт и рудников, предприятий пищевой и легкой промышленности.

Полное обновление производственного фонда особенно характерно для таких «старых» отраслей, как каменноугольная и золотая, которые в дореволюционной промышленности Иркутской губернии имели решающее значение.

Каменноугольная промышленность, достигшая довоенного уровня в 1928 году, в последующие годы, после полной реконструкции Черемховского угольного бассейна, резко увеличила добычу угля. В 1940 году в Черемховском бассейне было добыто около 5 млн тонн угля, т. е. в 10 раз больше, чем в 1913 году.

Построенные при советской власти новые крупные шахты вместо мелких старых, были оснащены новейшей техникой и механизированы. Средняя мощность новых шахт составила 500-700 тыс. тонн в год. Введенная в эксплуатацию в 1933 году шахта-гигант им. С.М. Кирова, мощностью до 2 млн тонн угля, относилась к числу крупнейших шахт в Советском Союзе.

Наибольшему разрушению в период гражданской войны подверглась золотая промышленность, где добыча золота в 1920 году уменьшилась в 15 раз по сравнению с довоенной.

Советская власть в корне изменила облик золотопромышленности, хотя восстановление и реконструкция Ленских приисков началось только в 1930 году, после ликвидации концессии «Лена-Гольдфильдс». Концессионеры не только ничего не сделали для улучшения и развития производства, но, наоборот, продолжали прежнюю хищническую эксплуатацию приисков. Разрабатывались только самые богатые участки, а менее богатые — заваливались, портились и навсегда терялись для будущих работ.

После перехода Ленских приисков в руки государства, начинается плановое развитие золотой промышленности. Трест «Лензолото» успешно преодолел те трудности, которые были созданы хищнической

работой концессии, разведан много новых площадей и резко увеличил добычу золота. «За время с 1930 по 1937 год только на одно оборудование Ленских приисков затрачено около 150 млн рублей. Золотодобыча за это время возросла на 780 %»¹.

В конце 1946 года ленские горняки отпраздновали столетний юбилей золотой Лены. Трест «Лензолото», в связи со столетием приисков, за хорошую работу награжден Президиумом Верховного Совета СССР орденом Ленина.

К своему столетию Ленские прииски изменились неузнаваемо. На приисках много электростанций, драг, экскаваторов, гидравлических машин. В шахтах — конвейеры, отбойные молотки, электрический свет. Труд рабочего стал более легким и более производительным.

В районе приисков к этому времени имелось 53 школы, техникум, много медицинских учреждений, клубы, театры, библиотеки и другие культурные учреждения.

Несмотря на то, что добыча золота на Лене ведется уже более сотни лет, Ленские прииски еще не достигли высшей точки своего развития.

Есть все основания полагать, что запасы золота в россыпях на Ленских приисках будут эксплуатироваться еще многие десятки, а может быть, и сотни лет. На Лене имеются рудные месторождения, эксплуатация которых еще не началась.

В советское время золотые прииски Лены развиваются очень быстро. Но настоящий расцвет их наступит, вероятно, тогда, когда Ленский золотonosный район будет пересекаться железнодорожными путями и когда энергия р. Витим, а также других рек Олекмо-Витимской горной страны будет поставлена на службу хозяйству золотопромышленного района, имеющего мировое значение.

Новой отраслью промышленности в Иркутской области и в то же время новой для всего Советского Союза является добыча и обработка слюды.

Добыча слюды на территории Иркутской области началась в 1689 году в бассейне р. Витим, на его притоке Маме. Более или менее значительное развитие этот промысел получил только в 1705 году, когда Илимский воевода Федор Качанов разрешил компании промышленников добывать слюду по притокам р. Витима. Слюда вывозилась в европейскую Россию и употреблялась вместо стекла. Большая часть слюды шла на экспорт в Западную Европу и в Китай под названием «москови-та» или «московского стекла».

Разработка слюды в других районах Иркутской области — по р. Бирюсе и на северном и юго-западном побережье Байкала начался лишь во

¹ Иркутская область // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат / 7-е изд. Москва: Сов. энцикл, 1940. Т. 58: Эпоха социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (продолжение). С. 459.

2-ой половине XVIII века. Спрос на слюду продолжался, пока не получила развития стекольная промышленность. С развитием же последней спрос на слюду прекратился, добыча ее была заброшена.

Только при советской власти возобновилась промышленная добыча слюды: в 1924 году началась разработка залежей слюды-флогопита около станции Слюдянка, в 1927 г. — слюды-мусковита в бассейне р. Мамы и в 1928 г. — в районе р. Бирюсы, в верхнем ее течении.

Мамский слюдоносный район среди мусковитных районов занимает первое место и по слюдоносной площади и по качеству слюды, не уступая индийским месторождениям, которые раньше считались лучшими в мире.

В настоящее время добыча слюды в Иркутской области производится в двух районах — Мамском и Слюдянском. Добытая слюда обрабатывается на Иркутской, Нижнеудинской и Заозерной слюдяных фабриках. (Последняя находится в восточной части Красноярского края.) Иркутская фабрика является крупнейшим оборудованным новейшими машинами предприятием слюдяной промышленности.

Продукция слюдяной промышленности Иркутской области расходуется по всему Советскому Союзу и является исключительно ценным материалом советской электропромышленности, радио и моторостроения.

Занимая около 90 % в добыче слюды и еще больше в производстве готовой продукции, Иркутская область приобрела крупнейшее народно-хозяйственное значение как основной поставщик продукции слюдяной промышленности.

Лесная промышленность в общем промышленном производстве Иркутской области занимает одно из первых мест. Удельный вес ее в денежном выражении к началу Великой Отечественной войны определялся в 26 %.

<...> *Лесная промышленность* Иркутской области возникла с проведением Сибирской железной дороги, т. е. в конце XIX века. В 1913 году объем лесозаготовок достиг 600 тыс. м³.

Лесозаготовка проводилась преимущественно частными лесопромышленниками, которые беспощадно эксплуатировали лесорубов, главным образом бедняков-крестьян, получавших за свой труд нищенскую плату.

Первый лесопильный завод был построен в Иркутске в 1897 году. Затем в 1905 году — Ангарский завод тоже в Иркутске, в 1912 — Китойский (ст. Китой) и в 1915 г. — Зиминский на ст. Зима. Лес к этим заводам сплавлялся по Ангаре, Китою и Оке.

Зиминский лесозавод был построен и эксплуатировался Переселенческим управлением, все остальные заводы были построены частными лесопромышленниками. Лесозаводы работали обычно с неполной нагрузкой. В 1916 году всеми лесозаводами было выпущено 120 тыс. кубических метров пиломатериалов. В последующие годы империали-

стической войны, а затем и гражданской войны лесная промышленность приходит в упадок.

После восстановления советской власти лесная промышленность начинает вначале медленно, а затем быстро расти. Уже в 1927 году объем промышленных лесозаготовок значительно превышает довоенный уровень.

Техническое оснащение лесозаготовок начинается в конце первой пятилетки. В этот период начинают строиться механизированные дороги. Большой размах также принимает строительство рационализированных конно-ледяных дорог, которые дали возможность повысить производительность труда лошади в 3-4 раза. В 1932 году протяженность таких дорог составила 205 км.

Темпы механизации вывозки леса начали резко возрастать с 1935 года. Если в 1933 году механизированных дорог было всего 3, протяженностью 40 км, то в 1939 году их уже стало 23, протяженностью в 338 км.

Механизированные дороги, проложенные к сплавным участкам рек, главным образом, левых притоков Ангары, пересекаемые Восточно-Сибирской железной дорогой, дали возможность осуществить концентрацию лесозаготовок, а также перейти от сезонной (зимней) работы к круглогодовой. В результате этого к концу первого пятилетия объем промышленных лесозаготовок повысился по основным заготовителям и составил около 1 500 тыс. кубических метров, вместо 600 тыс. кубических метров в 1913 году. В 1937 году лесозаготовки выросли уже до 3 258 тыс. кубометров, причем 48 % древесины было вывезено механической тягой.

Кроме основных лесозаготовителей — «Востсиблеса» и «Иртранслеса», на территории Иркутской области работали еще самозаготовители (золотопромышленность, слюдяная промышленность, Госречфлот), которыми в 1937 году было заготовлено 2 319 тыс. кубометров древесины. Следовательно, общий объем лесозаготовок в 1937 году составил 5 577 тыс. кубических метров, т. е. вырос по сравнению с 1913 годом более чем в 8 раз.

За этот же период резко возросла производительность труда рабочих. Если в 1916 году лесоруб в среднем за день вырабатывал 5-6 кубометров, то в 1939 году за то же время — 9 кубометров, а лесорубы-стакановцы вырабатывали до 16 кубометров.

Коренные изменения за советское время произошли и в материально-бытовых условиях рабочих. На лесозаготовках построены хорошие дома, столовые, медпункты, клубы, библиотеки, радио и киноустановки.

В Иркутской области имеются неограниченные возможности эксплуатации лесных богатств, позволяющие развернуть лесозаготовки почти в любом районе, так как все районы богаты сплавными реками.

По богатству лесов область занимает одно из первых мест среди лесных районов СССР. Из общей площади в 74,3 млн га непосредственно лесом занято 55,8 млн га, что определяет лесистость области почти

в 70 %. Этот процент лесистости является наиболее высоким в Союзе. На одного жителя в Иркутской области приходится 43 га, покрытых лесом, против 3,7 га по СССР.

Наиболее удобными для лесоразработок являются лесные массивы, расположенные по долинам рек: Бирюсы, Уды (Чуны), Ии, Оки, Белой, Китоя, Иркуты, Ушаковки и других притоков верхнего течения реки Ангары, непосредственно прилегающих к Восточно-Сибирской железной дороге.

При наличии таких удобных водных путей, какими являются левые притоки реки Ангары, основное количество заготавливаемой древесины доставляется к линии железной дороги сплавом. Поэтому Иркутская область по степени использования сплавных путей, также как и по удельному весу сплавных операций (70 %) занимает одно из первых мест в Союзе.

На пересечении сплавных рек железнодорожной сибирской магистрали построены лесозаводы.

В 1939 году область имела десять лесозаводов с 27 лесорамами, из них шесть построены в советское время. Но кроме лесозаводов, находившихся в ведении лесопромышленных трестов, в области имелось еще 52 лесопильных рамы, установленных на различных предприятиях для удовлетворения собственных нужд в пиломатериалах. На лесозаводах, построенных в дореволюционное время, произведена замена устаревшего оборудования и полная их реконструкция.

Проведенная реконструкция лесозаводов и применение стахановских методов труда резко увеличили пропускную способность лесопильных рам. В 1939 году производительность лесорам за одну смену выросла до 86 кубометров вместо 45-48 кубометров в 1930 году. В результате выпуск пиломатериалов к концу второй пятилетки вырос в 3-4 раза, достигнув 900 тыс. кубометров.

Продукция лесозаводов идет не только на удовлетворение внутренних нужд в области, большая часть пиломатериалов вывозится во многие места Советского Союза.

Прочие виды деревообработки еще не получили должного развития. Выпуск тары, черновых деталей для сельскохозяйственных машин и вагоностроения, производство грубой мебели — все это производится в скромных размерах и ни в какой степени не соответствует имеющимся возможностям.

Построенный в 1938 году в Усолье фанерный завод мощностью 22 тыс. кубометров фанеры и при нем спичечный цех с годовой производительностью в 311 тыс. ящиков спичек лишь немного изменяют положение.

Значительно большее развитие, чем деревообработка, получила лесохимическая промышленность. Здесь особенно выделяется работа по добыче живицы (смолы сосновых деревьев), которая получила замет-

ное развитие с 1932 года, когда было добыто 410 тонн, а в 1935 году добыто 1 194 тонны. К концу второй пятилетки добыча живицы, но сравнению с 1932 годом выросла почти в семь раз.

Живица, добываемая в районе р. Уды (Чуны) предприятиями Наркомлеса, перерабатывается в том же районе на Камышетском канифольно-скипидарном заводе, который во второй пятилетке ежегодно выдавал до 2 000 тонн канифоли и 400 тонн терпентинного масла (скипидара).

Добычей живицы занимаются также артели лесохимической кооперации, которые для переработки отправляют ее на Красноярский завод промкооперации.

Лесохимическая кооперация за годы второй пятилетки выпускала продукции на 46 млн руб., а в 1939 году (за 1 год) — на 18,9 млн. руб. Артели лесохимической кооперации производили скипидар, спирт, пихтовое масло, древесный уксус, деготь и др.

Артели Качугского и Жигаловского районов ежегодно строили до 1 500 карбасов, в которых по реке Лене для северных районов доставлялось до 100 тыс. тонн грузов.

Металлообрабатывающая промышленность для Иркутской области являлась новой отраслью. До установления советской власти в Иркутской области не было металлообрабатывающих предприятий, за исключением двух мелких чугунно-литейных заведений полукустарного типа.

В настоящее время в Иркутской области имеется несколько крупных машиностроительных заводов, построенных по последнему слову техники. Из них завод имени В.В. Куйбышева был пущен в эксплуатацию еще в начале первой пятилетки. Его основной задачей вначале было обслуживание золотой промышленности, производство драг и различного приискового оборудования. Но по мере того, как завод рос, расширялась и его производственная деятельность. Он стал заводом тяжелого машиностроения и выпускает различные машины, том числе для черной и цветной металлургии, а также различные предметы широкого потребления.

Расположенный в городе Черемхово машиностроительный завод имени Карла Маркса также является крупным заводом, выпускающим машины преимущественно для горной промышленности.

Иркутский станкостроительный завод освоил выпуск станков новейшей конструкции и снабжает ими промышленные предприятия Союза, находящиеся далеко за пределами Иркутской области.

Иркутский механический завод Министерства сельского хозяйства и ряд других крупных машиностроительных заводов уже в 1939 году определяли Иркутскую область как область с преобладанием промышленного производства.

Таким образом, Иркутская область из отсталой и аграрной за годы советской власти превратилась в область с развитой промышленностью и теперь сама является поставщиком различного заводского оборудования, машин и станков для других краев и областей Советского Союза. Пока ир-

кутские заводы машиностроения работают на привозном металле, но уже в недалеком будущем, на базе илимских месторождений железных руд, в Иркутской области возникнут свои металлургические заводы.

Пищевая промышленность до Октябрьской социалистической революции состояла в основном из кустарных предприятий с устаревшим и изношенным оборудованием. Выпуск промышленной продукции был незначительным и не удовлетворял даже небольшой спрос, который предъявляло население. Поэтому большая часть товаров пищевой промышленности была привозной из других мест России. Исключение составляли соль, которая вывозилась в смежные с Иркутской губернией районы, и продукция спиртоводочных заводов, с избытком удовлетворявшая спрос.

За годы советской власти крупная пищевая промышленность в Иркутской области по существу создана заново.

В течение первой и второй пятилеток были построены и введены в эксплуатацию крупнейшие предприятия пищевой промышленности. К числу таких относятся: чаепрессовочная фабрика, два солеваренных завода, мыловаренный завод, хлебозавод, мелькомбинат, крупный механизованный мясокомбинат, комбикормовый завод и много других предприятий. Некоторые из этих предприятий, как например, мясокомбинат и чаепрессовочная фабрика, выпускают продукцию не только для местного населения, но и для других областей Союза.

О темпах роста пищевой промышленности в Иркутской области можно судить по валовой продукции 1932 и 1939 годов. Если валовой выпуск продукции пищевой промышленности составлял 17 млн рублей, то в 1939 году он достиг 120 млн рублей. Следовательно, только за семь лет выпуск продукции промышленности в 1932 г. увеличился в семь раз, а удельный вес ее в промышленности области составил больше 30 %.

Промышленность строительных материалов в дореволюционный период имела лишь небольшие кустарного и полукустарного типа предприятия.

Из общего количества предприятий: кирпичных заводов было 29, цементный 1, алебастровых 4 и по производству извести 7. На каждое предприятие в среднем приходилось около 20 рабочих. На всех 29 кирпичных заводах в 1914 году было выработано 6 млн штук кирпича. Производство извести составило 1,4 тыс. тонн и цемента — около 6 тыс. тонн.

Незначительный размер производства строительных материалов зависит от объема строительства, который был крайне мал. Известные данные по строительству в городах губернии (Иркутске, Нижнеудинске и Балаганске) говорят, что в 1914 году было начато строительство 21 жилого и торгового зданий, из которых одноэтажных — 11, двухэтажных — 9 и трехэтажных — только одно. Из культурно-бытовых учреждений в 1914 году было закончено лишь строительство здания аптеки при Кузнецовской больнице и здания Кимельтейской лечебницы.

В советский период развитие промышленности строительных материалов началось в годы первой пятилетки. В 1931 году в Иркутске вошли в строй 2 кирпичных завода, один шлакобетонный и Делюрский алебастровый завод. В 1935 году реконструировали Мальтинский шамотный завод. В 1937 году на базе 4-х небольших заводов возник Лисихинский кирпичный завод, который в этом же году выпустил 34 млн штук кирпича. Через два года была пущена первая очередь Ново-Ленинского кирпичного завода на 12 млн штук кирпича в год.

Вновь пущенные заводы строительных материалов коренным образом изменили эту отрасль промышленности в Иркутской области. Количество действующих предприятий в промышленности строительных материалов к 1939 году по сравнению с 1914 годом возросло в 5 раз, а количество занятых рабочих увеличилось в 4 раза. Производство кирпича за это же время выросло больше чем в 13 раз, производство извести — в 21 раз и алебастра — более чем в 10 раз.

Из предприятий местной и легкой промышленности выделяется кожевенно-обувная в Иркутске и Усолье, затем Хайтинский фарфоровый завод «Сибфарфор» на р. Белой и некоторые другие.

Кожевенное производство в Иркутской области является старинной отраслью промышленности. Выделанная кожа-юфть была в свое время главным предметом в торговле Иркутска с Китаем в XVIII веке. В XIX и начале XX века кожевенное производство также оставалось наиболее развитой отраслью промышленности в Иркутске. В 1912 году в Иркутской губернии насчитывалось 54 кустарных предприятия по обработке кож, на которых работа производилась старым ручным способом. Наиболее крупными предприятиями были: Иркутский кожевенный завод акционерного общества «Сибирмонгол», кожевенный завод Фукса и братьев Макеевых и в с. Усолье завод Пономарева.

Вся продукция кожевенно-меховой промышленности в 1913 году составляла 265 тыс. рублей в ценах 1926/27 года.

В 1939 году Иркутская область имела два крупных механизированных кожевенных завода и обувную фабрику в Иркутске, которые в 1939 году дали продукции на 7 565,9 тыс. рублей (в ценах 1926/27 года).

Продукция заводов, кроме Иркутской области, идет на обувные фабрики Красноярска и Новосибирска. Иркутская обувная фабрика является крупным предприятием производительностью около 1 млн пар разнообразной обуви в год.

Хайтинский фарфоровый завод построен на базе небольшого фарфорового производства, организованного в 1869 году местным крестьянином Переваловым на р. Хайтинке, при впадении ее в реку Белую. Сырье для завода — каолины и огнеупорные глины находятся вблизи завода, по реке Белой.

После национализации фарфоровый завод был полностью реконструирован. На заводе построены первые в Советском Союзе тун-

нельные обжигательные печи с механической загрузкой и выгрузкой обжигаемой посуды. Построена муфельная печь, оборудован механизированный массозаготовительный цех. Ручные формовочные станки переведены на электроэнергию.

Завод ежегодно увеличивает выпуск продукции. В 1932 году валовый выпуск продукции (в ценах 1926/27 года) составлял 1 556,7 тыс. руб. В 1939 году выпуск продукции достиг 4 371,0 тыс. руб. Завод выпускает чайную и столовую посуду и электротехфарфор.

Продукция завода «Сибфарфор» реализуется по всей Сибири от Владивостока до Урала, а также идет в Монгольскую народную республику.

Тальцинский стекольный завод является еще более старым предприятием, чем Хайтинский завод. Он возник в 1784 году на р. Тальцинке при впадении ее в Ангару, в 40 километрах выше Иркутка. Завод производил оконное и зеркальное стекло и стеклянную посуду. Производство велось исключительно вручную.

В советское время на заводе была произведена реконструкция, значительно улучшившая условия труда. В связи с этим выпуск продукции завода увеличился в несколько раз.

Однако в связи с тем, что местное сырье истощилось, а доставлять его с месторождения в Тулунском районе, за 400-500 км стало невыгодным, — завод был законсервирован. (Ныне строится стекольный завод в Тулуне, на базе имеющегося там сырья.)

К отраслям легкой промышленности, возникшим в Иркутской области после Октябрьской социалистической революции, относится швейно-трикотажная, имеющая швейную и трикотажную фабрики, которые в 1939 году выработали продукции на 13,8 млн руб. Была реконструирована пимокатная фабрика, продукция которой в 1939 году в денежном выражении оценивалась выше, чем продукция швейной и трикотажной фабрик, взятых вместе.

Кооперативная промышленность получила за период Советской власти быстрое развитие, особенно с 1932 года, после постановления правительства «О перестройке работы и организационных формах промысловой кооперации», когда был проведен ряд мероприятий, обеспечивших улучшение руководства артелями.

Продукция промысловой кооперации и кооперации инвалидов разнообразна и охватывает многие отрасли промышленного производства. Кооперативная промышленность занимается добычей и обработкой строительных материалов, добычей угля, производит мебель и культтовары, обувь и одежду, выпускает пищевкусовые товары и т. п.

Валовой выпуск продукции промкооперации в 1939 году составил 61,2 млн руб. против 14,7 млн руб. в 1932 т., а по кооперации инвалидов за те же годы — 5,9 млн руб. против 3,6 млн руб. в 1932 году.

* * *

За годы Великой Отечественной войны были построены и сданы в эксплуатацию несколько новых заводов тяжелой промышленности, новые шахты, целый ряд предприятий легкой, пищевой и кооперативной промышленности.

В Иркутскую область было эвакуировано несколько фабрик и заводов из районов, временно оккупированных немецко-фашистскими захватчиками. Все они в короткий срок были восстановлены и возобновили свое производство в городах и районах области.

За время Великой Отечественной войны выпуск валовой продукции Иркутской области поднялся более чем в полтора раза, достигнув по сравнению с 1913 годом не менее 20-кратного увеличения.

Послевоенная пятилетка открыла широкие перспективы индустриального расцвета области.

В пятилетке 1946–1950 гг. промышленное строительство по масштабам и темпам превзошло все то, чего достигла Иркутская область в годы, по крайней мере, двух предвоенных пятилеток. Дополнительно к существующим предприятиям было создано более 80 новых предприятий. Соответственно с этим удельный вес области в народном хозяйстве нашей страны значительно увеличился. Иркутская область из аграрной, какой она была до Великой Октябрьской революции, превратилась в индустриально-аграрную область.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.02

УДК 94(571+517)(092)

ББК 63.3г(253.5+5Мон) Сороковиков И.А.

И.Е. КОЗЫРСКАЯ,

Ю.В. КУЗЬМИН

**И.А. СОРОКОВИКОВ — АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК
МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА
И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИРКУТСКОГО
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
АВТОР РАБОТ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА***

В статье представлена политическая и творческая биография И.А. Сороковикова, участника монгольской революции 1921 г., одного из организаторов создания монгольской разведки в 1922–1924 гг., автора двух изданий «Аратская революция», преподавателя математики монгольским студентам

* Грант Российского фонда фундаментальных исследований 18-514-94002 МОН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия Монголия — Китай: проблемы, противоречия, сценарии»; Грант РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

в Иркутске. Впервые в российской историографии представлена полная политическая биография И.А. Сороковикова, история создания книги «Аратская революция». В научный оборот введены новые данные биографии И.А. Сороковикова, его вклад в революционные преобразования Монголии и подготовку монгольских учащихся.

Ключевые слова: И.А. Сороковиков, монгольская революция 1921 г., биография, история Монголии, Коминтерн, создание разведки, преподаватель математики, книга «Аратская революция».

*I.E. KOZYRSKAYA,
YU.V. KUZMIN*

I. A. SOROKOVIKOV — AN ACTIVE PARTICIPANT IN THE MONGOLIAN REVOLUTION OF 1921 AND A TEACHER AT THE IRKUTSK FINANCIAL AND ECONOMIC INSTITUTE, AUTHOR OF WORKS ON THE HISTORY OF MONGOLIA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The article presents the political and creative biography of I. A. Sorokovikov, a participant in the Mongolian revolution of 1921, one of the organizers of the creation of the Mongolian intelligence in 1922–1924, the author of two publications «Aratskaya Revolyutsiya», a teacher of mathematics to Mongolian students in Irkutsk. For the first time in Russian historiography, a complete political biography of I. A. Sorokovikov, the history of the creation of the book «Aratskaya revolution», is presented. New data from the biography of I. A. Sorokovikov, his contribution to the revolutionary transformations of Mongolia and the training of Mongolian students were introduced into scientific circulation.

Keywords: I. A. Sorokovikov, the Mongolian revolution of 1921, biography, history of Mongolia, Comintern, creation of intelligence, mathematics teacher, book «Aratskaya revolution».

Приближается 100–летие монгольской революции 1921 года, которая тесным образом связана с Россией, и особенно с Иркутском, где находились в 1920–1921 гг. международные коммунистические организации (Коминтерн) и работали монгольские революционеры.

Среди активных участников монгольского национального движения и революции было значительное число иркутян и жителей Иркутской губернии. Некоторые из деятелей Коминтерна изучены историками довольно тщательно (Б. Шумяцкий, Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, М. Амагаев, Т. Рыскулов и др.), другие забыты или полузабыты [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Из числа последних, можно назвать и Иннокентия Асенкритовича Сороковикова (1888–1960 гг.), активного участника монгольской рево-

люции 1921–1924 гг., одного из создателей разведывательных органов Монголии (1922–1924 гг.), а затем, преподавателя средних школ, заведующего монгольским отделением в сельскохозяйственном техникуме, преподавателя математики с 1948 г. на подготовительных курсах для монгольских граждан Иркутского финансово-экономического института.

И.А. Сороковиков родился в селе Тунка в Бурятии, рано потерял родителей; опекун устроил его на учебу в 3-х годичную школу в селе Кутулик (около Черемхово), затем три года он работает учителем в начальной школе в селе Анга Верхоленского уезда Иркутской губернии. В 24 года поступает учиться в Иркутский учительский институт, который окончил в 1915 г. с отличными оценками и был назначен преподавателем училища в поселок Мысовск на Байкале [7, с. 1]. В ноябре 1915 г. призывается в армию и направляется в Иркутское военное училище, а затем в 1915–1917 гг. служит в армии в Иркутске и Брянске в качестве младшего офицера роты. Таким образом, мы видим, что Иннокентий Асенкритович Сороковиков имел высшее педагогическое и специальное военное образование.

Во время гражданской войны в Сибири И.А. Сороковиков с 1919 г. жил и работал бухгалтером (счетоводом) в кооперативе в Урге (современный Улан-Батор), принимал активное участие в работе революционного комитета колонии русских жителей. В апреле 1920 г. по просьбе монгольских революционеров и поручению ревкома был направлен в Иркутск для установления связи с коммунистическими организациями Сибири [8]. В Иркутске в 1920 г. становится начальником информационного отделения разведотдела 5-й Армии, работником Коминтерна. В 1920–1921 гг. работал в Иркутске, Кяхте и пограничных регионах [9; 6].

В фундаментальном двухтомном сборнике документов «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946 гг.)». Часть 1. (2019 г.) опубликовано два официальных документа за 1921 год за подписью «ВРИД начальника 3-го отделения Сороковикова» (разведки) от 1 августа 1921 г.: «Из разведсводки штаба и ВСВО — о положении в Монголии после освобождения Урги и планах Унгерна» (с. 192–195); «Периодическая сводка № 5 разведотдела 5-й армии и ВСВО о положении в Монголии, боевых действиях частей Экспедиционного корпуса совместно с отрядами Хатан-Батора» от 15 августа 1921 г. Два исторических документа показывают основательную оценку театра военных боевых действий против Унгерна и полную картину политической ситуации в регионе [10]. Из монографии И.А. Сороковикова «Аратская революция» известно, что Сороковиков присутствовал при допросе барона Унгерна в Иркутске, участвовал во встречах с монгольскими революционерами — делегатами в Россию.

В 1922–1924 гг. И.А. Сороковиков — начальник разведотдела Монгольской народно-революционной армии. За успешную работу по формированию монгольской национальной армии, успешно проведенные операции И.А. Сороковиков был награжден двумя монгольскими орденами Боевого Красного Знамени [11].

И.А. Сороковиков работал под руководством лидера монгольской революции Д. Сухэ-Батора, который являлся военным министром Народного правительства и занимался формированием монгольской народной армии, и ее разведывательных структур, выполнял сложные операции разведывательного и контрразведывательного характера в самый тяжелый период становления народного государства и партийного и молодежного строительства.

Существовали проблемы отсутствия подготовленных специалистов разведки, низкого авторитета этой структуры среди монгольского общества и политической элиты. Советские представители так оценивали состояние ГВО (доклад начальника пограничного отделения П.А. Кокина от 7 сентября 1923 г.): «ГВО в настоящее время является почти единственным органом Монголии, на который обращается минимум внимания и максимум презрения. Такое игнорирование охраны стало особенно бросаться в глаза с первых дней вступления на пост предсовмина Цэрэндоржа, ярого китаефила. В глазах монгольских народных масс охрана — не авторитетная... Сама охрана поднять свой авторитет не может, не умея работать и порой ведя дело таким образом, что этим самым восстанавливает против себя» [12, с. 38-39].

В документах отмечается, что Урга является удобным заграничным шпионским пунктом, привлекательным для деятельности японских, китайских и западных спецслужб. Подготовка квалифицированных кадров специальных служб являлось важной задачей.

Разумеется, это излишне категоричная оценка деятельности ГВО, которая в 1923 г. успешно осуществила секретную операцию по ликвидации Джа-ламы, проводила операции во Внутренней Монголии и выявлению оппозиционеров в государственных структурах. Ликвидации оппозиции Бодо и Данзана носило сложный и противоречивый характер [13; 14; 15; 16].

1922–1924 гг. — это были сложные годы становления молодого национального монгольского государства, народной армии, и ее отдельных подразделений, в том числе разведки. Она носила название ГВО — государственная внутренняя охрана. Исторической информации о ее деятельности в российской историографии очень мало. Занималась ГВО и вопросами внешней разведки. Актуальными оставались проблемы связи с монгольскими революционерами Внутренней Монголии, Маньчжурии и Китая. Важными являлись проблемы внутренне-политического развития Китая, его политическая и внешняя ориентация [17].

По данным иркутского историка-монголоведа К.Л. Малакшанова, по заданию правительства Монголии И.А. Сороковиков написал брошюры «Современный Китай», «Современная Барга», «Китайская Армия», которые были опубликованы на монгольском языке [11, с. 22]. Видимо, они были подготовлены для молодых работников разведки, партийных и молодежных организаций. Судя по названиям работ, вопросы развития соседних стран и территорий являлись важным направлением деятельности этой силовой структуры и И.А. Сороковиков сыграл важную роль в становлении разведки Монголии.

И.А. Сороковиков работал вместе с известными военными деятелями России и Монголии: Э. Ринчино, В. Юдиным, Х.Б. Кануковым, Б. Шумяцким. В перспективе было бы интересно проследить конкретные их взаимоотношения.

После возвращения из Монголии в 1924 г. Иннокентий Асенкритович Сороковиков работал в иркутских школах (преподавателем и директором школы) и сельскохозяйственном техникуме и Финансово-экономическом институте (нархозе) с 1933 г. с монгольскими студентами. Знание монгольского языка, монгольских реалий помогли в работе и учебе с монгольскими студентами. В 1924–1925 гг. И.А. Сороковиков опубликовал около 20 популярных обзоров о Китае и Монголии в иркутских газетах «Власть труда», «Красноармеец», журнале «Красная Армия на Востоке» [11, с. 5].

Вся жизнь и служебная и педагогическая деятельность Иннокентия Асенкритовича была связана с Монголией и монгольскими студентами. Как ветеран монгольской революции он неоднократно приезжал в Монголию и был принят там на самом высоком уровне — лидером Монголии Х. Чойбалсаном. По просьбе монгольского лидера он подготовил мемуары о совместной работе под руководством Д. Сухэ-Батора.

В дальнейшем И.А. Сороковиков работает в Иркутске преподавателем математики в средних школах, затем в сельскохозяйственном техникуме в качестве заведующего монгольским отделением. С 1933 г. он работает преподавателем математики на подготовительных курсах для монгольских студентов Иркутского финансово-экономического института. В архивных документах университета в 1950-е гг. И.А. Сороковиков отмечен как преподаватель математики. Таким образом, он продолжил активно помогать Монголии на nive образования и воспитания молодых монгольских учащихся [18].

В 1943 г. состоялась встреча Х. Чойбалсана и И.А. Сороковикова на железнодорожном вокзале Иркутска, во время которой монгольский лидер, возвращаясь с Западного фронта после вручения монгольских подарков воинам Красной Армии, посоветовал И.А. Сороковикову написать воспоминания об участии в монгольской революции.

Сохранилось письмо И.А. Сороковикова Х. Чойбалсану от 10 января 1943 г. в архиве Института истории АН Монголии. «Дорогой тов.

Чойбалсан. После встречи с Вами на Иркутском вокзале я был полон радости и гордости, своим вниманием ко мне Вы показали присутствующим, что я являюсь участником тех великих дел... Как по душе пришлось Ваше предложение написать воспоминания о революционных 1920–1922 гг., где мы с Вами отдали молодые годы нашей жизни...» [7]. Был представлен план из 16 глав будущей работы и отмечено, что автору И.А. Сороковикову и писателю Г.Ф. Кунгурову понадобится помощь историческими материалами.

Позже И.А. Сороковиков выезжал в Монголию по приглашению Х. Чойбалсана, который и предложил ему написать мемуары и подготовить книгу о монгольской революции. В 1947 и 1957 гг. была издана монография «Аратская революция» совместно с известным иркутским писателем и профессором ИГУ Г.Ф. Кунгуровым.

Эта монография пользуется исключительным интересом в мировом монголоведении, часто цитируется, так как была подготовлена непосредственным участником исторических событий в Монголии в ее переломное время. Представляется, что политическая и творческая биография преподавателя Байкальского университета И.А. Сороковикова: военного разведчика, преподавателя и исследователя заслуживает специального исследования.

Иннокентий Асенкритович Сороковиков опубликовал несколько статей в научных журналах Иркутска, изданиях Иркутского финансово-экономического института и научных журналах Монголии и Бурятии: «Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии» (1957 г.), «Монгол оронд 1920–1921 онд нийт ундэсний фронт байгуулах явдалд Ардын Нам удирдах рольтой байсан» (О руководящей роли Народной партии в формировании общенационального фронта в Монголии 1920–1921 гг.) (1957 г.), «Главком Сухэ-Батор» (1958 г.), «Монгол-зовлолтийн найрамдлын торгон эх» (Истоки монголо-советской дружбы) (1961 г.), «На заре советско-монгольской дружбы (по личным воспоминаниям и материалам)» (1965 г.) [18; 19].

Научным результатом длительной работы над темой стали две монографии И.А. Сороковикова «Аратская революция», опубликованные в 1947 и 1957 гг. Первый вариант книги был подготовлен И.А. Сороковиковым совместно с историком Е.М. Даревской, но окончательный вариант вышел в соавторстве с Г.Ф. Кунгуровым, который также длительное время был связан с монгольской тематикой, подготовил и издал несколько книг на монгольские сюжеты, служил в Монголии. Материалы историка Е.М. Даревской, ее участие в подготовке рукописи «Сухэ-Батор» и использование некоторых материалов в книге «Аратская революция» стали позднее предметом судебного разбирательства о плагиате Г.Ф. Кунгурова и И.А. Сороковикова.

Книга «Аратская революция» вошла в золотой фонд советского монголоведения; и до сих пор используется как монгольскими, так и российскими монголоведами, так как обладает элементами оригинальных мемуаров непосредственного участника событий 1920–1924 гг. в Монголии И.А. Сороковикова и писателя Г.Ф. Кунгурова, служившего в более поздний период в Монголии, и хорошо понимающего монгольские реалии, уклад кочевой жизни монголов [20].

К сожалению, элементов политических мемуаров И.А. Сороковикова — непосредственного участника монгольской революции 1921 года в данной книге совсем немного: это сведения о деятельности революционных кружков в Урге летом 1920 г., допрос барона Унгерна в Иркутске в 1921 г. В книге обильно цитируются книги Х. Чойбалсана «Краткая история Монгольской народной революции», «Сборник материалов о Сухэ-Баторе», Ш. Нацагдоржа «Биография Сухэ-Батора» (1943 г.), Б. Цибикова «Разгром унгерновщины» (1947 г.), газеты «Унэн» и «Восточно-Сибирская правда».

Книга в большей степени представляет традиционное историческое исследование, а не мемуары участника событий. Видимо, роль писателя Г.Ф. Кунгурова играла более значимую роль, и она доминировала в написании книги.

Очень жаль, что Иннокентий Асенкритович не оставил подробных личных мемуаров о подготовке монгольской революции в 1920–1921 гг., деятельности разведорганов 5-й Армии, где он служил и сохранились его отчеты об информационной деятельности, о встречах и совместной работе с лидерами монгольской революции Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном. Опубликованные мемуары носят сугубо официальный характер и не несут личных оценок и эмоциональных характеристик исторических событий и персоналий. Время подготовки мемуаров — 1940–1950-е гг., к сожалению, не располагали к подробным и открытым текстам мемуаров.

Служебная и творческая биография Иннокентия Асенкритовича Сороковикова не подвергалась изучению в российской историографии. Книга «Аратская революция» И.А. Сороковикова и Г.Ф. Кунгурова использовалась, как ценный исторический источник и как историческое исследование монгольскими и российскими историками. Но «Аратская революция», не подвергалась специальному источниковедческому и историографическому исследованию [20]. По нашему мнению, два издания книги представляют отличные друг от друга издания, которые заслуживают специального анализа, по причине отличий.

В рукописном фонде Института истории Академии наук Монголии хранятся рукописи некоторых неопубликованных работ И.А. Сороковикова, которые нам удалось изучить в 1989 г. во время научной стажировки в Монгольском государственном университете. В частности, сохранилась рукопись книги И.А. Сороковикова «Сухэ-Батор» (1943 г.)

с серьезными замечаниями известных монгольских историков, требующих серьезной доработки текста [7].

Биография Иннокентия Асенкритовича Сороковикова имеет еще много «белых пятен», нуждается в дальнейшем исследовании, особенно монгольский период его деятельности.

Список использованной литературы и источников

1. Жабаева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. — 335 с.
2. Лиштованный Е. И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы) : учебное пособие / Е. И. Лиштованный. — Иркутск : Иркут. ун-т, 1992. — 78 с.
3. Рощин С. К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан / С. К. Рощин. — Москва : ИВ РАН, 2005. — 160 с.
4. Хишигт Н. Монголын хувьсгал:1921 Н. Хишигт. — Улан-Батор, 2011. — 298 с.
5. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX-XX веков (История социально-экономического развития) / Б. Ширендыб. — Улан-Батор : Комитет по делам печати, 1963. — 518 с.
6. Юдин В. И. У истоков монгольской народной революции (из воспоминаний и документов) / В. И. Юдин // Монгольский сборник. — Москва : Изд-во восточная лит., 1959. — С. 105-125.
7. Архив Института истории Академии наук Монголии. Рукописный фонд. Выписки 1989 года. — Улан-Батор.
8. Бат-Очир Л. Сухэ-Батор. Биография / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. — Москва : Наука, 1971. — 136 с.
9. Советско-монгольские отношения.1921–1974. Документы и материалы. Том 1. 1921–1940. — Москва–Улан-Батор, 1975. — 560 с.
10. Российско-монгольское военное сотрудничество. Сборник документов. В 2-х частях. Ч. 1. — Москва : Издат. дом «Граница», 2019. — 360 с.
11. Малакшанов К.Л. Иркутский старт монгольских экономистов / К.Л. Малакшанов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 168 с.
12. Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): (Сборник документов) / Научный ред. В. В. Наумкин, отв. ред. В. В. Грайворонский. — Москва : ИВ РАН, 2019. — 528 с.
13. Бембеев В. Ш. Комиссар. Историко-биографический очерк Харти Бадиевиче Канукове / В. Ш. Бембеев, Л. С. Бурчинова. — Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 1983. — 104 с.
14. Боевое содружество. Дайчин нохорлол. О советско-монгольском боевом содружестве. — Москва : Военное изд-во, 1983. — 334 с.
15. Из истории спецслужб Бурятии : мат-лы научн.-практ. конф., посвящ. 80-летию ВЧК-ФСБ. — Улан-Удэ, 1997. — 101 с.

16. ануков Х. Б. Избранные статьи, речи и выступления (1918–1927 гг.) / Х. Б. Кануков. — Элиста : Калмыцкое книжное изд-во, 1973. — 187 с.
17. Насанбат Ш. Монголчуудын туухэнд тодорсон 33 тагнуулч, тагнуулч зүтгэлэн» («33 разведчика и деятеля разведки, связанные с историей Монголии» / Ш. Насанбат. — Улан-Батор, 2019. — 170 с.
18. Сороковиков И. А. Главком Сухэ-Батор / И. А. Сороковиков // Современная Монголия. — 1958. — № 3. — С. 24-29.
19. Сороковиков И. А. Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии / И. А. Сороковиков // Ученые записки Иркут. фин.-экон. инт-та. — 1957. — Вып. 6. — С. 92-119.
20. Кунгуров Г. Ф. Аратская революция. Исторический очерк / Г. Ф. Кунгуров, И. А. Сороковиков. — Иркутск : Иркутское книжное изд-во, 1957. — 208 с.

Информация об авторах

Козырская Ирина Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

Кузьмин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

Authors

Irina Ye. Kozyrskaya — PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy and Economic security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: kozyrskaya@mail.ru.

Yuriy V. Kuzmin — D.Sc. in History, Professor, Department of World Economy and Economic security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.03

А. Ф. ШУПЛЕЦОВ

УДК 378.4(571.53)

ББК 74.48(253.5)

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЯ В ИНСТИТУТЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА БГУ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируется процесс становления специальности «Экономика предприятий и предпринимательская деятельность» в Байкальском государственном университете. Рассматривается история формирования данного направления подготовки, ее кадровый и научный потенциал, востребованность на региональном рынке труда.

Ключевые слова: экономика предприятий, кадры, образовательные программы, научный потенциал.

ENTERPRISE ECONOMICS AT THE INSTITUTE OF NATIONAL ECONOMY OF BSU: HISTORY, EXPERIENCE, PROSPECTS

The article analyzes the process of formation of the specialty "Enterprise Economics and Entrepreneurship" at the Baikal State University. The article deals with the history of the formation of this training area, its human and scientific potential, and the demand on the regional labor market.

Keywords: enterprise economics, personnel, educational programs, scientific potential.

Своеобразие национально-общественного развития усиливает интерес к исследованию национальных экономик, к поиску новых форм защиты государственных интересов.

Передача многих ранее централизованных функций на уровень субъектов Федерации и муниципальных образований обуславливает спрос на экономистов, владеющих пространственным мышлением, знающих закономерности развития и размещения хозяйства, подготовленных к работе в качестве специалистов в компаниях и бизнес структурах, администрациях и органах представительной власти, фондах, финансовых, инвестиционных и банковских структурах [1]. Именно на подготовку таких кадров ориентируется специальность «Экономика предприятия и предпринимательская деятельность» института народного хозяйства БГУ. Успех в этой работе обеспечивает углубленное изучение специальных курсов, позволяющих выпускникам четко представлять уровень правовой ответственности за принятое хозяйственно-экономическое решение, а также приобретать целостное представление о национальном хозяйстве и учиться оперативно оценивать социально-экономическую ситуацию.

Формирование современного мирового хозяйства ставит новые теоретические и практические вопросы: является ли функционирование конкретного экономического механизма в глобальном контексте таким же, как и в рамках отдельной экономики; в чем состоят «правила игры» на рынках, какова взаимосвязь между структурой рынков и структурой национальной экономики, возможно ли существование единого рыночного пространства. Необходимость усиления роли государства в формировании макроэкономической стратегии потребовало получения знаний в области стратегического планирования, выявления альтернативных вариантов развития национальной экономики, формирования макроэкономических стратегий.

История выпускающей кафедры ЭПиПД началась в конце 40-х гг. прошлого века, когда в Иркутском институте народного хозяйства открылся Планово-экономический факультет. С момента возникновения он

стал одним из крупнейших в институте. Первый набор состоял в основном из фронтовиков. Шли годы, факультет рос и развивался. Поступить на специальность «плановика» среди молодежи считалось престижным делом.

Первый набор на кафедре Отраслевых экономик в составе ПЭФ, которую возглавлял В.Н. Шерстобоев был очень большой — 600 человек, в том числе 20 студентов из Кореи и 9 из Монголии [2]. Однако через год практика показала, что одна кафедра не способна дать глубокие профессиональные знания по таким разным отраслям экономики, какими являются сельское хозяйство, торговля и промышленность. В 1949 г. образовались две новые кафедры: экономики сельского хозяйства, под руководством доктора экономических наук, профессора В.Н. Шерстобоева, и экономики советской торговли, заведовал которой доцент Ф.Ф. Терещенко. Позднее появилась третья кафедра — экономики социалистической промышленности.

Однако просуществовали первые две кафедры недолго — в Иркутском сельскохозяйственном институте открылись аналогичные факультеты. Несмотря на это научная работа не прекращалась, и к началу 1960-х гг. кафедра экономики промышленности стала ведущей кафедрой планово-экономического факультета, выполнявшей основную задачу по подготовке экономистов-плановиков. Существенный вклад в становление кафедр и подготовку специалистов внесли деканы Планово-экономического факультета И.С. Шаферман, М.В. Научитель, А.Н. Струков, С.К. Шутило. Планово-экономический факультет занимал ведущее место в институте не только по подготовке специалистов для народного хозяйства [3]. В свое время заместителем декана факультета был ректор БГУЭП, д.э.н., профессор М.А. Винокуров.

Научные сотрудники кафедр принимали активное участие в распространении экономических знаний, повышении квалификации и экономической грамотности специалистов. Последним деканом факультета ПЭФ до 1992 г. была доцент В.П. Комаревская. За время ее работы (а это более 15 лет) на факультете была заложена хорошая основа для перехода к работе в новых условиях. Научно-преподавательский состав факультета быстро и безболезненно перестроился и нашел свое место в подготовке кадров для рыночной экономики.

В 1992 году факультет был реорганизован и разделен на три, базовым и ведущим из которых остался факультет Экономики предприятия и предпринимательской деятельности (ЭПиПД). Лучшие традиции Планово-экономического факультета продолжил коллектив факультета ЭПиПД, являющегося официальным преемником ПЭФа, под началом д.э.н., профессора В.Т. Солодкова. С июля 1989 г. В.Т. Солодков стал заведующим кафедрой сначала «Экономики промышленности», а затем, с июня 1991 г. кафедры «Экономики предприятий и предпринимательской деятельности».

С июля 2001 г. кафедру ЭПиПД, чуть позже факультет возглавил д.э.н., профессор А.Ф. Шуплецов. В 2004 г. на факультете завершилась реализация проекта стоимостью 1,3 млн долларов по доведению уровня образования по специальности ЭПиПД до лучших мировых стандартов. Преподавателями кафедры ЭПиПД подготовлены и прошли международную экспертизу учебники и учебные пособия по всем преподаваемым предметам.

В 2004 г. открыта специальность Национальная экономика, а в 2008 г. — Корпоративное управление, особенностью последней стала подготовка специалистов нового профиля, обладающих знаниями экономики, менеджмента, управленческими и деловыми навыками, владеющими деловым иностранным языком. На базе последней функционирует направление бакалавриата менеджмент (профиль Управление малым бизнесом).

В 2005 г. на базе кафедры ЭПиПД был создан Байкальский центр экономического образования и предпринимательства, задачей которого стало содействие развитию экономического образования и предпринимательства в Байкальском регионе [4].

Сегодня кафедра ЭПиПД одна из самых престижных выпускающих кафедр Байкальского государственного университета. С уверенностью можно сказать, что кафедра «Экономики предприятия и предпринимательской деятельности» — это организационная структура ИНХ БГУ, где реализуются на практике и воплощаются в реальности энергичность (два диплома за четыре четыре года, опыт работы в компании); предприимчивость (умение организовывать, планировать и оценивать бизнес); перспективность (востребованность в любой отрасли экономики); дипломированность (качество обучения мирового стандарта). Выпускников специальности отличает широкий спектр знаний по общеэкономическим и специальным дисциплинам, в сочетании с навыками аналитической работы с экономической информацией, использования ее с целью прогнозирования развития бизнеса.

Сегодня кафедра «Экономики предприятия и предпринимательской деятельности» включает все ступени высшей школы. Базовый профиль бакалавриата — «Экономика предприятия и предпринимательская деятельность» отличается универсальностью даваемых студентам знаний, умений и навыков и интегрированным подходом к освоению ими широкого круга компетенций в различных областях экономики и предпринимательства.

Содержание программы бакалавриата «Управление малым бизнесом» по направлению «Менеджмент» ориентировано на подготовку выпускников к созданию и развитию собственного бизнеса с учетом специфики региональных особенностей. Предприниматель, нацеленный на эффективное ведение своего бизнеса, должен являться системно ориентированным специалистом — быть экономистом, менеджером, марке-

тологом, юристом и психологом в одном лице. И такие знания, умения и навыки закладываются в период его обучения.

Магистерская программа «Экономика фирмы, предпринимательство» была организована и адаптирована применительно к условиям и содержанию происходящих тенденций глобализации и цифровизации экономики страны. Это позволило достичь уникального сочетания классического экономического образования с инновациями в области применения цифровых технологий в экономике и предпринимательстве. Выпускники осваивают компетенции на стыке трех областей знаний «Экономика» — «Менеджмент» — «IT-технологии».

С учетом потребностей современного образования разработаны и совершенствуются учебные планы. Предметы подбираются с учетом подготовки такого специалиста, который, придя на рабочее место, был бы готов заниматься выбранным видом деятельности. Большое внимание мы уделяем психологии в бизнесе, менеджменту, микро и макроэкономике, математическим методам, статистике, теории вероятности. При этом базисом образования остается экономика фирмы и ее составные элементы [5].

Перед ним, кто пришел к нам учиться, всегда будут открыты горизонты для познания, труда, общения, принятия эффективных решений. Только в Иркутской области более 40 тыс. компаний, фирм и предприятий численностью персонала 30 и более человек. На каждом из них может быть востребован специалист или бакалавр экономики, реально обладающий системными знаниями о современном механизме функционирования бизнеса.

Высокая квалификация выпускников обеспечивается привлечением к работе со студентами, магистрантами, аспирантами ведущих специалистов-практиков: руководителей подразделений крупных организаций, департаментов и управлений в составе органов власти, предпринимателей. Это доктора наук, профессора Кононов Ю.Д., Санеев Б.Г., Винокуров Г.М.; кандидаты экономических наук: Краинский Д.Б., Янков Ю., Брянская Н. А, Баутин С.М., Третьякова Н.П., Маковецкий А.Ф., Локтионов В.И., Бабаскин М.А., Брагин С.А., Винокуров С.И. и другие.

На кафедре реализуется комплекс мероприятий, ориентирующий обучающихся на разработку практико-ориентированных предпринимательских проектов, которые могут быть представлены на конкурсах профессионального мастерства Worldskills Russia, на мероприятиях ранней профессиональной ориентации молодежи «Билет в будущее», на пуле олимпиад «Золотой фонд Сибири», на областном проекте «Личность предпринимателя. Истории успеха». Ряд проектов кафедры реализует в рамках Концепции развития непрерывного агро-бизнес-образования в сельских территориях совместно с Министерством образования и Министерством сельского хозяйства Иркутской области.

С 2017 г. кафедра осуществляет функции специализированного центра компетенций Worldskills Russia по компетенции «Предпринимательство» и обладает необходимым для тренировочного процесса материально-техническим и кадровым обеспечением. У студентов появляется дополнительная возможность использовать современное оборудование и информационно-программные средства, получать консультационную помощь ведущих преподавателей экономических дисциплин. Все мероприятия, реализуемые в рамках направления «Молодые профессионалы (Worldskills Russia)», проходят при активном участии действующих предпринимателей и ведущих специалистов профессиональных организаций региона. Помимо традиционных форм обучения в программах активно используются ситуационный анализ (case-study), что предполагает детальную проработку конкретных бизнес-ситуаций. Работа над проектами выводит за пределы аудиторий в мир реального бизнеса. Это позволяет приобрести уникальные знания и навыки одновременно из трех основных источников: за счет совместной работы над проектами и общения с другими слушателями программы, за счет самостоятельной подготовки и проработки учебных материалов, за счет работы преподавателей со слушателями. Результатом работы кафедры в этом направлении является запуск студентами 4-5 реальных предпринимательских проекта в год.

Результаты проектной и исследовательской деятельности по ключевым направлениям развития экономики и предпринимательства студенты и магистранты представляют на научно-практических конференциях и конкурсах проектных работ различного уровня. Оценка работ проводится ведущими учеными и практиками-исследователями. Высокий уровень знаний студентов профиля «Экономика предприятия и предпринимательская деятельность» подтверждается традиционными призовыми местами в межвузовской олимпиаде по экономике.

Не менее важным аспектом образовательной деятельности кафедры является научно-исследовательская работа, проводимая сотрудниками совместно со студентами, магистрантами и аспирантами. В разное время на кафедре выполнялось до 14 тем научно-исследовательских работ. В настоящее время научно-исследовательские направления объединены в пять тем НИР: «Закономерности и тенденции развития системы ведения хозяйства на инициативной, рискованной основе с целью получения предпринимательского дохода: методология, теория формирования и управление предпринимательством» (д.э.н., профессор Шуплецов А.Ф.); «Методология экономического прогноза и стратегического планирования прорывного технологического развития региональных хозяйственных систем с учетом обеспечения инновационного и устойчивого развития, экономической и продовольственной безопасности» (д.э.н., профессор Самаруха А.В.); «Теория, методология и практика функционирования экономических систем, оценка потенциала и

повышение инвестиционной привлекательности хозяйствующих организаций в конкурентной среде отраслей народного хозяйства» (д.э.н., профессор Светник Т.В.); «Актуальные направления научных исследований в сфере предпринимательской деятельности» (д.э.н., профессор Шуплецов А.Ф.); «Информационная экономика» (к.э.н., доцент Тагаров Б.Ж.).

Развитие рыночных отношений в России требует многоцелевого, глубокой и интенсивной подготовки экономистов и менеджеров нового стиля мышления, способных эффективно управлять деятельностью компаний. Кафедра обеспечивает слушателям получение необходимого объема современных знаний и практических навыков в управленческой и предпринимательской деятельности. Содержание и ее наполнение максимально приближено к повседневной практике управленческой и предпринимательской деятельности. Она направлена на рациональное сочетание изучения лучшего мирового опыта в соответствующих областях менеджмента с реалиями экономической жизни России. Преподаватели кафедры ЭПиПД внесли существенный вклад в формирование кадрового потенциала Иркутской области, Сибири, Дальнего Востока и России в целом, выпустив за свою историю более 10 тыс. высококлассных экономистов.

Российская экономика нуждается в эффективных управленцах. Это залог конкурентоспособности нашей страны. Наличие такого нашего диплома выделяет специалиста из общей массы и обеспечивает более благоприятные возможности для карьерного роста. Преимущества этого вида образования заключаются, в частности, в расширении кругозора, лучшим овладении иностранным языком, установлением деловых связей. Собственно, специальность и ценят за универсальный характер. А способный, подающий надежды специалист переходит в почетный разряд «профи» и выходит на новый уровень ответственности. Наличие такого диплома делает специалиста более конкурентоспособным на рынке труда, расширяет возможности выбора. Это дополнительная степень вашей свободы.

Список использованной литературы и источников

1. Бизнес и промышленная политика: особенности реализации на региональном уровне / под ред. А. Ф. Шуплецова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 340 с.
2. Малакшанов К. Л. Иркутский старт монгольских экономистов / К. Л. Малакшанов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 168 с.
3. Иркутская государственная экономическая академия (1930–2000): Хроника / Сост. Быкова Н. Н., Яковлева Т. А., Рощупкина Е. В. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 224 с.
4. С Нархозом связанные судьбы (Очерки, рассказы, эссе). — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — 590 с.
5. Харитонов А. И. Ректор. Выбор. Судьба / А. И. Харитонов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 258 с.

6. Шободоева А. В. Студенчество ИГЭА: несколько страниц из истории общественных организаций / А. В. Шободоева. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 176 с.

Информация об авторе

Шуплетов Александр Федорович — д.э.н., Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: shupletsovaf@bgu.ru.

Author

Alexander F. Shupletsov — Doctor of Economics, Baikal State University, 11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: shupletsovaf@bgu.ru.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.04

Е.Н. ВОЛОСОВ

УДК 94 (470); 656.71

ББК 63.3(2)6-2; 65.04

ИРКУТСК: «ГОРОД ПАДАЮЩИХ САМОЛЕТОВ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Статья посвящена авиационным катастрофам, произошедшим в Иркутске и близлежащих территориях в 1994–2013 гг. Автор, используя официальные заключения государственных и ведомственных комиссий, а также мнения экспертов, обращает особое внимание на определяющее значение человеческого фактора, необходимость четко следовать инструкциям по обслуживанию и летной эксплуатации воздушных судов, управлению воздушным движением.

Ключевые слова: авиакатастрофа, аэропорт, воздушное судно, экипаж, командир воздушного судна, взлетно-посадочная полоса.

E.N. VOLOSOV

IRKUTSK: “THE CITY OF FALLING PLANES”: MYTHS AND REALITY

The article is devoted to the aviation disasters that occurred in Irkutsk and nearby territories in 1994–2013. The author, using the official conclusions of state and departmental commissions, as well as the opinions of experts, pays special attention to the determining importance of the human factor, the need to clearly follow the instructions for the maintenance and flight operation of aircraft, air traffic control.

Keywords: the plane crash, the airport, the aircraft, the crew, the commander of the aircraft, the runway.

С «легкой» руки журналистов Иркутск получил нелестное определение как «Город падающих самолетов».

Если смотреть только на факты, то, действительно, авиакатастрофы в Иркутске и его окрестностях происходили довольно часто. Это в несколько раз больше, чем в сопоставимых по объему авиаперевозок Красноярске и даже в Новосибирске.

В качестве причин, официальные источники чаще всего называют ошибки экипажа в период взлета или посадки, отказ бортовых систем, вследствие технических неполадок, нарушения технических регламентов при обслуживании ВС.

В альтернативных источниках нередко звучали конспирологические и даже мистические версии. Это, прежде всего, относится к авиакатастрофе АН-124 в Иркутске II.

Дата авиакатастрофы	Тип ВС	Локация авиакатастрофы	Фаза полета	Число жертв
09.02.1976	ТУ -104	Территория аэродрома	Взлет	24/70
04.01.1994	ТУ-154	с. Мамоны. Иркутский район	Взлет	125
06.12.1997	АН-124 «Руслан»	Иркутск-II	Взлет	72
04.07.2001	ТУ-154	с. Бурдаковка. Иркутский район	Посадка	145
09.07.2006	А-310	Территория аэродрома	Посадка	125
26.12.2013	АН-12	ст. Батарейная	Посадка	9

Цель данной статьи: рассмотреть основные причины авиакатастроф с упомянутыми ранее ВС и понять: есть ли мистика в том, что случилось.

1994. МАМОНЫ

3 января 1994 года вскоре после взлета пассажирского самолета Ту-154, выполнявшего рейс в Москву, на высоте 300 метров сигнализация сообщила о пожаре двигателя номер 2. Экипаж с разрешения диспетчера выполнил разворот в сторону Иркутска и запросил экстренную посадку. Второй двигатель продолжал гореть. Отказали все гидросистемы самолета, экипаж потерял способность управлять машиной. Через 12 минут после взлета самолет на скорости около 500 км/ч, по скользящей траектории, врезался в молочную ферму. Погибли 115 пассажиров, 9 членов экипажа и на земле — работник молочной фермы.

Что предшествовало катастрофе? На земле в процессе запуска двигателей, длившегося 16 минут, было произведено пять неудавшихся запусков двигателя № 2. При этом дважды отмечалась самопроизвольная раскрутка турбокомпрессора при ненажатой кнопке запуска.

В итоге, двигатель все же запустили, и самолет взлетел из аэропорта Иркутск в 11:59 иркутского времени.

Правительственная комиссия, разбиравшая причины и обстоятельства катастрофы, установила, второй двигатель отказывал на Ту-154 и ранее. Так, летом 1993 года подобное случилось на подлете к Гуанчжоу: пришлось выработать топливо и садиться по аварийному варианту. Пи-

лоты неоднократно писали претензии, в которых указывали на нештатную работу злополучного двигателя.

Комиссия установила, что неисправность стартера обнаружилась при запуске двигателя из-за попадания под заслонку постоянного давления элемента конструкции системы кондиционирования воздуха (вероятно, осколок расщепителя воздушно-воздушного радиатора (ВВР) двигателя № 2 при его запуске. Возможно, причиной стало отсутствие защиты от попадания посторонних предметов из воздушных магистралей и низкой эксплуатационной надежности ВВР. Постоянный подвод воздуха под давлением от работавших на режиме, близком к номинальному, двигателей через незакрытую заслонку привел к неотключению стартера и раскрутке его ротора турбины до нерасчетных оборотов со срабатыванием сигнализации «Опасные обороты стартера», которое было обнаружено бортинженером после запуска всех двигателей.

Нажатие на кнопку отключения стартера не привело к выключению сигнализации. Но других признаков отказа, кроме срабатывания лампы-сигнализатора, не было и экипаж, предполагая, что срабатывание сигнализации ложное, принял ошибочное решение на вылет. Роковая ошибка явилась следствием неготовности пилотов к действиям в такой ситуации из-за недостатков в нормативной документации, информационном обеспечении, а также недостаточной информативности системы контроля технического состояния стартера в кабине экипажа. И, конечно, ключевую роль сыграл конструктивный недостаток воздушного судна — прокладка магистралей всех трех гидросистем через пожароопасный отсек двигателя № 2 [1].

РУСЛАН (1997 год)

6 декабря 1997 года Ан-124 ВВС России вылетел по маршруту Иркутск — Владивосток — Камрань (Вьетнам). Однако сразу после взлета у него отказали три из четырех двигателей. Поднявшись на высоту 66 метров, самолет потерял управление, упал на жилые дома микрорайона Авиастроителей и полностью разрушился. Погибли 72 человека (49 из них — на земле).

Разбившийся «Руслан» был выпущен в 1985 году. На день катастрофы совершил 576 циклов «взлет-посадка» и налетал 1034 часа.

Самолет должен был доставить для армии Вьетнама два многоцелевых истребителя Су-27, построенных на Иркутском авиационном заводе. Кроме экипажа из 8 человек, на борту самолета находились еще 15 пассажиров.

Метеоусловия были благоприятными для взлета: без ветра, температура воздуха -20°C , видимость 3000 метров. С момента взлета до падения прошло 35 секунд.

В 14:42 самолет вылетел из Иркутска. Но через 3 секунды после отрыва от ВПП на высоте пяти метров произошел помпаж двигателя № 3,

в результате которого тот отключился. Помпаж — особый режим работы двигателя, при котором нарушается газодинамическая устойчивость его работы. Обычно, помпаж сопровождается громкими хлопками в газозвонном тракте двигателя, падением тяги, вибрацией и даже извержением огня из сопла двигателя.

Спустя шесть секунд на высоте 22 метра произошла остановка двигателя № 2. Еще через две секунды на высоте 66 метров произошел помпаж двигателя № 1, после чего самолет перешел на снижение.

Попытка удержать самолет на одном работающем двигателе не увенчалась успехом, и борт с левым креном и малой поступательной скоростью рухнул на жилые здания [2].

Возможные причины.

1. Конструкторские недоработки, в результате которых отказали три двигателя самолета (Официальная, следующая из выводов правительственной комиссии).

2. Смещение летного и зимнего горючего, которые по вине наземных служб были залиты в баки «Руслан». На этой версии настаивали сотрудники украинского КБ «Прогресс», являющейся разработчиком авиадвигателей для Ан-124. По их мнению, к катастрофической ситуации привело повышенное содержание воды в авиационном топливе (керосине) и как следствие — льдообразование и забивание топливных фильтров, что вызвало помпаж двигателей.

3. Версия бывшего директора Всероссийского научно-исследовательского института авиационных материалов Е. Каблова заключалась в том, что в авиационном керосине, вероятно, присутствовали грибы, образовавшие студенистую массу и забившие топливную систему самолета. По мнению академика в топливо нужно было добавить специальное вещество, которое успешно такие микроорганизмы уничтожает.

Конспирологические версии.

4. В 2011 году летчик-испытатель Александр Акименков заявил, что причиной катастрофы борта RA-82005 в Иркутске мог стать звонок одного из пассажиров по китайскому радиотелефону, который повлиял на работу электроники.

5. По мнению В. Илюхина (председатель комитета по безопасности Государственной Думы РФ второго созыва) виновато французское электронное оборудование, установленное на разбившемся самолете. В Илюхин считал, что бортовыми компьютерами можно было управлять на расстоянии и даже отключить с территории Франции. Депутат утверждал, что диверсия была явно подстроена для того, чтобы сорвать сделку, от которой определенные люди теряли деньги. Для Г. Телегина, главного инженера АО «Рыбинские моторы» (там собирали разбившийся «Руслан»), самой важной являлась информация о том, что практически одновременно остановились два двигателя левого крыла, а затем и третий на правом кры-

ле, четвертый начинает работать с перебоями. По мнению эксперта, это позволяет прийти к выводу, что дело не в двигателях и не в их конструкции. Практически одновременную остановку трех двигателей в течение нескольких секунд можно объяснить только внешним воздействием на них.

6. **Китайский след.** Китай был очень недоволен тем, что Вьетнам покупает военные самолеты. Отношения между странами с 1979 года явно не выглядели безоблачными. Периодически вспыхивали пограничные бои. После авиакатастрофы появились слухи о том, что представители Китая предлагали российским высокопоставленным чиновникам хорошие деньги в случае срыва этой сделки.

7. **Американский след.** Американский оружейный бизнес был всерьез озабочен проникновением России на рынок Южной Азии. Поэтому существовала маленькая вероятность того, что сделке могли помешать западные спецслужбы [3].

По мнению эксперта, заслуживающего доверия и имеющего информацию о событиях, предшествующих катастрофе, главную долю вины за падение самолета несет командир воздушного судна (КВС). Дело в том, что до достижения показателя V1 (индикаторная земная скорость, на которой в результате отказа двигателя или по другим причинам пилот принимает решение продолжить или прервать взлет) приборы сообщили о помпаже четвертого двигателя. Однако КВС проигнорировал эту информацию и продолжил взлет, рассчитывая, что и трех двигателей достаточно для продолжения полета. Дальнейшие события описаны выше.

БУРДАКОВКА (2001 год)

Авиакатастрофа Ту-154 в Иркутске 4 июля 2001 года.

Ту-154 авиакомпании «Владивосток Авиа», совершал рейс ДД 352, по маршруту Екатеринбург — Иркутск — Владивосток. В 2 часа 8 минут по иркутскому времени при заходе на посадку в Иркутском аэропорту разбился в районе села Бурдаковка. В результате катастрофы погибло 135 пассажиров и 9 членов экипажа.

23 декабря 2001 г. было опубликовано заключение государственной комиссии по расследованию катастрофы рейса ДД 352. Причиной были названы ошибочные действия экипажа. При заходе на посадку экипаж не смог выдержать режим высоты 850 метров при левом развороте. Скорость оказалась меньше рекомендованной, что заставило автопилот отклонять руль высоты «на кабрирование» (Кабрирование — разворот самолета с подъемом носа и набором высоты) для необходимого поддержания высоты полета. Это привело к увеличению угла атаки. Чтобы исправить ошибку, при левом крене -45° , и уменьшить скорость снижения, находясь ниже высоты, заданной диспетчером, второй пилот потянул штурвал на себя. В результате увеличился угол атаки. Однако, при

увеличившемся угле атаки необходима бóльшая тяга двигателей — для компенсации возросшего сопротивления), в результате самолет вышел на закритические углы атаки и начал терять аэродинамическую устойчивость (подъемную силу крыла).

Нештатная ситуация продолжилась развиваться, а после десятисекундного промедления с увеличением тяги двигателей исчезла и управляемость. Комиссия сделала вывод, что к катастрофе привели неправильные действия командира воздушного судна, в результате которых самолет полностью потерял управление и разбился [4].

АЭРОБУС (2006 год)

Авиакатастрофа А-310 в Иркутске 9 июля 2006 года.

В воскресенье 9 июля при посадке в аэропорту Иркутска потерпел катастрофу пассажирский А-310 авиакомпании «Сибирь» (S7), следовавший рейсом 778 из московского аэропорта «Домодедово». Самолет не остановился на взлетно-посадочной полосе, выкатился за ее пределы и врезался в расположенный неподалеку гаражный комплекс. В результате столкновения фюзеляж аэробуса разрушился, в салоне возник пожар. Всего на борту было 203 человека, включая 10 членов экипажа и трех пассажиров, попавших в салон без регистрации

Большинство пассажиров самолета были гражданами России. Кроме россиян на борту было три гражданина Белоруссии, три гражданина Китая и по два из Молдавии, Польши, Германии и Южной Кореи. В результате катастрофы погибло 124 человека. Около шестидесяти пострадавших было госпитализировано, причем некоторые с серьезными травмами.

Расследование длилось 2 года 5 месяцев. Объем материалов уголовного дела составил 55 томов. За это время проверялись более 10 версий причины катастрофы. Проведено 339 судебных экспертиз, 205 судебно-медицинских; медико-криминалистическая; химико-трассологическая; 3 комплексные летно-технические; 4 комиссионные психологические экспертизы в отношении погибших пилотов.

После окончания официального расследования МАК было объявлено, что причиной катастрофы явилось произвольное переключение командиром воздушного судна рычага управления левым двигателем в положение значительной прямой тяги (60 %) при управлении реверсом правого двигателя. Реверс левого двигателя был неисправен и отключен, о чем КВС видимо забыл, когда убирал реверс правого двигателя и перевел рычаги управления обоими двигателями вместе, одновременно убрав реверс правого двигателя и переведя в практически взлетный режим левый двигатель.

Автоматика самолета распознала эти действия как попытку взлета и прекратила автоматическое торможение, переведя самолет во взлетный режим. Поэтому значительно снизилась эффективность торможения, и

самолет выкатился за пределы взлетно-посадочной полосы. Экипаж до момента катастрофы не понял, что произошло, действовал несогласованно и ошибочно.

По регламенту летной эксплуатации второй пилот должен следить за режимом работы двигателей, что выполнено не было [5].

Однако, согласно заключению комплексной летно-технической судебной экспертизы, непосредственной причиной авиационной катастрофы явилась нештатная работа систем управления самолета, их конструктивные недостатки, ошибки в разработке логики бортового компьютера, снижение эффективности торможения самолета на пробеге. Вердикт: катастрофа вызвана не действиями экипажа или наземных служб — она обусловлена непредвиденной реакцией программного обеспечения самолета на возникшую при посадке ситуацию.

Соответственно, Восточно-Сибирское следственное управление на транспорте Следственного комитета при прокуратуре РФ 9 декабря 2008 года приняло решение о прекращении уголовного дела по факту катастрофы пассажирского самолета А-310 в аэропорту Иркутска на основании п. 2 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления [6].

Однако, в феврале 2009 года было принято решение о необходимости проведения дополнительных экспертиз по ранее неисследованным вопросам. Следствие возобновлено 1 марта 2010 года. Повторная комплексная летно-техническая судебная экспертиза подтвердила, что непосредственной причиной авиационной катастрофы стало «столкновение аэробуса с наземным препятствием вследствие увеличения режима прямой тяги левого двигателя, происшедшего в результате произвольных ошибочных действий экипажа воздушного судна».

На основании выводов экспертизы Восточно-Сибирское следственное управление на транспорте Следственного комитета при прокуратуре РФ приняло окончательное решение о прекращении уголовного дела по факту катастрофы. Однако основание носило принципиально иной характер: «п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — в связи со смертью обвиняемого или подозреваемого (пилотов)». То есть окончательной причиной крушения воздушного судна были признаны ошибочные действия командира и второго пилота [7].

Станция Батарейная. 26 декабря 2013 г.

26 декабря 2013 года около 21.45 по местному времени самолет Ан-12, принадлежавший Иркутскому авиационному заводу, перевозивший авиадетали из Новосибирска в Иркутск, потерпел крушение при заходе на посадку. На расстоянии 1 км до взлетно-посадочной полосы близ станции Батарейная воздушное судно исчезло с экранов радаров. При падении самолет, задев крыльями здания складских помещений, частично разрушился. На месте крушения самолета были

обнаружены оба «черных ящика» Возраст воздушного судна составлял 50 лет. Он был построен еще в 1963 году. Выработка эксплуатационного ресурса составила более 90 процентов.

Первоначально правительственная комиссия рассматривала три версии катастрофы транспортного самолета Ан-12 в районе станции Батарейная под Иркутском, в частности, это ошибка при пилотировании, погодные условия и неисправность авиационной техники.

Однако расшифровка «черных ящиков» разбившегося самолета побудила экспертов, а затем и следствие остановиться на совершенно другой версии авиакатастрофы. По версии следствия вину за авиакатастрофу несли руководители полетов летно-испытательного подразделения Иркутского авиационного завода Андрей Старков и Александр Осейко. А. Старков, зная об ухудшении метеоусловий, препятствующих посадке самолета, не сообщил об этом командиру воздушного судна, не запретил посадку и не принял мер к уходу самолета на запасной аэродром. А. Осейко, наблюдая выход Ан-12 из зоны допустимых отклонений по глиссаде, не дал экипажу команду прекратить снижение, при этом он предоставил им неверную информацию о нахождении воздушного судна на курсе и глиссаде. В результате самолет столкнулся с деревьями, военной техникой и строениями на территории войсковой части [8].

Хотя подследственные свою вину не признали, суд согласился с выводами следствия. А. Старков и А. Осейко были признаны виновными по ст. 263 УК РФ («Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта лицом, в силу выполняемой работы и занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц»). Им было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на три года с отбыванием в колонии-поселении [9].

Авиакатастрофы Ту-154 (с. Мамоны), А-310 (аэропорт Иркутск), АН-124 (Иркутск-II) еще раз показывают, что весьма распространенной причиной может быть отказ техники, связанный с конструктивными особенностями того или иного воздушного судна, другими внешними факторами. Однако, этому событию всегда предшествуют действия людей, экипажа. Именно их ошибки, связанные с игнорированием инструкций, недостаточной готовностью к экстренным ситуациям, требующим мгновенных решений, стали основной причиной описанных выше трагедий.

Список использованной литературы и источников

1. Катастрофа Ту-154М а/к «Байкал» в районе Иркутска, 3 января 1994 года // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России — факты, история, статистика : сайт. — URL: <https://www.airdisaster.ru/database.php?id=26> (дата обращения: 12.02.2021).

2. Коц А. Иркутский кошмар. Разрушительная авиакатастрофа 90-х остается загадкой / А. Коц // РИА. — 06.12.2017. — URL: <https://ria.ru/20171206/1510181526.html> (дата обращения: 12.02.2021).

3. Степанова Е. Диверсия: неизвестные подробности катастрофы в Иркутске / Е. Степанова, М. Андрейко // Собеседник. — 1997. — № 12.

4. Министерство транспорта РФ. Распоряжение 13 декабря 2001 г. об авиационном происшествии с самолетом ТУ-154М RA-85845. Катастрофа Ту-154М а/к «Байкал» в районе Иркутска, 3 января 1994 года // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России — факты, история, статистика : сайт. — URL: <http://www.airdisaster.ru/reports.php?id=9> (дата обращения: 14.01.2021).

5. Отчет комиссии МАК по результатам расследование катастрофы самолета А310 авиакомпании «Сибирь», произошедшей 9 июля 2006 года в аэропорту Иркутска // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России — факты, история, статистика : сайт. — URL: <http://www.airdisaster.ru/reports.php?id=18> (дата обращения: 16.02.2021).

6. Прекращено уголовное дело по факту авиакатастрофы в Иркутске // Следственный комитет России : офиц. сайт. — URL: <https://sledcom.ru/news/item/514098/?print=1> (дата обращения: 15.02.2021).

7. Тарасенко Н. Причиной крушения аэробуса в Иркутске признаны ошибочные действия членов экипажа / Н. Тарасенко // Информационное агентство «АвиаПОРТ». — 02.03.2010. — URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2010/03/02/191130.html> (дата обращения: 12.01.2021).

8. Катастрофа Ан-12 Корпорации «Иркут» в районе а/п Иркутск-2 26 декабря 2013 года // Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России — факты, история, статистика : сайт. — URL: <https://www.airdisaster.ru/database.php?id=1600> (дата обращения: 23.01.2021).

9. Осуждены виновники катастрофы самолета Ан-12Б с девятью жертвами в Иркутске // ЛентаРу. — 24.01.2017. — URL: <https://www.lenta.ru/news/2017/01/24/starkov/> (дата обращения: 12.02.2021).

Информация об авторе

Волосов Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры технической эксплуатации и сервиса на воздушном транспорте Иркутского филиала МГТУ ГА. E-mail: volosov@rambler.ru. 664047, Иркутск, ул. Коммунаров, д. 3.

Author

Evgeny N. Volosov — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Technical Operation and Service in Air Transport 3, Kommunarov str, Irkutsk, 664003, E-mail: volosov@rambler.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.05

Ю.А. ЗУЛЯР

УДК 323(470)(091)

ББК Ф3(2)123

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: 30 ЛЕТ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Автор статьи анализирует российскую государственную региональную политику постсоветского периода. В ней выделено два основных периода: время Б.Н. Ельцина и В.В. Путина. В статье рассматривается эволюция региональной политики, выделяются основные направления и этапы. Автор делает вывод о том, что президент Путин трансформировал политическую систему страны, создал авторитарную вертикаль власти и тем самым спас Российскую Федерацию от распада.

Ключевые слова: региональная политика, Российская Федерация, вертикаль власти РФ.

YU.A. ZULYAR

REGIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: 30 YEARS OF TRANSFORMATION

The author of the article analyzes the Russian state regional policy of the post-Soviet period. It identifies two main periods: the time of Boris Yeltsin and Vladimir Putin. The article examines the evolution of regional policy, highlights the main directions and stages. The author concludes that President Putin transformed the country's political system, created an authoritarian vertical of power and thus saved the Russian Federation from collapse.

Keywords: regional policy, Russian Federation, vertical of power of the Russian Federation.

В конце 1980-х гг. — начале 1990-х гг. СССР — самое крупное на тот период федеративное государство планеты без силового внешнего воздействия распалось на основные части, так называемые союзные республики. Среди причин, обусловивших катастрофу, значимое место принадлежало региональной политике, базировавшейся на общности идеологии и основном политическом субъекте — коммунистической партии. И, когда она потеряла свой статус, исчез всеобъемлющий контроль, а ее идеология перестала быть единственной и непогрешимой, федерации рассыпалась по границам союзных республик. В советской модели федерализм был воплощен до предела — до права республик на самоопределение вплоть до отделения. И, в соответствии с сущностью политического процесса — любая заложенная в Основной закон норма реализуется. Распад огромной державы произошел внешне спо-

койно, без жертв и катаклизмов. К примеру, в Конституции РСФСР такой нормы не было, и как Чечня ни старалась, Россия ее не выпустила.

В 2021 г. постсоветской Российской Федерации (РФ) исполняется 30 лет — это возраст политического поколения, срок достаточный для политологического анализа. Функционирование государства — это самый сложный из известных человечеству социальных процессов, включающий в себя множество институтов, связей и обстоятельств. Поэтому, представляется целесообразным, рассмотреть становление, развитие и современное состояние государственной региональной политики (ГРП) России.

Грамотная и эффективная региональная политика — обязательное условие существования государства. Для федеративного государства это положение особенно актуально, так как для него проблема взаимодействия Центра и регионов, может оказаться судьбоносной. Для Российской Федерации, находящейся в состоянии поиска своего места в планетарном топе государств, и ищущей своей модели идеологического и социально-экономического развития, правильная региональная политика — залог успешного решения стоящих перед ней задач. Региональный уровень занимает промежуточное положение между федеральным и районным. Отношения между Центром и регионами в России в значительной степени сводятся к взаимодействию между элитами этих уровней при невысокой роли общества [1, с. 15]. Поэтому в России выделяют и рассматривают региональный уровень власти в качестве субъекта политического процесса [2, с. 140].

Региональная политика — значимый элемент функционирования государственной и политической систем, определяемый территориально-административным устройством страны, историческими обстоятельствами и политическим режимом. ГРП является частью внутренней политики, но зачастую, и фактором внешней. Авторы разделяют точку зрения, определяющую региональную политику как совокупность целей, задач и действий государственных (федеральных и региональных) органов власти, и иных акторов, направленных на сохранение целостности государства и создание благоприятных условий для обеспечения пространственного политического и социально-экономического равновесия и развития страны и региона [3, с. 14]. По мнению итальянского экономиста и политика Ф. Барки, региональная политика — это способ решения проблемы «постоянного недоиспользованная потенциала развития и уменьшения стойкой социальной изоляции» [4, с. 100].

Предметом региональной политики является пространственная составляющая общественного бытия и ее воздействие на все параметры, процессы и проблемы политического, материального и социального оснований государства [1, с. 91]. Пространство РФ характеризуется: самыми большими на сегодня размерами территории; низкой плотностью населения; растянутостью коммуникаций (с запада на восток на 11 часо-

вых поясов и 9 тыс. км, протяженностью с севера на юг от 2,5 до 4 тыс. км); разнообразием географических и природно-климатических условий [6, с. 317]. Российская Федерация является многонациональным и поликонфессиональным государством.

Президент РФ Б.Н. Ельцин, после распада Союза, был вынужден заниматься созданием новой модели региональной политики, чтобы не допустить развала России на республики, экономически мощные или удаленные регионы. Характерно, что после развала СССР на его бывшей территории образовалась лишь одна федерация, но она была не столько демократической, сколько этнической. Положение в РФ усугублялось борьбой руководителей страны за власть с бывшей политической элитой и конкурентами внутри лагеря победителей. Чтобы не усугублять ситуацию, Президент России предложил главам национальных образований взять суверенитета сколько они захотят, но при условии сохранения их регионов в составе России. Это спровоцировало «парад суверенитетов» автономных республик, но сохранило Федерацию [7]. При этом попытка выйти из состава РФ подавлялась вооруженным путем. Одновременно Ельцин пытался поставить под контроль назначение глав регионов, делегируя туда своих сторонников и креатуру. Установившаяся в 1990 г. модель этнического федерализма была в тех условиях единственно возможной. Она зиждется на культурном и политическом фаворитизме, ее институты противодействуют коммуникации сообществ на уровне элит и граждан, а этнические регионы автономизируются, что ведет к фрагментации страны. Этно-федерализм не укрепляет, а ослабляет государство [8, с. 8].

В результате победы Ельцина над противниками, в 1993 г. с учетом позиций глав национальных республик, в принятом тексте Конституции России были закреплены принципы асимметричной демократической федерации. Эта модель была закреплена введением в состав Совета Федерации — верхней палаты российского парламента, глав субъектов РФ. В рамках сформировавшейся в стране политической системы принципы взаимоотношений между Центром и субъектом Федерации определялись на договорной основе и различались по предоставленным правам. При этом в стране продолжалась гражданская война, росла безработица, свирепствовала преступность и расцвела коррупция. Население страны нищенствовало, бедствовало и разбегалось.

Во второй половине 1990 г. демократические институты служили фасадом политического процесса, обеспечивавшего передел государственности, а задачи создания демократического режима, не ставилось. Преобладали неформальные институты; правящую коалицию формировали «олигархи» и приближенные к президенту, и отдельные главы регионов, а политические партии не являлись акторами процесса. Федеральный центр слабо влиял на ситуацию в регионах, играя роль внешнего актора, что провоцировало неуправляемую регионализацию.

В ряде субъектов РФ формировались автономно функционирующие авторитарные политические режимы [9, с. 234].

В России в 1990 г. сложилась бесперспективная ситуация, когда курс на демократизацию страны, на углубление демократического процесса, обеспечивая развитие федерализма, повышал вероятность распада страны. Субъекты федерации в своей политике исходили не из общенациональных интересов, а из сиюминутной выгоды и своего видения решения проблем. Регионы, устанавливая прямые связи с зарубежными государствами, разрушали единое языковое, правовое и экономическое пространство страны. В середине 1990 г. в России насчитывалось свыше 70 точек роста сепаратизма как этнического, так и территориального [10]. Обычной практикой стало противоречие регионального законодательства федеральному.

Субъекты федерации, в первую очередь, организованные по этническому принципу, объявили себя суверенными и рассматривали варианты выхода из состава России и перехода под юрисдикцию этнически близких к ним государств, печатали собственные денежные знаки [11]. Еще более пестрой была политическая дифференциация региональных режимов: авторитарное правление, гибридный режим, анархия, плюралистическая демократия [12, с. 83]. Вместе с тем, стали активно развиваться горизонтальные связи между регионами, их кооперация, возникли региональные союзы («Сибирское соглашение», «Центральная Россия», «Большая Волга» и др.). Ряд субъектов РФ одновременно входили в несколько аналогичных структур, перестраивая экономическое пространство страны [13]. «Ельцинский» федерализм фактически представлял собой анархическую совокупность регионов, объединенную слабым федеральным центром и непопулярным президентом.

Региональные власти помогали предприятиям, работающим на их территориях, избегать уплаты федеральных налогов, что ослабляло экстрактивную дееспособность Центра и сокращало его возможности оказывать услуги населению. Усилия Правительства по сбору налогов давали слабые результаты, поскольку федеральные агенты, осуществляющие сбор налогов, и региональные судебные органы — формально независимые — часто были под полным контролем региональных правительств. В этот период на региональном уровне сложились режимы, похожие на нынешний режим в России в целом. Регионы стали своего рода лабораториями авторитаризма, подготавливая население и бизнес к отказу от демократического транзита.

Российский федерализм формировался не поддерживающим, а искажающим рынок. В нем нарушались все его основные принципы, он не стимулировал в регионах экономический рост, Центр жестко контролировал регионы, навязывая им однотипную политику. Субъекты РФ, в свою очередь, старались проводить самостоятельную экономическую политику, игнорируя Правительство. Политически проблемным регио-

нам предоставлялись налоговые преференции, а экономически эффективным — создавались трудности. Общероссийский рынок практически отсутствовал, а региональные режимы извлекали прибыль за счет созданных у них производств и климатических условий, организовывали коррупционные схемы. Все это ослабляло центробежные тенденции, снижало экономическую эффективность народного хозяйства, потенциал государства и жизненный уровень населения.

Региональная политика режима Б.Н. Ельцина не способствовала эффективному управлению региональным бюджетом главами субъектов и стимулированию предпринимательства и честной конкуренции. Как результат, в стране не был создан климат, благоприятствующий развитию бизнеса и росту инвестиций, зато возводились барьеры на пути входящих предпринимателей в виде лицензий, пошлин, налогов и различных видов вымогательства, навязываемых региональными и местными органами власти. Значительная доля федеральных трансфертов направлялась в регионы, главы которых проводили консервативную экономическую политику. Политика, сглаживания диспропорций в доходах между регионами, одновременно вызывала задержку экономической модернизации страны. Региональные власти возводили внутренние границы, закрывая свои рынки от федерального центра и соседних регионов. Центр, занимаясь риторикой и призывами проведения экономических реформ, не смог создать систему стимулирования региональных режимов в направлении организации местного эффективного хозяйства и стимулирования экономического роста.

В.В. Путин, избранный в 2000 г., президентом России и имевший опыт премьер-министра, понимал, что дело идет к распаду страны. Поэтому он начал свою деятельность с изменения направленности ГРП. Самой опасной проблемой была гражданская война — результат провала региональной политики его предшественниками. Путин, решая эту задачу, одновременно начал с самого важного — с перераспределения финансовых потоков в сторону Центра. Опираясь на силовые структуры и конституционное большинство партии власти, он лишил регионы НДС и природо-ресурсных налогов, а фискальную нагрузку на сырьевой сектор перенес с налогов на экспортные пошлины, идущие в федеральный бюджет [14]. Сейчас региональные бюджеты пополняются за счёт менее прибыльных и трудно-собираемых налогов.

Затем Путин вывел глав регионов из Совета федерации, тем самым понизив их статус с федерального до регионального, лишив депутатского иммунитета, и ослабив представительские и лоббистские возможностей регионов в федеральном центре [15, с. 234]. После переизбрания на второй срок, он в сентябре 2004 г. инициировал отмену прямых выборов глав регионов [16, с. 13]. Для контроля глав субъектов Путин создал семь Федеральных округов, во главе которых поставил своих доверенных лиц — полномочных представителей президента. С 2004 г. к полно-

мочиям полпредов добавилась функция рекомендации кандидатур на должность глав регионов. При полпредах в 2005 г. созданы советы, в которые вошли губернаторы [17, с. 234].

Путин не только решил текущие задачи, но и приступил к созданию иной политической системы государства и другой модели федерации. Всесилие глав регионов, чреватое сепаратизмом, являлось основной угрозой целостности страны и вызовом для него лично. Модель широкого договорного федерализма начала перестраиваться в модель централизованного федерализма. Для этого им была проведена работа по выстраиванию вертикали власти, которая завершилась лишь в 2020 г. Властная вертикаль, начинается от президента и заканчивается главой поселения [1, с. 234]. Данная политическая система сформирована с учетом советского опыта. Советское государство не было социальным, оно было народным, в соответствии с данной парадигмой, власть государства и власть народа были едины и пронизывали общество с верха вниз, обеспечивая контроль и организацию жизни в соответствии с формируемыми государством стандартами и решаемыми задачами.

Было восстановлено единство правового пространства страны, из конституций и уставов регионов были удалены нормы, обособывающие региональный суверенитет, верховенство местного законодательства, право приостанавливать правовые акты РФ. В большинстве республик процесс десоверенизации завершился в 2002–2003 гг. [19, с. 178]. Был восстановлен статус русского языка, наименование «президент» (за исключением Татарстана) было заменено на главу республики. Был ликвидирован институт договоров Центра и региона, как рудимент демократического федерализма. Стимулировались только вертикальные связи: «центр-регион», проекты и реализуемые программы развития исходят из принципа экстерриториальности.

В РФ установлена суперпрезидентская форма правления с высокой степенью персонализации власти. Институт президента стал центром и высшим уровнем властной вертикали. В его подчинении находятся все силовые ресурсы государства и важнейшие министерства [19, с. 175]. Федерализм существенно затруднил и продолжает затруднять переход РФ к демократии, но облегчил переход к авторитаризму. Поэтому переход России к демократии будет заведомо более трудным, а может быть и невозможным [8, с. 8].

Ключевым элементом российской региональной политики является институт губернатора — главы региона. Накануне реформы Совета Федерации В.В. Путин получил право назначения временно исполняющего обязанности (врио) главы региона, а после его избрания на второй срок, с 2004 г. им стали назначаться и сами главы субъектов РФ. С 2012 г. было восстановлено прямое избрание губернаторов, но институт врио губернатора, право отставки губернатора, фактически позволяют нейтрализовать их выборность. Создан и регулярно используется ме-

ханизм вмешательства в избирательный процесс. В основе политики по отношению к главам регионов лежит принцип их ответственности и лояльности по отношению к Центру, хотя обязателен и управленческий профессионализм. Зачастую поддержка кандидата в губернатора Центром, является важнее региональной. У Президента существует система обратной связи с главами регионов, в частности, выведя их из Совета Федерации, он их ввел в Государственный совет, воссозданный в 1991 г. президентом СССР М.С. Горбачевым, и как бы восстановивший традицию Госсовета (законосовещательного органа 1810–1917 гг.) при императоре Российской империи. При Б.Н. Ельцине он не функционировал, но 1 сентября 2000 г. Путин его восстановил, а в соответствии с внесенными в Конституцию РФ поправками (2020), Госсовет стал конституционным органом, что формально повысило статус губернаторов до федерального.

Анализ политики руководства РФ по формированию института губернатора в стране свидетельствует, что все 30 лет постсоветского периода, она постоянно находилась в поле зрения президентов. Автор выделяет не менее десяти этапов ее становления, развития и последующих трансформаций. В обязанности большинства губернаторов сегодня входит обязанность обеспечить победу на выборах «Единой России». Это определяет мотивацию депутатов региональных парламентов, их ориентацию на исполнительную власть и нежелание портить отношения с ее представителями [20, с. 33].

Реконструкции подверглась и партийная система, в июле 2001 г. был принят закон «О политических партиях», в котором вводилось государственное финансирование парламентских партий, запрещалось создание этнических, конфессиональных и региональных партий — потенциальных источников сепаратизма [19, с. 180]. Впоследствии была повышена роль парламентских партий, получивших с 1 июля 2009 г., в период отмены прямых выборов глав регионов, право предлагать президенту кандидатуры на пост главы субъекта Федерации, произошла федерализация партий. В настоящее время она организована по трехуровневому принципу: основная партия (партия власти), парламентские партии и партии регионального представительства. Произошло формирование института партии власти, которая цементирует политическое пространство страны, обеспечивая вертикаль политической власти. Это не повторение советского прошлого, там КПСС была партией-государством, а Единая Россия является лишь инструментом правящего режима. Оппозиционным парламентским партиям на федеральном уровне отведена роль статистов. Вместе с тем, наличие многопартийной системы позволяет им побеждать на региональном уровне. При радикальном изменении политической ситуации, это станет возможным и на федеральном. Представляется, что долговременная логика развития современного российского политического процесса однозначно направ-

лена в этом направлении. Важно, что сегодня в стране нет политических партий, защищающих принципы ассиметричного федерализма. Важно, что российская партийная система гарантирует недопущение прихода к власти сепаратистов и радикалов.

Особенностью федераций является постоянное балансирование между «сильным центром» и «сильными регионами». Их равновесие и устойчивость — это всегда конкретно-исторический феномен. И, именно состояние политического процесса и социально-экономического положения, определяет возможности сдвига в ту или иную сторону. Говоря о тенденции усиления централизма или централизации Российского государства с точки зрения федерализма, необходимо учитывать ее современную особенность. Централизация осуществляется не столько с точки зрения дихотомии Центра и регионов, сколько с процесса централизма президентской функции. Об этом свидетельствуют его право вето на законодательные функции парламента и контроль над региональными администрациями [21, с. 26; 22, с. 69]. В современных условиях для Центра, прежде всего, важны социально-политическая стабильность региона и лояльность его населения политическому режиму.

В целях организации эффективного мониторинга социально-экономической ситуации в регионах была введена практика регулярной отчетности губернаторов перед руководством страны. Критерии такой оценки были подготовлены рабочей группой Госсовета в 2006 г., а в июне 2007 г. порядок оценки и набор критериев ввели президентским указом. Летом 2008 г. Минрегион разработал Концепцию совершенствования региональной политики, детализирующую виды ответственности глав субъектов [1, с. 26]. В декабре 2018 г. В. В. Путин утвердил новый перечень ее критериев, сократив число показателей с 24 до 15 [23]. Самый главный из критериев работы губернаторов — уровень поддержки населением федеральной власти [14].

Строительство вертикали власти велось за счет снижения роли региональных и районных органов представительной власти и возрастания — исполнительной. Контроль над городскими и районными думами представительной властью организован в результате постепенного перехода от модели выборов глав муниципалитетов к модели их назначения. Основная часть населения России живет в городах и поселках, что определяет роль органов местного самоуправления (МСУ), формально не входящих в систему органов государственной власти, но фактически являющихся властью на местах. Поэтому должность главы муниципального образования является важнейшей с точки зрения управления населением, и основной целью политической борьбы внутри региональных районов. В 1995–2003 гг. глава местного самоуправления избирался только в результате прямых выборов. В октябре 2003 г. принят Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Фе-

дерации» [24], в соответствии с которым, мэр может избираться, как гражданами, так и депутатами представительного органа МСУ. Его функции разделили между двумя должностями — главой администрации и мэром. В связи с этим решением, муниципалитеты стали отказываться от прямых выборов своих глав. Это особенно характерно для региональных столиц. Сегодня лишь в девяти региональных центрах главы муниципалитетов избираются напрямую [25]. В результате этих трансформаций, мэр оказался в прямом подчинении региональной исполнительной власти. Руководитель города или района, избранный не населением, а его представителями, перестает быть политической фигурой, а превращается в наемного работника, назначенным специальным органом на основе компромисса районных и региональных элит с учетом мнения губернатора и правящей партии. Следовательно, противостояние между мэрами и главами регионов, заложенное в федеративном устройстве страны в начале 2000-х гг., завершилось превращением обоих в назначенцев.

Исходя из текста поправок в Конституцию РФ (2020), может произойти объединение государственных и муниципальных институтов в общую систему публичной власти, причем органы государственной власти смогут легализовать те функции, которыми они явочным порядком и так занимаются на территории субъектов федерации, т.е. участвовать в изменении границ муниципий и в формировании их управленческих институтов [26, с. 62].

Отдельной сюжетной линией в деятельности по улучшению управляемости страны и сближению уровней социально-экономического развития регионов является укрупнение субъектов РФ. В результате федерализации 1990-х гг. статус субъекта федерации получили бывшие автономные национальные округа и области, увеличив, тем самым, число дотационных регионов. Являясь продуктом советской национальной политики, они в большинстве своем не могут организовать социальное и экономическое обеспечение своего населения и развитие территории без помощи Центра, краев и областей, в состав которых они ранее входили. Для решения этой проблемы, в 2003–2008 гг. было произведено возвращение к советской структуре, в результате чего, число субъектов федерации сократилось с 89 до 83 [19, с. 178]. Этот процесс экономически и административно правильный, был прекращен из-за яростного сопротивления глав национальных республик, не получил повсеместного развития и сейчас оценивается исследователями неоднозначно. По мнению автора, сокращение количества субъектов федерации, организованных по этническому признаку, является фактором укрепления национальной безопасности России. Включение автономных этнических образований в составе русских регионов, как правило, обеспечивает для их жителей более высокий жизненный уровень и демократизацию общественных отношений, а заодно снижает уровень вероятного сепар-

ратизма. Как бы там ни было, существующая административно-территориальная форма регионализации России непродуктивна.

Одной из важнейших проблем, снижающих стабильность государства, является экономическое неравенство регионов и межрегиональная дифференциация показателей уровня жизни. Эта проблема традиционно актуальна для федераций, а для РФ она важна вдвойне. В настоящее время РФ занимает одно из первых мест в Евразии в рейтинге неравенства регионов внутри государства [27]. Региональное неравенство, как правило, обусловлено бедностью их жителей. В РФ региональные среднедушевые доходы разнятся более чем в три раза, а размер валовых региональных продуктов — до 12 раз [28, с. 51]. По данным Минэкономразвития, уровень бедности в субъектах варьируется от 6 до 40 % от численности их населения [29]. Следствием этого является отток населения из бедных регионов. С учетом диспропорции площади и населения страны, протяженности государственной границы, соседства с недружественными государствами, обезлюдивание восточных и северных территорий, разрежение сельских поселений представляется крайне опасным.

Российская региональная политика определяется ресурсным профилем региона: сырьевые — формируют свои бюджеты за счет отчисления от налогов; перерабатывающие — развиваются за счет трудовых ресурсов; дотационные — не имеющие природных богатств, умелых кадров и существующие за счет серьезных управленческих усилий и помощи Центра. Эта региональная дифференциация — наследие исторического прошлого, которое не удалось изменить ни большевикам ни демократам. Опасность и ненормальность этого руководство и общественность страны понимали всегда. Уравнивание социально-экономического развития и уровня благосостояния проводилось большую часть советского периода, но, как и в большинстве стран мира, принципиальных успехов эта деятельность не принесла.

Надежды на быстрое изменение сложившегося положения в ближайшей перспективе нет. Учитывая хронический дефицит трудовых ресурсов в РФ, можно прогнозировать обезлюдивание отдаленных районов, и концентрацию оставшегося населения вокруг столиц и региональных центров. Сегодняшняя система взаимоотношений Центра и регионов не соответствует принципам демократического бюджетного федерализма. Из регионов посредством налоговых механизмов выводится большая часть доходов, обрекая большинство из них на дефицитные бюджеты, позволяющие лишь обслуживать имеющиеся региональное хозяйство и устранять последствия чрезвычайных обстоятельств. Налоговая политика правительства лишает подавляющее число регионов и территорий стимулов развития производства и роста налогооблагаемой базы. Через это, даже самодостаточные регионы превращаются в дотационеров Центра. Для реализации масштабных проектов требуется помощь Цен-

тра, что приводит к росту долгов регионов перед ним. По данным Минфина РФ, на 1 марта 2020 г. размер долга субъектов составил 359 574, 368. млн. руб., что свидетельствует о неэффективности бюджетной политики российского государства [30, с. 155].

В целях уравнивания социально-экономического состояния регионов правительство использует более 400 мер поддержки регионального развития, однако существенного изменения положения в депрессивных регионах не происходит [31, с. 9]. Политика предоставления трансфертов является закрытой и практически не поддается анализу. Ее размеры, формы и виды определяются только Центром и могут использоваться в качестве мер стимулирования, поддержки и одобрения курса, проводимого руководством региона. Например, трансферты преимущественно выделяются субъектам Центрального федерального округа, а финансирование территорий остальных районов страны осуществляется по остаточному принципу [30, с. 156].

С другой стороны политика трансфертного субсидирования регрессивных территорий привела к появлению феномена иждивенчества дарируемых территорий. Руководство и бизнес таких регионов свыклись с этим положением и не предпринимают энергичных мер по изменению данного статуса, зная, что в трудной ситуации Центр обязательно поможет. Но население этих регионов это не устраивает, и оно уезжает (особенно молодежь) в развивающиеся субъекты РФ, где легче найти работу и выше уровень жизни.

Можно предположить, что практика финансирования социальной сферы депрессивных регионов продолжится еще достаточно долго, что является безусловной обязанностью государства. Вместе с тем, по каждой такой территории следует составить программы перспективности, и на их основе выбирать наиболее оптимальные варианты, не обязательно предусматривающие сохранение населения в этих районах.

Наряду с вышеперечисленными адресными мерами Правительство РФ пытается решать проблемы неравномерного развития посредством реализации комплексных широкомасштабных федеральных программ. Очередная — Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., утверждена в феврале 2019 г. [32]. Однако ее декларируемая ориентированность на выравнивание межрегиональных различий противоречит другим трем стратегическим целям — развитию центров экономического роста, перспективных экономических специализаций и геостратегических территорий [33, с. 77]. Причиной этого является ограниченность финансовых возможностей государства. Но, зачастую и там, где эти проекты реализуются, возникают серьезные проблемы. В процессе их выполнения Правительство привлекает к долевному участию средства регионального бюджета и бизнеса. Регионы, как правило, не отказываются от таких проектов, хотя чаще всего не считают их самыми необходимыми для территории. Региональный бизнес участвует в

финансировании этих проектов преимущественно «из-под палки», так как не видит особых перспектив от их реализации для своего дела. При формировании планов развития страны мнения регионов учитываются слабо, впоследствии эти объекты, реализуемые регионами на кредиты, не особенно способствуют экономическому развитию региона, но потребляют большие средства на свое содержание. Наиболее наглядным примером является строительство гигантских спортивных сооружений для проведения олимпийских игр и чемпионатов мира, которые в большинстве субъектов впоследствии используются не в полной мере, из-за несоответствия их масштабов потребностям региональной жизни.

Действующая Стратегия развития регионов РФ ориентирована на реализацию принципа поляризованного (или «сфокусированного») развития взамен политике выравнивания уровня регионального развития. Это предполагает концентрацию финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в «опорных регионах» («полюсах», «локомотивах» роста) и последующее распространение инновационной активности в другие регионы [34]. В остальных регионах продолжается использование традиционной трансфертной политики. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что «инновационная» региональная политика поляризованного (сфокусированного) развития, совсем не гарантирует принципиального улучшения социально-экономического положения опорных (в настоящее время депрессивных субъектов), и достижения ими уровня развития сегодняшних регионов-доноров. Люди покинут депрессивный регион раньше, чем в нем принципиально улучшится социально-экономическая ситуация. Одной из основных причин «вымывания» из депрессивных районов ценных и перспективных трудовых ресурсов является политика ЕГЭ, стимулирующая отток из периферийных субъектов наиболее успешных выпускников школ. За ними уезжают их родители и со временем вывозят и престарелых родственников. Соответственно, на этих территориях происходит суживание потребительского рынка для среднего и мелкого бизнеса, вынуждая и предпринимателей уезжать в более развитые регионы.

Субъективной причиной, ослабляющей субъекты федерации, является противоречие между полномочиями и финансовыми возможностями регионов. На федеральном уровне приняты сотни решений, загоняющих регионы в соответствующие расходы. Для большинства субъектов объем этих предписаний в 1,5 раза превышает объем их возможностей по финансированию соответствующих полномочий [35]. Печальной традицией нашей страны, снижающей и без того слабый оптимизм по реализации программ стратегического планирования, является реактивный и паллиативный характер вмешательства в социально-экономическую ситуацию в депрессивных регионах. Попытка изменить негативную тенденцию предпринимается чаще всего тогда, когда ничего уже сделать

нельзя, и средства тратятся впустую, или заведомо выделяется недостаточное количество для достижения долговременных позитивных результатов.

Задача регулирования неоднородности социально-экономического развития регионов посредством использования политики преодоления территориальных диспропорций является невыполнимой. Это обусловлено тем, что неоднородность как общее свойство любого экономического пространства может усиливаться при появлении новых точек роста; поэтому борьба за абсолютное выравнивание социально-экономического развития в принципе абсурдна. Эта проблема может быть решена только самими субъектами за счет использования собственного потенциала.

По признанию государственного и политического деятеля Д.Н. Козака, на федеральном уровне никогда не будет полного понимания, что делать в каждом конкретном регионе. Есть разные планы действий федеральных органов власти, связанные с инфраструктурой, с поддержкой, и их многообразие и зачастую нескоординированность создают для региона атмосферу неопределенности. Необходимо определить пространственные приоритеты страны, на их основе выработана стратегия, в соответствии с которой, для каждой территории определена ее экономическая специализация и ее место в межрегиональном разделении труда [34].

Принципы построения и деятельности федерации — результат распределительного конфликта, который неизбежно провоцирует желание пересмотра правил и технологий их реализации. Поэтому федеративные институты находятся под постоянным давлением требований пересмотра договоренностей. Как правило, их пересмотр происходит неформально, фактически посредством выборочного применения формальных положений и законов. Федеративное соглашение невозможно прописать исчерпывающим образом, оно, по своей сути, является «неполным контрактом». Принципиально, что отсутствует механизм гарантий их исполнения в виде внешней силы, способной принудить стороны выполнять договоренности.

Постсоветские реформы показали, что насильственное введение рыночных отношений приводит к установлению уродливых и неэффективных экономических коммуникаций. Для создания современного рынка необходимо обеспечить не только соответствующее законодательство и механизм выполнения законов, но и иметь готовность участников следовать определенным неформальным правилам и нормам. Десятилетиями в РФ действовала модель, в которой Центр формировал экономику спроса, акцент делался на зарплаты и социальные выплаты, которые замещали инвестиции. В итоге региональная политика, ориентированная на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, не привела к развитию проблемных регионов. Но через это и в «благополучных» регионах стали развиваться негативные процессы.

Осмыслив предшествовавший опыт, Центр с 2018 г. изменил технологии взаимодействия с регионами по поводу их социально-экономического развития. В отличие от предшествующего периода, в руководстве страны изучают потребности субъектов РФ и на основе изысканий (или просто представлений об этих потребностях) направляют ресурсы из федерального бюджета на реализацию тех или иных в Центре утвержденных проектов. Авторы изменения идеологии региональной политики рассчитывают на то, что ее приоритетным направлением станет внедрение системы мер, мотивирующих органы государственной власти регионов, органов местного самоуправления на повышение экономического потенциала их территорий [34].

Вместе с тем ряд аналитиков сомневается в эффективности и этой модели. Региональная политика может осуществляться в рамках двух моделей: в виде политики, ориентированной на людей (обеспечение максимума возможностей мобильности), или политики, опирающейся на возможности территорий. Именно вторая модель представляется перспективной и адекватной современным условиям и потребностям развития региональной политики.

Сообразно ей (как при позднем СССР), зоны вмешательства Центра определяются не административными границами, а потребностями государственной политики. Они обосновываются не только правительством, как в случае традиционного подхода «сверху вниз», а консенсусными практиками, акторов, обусловленными влияниями, мотивами и формами институтов. Роль территории определяется совокупностью пространственных (локальных, региональных) контекстов, образуемых не только природными и институциональными активами, но и традициями, знаниями и навыками населения. Важно, что эти активы являются «немобильными», связанными с конкретным местом и теряющими ценность или смысл при их перемещении.

Предлагаемая парадигма региональной политики требует радикального пересмотра системы управления территориальным развитием. Вместо традиционного подхода управления «сверху вниз», она формирует переход к многоуровневому управлению, меняющему не только состав вовлеченных в этот процесс акторов, но и распределение ролей между ними. Система многоуровневого управления функционирует в координатах двух измерений: вертикальном (локальные, региональные и федеральные государственные институты и структуры) и горизонтальном (государственный, частный и некоммерческий сектора).

Новая региональная политика должна быть направлена на использование внутренних ресурсов территории в качестве источников и основы развития, а не только на внешние инвестиции. Она ориентирует акторов на выявление и использование возможностей для роста, на повышение региональной конкурентоспособности, а не на нейтрализацию последствий упадка.

Формирование модели российской государственной региональной политики далеко от завершения, она продолжает развиваться как на федеральном, так и региональном уровнях. За постсоветское 30-летие сделано немало, далеко не все решения были правильными, но в нашем мире, где достижение идеала невозможно, наличие положительных результатов — уже успех.

В 1990-е гг. Центр был слишком слаб, чтобы организовать регионы на коллективные действия для решения возникших проблем. Более того, регионы не доверяли центру и старались выжить самостоятельно. В процессе путинских реформ баланс власти сместился в другую сторону: слишком сильный центр подавил автономию регионов, и Россия из федерации превратилась в централизованное квазиавторитарное государство [8, с. 16].

В течение 20-ти путинских лет в России модель ассиметричной демократической договорной федерации была заменена на модель императивной ассиметричной федерации [36, с. 306; 37, с. 28]. В ее основе лежат интеграционные начала, но внутренняя и внешняя политика определяются Центром. Это формализует принципы федерализма и усиливает централизацию, препятствуя проведению главами субъектов РФ несогласованной с Центром политики. Целенаправленная деятельность Путина позволила ему не только создать оригинальную политическую систему, но и сформулировать организующий ее идеологический концепт. Вместе с тем, современная политическая система РФ персонифицирована под него и не может без катаклизмов быть передана другому президенту. Поэтому в оставшийся до избрания нового руководителя страны период, правящему классу и обществу необходимо создать передаточные (адаптационные) механизмы, обеспечивающие цивилизованный переход власти другому правящему режиму.

Список использованной литературы и источников

1. Туровский Р. Ф. Институт губернатора в России: современная эволюция и перспективы / Р. Ф. Туровский // Региональная Россия — 2008: политика, деловой климат и социальные процессы в сравнительной перспективе. — Нижний Новгород : Издательство ВВАГС, 2008. — С. 14-33.
2. Дахин А. В. Проблема региональной стратификации в современной России / А. В. Дахин, Н. П. Распопов // Полис. — 1998. — № 4. — С. 132-144.
3. Анимца Е. Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы / Е. Г. Анимца // Экономика региона. — 2005. — № 1. — С. 7-19.
4. Песцов С. К. В поисках новой парадигмы регионального развития: зарубежный опыт и российская действительность / С. К. Песцов // Регионалистика. — 2018. — Т. 5, № 5. — С. 93-109.

5. Лексин В. Н. Региональная политика в контексте угроз и рисков стабильного функционирования государства / В. Н. Лексин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2013. — № 5. — С. 89–98.

6. Антонюк В. С. Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях / В. С. Антонюк, Е. Л. Корниенко, Э. Р. Вансович // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17, № 2. — С. 314–327.

7. Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Ельцин-центр. — 06.08.2015. — URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/> (дата обращения: 12.01.2021)

8. Бусыгина И. О пользе неудачи: опыт России для исследований сравнительного федерализма / И. Бусыгина, М. Филиппов // Вестник Пермского университета. Политология. — 2020. — Т. 14, № 3. — С. 6–19.

9. Россия регионов: трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. — Москва : Весь мир, 2000. — 376 с.

10. Сепаратизм в России и передача территорий иностранным государствам — забытый феномен «ельцинской эпохи» или все еще актуальная угроза? // Народный политолог. — 27.06.2020. — URL: <http://narpolit.com/istoriya-sovremenности/separatizm-v-rossii-i-peredacha-territorij-inostrannym-gosudarstva-m-zabytyj-fenomen-el-tsinskoj-epokhi-ili-vse-eshche-aktual-naya-ugroza> (дата обращения: 14.01.2021)

11. Дмитров И. Два десятка президентов / И. Дмитров // lenta.ru. — 05.10.2020. — URL: <https://lenta.ru/articles/2020/10/05/sovereign/> (дата обращения: 08.01.2021)

12. Гельман В. Я. Трансформация региональных политических режимов в современной России: сравнительный анализ / В. Я. Гельман, С. И. Рыженков, И. В. Егоров // Власть и общество в постсоветской России. — Москва : Моск. обществ. научн. фонд, 1999. — С. 83–84.

13. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия. — URL: <http://www.politika.su/reg/regass.html> (дата обращения: 17.01.2021)

14. Зачем современной России нужны губернаторы // Восток Медиа. — 14.05.2019. — URL: <https://vostokmedia.com/news/politics/14-05-2019/zachem-sovremennoy-rossii-nuzhny-gubernatory> (дата обращения: 19.01.2021)

15. Путин назвал правильной реформу в 2000 году, когда губернаторы перестали быть членами СФ // ТАСС. — 05.09.2020. — URL: <https://tass.ru/politika/9379917> (дата обращения: 12.12.2020)

16. Иванов В. Глава субъекта Российской Федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование. История губернаторов / В. Иванов. — В 2 т. — Т. 1. В 2 кн. — Кн. 1. — Москва : Издание книг ком, 2020. — 600 с.

17. О советах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах : Указ Президента РФ от 24 марта 2005 г. № 337. — URL: <http://base.garant.ru/187995/>.

18. Путин объяснил необходимость для РФ сильной президентской вертикали // РЕН ТВ. — 10.03.2020. — URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/671076-putin-obiasnil-neobkhodimost-dlia-rf-silnoi-prezidentskoi-vertikali> (дата обращения: 20.01.2021)

19. Головенкин Е. Н. Политическая система современной России: опыт построения вертикали власти / Е. Н. Головенкин // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. — 2019. — № 2. — С. 174–184.

20. Голосов Г. В. Демократия в России: инструкция по сборке / Г. В. Голосов. — Санкт-Петербург : БХВ–Петербург, 2012. — 208 с.

21. Цветкова О. В. Федеративные отношения в современной России / О. В. Цветкова // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 6. — С. 20–27.

22. Зуляр Ю. А. Политология. В 2 т. / Ю. А. Зуляр. — Т. 2. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 740 с.

23. Городецкая Н. Губернаторы получают новые оценки / Н. Городецкая // Коммерсантъ. — 2018. — 20 дек.

24. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : ФЗ от 6 окт. 2003 г. № 131–ФЗ // Президент России : офиц. сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035>.

25. Горяченко Е. Е. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России (результаты опроса руководителей муниципальных образований, апрель–май 2016 г.) : аналит. зап. / Е. Е. Горяченко, В. В. Малов. — URL: http://www.asdg.ru/about/struct/sobr/XXXIII/Monitoring_2016.pdf (дата обращения: 14.01.2021)

26. Леонова О. В. Отрасли государственной политики в Российской Федерации: приоритеты модернизации в условиях принятия конституционных поправок 2020 г. / О. В. Леонова // Власть. — 2020. — Т. 28, № 5. — С. 58–65.

27. Россия опередила Китай, Индию и Бразилию в неравенстве регионов // РБК. — 26.09.2018. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/09/2018/5baa58cd9a7947f649eea8fa> (дата обращения: 15.01.2021)

28. Иларионова Т. С. Государственное управление, социальная политика и региональное развитие — три ключа к успеху / Т. С. Иларионова // Государственная служба. — 2019. — Т. 21, № 1. — С. 47–54.

29. Минэкономики определило регионы лидеры и аутсайдеры по росту экономики // РБК. — 04.10.2019. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/10/2019/5d95b59e9a79477d5633cb4e> (дата обращения: 12.01.2021)

30. Елисеева Г. В. Проблемы федерализма в Российской Федерации / Г. В. Елисеева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2020. — № 2. — С. 153–157.

31. Котов А. В. Экспорто-ориентированная сырьевая модель российской экономики: в поисках новой модели пространственного развития / А. В. Котов // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2019. — № 2. — С. 5–16.

32. Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207–р. // СПС «КонсультантПлюс»

33. Блануца В. И. Государственная политика пространственного развития Сибири: анализ стратегических целей / В. И. Блануца // Серия Политология. Религиоведение. — 2020. — Т. 32. — С. 72–80.

34. Региональная политика в контексте пространственного развития России // РОСКОНГРЕСС. — 15.02.2019. — URL: <https://roscongress.org/news/regional-policy-in-the-context-of-russias-spatial-development/> (дата обращения: 14.01.2021)

35. Новая региональная политика — преемственность или перемены // РОСКОНГРЕСС. — 15.02.2018. — URL: <https://roscongress.org/sessions/novaya-regionalnaya-politika-preemstvennost-ili-peremeny/discussion/> (дата обращения: 19.01.2021)

36. Зуляр Ю. А. Политология. В 2 т. / Ю. А. Зуляр. — Т. 1. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. — 592 с.

37. Родионова А. К. Основные модели российского федерализма / А. К. Родионова // Observer. — 2008. — № 11. — С. 25–31.

Информация об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.

Author

Yu. A. Zulyar — doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of political science, history and regional studies, faculty of hHistory, Irkutsk state University, 664003, Irkutsk, UL. K. Marx, 1; e-mail: uzulyar@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.06

В. А. ИЛЬНИХ

УДК 94(571.1)»1935/1941»

ББК 63.3(253.3)613

СОВХОЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ, ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ*

В статье проведен анализ изменений системы управления государственным сектором аграрной экономики во второй половине 1930-х гг. Осуществлена реконструкция динамики основных показателей развития сельскохозяйственного производства в совхозах и госхозах Западной Сибири в 1935–1940 гг.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, совхозы, Сибирь.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы»

STATE FARMS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 1930S: MANAGEMENT SYSTEM, DYNAMICS OF PRODUCTION

Author analyzes changes in management system of the state sector of agricultural economy in the second half of the 1930s. Article contains reconstruction of dynamics of main indicators of agricultural production development in state farms of Western Siberia in 1935–1940.

Keywords: agricultural policy of the Soviet state, agricultural industry, sovkhoz, Siberia.

Совхозное строительство являлось составной частью радикально-реформирования аграрного строя СССР, осуществленного большевистским руководством в 1930-е гг. Регионом интенсивного развития государственного сектора сельского хозяйства была Западная Сибирь. Основное внимание сибирских исследователей традиционно уделяется истории совхозного строительства в первую половину десятилетия. Исключение, составляет изданная еще в 1973 г. монография Н.Я. Гущина, один параграф которой посвящен развитию сибирских совхозов во второй пятилетке (1933–1937 гг.) [1, с. 400-415]. Задачей настоящей статьи является аналитическая реконструкция изменений системы управления государственным сектором аграрной экономики и динамики основных показателей развития сельскохозяйственного производства (посевных площадей, поголовья продуктивного скота) в совхозах и госхозах Западной Сибири в 1935–1940 гг.

Специализированные совхозы должны были внести весомый вклад в решение зерновой и животноводческой проблем в СССР. До 1931 г. число хозяйств и их землепользование увеличивалось. Совхозы не оправдали возлагаемых на них советским руководством надежд. Планы производства и сдачи государству сельхозпродукции не выполнялись, а себестоимость производства была высокой. В 1932 г. программу совхозного строительства свернули. Началась реорганизация специализированных совхозов, которая в основном сводилась к разукрупнению и перепрофилированию. Часть наиболее убыточных хозяйств ликвидировали [2, с. 502, 505, 523]. Тем не менее основные производственные показатели (посевные площади, поголовье скота) в госсекторе Западной Сибири в 1933–1934 гг. продолжали расти. Их наращивание происходило в основном за счет расширения сети подсобных сельхозпредприятий отделов рабочего снабжения (ОРСов). Как правило, они были небольшими по размерам и имели фактически потребительский характер, поскольку их

продукция предназначалась для снабжения работников основного производства.

В 1934 г. в совхозах и госхозах Западной Сибири¹ было засеяно всеми культурами 1488 тыс. га, в том числе зерновыми — 1303 тыс., пшеницей — 703 тыс., кормовыми культурами — 103, картофелем — 49, овощами — 18 тыс. га. В структуре посева абсолютно преобладали зерновые культуры — 87,6 % (доля пшеницы составляла — 47,3 %, второстепенных зерновых культур — 40,3 %). Посадки картофеля занимали 3,3 % общей площади посева, овощей — 1,2, кормовых культур — 6,9 %. Удельный вес госсектора в общей посевной площади хозяйств всех категорий хозяйств составлял 16,5 %, посевах зерновых культур — 16,1, пшеницы — 14,5, кормовых культур — 46, картофеля — 16,5, овощей — 27,4 % [3, с. 6, 8, 15, 17, 72, 74, 224, 226, 233, 235, 249, 251]. Крупные совхозы вносили заметный вклад в производство зерновых культур. В животноводческих совхозах высокими темпами развивалось кормопроизводство. Подсобные хозяйства специализировались на выращивании овощей и картофеля.

На 1 января 1935 г. в совхозах и госхозах региона содержалось 590 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС), 272 тыс. коров, 421 тыс. овец и коз, 246 тыс. свиней. Удельный вес госсектора в общем поголовье КРС составлял 16,9 %, коров — 16,6, овец и коз — 11,5, свиней — 19,8% [4, с. 120, 139, 140]. Основной специализацией сибирских совхозов являлось мясо-молочное скотоводство. Многие подсобные хозяйства занимались свиноводством.

Крупные зерновые и животноводческие совхозы объединялись в специализированные территориальные тресты, подчинявшиеся Наркомату зерновых и животноводческих совхозов СССР. Часть специализированных госхозов находилась в ведении наркоматов земледелия СССР и РСФСР, Наркомата пищевой промышленности СССР (свекловодческие и табаководческие), Наркомата внешней торговли СССР (звероводческие). Подсобные хозяйства ОРСов были подведомственны различным наркоматам и учреждениям (Наркомату тяжелой промышленности, Наркомату легкой промышленности, Наркомату путей сообщения и др.). На 1 января 1935 г. в Западной Сибири функционировало 314 трестированных совхозов [5, с. 264].

Во второй половине 1930-х гг. продолжалась реорганизация системы управления госсектором и оптимизация совхозной сети. 28 ноября 1935 г. ЦИК СССР принял постановление о ликвидации трестов Наркомсовхозов, которые были признаны «плохой передаточной инстанци-

1 Здесь и далее кроме оговоренных случаев в Западную Сибирь включены территории Омской области и Западно-Сибирского края в границах 1935–1936 гг., Омской области и выделенных из Западно-Сибирского края Новосибирской области и Алтайского края в границах 1937–1941 г.

ей» [6; 7, с. 67]. Управление совхозами передали в непосредственное подчинение наркомата. Однако ему не удалось обеспечить оперативное управление большим количеством хозяйств, разбросанных на огромной территории страны. В связи с этим уже осенью 1936 г. принимается решение о учреждении наркоматов совхозов союзных республик. ЦИК СССР 19 октября 1936 г. учредил Наркомат зерновых и животноводческих совхозов РСФСР [8]. Часть хозяйств на территории РСФСР передавалась в подчинение республиканского наркомата, а часть оставалась в ведении Наркомсовхозов СССР.

Система управления осталась громоздкой и после создания республиканских наркоматов. В связи с этим с начала 1938 г. началось образование специализированных территориальных совхозных трестов. 17 февраля 1938 г. СНК СССР разрешило Наркомату совхозов СССР организацию 15 трестов, в том числе Алтайского союззернотреста и Новосибирского союзмолтреста [9]. В начале 1939 г. СНК РСФСР принял решение о переходе на трестовскую систему организации [10]. Кроме того, еще в 1937 г. при краевых и областных исполкомах были созданы тресты пригородных совхозов (сельхозтресты) [11].

В начале 1940 г. в системе Наркомата совхозов СССР было образовано еще 135 специализированных трестов [12, с. 116]. Сельхозтресты из ведения край- и облисполкомов передали в непосредственное подчинение Управления совхозных трестов пригородных хозяйств Наркомата совхозов РСФСР. Таким образом к началу 1940-х гг. трестовская система управления совхозами была фактически полностью восстановлена.

Совхозы отличались от колхозов более высокой себестоимостью продукции. В 1935–1937 гг. одним из основных методов сокращения издержек производства в совхозах являлась передача части принадлежавших им земель колхозам. Колхозам передавались малоиспользуемые сельхозугодья действующих совхозов или земли ликвидируемых хозяйств.

За период с июля 1935 г. по февраль 1937 г. было принято 46 постановлений СНК СССР об отрезке земли от совхозов и иных госхозов с передачей их колхозам [12, с. 65]. Два из них касались Западной Сибири¹. Соответствующие правительственные решения принимались по ходатайству региональных парткомов и исполкомов советов. Просьбы аргументировались необходимостью увеличить землепользование колхозов, а также тем, что совхозы недостаточно эффективно используют свои угодья. Общая площадь земель, которые передавались колхозам в Западной Сибири в целом составляла 1 млн 830 тыс. га [13; 14].

1 3 октября 1936 г. СНК СССР приняло постановление «Об отрезке земель от совхозов и хозяйств ОРСов Западно-Сибирского края и об увеличении за этот счет земель колхозов» [13]; 26 февраля 1937 г. — «Об отрезке земель от совхозов, хозяйств ОРСов и подсобных хозяйств разных организаций Омской области и об увеличении за этот счет земель колхозов» [14].

В 1935–1937 гг. строительство новых совхозов в Сибири практически прекратилось. Продолжалось их разукрупнение и ликвидация. В Западно-Сибирском крае на 1 января 1935 г. функционировало 214 совхозов. К 1 июля 1936 г. число совхозов возросло до 218. К концу года, в связи передачей части сельхозугодий колхозам, 46 хозяйств ликвидировали. На 1 января 1937 г. земельный фонд совхозов наркоматов совхозов СССР и РСФСР, находящихся на территории Новосибирской области¹, сократился по сравнению с началом 1934 г. на 28 % [9, с. 68; 1, с. 404].

В конце 1936 г. в Западно-Сибирском крае² насчитывалось 172 совхоза, в т.ч. 22 зерновых, 97 молочно-мясных, 18 свиноводческих, 8 овцеводческих, 7 мараловодческих, 5 сорто-семенных, 3 звероводческих, 9 свекловодческих, 1 льноводческий и 2 конных завода. После выделения Новосибирской области из Западно-Сибирского края на ее территории осталось 89 зерновых и животноводческих совхозов союзного и республиканского наркоматов совхозов (в том числе 8 зерновых, 66 мясо-молочных, 13 свиноводческих, 2 овцеводческих) и 3 совхоза Наркомзема СССР (1 свиноводческий и 2 звероводческих). В Омской области на 1 января 1935 г. было 97 совхозов. Часть из них в 1936–1937 г. ликвидировали. В начале 1938 г. в области функционировал 81 совхоз: 8 зерновых, 54 молочно-мясных, 8 свиноводческих, 4 овцеводческих, 3 сортосеменных, 1 племенной, 1 звероводческий, 2 конных завода. [1, с. 40-406; 2, с. 333; 5, с. 264].

В конце 1930-х гг. число госхозов стало расти. Новое совхозное строительство было связано с ухудшением продовольственной ситуации в городах и рабочих поселках. Бурный рост численности населения в них не сопровождался соответствующим наращиванием снабжения сельхозпродуктами. Расположенные в пригородной зоне колхозы, на которые возлагалась эта задача, со своими обязанностями не справлялись. В связи с этим принимается решение о создании сети пригородных совхозов, специализирующихся на производстве картофеля, овощей и молока. В конце 1939 г. областной трест пригородных совхозов в Новосибирской области включал 29 хозяйств (за год до этого — 23), в менее индустриальном Алтайском крае³ в трест входило 3 хозяйства [15, с. 170; 16, с. 5].

Новый импульс развития получили подсобные хозяйства ОПСов, предприятий и учреждений. В сентябре 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее директоров предприятий создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления «для улучшения продовольственного снабжения рабочих и

1 Здесь и далее данные по Новосибирской области приводятся в границах 1937–1941 гг.

2 Здесь и далее данные по Западно-Сибирскому краю приводятся в границах 1935–1936 гг.

3 Здесь и далее данные по Алтайскому краю приводятся в границах 1937–1941 гг.

служащих» [17, с. 773]. В то же время число крупных специализированных зерновых и животноводческих совхозов в регионе в конце 1930-х гг. практически не изменилось.

На конец 1939 г. в Алтайском крае функционировало 80 совхозов и госхозов (15 зерновых, 32 мясо-молочных, 5 овцеводческих, 4 свиноводческих, 8 свекловичных, 8 мараловодческих, 3 семеноводческих, овощной, 3 пригородных, коневодческий, конезавод, племхоз, зверосовхоз и одно подсобное хозяйство). На 1 января 1940 г. в Новосибирской области насчитывалось 123 совхоза (8 зерновых, 67 мясо-молочных, 13 свиноводческих, 2 овцесовхоза, 29 пригородных, 2 звероводческих, льносовхоз, племсовхоз) и 20 подсобных хозяйств. В конце 1941 г. на территории Западной Сибири¹ функционировало 299 совхозов всех систем [16, с. 4-5; 15, с. 172–194; 18, л. 86].

В 1935 г. общая посевная площадь в госсекторе Западной Сибири впервые со времени начала социалистической реконструкции сельского хозяйства уменьшились (на 1,6 %). Сокращение посевов зерновых культур было более существенным, составив 6,6 %. В 1936 г. снижение посевных площадей в госсекторе продолжилось. Посевы всех культур уменьшились на 4,4 %, зерновых культур — на 6 %. В 1937 г. темпы спада ускорились. Общая площадь посева сократилась на 17,1 %, зерновых — на 18,6 %. В целом за три года посевная площадь в совхозах и госхозах всех типов в регионе снизилась на 21,9 % [3, с. 6, 8, 15, 17]. Основными факторами падения являлись отрезка земель от совхозов, пик которой пришелся на 1937 г., и сокращение числа подсобных хозяйств. Причиной отказа многих ОРСов от их ведения стала стабилизация продовольственной ситуации в стране и связанная с этим отмена карточной системы снабжения продовольственными товарами.

Посев зерновых во всех типах совхозов в Западной Сибири снизился за указанный период на 28,6 %, пшеницы — на 41,2, картофеля — на 57,1, овощей на 64,8 %, а кормовых культур увеличилась на 92 %. Сокращение посевов пшеницы и зерновых культур связано с внедрением в совхозах оптимальных севооборотов. Необходимость наращивания производства кормовых культур диктовалась нуждами животноводства. Картофель и овощи ранее производились в основном в подсобных хозяйствах. В итоге произошли значимые сдвиги в структуре посева. Доля зерновых культур, пшеницы, картофеля и овощей в общей посевной площади госсектора региона снизилась до 80,1, 35,6, 1,8 и 0,6 % соответственно, а второстепенных зерновых и кормовых культур увеличилась до 44,5 и 17 %. Удельный вес совхозов и иных госхозов в общей посевной площади стал существенно меньше, со-

1 Здесь и далее при указании в примечании «в послевоенных границах» в Западную Сибирь включены территории Алтайского края, Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей в послевоенных границах.

ставив по всем культурам 11,9%, по зерновым культурам — 10,9, по пшенице — 8,3, по картофелю — 6,4, по овощам — 13,1 %. В связи с более высокими темпами расширения посадок кормовых культур в колхозах, доля совхозов в площади занятой ими пашни также несколько снизилась — до 44,4 %. В 1938 г. спад в совхозном растениеводстве региона был преодолен. Общая площадь посева за год увеличилась на 4,8 %. В то же время перестройка отраслевой структуры растениеводства продолжалась. Площадь занятая пшеницей снизилась на 6,6 %, кормовыми — увеличилась на 28,2 % [3, с. 6, 8, 15, 17, 72, 74, 224, 226, 233, 235, 249, 251].

В 1935–1937 гг. в совхозном животноводстве Западной Сибири также произошел спад. За три года численность КРС в хозяйствах госсектора сократилась на 13,2 %, а коров — на 32,5, свиней на 25,7 %, а поголовье овец увеличилось на 16 %. Основной причиной снижения поголовья являлась ликвидация большей части подсобных хозяйств и ежегодная передача специализированными совхозами значительного количества молодняка колхозам и колхозникам. В остальных секторах наблюдалось существенное наращивание производственного потенциала животноводства. В результате удельный вес совхозов и госхозов в общем поголовье скота за 1935–1937 гг. заметно снизился: по КРС до 11,2 %, по коровам — до 9,4 %, по овцам и козам — до 9,1 %, по свиньям — с 19,8 до 11,9 %. Таким образом, хозяйства госсектора утратили свои позиции по всем видам продуктивного скота [4, с. 120, 139, 140].

В конце 1930-х гг. поголовье скота в госсекторе продолжало снижаться. В совхозах всех типов, расположенных на территории Алтайского края и Новосибирской области¹, в начале 1941 г. КРС содержалось на 11,2 %, коров — на 5 %, овец и коз — на 20,9 % меньше, чем в начале 1938 г. И лишь численность свиней осталась фактически неизменной (+0,2 %) [4, с. 120, 139, 140; 19, л. 120-122, 124-126].

Падение поголовья крупного и мелкого рогатого скота в совхозах Западной Сибири стало следствием продолжающейся передачи значительной части молодняка для пополнения колхозных ферм, а также связанного с катастрофическим недородом 1940 г. сверхнормативного падежа зимой 1940/1941 г. При этом потери свиноголовья были компенсированы за счет его наращивания в подсобных хозяйствах. На 1 января 1941 г. в совхозах и госхозах региона² (без учета подсобных хозяйств) содержалось 383 тыс. голов КРС, 159 тыс. коров, 351 тыс. овец и коз, 174 тыс. свиней. Удельный вес госсектора в общем поголовье КРС составлял 9,4 %, коров — 8,5, овец и коз — 5,5, свиней — 15,5 % [20, с. 11, 18, 26, 34, 56, 63, 70, 77].

1 Данные о поголовье скота в Омской области в сопоставимых границах за 1938 и 1941 гг. не выявлены.

2 В послевоенных границах.

В отличие от животноводства совхозное растениеводство в регионе в конце 1930-х гг. в целом имело позитивную динамику. Площадь посева зерновых культур в госсекторе Западной Сибири¹ в 1939 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 0,5 % в 1940 г. — на 2,5 %, в 1941 г. — на 3,4 %. В 1941 г. зерновые занимали пашни на 6,5 % больше, чем в 1938 г. [18, л. 9; 21]. Темпы роста посевных площадей кормовых культур были значительно выше. В Алтайском крае в 1939 г. общая площадь посева увеличилась на 9,5 %, зерновых культур — на 2,7 %, кормовых культур — на 45,8 %, а многолетних трав — на 72 % [16, с. 15]. Бурный рост травосеяния был связан массовым внедрением в конце 1930-х гг. в СССР паротравополюя — системы земледелия в которой восстановление плодородия почвы достигается за счет введения в севообороты на несколько лет подряд клина сеяных трав.

В 1939 г. в госсекторе продолжалось снижение посадок картофеля. В совхозах Алтайского края его в этом году посадили на 26,6 % меньше, чем в предыдущем [16, с. 15]. Площадь, занятая овощами уменьшилась не столь существенно. С 1940 г. за счет организации новых пригородных и подсобных хозяйств начался быстрый рост совхозного овощеводства и картофелеводства. В Новосибирской области посадки картофеля в 1941 г. в госсекторе выросли по сравнению с 1938 г. в 2,6 раза, овощей — в 3 раза [3, с. 243; 23]. Темпы прироста посевов кормовых культур, картофеля и овощей в совхозах были выше, а зерновых культур незначительно ниже чем в колхозах. Соответственно удельный вес госсектора региона в общей площади кормовых культур, картофеля и овощей увеличился, а зерновых несколько снизился.

В 1940 г. в совхозах и госхозах Западной Сибири² было засеяно всеми культурами 1402 тыс. га, в том числе зерновыми — 973 тыс., пшеницей — 383 тыс., кормовыми культурами — 395, картофелем — 21, овощами — 9 тыс. га. В структуре посева абсолютно преобладали зерновые культуры — 83,7 % (доля пшеницы составляла 27,3 %, второстепенных зерновых культур — 56,4 %). Посадки картофеля занимали 1,5 % общей площади посева, овощей — 0,6, кормовых культур — 28,2 %. Удельный вес госсектора региона в общей посевной площади хозяйств всех категорий составлял 13,1 %, посевах зерновых культур — 10,8, пшеницы — 7,7, кормовых культур — 42,4, картофеля — 6,5, овощей — 19,8 [18, л. 149, 154, 158, 163, 174–175, 179, 241, 245, 249, 253, 256, 260, 280, 284, 288, 297, 301, 305].

Таким образом, в 1935–1937 гг. в государственном секторе аграрной экономики Западной Сибири произошло существенное сокращение посевных площадей и поголовья скота. Основными причинами этого стала передача колхозам сельхозугодий и молодняка скота, а также ликвида-

1 В послевоенных границах.

2 В послевоенных границах.

ция значительной части подсобных хозяйств. В конце 1930-х гг. посевные площади в госсекторе стали медленно расти. Основным драйвером позитивной динамики являлись пригородные и подсобные хозяйства, количество которых вновь увеличилось. В животноводстве в конце 1930-х гг. был зафиксирован спад, частично компенсированный увеличением свинопольства в подсобных хозяйствах. В целом во второй половине 1930-х гг. произошло снижение удельного веса совхозов в общем объеме сельскохозяйственного производства.

Список использованной литературы и источников

1. Гушин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н. Я. Гушин — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1973. — 518 с.
3. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич — Новосибирск : Инт. истории СО РАН, 2011. — 608 с.
4. Посевные площади СССР (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.): стат. справочник. — Москва ; Ленинград, 1939. — 332 с.
5. Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. — Москва ; Ленинград : Госпланиздат, 1940. — 220 с.
6. Социалистическое строительство СССР: стат. ежегодник. 1936. — Москва : ЦУНХУ Госплана СССР, 1936 — 719 с.
7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). — 1935. — № 60. — Ст. 485.
8. Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). — Новосибирск : Б.и., 1939. — 128 с.
9. СЗ СССР. — 1936. — № 55. — Ст. 431.
10. СЗ СССР. — 1938. — № 4. — Ст. 13.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. Р-358. — Оп. 1. — Д. 1256. — Л. 76.
12. Собрание постановлений Правительства РСФСР. — 1939. — № 2. — Ст. 4.
13. Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941 / И. Е. Зеленин. — Москва : Изд-во «Наука», 1982. — 240 с.
14. СЗ СССР. — 1936. — № 50. — Ст. 415.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 2098. — Л. 44-45.
16. Новосибирская область в 1939 г.: [стат. сб.]. — Новосибирск : Б.и., 1940. — 131 с.
17. Сельское хозяйство Алтайского края в 1939 году: [стат. сб.]. — Барнаул : Б.и., 1940. — 330 с.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 2. — 798 с.

19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 1490.
20. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 1821.
21. Численность скота в СССР: стат. сб. — Москва : Гос. стат. изд-во, 1957. — 619 с.
22. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 329. — Д. 1410. — Л. 5.
23. ГАНО. — Ф. П-4. — Оп. 5. — Д. 348. — Л. 72.

Информация об авторе:

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, профессор, зав. сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: agro_iwa@mail.ru

Author

Vladimir A. Ilinykh — doctor of historical Sciences, head of the Agrarian and Demographic History Sector, Institute of History SB RAS, 8, Nicolaev str. Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.07

В.Н. КАЗАРИН

УДК 378:338(57.2)(091)

ББК 74.48:65(2Р-4)Ир

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. 1918 — НАЧАЛО 1930-Х ГГ.

Рассмотрены предпосылки возникновения высшего экономического образования в Восточной Сибири. На основе архивных данных и опубликованных источников автором установлен персональный профессорско-преподавательский состав и его изменения на протяжении более десяти лет, учебные программы по предметам экономического цикла, методика преподавания учебных дисциплин. Отмечено, что экономические дисциплины стали преподаваться в Иркутском государственном университете с первого дня его образования. Сделан вывод о том, что экономическое образование прошло различные формы: от экономических отделений гуманитарного факультета и факультета общественных наук до самостоятельного факультета права и местного хозяйства. Устоявшаяся модель финансово-экономического образования окончательно сформировалась на факультете права и местного хозяйства. Там сложился кадровый состав преподавателей, отвечавший требованиям высшей школы, проводились научные исследования, преподавание осуществлялось по утвержденным программам, использовались различные методы обучения, апробировались методики. Факультет осуществил несколько выпусков специалистов. В результате проводимой на

рубеже 1920-х–1930-х гг. реформы высшего образования факультет был закрыт. Продолжателем высшего экономического образования в регионе на длительный период стал Сибирский финансово-экономический институт, ныне Байкальский государственный университет.

Ключевые слова: экономическое образование, Иркутский государственный университет, профессорско-преподавательский состав, учебный процесс, влияние политики и идеологии, Сибирский финансово-экономический институт.

V.N. KAZARIN

FORMATION AND EVOLUTION OF ECONOMIC EDUCATION AT THE IRKUTSK STATE UNIVERSITY. 1918 BEGINNING OF THE 1930TH.

Prerequisites of emergence of the higher economic education in Eastern Siberia are considered. On the basis of contemporary records and the published sources the author established the personal faculty and its changes for more than ten years, training programs in objects of business cycle, a technique of teaching subject matters. It is noted that economic disciplines began to be taught at the Irkutsk state university from the first day of its education. The conclusion is drawn that economic education passed various forms: from economic offices of humanitarian faculty and faculty of social sciences to independent faculty of the right and local economy. The settled model of financial and economic education finally was created at faculty of the right and local economy. There were personnel of teachers meeting the requirements of the higher school, scientific research was conducted, teaching was carried out on the approved programs, various methods of training were used, techniques were approved. The faculty made several releases of experts. As a result, to the reform of the higher education undertaken at a boundary of 1920-h–1930-h the faculty was closed. The Siberian financial and economic institute, nowadays Baikal state university became the successor of the higher economic education in the region for the long period.

Keywords: economic education, Irkutsk state university, faculty, educational process, influence of policy and ideology, Siberian financial and economic institute.

В какой степени Иркутский государственный университет, созданный в состоянии внутренней смуты, быстрой смены политических режимов, стремительных изменений военной ситуации, наличия в Сибири иностранных войск, контроля Транссибирской железнодорожной магистрали, связывающей регион с европейской частью бывшей Российской империи, чехословацкими легионерами с французскими и британскими офицерами, продолжил традиции дореволюционного высшего образования и каким образом претерпел преобразования в стремительные 20-е гг. прошлого века, каков вектор и какие изменения произошли в экономическом образовании в вузе в этот период — основная задача

данной статьи. Необходимо учитывать, что эти трансформации были характерны не только для отдельно взятого университета, буквально боровшегося за свое существование и доказывавшего необходимость подготовки широкого спектра подготовки специалистов с высшим образованием. Они отразили смену политических и идейных парадигм, образовательных моделей, включавших появление новых учебных программ и дисциплин, поиск методов и методик преподавания, подвижную динамику кадрового состава с учетом конкретных особенностей университета того периода, который насчитывает второе столетие своей истории.

Были ли предпосылки формирования в губернском центре высшего экономического образования? Обратимся к новейшей историографии этой темы. А.П. Суходолов и Д.Я. Майдачевский отправной точкой возникновения экономического образования в Восточной Сибири считают 9 августа 1907 г., когда министром торговли и промышленности Российской империи был утвержден устав Иркутского городского коммерческого училища, а само училище приступило к работе с 1 сентября 1908 г. [16, с. 9, 10]. Однако следует четко разграничивать среднее (средне-специальное) и высшее образование. Итак, что понимается под средним образованием? Новая российская энциклопедия определяет его так: «Среднее образование является основой для получения высшего образования. В отечественной традиции термин «среднее образование» применяется в качестве синонима к понятиям: «общее образование», «среднее полное образование», «среднее специальное образование», «среднее профессиональное образование» и др. В обобщенном виде выделяют два основных направления среднего образования: общее и профессиональное» [15]. Та же энциклопедия указывает, что «Высшее профессиональное образование — высший уровень образования, имеющий целью удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении знаний, полученных на базе среднего (полного) общего, среднего профессионального образования, с другой стороны, — обеспечения общественных потребностей в высококвалифицированных специалистах. Реализуется в высших учебных заведениях (вузах) по основным образовательным программам определенного уровня и направленности. Подтверждается дипломом с указанием квалификации, свидетельствующей о наличии знаний, умений и навыков, необходимых для решения профессиональных задач высокого класса сложности» [2]. Автор статьи в Большой российской энциклопедии подчеркивает, что «высшее профессиональное образование — высший уровень профессионального образования; уровень квалификации по специальности, формально подтвержденной дипломом об окончании вуза. Высшее профессиональное образование осуществляется в высших учебных заведениях, имеющих лицензию на их реализацию» [11].

Исходя из этих определений, с 1907 г. в регионе возникло общее специальное, но, конечно же, не высшее профессиональное экономи-

ческое образование. Появление среднего профессионального экономического образования (в современных терминах) явилось значимым событием для развития региона. А с какого времени следует начать отсчитывать начало высшего экономического образования, отвечающего всем базовым требованиям? Очевидно, что с возникновением высшего учебного заведения, в котором бы осуществлялась подготовка дипломированных экономистов. Для этого необходимо: сформировать кадровый состав преподавателей, отвечающих требованиям высшей школы, способных обеспечить учебный процесс, соответствующая материальная база, наличие учебных программ, достаточный набор студентов, осуществление выпуска специалистов. Наконец, учебное подразделение должно осуществлять научную деятельность по соответствующему профилю.

Вопрос о воплощении общих принципов университетского образования в возникшем Иркутском университете последовательно рассматривался в специальной литературе [8], здесь же коснемся отдельного аспекта, а именно зарождения преподавания экономических дисциплин, переросшее затем в полноценное высшее юридическое образование. В Общем уставе Императорских российских университетов, принятом 18 июня 1863 г. в отделении II «Состав и распределение образования» параграф 15 в числе кафедр юридического факультета предусматривал кафедру политической экономики и статистики [9, с. 180].

Сама идея университета в Иркутске, пробиваясь через, казалось бы, все, что ей препятствует, реализовалась на практике, несмотря на мнения некоторых скептиков-современников да и их немногих нынешних последователей, считающих, что создать надо было бы нечто иное, да и вообще подождать до лучших времен. Необходимо учитывать, что первоначально Иркутский университет предполагалось создать как отделение Московского университета, о чем докладывал 16 октября 1918 г. Моисей Матвеевич Рубинштейн, фактически один из ключевых организаторов университета, будущий ректор, на тот момент еще не избранный, на заседании профессоров и преподавателей Иркутского университета, в том числе только что прибывших новых профессоров из Уфы. Московская профессура выразила необычайно сочувственное отношение, выразившееся в готовности многим представителям переехать в Иркутск, а также пожертвовать ценными книгами. В частности, в Москве были приобретены ценные экземпляры книг из библиотеки юриста Уляницкого и профессора Смирнова. Но фактически приехать московские и петроградские профессора не смогли по причине военно-политических событий Гражданской войны [4, оп. 1, д. 5, л. 20].

Следует обратить внимание на важный юридический документ. Это постановление Совета Министров от 26 апреля 1919 г. «Об учреждении Государственного Иркутского Университета». В документе говорилось о том, что на Иркутский университет «распространяется

действие Общего устава и уставов российских университетов с последовавшими к ним дополнениями и изменениями, а также постановлением Временного Сибирского правительства об учреждении расписания должностей и окладов служащих Томского университета и Томского технологического института и с применением к прочим высшим учебным заведениям Сибири» (п. 1). Первоначальный состав профессоров и доцентов вновь открываемых факультетов, а также первые деканы сих факультетов избираются Министром народного просвещения (п. 4). Следует подчеркнуть, что данный документ подтвердил те же квалификационные требования, что предъявлялись правительством. И, наконец, очень важно! В данном постановлении прямо указано, что «Иркутский государственный университет считать открытым с 15 сентября 1918 г. в составе историко-филологического и юридического факультетов с предоставлением Министру народного просвещения открыть в сроки, установленные по соглашению с Попечительским советом физико-математического и медицинского факультетов. Средства, необходимые на содержание университета, отпускать из средств Государственного казначейства, начиная с 1 января 1919 г., в общем сметном порядке. На документе подписи Председателя Совета Министров, Министра народного просвещения, Управляющего делами Верховного правителя и Совета Министров [4, оп. 1, д. 1, л. 106–107].

Этот документ примечателен тремя обстоятельствами. Во-первых, он был принят после того, как университет уже фактически функционировал, то есть осуществлял учебную, методическую, научно-исследовательскую деятельность, а его преподаватели активно проявили себя в общественной жизни города и губернии. Иначе говоря, принят *post factum*. Во-вторых, был принят правительством, которое пришло к власти после ноябрьского переворота 1918 г. в Омске, когда властные полномочия, таким образом, перешли к администрации во главе с адмиралом А.В. Колчаком. Пусть и запоздало, но спустя полгода это правительство, теперь от своего имени юридически оформило решение своего предшественника, даже отстраненного насильственным путем. В-третьих, считать правительство Колчака основателем Иркутского государственного университета, значит противоречить реальным фактам, задокументированным и проверенным. В то же время, правительство колчаковского режима признало правомочность создания университета в Иркутске и обязалось его финансировать из своих средств, не отдавая этот важнейший вопрос общественности и изысканию местных источников его функционирования.

Фактически Иркутский университет в составе историко-филологического и юридического факультетов стал функционировать, т. е. в полном объеме осуществлять учебный процесс, с 27 октября 1918 г. Что этому предшествовало, как формировался преподавательский корпус

преподавателей-экономистов, как шла подготовка к началу учебных занятий? Еще 9 октября 1918 г. на совещании профессоров и преподавателей создаваемого Иркутского университета был рассмотрен учебный план юридического факультета. В числе предполагаемых к изучению на первом курсе дисциплин в соответствии с традициями российских императорских университетов была включена дисциплина «Политическая экономия и статистика» И на этом же собрании приват-доцентом по кафедре статистики был избран Клавдий Николаевич Миротворцев [4, оп. 1, д. 5, л. 18]. В этой же должности он пребывал и в 1919 г. [Там же, д. 51, л. 33]. В списке членов Совета Иркутского университета от 19 ноября 1918 г. из 19 членов был и Миротворцев [Там же, д. 15, л. 19].

В отчете, направленном министру народного просвещения Василию Васильевичу Сапожникову Омского правительства от 23 октября 1918 г. отмечалось, что сформировано два факультета: историко-филологический и юридический. В последнем создали пять кафедр. Четыре из них сугубо юридические: уголовного права (проф. Г.Ю. Маннс), гражданского и торгового права (проф. М.М. Агарков), государственного права (пр.-доц. А.Н. Колесников), римского права (пр.-доц. В.Н. Охотимский), и одна экономического профиля — статистики (пр.-доц. К.Н. Миротворцев) [Там же, оп. 24, л. 11]. Таким образом, факультет отвечал требованиям уставов императорских университетов, в которых предусматривалась кафедра этого профиля. Курс статистики в объеме двух часов в неделю читал К.Н. Миротворцев в первом семестре для тех студентов, которые только что поступили в университет, и в таком же объеме в третьем семестре для тех, кто уже ранее обучался в каких-либо университетах, но вынужден был вследствие политической и военной обстановки продолжить обучение в Иркутском университете. Согласно архивным данным, осенью 1918 г. на юридическом факультете обучалось 310 студентов, а весной 1919 г. — 238 студентов [Там же, оп. 1, д. 37, л. 3, 4].

На заседании профессоров и преподавателей Иркутского университета от 26 октября 1918 г., т. е. фактически за день до начала учебных занятий, было принято решение о создании при юридическом факультете кабинетов уголовного и публичного прав, гражданского права, экономических наук и социального музея [Там же, д. 5, л. 27]. Временно исполняющим должность зав. кабинетом экономических наук 19 декабря 1918 г. стал К. Н. Миротворцев [Там же, л. 3], а в одну из задач социального музея входил сбор материалов по кооперативному движению [Там же, л. 41].

Примечательно, что не прошло и месяца со времени фактического открытия университета, как 19 ноября 1918 г. совет вуза, реагируя на просьбу Совета кооперативных съездов, поручил юридическому факультету рассмотреть вопрос о возможности и формах преподавания кооперативных знаний в ИГУ. А в более широком плане проработать вопрос об открытии кафедры кооперации или экономико-кооперативного отделения при юридическом факультете ИГУ [Там же, л. 31].

В связи с избранием на должность профессора по кафедре политической экономии и статистики Петра Павловича Маслова, произошло разделение читаемых профильных экономических дисциплин. В 1919/1920 учебном (тогда именовали академическим) году из 14 обязательных предметов два относились к экономическим. При этом политическую экономию стал читать П.П. Маслов, а статистику по-прежнему К. Н. Миротворцев. Эта ситуация была аналогичной в первом и третьем семестрах [Там же, д. 36, л. 82].

Таким образом, экономические дисциплины, прежде всего политическая экономия и статистика преподавались студентам-юристам, как это и предусматривалось прежними университетскими уставами, в период от возникновения университета до падения колчаковского режима. Хотя, следует отметить, университет обладал автономией в тех рамках, насколько позволяли те конкретные условия. Колчаковский режим, все более показывая свою неспособность к организации управления территориями, на которые он распространялся, раздираемый внутренними противоречиями, проигрывал военные сражения Красной армии, подрывался партизанским движением в тылу, и в конечном счете, бесславно пал [19].

В связи с ликвидацией колчаковского режима и объявлением Иркутска на осадном положении ввиду ожидаемого похода отрядов генерала В.О. Каппеля, Иркутский университет возобновил свою деятельность 14 февраля 1920 г. В этот же день на юридическом факультете была избрана комиссия для разработки нового плана преподавания. Однако ситуация осложнялась тем, что на тот момент никаких законоположений (нормативно-правовых актов) Советского правительства о высшей школе в городе не было. Тем не менее, Совет университета 18 марта 1920 г. поручил правлению разработать программу реорганизации вуза на основании имеющихся декретов советской власти в кратчайшие сроки. Было принято решение, что отныне деление всех заслуженных, ординарных, экстраординарных, сверхштатных профессоров отменяется. И отныне вводится единое звание — профессор. Все доценты и приват-доценты, если удовлетворяют требованиям, переводятся в звание профессора по представлению факультетов [Там же, д. 88, л. 16].

Новый властный орган, а именно Иркутский губернский революционный комитет (Губревком) 5 апреля 1920 г. постановил: впредь до полной реорганизации системы преподавания приостановить функционирование юридического и историко-филологического факультетов, а также муниципальных курсов при ИГУ [Там же, д. 95, л. 26]. А 10 апреля 1920 г. в газете «Власть труда» было опубликовано постановление Иркутского губернского отдела народного образования и постановление Иркутского ревкома от 5 апреля о недействительности старого Устава университета, об отмене автономии и роспуске Совета до реорганизации ИГУ, о приостановлении деятельности юридического и историко-филологиче-

ского факультетов и о создании комиссии по реорганизации ИГУ. Назревал явный конфликт университета с новой властью. Для того, чтобы не обострять ситуацию, руководство университета приостановило все собственные мероприятия по дальнейшей реорганизации. В частности, было приостановлено объявление конкурсов на замещение должностей профессорско-преподавательского состава, дальнейшее формирование физико-математического и медицинского факультетов [4, оп. 1, д. 88, л. 17].

Постановлением Совета Иркутского университета от 31 марта 1920 г. было решено, что университет реорганизован с 1 апреля 1920 г. «на точном основании имеющихся в Иркутске центров Советской власти». Юридический и историко-филологический факультеты упраздняются; образовывается факультет гуманитарных наук», — так было отмечено в официальном документе, оправленном 2 апреля 1920 г. в Иркутский отдел народного образования исполняющим обязанности ректора ИГУ профессора В.П. Доманжо [1, ф. 71, д. 92, л. 32]. Уже 6 апреля 1920 г. было принято решение о том, что в составе гуманитарного факультета будет шесть отделений, в том числе экономическое [4, оп. 1, д. 88, л. 16].

В период функционирования гуманитарного факультета произошли существенные изменения в обеспеченности кадровым составом преподавателей. Экономическое отделение оказалось по сравнению с другими отделениями в тяжелом положении. По подсчетам автора, из 12 предметов общественно-правового отделения не обеспеченными преподавателями были два предмета; из 9 предметов исторического отделения — три, из шести дисциплин филологического отделения — две; из шести предметов восточного отделения — три: из трех предметов философско-педагогического отделения — одна, а из шести дисциплин экономического отделения — четыре [1, ф. 71, оп. 1, св. 25, д. 87, л. 8].

На гуманитарном факультете были образованы следующие отделения: экономическое, общего права, философско-педагогическое, историческое, филологическое, восточное, а также курсы восточных языков [4, оп. 1, д. 87, л. 3]. Появление нового факультета произошло в условиях резкого слома прежнего, колчаковского режима. Это было не просто очередное структурное преобразование. Происходил пересмотр учебных программ и содержания учебных дисциплин. Отметим лишь те, которые затронули экономическое отделение: Основной предмет «Социализм в связи с историей народного хозяйства» был преобразован в «Историю социализма в связи с историей народного хозяйства». Появился новый предмет «История рабочего и крестьянского движения в России в связи с историей народного хозяйства» (2 часа в неделю). Из пропедевтических в дополнительные были переведены предметы: «Общее учение о государстве», «Наука о внутреннем управлении» и «Частное право» [Там же, л. 19]. В этом нашли свое отражение идеологические и политические основы новой власти.

Посмотрим более внимательно, какие дисциплины изучали студенты экономического отделения гуманитарного факультета в 1920 г. Все дисциплины подразделялись на пропедевтические, основные и дополнительные на всех курсах обучения. К первым относились: логика, русская история, всеобщая история, социология, земледевие, основы высшей математики и общая теория права (все по 2 часа в неделю).

В перечень основных предметов входили: наука о народном хозяйстве, экономическая география России и Сибири, статистика, товароведение, право производства, обмена и распределения, история социализма в связи с историей народного хозяйства (все по 4 часа в неделю); специальная бухгалтерия (3 часа в неделю); наука о государственном хозяйстве и финансах, наука о частном хозяйстве, общая экономическая география, история хозяйственного быта, история экономических и социальных учений, история и теория кооперации, экономическая политика, сельскохозяйственная статистика, история рабочего и крестьянского движения в связи с историей народного хозяйства, общая бухгалтерия, землеустройство и аграрная политика, Конституция РСФСР и ее обоснование (2 часа в неделю); статистика народонаселения, промышленная статистика, профессиональная статистика, бюджетная статистика, страховое дело, организация продовольствия, право труда (1 час в неделю).

Дополнительные предметы включали: история общественного движения, физика, химия (4 часа в неделю); наука о внутреннем управлении (3 часа в неделю); наука о преступлении и наказании, интернациональное право и политика, общее учение о государстве, судебное право, научный социализм и право, частное право (все по 2 часа в неделю). При отделении было 2 кабинета и социальный музей [4, оп. 1, д. 100, л. 17]. Как видим, программа обучения включала значительный перечень обще-социальных, экономических и правовых дисциплин.

Гуманитарный факультет просуществовал относительно недолго: 1 июня 1921 г. он прекратил свое существование. По примеру советских вузов был создан факультет общественных наук (ФОН), в который вошел весь личный состав гуманитарного факультета и его вспомогательные учреждения. В составе ФОНа открыли отделения: правовое с циклами судебным и административным; экономическое с циклами труда, промышленности, снабжения и финансово-административным; и восточное отделение внешних сношений [5, с. 195]. К началу 1921–1922 учебного года экономическое отделение, на котором обучалось 90 студентов, было закрыто. Для завершения обучения им было предложено перейти на созданный при правовом отделении кооперативный цикл, на котором стали преподавать экономические дисциплины [17, с. 58].

В феврале 1922 г. на факультете общественных наук был президиум и комитет. В президиум входили профессора И.А. Антропов, В.П. До-

манжо, К.В. Кудрявцев, Г.Ю. Маннс, К.Н. Миротворцев, преподаватель А.Н. Глятстерн и ассистент Б.Д. Сперанский. В комитет ФОНа, помимо указанных выше, входили: профессор С.П. Мокринский, А.Г. Муравьев, преподаватели И.И. Авчинников, К.Г. Каттерфельд, С.Н. Лаптев, но не входил Б.Д. Сперанский. Экономическую предметную комиссию возглавлял К.Н. Миротворцев, заместителем председателя был Н.Я. Быховский, а секретарем И.И. Авчинников [1, ф. 71, оп. 1, д. 338, л. 2, 6].

На факультете общественных наук были созданы три предметные комиссии: правовая, экономическая и востоковедения. Правовую возглавлял профессор И.А. Антропов, экономическую — профессор К.Н. Миротворцев, восточную — профессор С.Н. Лаптев. На правовом отделении политическую экономию изучали в первом, втором, третьем триместрах; статистику — в первом, втором триместрах; экономическую политику и науку о финансах в пятом триместре; дисциплину «Правовая организация снабжения и распределения» в седьмом триместре. Конечно же, явно преобладали правовые дисциплины [4, оп. 1, д. 140, л. 83]. Кооперативный цикл включал множество правовых, социальных и специальных дисциплин. На последних остановимся подробнее. Это история хозяйственного быта, товароведение, экономическая география, общее земледование, общественная агрономия, коммерческая арифметика, общее счетоводство, экономика мелкой промышленности, основы сельского хозяйства, история кооперации, а также основы высшей математики и химия.

Для факультета общественных наук 1923/24 учебный год стал последним годом существования. Факультет права и местного хозяйства начал свою работу с осени 1924 г. Первоначально он состоял из одного правового отделения с двумя циклами: правовым и административно-хозяйственным. А с 1925 г. включал уже два отделения: правовое и местного хозяйства [17, с. 59]. В целом, в 1925 г. в университете было 4 факультета педагогический, медицинский, права и местного хозяйства, и рабочий факультет [10, с. 26].

Экономическое отделение ФОНа преобразовали в отделение местного хозяйства. Факультет стал готовить юристов и экономистов-хозяйственников [4, оп. 1, д. 206, л. 42]. Факультет права и местного хозяйства в 1925 г. был самым многочисленным: там обучалось 402 студента [Там же, л. 39]. Одним из первых выпускников факультета (1929) был Виктор Александрович Кротов, который после окончания университета работал экономистом в различных организациях Якутской АССР, затем ассистентом и доцентом Сибирского экономического института (института советской торговли), научным сотрудником Биолого-географического института при ИГУ, научным сотрудником института экономических исследований при Восточно-Сибирском краевом плановом комитете, кандидат экономических науки (1938), один из активных организаторов Восточно-Сибирского филиала АН СССР [Там же, оп. 3, д. 25а, л. 1–3, 46,

59]. Всего же, в 1927 г. факультет окончило 73 юриста и 57 экономистов, а в 1928 г. — соответственно 32 и 27 [17, с. 67].

На факультете в 1924/25 учебном году действовали три предметных комиссии: правовая, экономическая и историко-социологическая. В экономической комиссии в течение учебного года было рассмотрено 72 вопроса, в основном касающиеся методики преподавания. Общая тенденция методики преподавания в тот период в целом по стране заключалась в переходе от лекционной системы к проведению групповых практических занятий. Лекционная система сохранилась в крайне ограниченной форме. Практико-семинарская система осуществлялась в двух формах: без деления на группы и с делением на группы. Знания студентов проверялись в основном на коллоквиумах. Из 25 предметов 15 были переведены на практико-лабораторную систему обучения.

В 1925 г. из обязательных предметов на факультете являлись: политическая экономия, история России и Западной Европы в XIX–XX вв. (включая историю революционного движения), экономическая география, марксистская теория государства и права и государственный строй СССР, история хозяйственного быта, статистика, этнография туземных народов Сибири, иностранный язык, а также бурятский или якутский язык. Как факультативный предмет был обозначен китайский язык [4, оп. 1, д. 206, л. 161].

Рассмотрим учебные планы и распределение нагрузки на факультете права и местного хозяйства в 1926 г. Итак, экономическую географию вели четыре преподавателя (один профессор, один доцент, один старший ассистент и один ассистент). Политическую экономию также четыре преподавателя с тем же раскладом по должностям. Статистику — два преподавателя (профессор и старший ассистент). Экономическую политику — три преподавателя (профессор, доцент, старший ассистент). Науку о финансах — аналогично. Товароведение — двое (доцент и старший ассистент). Теорию и историю кооперации — двое (аналогично). Счетоведение — двое (аналогично). Организацию торговли и промышленных предприятий — двое (доцент и старший ассистент). Этнографию туземных народностей — профессор. Историю хозяйственного быта вел один профессор. Основы советской Конституции в связи с общим учением о праве и государстве вели четыре преподавателя (два профессора, старший ассистент и ассистент). Хозяйственное право — трое (профессор, доцент и старший ассистент). Торгово-промышленное право — двое (профессор и старший ассистент). Административное право — двое (аналогично). Уголовное право — четверо (профессор, доцент, старший ассистент и ассистент). Судебное право — трое (профессор, доцент и старший ассистент). Международное право — один профессор. Историю ВКП(б) — трое (доцент, старший ассистент и ассистент). Исторический материализм — двое (профессор и старший ассистент) [4, оп. 1, д. 325, л. 2].

Как видим, учебные планы по экономическим наукам менялись. Это вполне объяснимо: они отражали реалии тех лет, изменения экономической политики государства: нэп, со всеми его кризисами и непоследовательностью, развитие кооперации, курс на свертывание нэпа в связи с переходом к индустриализации и коллективизации. Это аспект уже ранее рассматривался в связи с содержащимся в некоторых публикациях освещения программ экономического образования без конкретных привязок к реальным временным условиям [7, с. 170–171].

В 1928 г. экономические науки на факультете права и местного хозяйства преподавали доценты Матвей Федорович Брик и Михаил Петрович Соколов. Брик в это время также преподавал в школе конторского учета, а второй — являлся сотрудником статистического отдела Губисполкома. На факультете трудились старшие ассистенты Василий Васильевич Вершинин (одновременно вел занятия в совпартшколе), Леонид Павлович Гюнтер (преподавал также в политехникуме), Константин Константинович Куртеев (работал также в банковской сфере) [1, ф. 71, оп. 1, св. 16, д. 193а, л. 21].

Необходимо отметить также, что профессора и преподаватели-экономисты проводили научные исследования. Их анализ — предмет отдельного исследования. Здесь же отметим, что в 1920-е гг. издавались сборники трудов Иркутского государственного университета. Например, в общественно-литературном и научно-публицистическом журнале «Сибирские Огни» (1922) была опубликована развернутая рецензия на книгу П.П. Маслова «Мировая социальная проблема» [18], в сборнике трудов факультета общественных наук (1923) были опубликованы статьи К.Н. Миротворцева, А.В. Черных [14]; в сборнике трудов факультета права и местного хозяйства (1926) статьи М.П. Соколова, А.В. Черных [12], в другом сборнике (1927) статьи А.В. Черных, Л. Гюнтера, В.В. Вершинина, С.Е. Розенберга [13].

В дальнейшем факультет права и местного хозяйства университета был в очередной раз преобразован. Архивных источников об этом сохранилось гораздо меньше, чем о предыдущем периоде. Воссоздадим то, что документировано. 10 декабря 1929 г. в Наркомпроме РСФСР обсуждался вопрос о реорганизации факультета права и местного хозяйства ИГУ. Решение состоялось, и фактически с 1 января 1930 г. началась реорганизация факультета, которую необходимо завершить к 1 сентября того же года. На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 11 августа 1930 г. был издан приказ Народного комиссариата финансов СССР об открытии на базе экономического цикла факультета права и местного хозяйства Сибирского финансово-экономического института (СФЭИ) с четырехгодичным сроком обучения и передаче его в ведение Наркомфина СССР. В 1939 г. институт был переименован в Иркутский финансо-

во-экономический [3, с. 236]. Именно он и стал продолжателем высшего экономического образования в Восточной Сибири. 26 августа 1930 г. Оргкомитет ВЦИК Восточно-Сибирского края утвердил реорганизацию медицинского факультета ИГУ в самостоятельный институт. В университете осталось только три факультета: педагогический, советского строительства и права, и рабочий [6, с. 543].

Следовательно, новый факультет уже был, хотя, все, и администрация, и преподаватели, и студенты понимали, что их ожидает. Ожидания оправдались: среди учебного года, а именно 20 апреля 1931 г. постановлением ВЦИК факультет советского строительства и права был выделен из состава Иркутского университета и преобразован в соответствующий институт. А Иркутский университет был расформирован и закрыт. И только 28 августа 1931 г. совместным решением Совнаркома СССР и Восточно-Сибирского крайисполкома университет в Иркутске был открыт с отделениями физики, химии, географии, биологии, астрономии и геодезии, геологии и математики [6, с. 555].

В связи с преобразованием педагогического факультета с 1 февраля 1930 г. было открыто общественно-экономическое отделение педфака. Были существенно изменены принципы комплектования студенческого состава и профессорско-педагогического корпуса. За основу был взят принцип так называемой «тысячи», уже получивший развитие в условиях проводимой в стране коллективизации. Он означал, что условная «тысяча» рабочих и колхозниц должна преимущественно поступать на дошкольное отделение, на естественное отделение биологического цикла — крестьяне-колхозники, а на химический цикл — рабочие; они же — на физико-технический цикл. На общественно-экономическом отделении под «тысячью» понимались члены ВКП(б) и комсомола в первую очередь, а также пропагандисты партийно-комсомольской сети. При этом предполагалась непрерывная, без отрыва от обучения производственная практика в течение учебного года. В целом же, члены партии и комсомола должны были составлять до половины приема в студенты. Изменились и требования к преподавательскому составу. На должности старших и младших ассистентов предполагалось выдвигать работников школ повышенного типа, членов ВКП(б). Примечательно, что на партийном совещании высших учебных заведений Сибири (1930 г.) предлагалось просить ЦК партии поручить Сибирскому крайкому забронировать за педфаком двух экономистов, но по одному историку, философу и методисту-естественнику. Последовали и некоторые кадровые изменения: в первом полугодии освободили от должности профессора Виноградова как идеологически чуждого, от работы была отстранена ассистент Одинцова, читавшая курс истории русского торгового капитала, а курс промышленного и финансового капитала был передан преподавателю-марксисту. Произошло наступление на лекционную

форму преподавания, поскольку, как отмечалось на партийном собрании, этот метод дает возможность «наиболее неуязвимо внедрять чуждую идеологию под маской изложения различных точек зрения, в первую очередь враждебных, без критики последних, на правах равенства перед наукой». При этом подчеркивалось, что подавляющая часть студенчества выступала за использование в учебном процессе активных методов. Были даже предложения отказаться от обязательных консультаций преподавателей и использования для этих целей кабинетов, поскольку они «создавали возможность проводить индивидуальную обработку неустойчивой части студенчества» [4, оп. 1, д. 344, л. 2, 3, 6]. Как видим, общие подходы к комплектованию студентов в целом, и студентов-экономистов в начале 1930-х гг. радикально изменились в связи с проводимыми в стране социально-политическими мероприятиями.

Таким образом, можно сделать следующие наиболее общие выводы. Началом специального среднего экономического (коммерческого) образования в Восточной Сибири можно считать 1907 г. Его возникновение было вызвано реальными потребностями в специалистах такого уровня подготовки и отражало образовательные возможности и потенциал региона. Открытие первого высшего учебного заведения — Иркутского государственного университета в 1918 г. с наличием многочисленного преподавательского корпуса, отвечавшего требованиям высшей школы, создало условия для подготовки при выполнении необходимых условий специального подразделения, готовившего экономистов с высшим образованием. В рамках этого за короткий срок практика предъявила несколько моделей такого образования. Вначале в структурной форме отделений экономического профиля при гуманитарном факультете и факультете общественных наук. Но они в силу непродолжительного функционирования начали осуществлять подготовку специалистов для кооперативных и торговых организаций, предпринимательского сектора экономики, но не успели их выпустить. Поэтому подлинно экономическое образования сформировалось в рамках факультета права и местного хозяйства. Здесь сложился кадровый состав преподавателей-экономистов, специалистов в области финансового, банковского и кредитного дела, статистики, выполнявших научные исследования по профилю подготовки. Некоторые преподаватели, как и в более поздние времена, совмещали это с практической работой в соответствующих учреждениях. Подготовка проходила на основании утвержденных учебных программ, в обучении значительное место уделялось практическим занятиям и прохождению практик. Факультет произвел несколько выпусков успешно окончивших курсы обучения студентов, которые работали в учреждениях и предприятиях обширного региона в соответствии с полученной квалификацией.

На рубеже 1920–1930-х гг. в связи с масштабными изменениями государственной социально-экономической политики произошли радикальные изменения и в системе высшего профессионального образования. Повсеместно происходило разукрупнение сложившихся крупных вузов, не во всём оправдавших ожидания их инициаторов. Многие действия были затем исправлены, но курс на создание специализированных вузов стал доминирующим на многие десятилетия. Высшее юридическое образование в Восточной Сибири, например, было утрачено с 1934 по 1949 г. (если учесть первый выпуск специалистов, то и того больше). Высшее экономическое образование сохранилось. Этот факт имел решающее значение для социально-экономического развития региона. Его продолжателем на десятилетия советской эпохи стал Сибирский финансово-экономический институт, в настоящее время Байкальский государственный университет.

Список использованной литературы и источников

1. Архив Иркутского государственного университета. — Ф. 71.
2. Высшее образование // Новая российская энциклопедия. Т. IV (I). — Москва : Изд-во Энциклопедия, Издат. дом ИНФРА-М, 2007. — С. 342–351.
3. География Сибири в начале XXI века: в 6 т. / Гл. ред. В. М. Плюснин; Рос. Акад. Наук, Сиб. Отд-ние, Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. — Новосибирск : Академическое изд-во «Гео», 2014. Т. 1. Историческая география / Отв. ред. Ю. А. Зуляр, В. А. Снытко. — 2014. — 318 с.
4. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-71. (Иркутский государственный университет).
5. Гуманитарные науки в Иркутском университете // Иркутский университет и общество / Сост. С. И. Гольдфарб. — Иркутск : ООО «Репроцентр А1», 2013. — С. 190–197.
6. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Сост., автор предисловия и примечаний Ю. П. Колмаков. — Иркутск : «Оттиск», 2003. — 848 с.
7. Казарин В. Н. Экономическое образование в Восточной Сибири в контексте модернизационных процессов XX века. Размышления над книгой А. П. Суходолова и Д. Я. Майдачевского / В. Н. Казарин // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 1. — С. 166–173. — Рец. на кн. «Храм науки» или «фабрика кадров»: к историческим предпосылкам дискуссии об опорном университете Байкальского региона / А. П. Суходолов, Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — 92 с.
8. Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.) / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. — 483 с.

9. Общий устав Императорских российских университетов, принят 18 июня 1863 года (Приложение 4) // Волосникова Л. М. Правовой статус университетов: история и современность : учеб. пособие / Л. М. Волосникова, Г. Н. Чеботарев. — Москва : Норма, 2007. — С. 178–203.

10. Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / И. В. Олейников, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, Ю. А. Зуляр ; под ред. Ю. А. Зуляра. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — 144 с.

11. Савельев А. Я. Высшее профессиональное образование / А. Я. Савельев // Большая российская энциклопедия. Т. 6. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2006. — С. 149–150.

12. Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. X. Факт-права и местного хозяйства. — Иркутск, 1926. — 352 с.

13. Сборник трудов Иркутского Государственного Университета. Т. XIII. Факт-права и местного хозяйства. — Иркутск : Изд-ние Иркут. ун-та, 1927. — 556 с. (Приложение).

14. Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Факт-обществ. наук. Вып. VI. — Иркутск, 1923. — 268 с.

15. Среднее образование // Новая российская энциклопедия. Т. XV (2). — Москва : Изд-во Энциклопедия, Издат. дом ИНФРА-М, 2014. — С. 226–227.

16. Суходолов А. П. «Храм науки» или «фабрика кадров»: к историческим предпосылкам дискуссии об опорном университете Байкальского региона / А. П. Суходолов, Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — 92 с.

17. Черепяхин Б. Факультет права и местного хозяйства / Б. Черепяхин // Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. — Иркутск : Изд. Юбилейной Комиссии, 1928. — С. 55–67.

18. Чудинов Д. Мировая социальная проблема. По поводу книги проф. П. П. Маслова / Д. Чудинов // Сибирские Огни. — 1922. — № 1. — С. 105–108.

19. Шалак А. В. Колчак и «союзнники» в Сибири: оценки антибольшевистских политиков / А. В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 70–83.

Информация об авторе

Казарин Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт ИГУ, ФГБОУ «ИГУ», (664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел +73952 52-11-82); e-mail : kazarinvik@yandex.ru.

Author

Victor N. Kazarin — Doctor of History, Professor, Chair of Constitutional Law and the Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University, (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, phone +73952 52-11-82); e-mail : kazarinvik@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.08

Л.В. КАЛЬМИНА

УДК 930(571.5) + 94 (571.5)

ББК 63.2(2Р54) + 63.3(2Р54)

ВЕРХНЕУДИНСКАЯ ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА¹

Статья посвящена анализу работы Верхнеудинской ярмарки в сибирской печати. Классифицируются жанры подачи «ярмарочной» информации; показывается характер торговли, приводятся статистические сведения об оборотах ярмарки. Рассматриваются принципы освещения сибирскими газетами ее места в системе региональной торговли и перспектив в связи с предстоящим проведением Транссибирской железнодорожной магистрали.

Ключевые слова: газета, отчет, Верхнеудинская ярмарка, торговые обороты, «Забайкальские областные ведомости», «Восточное обозрение».

L.V. KALMINA

VERKHNEUDINSK FAIR TRADE THROUGH SIBERIAN PERIODICALS (LAST THIRD OF XIX CENTURY)

The article is devoted to the analysis of Verkhneudinsk Fair activities in Siberian press. It describes trading peculiarities, gives statistical information about trade turnover, fair trade information genres having been classified. They consider Fair covering principals by Siberian newspapers, as well as its place in the regional trade and perspectives in connection with the forthcoming Transsiberian railway construction.

Keywords: newspaper, review, Verkhneudinsk Fair, trade turnover, Transbaikalian Regional Gazette, Eastern Review.

Данная статья является заключительной в серии материалов об освещении забайкальской ярмарочной торговли в разных видах источников. Две предыдущие рассматривали анализ этой формы торговой деятельности в делопроизводственной документации и справочных изданиях [1, с. 56-66; 2, с. 33-40].

Ярмарочная торговля как важная составляющая сибирской экономики была предметом постоянного интереса периодической печати, которая с большей или меньшей степенью регулярности давала отчеты о проведении ярмарок, формирующих региональное торговое пространство. В частности, на страницах газеты «Сибирский вестник», издавав-

1 Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII-XXI вв.)).»).

шейся в Томске, напечатан подробный отчет о проведении Ишимской зимней Никольской ярмарки, в котором наши отражение краткая история и статистические сведения о городе, давшем ей название; сроки проведения, география съехавшихся на нее торговцев, ассортимент привезенных товаров, сведения о полученном городом доходе [3].

Верхнеудинская ярмарка, являвшаяся, по оценке исследователей, одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, вокруг которого выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [4, с. 135-136], не была обделена вниманием периодической печати. Она даже была удостоена нескольких строк в популярном русском еженедельнике «Нива»: в справке-заметке о Верхнеудинске были указаны сроки ее проведения и отмечено, что на нее съезжаются «не только жители Верхнеудинского, но даже Баргузинского, Селенгинского и двух Нерчинских округов» [5].

Поскольку ярмарка была товарно-распределительным центром забайкальской ярмарочной сети и служила «как бы продолжением Иркутской», она, естественно, была предметом интереса газет, выходивших в Иркутске и Чите. В жанровом отношении посвященные ей материалы можно разделить на официальные отчеты, публиковавшиеся Верхнеудинской городской управой или должностными лицами, наблюдавшими за работой ярмарки, и корреспонденции с оценкой их авторами роли ярмарки и прогнозами на ее будущее. Отчеты о ярмарке публиковались в выходившей в Чите официальной газете Забайкальского областного правления «Забайкальские областные ведомости». В кратком варианте они ограничивались статистическими данными, как, например, в напечатанном в газете «извлечении из обзора за 1889 г.»: «Ярмарочная торговля: Верхнеудинская, привезено 1 414 960 руб. продано 918 975 р.» [6]. (Имеется в виду «Обзор Забайкальской области» — Всеподданнейший отчет, ежегодно составляемый военным губернатором, в котором «ярмарочная торговля» была одним из обязательных разделов). Расширенный отчет кроме статистики — общей и по отдельным видам ярмарочного ассортимента, в том числе в сравнении с прошлыми годами, — включал в себя комментарии к приведенным цифрам, давал оценку работы ярмарки, сообщал о способах проведения денежных расчетов. «На ярмарку с.г. товаров привезено почти на такую же сумму, на какую привезено их было на ярмарку 1896 г. (более на 21 669 руб.), — указано в отчете о ее проведении в 1897 г. — Продано менее на 215 439 руб. ... Меньше продано мануфактуры на 43 400 руб., хотя привезено ее более на 82 100 руб. Значительно меньше было привезено, чем в 1896 г., хлеба, чая, сахара, фаянсовых, фарфоровых, хрустальных изделий, сельских произведений местной промышленности. Торговля шла хуже, чем в предыдущем году, товара продано меньше по многим позициям». Уменьшение объемов сбыта автор объяснил развитием в городе оптовой торговли купца Второва, «почему для покупателей является менее потребности в

привозных товарах», и отсутствием на ярмарке бурят «вследствие существовавшей в округе оспы на людях, т.к. буряты сильно боятся оспы» [7]. «На время ярмарки было впервые открыто отделение Гос. Банка от Иркутского отделения, — сообщается в отчете о проведении ярмарки в 1894 г., — чрез что торгующее купечество не встречало ни малейших затруднений по переводу денег и учету векселей. С своей стороны, и Отделение банка с избытком вознаградило себя за понесенные расходы по открытию Отделения, а именно более 2 000 руб. чистой прибыли за три недели» [8].

Примером глубокого анализа в отчете служит рапорт есаула Рышкина о проведении ярмарки 1895 г., который был опубликован в «неофициальной части» газеты. Есаул отнесся к своим обязанностям неформально и, указав обязательные для такого рода документов сведения об объемах привоза и сбыта товаров, их ассортименте, географии торгующих и числа взятых ими торговых свидетельств, сделал много интересных наблюдений. Во-первых, он сразу отметил занижение торговцами ярмарочных оборотов, которое объяснил опасением предстоящей уплаты процентного сбора, «усиленного у некоторых вкореившимся убеждением, что действительный оборот их может в будущем быть обложен процентным сбором за старые года». Не приняв на веру указанные торговцами цифры (1 828 954 руб. привоза и 1 334 146 руб. продажи), Рышкин произвел собственные расчеты, основанные на сопоставлении числа подвод, их «грузоподъемности», количества занятых мест на постоянных дворах и ночевках каждой подводы. По его данным, «показанное составляет около половины действительности, так — что привоз следует считать на сумму 4 млн руб., а продажу 3 млн руб.». Его цифры подтвердились и частными разговорами, в которых признавалось, что «самые сведения, представленные некоторыми, даже очень значительными, фирмами», оказались «уменьшены от 2 до 4 даже раз против действительности». «По всему этому очевидно, — заключает автор отчета, — насколько все предъявленные данные далеки от истины, и как осторожно ими нужно пользоваться для статистических целей» [9]. Его мнение совпадало с предположениями Верхнеудинской городской управы, которая тоже подозревала намеренное занижение торговцами объемов продаж. В частности, в отчете управы о ярмарке 1886 г., на которую было привезено товаров на сумму около 2 млн, а продано на 1,7 млн руб., отмечено: «Главные оптовые торговцы в доставленных ими в городскую управу сведениях показали об обороте своей торговли на половину менее против действительного произведенного ими оборота» [10, л. 42]. Во-вторых, он подверг сомнению правильность решения об установлении более ранних сроков открытия ярмарки, что было сделано по просьбе торговцев. Не желая засиживаться в Верхнеудинске по окончании своих дел в ожидании ярмарки, многие из них расторгивались еще до ее открытия, рискуя вызвать неудовольствие «представителей

казны», поскольку производить ярмарочную торговлю ранее официального открытия ярмарки было запрещено. Хорошо знавший местные природные условия Рышкин указал в отчете, что прежние сроки открытия ярмарки — 25 января — продиктованы временем замерзания Байкала и Ангары, по которым подвозили товары, и более ранние сроки начала ее работы создадут препятствия для их доставки. Как раз в 1895 г., в год составления отчета, довольно позднее их замерзание стало причиной задержки подвоза товаров по Иркутскому тракту и вызвало опасения, что не хватит времени для торговли. «Все это, — указывает в отчете есаул, — отразилось на ярмарке сравнительно меньшим количеством торговцев-продавцов, меньшим количеством привезенных товаров, а посему и более высокой ценой, которая вдобавок еще оправдывалась и дороговизной вследствие бездорожья провоза». «В видах общей пользы» Рышкин предложил, оставив новые сроки начала ярмарки — 18 января, продлить ее работу на пять дней, чтобы и в случае более позднего замерзания Байкала приезжие успели расторговаться. Тем более что стоимость прав на ярмарочную торговлю от количества проведенных на ней дней не зависела [9].

От иркутских общественно-политических газет, считавших ярмарочную форму торговли анахронизмом, ярмарке в их корреспонденциях порядком доставалось. Газета «Сибирь» уже в 1885 г., когда ярмарка была еще в силе и успешно наращивала обороты, одновременно расширяя географию торгующих, оставила о ней нелестный отзыв как о довольно скудном торговом месте, завершившимся за несколько дней, после чего недовольные отправились за нужными товарами в Иркутск, где ассортимент их шире, а цены ниже. Газета не без иронии отмечала, что городская власть не оставляет надежд вынудить ярмарочных торговцев взять гильдейские свидетельства и тем самым принести в городскую копилку хоть какие-то деньги. Однако эффекта от этого было мало: торговцы всячески уклонялись от непроизводительных, по их мнению, затрат. (Проблема уклонения торговцев от выкупа ярмарочных свидетельств поднималась и в отчете Рышкина). Выкупать себе права торговли на более продолжительное время — до ярмарки или после нее — они тем более не желали. «Более опытные коммерсанты сознают уже бесполезность ярмарки, — пишет далее «Сибирь», — видят воочию ненужность ярмарки, хотели даже о том заявить, но в силу укоренившихся традиций все ограничилось разговорами». Закрывая свою корреспонденцию статистикой ярмарочной прибыли, оказавшейся значительно меньше ожидаемой, неизвестный автор приходит к выводу о нецелесообразности «отстаивания ярмарки» [11]. Его мнение разделяет корреспондент «Восточного обозрения» А. Воткин, не скрывший разочарования от посещения Верхнеудинской ярмарки 1894 г., которая «не была выражением культуры края, так как кой-какие продукты местной производительности утопали в наплыве издалека пришедших товаров». По оценке автора, целью приезжих торговцев была в большей

степени распродажа залежалого не находящего спроса товара в надежде, что непритязательный покупатель сибирской «глубинки» запасется им впрок, хотя то и дело открывающиеся в Верхнеудинске солидные магазины избавляют жителей города от необходимости делать годовые запасы [12]. (Ранее газета уже отмечала неэквивалентность торгового обмена между Сибирью, предлагающей ценное сырье — кожи, меха, сало, — и торговцами из европейской части империи, наводняющими сибирский рынок продуктами фабричного производства на невыгодных для сибиряков условиях, поскольку производительность здесь имеет предел, обусловленный наличием природных ресурсов) [13]. «В числе обстоятельств, заслуживающих полного внимания, надо упомянуть о том, что еврейский элемент слишком ярко выделился и в Верхнеудинской коммерции, — продолжает А. Воткин. — Мне так и кажется, что не будь еврея, то ярмарка была бы похожа на «спящее царство». Надо сказать правду, что еврей импульсировал ярмарочную торговлю, и в этом отношении сибирский купец далеко отстал от него». Однако, по мнению автора, одной еврейской предприимчивости было маловато для спасения ярмарки. «Со временем ярмарка утратит свое значение и снизойдет на обыкновенный базар», разделив судьбу «всех пунктов, не имеющих в самих себе жизни и немощных для того, чтобы держать знамя местной культуры», — резюмирует он [12]. Незавидную судьбу ярмарке прочил и корреспондент «Забайкальских областных ведомостей» под псевдонимом Эсбэ. «Что же касается... верхнеудинской ярмарки в будущем, — выражал он уверенность, — то за ней, может быть, останется некоторое значение местного торжка, который будут посещать буряты, семейские, китайцы и т.п. мелкий местный покупатель». По мнению автора, ярмарка продержится еще какое-то время как посредник в торговых отношениях Забайкалья с европейской Россией лишь благодаря «нашей неподвижности и привычке к старине» [14].

В связи с предстоящим проведением Транссибирской железнодорожной магистрали мнения о судьбе ярмарки разделились даже на страницах одного печатного издания. Анонимный автор отчета в «Забайкальских областных ведомостях», проанализировав ход ярмарки в 1897 г., пребывав в приподнятом настроении: спрос высок — привезенных товаров даже оказалось недостаточно. Торговля производилась большей частью за наличные деньги. Исправность платежей и незначительная сумма опротестованных векселей свидетельствовали о наличии у покупателей достаточных денежных сумм и отсутствии нужды в кредитах. «Отсюда само собой вытекает заключение, что наша Верхнеудинская ярмарка крепнет год от году и нет сомнения, что в ближайшем будущем, с проведением железной дороги, она еще усилится, — с оптимизмом резюмируется в отчете [7]. Его оптимизма не разделяет Эсбэ: «Восточная Сибирь вместе с Забайкальем чувствуют приближение экономического переворота, который более всего должен отразиться на нашей ярмарке». Выражая довольно нелестное мнение о торговых перспективах

Верхнеудинска как торгового центра, способного привлечь к себе внимание «капиталистов», он категоричен в своем заключении на страницах той же газеты: «Если железнодорожные пути так неблагоприятно отразились на ярмарках Ирбитской и Нижегородской, то на Верхнеудинскую ярмарку железная дорога должна повлиять еще больше» [14]. Своим выводом он продемонстрировал солидарность с А. Воткиным, высказавшим такое же мнение еще раньше: «...нет ни малейшего сомнения, что первый свисток паровоза возвестит ей (ярмарке. — Л.К.) вечную память» [12].

В известной степени правы оказались те и другие. С одной стороны, с проведением железной дороги значение Верхнеудинской зимней ярмарки, с которой город связывал свое благополучие, действительно, сразу упало. Доход от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, ранее достигавший 50 тыс. руб., сократился более чем наполовину [1, с. 64]. С другой — железная дорога сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром и крупнейшим в Западном Забайкалье транспортным узлом. Ресурсы густонаселенного плодородного района, в центре которого он находился, стабильно питали городскую торговлю, в том числе и ярмарку, которая ежегодно проводилась и после проведения железной дороги [15, с. 88].

Список использованной литературы и источников

1. Кальмина Л. В. Забайкальская ярмарочная торговля в делопроизводстве 1870–1910-х годов / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 56-66.
2. Кальмина Л. В. Забайкальская ярмарочная торговля в справочной литературе XIX — начала XX века / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — С. 33-40.
3. Сибирский вестник. — 1885. — № 3 (30 мая).
4. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.
5. Нива. — 1882. — № 49 (4 дек.).
6. Забайкальские областные ведомости. — 1891. — 11 и 12 Прибавление к Забайкальским областным ведомостям 1890 г., извлечение из обзора за 1889 г.
7. Забайкальские областные ведомости. — 1897. — № 11 (14 марта).
8. Забайкальские областные ведомости. — 1894. — Прибавл. к № 16 официал. части.
9. Забайкальские областные ведомости. — 1895. — Приложение к неофициальной части. — № 11.
10. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 10 (Верхнеудинская городская управа). — Оп. 1. — Д. 520.
11. Сибирь. — 1885. — № 16 (14 апр.).

12. Восточное обозрение. — 1894. — № 44 (13 апр.).
13. Восточное обозрение. — 1883. — № 40 (6 окт.).
14. Забайкальские областные ведомости. — 1898. — № 121 (7 нояб.).
15. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. — Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1959. — 146 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor of Sciences (History), Professor Assistance, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kalminal@gmail.com

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.09

УДК 172.15(571.53)

ББК 87.7(2Р54)

А.Д. КАРНЫШЕВ,

Е.А. ИВАНОВА

МЕТАМОРФОЗЫ В МЕДИЦИНСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ И ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ПАТРИОТИЗМА И КОСМОПОЛИТИЗМА НА БАЙКАЛЕ

Угрозы и риски пандемии, изменение границ Сибирского и Дальне-Восточного федеральных округов, закон РФ о послаблениях для населения, живущего в особо охраняемых природных местах, предложения должностных лиц о переводе Байкала в федеральную территорию — эти и другие метаморфозы подтолкнули соответствующие изменения в отношениях байкальских жителей к своему здоровью, экологической ситуации и патриотических позициях. Приводя результаты конкретных социально-психологических исследований по данному вопросу, авторы проводят мысль об острой необходимости слияния позиций патриота малой родины с психологией нового космополита — человека, осознавшего, что интересы Terra Patrie начинаются с него самого и его потребностей. Если у «старого» космополита девиз жизни звучит: «Где хорошо, там и родина», то у нового космополита заметен иной девиз: «Где родина, там все должно быть хорошо».

Ключевые слова: пандемия COVID–19, эйджизм, психологическое здоровье, экология, туризм, новый космополит.

A. D. KARNYSHEV,
E. A. IVANOVA

METAMORPHOSES IN MEDICAL, POLITICAL AND ENVIRONMENTAL POSITIONS AND TRENDS IN THE INTEGRATION OF PATRIOTISM AND COSMOPOLITANISM ON LAKE BAIKAL

Threats and risks of the pandemic, to change the borders of the Siberian and Far Eastern Federal districts, the law of the Russian Federation for relief for populations living in protected areas, suggestions officials about translation of lake Baikal in the Federal territory and other metamorphoses pushed the corresponding changes in the relations of the Baikal residents to their health, environment and Patriotic position. Citing the results of specific socio-psychological studies on these issues, the authors suggest the urgent need to merge the positions of a patriot of a small homeland with the psychology of a new cosmopolitan — a person who has realized that the interests of Terra Patrie begin with himself and his needs. If the «old» cosmopolitan has the motto of life: «Where it is good, there is the homeland», then the new cosmopolitan has a different motto: «Where the homeland is, everything should be good».

Keywords: COVID–19 pandemic, ageism, psychological health, ecology, tourism, new cosmopolitan.

2020 год, начавшийся и прошедший под знаком борьбы с пандемией COVID–19 во всем мире, заострил медицинские установки на защиту от «заразы», тенденции самоизоляции и/или изоляции в семейных (малых) группах, что внесло новые ноты в осмысление значения внешней среды, экологии и отношения к малой родине. Зримей проявилось то, что пребывание на природе, (включая дачи и садовые участки), не несет в себе угрозы инфекционных заболеваний в отличие от контактов в обществе. Как бы ни было, но «антивирусная психология» не может не быть союзником ЗОЖ (здорового образа жизни) и экологического благополучия.

Изменения, которые происходят в обществе в связи с взаимовязанными факторами пандемии и экономического кризиса, имеют следующие проявления.

- Утрата ощущений собственной безопасности в здоровье, экономическом и социальном благополучии, обусловленные рисками заболеть, потерять работу и основной источник дохода, сократить масштабы бизнеса, стимулируемые пандемией;

- Сокращение реальных контактов с родственниками, друзьями, знакомыми, коллегами, вызванное соответствующими запретами; ощущение дефицита общения (пандемия «загнала» многих в узкое домашнее пространство, особенно старшее поколение);

- Ухудшение материального благосостояния у значительной части населения в силу следующих причин:

- падение заработной платы и доходов;
- вынужденное закрытие предприятий малого бизнеса (сервис, общепит, туризм, сфера гостеприимства);
- увеличение доли «кризисно-потребительских» затрат по сохранению здоровья: платные визиты к врачам, лекарства, БАДы, гигиенические перчатки, маски и т.п.;
- рост цен на продукты питания и товары личного потребления;
- Появление тенденций эйджизма — социальной дискриминации людей по возрасту, вызванных не всегда адекватными мерами запрета передвижений и социальных контактов для пожилых людей (65+), что вызывает особое неприятие у интеллектуалов общества — артистов, ученых, известных политиков и менеджеров и т.п. В России стоит подчеркнуть тот факт, что у многих народов, особенно аборигенов Севера, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока и т.д., уважение к старшим, их почитание является одной из важнейших ценностей человека и этноса, и сложившаяся ситуация не может не вызывать негативное отношение у немалого числа россиян.

Карантин только подстегнул желание заботиться о своем здоровье, многие люди осознали, что в этом вопросе необходим системный подход. Проведенные социально-психологические исследования показали, что в период массовых заболеваний вера в истины о психологическом здоровье возрастает. В начале второй волны пандемии в сентябре — октябре 2020 г. исследователи, к примеру, опросили респондентов из Бурятии и Иркутской области об их отношении к психологическому здоровью и получили следующие результаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Позиции по психологическому здоровью у респондентов из Иркутской области и Бурятии (исследования 2015 и 2020 гг., %)

№ п/п	Позиции по психологическому здоровью	Опрос 2015 г. N=1100	Опрос 2020 г. N=944 (в целом и по полу)		
			Всего	Муж	Жен
1	Реалия, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т.д.	50,1	84,0	76,6*	88,6
2	Понятие, в которое можно верить и не верить	30,4	9,7	13,5*	7,4
3	Ничего не значащее, абстрактное понятие	13,0	4,1	7,4	2,1
4	Другое	2,3	0,5	1,4	0,5

*Примечание: $p < 0,05$

Как видно из таблицы 1, за последний год подавляющее большинство опрошенных стало более позитивно оценивать сущность психологического здоровья, причем более подвержены такого рода установкам женщины. В качестве примера изменения отношений к здоровью в целом стоит привести некоторые формулировки мнений из контент-анализа ответов респондентов из социальных сетей: *«Не было счастья, да несчастье помогло»*. *«Крепкое физическое и психическое здоровье — основа жизнестойкости во время пандемии COVID–19»*. *«В условиях пандемии под угрозой оказалось здоровье. Люди стали стремиться к тому, чтобы его сохранить. Кроме того, был зафиксирован рост беспокойства по поводу здоровья и заботы о нем. В пандемию возникла угроза жизни, которая вдруг стала ценностью. А значит, и здоровье стало ценностью»*.

Перенося рассматриваемые тенденции непосредственно на сибирское «священное море», стоит отметить, что многоликость и многофункциональность Байкала не может не быть связана с отношением человека к своему здоровью. Уже в 80-х гг. прошлого века появилось понятие «байкалотерапия», которое настроено на изменения в самочувствии и ощущениях человека, на искоренение болезненных явлений под влиянием природных байкальских факторов [1]. Народные целители и шаманы разных этносов Сибири уже давно говорили о пользе природной терапии, осознавая тот факт, что человечество 99,99 % всего времени своего существования прожило в природной окружающей среде. Не случайно в Японии есть выражение «ширин-йоку» или «купание в лесу», требующая от практикующих ее людей длительных прогулок по лесистой местности с вдыханием ароматов деревьев, наполняющих лесную атмосферу [2]. Противоположное распространению разных болезней и укрепление здоровья характеризует большинство мест «купания в лесу».

Алгоритм анализа понятия «байкалотерапия» может быть раскрыт через рассмотрение внешних факторов:

- ландшафтные и климатические зоны Байкала и их влияние на энергетические ресурсы и здоровье человека: горы, водные поверхности, степи и лесостепи и т. п.;
- рекреационные ресурсы Байкальского региона: горячие и минеральные источники, потенциалы хвойных лесов и т. п.;
- традиции и процедуры местной народной профилактической медицины: бани, массажи, растирания, растительные и животные лекарственные средства и т. д.;
- средства и способы оздоровления и лечения, встречающиеся в Байкальском регионе в связи с заимствованиями из традиционных областей врачевания, в частности из тибетской (буддистской) меди-

цины и азиатского шаманизма. Ламы-лекари и шаманы-врачеватели – сейчас это нередкие явления по обоим берегам Байкала. И опыт некоторых из них не должен быть утерян.

В Байкальском регионе роль естественных и психологических оздоровительных ресурсов усиливается азиатско-буддийским менталитетом. Бурятская поэтесса Л. Олзоева сделала перевод «белым стихом» некоторых положений тибетской медицины. Вот одно из них.

*Будь себе другом.
Стань себе лучшим врачом.
Найди причину своей болезни
в самом себе.
И очисти свое сознание,
определи, какую часть круга твоих мыслей
занимают твои враги –
зависть, страх, невежество, страсть,
злоба, –
им делай все более узким угол сектора
и наконец вытесни его
благими чувствами:
состраданьем ко всему живущему [3].*

Как показывают опросы, немало людей, посетивших и посещающих Байкал, делают это ради своего здоровья. Ответы в исследовании по гранту РФФИ в 2007 г. продемонстрировали в том числе соответствующий настрой у туристов (см. табл. 2).

Остальные приведенные в анкете мотивы: занятия спортом, возможность повышения статуса, преодоление трудностей – заняли в оценках местных жителей от 4 до 8 %, хотя у туристов их вес порой отличается. Оценка мотива «человеку просто некуда девать деньги» весьма незначительна (3,6 % у местных и 4 % у туристов), и это говорит о том, что туризм на Байкале нельзя втиснуть в стереотипы простого расходования средств [3].

Сегодня как никогда на Байкале необходимо объединить тенденции связи экологического и медицинского туризма. По мнениям экспертов ВТО, не существует универсального определения экологического туризма, термин включает в себя ряд экономических характеристик: экологический туризм наряду с заботой об окружающей среде поддерживает охрану природы посредством обеспечения экономических выгод для принимающих сообществ, организаций и властей; обеспечивает создание новых рабочих мест и возможностей для альтернативной занятости, а также получения доходов для местного населения; обуславливает повышение осознания необходимости охраны природной и культурной среды как местным населением, так и туристами.

Таблица 2

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, что является главным мотивом посещения туристами озера Байкал?» (%)

Мотивы посещения Байкала	Ответы местных жителей		Ответы туристов
	Буряты	Русские	
Известность Байкала в России и других странах как участка мирового наследия	80,0	79,0	67,0
Общение с дикой природой, наслаждение ее красотой	52,0	65,0	67,0
Желание получить яркие впечатления, отличающиеся от получаемых в повседневной жизни	33,0	42,0	48,0**
Познакомиться с религиозными и бытовыми ритуалами местного населения, поучаствовать в них	29,0	24,0	51,0**
Желание отдохнуть, развлечься	42,0**	20,0	14,0
Знакомство с разнообразием народов, живущих на территориях вокруг Байкала, с их культурами	20,0	14,0	13,0
Улучшение здоровья в связи с переменной климата и новыми впечатлениями	13,0	9,0	27,0**

**Критерий углового преобразования ф-Фишера: $p \leq 0,01$

Период пандемии, на наш взгляд, требует внести два уточнения в данную информацию. Во-первых, еще одна «миссия» экологического туризма на Байкале должна быть выделена: оздоровительные функции природы сибирской жемчужины должны работать на благо человека. Во-вторых, в целом и в связи с названным обстоятельством надо просчитывать антропогенные нагрузки на популярные места Байкала, поскольку в некоторых перегруженных туристами местах может получиться «оздоровление» наоборот.

Уже сегодня надо думать о последствиях чрезмерных туристических посещений. У специалистов есть профессиональное понятие «емкость ландшафта», отражающее, в частности, количественно выраженную способность ландшафта удовлетворять какие-либо нужды человека [4]. Думается, что у байкальских ландшафтов также есть своя «емкость» на пребывание туристов, и о ней стоит чаще задумываться. В этом плане в мире есть уроки: в 2020 г. из-за коронавируса с марта прекратился въезд гостей в итальянскую Венецию. И уже в начале мая горожане обнаружили, что в реке и заливах очистились воды, вернулись рыбы и в целом экологическая обстановка улучшилась. Понимая значение таких фактов жители Венеции выступают против

неконтролируемого пребывания туристов, ее власти всерьез задумались о создании квот на посещение города. Такого рода «зоны тревоги» появляются и в популярных местах Байкала, о соответствующей их профилактике надо думать.

В данном месте статьи на некоторое время отвлечемся от проблематики туризма и вспомним еще одно существенное изменение в регионе, осуществленное Указом Президента РФ о включении Бурятии и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа, вышедшим осенью 2018 г. Данный указ без объединительных усилий байкальских «субъектов» может сработать против интеграционных планов. Дело в том, что по Байкалу прошла «дополнительная» административная «черта», стало неопределенным понятие Восточной Сибири, а граница Дальнего Востока теперь проходит заметно западнее от Иркутска – Тункинский и Окинские районы Бурятии. Этот неожиданный для многих и быстрый акт ярко демонстрирует, с одной стороны, возможности властных структур изменять границы, с другой стороны, конкретные реакции к изменениям неподготовленного населения (см. табл. 3).

На наш взгляд, в негативности данных результатов сказались два момента. С одной стороны, — это неожиданность предпринятого шага и определенное неверие властям в оценке осуществления ими принятых решений. Если бы власти провели соответствующую пиар-компанию и разъяснили людям причины сделанного, то вряд ли были получены такие цифры непонимания. Пренебрежение мнениями людей чревато негативными последствиями не только сегодня, но и в будущем, посредством эффекта накопления.

С другой стороны, население прибрежных пунктов у Байкала давно убедилось в неэффективности совместных усилий. В частности, в начале 2000-х гг. стали появляться проекты, основой которых выступала совместная забота о защите Байкала. В частности, по предварительному соглашению природоохранных органов Бурятии, Забайкальского края, Иркутской области были определены наиболее важные направления экологической деятельности. К сожалению, немало намеченного так и осталось на бумаге. Особое недоумение вызывает отсутствие необходимых действий по намечавшейся газификации эколого-безопасных производств при наличии газовых месторождений Ковыкты в Иркутской области. Трудно это чем-нибудь объяснить, кроме экономического эгоизма газовых компаний, направляющих огромное количество газа за рубеж: в Европу и через газопровод «Сила Сибири» в Китай.

Связи экологии с туризмом требуют особенности расположения инфраструктуры туристического бизнеса в Байкальском регионе. По негласным подсчетам прибрежных муниципалитетов и агентств по туризму на Байкале со стороны Бурятии и Иркутской области по состоянию на 2020 г. расположено около полутора тысяч малых и средних гостиниц. Многие из таких отелей составляют основу для туристических баз, значит, им, с одной стороны, необходима повседневная реализация экологических норм, с другой стороны, нужны компетентные гиды, знающие особенности ландшафтов и особенностей флоры и фауны по обеим берегам священного моря. Си-

Таблица 3

Отношение респондентов из Иркутской области и Республики Бурятия к тому, что Бурятия с осени 2018 г. перешла в состав Дальневосточного федерального округа (%)

Вариант ответа	Вся выборка (N=1636)	Респонденты из Иркутской области (N=1125)	Респонденты из Бурятии (N=511)
Особой пользы для всех людей не будет, власти добьются выгод лишь для себя	33,0	26,0*	48,3**
Байкал оказался разделенным между двумя федеральными округами, и это снизит эффективность мер по его защите	28,4	25,5	34,6*
Аналогичные льготы и преференции надо вводить во всех регионах Сибири	25,1	31,3*	11,4**
Это повысит стремление людей жить в родном краю, их местный патриотизм	19,1	22,9	10,8**
Это разумный и своевременный шаг федеральных властей	17,6	20,9*	10,4**
Ничего не изменится, поскольку люди намерены выезжать из Сибири	16,1	14,1	20,4*
Это противопоставит жителей Иркутской области и Бурятии	8,9	9,4	7,6
Другое мнение	2,6	1,5	5,1

**Критерий углового преобразования ϕ -Фишера: $p \leq 0,01$

*Критерий углового преобразования ϕ -Фишера: $p \leq 0,05$

туация, сложившаяся в стране в период пандемии, сработала в пользу Байкала. Например, в зимний сезон 2020–2021 г. все достаточно благоустроенные туристические базы на Байкале в Иркутской области оказались переполненными отечественными туристами. Скорее всего, и в этом трудно сомневаться, — это ситуационное явление, и открытие границ для отдыха в брендовых зарубежных центрах в после пандемийное время может поставить все на прежние рельсы. Отсюда, важно максимально воспользоваться появившимися шансами увеличения потока туристов. Тем более, что тенденции такого рода отмечены нашими респондентами в опросах о некоторых позитивных изменениях в период COVID–19 (см. рис.1).

В практическом плане важно то, что предлагаемые турзоны Иркутской области и Бурятии находятся в непосредственной близости друг от друга и с формальной стороны требуют взаимодействия по организации обустройства и функционирования ОЭЗ. Объединение потенциалов регионов позволит не только значительно повысить общий эффект от туристского потенциала Байкала, но и может способствовать комплексному решению экологической задачи сохранения уникального озера. Правда, ранее почти не наблюдалось попыток осуществить подобную интеграцию.

Скорее всего, по инициативе главы Ростуризма З. Догузовой, летом 2020 г. побывавшей на берегах «сибирской жемчужины», в феврале 2021 г. прошла встреча руководства двух регионов — Иркутской области и Бурятии. На встрече обсуждались вопросы о развитии туризма на Байкале, и подписан протокол о намерении двух регионов взаимодействовать в данной области. Инициатор, опираясь на давно существующие мнения, отметила, что уникальный Байкал необходимо развивать как единое туристическое пространство на базе общей концепции пространственного развития с фокусом на устойчивый туризм и минимальные нагрузки на экосистемы как одну из ключевых отраслей экономики Байкала.

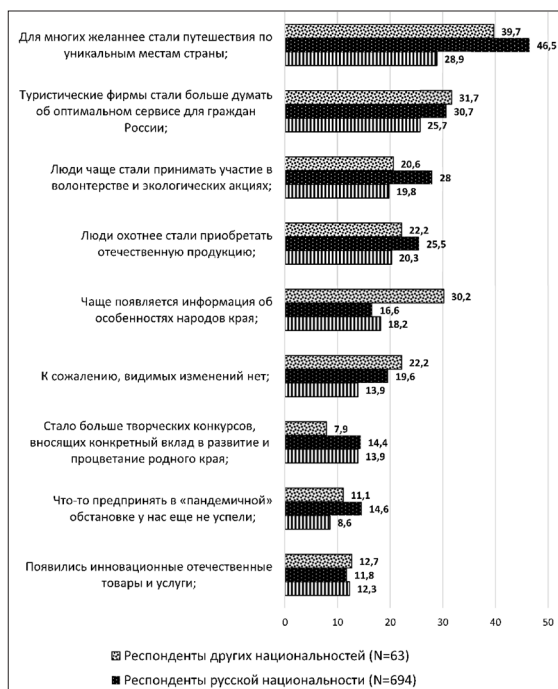

Рис. 1. Мнение респондентов разных национальностей о том, побудила ли пандемия жителей Прибайкалья изменить свое отношение к некоторым атрибутам своей страны и ее регионов (%)

К формам реализации предложено отнести современное гостиничное предложение, привлекательную городскую среду, круглогодичные обустроенные межрегиональные маршруты, связанные между собой ключевые логистические аттракции.

Все это должно встроиться в долговременные перспективы развития каждого региона. Например, в Иркутской области поставлена цель — увеличение туристского потока в регион до 3,3 млн. человек, создание более 29 тыс. рабочих мест, увеличение доли туризма в валовом региональном продукте до 1,5 %. Предполагается, что будет обеспечено объединение туристского потенциала Бурятии и Иркутской области под брендом Байкал. Планы сотрудничества намечают приоритеты сроком на пять лет, среди которых выделение привлекательных зон для туристов, например, в Бурятии Тункинская долина, ОЭЗ «Байкальская гавань», Горячинск, Максимиха и Святой Нос, а также Северный и Южный Байкал, включая гору Мамай.

Еще одно предполагаемое изменение возникло при обсуждении поправок в Конституцию РФ в 2019 г., когда было предложено внести в основной закон понятие федеральных территорий, требующих особого управления из федерального центра. На поправку сразу же среагировала спикер Совета Федерации В. Матвиенко, посчитав, что в список таких территорий необходимо будет включить и озеро Байкал. Какие географические «маркеры» будут использоваться, если возникнет соответствующая ситуация – неясно, но вряд ли такое решение пойдет на пользу местным жителям. Хотя сама В. Матвиенко считает, что в использовании ресурсов байкальской территории порядка будет больше. Междисциплинарная лаборатория психолого-экономических и кросс-культурных исследований Иркутского государственного университета (МЛ ПЭККИ) провела в 2020 г. опросы среди населения в Иркутской области и республике Бурятия, в которых были включены соответствующие вопросы. Несколько забегаая вперед, отметим примечательность факта, что среди респондентов Иркутской области и Бурятии не было каких-либо заметных отличий во всех ответах. И только в национальном отношении, как показывает представленная диаграмма, есть несходства (см. рис. 2).

Приоритет в опросах первых двух позиций не случаен. Федеральное ограничение местного населения в своих правах на муниципальных землях приводит и к ограничению инициативы и самостоятельных действий людей. В последнее время на Байкале обострились проблемы, связанные с водо- и природоохранными зонами, выделением земель под строительство и т. п. Решение правительства России в 2015 г. об увеличении водо-охранной зоны Байкала с 500 м до 140 км вызвало много негативных мнений и действий. С вступлением

в силу данного закона в водо-охранную зону попало более 40 населенных пунктов, где проживают более 120 тыс. человек, под запретом оказались строительство, продажа земельных участков, а также захоронения. Парадокс в том, что на этой территории находится не менее 40 как закрытых, так и действующих кладбищ, около 30 автозаправочных станций, дороги, не соответствующие природоохранным требованиям, и другие объекты, которых в таких местах быть не должно.

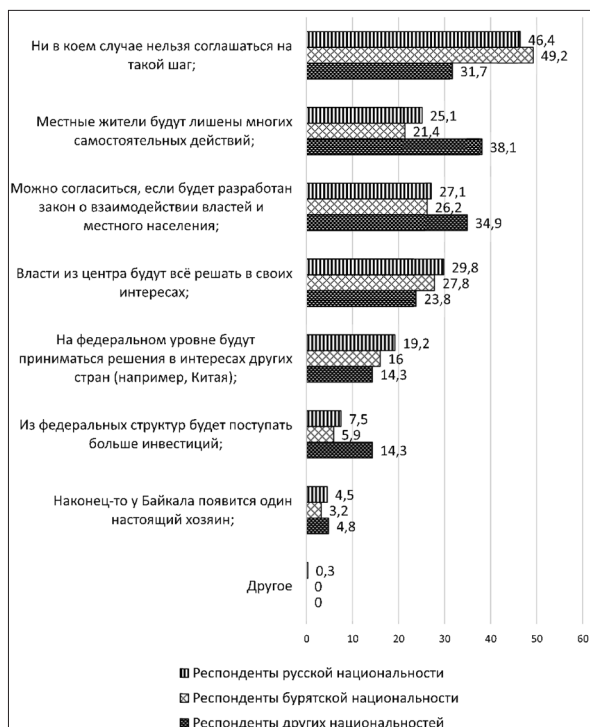

Рис. 2. Мнение респондентов разных национальностей о том, к чему может привести инициатива от властных структур сделать Байкал «федеральной территорией» (%)

Например, необходимо существенно улучшить дорогу на Ольхоне. Дело спорится тем, что нет необходимого гравия, хотя на острове он имеется в больших количествах. Но экологическое законодательство не позволяет хозяйствовать в пределах охраняемой зоны. Хорошо хоть сейчас власти задумались о необходимости изменения законодательства в отношении водо-охранных зон в населенных пунктах.

30 декабря 2020 г. Президент подписал Закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Документ призван совершенствовать законодательство для обеспечения баланса сохранения объектов природного и культурного наследия национальных парков и интересов населения. В законопроекте предусмотрена возможность передачи в областную и муниципальную собственность земель национальных парков и предоставление земельных участков в границах населенных пунктов, расположенных в зонах хозяйственного назначения национальных парков. Предусматривается, что применительно к населенным пунктам, включенным в состав особо охраняемых природных территорий, виды разрешенного использования земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства устанавливаются правилами землепользования и застройки. Таким образом, данный закон повысил возможности населения байкальских мест хоть в чем-то быть настоящими хозяевами своей земли.

Есть и другая сторона проблемы, о которой стоит задуматься. По данным опросов, сибирские жители начали все же понимать, что они сами не играют должной роли в защите природы. В 2007, 2013 и в 2019 гг. на вопрос: «В какой мере местное население способствует защите и благоустройству окружающей среды на территории, где Вы проживаете?», лишь около трети опрошенных дали позитивные ответы, а более половины их говорила о «равнодушии» населения и его бездействии. Стоит добавить, что во всех трех исследованиях близкие по содержанию ответы были получены и на аналогичный вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, местные власти заботятся о природе?». Пандемия гораздо острее ставит такие вопросы, поскольку увязывает отношение к природе со здоровьем человека в более прочный узел. Патриотизм человека по отношению к своей малой родине повышает свою роль в качестве детерминанты и физического и психологического здоровья.

И в такой ситуации нельзя не иметь в виду два аспекта. Во-первых, надо вспомнить, что сегодня радикально настроенные лица всячески стремятся дискредитировать чувства любви к большому и малому отечеству. То и дело звучащие в России словесные «уколы» в адрес провинциалов и патриотов «малой родины» зачастую предназначены для того, чтобы подчеркнуть «отсталость» и ущербность носителей такого рода взглядов и поступков. Но, уезжая на жительство во Францию, Италию, США и другие страны, многие эгоцентричные «космополиты» не признают себе и другим, что подавляющая часть коренного населения данных стран с неодобрением и даже презрением смотрят на всяких «перекати-поле». Коронавирус не уменьшил, а

увеличил такого рода тенденции. Во-вторых, нельзя не признать, что в современной обстановке в плане экологических ориентаций люди становятся все больше космополитами в защите глобальных интересов Земли. И сегодня остро необходимо слияние позиций патриота малой родины с психологией нового космополита – человека, осознавшего, что интересы Terra Patrie начинаются с него самого и его потребностей. Если у «старого» космополита девиз жизни звучит: «Где хорошо, там и родина», то у нового космополита заметен иной девиз: «Где родина, там все должно быть хорошо». При этом предполагается, что это все будет созидаться умственным и физическим трудом этого человека в кругу единомышленников и соратников.

Список использованной литературы и источников

1. Карнышев А. Д. Байкал и психологические ресурсы подталкивания к экологическому патриотизму / А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева // Сибирский психологический журнал. — 2020. — № 77. — С. 196-214.
2. Karnyshev A. Le lak Baikal, lieu-ressource pour undveloppement de la personne et de la communaute, enharmonie avec la nature / A. Karnyshev // L Ecole sans murs. — Paris : L Harmattan, 2019. — P. 101-113.
3. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий / А. Д. Карнышев. — 6-е изд. — Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2020. — 463 с.
4. Вайцзеккер Э. и др. Фактор 5. Формула устойчивого роста. Доклад Римскому клубу / Э. Вайцзеккер. — Москва : АСТ-пресс книга, 2013. — 368 с.

Информация об авторах:

Карнышев Александр Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной работы, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: ale3441@yandex.ru

Иванова Елена Александровна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования и развития личности, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: ea444@yandex.ru, Тел. +79086466071

Authors:

Aleksandr D. Karnyshev — Doctor of psychology, Professor, Irkutsk State University, 664003, Russia, Irkutsk, K.Marx st., 1, e-mail: ale3441@yandex.ru

Elena A. Ivanova — Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Irkutsk State University, 664003, Russia, Irkutsk, K.Marx st., 1, e-mail: ea444@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.10

М.Д. КУШНАРЕВА

УДК 9(С18)17

ББК 63.3

ОСВОЕНИЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ КАМЕННОГО УГЛЯ ФИРМОЙ «НАСЛЕДНИКИ А. И. ГРОМОВОЙ» В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследован процесс организации разведки и освоения месторождений каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» в Северо-Восточной Сибири. Автор выявил, что переход на каменный уголь позволил увеличить интенсивность грузоперевозок предприятия речным и морским путем. Было определено, что добыча ресурсов из местного месторождения способствовала формированию транспортной инфраструктуры макрорегиона.

Ключевые слова: фирма, транспорт, разведка, каменный уголь, добыча, Северо-Восточная Сибирь.

M.D. KUSHNAREVA

DEVELOPMENT OF STONE COAL DEPOSITS BY THE «HEIRS OF A.I. GROMOVA» COMPANY IN NORTH-EASTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article examines the process of organizing the exploration and development of coal deposits by the company «Heirs of A. I. Gromova» in North-Eastern Siberia. The author found that the transition to coal made it possible to increase the intensity of the company's cargo transportation by river and sea. It was determined that the extraction of resources from the local deposit contributed to the formation of the transport infrastructure of the macroregion.

Keywords: firm, transport, exploration, coal, mining, North-East Siberia.

Основной целью настоящей публикации является анализ процесса освоения месторождений каменного угля на территории Северо-Восточной Сибири фирмой «Наследники А. И. Громовой» в начале XX в.

Ключевая проблема публикации ранее привлекала внимание российских ученых. Впервые производственная деятельность компании в сфере добычи полезных ископаемых была исследована Г. Х. Рабиновичем. Он указал, что фирма, наряду с торговлей пушниной, рыбой и мамонтовой костью занималась добычей золота и угля [1, с. 214]. Процесс освоения угленосных месторождений на территории Якутии компанией А. И. Громовой в начале XX в. был отмечен в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» [2, с. 176]. Все это заложило основы изучения производственной деятельности крупной фирмы

и представляет несомненный научный интерес, поскольку предприятие фактически заложило основы развития угледобывающей отрасли в экономике такого макрорегиона России, как Северо-Восточная Сибирь.

Следует отметить, что базовой производственной деятельностью компании Анны Ивановны Громовой являлась добыча золота из месторождений Ленско-Витимского бассейна. Именно эта отрасль стала для предприятия отправной точкой для развития транспортного хозяйства и торговли. Главенствующее положение торгового дела Громовых в Северо-Восточной Сибири обеспечивалось путем эксплуатации собственных транспортных средств. В 1911 г. фирма «А.И. Громова и сыновья», а затем — 2 кулигами общей грузоподъемностью 1,5 тыс. тонн. Совокупная мощность паровых двигателей пароходов составляла 150 л. с. [3, л. 3 об.]. Кроме того, в распоряжении предприятия находились сухопутные средства передвижения. К началу XX в. фирма фактически сформировала собственную транспортную инфраструктуру в регионе, состоящую из пристаней, водных и сухопутных путей, остановочных пунктов, транспортных средств и квалифицированного персонала. В использовании топлива для паровозного транспорта крупных фирм в начале XX в. наметился переход на каменный уголь, который поставлялся в Северо-Восточную Сибирь, главным образом, из копей Черемховского, Анжерского и Сунженского бассейнов. Основным поставщиком каменного угля для сибирских транспортных компаний являлся Л.А. Михельсон [4, с. 103]. Объемы добычи и поставки каменного угля акционерного общества «Сунженских каменноугольных копей» на нужды Транссиба и частных потребителей в начале XX в. превышали 10 млн тонн в год [5, с. 54]. Однако высокая стоимость сырья и фактическое отсутствие выбора поставщиков вынуждали крупные компании Сибири искать новые способы поставок топлива.

Так, впервые о развитии самостоятельной добычи каменного угля из месторождений, расположенных на территории Якутии в компании А.И. Громовой «заговорили» еще в 1900 г. К тому времени фирма имела четкие представления о том, где нужно начинать разведочные работы. О залежах каменного угля в районе р. Алдан было известно еще в середине XIX в. [6]. Информация о нахождении месторождения, его потенциале и качестве сырья собиралась агентами компании А.И. Громовой как в ходе торговых операций с местным населением, так и путем разведочных выездов специалистов. К 1912 г. предприятие имело в своем распоряжении достаточно информации о месторождении. Была проведена оценка стоимости разведочных работ, экспертиза качества сырья и принято решение о начале освоения угленосного пласта на левом берегу р. Алдан. В 1914 г. торговый дом «Наследники А.И. Громовой» получил свидетельство на право проведения разведочных работ каменного угля на левом берегу р. Алдан в районе почтовой станции Охотский перевоз. В 1915 г. площадь разведочных работ была увеличе-

на более чем на 100 кв. км и разместилась на правом берегу р. Алдан в районе той же почтовой станции [7, л. 1]. Несколько позже, добыча каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» была начата вниз по течению р. Алдан на 75 км. ниже станции Охотский перевоз. В 1915 г. разведочные и производственные работы на Алданском месторождении каменного угля проводились Громовыми на площади более 170 кв. км от станции Охотский перевоз до Алданской почтовой станции. Предприятие осваивало залежи каменного угля на горном берегу р. Алдан, в устье р. Сулунду, в долине р. Кенкеля. К 1916 г. площадь разведки и добычи каменного угля торговым домом «Наследники А.И. Громовой» увеличилась еще на 75 кв. км и составила более 250 кв. км. [8, л. 1]. Всего в 1914–1916 гг. предприятие осваивало 9 площадей в районе р. Алдан [9, л. 12]. Примерный объем добычи угля в 1915–1916 гг. превышал 100 тыс. тонн. [Там же, л. 13 об.] В 1915 г. были начаты работы по оснащению участков угледобычи электрогенераторами [Там же, л. 14 об.]. В планах предприятия было строительство транспортного узла в районе г. Якутска, включавшего железнодорожную ветку и мост через р. Лену. Обеспечение топливных нужд транспорта предполагалось посредством расширения мощностей Алданского угленосного бассейна. Кроме того, планировалось строительство собственного коксохимического завода в районе почтовой станции Алдан.

В годы Первой мировой войны, когда поставки угля крупных добывающих компаний шли на нужды армии, развитие собственного производственного дела имело стратегическое значение. Освоение местного угленосного месторождения позволило фирме «Наследники А.И. Громовой» извлекать сырье с более низкой себестоимостью. Это в свою очередь способствовало увеличению объемов грузовых и пассажирских перевозок, ускорению темпов доставки грузов в отдаленные районы региона, снижению уровня внутренней и внешней конкуренции в сфере оптовой торговли.

Для дальнейшего экономического развития макрорегиона было необходимо транспортное освоение новых районов. С 1914 г. транспортное предприятие фирмы «Наследники А.И. Громовой» начало активно осваивать новые пути судоходства, прежде всего из Владивостока в бухту Тикси. В планах предприятия было обустройство освещаемой обстановке в низовьях р. Лены для нужд морских экспедиций по изучению ресурсов моря Лаптевых и Новосибирских островов. В 1916 г. на северо-востоке Сибири появилось новое «Акционерное общество на севере Якутской области», в состав которого вошли крупные предприятия региона. Контрольный пакет — 500 из 1000 акций был сосредоточен в руках торгового дома «Наследники А.И. Громовой» [10, л. 11]. Основной задачей акционерного общества являлось освоение ресурсов северных районов Якутской области, развитие транспортной инфраструктуры, организация регулярных пароходных рейсов в устье р. Лена, Колыма, Яна, Индигирка.

Начало регулярного снабжения товарами потребления населения отдаленных северных территорий в 1916–1918 гг. заметно оживило экономическую жизнь севера Сибири. Северным морским путем ввозились продукты питания, железные, скобяные, мануфактурные изделия, различный хозяйственный инвентарь и другие товары. Вывозились, главным образом, пушнина, мамонтовая кость, золото. Смена монархической формы правления в 1917 г. привела к последующим изменениям в экономическом развитии государства. Освоение месторождений каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» в районе реки Алдан продолжалось до 1918 г. Полного перехода транспортного предприятия Громовых на местное твердое минеральное топливо не произошло. Перспективная экономическая деятельность торгового дома «Наследники А.И. Громовой» в сфере добычи каменного угля из местных месторождений в Северо-Восточной Сибири позволила увеличить объем грузоперевозок силами пароходного транспорта, ввести новые маршруты и расширить их географию. Были совершены пробные рейсы по рр. Хатанга, Яна, Анабар, Оленек.

Список использованной литературы и источников

1. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. / Г. Х. Рабинович. — Томск : Изд-во ТГУ, 1975. — 328 с.
2. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. — Т. 1 / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2012. — 450 с.
3. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 231 (Контора наследников купчихи А.И. Громовой в Иркутске). — Оп. 1. — Д. 1.
4. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.): учеб. пособие / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Изд-во «Аз Бука», 2007. — 214 с.
5. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. — Т. 2 / Отв. ред. Д. Я. Резун. — Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2013. — 464 с.
6. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. 5. Сибирская фауна / А. Ф. Миддендорф. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. акад. наук, 1860. — 310 с.
7. Национальный Архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). — Ф. 12 (Якутское областное управление). — Оп. 2. — Д. 10245.
8. НАРС (Я). — Ф. 12. — Оп. 2. — Д. 11450.
9. НАРС (Я). — Ф. 12. — Оп. 2. — Д. 8529.
10. НАРС (Я). — Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников»). — Оп. 1. — Д. 15.

Информация об авторе

Кушнарцева Маргарита Дмитриевна — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)426417, e-mail: rita270880@mail.ru.

Author

Margarita D. Kushnareva — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of service and service technologies. Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marks st., phone 8(3952)426417, e-mail: rita270880@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.11

А.В. ШАЛАК

УДК 614.4(571.53)(091)

ББК 51.9(253.5)г

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ОПЫТА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В 1940-Е ГГ. НА КОРОНАВИРУС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Целью данной статьи является осмысление исторического опыта советского государства по нейтрализации эпидемических заболеваний в годы Великой отечественной войны и в послевоенный период. Экстраполяция этого опыта на современную ситуацию, связанную с эпидемией коронавируса, позволяет уяснить комплекс требуемых мер по успешному противодействию подобных заболеваний. В 1940-е гг., несмотря на критичную ситуацию в социальной сфере, удалось не только не допустить массовых эпидемий на территории Иркутской области, но и снизить смертность в сравнении с довоенным периодом. Эффективный государственный менеджмент явился основным фактором успешного решения проблем в данной области.

Ключевые слова: Иркутская область, эпидемическая обстановка, инфекционные заболевания, коронавирусная инфекция.

A. V. SHALAK

THE EXTRAPOLATION OF EXPERIENCE NEUTRALIZATION EPIDEMIC DISEASES IN THE 1940S. ON THE CORONAVIRUS IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

The purpose of this article is to understand the historical experience of the Soviet state in neutralizing epidemic diseases during the Great Patriotic War and in the post-war period. Extrapolation of this experience to the current situation

associated with the coronavirus epidemic makes it possible to understand the complex of required measures for the successful neutralization of such diseases. It was in the 1940s that, despite the critical situation in the social sphere, it was possible not only to prevent mass epidemics in the Irkutsk region, but also to reduce mortality in comparison with the pre-war period. Effective public management was the main factor in the successful solution of problems in this area.

Keywords: Irkutsk region, epidemic situation, infectious diseases, coronavirus infection.

События, связанные с коронавирусной инфекцией в России и в мире, заставляют во многом по-новому взглянуть в наше недавнее прошлое. Однако обращение к прошлому имеет значение лишь в одном случае, что есть не только любознательные граждане, но и ответственное правительство, желающее извлечь из нашего прошлого определенные уроки. Любой думающий человек ощущал несоразмерность получившей распространение инфекции тем мерам, которые осуществлялись с целью ее нейтрализации, а также того информационного фона, который сопровождал данное заболевание. С другой стороны, удивляло бессилие системы здравоохранения на уровне управленческих, организационных систем, а также органов власти. Их действия порой были настолько немощными, противоречивыми, непоследовательными, не поддающимися логике, бессистемными, что закономерно возникал вопрос о способности этой системы обеспечить сохранение населения при какой-либо действительно критичной ситуации. С этих позиций хотелось бы сделать небольшой экскурс в историю нашей страны, в наиболее трагичные, тяжелые во всех отношениях 1940-е гг., чтобы на уровне конкретно-исторического анализа проиллюстрировать, каким образом органы власти и система здравоохранения действовали по нейтрализации эпидемиологических угроз. Сравнение этого опыта с современными антикоронавирусными мерами позволяют сделать вполне объективный вывод по вопросу эффективности реформированной системы здравоохранения и понимании тех вопросов, которые требуется решать с целью сохранения не только здоровья населения, но и всего комплекса социально-экономических проблем. Для придания большей конкретики в данной статье анализ ограничен Иркутской областью.

Начнем с исторического опыта: какие санитарно-эпидемиологические угрозы вытекали из конкретно-исторической действительности в 1940-е гг., какая политика в этой области осуществлялась, какие результаты были достигнуты, насколько осуществляемые мероприятия являлись эффективными с точки зрения государственно менеджмента.

На протяжении всех 1940-х гг. существовал целый ряд факторов, которые способствовали ухудшению эпидемиологической обстановки в Иркутской области. Прежде всего, к ним можно отнести санитарное состояние территорий. В годы войны практически прекратили рабо-

ты службы коммунального хозяйства в городах Иркутской области. Поэтому выгребные ямы, общественные туалеты не приводились в порядок. Развернутые в годы войны производства не имели своей канализационной системы и нередко выпускали сточные воды, либо промышленные отходы на улицы, либо в реки, из которых местное население брало воду [1, ф. 127. оп. 51, д. 12, л. 22; д. 13. л. 29]. Были и серьезнейшие проблемы с водоснабжением. В Иркутске, Черемхово в годы войны не работали городские коллекторы канализации, все отходы сбрасывались в Ангару выше забора воды населением [Там же, ф. 159, оп. 7а, д. 230, л. 15]. Здания предприятий не ремонтировались, поэтому зимой в цехах постоянным явлением были холод и сквозняки, не хватало умывальников с горячей водой. Значительная часть работающих была вынуждена оставаться на своих местах, поскольку общественный транспорт не работал, а до места жительства нужно было добираться несколько часов.

Санитарная обстановка в городах продолжала оставаться сложной и в послевоенный период. В Усть-Ордынском бурятском национальном округе, северных и отдаленных от транспортных коммуникаций населенных пунктах угроза эпидемий усиливалась в связи с общей запущенностью социальной сферы. Население даже райцентров не имело возможности помыться в банях. Эти районы и дали основной прирост по вспышке острых заразных заболеваний в области, произошедшей в 1945–1947 гг.

В значительной степени опасность распространения инфекционных заболеваний была связана с состоянием системы общественного питания, которая значительно выросла в годы войны в городах. Не хватало посуды, продукты хранились в непригодных помещениях. Продажа пищевых продуктов на городских рынках также не контролировалась. Поэтому не такими уж редкими были случаи массовых пищевых отравлений. Более того, в 1949 г. удельный вес смертности от дизентерии превысил аналогичные показатели 1940 г. на 32 % (229 смертей), хотя в 1946 г. она была более чем в два раза ниже предвоенного уровня (74 смерти) [2, с. 345]. Проблема осложнялась тем, что большинство сельских районов области не имело санитарно-эпидемиологических станций, а в тех районах, где они были, в их составе отсутствовали санитарно-бактериологические лаборатории. Трудности были связаны не только с отсутствием достаточного количества квалифицированных специалистов, но и с острым дефицитом дезактивационных средств. Основным дезактивирующим средством в условиях отсутствия формалина служила известь, но эффективность ее была намного ниже.

В то время угроза эпидемических заболеваний, прежде всего в сельской местности, происходила и от скота, заболевшего, лошадиной чешоткой, сибирской язвой и др. Необходимых сывороток для лечения в нужном количестве в области не имелось. Причем весьма широкое рас-

пространение получило заболевание бруцеллезом, которое в то время еще являлся малоизвестным и малоизученным.

Но дело было не только в ухудшении санитарно-эпидемиологического состояния территорий. Условия жизни в 1940-е гг. являлись настолько тяжелыми, что в отдельные периоды даже пациенты детских туберкулезных санаториев ничем, кроме хлеба, не обеспечивались [1, ф. 447, оп. 4, д. 8, л. 9]. Заболевание туберкулезом имело ярко выраженную социальную окраску и напрямую было связано с условиями жизни населения. Большое значение для локализации подобных заболеваний имело решение жилищной проблемы и полноценное питание. Однако именно эти вопросы на протяжении 1940-х гг. являлись наиболее сложными. Проживание значительной части населения в сырых бараках и полужемлянках в крайне стесненных условиях, проблемы с топливом, полуголодное существование создавали благоприятную среду для различных туберкулезных заболеваний. Проблема осложнялась и тем, что даже в конце 1940-х гг. в Иркутской области оставались не электрифицированные районы, поэтому там не имелось возможности установить рентген кабинеты. Это затрудняло диагностику подобных заболеваний и выявление истинного количества болеющих. Поэтому смертность от заболеваний туберкулезом оставалась очень высокой.

В Иркутской области было зарегистрировано в 1947 г. 6 133 больных туберкулезом, в 1948 г. — 10 419, а за первое полугодие 1949 г. — 5 628 [3, ф. 374, оп. 11, д. 863, л. 27-29]. Обследование детей в школах г. Иркутска в 1947 г. показало, что туберкулезом инфицированы 30 % детей школьного возраста. На протяжении всех 1940-х гг. удельный вес смертности от туберкулеза оставался очень высоким. В 1940 г. от общего количества летальных случаев, смертность от туберкулеза составила 9,5 %, в 1946 г. 13,6 % и лишь к 1949 г. ее удалось снизить до 6 %.

Состояние системы здравоохранения также являлось фактором, серьезно влиявшим на состояние эпидемиологической ситуации в области. Количество врачей, занятых в системе местного здравоохранения, сократилось, поскольку значительный по численности отряд местных врачей был призван в действующую армию. К тому же в начале войны были сокращены расходы на здравоохранение. В сельской местности Иркутской области в начале 1944 г. треть врачебных участков были не укомплектованы врачами [1, ф. 127, оп. 14, д. 53, л. 7]. Поэтому укрепить санитарно-эпидемиологическую сеть за счет привлечения имеющихся медицинских работников было весьма сложно.

Развертывание дополнительно системы эвакуационных госпиталей происходило в основном за счет внутренних резервов. По сводкам Облздравотдела осенью 1941 г. в Иркутской области было развернуто 37 (по другим данным — 28) госпиталей на 9 500 коек, а к 1942 количество койко/мест доведено до 10 400 [1, ф. 127, оп. 1, д. 704, л. 29]. Кроме г. Иркутска госпитали были развернуты в Зиме, Нижнеудинске, Слюдянке, Тулуне,

Усолье-Сибирском, Свирске, Черемхово, п. Алзамай, п. Квиток. Часть из госпиталей по различным причинам была расформирована в 1942 г. [4, с. 11]. На конец войны в области продолжало размещаться 20 эвако-госпиталей, из них 15 непосредственно в г. Иркутске [5, с. 175–176]. То есть социальная нагрузка на регион и систему здравоохранения в данный период несопоставимо выросла. Она включала на протяжении всей войны поиск дополнительных продуктов питания, организацию прачечного дела, заготовку дров, и многое другое. И это было связано не только с госпиталями, но и помощью эвакуированным, инвалидам войны.

В 1940-е гг. угроза эпидемических заболеваний в немалой степени исходила от потоков прибывающих эвакуированных, мобилизованных на различные работы, репатриированных и военнопленных. Это сопровождалось уплотнением населения в местах проживания, увеличением количества общежитий, выстроенных на скорую руку без соблюдения элементарных санитарных норм. Лагеря для военнопленных и интернированных также с санитарной стороны подготовлены не были. Только в Иркутской области в 1947 г. насчитывалось свыше 15 тыс. репатриированных граждан и 75 тыс. японских военнопленных [1, ф. 127, оп. 51, д. 10, л. 1, 2, 5]. Угроза эпидемических заболеваний возникла и в связи с массовым прибытием демобилизованных воинов в регион, а также связи с разворачивающимися новостройками и увеличившимся потоком вольнонаемных рабочих, прибывающих из различных мест. Одним словом, динамика миграционных процессов была намного масштабнее, чем в современный период.

Нейтрализовать данные угрозы при существующих материальных возможностях можно было только посредством эффективных противоэпидемических мероприятий. В краях и областях эту работу проводили созданные в феврале 1942 г. решением ГКО чрезвычайные противоэпидемические комиссии, возглавляемые председателями облисполкомов. Деятельность местных органов власти и санитарно-эпидемиологических служб по предотвращению острозаразных заболеваний среди населения осуществлялась в нескольких направлениях. Прежде всего созданные противоэпидемические комиссии координировали усилия различных эпидемиологических служб, в структуру которых входили государственная санитарная инспекция, санитарные эпидемические станции, дезактивационные, малярийные, молочно-контрольные, бруцеллезные станции и пункты.

Важным звеном в этой работе являлось недопущение проникновения на территорию таких предельно опасных эпидемических заболеваний, как чума и холера. Этот участок работы контролировал в регионе Государственный научно-исследовательский противочумный институт Сибири и Дальнего Востока, расположенный в Иркутске. Имея многочисленные контрольные пункты, сотрудники внимательно контролировали ситуацию на протяжении 1940-х гг. В соответствии с постановлением

ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» от 2 февраля 1942 г. обязательной считалась госпитализация подозреваемых на заболевание. Таковыми считались те, у которых течение трех дней не спадала температура. В Народный комиссариат здравоохранения направлялись ежедневные телеграфные сводки о каждом случае инфекционного заболевания. Запрещались въезд и выезд с территории, где обнаруживались вспышки заболеваемости тифом. На крупных железнодорожных станциях были организованы санитарно-контрольные пункты. Устанавливалось медицинское наблюдение за пассажирами в поездах, запрещалось проживание на вокзалах без билетов. В целях более эффективной работы и контроля специалисты по эпидемическим заболеваниям распределялись в соответствии с изменениями плотности населения и эпидемиологического состояния районов. Широко применялись массовые обходы жилых помещений, периодический осмотр населения, профилактическая санитарная обработка жилищ и одежды, хлорирование воды, профилактические беседы. Районные отделы здравоохранения создавали подвижные группы, оснащенные всеми средствами для быстрой санитарной обработки людей. Во всех крупных населенных пунктах, на предприятиях, в общежитиях, домоуправлениях создавались институты общественных санитарных инспекторов, которые организовали просветительскую работу с населением.

Особое внимание обращалось на санитарное оздоровление городов и сел, приведение в порядок имеющихся бань, дополнительное строительство простейших бань. С 1943 г. в большинстве городов Иркутской области органы власти начинают привлекать население и предприятия к работе по благоустройству, организовывая воскресники, декадни, месячники по очистке улиц, ремонту зданий и др. Более системный характер эта деятельность принимает в самом конце войны. Расходы бюджета на коммунальное хозяйство Иркутской области в 1944 г. выросли на миллион рублей и составили 9,5 млн руб., в 1946 г. общие расходы на благоустройство превысили 21 млн руб. [6, ф. 2816, оп. 1, ед. хр. 66, л. 4-5; ед. хр. 67, л. 2-4]. Однако и в этот период крупные работы велись в очень ограниченных масштабах. В городах основные работы по благоустройству сводились к рытью кюветов и помойных ям, ремонту и строительству новых общественных туалетов, деревянных тротуаров, заборов, восстановлению уличного освещения. Для более основательных работ не хватало строительных материалов. Несмотря на значительное увеличение масштабов работ по очистке населенных пунктов, их санитарное состояние представляло постоянную угрозу распространения заразных заболеваний. Поэтому сеть санитарно-эпидемических станций в этих условиях не сокращалась. В 1947 г. всего их насчитывалось в регионе 79. Кроме этого имелось 23 дезинфекционные станции и пункта.

Одним из основных методов профилактики болезней и предотвращения эпидемических заболеваний являлись прививки. Население прививалось от брюшного тифа, дизентерии, оспы. В послевоенный период масштабы этой работы в связи со сложной эпидемической обстановкой в регионе значительно расширились. При общей численности населения Иркутской области 1,2 млн человек только в 1948 г. было привито от дизентерии 300,94 тыс. чел., брюшного тифа 324,772 тыс. В 1949 г. эти показатели еще более выросли, в том числе от оспы было привито 72,317 тыс. человек. Если сопоставить эти данные с численностью населения Иркутской области, то в течение этих лет ежегодно получал прививки против дизентерии примерно каждый четвертый житель региона, а против брюшного и сыпного тифа — каждый второй.

На том уровне развития здравоохранения проведение столь масштабной работы представляется настоящим подвигом. Причем не возникло проблем ни с поставками вакцин, ни с организацией этой деятельности. Особенно впечатляюще эти факты выглядят на фоне анализа процесса вакцинирования от коронавирусной инфекции в настоящее время.

Для предотвращения эпидемий большое значение имело не только сохранение, но и развитие в целом системы здравоохранения, укрепление ее кадрового потенциала. И в этом направлении в регионе были достигнуты значительные результаты. С 1943 г. начинается устойчиво увеличиваться бюджет здравоохранения. В 1947 г. он в 2,2 раза превысил довоенный уровень 1940 г. и равнялся 115 млн руб. [1, ф. 127, оп. 14, д. 77, л.1 2; 6, ф. р–1893, оп. 2, ед. хр. 315, л. 4]. Это позволило значительно расширять сеть здравоохранения даже в годы войны. В сравнении с 1941 г. на начало 1945 г. сеть стационарных учреждений в области выросла с 16 до 99, количество коек в них с 2 428 до 5 032, амбулаторно-поликлинических учреждений с 43 до 234, врачей с 733 до 836, среднего медицинского персонала с 963 чел., до 1 537 [6, ф. 2679, оп. 6, ед. хр. 15, л. 20; ед. хр.16, л. 1]. Количество мест в больницах области продолжало расти в послевоенный период, достигнув цифры в 5 328 в 1950 г. [1, ф. 374, оп. 11, д. 606, л. 4; д. 840, л. 45]. Ни о какой «оптимизации» системы здравоохранения в связи с сокращением населения в области не могло идти и речи. Развитие этой системы, ее доступность для всех жителей региона рассматривалось в качестве приоритетной задачи.

Вместе с тем следует отметить, что по целому ряду направлений медицинская помощь во многих районах практически не оказывалась. В области при штате 1 400 врачебных единиц имелось всего 590 врачей, из 4 300 штатных единиц среднего медицинского персонала имелось в наличии 2 475 [1, ф. 127, оп. 14, д. 270, л. 60–64]. Одной из причин такого положения являлось сложное материально-бытовое положение медицинских работников. Заработная плата их была невысокой, да и та во

многих районах сельской местности периодически задерживалась на несколько месяцев. Промышленными товарами врачи также практически не обеспечивались, поэтому часть медицинских работников вынуждена была искать новое место работы.

В связи с угрозой эпидемии перестраивалась работа аптеко-управлений. До войны основная часть медикаментов в регион поступала из других областей. В начале 1940-х гг. потребовалось наладить производство отдельных медикаментов, дезактивационных средств, медицинского оборудования, предметов санитарной гигиены и т.д. на местах. В июне 1942 г. бюро Иркутского обкома партии приняло постановление «О работе Иркутского отделения аптеко-управления». В нем планировалось оборудовать цеха по изготовлению стеклянных ампул, производству различных экстрактов, организовать во всех аптеках продажу витаминных напитков и многое другое. Помощь в этом должны были оказать сотрудники медицинского института [6, ф. 2679, оп. 6, ед. хр. 15, л. 20; ед. хр. 16, л. 1]. Кроме того, именно в годы войны начинается вестись подготовка специалистов по диагностике и лечению бруцеллеза. В Иркутской области за период 1942–1948 гг. было подготовлено 140 врачей, 88 технических лаборантов и 63 средних медицинских работника. В структуре Государственный научно-исследовательского противочумного института, размещавшегося в г. Иркутске, была создана бруцеллезная лаборатория [6, ф. 1893, оп. 2, ед. хр. 499, л. 11; ф. 2709, оп. 2, ед. хр. 70, л. 9; д. 105, л. 8]. Таким образом, была проведена серьезная работа на государственном и на местном уровне, чтобы не допустить широкого распространения эпидемических заболеваний, угроза которых реально существовала на протяжении всех 1940-х гг.

Противоэпидемические мероприятия в исследуемый период позволяли избегать их массового распространения и достаточно эффективно ликвидировать отдельные вспышки. Как правило, их локализовывали на уровне нескольких десятков заболевших. В марте 1947 г. в Иркутской области регистрировались заболевания тифом в 14 районах и пяти городах, но все они были успешно локализованы на уровне 95 заболевших, а в марте 1948 г. — на уровне 92 случаев [1, ф. 127, оп. 14, д. 590, л. 5-7].

Рост численности эпидемических заболеваний, как правило, наблюдался весной в городах по железной дороге. Вне городов он имел место в отдаленных населенных пунктах, подсобных хозяйствах, а также лесопунктах. Связано это было в основном с отсутствием бань, мыла, а также дезактивационных средств. В целом же по городам и поселкам Иркутской области, несмотря на значительный рост численности острых заразных заболеваний, смертность от них благодаря проводимой профилактики и новым вакцинам в конце войны была ниже в сравнении с 1940 г. Если в 1940 г. в области от острых заразных заболеваний умерло 2 688 человек, в 1943 г. их количество выросло до 2 928, а затем начинается сокращение. В 1944 г. — 1 714, а в 1945 г. — 1 513 умерших

от острозаразных заболеваний, что составляло 56,3 % к уровню 1940 г. Сокращалась и общая смертность в области на протяжении 1940-х гг. В 1940 г. в области умерло 12 130 человек, в 1946 г. 7 684, а в 1949 г. — 7 915, что составляло 65,3 % к довоенному уровню.

Объясняя причины снижения смертности в 1940-е гг., некоторые авторы основной причиной этого считают снижения уровня рождаемости, что повлекло за собой и снижение коэффициента смертности [7, с. 66; 8, с. 206–207]. Отнюдь не отрицая данного обстоятельства, все же вряд ли можно считать представления о невысоком уровне смертности в стране «призрачным». Население Иркутской области действительно сократилось, но оно составляло к уровню 1940 г. почти 94 %. Несложные расчеты показывают, что удельный вес смертей от общей численности населения области в 1940 г. составлял 0,9 %, а в 1949 г. — 0,6 %.

С этих позиций попытаемся экстраполировать опыт 1940-х гг. на анализ тенденций в области системы здравоохранения и предотвращения коронавирусной инфекции в Иркутской области. В данном случае мы не касаемся медицинских аспектов проблемы, это не является объектом исторической науки. Оставим также в стороне геополитические аспекты, которые, на наш взгляд, в основе понимания тех процессов, в рамках которых протекала данная эпидемия, с присущим ей информационным сопровождением.

Эмпирическую основу сравнительного анализа составляют данные государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Иркутской области в 2019 г.», подготовленного Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, и целым рядом научных организаций, а также данные статистического управления по Иркутской области.

Каковы последствия коронавирусной инфекции, которая продолжается на территории Иркутской области чуть более года? На 24.02.2021 г. в Иркутской области зафиксировано 54 725 случаев заражения коронавирусной инфекцией, из них 1 753 человек умерло. Летальность составляет 3,2 % [9]. Можно сравнить эти показатели с уровнем заболеваемости ссыпным и брюшным тифом в 1945 г., вспышки которого представляли аналогичную угрозу для жителей региона и приобрели самый массовый характер за 1940-е гг. Болею брюшным тифом в этом году 1 060 человек, а ссыпным 1 522. Смертность от этих заболеваний составила, соответственно, 48 и 27 случаев, то есть общая летальность составила не более 2,8 %. В 1949 г. летальным исходом данное заболевание закончилось только для шести заболевших [2, с. 345].

Теперь перейдем к сравнению показателей общей смертности. Чтобы на данном сравнительном анализе не отразилось влияние коронавирусной инфекции, мы будем оперировать данными до 2020 г. Всего в

2019 г. умерло 31 553 человека, что составляет 1,3 % жителей Иркутской области [10]. Таким образом, спустя 70 лет после войны и восстановления разрушенного народного хозяйства мы имеем демографические показатели, которые по основным характеристикам значительно уступают показателям 1940-х гг. Удельный вес смертности по отношению к общему количеству жителей Иркутской области в 1949 г. составлял 0,6 %, то есть был в 2,5 раза ниже показателя 2020 г.

А если к этому еще прибавить резкое снижение рождаемости, тогда эти показатели будут просто катастрофичными. При этом нужно отметить, что масштабы различных инфекционных заболеваний в 1940-е гг. были намного шире, а материальные, кадровые возможности намного уже современных. В частности, на сегодня до минимума сведена заболеваемость дизентерией, а по тифу имеются в отдельные годы лишь единичные случаи. За последние 10 лет наибольший показатель заболеваемости брюшным тифом в области зарегистрирован в 2015 году. Тогда заболеваемость была отмечена только в двух городах: Иркутске у шести лиц без определенного места жительства, проживающих в канализационном люке, и в Ангарске, где было два завозных случая, в том числе один из Индии и один из Таджикистана. Количество врачей в области насчитывает 9 064 человек, и еще 21 679 среднего медицинского персонала [11, с. 197], что примерно в пять раз выше аналогичных показателей 1949 г. в расчете на 10 тыс. населения. Чем же тогда объяснить причины снижения смертности в 1940-е гг. и ее рост в современный период, особенно в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией?

Показатели 2020 г. можно попытаться объяснить непредсказуемостью малоизвестной инфекции «COVID-19», повлекшей столь значительную смертность населения. Однако, по официальным данным, переболело за год данной инфекцией около 2,8 % населения. Порог же эпидемической угрозы в учебниках по инфекционным заболеваниям в большинстве случаев определяется в 5 %. Можно предположить, что заболело значительно больше, но эти случаи не нашли отражения в официальной статистике. Однако, если заболевшие смогли вылечиться в домашних условиях, не прибегая к стационарной медицинской помощи, то уровень данной угрозы значительно ниже, чем заболеваемость тифом в 1940-е гг., который в домашних условиях невозможно было вылечить, независимо от возраста заболевших. Следовательно, невозможно объяснить столь высокую смертность характером протекающего заболевания.

Можно предположить, что основной причиной является тотальное сжатие сферы медицинских услуг в постсоветский период, особенно в сельской местности и небольших городах. Данная тенденция выражена следующими показателями (табл. 1 [составлено по: 12]).

Таблица 1

Сеть системы здравоохранения РФ (1990–2019 г.г.)

Годы	Число больничных организаций (тыс.)	Больничных коек (тыс.)	Больничных коек на 10 тыс. населения
1990	12,8	2037,6	137,4
2002	10,3	1619,7	112,6
2019	5,2	1124,0	78,4

Таким образом за период постсоветских реформ количество больниц сократилось более, чем в два раза и составляет по итогам 2019 г. 40, 6 % от уровня 1990 г., а количество коек в расчете на 10 тыс. человек 57 %. При этом нужно иметь в виду, что сокращение коснулось прежде всего инфекционных больниц. Несмотря на то, что количество врачей за это время осталось примерно на том же уровне, нужно признать, что плотность больничных учреждений на территории резко уменьшилась, а это означает что население лишилось возможности получать своевременную помощь непосредственно по месту жительства. Особенно это коснулось удаленных от городских центров поселений. Количество коек в больницах Иркутской области только за последние три года сократилась более, чем на две тысячи.

Однако однозначно объяснить высокую смертность сокращением сети больничных учреждений также сложно. Если анализировать подобные тенденции 1940-х гг., то в этот период отмечается рост больничных учреждений, коек в них, а также медицинского персонала. Количество больниц в регионе в период 1940–1947 гг. увеличилось с 99 до 123, а количество коек в них с 4 930 до 5 678 [3, ф. 374, оп. 11, д. 606, лл. 4, 6, 8, 28, 32]. Однако даже сокращенная созданная в советский период сеть больничных организаций в разы превосходит то, что имелось в конце 1940-х гг. Это же имеет отношение и к медицинскому персоналу. В 1947 г. в области имелось 836 врачей и 1 537 медицинских сестер, а в 2019 г. 9 064 врачей и 21 679 среднего медицинского персонала [13]. И тем не менее численность населения в послевоенный период росла, смертность сокращалась.

Объяснять причины смертности условиями жизни в регионе можно, но и этот аргумент вряд ли является определяющим. В пользу этого аргумента данные статистики по заболеваемости и смертности от туберкулеза. Обще-признанным фактом является объяснение заболеваемости от туберкулеза условиями жизни. В тяжелейший 1946 г. на туберкулез приходилось 13,7 % летальных случаев, в 1949 г. — 6 %. Если взять аналогичные показатели области за последние 10 лет, то они выглядят следующим образом: 2010 г. — 3,2 %, 2019 — 0,96 % [14]. Однако, если взять эти данные в абсолютных цифрах, то ситуация не выглядит столь отличной. В 2010 г. от туберкулеза умерли 1 136 человек, в 2019 г. — 303. Для сравнения: в 1946 г. —

1 052 летальных исхода от туберкулеза, в 1949 г. — 481 случай. Поэтому количество летальных исходов в пересчете на 100 тыс. человек дает наиболее объективное соотношение смертности от туберкулеза в 1940-е гг. и в настоящее время. Эти показатели округленно выглядят следующим образом: 1946 г. — 90, 1949 г. — 38, 2010 — 47, 2019 — 13. Приведенные данные свидетельствуют, что условия жизни в настоящее время для определенных слоев населения являются чрезвычайно тяжелыми, тем не менее и они не могут объяснить высокую смертность среди жителей области.

О неблагоприятной социальной ситуации в регионе свидетельствуют и количество убийств и самоубийств (табл. 2 [составлено по: 14]).

Таблица 2

Показатели смертности от убийств и самоубийств (1940–2019 гг.)

Показатель	1940	1946	2005	2019
Убийств	47	84	1845	204
В расчете на 100 тыс. чел.	3,5	7,2	73,6	8,5
Самоубийств	74	63	1401	424
В расчете на 100 тыс. чел.	5,5	5,4	55,9	17,7

Приведенные данные разительно отличают криминогенную ситуацию 1940-х гг. от современного периода. В отдельные годы это оказывает серьезное влияние на общую смертность населения. В 2005 г. количество убитых в области было выше умерших в 2020 г. от коронавирусной инфекции, однако никакого информационного сопровождения это не имело. В целом данными показателями также невозможно объяснить высокий уровень смертности в настоящее время.

Оценивая действительность 1940-х гг., необходимо отметить, что основную роль в этом сыграли предпринятые органами власти меры по развитию системы здравоохранения и предотвращению эпидемий. В условиях, когда состояние социально-бытовой сферы и условия жизни людей ухудшились практически по всем показателям, эти меры позволили не только не допустить распространения массовых эпидемий, но и расширить сеть медицинских учреждений в регионе, что в немалой степени способствовало и снижению смертности. Жесткая административная система управления в этом плане оказалась весьма эффективной. В ситуации, когда не хватало даже простых дезактивационных средств, она позволяла эффективно распоряжаться имеющимися ресурсами, медицинскими кадрами, обеспечивать соблюдение элементарных санитарных норм в местах массового скопления людей. Таким образом, опираясь преимущественно на комплекс системных и продуманных мер, органы власти

добились впечатляющих результатов в области сокращения смертности в регионе, в том числе и по инфекционным заболеваниям. Тогда была иная система общественных отношений и иной уровень организации государственной власти. Общество было сцементировано общей волей и патриотическими устремлениями, власть действовала профессионально и ответственно.

Та реальность настолько далека от современной, что даже представляется некорректным ее экстраполяция на современную действительность. Трудно представить начало Великой Отечественной войны с нынешней общественной системой и ее информационной политикой. Нынешние угрозы несопоставимы по объемам и масштабам решаемых тогда задач в условиях предельно ограниченных материальных ресурсов. Потенциальная угроза в настоящее время только одной серьезной инфекции породила такие проблемы и перекосы, последствия которых предстоит разрешать не один год. Фундаментальная проблема в том, что новая система общественных отношений повлекла и слом советской системы здравоохранения, основой которой являлась повсеместная профилактика здоровья населения. Произошло это в условиях потери целеполагания и смысла развития. С одной стороны, данная ситуация порождена самой властью, с другой стороны новая реальность не могла не отразиться на дееспособности самой власти.

В годы Великой Отечественной войны в Иркутской области за считанные месяцы осенью 1941 г. созданы около 30 госпиталей, в которых прошли лечение 103 тыс. чел., из них, примерно, 40 тыс. были сделаны операции [15, с. 46]. Умерло за годы войны в госпиталях Иркутска около 900 человек. Процент умерших от лечившихся был в пределах 1 %. Такой огромный объем проделанной работы, а также эффективность лечебной практики в госпиталях становятся очевидными в сравнении с аналогичными мерами в условиях коронавирусной инфекции в совершенно других условиях и при совершенно иных возможностях. Сложно представить, чтобы контроль за организацией данной работы принадлежал в те годы такой структуре как «Роспотребнадзор», главной функцией которого является осуществление контроля за потребляемой гражданами продукцией на предмет ее соответствия установленным стандартам. Также сложно представить, чтобы в годы войны власть согласовывала строительство новых госпиталей с желанием и возможностями миллиардера О. Дерипаски, или действовала в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, которая финансируется фармацевтическими компаниями и фондом Гейтса. Рекомендации тысяч профессиональных врачей оказались не нужны. В оперативном штабе по борьбе с COVID-19 не оказалось ни одного специалиста в области инфекционных заболеваний.

Ситуацию усугубило и то, что все внимание было переключено на лечение больных коронавирусной инфекцией. Лечение остальных отложено. Скорая помощь на другие вызовы могла вообще не реагировать.

Однако структура основных показателей заболеваемости и смертности свидетельствует, что летальный исход от инфекционно-паразитарных заболеваний в разы меньше, чем по другим фиксируемым группам. По итогам 2019 г. в области от инфекционных и паразитарных заболеваний умерло 1 567 человек, в то время как от болезней органов кровообращения — 15 944, чел., от новообразований — 5 303 человек, от несчастных случаев, травм и отравлений — 3 324 человек. Ослабление внимания к данным категориям больных не могло не сказаться на масштабах смертности по итогам 2020 г. В 2020 г. уровень смертности в Иркутской области стал самым высоким с 2011 года и составил 35,62 тыс. человек или 1,5 % от общего количества населения Иркутской области, что в 2,5 раза выше уровня 1949 г. В абсолютных показателях это означает, что количество смертей в 2020 г. на 4 067 превышает уровень 2019 г., или на 12,4 %. Отметим также, в 2020 году на свет в роддомах в Иркутской области появилось 26 418 детей, а в 2019 их было 28 531, то есть новорожденных за год стало меньше на 2 113. Естественная убыль населения, таким образом, в прошлом году составила 0,38 % [16].

Если к этому добавить состояние экономики, ухудшение ситуации в социальной сфере и рост количества бедных, то все это неизбежно закрепляет негативные процессы в демографической ситуации Приангарья. Пока еще продолжают сохраняться многие традиции и практики советской системы здравоохранения, иначе ситуация могла бы быть еще более драматичной. Попытка все списать на форс-мажорные обстоятельства от COVID-19 и «прогнозируемые» подобные явления в ближайшем будущем не могут стать продуктивным решением проблемы.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 127. — Оп. 14. — Д. 270; Ф. 374. — Оп. 11. — Д. 606, Д. 840; Ф. 447. — Оп. 4. — Д. 8.
2. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 356 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 374. — Оп. 11. — Д. 606, Д. 863.
4. Маценко П. А. История лечения раненых в эвакогоспиталях Иркутской области / П. А. Маценко. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 335 с.
5. Колмаков Ю. П. Эвакогоспитали Иркутска в годы ВОВ / Ю. П. Колмаков // Земля Иркутская. — 2004. — № 1. — С. 44-47.
6. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-1893. — Оп. 2. — Ед. хр. 499, Ед. хр. 3156; Ф. 2709. — Оп. 2. — Ед. хр. 70; Ф. 2816. — Оп. 1. — Ед. хр. 66, Ед. хр. 67.
7. Попов В. П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой отечественной войны / В. П. Попов // Социологические исследования. — 1994. — № 4. — С.60-69.

8. Урланис Б. Ц. История одного поколения. (Социально-демографический очерк) / Б. Ц. Урланис. — Москва : Мысль, 1968. — 268 с.

9. Коронавирус в регионе. Иркутская область сегодня // Коронавирус. — URL: <https://coronavirus-control.ru/coronavirus-irkutsk-oblast/> (дата обращения: 24.02.2021)

10. Смертность населения Иркутской области по основным классам причин смерти за 2019 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. — URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/death_rate2019.html (дата обращения: 21.02.2021)

11. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Иркутской области в 2019 г.» // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Иркутской области. — URL: http://38.rosspot-rebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=d8c9d2b4-8d86-4691-ac69-e8c1ae0af5bf&gro-upId=130642 (дата обращения: 20.02.2021)

12. Здравоохранения по данным Росстат // Статистика и показатели. Региональные и федеральные. — URL: <https://rosinfostat.ru/zdravooхранenie/#i-10> (дата обращения: 26.02.2021)

13. Основные показатели работы медицинских организаций Иркутской области за 2019 г. Статистический сборник // Медицинский информационно-аналитический центр Иркутской области. — URL: <https://miac-io.ru/uslugi-resheniya/detail.php?ID=113460> (дата обращения: 27.02.2021)

14. Смертность населения Иркутской области по основным классам причин смерти // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. — URL: <http://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения: 27.02.2020)

15. Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области: сб. документов. — Иркутск : изд-во «Оттиск», 2015. — 320 с.

16. В Иркутской области смертность в 2020 году признали самой высокой за последние 10 лет // Байкал24. — 18.01.2021. — URL: <https://baikal24.ru/text/18-01-2021/048/> (дата обращения: 30.01.2021)

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru

Author

Alexander V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakav@bgu.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.12

В.П. ШАХЕРОВ

УДК 947(571.54)

ББК 63.01

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Х — НАЧАЛЕ 2000-Х ГОДОВ

В статье приводится материал о становлении коммерческой банковской сферы Иркутской области в условиях перестройки и перехода на рыночные отношения. Основное внимание уделено истории создания в регионе коммерческих банков. Их рост связан с задачами разрушения монополии государственной системы кредитования и развитием частной конкуренции. На примере Иркутской губернии раскрываются особенности становления коммерческой банковской системы, рост и ликвидация большинства банков, приводятся характеристики наиболее стабильных коммерческих банков региона.

Ключевые слова: Иркутск, Иркутская область, иркутское отделение Государственного банка, кредитная сфера, коммерческие банки.

V.P. SHAKHEROV

THE RISE AND FALL OF COMMERCIAL BANKS IN THE IRKUTSK REGION IN THE 1990 — EARLY 2000

The article presents the material about the formation of the commercial banking sector of the Irkutsk region in the conditions of perestroika and transition to market relations. The main attention is paid to the history of the creation of commercial banks in the region. Their growth is associated with the tasks of destroying the monopoly of the state credit system and the development of private competition. On the example of the Irkutsk province, the features of the formation of the commercial banking system, the growth and liquidation of most banks are revealed, and the characteristics of the most stable commercial banks in the region are given.

Keywords: Irkutsk, Irkutsk region, Irkutsk branch of the State Bank, credit sphere, commercial banks.

Одним из следствий перехода страны к рыночным отношениям стала децентрализация банковской системы, приведшая к резкому сокращению полномочий Госбанка и появлению акционерных и коммерческих банков. Стремясь уйти от государственной монополии управления финансами страны, власть перешла на 2-уровневую банковскую систему, верхний уровень которой составил центральный (эмиссионный) банк, а непосредственное обслуживание народного хозяйства передавалось специализированным государственным банкам и частные коммерческим учреждениям. Специализированные упол-

номоченные банки просуществовали недолго и уже в 1989–1990-х гг. началось повальное акционирование подавляющего большинства филиалов Промстройбанка, Агропромбанка, Жилсоцбанка и других. Этот стихийный неуправляемый процесс вкупе с тем, что происходило в промышленности и сельском хозяйстве, привел к нарушению денежного обращения, неуправляемой инфляции, бартерным расчетам и прочим финансовым суррогатам.

Как и по всей стране банковская реформа в Иркутской области проходила сложно, далеко не всегда последовательно и излишне поспешно. Уже в июне 1989 г. в Иркутске был зарегистрирован первый коммерческий банк. Наверно символично, что он получил название Азиатский, а вскоре был переименован в Русско-Азиатский в честь крупнейшего акционерного банка, действовавшего в России до революции. В 1993 г. в Иркутской области функционировали 19 коммерческих банков. Из них 12 были преобразованы на базе бывших спецбанков, а 7 созданы вновь. Большинство из были небольшие и в основном обслуживали своих учредителей и акционеров. Только 3 банка имели уставной фонд в 200, 250, 300 млн руб., 6 — от 100 до 140 млн, а 8 до 50 млн руб. [1, л. 9] К 1994 г. число коммерческих банков насчитывало уже 23 и продолжало расти. Всего в Иркутской области было зарегистрировано 28 коммерческих банков [2, с. 349]

Резкий рост коммерческих банков, далеко не всегда экономически оправданный, недостаточно проработанная нормативная база по надзору за ними, стремительное нарастание инфляции в стране и многочисленные финансовые спекуляции в ходе проведения приватизации государственного и личного имущества, привели к тому, что наряду с крупными кредитными организациями, реально связанными с производством и имеющими долгосрочные планы кредитования появилось немало банков-однодневок, пускающихся в различные финансовые махинации и авантюры. Частные банки многократно накручивали процентные ставки, достигавшие нередко 60-70 % [1, л. 11] Не удивительно, что доходы коммерческих банков неуклонно росли. В 1992 г. банки Иркутской области получили доход в 13 млрд руб., в том числе 12 млрд. от процентов за кредит. Средняя прибыль их составила 4 млрд. руб., обеспечив рентабельность в 33,3 %. Такой рост доходности был обеспечен увеличением активов в 10 раз. (1991 г. — 7,2 млрд руб., 1992 — 72,2 млрд руб.) [2, с. 350]

Из-за неспособности ряда банков выполнять свои обязательства перед клиентами и других нарушений законодательства Банк России как финансовый регулятор начал отзывать лицензии. Уже в 1992 г. «Иркомзембанк» и Глазковский коммерческий банк потеряли самостоятельность и превратились в филиалы соответственно Востсибкомбанка и Агропромбанка России. Более массово процесс пошел с середины 1990-х гг. и усилился в период экономического кризиса 1998 г.

Всего к 2000 г. лицензии были отозваны у 11 региональных банков: «Кронобанка», «Старбанка», «Инторгбанка», «Русско-Азиатского», «Байкальского», «Усть-Илимского», «Заларинского», «ВостСибкомбанка», банка поддержки социальных программ молодежи «Кейптроллер», «Иркосоцбанка» и акционерного «Иркутскснаббанка» [2, с. 350-351]. Многие из них действовали в ущерб вкладчикам, проводя рискованные операции, а зачастую просто присваивали чужие деньги. Так, один из первых в регионе коммерческих банков, Русско-Азиатский, занимался прямым мошенничеством, выдавая кредиты подставным лицам. В итоге подобной деятельности банк перестал выполнять свои обязательства, оставив не у дел более сотни юридических лиц и почти 60 тыс. вкладчиков. В 1997 г. банк был ликвидирован, а на его президента Ф.Г. Батракинова было заведено уголовное дело [3]. Созданный летом 1992 г. старательский коммерческий банк («СТАР-БАНК») просуществовал всего три года. Банк проводил рискованную кредитную политику, угрожающую интересам кредиторов и вкладчиков, нарушал правила ведения бухгалтерского учета, не соблюдал установленные экономические нормативы и обязательные резервные требования, в результате чего в ноябре 1995 г. у него была отозвана лицензия. Заметным стал крах в марте 1999 г. ВостСибкомбанка, который являлся прямым преемником Промстройбанка, и с момента основания входил в сотню крупнейших банков России. Традиционно банк занимался кредитованием промышленности региона, в частности таких крупнейших объединений, как Саянсхимпром, ИАПО, Востсибуголь, ИркАз и др. Банком были открыты 26 филиалов в различных городах Иркутской области. Основными причинами отзыва у него лицензии стали активное наступление столичного капитала в промышленной и банковской секторы региона и неудачные действия собственного менеджмента.

После первой волны ликвидации к 2005 г. в регионе осталось 9 частных кредитных организаций. Все они имели лицензии на осуществление банковских операций в рублях и иностранной валюте, в том числе и на привлечение вкладов населения. Двум банкам — «БайкалРосбанку» и «Гринбанку» были выданы лицензии на привлечение во вклады и размещение драгоценный металлов. Зарегистрированный уставной капитал всех банков составил 587,9 млн руб. Кроме региональных банков в области работало 62 филиала, в том числе 10 — региональных банков, 25 филиалов Сбербанка и 27 филиалов банков из других регионов [2, с. 356].

После относительного затишья в первом десятилетии XXI века процесс закрытия банков в Приангарье возобновился. В начале 2015 г. Центральный банк отозвал лицензию у одного из старейших банков Иркутской области — «ВЛБанка». Он был создан еще в 1990 г. под названием «Верхнеленский». После ребрендинга 2013 г. стал позиционироваться как «Ваш Личный Банк». У кредитной организации

была широкая сеть по стране. Помимо головного офиса в Усть-Куте были открыты кредитно-кассовые офисы и региональные центры в Челябинской, Иркутской, Свердловской, Нижегородской и Ростовской областях, Пермском и Краснодарском краях, Республике Адыгея и в Москве. В Центробанке посчитали, что «ВЛБанк» проводил «высоко-рискованную кредитную политику, связанную с размещением денежных средств в низкокачественные активы». Годом ранее в Приангарье был ликвидирован банк «Радиян». Решение о ликвидации по заявлению Центробанка РФ было принято Арбитражным судом региона 9 июля 2014 г. Напомним, что на протяжении 2013 г. эта кредитная организация была вовлечена в проведение сомнительных операций, объем которых превысил 4,8 млрд руб. В начале 2016 г. в связи с неисполнением кредитной организацией федеральных законов была отозвана лицензия у «Внешпромбанка». Размер его обязательств превысил активы на сумму около 187,4 млрд руб.

Исследователи банковской сферы региона считают, что в качестве самостоятельного этапа развития банковской системы можно обозначить 2010–2015 гг. Он характеризуется возрождением банковского бизнеса после серьезного падения всех его показателей. Отдельного внимания заслуживает 2014 г. В этот период наблюдалось максимальное доверие корпоративных и розничных клиентов иркутских региональных банков к операциям, производимым банками в рублях [4, с. 478].

Наряду с сокращением региональных банков шел процесс расширения присутствия в регионе столичных банков посредством открытия их филиалов, а позже внутренних структурных подразделений (дополнительных и операционных офисов). В начале XXI века почти все базовые прибыльные предприятия промышленности и частично других отраслей Иркутской области приобрели новых собственников в лице мощных бизнес-групп общероссийского уровня и государственных корпораций. Через свои управляющие компании они стали контролировать крупнейшие предприятия региона [5, с. 87]. Точно так же происходило поглощение кредитной сферы региона. Крупные российские и московские финансовые структуры постепенно стали вытеснять региональных игроков из кредитной сферы. Так, в 1997 г. в Иркутске были открыты представительства «Инкомбанка», банков «Менатеп», «Российский кредит», «СБС-Агро», в полную зависимость «ОНЕКСИМбанка» попал региональный банк «Ангарский» и сменил название. Это значительно повысило сложность привлечения новых клиентов, как физических, так и юридических лиц. Теперь у них появился более широкий, чем раньше, выбор банковских услуг и их продавцов. Все перечисленные выше банки, за исключением «СБС-Агро», являлись так называемыми «оптовыми банками», ориентируясь в основном на крупного клиента. Для них гораздо проще и быстрее было вложить деньги

в рынок ценных бумаг или дать кредиты экспортно-ориентированным предприятиям, чем работать с мелкими клиентами. К тому же такая ориентация объясняется тем, филиалы крупных банков были удобны для быстрого перевода денежных средств в Москву, где находятся контрагенты большинства иркутских торговых фирм. Банк СБС-Агро после объединения с Агропромбанком России получил в наследство более 3 000 его филиалов в различных регионах страны [2, с. 351]. Поэтому он, напротив, активизировал работу с физическими лицами, привлекая больше мелких клиентов. Таким образом, сокращение численности региональных кредитных организаций компенсировался ростом внутренних структурных подразделений банков других регионов. Депозитная база всех банковских организаций региона, включая привлеченные средства физических и юридических лиц, составила на начало 2016 г. чуть более 371 млрд руб., увеличившись за последнее пятилетие в 2,8 раза. Сумма же выданных кредитов за этот же период выросла всего в 1,7 раза и составила 452 млрд руб. При этом доля кредитов, выданная юридическим лицам, уменьшилась с 59 до 51 %, а кредитование физических лиц увеличилось с 41 до 49 % [6, с. 170].

Как уже отмечалось, к 2018 г. в Приангарье сохранилось всего шесть региональных банков: «БайкалИнвестБанк», «ВостСибтранскомбанк», «Крона-банк» и «БайкалКредоБанк» с головными офисами в Иркутске, а также «Братский народный банк» и «Гринкомбанк» из Усолья-Сибирского. Самыми стабильными коммерческими банками Иркутска оказались такие, которые с самого начала были связаны с местным эффективным производством, либо с сельскохозяйственными агрофирмами. Но даже тесные связи с региональными элитами и долгое присутствие на кредитном рынке не смогли спасти некоторые из них от краха. Осенью 2018 г. неожиданно для многих была отозвана лицензия у ВостСибтранскомбанка, который был учрежден в марте 1994 г. структурными подразделениями ВСЖД для обслуживания ее структур. Акционерная структура банка была крайне размытая, в том числе за счет использования схем кольцевого владения. У банка было несколько пересекающихся основных групп акционеров, в том числе менеджмент и миноритарии ЗАО «Востсибтранспроект», менеджмент и акционеры страховой компании «ВостСибЖАСО», профсоюз работников ВСЖД. По состоянию на 1 сентября 2017 г. в Иркутской области (помимо головного офиса в Иркутске) действовало 14 дополнительных и семь операционных офисов, а также 40 операционных касс вне кассового узла. Общее количество банкоматов и пунктов выдачи наличных банка составляет порядка 80 точек. Еще два филиала и 5 дополнительных офисов были открыты в Бурятии. Количество сотрудников, работающих в кредитной организации, на начало января 2017 г. составляло 627 человек. Собственные средства банка достигали 449 млн руб., весь объем активов 3,6 млрд. руб.

Проблемы в деятельности банка возникли вследствие незначительного запаса собственных средств и фактического отсутствия источников их увеличения для покрытия убытков, связанных с низким качеством кредитного портфеля. В связи с этим менеджмент банка в течение длительного времени проводил «схемные» и непрозрачные для надзорного органа сделки с целью сокрытия значительной недостачи денежных средств в кассе и вывод высоколиквидных активов в размере более 130,0 млн руб. с ущербом для кредиторов и вкладчиков. Не смотря на многочисленные предписания и замечания регулятора, реальных мер по нормализации деятельности предпринято не было, и банк был ликвидирован.

Еще более неожиданной стала ликвидация в сентябре 2019 г. еще одного должника — усольского «Гринкомбанка», основанного в 1990 г. Учредителями его выступили местные предприятия ПО «Усолье-Сибирское», «ПО Усольмаш», совхозы «Большееланский» и «Железнодорожник», комбинат «Сибсоль» и другие. В 1991 г. банк был акционирован. В марте 1996 г. банк получил лицензию на совершение операций с иностранной валютой, а двумя годами позже получил возможность устанавливать прямые корреспондентские отношения с иностранными банками. Одновременно с валютным направлением развивалась работа с ценными бумагами. Финансовый кризис 1998 г. банк пережил без каких-либо осложнений. Отсутствие рискованных вложений, грамотная политика управления вывели банк в число самых надежных кредитных учреждений региона.

Долгое время банк считался одним из самых успешных региональных кредитных учреждений. Сам он и его руководство неоднократно становились лауреатами различных национальных премий и конкурсов. В ноябре 2006 г. Гринкомбанк стал лауреатом национальной банковской премии в номинации «Лучший региональный банк», а его основатель и руководитель И.Н. Гранина была удостоена главной профессиональной наградой банковского сообщества — бронзовой статуэткой крылатого льва, став лауреатом персональной премии в номинации «За эффективное управление банком». Почти двадцать лет акционерами банка были сельскохозяйственные предприятия Усольского района и физические лица. Сеть подразделений банка насчитывала 3 дополнительных и 2 операционных офиса в Иркутске, Белореченске, Усолье и Ангарске, а также 3 оперкассы вне кассового узла. В июне 2013 г. был открыт московский филиал.

Путь к краху начался с радикальной смены менеджмента и привлечением новых инвесторов из столицы. В результате дополнительной эмиссии акций в ноябре 2011 г. уставный капитал банка вырос на 80 млн. руб., а собственные средства достигли 219 млн. руб. В начале 2011 г. в перечне акционеров появились новые лица, среди которых фигурировали топ-менеджеры КБ «Рублевский». А вскоре

контрольный пакет акций (80,01 %) банка перешел ОАО «Энергетическая Русская Компания». С приходом новых владельцев банк значительно сократил свою деятельность в регионе и стал одним из звеньев различных махинаций и незаконных операций. Значительную долю его активов составило непрофильное имущество, в том числе низко-ликвидные объекты недвижимости. Кроме того, на балансе банка учитывался кредитный портфель крайне низкого качества: более 90 % ссудной задолженности юридических и физических лиц в итоге было признано безнадежной. В результате основной владелец банка С. Иванов был арестован. Уже после отзыва лицензии появились сообщения о том, что Гринкомбанк через фактически поглотивший его банк «Рублевский» активно участвовал в отмывании денег. В частности, через него прошло почти 200 млн руб., похищенные у Ростеха компанией «РТ-Капитал», руководителем которой был новый хозяин Гринкомбанка [7].

К настоящему времени в Иркутской области осталось всего четыре частных банка. Положение их вполне стабильно, но особых гарантий, что они сохраняют свои позиции в кредитной сфере после приведенных выше примеров нет. Если присмотреться к ним повнимательней, увидим, что и там происходят замены старых собственников на структуры, ориентированные на столичный регион. Лидером среди банков, сохранивших свои позиции, по размеру собственных активов является «БайкалИнвестБанк», возникший в 1990 г. Банк был зарегистрирован как паевой КБ «Ангарский», а среди учредителей были ПО «Ангарскнефтеоргсинтез», Ангарская птицефабрика, Ангарский электромеханический завод, Ангарский цементно-горный комбинат, Ангарский керамический завод, «Китойлес», ОПС Ангарского управления строительства, ОПС ПО «Ангарскнефтеоргсинтез». В 1997 г. банк был акционирован. В 1990-х гг. в числе ключевых акционеров значился ОНЭКСИМ Банк, который в 2000 г. был присоединен к Росбанку, после чего с 2003 г. банк стал называться АКБ «БайкалОНЭКСИМ Банк», а с мая 2007 года — БайкалРосбанк. В конце того же года после того, как в его капитал вместо Росбанка вошел московский Инвестбанк, кредитная организация получила новое наименование — БайкалИнвестБанк. Усиление финансовых возможностей вывело его на одно из первых мест в Иркутской области. Его чистая прибыль составила 94 млн руб. На 1 января текущие обязательства «БайкалИнвестБанка» составляли более 2,35 млрд руб. В распоряжении банка было более 5 отделений, 4 дополнительных офиса и 7 кредитно-кассовых офисов на территории Иркутской области. В 2015 г. штат персонала включал в себя 180 человек.

Новый этап интеграции получил развитие в 2019–2020 гг., когда произошло объединение с московским банком «Реалист». В результате, головной офис был переведен в Москву, а сам банк вышел на

федеральный уровень. В настоящее время он представлен в 38 городах различных регионов России. В связи с этим было выбрано новое наименование, которое не вызывает ассоциаций с каким-то одним регионом и в то же время отражает ценности Банка. Так бывший ангарский банк был переименован в «Реалист банк». Все бизнес-процессы обоих банков переведены в общую технологическую инфраструктуру и приведены к единой структуре и регламентам. Собственный капитал объединенного банка составил 4 млрд руб., а кредитный портфель превысил 14 млрд руб.

Братский Народный Банк был образован 10 декабря 1990 г. путем реорганизации Братского отделения Промстройбанка. Учредителями его выступили крупнейшие предприятия города Братска и коллектив банка. В 1993 г. банк акционировался, и его пайщики стали акционерами. Со временем состав акционеров менялся, отражая изменения экономической ситуации в стране: выбывали экономически слабые структуры, на их смену приходили предприятия, находящиеся на подъеме. В итоге за 15 лет уставный капитал банка вырос более, чем в 500 раз. Численность работников банка на начало 2017 г. составила 159 человек. Головной офис располагается в городе Братске. В начале 1990-х в Братске было создано сразу 4 банка, видевших свое предназначение в поддержке социально-экономического развития родного города. Но в сложных реалиях конкурентной борьбы один из них прекратил свое существование, другой предпочел присоединиться к более солидному московскому банку, третий стал расчетно-кассовым центром крупной финансово-промышленной группы. И только Братский Народный Банк продолжает успешно действовать на кредитном рынке региона. Со временем ему удалось распространить сферу своих интересов на соседние территории: в Тайшете был открыт дополнительный офис банка, а в Иркутске и Красноярске — его филиалы. Кроме того, банк имеет представительство в городе Москве, основной задачей которого является координация действий на главных финансовых рынках страны.

Основу клиентской базы банка составляют представители малого и среднего бизнеса. Наличие многолетнего опыта обслуживания представителей этих отраслей позволяет банку общаться с такими клиентами «на одном языке» и глубже вникать в специфику их деятельности. Ключевыми корпоративными клиентами банка являются торговые и строительные компании, предприятия деревообрабатывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и т.п. Клиентами банка являются более 2,5 тыс. юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также более 16 тыс. физических лиц [8]. Банк успешно пережил финансовые кризисы 1998 и 2008 гг. В 2004 г. он первым из региональных банков перешел на принципиально новый уровень организации международных и внутрисоссийских расчетов с использованием международной сети передачи данных SWIFT. Кре-

дитный портфель на начало 2016 г. составил 1,9 млрд руб. На 85 % он представлен корпоративными кредитами, остальное — кредиты физическим лицам. По итогам 2016 г. кредитной организацией получена прибыль в размере 43,5 млн руб.

В марте 1993 г. в Иркутске был образован как ТОО «Коммерческий банк «Трасткомбанк». В ноябре 1998 г. его организационно-правовая форма была изменена на ООО, с декабря 2004 г. кредитная организация является участником системы страхования вкладов. В мае 2012 г. была получена лицензия на привлечение во вклады денежных средств физических лиц. В соответствии с решением общего собрания участников от 24 июня 2010 г. наименование банка было изменено на ООО «Крона-Банк». По мнению акционеров, крона дерева является символом расцвета жизни. Дерево выражает главные ценности банка — надежность, уверенность, стабильность. На сегодняшний день ООО «Крона-Банк» позиционирует себя как современный конкурентоспособный региональный банк. Фактически он принадлежит семье крупных иркутских предпринимателей Баймашевых, которые через подконтрольные им предприятия: ООО «Иркутский масложиркомбинат», ООО «Янта-Т», ООО «Янта» и ООО «Молоко» владеют 80 % акций. Еще 20 % принадлежит сельскохозяйственному производственному кооперативу «Усольский свинокомплекс».

Основными клиентами банка являются его акционеры, а также связанные с ними структуры. На их долю в 2016 г. приходилось 70,7 совокупного объема клиентских обязательств банка. Основной объем корпоративных кредитов приходится на следующие отрасли экономики: сельское хозяйство (44 %), строительство (14 %), торговля и обрабатывающие производства (по 7 %). По итогам 2015 г. банк получил чистую прибыль в размере 15 млн руб., а в 2016 г. чистая прибыль выросла до 46,76 млн руб. В Иркутске расположены головной офис банка и две операционные кассы. География присутствия банка постоянно расширяется: в 2010 г. открылся операционный офис в Чите, а в следующем году амурский филиал в Благовещенске. На начало 2016 г. численность персонала банка составляла 97 человек.

ПАО «Байкалкредобанк» был учрежден в июле 1994 г. и носил тогда название АОТ «Акционерный коммерческий Классик банк». Как пояснял в интервью спустя пять лет председатель правления банка известный иркутский предприниматель Ю.И. Ковалев: «Наш банк появился в результате реорганизации иркутского филиала Братского АНКБ. И действительно, три года назад он оказался на грани краха. Тогда мы и купили его за долги у обанкротившегося Финпрома. Понесли очень много затрат, но сделали банк свободным от долгов» [9]. В июне 1997 года организационно-правовая форма была изменена на ОАО, а с сентября 2007 г. банк был переименован в «Байкалкредобанк». В июле 2015 г. банк сменил организационно-правовую форму

на ПАО. Суммарный оплаченный уставный капитал банка составляет 286 млн руб., акции находятся в свободном обращении.

Интересно, что этот в общем то не самый крупный банк региона смог вполне благополучно выстоять в августе 1998 г., да и потом успешно пройти через кризис 2008 г. Кроме того, стабильности банка содействовало то, что он единственный из региональных банков имел консалтинговую компанию. Учредитель компании и банка Ю.И. Ковалев имел опыт не только управления крупнейшим трестом «Востоксибсантехмонтаж», но и банковской деятельности, в течение пяти лет исполняя должность вице-председателя крупнейшего в России банка «Российский кредит».

Из-за последствий кризиса 2008 г. и ужесточения требований, предъявляемых к деятельности кредитных организаций, значительно сократилось количество местных банков, что в прочем было характерно для всех регионов страны. Местный банк сильно зависит от вложений в свой регион. Через портфель собственных активов банки участвуют в инвестировании региональной экономики, играя существенную роль в социально-экономическом развитии территории, так как денежные средства обращаются внутри субъекта федерации, сбережения и депозиты резидентов региона работают на его же экономику. Таким образом, успешное функционирование местных кредитных организаций взаимосвязано с благополучием региона, причем как бизнеса, так и населения.

Анализ внешних связей региональных банков показал, что локализация офисов вне Байкальского региона у более половины банков обусловлена личными связями собственников с данной территорией. В первую очередь, можно отметить ориентацию некоторых банков на московский регион («БайкалИнвестБанк», Братский Народный банк). Ряд офисов региональных банков находится на территории Сибири и Дальнего Востока. Так, тюменское подразделение «Байкалкредобанка» открыто при поддержке одного из крупнейших владельцев, прописанного в данном регионе. Необходимость открытия филиалов в Амурской области и в Забайкальском крае для «Крона-Банка» вызвана внутривидовой организационной деятельностью группы «Янта». К примеру, в Чите находится хладокомбинат, являющийся частью этой группы. Для данной банковской организации в целом особенно заметна ориентация на обслуживание связанных с холдингом предприятий, что делает компанию более значимой для региональной экономики.

Характеристика структуры собственности региональных кредитных организаций позволяет говорить о серьезных изменениях, произошедших с момента их основания. Большинство региональных коммерческих банков были открыты без учета серьезных кредитных возможностей, решали локальные задачи отдельных бизнесэлит и финансистов, в результате чего пускались в мошеннические схемы

и нарушения действующего законодательства. Ведущей тенденцией последнего десятилетия стал переход бизнеса от региональных владельцев в руки крупных, как правило, московских структур. С позиций территориального развития такие изменения не способствуют наращиванию экономического потенциала региона. В то же время интеграция банковского бизнеса с местной экономикой, ориентация на развитие локальных, региональных производств особенно очевидна в тех кредитных организациях, собственниками которых выступают местные физические и юридические лица.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-61. — Оп. 4. — Д. 4112.
2. Гаврилова Н. И. Государственный банк в Иркутске: от Российской империи до настоящего времени / Н. И. Гаврилова, В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — 372 с.
3. Климова Э. Л. Дело законно, но точка не поставлена / Э. Л. Климова // Вост.-Сиб. правда. — 1997. — 12 апр.
4. Оношко О. Ю. Банковский сектор Иркутской области: современное развитие / О. Ю. Оношко, М. Е. Горчакова, И. Д. Шигаева // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 3. — С. 478–483.
5. Безруков Л. А. Трансформационные процессы в экономике области: этапы реформирования, структурные преобразования, внутрирегиональные контрасты / Л. А. Безруков // Современная история Иркутской области: 1992 — 2012 годы в 2 т. : учеб. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — Т.1. — С. 69–119.
6. Географическая энциклопедия Иркутской области / ред. Л. М. Корытный. — Иркутск : Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2017. — 336 с.
7. Кузьмин А. Игры в «прачечную. Кто довел до ручки Гринкомбанк, один из старейших коммерческих банков России / А. Кузьмин // Наша Версия. — 2020. — 4 марта.
8. Братский народный банк: просто о сложном // Вост.-Сиб. правда. — 2005. — 26-27 нояб.
9. Михайлова Т. Остались только надежные банки / Т. Михайлова // Вост.-Сиб. правда. — 1999. — 9 сент.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета. 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2. e-mail: wodalish@yandex.ru

Author

Vadim P. Shaherov — D. Sc. in History, Professor, Department of Russia History, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., e-mail: wodalish@yandex.ru

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.13

С.М. БЕЛОЗЕРЦЕВ

УДК 93/94

ББК 63.3(2)5

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Статья посвящена деятельности горной полиции начала XX в. в зоне горных приисков на Востоке России. Определена структура горной полиции, жалование полицейских, деятельность казаков, исследованы основные полномочия. Горная полиция в начале XX в. осуществляла деятельность по противодействию продаже подакцизных и запрещенных к продаже товаров, в годы Первой мировой войны деятельность горной полиции в основном заключалась в противодействии хищению золота с приисков.

Ключевые слова: горная полиция, горнозаводское производство, золотая лихорадка, китайские золотоискатели.

S.M. BELOZERCEV

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF MINING ACTIVITIES IN THE XIX — EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the activities of the mining police of the early twentieth century in the area of mining mines in the East of Russia. The structure of the mountain police, the salary of police officers, the activities of the Cossacks are determined, the main powers are investigated. The mining police at the beginning of the twentieth century carried out activities to counter the sale of excisable and prohibited goods, during the First World War, the activities of the mining police mainly consisted in countering the theft of gold from mines.

Keywords: mining police, mining industry, gold rush, chinese gold prospectors.

Создание государственного института горной полиции в начале XIX в. в России, было обусловлено рядом причин. Первая причина — горнозаводское производство. Горнозаводское производство — это открытие новых мест рождения меди и железа. Добыча железа во много раз превосходила добычу всего золота, серебра и меди. Вторая причина — это развитие горнозаводского законодательства [1, с. 129].

Развитие горного промысла началось после создания комиссии о состоянии горного дела в России. Всю деятельность горной полиции можно поделить на два этапа. Первый — это развитие и образование полиции в сфере горнозаводской промышленности. Вначале

осуществлялся контроль за деятельностью заводов, полиция контролировала общественный порядок и пресекала преступления. Горная полиция должна была обеспечить защиту интересов государственной собственности и государственных интересов на Дальнем Востоке и в Сибири. Второй же период был ориентирован на контроль за золотодобытчиками. Деятельность и обязанности горной полиции становятся узко направленными.

Горный промысел в начале XX в. в нашей стране был развит в Томском, Иркутском и Уральском горных управлениях. Дальний Восток известен своими золотодобывающими приисками. Также на данной территории действовало ограничение на въезд иностранных рабочих в Российскую Империю. Такое ограничение было снято в конце XIX в.

С 1900 г. стали действовать первые горно-полицейские подразделения. На Дальнем Востоке так называемая «золотая лихорадка» началась еще в эпоху первопроходцев, ценные металлы заменялись пушной. Она ценилась на вес золота, манила людей в Сибирь и на Дальний Восток. В середине XIX в. именно в этих местах были найдены первые признаки россыпного золота на притоке Амура — реке Амазар. Также следы золота были найдены участниками экспедиции Невельского, на берегу залива Счастья.

Коренными, наиболее крупными недостатками в постановке приискового административно-судебного управления Иркутской области, на счет которых должны быть отнесены все существенные нарушения правильного течения местной приисковой жизни, являются: во-первых, материальная зависимость от золотопромышленников всех без исключения правительственных должностных лиц, действующих в районе приисков, во-вторых, совмещение в лице Горного Исправника обязанностей полицейского чиновника, фабричного инспектора, судебного следователя, нотариуса и судьи, и в-третьих, неудовлетворительность постановки низшего полицейского надзора, организуемого путем обязательного наряда строевых и льготных казаков Иркутского казачьего населения и Якутского городского полка.

С развитием золотодобычи для осуществления контроля на Дальнем Востоке и Восточно-Сибирском округе на местах назначались горные исправники как руководители административных округов. Так как они являлись единственными представителями полицейской власти. В их распоряжении находилась горно-полицейская стража. Как известно из инструктажа от 17 июля 1901 г., «Обзор на полицейские стражи на золото промышленных промыслах губерниях Оренбургской Пермской, Томской, также в губерниях Степного, Иркутского и приамурского генерал-губернаторства» стража была: пешая и конная, состоящая из урядников и стражников. Стражников приводили к присяге на верность службе [2, с. 27].

За службу стражникам платили денежное содержание. Генерал-губернатор мог повлиять на денежное довольствие стражников, но правительство устанавливало границу окладов, которую нельзя было повысить. Денежное содержание стражников зависело еще от места их службы, так, например, в Приморской области урядники получали 800 р., а стражники 480 р. В Восточно-Сибирской губернии денежное содержание урядников от 600 до 720 р., а для стражников сумма была 420 р. Хотя разница и была в 50 р., но стражники получали еще деньги от золотопромышленников, как дополнительное денежное вознаграждение [3, с. 61].

При нынешнем размере получаемого ими от казны содержания, далеко не хватающего даже на одни только канцелярские расходы, не может быть и речи о замещении соответственных должностей лицами, которых образовательный и нравственный уровень давал бы уверенность, что они откажутся от всяких частных субсидий, единственно, чего в лучшем случае можно было бы ожидать, это уменьшение субсидий до необходимого минимального размера. Но само собою разумеется, что дело не в сравнительной величине субсидии, а в самом факте их существования, в той зависимости, которая устанавливается, благодаря им, между получающими их и дающими. При всем этом нет сомнения, что такие условия служебной деятельности вовсе не могут быть привлекательными для лучших служебных сил, отличающихся выдающейся нравственной устойчивостью, которые на прииски и не шли, а мирясь поневоле с обычным в Сибири уровнем нравственных качеств полицейских чинов, губернскому начальству приходилось смотреть сквозь пальцы на вкоренившееся в приисковую жизнь и разъедающее ее зло.

Казачи — урядники и рядовые — получают от приисков денежное и фуражное довольствие и пользуются еще следующими доходами: во-первых — с хищнического золота, отбираемого в пользу золотопромышленников, 2 — с незаконно провозимого спирта, 3 — с подъемного золота и 4 — с рабочих, нуждающихся в снисхождении, — преимущественно с таких, которые без разрешения проживают в тайге [4, с. 22].

Одна из главных задач стражников следить и пресекать незаконную продажу золота, а также не допускать хищение золотых слитков. Они должны выявлять подмену, контролировать отправку золотых слитков в лабораторию и проводить первичный осмотр золотников. Инспектор следит за продажей алкогольной продукции вблизи населенных пунктов, а на самих приисках продажа было запрещена. Такие меры были предприняты в интересах самих же рабочих, чтобы продавцы не могли повлиять на них и записать продажу в счет зарплаты. Если исправник обнаружил незаконную продажу, то закрывал немедленно и составлял протокол с понятными и отправлял письмо губернатору.

В обязанности заведующего полицейскою частью на приисках была постоянная слежка за лицами, прибывающими без паспортов и билетов, о каждом случае составлялся протокол и предоставлялся горному

исправнику. В отношении бродяг и беспаспортных, имеющих просрочку или фальсификат лица немедленно задерживались и отправлялись в места их жительства в том случае, если их личность будет установлена в процессе дознания. Для того, чтобы с нанятыми на хозяйские работы людьми имелись заключенные контракты, у старателей и золотничников велись обязательно установленные списки (Журнал о присутствии по горнозаводским делам при Иркутском Горном Управлении 4 октября 1897 г. № 11 и 8 ст. Правил о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы 20 Февраля 1895 г.:) с целью контроля налагаемых заведующим прииском взыскания на рабочих, которые не должны превышать нормы, которая устанавливалась табелем и записывалось установленную шнуровую книгу (ст. 57 того же закона), а в случае нарушения сего доносить Окружному Инженеру или Горному Исправнику (смотря по тому, кто из них ближе к прииску), для наложения взыскания на виновных согласно ст. 48 Положения о найме рабочих; г, чтобы при производстве технических работ на золотых промыслах и добычи золота, в помещениях, действующих паром. (Приписка сбоку: Для исполнения всего этого казакв прежде всего надо ознакомить с техникой дела) [5, с. 8].

Золотопромывательных и рудо-дробильных машин, не привлекались в работу несовершеннолетние; вести постоянное наблюдение чтобы в подъемах на возвышенности отдельных частей машин были оснащены прочными перилами; вести контроль за постоянным поступлением свежего воздуха в земляных погружениях; следить, чтобы материалы, употребляемые при работе, были доброкачественные, а употребляемые подъемные цепи и канаты прочные; предупреждать и принимать меры к пресечению несчастных случаев; наблюдать за исполнением установленных правил хранения и употребления взрывчатых материалов. Замеченные неисправности устранять, а при неисполнении требований доносить Окружному Инженеру или Горному Исправнику; следить, чтобы издаваемые Присутствием по горно-заводским делам обязательные постановления и табели были вывешены приисковыми управлениями на видных местах и чтобы каждый рабочий имел при себе расчетную книжку установленного образца, а при обнаружении противного, доносить Окружному Инженеру, или Горному Исправнику для составления протокола на основании ст. 48 Правил о найме рабочих.

Барон Гинсбург писал о проблеме кражи золота, что это зло и распространено там, где золото встречается в виде крупных золотин. Промысловому Управлению приходилось постоянно бороться с этим злом, но рабочим удавалось поднять золото на поверхность и найти украденное золото уже было затруднительно, чем пока оно находится внутри шахты. Обыск рабочих который проводили на поверхности шахты не давал результатов. Промысловые Управления пришли к заключению, что обыск нужно проводить пока рабочие находятся в шахте. Барон Гинсбург, ходатайствовал перед Генерал-Губернатором о признании допустимости

осмотра рабочих казаками в шахтах — так же, как и на дневной поверхности [6, с. 18]

Барону был дан ответ, что обыск в шахтах может принести пользу и кража золота уменьшится, но в то же время такие меры должны проводиться осторожно, так как злоупотребление ими служащих и полицейских может вызвать недовольство. Разумно проведенная — эта мера может принести пользу и, как показывает пример не только частных, но и казенных заводов, не должна вызвать никаких недоразумений.

Кража золота сопровождалась другими преступлениями в этих районах. Так, например, 3 декабря 1908 г. на открытом судебном заседании в г. Никольск-Уссурийске под председательством судьи В.Ф. Гузевичевым был вынесен приговор ряду лиц. Обстоятельства данного дела были следующие: некие гр-не Ивантюга, Кравченко и Сесаренко обвинялись в том, что они активно способствовали проникновению контрабанды алкогольной продукции на территорию России и в дальнейшем ее распространения на золотых приисках.

Однако, адвокатам вышеуказанных лиц удалось оспорить решение суда и процесс привлечения к уголовной ответственности затянулся. Только в апреле 1913 г. дело по обвинению Лаврентия Иванца и Семена Кравченко по ст. 1045, 1064, 1065 и 1070 устава таможи было завершено. Данное разбирательство закончилось тем, что обвиняемые были заключены под стражу, но в связи с истечением срока давности преступления 16 ноября 1913 г. приговор окружного суда был обжалован в апелляционном порядке и отменен по решению Иркутской судебной палаты.

В том же году в донесении от 3 июля 1908 г. было предложено о передаче некоторого количества из задержанных на золотых приисках 892 ящиков махорки и сигарет Приморскому окружному правлению для бесплатной раздачи инородцам северных уездов в области.

По решению губернатора было передано 1/10 от всего количества упомянутой контрабанды для указанных целей и без оплаты акцизом. Владивостокская таможня, докладывала, что уссурийским горным исправником задержано в числе вышеупомянутых 832 ящиков табачных изделий имеются 800 ящиков махорки и 32 ящика папирос, и что Департамент таможенных сборов телеграммой от 26 июня 1908 г. № 07311 разрешил оставшиеся 29 ящиков передать местному Агентству Добровольного флота для вывоза их на Сахалин и продажи там инородцам.

22 февраля 1912 г. Приставу 3 части Хабаровска был предоставлен протокол, в котором горная полиция доказывала об изъятии 26 колод китайских игральнх карт у китайского подданного Джань Шиньшуня, который ввез на территорию России и пользовался ими с соплеменниками.

Согласно ст. 1079 Устава Таможи изд. 1910 г. контрабандой считается водворение мимо пропуска таможи и таможенных учреждений с предполагаемым сокрытием от таможенного контроля иностранных карт азартного характера и виновные в этом деянии лица подвергаются по-

мимо конфискации запрещенного предмета денежной пени в размере 15 р. с каждой дюжины колод этих карт.

Но несмотря на расследование по данному делу, приставом 3 части Хабаровска не был установлен факт того, что данные колоды карт в количестве 26 штук были привезены из Китая, Пристав сделал предположение о том, что они были изготовлены на территории Российской империи, и исходя из этого в протоколе нельзя установить нарушение таможенного устава обвиняемого Джан Шиншумем. Поэтому от наказания китайский подданный был освобожден.

Также можем отметить, что при задержании иностранных игральные карты органами таможни реакция полиции была иной. Так, 10 июня 1917 г. был составлен акт чинами Хабаровской таможенной заставы Рождественским, Пиотровским и Б. Дателем о том, что обозначенными лицами в присутствии городского хабаровского полицейского были уничтожены посредством сожжения запрещенные к ввозу иностранные игральные карты. Причем уничтожено было: китайских 7 игровых колод, германских пятьдесят две карты и одна американская колода. Общей сложности уничтожению подверглись 52 карты и восемь колод [7, ст. 12].

Так в годы Первой мировой войны уже контролеры горной полиции так же, как и в начале XX в. должны были пресекать хищение золота с приисков. Несмотря на всю очевидность описываемого зла, настоятельно требующего устранения, все меры борьбы с ним остаются и будут оставаться бессильными — до тех пор, пока коренным образом не изменятся условия материального обеспечения должностных лиц приискового правительственного надзора.

Таким образом, деятельность горной полиции в зоне горных округов Российской империи в начале XX в. сводилась к противодействию продаже подакцизных и запрещенных к реализации товаров. Горные полицейские стремились выявить контрабанду и привлечь к законной ответственности контрабандистов. В годы Первой мировой войны контролеров горной полиции ориентировали на противодействие хищению золота с приисков. Для привлечения китайцев к законной ответственности даже была изменена законодательная база полицейского права. Отныне к задержанию и штрафованию привлекались все китайские золотоискатели вне зависимости от той суммы золота, которую они скрыли от золотосплавочной лаборатории.

Список использованной литературы и источников

1. Золотопромышленность Сибири (1932–1917): историко-экономический очерк / С. Ф. Хроленок. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 312 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 104. — Оп. 2. — Д. 4.
3. ГАИО. — Ф. 132. — Оп. 1. — Д. 2.

4. ГАИО. — Ф. 292. — Оп. 2. — Д. 6.
5. ГАИО. — Ф. 301. — Оп. 1. — Д. 2.
6. ГАИО. — Ф. 407. — Оп. 3. — Д. 1.
7. ГАИО. — Ф. 411. — Оп. 2. — Д. 4.

Информация об авторе

Белозерцев Сергей Михайлович — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО ВСИ МВД России; аспирант, кафедра истории и международных отношений ФГБОУ ВО «БГУ», e-mail: zuyn03mail.ru

Author

Sergey M. Belozertsev — Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Federal State Educational Institution of the Russian Interior Ministry; post-graduate student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: zuyn03mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.14

В.В. КУДРЯШОВ

УДК 94(57)

ББК 63.3

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В РАЗВИТИИ ЛЕГАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья раскрывает роль политических ссыльных в развитии периодической печати Енисейской губернии в период 1908–1917 гг. Автор рассматривает участие представителей различных политических партий, оказавшихся в ссылке, в подцензурной печати на примере нескольких изданий Красноярска и Минусинска, обращает внимание на взаимодействие ссыльных на основе общего интереса в борьбе с самодержавием.

Ключевые слова: Енисейская губерния, периодическая печать, политические партии, политические ссыльные.

V.V. KUDRYASHOV

THE ROLE OF POLITICAL EXILES IN THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL PRESS OF THE YENISEI PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY

The article reveals the role of political exiles in the development of the periodical press of the Yenisei province in the period 1908–1917. The author

considers the participation of representatives of various political parties in the subcensorship press of Krasnoyarsk and Minusinsk.

Keywords: Yenisei province, periodical press, political exiles, political parties.

Продолжая традиции петрашевцев и народников, ссыльные революционеры начала XX века внесли весомый вклад в культурную и общественную жизнь Сибири. Политические ссыльные сыграли важную роль в становлении и развитии демократической печати в регионе.

Период подавления первой русской революции самодержавием сопровождался преследованием не только демократических, но и либерально-буржуазных изданий. В результате репрессий число газет на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока сократилось к 1908 г. по сравнению с 1905 г. вдвое — до 83. В губернских и областных центрах Восточносибирского генерал-губернаторства выходили 25 газет: в Иркутске — 10, в Красноярске — 7, в Чите — 5, Якутске — 3 (включая Губернские и Епархиальные ведомости). В период подавления революционных выступлений было закрыто пользовавшееся огромным спросом по всей Сибири иркутское «Восточное обозрение», газета либерально-областнического толка. В Енисейске и Минусинске в данный период не выходило ни одной газеты [1, с. 21-22].

По подсчетам известного иркутского историка Н.Н. Щербакова, в 1908 г. в Енисейской губернии находилось 506 ссыльнопоселенцев, а к началу 1917 г. в губернии насчитывалось сосланных по судебным приговорам и административным порядком за государственные преступления 2378 человек [2, с. 210]. Следует учитывать, что среди полит-ссыльных довольно значительную долю — в разные периоды ссылки от 12,4 % до 14,7 % — составляли беспартийные, которые в местах причисления быстро адаптировались к сибирским условиям и отошли от политической жизни.

Но, вместе с тем, в числе высланных по решениям Особого совещания при министре внутренних дел и губернских и областных правлений территорий, объявленных на военном положении или положении усиленной и чрезвычайной охраны, были люди, сознательно пришедшие в борьбу против самодержавия в годы нового революционного подъема, активные деятели политических партий радикального толка. Как правило, именно последние получали наказание в виде административной ссылки в Сибирь за острые публикации против политики царизма на страницах легальных изданий. Процесс высылки в административном порядке лиц, причастных или заподозренных в причастности к оппозиционным партиям, продолжался вплоть до начала 1917 г.

В период массовой ссылки после 1907 г. в Сибири оказались высококвалифицированные, с опытом публицистической и литературной ра-

боты революционеры. Активное привлечение политических ссыльных к редакционно-издательской деятельности стало возможным в условиях роста рабочего движения в 1910–1914 гг. и смягчения режима ссылки. Многие осуждённые участники революционного движения получили крестьянские права, смогли перебраться из глухих деревень в губернские и областные центры, где печаталась основная масса газет и журналов.

Участие политических ссыльных в легальной печати Восточной Сибири осуществлялось в разнообразной форме. Самыми распространёнными были корреспондирование, вхождение в состав редакций, техническая работа, связанная с выпуском и распространением печатной продукции. Активное и многообразное сотрудничество политссыльных в сибирской печати основывалось на их тактике объединения демократических сил в борьбе с самодержавием. Политические ссыльные выступали инициаторами создания новых печатных органов, придавая им демократическую направленность.

По данным Н.Н. Щербакова, в 13 печатных изданиях Красноярска и Минусинска отметились своими публикациями 20 ссыльных большевиков и близких им по взглядам меньшевиков-партийцев, вступивших в РСДРП(б) в 1917 г. [3, с. 227-231]. Среди них были Я.М. Свердлов, В.А. Ватин (Быстрянский), В.Н. Соколов, Н.Ф. Насимович (Чужак), А.Г. Шлихтер, Я.Ф. Дубровинский и др. В условиях идеологических ограничений советского периода известный иркутский историк не включил в общий список своих подсчетов представителей меньшевистского крыла РСДРП и эсеров, несмотря на то, что все они тесно взаимодействовали в рамках одних изданий, составляя порой редакцию одной газеты. Среди них были известные партийные лидеры и публицисты: меньшевики Ф.И. Дан, Б.И. Гольдман (Горев), Е.Л. Бройдо, В.И. Николаев, эсер В.С. Горбачевский. Рассмотреть всю многогранную деятельность политических ссыльных в легальных изданиях Енисейской губернии в рамках небольшой статьи не представляется возможным, поэтому остановимся только на некоторых из них.

Восстановление либеральных изданий в Красноярске началось с 1909 г., когда вышла в свет газета «Красноярец». В ней своими публикациями отметился Н.С. Клестов, писавший под псевдонимом «Н. Ангарский». На страницах «Красноярца» были опубликованы материалы В.И. Николаева и А.М. Левитана [4, оп. 1, д. 297, л. 121; 3, оп. 1, д. 1304, л. 66.]. Из-за полицейских преследований «Красноярец» был закрыт, на смену ему в том же 1909 г. пришел «Красноярский вестник». Затем появились и другие издания, сотрудничеством с которыми отметились политические ссыльные.

Отдельные легальные издания политических ссыльных в Енисейской губернии с большим трудом пробивали себе дорогу. В 1908 г. в Красноярске по инициативе группы ссыльных непродолжительное время выходил журнал «Профессиональный справочник». В состав

редакции входил ссыльный меньшевик Я.Ф. Дубровинский [5, оп. 1, д. 1289, л. 90]. Как отмечалось в редакционной статье первого номера, своей главной задачей журнал и его творческий коллектив считал «освещение фактического положения дел в профессиональных организациях Сибири, уделяя местному профессиональному движению и положению труда в Красноярске особое место» [3, с. 169]. Всего было выпущено пять номеров, дальнейшее издание было прекращено из-за недостатка средств.

Красноярские социал-демократы остро чувствовали необходимость собственного легального печатного органа. В конце 1915 — начале 1916 г. сложилась инициативная группа в составе ссыльных меньшевиков В.И. Николаева, А.К. Пайкеса, Я.Х. Бограда и большевика В. Гоштовта, которая развернула подготовительную работу по изданию социал-демократической газеты [4, оп. 3, д. 91, л. 3]. Но после арестов в связи с забастовкой в типографии Кохановского группа прекратила свою деятельность.

Одним из мест работы и сосредоточения политических ссыльных в Красноярске был кооператив «Самодетельность». С мая 1915 г. кооператив стал издавать ежемесячный журнал с одноименным названием. Его редактором стал ссыльный большевик Н.Л. Мещеряков. В состав редакции входили члены правления кооператива ссыльные социал-демократы А.М. Буйко, Н.И. Патлых, А.В. Байкалов, М.И. Фрумкин. Тираж журнала доходил до 2 тыс. экземпляров и распространялся не только в Енисейской губернии, но и по всей Сибири. Об этом свидетельствуют сообщения о деятельности кооперативных объединений из разных мест Иркутской и Томской губерний, Забайкальской и Якутской областей.

Уделяя основное внимание вопросам развития разных форм кооперации в Сибири, вовлечению в движение трудящихся и их защите, журнал «Самодетельность» обращался и к политико-воспитательным вопросам. Уже в первом номере была дана негативная оценка войны, которая «обострила и усилила эксплуатацию, привела к росту дороговизны, ухудшила работу транспорта». Редакция считала, что причины этого «кроются в колониальной политике, протекционизме, засилье трестов и синдикатов» [6, № 1, с. 13-14]. Редакция полагала, что кооператив должен содействовать просвещению трудящихся, бороться с неграмотностью, что всякий труженик должен знать не только свои нужды, но и нужды соседа, города, государства, в т.ч. соседних, «чтобы сообразно с лучшими из них строить и свою жизнь». В связи с этим кооператив видел своей задачей «воспитание человека, который ясно отдает отчет о капиталистическом мире его окружающем, связан со своим классом, знает, чего он хочет, и знает, что он делает» [6, № 3, с. 3-4]. Такие публикации о задачах культурно-просветительской деятельности кооператива не прошли мимо цензуры, журнал был закрыт и возобновил свою деятельность под названием «Самодетельность потребителя» в 1916 г.

Наиболее тесные отношения политических ссыльных сложились с муниципальным журналом «Вестник Красноярского городского общественного управления». В 1915–1916 гг. в состав редакции входил ссыльный меньшевик В.И. Николаев [5, оп. 2, д. 2142, л. 4]. На страницах издания регулярно публиковали материалы о кооперативном движении в губернии, о положении политических ссыльных, полицейском произволе на местах поселения и др. Среди корреспондентов «Вестника» были меньшевики Б.Ф. Вишневский, Б.И. Гольдман (Горев) [4, оп. 1, д. 128, л. 4]. Благодаря фактическому редакторству В.И. Николаева в начале 1916 г. «Вестник» стал публиковать материалы социал-демократического характера [4, оп. 3, д. 55, л. 97]. По инициативе ссыльных большевиков Н.Л. Мещерякова и А.Г. Шлихтера на страницах «Вестника» от имени служащих ремесленных заведений города было опубликовано требование установления восьмичасового рабочего дня [3, с. 168].

Значительную активность в организации легальных печатных изданий проявляли политические ссыльные в Минусинске. Инициатива по созданию местной газеты исходила от осужденного по принадлежности к партии социалистов-революционеров М.И. Хачатурова и административно-ссыльного Адрианова. М. Хачатуров начинал свою журналистскую карьеру, корреспондируя в томскую газету «Сибирская жизнь». В своих материалах он подвергал критике деятельность минусинского исправника и других официальных лиц [4, оп. 3, д. 57, л. 3].

1 марта 1914 г. вышел первый номер первой минусинской газеты «Минусинский край». Фактическим редактором газеты стал ссыльный меньшевик К.М. Ермолаев. К сотрудничеству были привлечены ссыльные меньшевики В.К. Иков, Н.Г. Рамишвили, позднее Ф.И. Дан и Е.Л. Бройдо, эсеры Н.Я. Быховский, В.С. Горбачевский, большевики А.П. Голубков, В.А. Ватин, А.П. Спунде. Газета сумела быстро завоевать популярность в городе и уезде, придерживаясь демократического направления. Она информировала о положении дел в уезде и губернии, в стране и мире. Публикации носили критическую направленность. Десятилетие после 9 января 1905 г. газета назвала «реакцией». Политика правительства подвергалась острому критическому разбору, осуждалась частая смена министров, дороговизна. Газета указывала на неспособность царского правительства справиться с голодом, остановить обнищание трудящихся масс города и деревни [7, л. 10]. За подобные выводы газета была закрыта распоряжением Иркутского генерал-губернатора.

На смену закрытой газете вышла новая — «Минусинский листок». Но характер публикаций не изменился. М.И. Хачатуров, писавший под псевдонимами «М. Мишин», «М. Канский», «В. Х.», в одной из передовых статей «Минусинского листка» призывал к борьбе с существующим строем. Редакция делала вывод, что «нужны другие способы управления страной», что только сам народ способен вывести страну из тупи-

ка. В передовой статье номера от 20 сентября 1915 г. была высказана мысль о необходимости обновления власти на основе всеобщего, прямого, равного тайного избирательного права, полновластия Государственной думы [4, оп. 3, д. 57, л. 32-35]. Публикация данного материала послужила поводом для очередного закрытия издания.

За три года минусинская газета четыре раза закрывалась по распоряжению Иркутского генерал-губернатора, но каждый раз возрождалась под другим названием. На смену «Листку», пришел «Минусинский голос» (ноябрь 1915 г.), затем «Южная Сибирь» (май 1916 г.), с осени 1916 г. стал издаваться «Минусинский вестник». Менялись редакторы, но редакционный коллектив по-прежнему состоял из политических ссыльных. Сумма штрафов за этот период превысила 2 тыс. руб., а редакторы трижды привлекались к суду [7, л. 11].

В целом, минусинская газета активно отстаивала и пропагандировала требования, отвечавшие программе минимум РСДРП: всеобщее равное избирательное право, полновластная Государственная дума, амнистия для политических, автономия для отдельных национальностей. В отчете за 1916 г. начальник Енисейского губернского жандармского управления отмечал: «Местные (минусинские — прим. автора) газеты являются органами борющихся партий за демократизацию края, несут оппозиционный характер к действиям правительства. Направление газетам дают политические ссыльные, которые являются главными работниками в них» [Там же, л. 7 об].

Подводя итоги, можно сказать, что политические ссыльные сыграли заметную роль в развитии легальной периодической печати в Енисейской губернии. Обладая опытом организаторской и журналистской работы, они выступали создателями многих газет и журналов, осуществляли техническую работу, являлись корреспондентами, авторами статей, обзоров и других материалов. В редакционные коллегии легальных газет и журналов в Красноярске, Минусинске входили не только представители двух ведущих течений в РСДРП, но и эсеры. Это свидетельствует о близости позиций большевиков и меньшевиков на этапе борьбы за осуществление программы минимум.

Сотрудничество политических ссыльных способствовало закреплению оппозиционности либеральных изданий и росту их авторитета в демократических кругах общественности. Своими материалами и статьями корреспонденты из числа ссыльных содействовали распространению революционно-демократических идей. Они стремились сплотить вокруг своих изданий широкие массы трудящихся и интеллигенции, недовольных существующим государственным строем и поддерживающих требование установления демократической республики. Деятельность политических ссыльных в периодической печати Сибири способствовала созданию условий для быстрой победы буржуазно-демократической революции в феврале-марте 1917 г.

Список использованной литературы и источников

1. Сибирские вопросы. — 1909. — № 25.
2. Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) / Н. Н. Щербаков // Ссылные революционеры в Сибири (XIX — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1973. — Вып. 1. — С. 199-242.
3. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917) / Н. Н. Щербаков. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 244 с.
4. Государственный архив Красноярского края. — Ф. 827.
5. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 533.
6. Самодеятельность. — 1915.
7. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 25. — Оп. 30. — Д. 210.

Информация об авторе

Кудряшов Василий Васильевич — к. ист. н., доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40. e-mail: vas60kud@mail.ru.

Author

Vasily V. Kudryashov — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709. e-mail: vas60kud@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.15

УДК 94(571.53)

ББК 63.3(2)

Т.Л. КУРАС

С.Л. КУРАС

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В РАЗВИТИИ СУДОВ И ОРГАНОВ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена некоторым представителям судебных палат России второй половины XIX — начала XX вв. Они много лет служили в пореформенных судах, реализовывали демократические принципы правосудия, демонстрировали активную жизненную позицию, ответственное отношение к своим обязанностям, служили достойным примером для остальных судей. В статье характеризуется также деятельность отдельных представителей российского общества, которые внесли весомый вклад в развитие и совершенствование деятельности органов исполнения наказания.

Ключевые слова: суд, судебная реформа, судебные палаты, исполнение наказания, тюрьма.

*T.L. KURAS,
S.L. KURAS*

THE ROLE OF PERSONALITY IN THE DEVELOPMENT OF COURTS AND PUNISHMENT ENFORCEMENT BODIES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — BEGINNING OF XX CENTURIES

The article is devoted to certain representatives of the Russian judicial chambers of the second half of the 19th — early 20th centuries. For many years they served in the post-reform courts, implemented the democratic principles of justice, demonstrated an active life position, a dedication to their duties, and set a worthy example for other judges. The article also characterizes the actions of individual representatives of the Russian society, who have made a significant contribution to the development and improvement of the activities of punishment enforcement bodies.

Keywords: court, judicial reform, judicial chambers, punishment enforcement bodies, prison

Судебная реформа 1864 г. могла быть реализована только квалифицированными юристами, отвечающими установленным требованиям. Для рассмотрения дел в процессе, построенном на состязательности, гласности и других демократических принципах, необходимо было хорошо знать новейшее законодательство и уметь его применять. Подбор кадров в органы тюремного ведомства в новых правовых условиях также требовал особого внимания властей.

В законе были установлены высокие требования к лицам, назначаемым судьями. Власть серьезно относилась к подбору кадров для назначения на должности судей, особенно в судебные палаты. Была проведена огромная работа, направленная на формирование новых судов кадрами, обладающими высокой квалификацией в области права и значительным опытом работы. Грамотное решение кадрового вопроса должно было стать залогом успешной реализации судебной реформы [1, с. 31-34]. Предусмотренные законом требования, предъявляемые к образованию и стажу работы лиц, назначаемых членами судебных палат, неукоснительно соблюдались.

Судебная деятельность, кроме правовых знаний, предъявляет к судье требования, относящиеся к индивидуальным свойствам и психологической структуре его личности. Судья должен обладать повышенными возможностями к участию в общественных отношениях, высоким уровнем их осознания, правильным отношением к обществу и его членам, своим общественным и служебным обязанностям, чувством справедливости, проявлять настойчивость в достижении целей [2, с. 86].

Отметим, что в соответствии с вышесказанным, большинство членов судебных палат, работая на столь высоких и ответственных должностях,

с высокой нагрузкой, не ограничивались выполнением служебных обязанностей. Представители всех судебных палат участвовали в общественных и благотворительных организациях. Так, многие участвовали в работе Российского общества Красного Креста, оказывавшего помощь раненым во время войн, населению при стихийных бедствиях. Социально значимым являлось и «Попечительное о тюрьмах общество», имеющее целью «нравственное исправление преступников, улучшение состояния заключенных». Общество попечительства лицам, отбывшим наказание, и бесприютным детям, помогало людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Значимой была и деятельность общества пособия бедным [3, с. 16–20].

Кроме участия в работе социально значимых обществ, представители судебных палат поддерживали деятельность учебных заведений, занимались преподавательской деятельностью, передавая молодому поколению знания и опыт. Так, член Киевской судебной палаты А.М. Гуляев являлся профессором гражданского права на юридическом факультете в Университете Святого Владимира, призывая студентов служить делу судебной реформы [4, с. 9].

Представители сибирских судов также не оставались в стороне и активно влияли на развитие общества и образования. В частности, одним из видных судебных деятелей являлся А.В. Витте, назначенный товарищем прокурора Иркутской судебной палаты перед ее открытием, с 1 июля 1897 г. В 1902 г. он стал председателем Томского окружного суда и был инициатором основания первого в Сибири общества земледельческих колоний и исправительных приютов, а также сыграл важную роль в открытии юридического факультета Томского университета [5, с. 53–54]. Член Омской судебной палаты Я.И. Богданов являлся преподавателем Омской мужской гимназии [6, с. 148–149]. Таким образом, служащие судебных палат Российской империи занимались преподавательской и общественной деятельностью, демонстрируя активную жизненную позицию, способствовали повышению авторитета судебной власти и практической реализации прогрессивных идей [7, с. 173–178].

Выявить конкретных лиц, внесших значительный вклад в развитие судебной системы и тюремного ведомства, помогают памятные книжки и другие периодические издания дореволюционной России [8, с. 134].

В целом в судейском сообществе было немало представителей, на которых остальные могли равняться в профессиональном плане и в нравственном аспекте. Так, одним из них был Владимир Антонович Аристов, прослуживший от кандидата на судебные должности до старшего председателя Варшавской судебной палаты, в этой должности он отработал 13 лет. В.А. Аристов наладил судебную деятельность в таком сложном окраинном судебном округе, как Варшавский [9, с. 327–331]. При этом он не ограничивался только служебной сферой. По его инициативе в судебном округе было введено страхование судебных

чинов. Собранные благотворительным обществом судебного ведомства средства использовались для выдачи пособий сиротам лиц, служивших в судебном ведомстве Варшавского судебного округа. Одним из источников для выдачи правлением таких пособий нуждающимся лицам с 1894 г. стал специальный капитал на воспитание сирот лиц, служивших по судебному ведомству в округе Варшавской судебной палаты. Возник этот ресурс и пополнялся благодаря состоявшемуся, по совместному предложению сенатора В.А. Аристова и гофмейстера Е.Ф. Турау, на товарищеском обеде в г. Варшаве соглашению судебных чинов, чтобы, взамен обычных между ними визитов в дни нового года и праздников Святой Пасхи, делать денежные пожертвования в пользу благотворительного общества судебного ведомства, с обращением денег в специальный капитал Варшавского окружного правления этого общества для выдачи из него пособий на воспитание сирот лиц, служивших по судебному ведомству в округе Варшавской судебной палаты, а при возможности и для полного содержания таких лиц в учебных заведениях [10, с. 16]. В.А. Аристов горячо отзывался на многие государственные и общественные события, активно работая, в частности, в обществе Красного Креста.

Значимой была и его деятельность по организации издания ежегодных памятных книжек судебного ведомства Варшавского судебного округа. Данные издания уникальны, подобных не было ни в одном из остальных судебных округов, в настоящее время они являются важнейшими источниками изучения деятельности судов округа. Под его руководством было подготовлено и еще два издания: «Свод статистических сведений о личном составе и деятельности общих и мировых судебных установлений Варшавского судебного округа за 1876–1890 гг.», а также работа «К 25-летию введения судебных уставов 20 ноября 1864 г. в губерниях Царства Польского». Оба издания были высоко оценены специалистами, авторы ссылались на них в научных статьях. В.А. Аристов весь период своей деятельности проводил в жизнь демократические идеи Судебных уставов 1864 г., отдав все силы судебному делу [9, с. 327-332].

В 1882 г. еще один достойный представитель судебной системы — старший председатель Варшавской судебной палаты, сенатор, тайный советник Н.Н. Герард был удостоен такой чести, как назначение стипендии его имени. После состоявшегося в 1882 г. его назначения в гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената, члены Варшавской судебной палаты, желая выразить глубокое уважение к его деятельности как первого старшего председателя Варшавской палаты и связать его имя с Варшавским судебным округом, постановили учредить при Варшавском университете стипендию имени Николая Николаевича Герарда на суммы, собранные добровольной подпиской, к участию в ней были приглашены все лица судебного ведомства округа [11, с. 22].

Другой видный судебный деятель, Николай Петрович Посников, начал работать в российских пореформенных судах в 1866 г. и весь длительный период службы отдавал свои силы и знания на благо новых судов, представляя образец честности и высокого профессионализма. Он работал в различных судебных округах и закончил службу в 1917 г. в должности старшего председателя Варшавской судебной палаты. Представители судейского сообщества высоко ценили его вклад в развитие судопроизводства, приверженность демократическим принципам правосудия, внимательные отношения к людям. В июне 1916 г. к 50-летию службы Николая Петровича чины Варшавского и Московского судебных округов сообщили ему о решении учредить стипендию его имени в одном из учебных заведений по его выбору [12, лл. 285-287 об.].

Еще одним ярким представителем российских пореформенных судов являлся член Московской судебной палаты Николай Васильевич Домерников. Начав работать в новых судах на заре реформы, он впитал в себя ее демократические начала и служил им всю жизнь. Даже в период судебных контрреформ, когда на судей осуществлялось серьезное давление со стороны властей, Н.В. Домерников и подобные ему судьи сумели сохранить независимость. При рассмотрении дел он демонстрировал человеческое отношение к подсудимым, соблюдал вежливость и тактичность по отношению к защите. Когда Николай Васильевич покидал должность члена судебной палаты, московская адвокатура проводила его с сожалением, преподнеся Судебные уставы, идеалам которых он служил [13, с. 8].

Уважаемым судебным деятелем был и председатель 2-го гражданского департамента Московской судебной палаты Е.Е. Люминарский. После службы в старых судебных учреждениях, при открытии новых в 1866 г. он стал председателем окружного суда. Перед ним стояла задача реализовать новые порядки судопроизводства, закрепленные в Судебных уставах. Он соединял в себе честность и гуманность при рассмотрении дел, в отношении к подчиненным и публике. Став председателем департамента Московской палаты, он обладал такой репутацией, что стороны были уверены, что под его председательством все обстоятельства дела будут досконально исследованы и учтены [14, с. 13].

Не только судьи способствовали развитию пореформенных правоохранительных органов и занимались общественной деятельностью. Ряд представителей российского общества также демонстрировали активную жизненную позицию, участвуя в деятельности различных обществ. Так, почетный член Санкт-Петербургского благотворительно-тюремного комитета Георгий Иванович Шлейфер внес весомый вклад в развитие органов исполнения наказания. Он окончил Главное инженерное училище и занимался инженерными укреплениями. Будучи начальником инженеров Оренбургского округа, привлек к строительным работам гражданских арестантов, интересовался их судьбой и стал в 1864 г. одним из

директоров местного губернского Комитета общества попечительного о тюрьмах. Затем он продолжил нести общественную службу в Ташкенте и Москве. В 1883 г., переехав в Петербург, стал директором столичного Комитета, посещал места заключения, вникал в тонкости устройства тюрьмы, в последствии был назначен вице-президентом Комитета. Г.И. Шлейфер активно продвигал идею строительства дома для приюта, приложил большие усилия и потратил 11 лет, чтобы получить землю от городского головы. Он «чертил планы, совещался с архитекторами, привлекал жертвователей, разъезжал по подрядчикам, складам». В течение двух лет стройки почти ежедневно бывал на ней, проверял работы. Здание было построено на пожертвованные деньги и средства членов Комитета [15, с. 313-316].

Большой вклад в развитие системы исполнения наказания вносили и отдельные представители высших органов власти регионов. Так, Приамурский Генерал-губернатор барон Андрей Николаевич Корф, занимая столь высокий пост, в рамках своей деятельности часто посещал остров Сахалин. Генерал-губернатор лично проверял работу пенитенциарного ведомства, знакомился с бытом населения, изучал его положение. Во время поездок вникал во все мелочи, просьбы, «справедливо их удовлетворял или спокойно доказывал незаконность заявлений» [16, с. 115-116].

Известный деятель, тайный советник, сенатор Александр Данилович Шумахер с 1879 г. состоял в Санкт-Петербурге членом совета по тюремным делам, принимал горячее участие в его работе, особенно когда обсуждались важнейшие вопросы уголовной политики, например, о ссылке по общественным приговорам порочных крестьян и мещан» [17, с. 115-116].

Весомый вклад в развитие тюремного дела в России внес статс-секретарь К.К. Грот. В 1877 г. он был назначен председателем образованной в составе Государственного совета комиссии о тюремной реформе. Он подробно изучал тюремное дело и находился в близких отношениях с выдающимися знатоками этого дела в Западной Европе. Лично исследовав положение тюремной части и мест заключения России, он пришел к выводу, что в нашем отечестве тюремная реформа должна идти иным путем, чем на западе. Следовало организовать общее управление тюремной частью и тюремное хозяйство. Учрежденное с этими задачами в 1879 г. Главное тюремное управление вскоре было вверено ему. К.К. Грот создал много нововведений: это меры по улучшению тюремного надзора, упорядочению хозяйственно-операционных расходов, созданию основных начал тюремно-строительного дела, заботы об исправительных заведениях для малолетних и приютах для арестантских детей. Путь, намеченный К.К. Гротом, открыл простор тюремной филантропии и поднял значение органов тюремного ведомства. Тюремные смотрители стали начальниками вверенных им тюрем, ответственными за все направления порученного им дела, в том числе за успешность нравственного воздействия на заключенных [18, с. 511].

Вклад в развитие органов исполнения наказания Российской империи вносили не только представители российского общества, но и европейские специалисты в области тюремного дела. Так, известный немецкий тюремный деятель Эккерт активно изучал систему одиночного заключения в различных европейских странах. В своей стране он способствовал организации тюремной службы в строгом соответствии с требованиями тюремоведения и ознакомлению с практикой тюремного дела чиновников судебного ведомства. Его труды были посвящены тюремной дисциплине и индивидуализации наказания, обмену практическим опытом между различными пенитенциарными учреждениями. Почет его имени и трудам отдавался во многих европейских странах, в том числе и в России [19, с. 511].

Таким образом, в судебном сообществе второй половины XIX — начала XX вв. было немало достойных представителей, много лет служивших в пореформенных судах. Они проводили в жизнь демократические принципы правосудия, демонстрировали активную жизненную позицию, правильное отношение к обществу и к людям, к служебным и общественным обязанностям, соблюдали правила судебной этики и основывались в своей деятельности на общечеловеческих ценностях. Остальные служащие могли равняться на них в профессиональном плане и в нравственном аспекте. Также в Российской империи в указанный период было немало деятелей, внесших весомый вклад в развитие органов исполнения наказания, способствовавших модернизации органов тюремного ведомства. Благодаря им российская система исполнения наказания была существенно усовершенствована.

Список использованной литературы и источников

1. Ильина Т. Н. 2010. Кадровое обеспечение судебных учреждений в Российской империи во второй половине XIX — начала XIX в.: институт кандидатов на должности по судебному ведомству / Т. Н. Ильина // Администратор суда. — № 2. — С. 31-34.
2. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции / Г. А. Жилин. — Москва : Городец, 2000. — 320 с.
3. Курас Т. Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 4. — С. 16-22.
4. Памятная книжка Киевской губернии на 1890 г. — Киев, 1891.
5. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX — начале XX вв.: структура, состав и функционирование: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Астахов. — Омск, 2009. — 120 с.
6. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год. — Омск, 1909.
7. Курас Т. Л. Требования, предъявлявшиеся к членам судебных палат в Рос-

сийской империи / Т. Л. Курас // Власть. — 2017. — № 3. — С. 173–178.

8. Курас С. Л. Проблемы преступления и наказания на страницах литературного обозрения «Журнала министерства юстиции» / С. Л. Курас // Власть. — 2012. — № 4. — С. 134-136.

9. Туткевич Д. В. А. Аристов / Д. В. Туткевич // Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1902 год. — Варшава, 1902. — С. 327-331.

10. Отчет Варшавского окружного правления Благотворительного общества судебного ведомства за 1898 год // Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1899 г. — Варшава, 1899. — С. 11-22.

11. О стипендии имени сенатора Н.Н. Герарда, бывшего старшего председателя Варшавской судебной палаты // Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1899 г. — Варшава, 1899. — С. 23-28.

12. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 222. — Оп. 1. — Д. 1971.

13. Некролог // Судебная газета. — 1883. — № 3. — 16 янв.

14. Корреспонденции: письма из Москвы // Судебная газета. — 1883. — № 7. — 13 февр.

15. Никитин В. Некролог. Памяти Г.И. Шлейфера / В. Никитин // Тюремный вестник. — 1894. — № 6. — С. 313-316.

16. Кононович В. Некролог. Памяти Приамурского Генерал-Губернатора барона Андрея Николаевича Корфа / В. Кононович // Тюремный вестник. — 1893. — № 3. — С. 115-116.

17. Некролог // Тюремный вестник. — 1898. — № 1. — С. 46.

18. Памяти статс-секретаря К.К. Грота // Тюремный вестник. — 1897. — № 11. — С. 510-513.

19. Некролог. Эккерт // Тюремный вестник. — 1893. — № 2. — С. 68-70.

Информация об авторах

Курас Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Курас Софья Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: kuras@list.ru

Authors

Tatyana L. Kuras — Candidate of Historical Sciences, associate professor, the department of Justice, Law Institute, Irkutsk state university, 664003, Irkutsk, K. Marx St., 1, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Sofia L. Kuras — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Customs Affairs and Jurisprudence, the Irkutsk State Transport University, Chernyshevsky St., 15, Irkutsk, 664074, e-mail: kuras@list.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.16

Д.В. МИХАЭЛИС

УДК 34(571.53)(091)

ББК 67.71(253.5)г

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СУДЬЯМ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются и анализируются изменения, введенные после судебной реформы 1864 г., в части требований к кандидатам на должность судей. Отмечается, что введение некоторых цензов (например, образовательного) способствовало улучшению судебной системы Российской империи, задачей которой был контроль за проведением других изменений из числа «Великих реформ» Александра II. Особое место занимает требование к наличию опыта работы в юридической сфере. В качестве примеров приводятся конкретные судьи Иркутской губернии, служившие после проведения судебной реформы.

Ключевые слова: Российская империя, судебная реформа, суд, судебная система, требования, Сибирь, Иркутская губерния.

D. V. MIKHAELIS

QUALIFICATION REQUIREMENTS FOR JUDGES DURING THE IMPLEMENTATION OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864 ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK PROVINCE

The article discusses and analyzes the changes introduced after the judicial reform of 1864 in terms of requirements for candidates for the position of judges. It is noted that the introduction of certain qualifications (for example, educational) contributed to the improvement of the judicial system of the Russian Empire, whose task was to control the implementation of other changes from among the "Great Reforms" of Alexander II. A special place is occupied by the requirement to have experience in the legal field. As examples, specific judges of the Irkutsk province who served after the judicial reform are given.

Keywords: Russian Empire, judicial reform, court, judicial system, requirements, Siberia, Irkutsk province.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась масштабными переменами во всех сферах жизни российского общества. Необходимость реформ была вызвана несовершенствами в государственной, экономической и правовой системе, обернувшимися поражением в Крымской войне. Одним из важнейших направлений в модернизации государственных институтов стала судебная реформа 1864 г. В ходе ее реализации предполагалось создание по сути новой системы судопроизводства и судоустройства, отвечающей принципам буржуазного общества.

Исходя из административно-территориального деления страны, социально-экономических условий, наличия административных и юридических кадров, проведение судебной реформы предполагалось провести в несколько этапов. Согласно этим критериям в России выделялись конкретные территории с указаниями хронологических дат реализации основных положений судебных преобразований. Самой большой из этих территориальных единиц считалась Сибирь с ее огромной оторванностью от европейских губерний. Особенности проведения реформы на территории Сибири были: назначаемость мировых судей, а не их выборность, отказ от создания суда присяжных, вышестоящей инстанцией по отношению к мировым судам был окружной суд, а не съезд мировых судей. Кроме того, в отдаленных районах Сибири сохранялся дореформенный порядок судостроительства и судопроизводства, а мировые суды в этих местностях не учреждались вовсе.

Нововведения коснулись не только порядка и принципов судопроизводства, но и правил назначения судей на должность. До судебной реформы 1864 г. в России отсутствовало правовое регулирование формирования судейского корпуса. Основной нормативно-правовой акт того времени — Свод Законов Российской империи не содержал требований к кандидатам на должность судей, касаясь образовательного и квалификационного критерия. Всю систему требований, введенных по судебной реформе 1864 г. предъявляемых к судьям, можно условно разделить на две группы: общие, характерные для всех должностей в судебном ведомстве, и специальные, определенные только для судей различного уровня. К общим требованиям можно отнести наличие русского подданства, дееспособность, а также нравственный ценз. К специальным требованиям относятся возрастной, образовательный цензы, ценз опытности и оседлости [1].

На наш взгляд, одним из самых важных нововведений стало требование к уровню образования кандидата на должность судьи. Согласно исследованиям отечественного юриста Серова Д.О. высшая судебная инстанция России — Правительствующий Сенат был укомплектован юристами менее чем на 7 %: из 103 сенаторов юридическое образование имели всего 7 человек [2]. Нехватка квалифицированных кадров объяснялась небольшим количеством образовательных учреждений. На 1860 г. функционировало всего 6 юридических факультетов, которые в полной мере не могли укомплектовать правительственные учреждения по всей стране. В результате кадрового голода суды комплектовались управленцами—чиновниками, что снижало не только роль судебной системы, но и государственного управления в целом. Как отмечал в своей записке, поданной императору Александру II, юрист А.М. Унковский, на момент освобождения крестьян от крепостной зависимости «...исполнительной власти вручены все роды дел: и хозяйственная, и полицейская и судебно-следственные, и даже чисто судебные...» [3]. После введения в действие Учреждения судебных установлений кандидаты на должность

ности и вопросах апелляции и кассации [6, с. 327]. Изучение некоторых биографий мировых судей показывает, что даже большой юридический опыт не был гарантией безукоризненной работы. Например, на мирового судью г. Иркутска Авдулина К.М., имеющего 15-летний опыт работы по своей должности, за период 1912–1915 гг. было подано 25 жалоб со стороны прокурора Иркутского окружного суда [5, с. 62].

Еще одним новым требованием к кандидату на должность судьи стал нравственный ценз или «ценз благонадежности». В соответствии с Учреждением судебных установлений судьями не могли быть лица, находящиеся под следствием и осужденные, уволенные со службы судом или исключенные из дворянских собраний, а также действующие священнослужители и священнослужители, которые были отчислены из «духовного ведомства». При поступлении на службу судебные учреждения собирали сведения о благонадежности претендентов. Отказать могли в случае участия соискателей в антиправительственных организациях, нелегальной печати и др. Замечание университетского суда или негативный отзыв прокурора могли послужить основанием недопущения к судебной службе. Так, известный в будущем адвокат П.Н. Карабчевский не смог начать судейскую карьеру, так как участвовал в студенческих беспорядках, и университет отказался выдать ему «свидетельство о благонадежности» [1]. Другим примером проявления «ценза благонадежности» является возбуждение вопроса об отставке мирового судьи Алексева В.Г., поддерживавшего антиправительственные настроения [6, с. 64]. Кроме того, мировым судьей не мог быть несостоятельный должник и лицо, состоящий под опекой за расточительство. Интересным является тот факт, что Учреждение судебных установлений не содержит прямого запрета на избрание в качестве мирового судьи женщины. Однако «Свод уставов о службе гражданской» в части закрепления общих положений для всех видов служб, использовал термин «сыновья», не упоминая при этом о дочерях. Кроме того, в ст. 14, устанавливавшей возрастные ограничения, законодатель применял слово «не достигший», которое подразумевало исключительно мужчин [8].

На наш взгляд, одним из спорных требований к судьям был имущественный ценз, введенный Учреждением судебных установлений. Данное требование можно отнести к пережиткам феодального строя в Российской империи, которые тормозили ее развитие. В некоторых районах Российской Империи, в том числе в Сибири наблюдался недостаток квалифицированных кадров. Таким образом наличие указанного имущественного ценза еще более усугубляло кадровый голод.

При реализации судебной реформы, в части установления требований к кандидатам на должность судей, в Сибири не обошлось без некоторых сложностей. С одной стороны, министр юстиции Н.В. Муравьев указывал на то, что судебные кадры должны состоять из лиц, хорошо знающих местность. Также считалось, что местный житель будет поль-

зоваться большим авторитетом, ввиду знания местных обычаев и нравов [9]. С другой стороны, министр признавал, что в Сибири невозможно будет обойтись без судей, направленных из Европейской части России: предполагалось укомплектовать такими лицами до 50 % штата судей, где стимулом для них должна была стать экономическая составляющая (повышенный должностной оклад и пенсия, выдача подъемных средств для устройства на новом месте).

Первые мировые судьи появились в Иркутской губернии в 1897 г. Из 19 назначенных мировых судей только трое ранее работали в Сибири: А.А. Чернявский служил товарищем Енисейского губернского прокурора, В.Л. Языков — судебным следователем Нижнеудинско-Балаганского окружного суда и А.М. Алексеев — судебным следователем Иркутско-Верхотурского окружного суда [10, с. 4]. Иркутский исследователь Курас Т.Л. указывает, что привлечение высококвалифицированных кадров в Иркутск способствовало притоку в город образовательных и опытных юристов [11]. Одним из таких был Ераков Н.П., окончивший Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата прав. На момент его перевода в 1897 г. в Сибирь имел 21-летний опыт работы в суде [6, с. 112].

Таким образом, отмеченные нововведения сыграли положительную роль в комплектовании качественного кадрового состава судов. Особое значение это имело для формирования новых судов в Сибири, в частности в Иркутской губернии. Реализация новых правил назначения судей на должность помогли утверждению как в Иркутской губернии, так и в Сибири в целом мировых судов, укомплектованию их квалифицированными кадрами. Только после реализации судебной реформы 1864 г. можно говорить о появлении судей-профессионалов и формировании квалифицированного судейского корпуса, одной из задач которого был контроль за проведением других изменений из числа «Великих реформ» Александра II.

Список использованной литературы и источников

1. Ильина Т. Н. Государственная политика в сфере формирования судейского корпуса в России во второй половине XIX — начале XX века / Т. Н. Ильина // Актуальные проблемы государства и права. — 2019. — № 12. — С. 432-446.
2. Серов Д. О. Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень (из истории и предьстории судебной реформы 1864 г.) / Д. О. Серов // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11. — С. 2622-2629.
3. Записка Унковского // Исторические материалы. — URL: <https://istmat.info/node/33404> (дата обращения: 30.11.2020)
4. Учреждения судебных установлений от 1864 г. // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. — URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13688> (дата обращения: 22.11.2020).

5. Вишневский В. Г. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX — начала XX веков в лицах и документах: Материалы к энциклопедии / В. Г. Вишневский. — Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 2004. — 400 с.
6. Головачев А. А. Десять лет реформ / А. А. Головачев. — Санкт-Петербург : Вестник Европы, 1872. — 398 с.
7. Свод уставов о службе гражданской // Свод законов Российской империи. Т. III // СПС «КонсультантПлюс»
8. Алешкина Э. М. Мировая юстиция России по судебной реформе 1864 года / Э. М. Алешкина // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 224-230.
9. Деревскова В. М. Вопросы кадрового обеспечения правоохранительных органов при подготовке и проведении судебной реформы 1864 г. в Сибири / В. М. Деревскова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник мат-лов XXI межд. науч.-практ. конф. Иркутск, 26–27 мая 2016 г. — Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016. — С. 348–353.
10. Курас Т. Л. Иркутская судебная палата: история создания и общая характеристика (1897 г. — февраль 1917 г.) / Т. Л. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2016. — Т. 16. — С. 151-161.

Информация об авторе

Михаэлис Дмитрий Владимирович — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск; e-mail: mdv97@yandex.ru

Author

Dmitrii V. Mikhaelis — post-graduate student, Department of international relations and customs, Baikal State University, Irkutsk; e-mail: mdv97@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.17

К.И. ПАШКОВ

УДК 94(571.53)

ББК 63.3(253.5)

ОРГАНИЗАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ БАЙКАЛЬСКОЙ ПЕРЕПРАВЫ В 1904–1905 ГОДАХ

Долгие годы Русско-японскую войну в отечественной историографии считали бесславно проигранной. Мировая и отечественная либеральная пресса, а затем и советская историческая наука всеми силами стремились создать впечатление полного поражения России.

Однако, если провести более глубокий анализ военных событий, то становится очевидным то обстоятельство, что спустя всего лишь год после начала войны наступательный напор Японии иссяк и на первый план

выступили ее возникшие экономические и военные проблемы. Япония не ожидала, что противник сможет наладить эффективное и бесперебойное снабжение войск: за короткий срок вместо слабо оборудованной Сибирской дороги образовалась и функционировала четко отлаженная магистраль, соединяющая непрерывным рельсовым путем центр России с воюющей на востоке страны армией. Байкальская же переправа в 1904–1905 гг., являясь единственной связкой Транссиба, определяла пропускную способность всей магистрали. Данная статья освещает некоторые аспекты и итоги ее работы в этот период.

Ключевые слова: русско-японская война, переправа, рельсовый путь, ледокол.

K.I. PASHKOV

ORGANIZATION AND SOME RESULTS OF THE WORK BAIKAL FERRY IN 1904–1905

For many years, the Russian-Japanese war was considered ingloriously lost in Russian historiography. The world and domestic liberal press, and then the Soviet historical science, tried with all their might to create the impression of a complete defeat of Russia.

However, if we conduct a deeper analysis of military events, it becomes obvious that only a year after the start of the war, Japan's offensive pressure dried up and its emerging economic and military problems came to the fore. Japan did not expect that the enemy would be able to establish an effective and uninterrupted supply of troops: in a short time, instead of a poorly equipped Siberian road, a well-established highway was developed and operated, connecting the center of Russia with the army fighting in the east of the country by a continuous rail route. The Baikal ferry in 1904–1905, being the only link of the Trans-Siberian Railway, determined the capacity of the entire highway. This article highlights some aspects and results of its work during this period.

Keywords: Russian-Japanese war, crossing, rail track, icebreaker.

Остановка работы переправы, вызванная аварией на пароме «Байкал» еще в 1901 г., поставила железную дорогу в тяжелое положение. Встал серьезный вопрос, что делать: или прокладывать рельсовый путь по льду, о чем говорили еще задолго до строительства переправы, или организовывать гужевую переправу грузов и пассажиров через оз. Байкал. Выбор был сделан в пользу гужевой переправы. После успешной работы зимой 1900–1901 гг. ее стали организовывать ежегодно, вплоть до постройки Кругобайкальской железной дороги. На следующие зимние периоды организация гужевой переправы была поручена иркутским купцам 1 гильдии Кузнецу и Пастернаку.

Опыт ее эксплуатации в 1900–1903 гг. позволил организовать беспрепятственное движение войск и воинских грузов в самый тяжелый период работы Байкальской переправы — во время русско-японской

войны. Ее работа приобрела для России стратегическое значение и определяла пропускную способность всех железных дорог Транссиба и КВЖД.

Единственным большим начальником, который в полном смысле слова оказался на своем посту в день начала русско-японской войны, был министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков. Ночью 27 января 1904 г. японские миноносцы атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура, а через сутки министр прибыл на станцию Байкал [5, с. 25].

С 12 января гужевая переправа уже работала. Организована она была образцово. Через каждые 6 верст вдоль дороги стояли теплые бараки, на половине ее действовала станция «Середина» для отдыха пассажиров и лошадей. Станции на берегу сообщались с бараками и «Серединой» проведенной на столбах телефонной линией. По указанию Хилкова на станциях Байкал и Танхой были установлены аппараты беспроводного телеграфа для ледокольных депеш [1, д. 1294, л. 11]. Во время навигации в 1904 и 1905 гг. с помощью этих станций передавались сведения о движении ледоколов, своевременно осуществлялась оперативная связь руководства переправы с судами. На случай движения ночью, во время тумана или пурги, дорога имела освещение: на станциях Байкал и Танхой оно было электрическое, на льду использовались керосиновые фонари. Три тысячи лошадей обеспечивали бесперебойное движение по ледовой трассе. Ответственным за работу в зиму 1904–1905 гг. являлся уже упоминавшийся выше Д.М. Кузнец, с которым руководством МПС был заключен договор [1, д. 26, л. 9]. Для наблюдения за состоянием дороги были организованы особые артели рабочих, которые расчищали путь, в местах появления трещин сооружали небольшие мостики.

На случай весьма частых буранов и метелей около всех барачков были установлены колокола, чтобы указывать направление едущим подводам. На средства МПС были закуплены тулупы и валенки, которые выдавались пассажирам в начале поездки по озеру и возвращались ими на противоположном берегу. Для перевозки пассажиров через Байкал использовались трехместные кошевки, в которых с некоторым удобством могли поместиться три человека и три пуда ручного багажа. В кошевки должны были впрягаться по две или три лошади, в зависимости от их состояния. Средняя скорость движения составляла 10 верст в час. Для пассажиров и возчиков на середине Байкала на каждом из трактов были устроены теплые помещения, в которых они могли обогреться и поесть. Такой способ перевозки пассажиров стали называть скорым.

Воинские команды, железнодорожные рабочие и частные пассажиры, которым не удалось попасть в кошевки, перевозились в обыкновенных санях со скоростью в среднем 4 версты час.

Для обеспечения гужевой переправы фуражом требовалось поставлять на ст. Байкал 37 вагонов овса и 20 вагонов прессованного сена в неделю.

В этот период по ледовой дороге переправлялись многие государственные деятели: в феврале — Великий князь Кирилл Владимирович, в марте — главнокомандующий Маньчжурской армией А.Н. Куропаткин и Великий князь Борис Владимирович [4, с. 191].

Переправа войск через озеро происходила следующим образом. 3-4 эшелона в сутки прибывали на станцию Байкал, где солдаты получали чайное довольствие, а нуждающимся выдавались теплые вещи (полушубки, валенки, шапки и рукавицы). Далее подразделения в походном строю двигались по дороге. В случае неблагоприятной погоды или чрезмерной усталости они совершали переезд на санях, по четыре человека в каждых. На станции Середина они получали горячую пищу, отдыхали два часа и следовали дальше. За период с 12 января по 1 марта походным порядком от ст. Байкал до Танхоя проследовало 12 297 нижних чинов, 10 401 пехотинец и 3 200 артиллеристов. Кроме этого, за первые 2 месяца по трассе было перевезено 16 тыс. пассажиров и 8,2 тыс. тонн грузов (2 627 товарных вагонов) [1, д. 26, л. 10].

В условиях военного времени огромной трудностью была организация передачи через Байкал подвижного состава. Первоначально в безопасности железнодорожного движения по льду никто не сомневался, опасались лишь боковых ветров. Мысль о подобном рельсовом пути возникла уже в первый год, когда потребовалась организация зимней гужевой переправы. Еще перед своим выездом на Байкал, Хилков распорядился начать работы по подвозке необходимых материалов для устройства рельсового пути по льду озера. Ко времени его приезда значительная часть рельсов, креплений и шпал была уже подвезена.

Как уже указывалось, М.И. Хилков прибыл на Байкал 28 января 1904 г., к его приезду на льду озера было уже уложено более двух километров рельсов. Сразу по приезду Хилков отправился осматривать строящуюся железную дорогу. К концу января лед на участке строительства пути достиг толщины более 1 метра и мог выдержать движение паровозов под парами, выведивших на ледовую ветку груженные вагоны. Опасения вызывали трещины, неожиданно появлявшиеся на трассе и торосы, нарушавшие всякие расчеты и предположения. Причины возникновения трещин тогда еще не были выяснены, но предполагалось, что их появление связано с вулканическими процессами. Сам Хилков неоднократно наблюдал землетрясения, когда лед на озере колебался, и подземные толчки ощущались на берегу. Но чаще всего трещины образовывались моментально и без всяких видимых или ощущаемых причин. Ширина трещин под рельсовым путем иногда доходила до двух аршин (1,5 м). Сила движения льда в трещинах была настолько велика, что рельсы лопались, болты и скрепления разлета-

лись в стороны со страшной силой. Путь, таким образом, разрушался на расстоянии нескольких десятков саженей [3, с. 249].

В первые дни укладки пути по льду, вследствие неблагоприятных природных условий, трещины возникали настолько часто и так сильно портили проделанную уже работу, что были моменты, когда осуществление перевозки составов по рельсовому пути через озеро казалось невозможным. Но благодаря упорному и самоотверженному труду укладчиков эти препятствия постепенно преодолевались. Были найдены способы, по крайней мере, значительно ослаблявшие влияние этих стихийных явлений. Опытным путем установили те места трассы, где трещины возникали наиболее часто. Специальные партии рабочих перекрывали эти места накрест длинными, не скрепленными между собой брусьями; на эти клетки затем укладывали шпалы и рельсы. Получалось, что в случае движения льда вследствие трещины эти крестообразно уложенные брусья сжимались или расширялись, предохраняя сам рельсовый путь от разрушения. На переходе через трещины два рельсовых стыка с каждой стороны трещины не крепились на болты на случай возможных сжимов льда. Таким образом, рельсовый путь был подготовлен к перекатке вагонов.

17 февраля 1904 г. решено было начать перевозку вагонов по рельсам, уложенным на льду. К 9 часам утра на ст. Байкал прибыли министр путей сообщения М.И. Хилков с супругой, духовенство из с. Лиственничное с хором, руководители Забайкальской железной дороги. После молебна княгиня Хилкова ножницами перерезала белую атласную ленту, и первый вагон с припряженными к нему четырьмя лошадьми покатился на ст. Танхой. Вслед за первым вагоном двинулись еще десять. За ними на тройке в простой кошевке поехал и сам министр. Он лично просмотрел весь путь следования вагонов от ст. Байкал до ст. Танхой. И с 18 февраля началась постоянная переброска вагонов через Байкал по ледовой железной дороге. В тот день было спущено на лед свыше 100 вагонов. Они двигались конной тягой на расстоянии 35 м один от другого. Первоначально для перекатки вагона запрягали четверку лошадей, а затем, когда люди и лошади привыкли к этой работе, каждый вагон вела одна пара лошадей. В некоторые дни по рельсовому пути через озеро перекатывалось более 200 вагонов. Со льда на береговой железнодорожный путь они вытаскивались паровозом, а если его вдруг не было, оставались на льду, что было весьма опасно. Так, утром 27 февраля из-за отсутствия паровоза у Танхой скопилось 90 вагонов, которые пришлось расставлять на пути между щелями во льду. Случалось и другое: так, 26 февраля в Танхой отправили всего 108 вагонов, так как на ст. Байкал их просто не было.

Проблему отсутствия паровоза решили сравнительно просто: начальник Забайкальской дороги приказал срочно назначить постоянный паровоз на пристань в Танхое. А вот проблема с нехваткой вагонов для

перекатки в соответствии с возможностями была практически неразрешима. Недодача вагонов на ст. Байкал 26 февраля объяснялась аварией на 40-й версте ветви Иркутск — Байкал и последовавшим ремонтом пути. Пропускная способность участка Иркутск — Байкал составляла 10 пар поездов в сутки, из которых одна пара почтовых и четыре воинских, составы которых почти целиком возвращались в Иркутск. Таким образом, вагоны из Иркутска на Байкал можно было доставить лишь пятью поездами. Причем военная обстановка требовала, чтобы из них не менее двух поездов были бы гружеными, то есть имели по 23 вагона и притом включали бы в себя около 30 % груза на платформах.

Таким образом, в целом при благоприятных условиях можно было подавать для перекатки только 125-150 вагонов. А при увеличении подачи в Байкал груженых составов и эта цифра уменьшится, так как еще во время строительства на участке Иркутск—Байкал было признано необходимым устройство только двух разъездов, что позволяло пропускать не более 10-12 пар поездов в сутки. Таким образом, для увеличения представляемых к перекатке вагонов требовалось увеличение пропускной способности участка Иркутск—Байкал, а, следовательно, надо было строить новые разъезды.

В результате появления трещин и ремонта пути неоднократно прекращался спуск на ледовую дорогу новых вагонов, а иногда перекатка приостанавливалась вообще. Но в целом передача вагонов успешно продолжалась до 1 марта 1904 г. После этого намечалось приостановить перевозку вагонов, исправить путь и затем приступить к перекатке паровозов. Однако здесь случилось новое происшествие, неблагоприятно отразившееся на работе переправы. До этого времени большинство значимых трещин, образовывавшихся во льду, шли по длине озера, и, следовательно, перпендикулярно направлению пути. Борьба с ними было достаточно легко. Но 24 февраля в Управление Забайкальской дороги по телефону поступила записка, в которой говорилось, что 23 февраля в 8 часов вечера по всему озеру раздался треск, который случился в результате сильного надлома льда по линии рельсового пути от 10-й до 25-й версты. На этом участке был значительно поврежден путь, и в разных местах сошло с рельс 13 вагонов. Положение было исправлено, но, начиная с 28 февраля, трещина стала быстро расти. Ко 2 марта она простиралась уже вдоль пути на расстоянии более 20 верст, в некоторых местах проходя между рельсами. Вследствие этого потребовалось срочно передвинуть путь от трещины на всем ее протяжении.

Проблема была решена к 5 марта: железнодорожный путь перенесли в сторону на 7–20 м на всем протяжении трещины. В тот же день для укатки пути и для испытания его прочности перед пропуском паровозов было отправлено в Танхой 28 груженых товарных и 10 пассажирских вагонов. Затем, с 6 марта, началась перекатка паровозов [6, с. 223].

Перевозка этих огромных транспортных средств также не обходилась без сложностей. Уже сама подготовка к их транспортировке заставила отступить от первоначальных проектов. Сначала была сделана попытка передавать их целиком в холодном виде. Расчетная прочность льда вполне позволяла это. Но затруднение возникло вследствие образования трещин. Опыт пропуска небольшого 30-тонного старого паровоза через рельсовый путь, уложенный на клетках через трещину, доказал рискованность подобной передачи. Паровоз осел передними колесами в лед. Не смотря на то, что он был поднят на поверхность льда и вывезен на берег, тем не менее, М.И. Хилков не решился передачу паровозов таким способом, так как каждый из них весил более 45 т. Вследствие этого было решено приступить к разборке паровозов на две части. С рамы паровоза снимали весь котел целиком и ставили его на две платформы. Рама же со своими ходовыми частями двигалась по рельсам отдельно. Таким образом, вес каждой части паровоза был не более 1 800 пуд (30 т). В то же время сборка паровоза на противоположном берегу Байкала была не сложна: требовалось лишь поставить котел на раму и произвести регулировочные работы. К тому времени для ремонта подвижного состава и для разборки-сборки паровозов, переправлявшихся по льду, в Байкале и в Танхое уже выстроили временные мастерские.

По такому варианту первые 20 паровозов были перевезены через озеро и утром 7 марта благополучно прибыли в Танхой. Всего же на восточный берег Байкала по такой системе было передано 65 паровозов. Одновременно с передачей паровозов по рельсовому пути перевозили товарные и пассажирские вагоны [3, с. 250].

После прохода 9 марта последних паровозов снова было замечено увеличение трещины, идущей вдоль пути. Поэтому, учитывая наступление более теплой погоды и принимая во внимание, что вместе с переданными на КВЖД 38 паровозами с Уссурийской ветки, парк локомотивов за Байкалом увеличился на 100 паровозов, работу железнодорожной переправы прекратили. Остальные паровозы, необходимые для восточных железных дорог, к этому времени уже прибыли в Иркутск и было решено перевезти их на пароме-ледоколе «Байкал».

Руководство переправы встречалось и с другого рода трудностями. Так, в конце февраля вследствие сильных буранов и вообще трудных условий работы на озере стали увольняться рабочие. Тогда М.И. Хилков обратился к генералу-адъютанту Сахарову с ходатайством разрешить в случае необходимости использовать для этих работ за определенное вознаграждение войсковые части Иркутского гарнизона. 26 февраля одна рота солдат в полном составе при двух офицерах вышла на работы на Байкале. Это оказало самое благоприятное влияние на остальных рабочих: они стали возвращаться, и в последующее

время на линии работало около 600 человек. С 15 марта началась разборка железной дороги.

Император России Николай II лично поздравил всех, кто принимал участие в строительстве и эксплуатации железной дороги через Байкал по льду. В апреле М.И. Хилков привез царские подарки для работников ледовой переправы. Золотыми часами были награждены: начальник переправы С.А. Заблоцкий, его помощник Б.А. Курьяк, начальник временного участка по льду Чижевский. Позднее С.А. Заблоцкий получил в подарок золотой портсигар с бриллиантовым изображением государственного герба России, Б.А. Курьяк — золотые часы с эмалевым изображением герба. Купец 1 гильдии Д.М. Кузнец был награжден золотыми часами и пожалован званием потомственного почетного гражданина.

В 1904–1905 гг. все усилия Транссиба были направлены на поддержание воюющей на Дальнем Востоке русской армии. «Эти годы стали временем наиболее интенсивной работы всех подразделений Забайкальской железной дороги. Байкальская переправа работала на полную мощность и всемерно помогала выполнению главной задачи — обеспечению непрерывного движения войск, военной техники и грузов на восток. При том переправа в большом количестве осуществляла и перевозки пассажиров, гражданских и железнодорожных грузов и материалов. Сумев мобилизоваться, найти наилучшую степень сочетания имеющегося уже опыта с вновь вставшими задачами, служба переправы с поставленной задачей в целом справилась», — отмечали все историки, изучавшие деятельность Байкальской переправы [3, с. 273].

О том, как возрастала интенсивность перевозок, можно судить по следующим фактам. В самом начале XX века, когда Транссиб только вступал в эксплуатацию, планировалось пропускать 2, самое большое 3 пары поездов в сутки. Но уже в 1904–1905 гг. в связи с военными событиями путейцам в течение полутора лет пришлось 5 раз менять графики движения. С 1 апреля 1904 г. был введен 9-парный график, с 15 июля — уже 12-парный, с 15 сентября — 16,5 парный, а с августа 1905 г. — 20 парный. Четыре последних относились ко времени начала сквозного движения по Кругобайкальской ветки, но и 9 пар поездов в сутки — совершенно фантастическое достижение для переправы, ведь условия водных перевозок технически существенно отличаются от железнодорожных. Выше указывалось, что стараниями Хилкова удалось существенно увеличить интенсивность работы судов переправы. Ледокол «Байкал», приспособленный для перевозки груженых вагонов за один раз мог принять кроме 28 вагонов, вкатываемых на нижнюю палубу прямо с пристани, еще от 2 000 до 2 300 человек. 600–800 солдат размещалось на нижней палубе между вагонами и 1 400–1 500 — на верхней. В 1904 г. были случаи одновременной посадки 3000 человек. Обоз можно было грузить на верхнюю палубу. Так как в состав

войсковых эшелонов могло входить около 14 вагонов для лошадей и платформ, то паром за один рейс мог принять два полных эшелона. Когда удалось довести количество рейсов парома до четырех, и были задействованы ледокол «Ангара» (груз 9-10 вагонов), казенные пароходы «Малыгин», «Кругобайкалец», «Второй» с частными пароходами и баржами переправа могла перевезти 10 полных поездов в сутки [3, с. 274]. Это даже превышало провозную способность Забайкальской дороги летом 1904 г. Переправа продолжала работать до 12 января 1905 г., поддерживая запланированную провозную способность магистрали, которую не могла обеспечить открытая объездная ветка. Также же на полную мощность она действовала и в навигацию 1905 г., начавшуюся 26 апреля. Во время зимнего перерыва вновь организовали гужевую перевозку грузов по льду с 27 января по 10 апреля.

В 1904 г. через паромную переправу перевезли 108,8 тыс. тонн грузов, 621,4 тыс. человек, в основном военнослужащих, осуществив при этом 1 188 рейсов. В следующем г. через переправу было переброшено 125,6 тыс. т грузов и 376,4 тыс. человек. А вот цифры рабочей ведомости работы переправы и уже использовавшей для железнодорожных перевозок Кругобайкальской дороги практически за период Русско-японской войны (февраль 1904 — сентябрь 1905 гг.). Всего перевезено — 53 575 004 пудов (857,2 тыс. т).

Через гужевую ледовую переправу провезли 3 650 516 пудов грузов (58,4 тыс. т). Плавсредства доставили 17 955 302 пуда (287,3 тыс. т), через Кругобайкалку перевезли 31 969 186 пудов (511,5 тыс. т). Стоит учесть то обстоятельство, что своего пика за указываемый период грузоперевозки по Кругобайкалке достигли в сентябре 1905 г. — 4 072 113 пудов (65,2 тыс. т), тогда как в сентябре 1904 г. они равнялись только 176 025 пудам (2,8 тыс. т) [7, с. 321].

Таким образом, в 1904г. Байкальская паромная переправа обеспечила основной грузопоток необходимых для войны грузов и даже с увеличением в 1905 г. перевозок по железной дороге практически половина перевезенных грузов была осуществлена при ее участии.

Усилиями работы МПС под руководством князя М.И. Хилкова уже к марту 1905 г. пропускная способность Транссиба была доведена до 17 пар поездов в сутки. Они включали в себя: 1 — почтовый и пассажирский поезд, 1 — санитарный, 9 — воинских, 1 — угольный, 2 — дровяных, 1 — продовольственный или внеплановый, 1 — для перевозки рабочих — ремонтников путей.

Стоит отметить, что работа переправы ускорила строительство необходимых участков Маньчжурской дороги, именно ее деятельность позволила в кратчайшие сроки перебросить крайне необходимые материалы для ее сооружения. Через переправу было доставлено 532 тыс. рельсов, 67 тыс. пудов креплений, 578 стрелок, 240 паровозов и 3 410 вагонов [2, с. 160].

Итак, если подвести итоги работы Байкальской переправы в 1904–1905 гг. можно сделать вывод, что она являлась единственной связкой Транссиба и определяла пропускную способность всей магистрали. Военно-стратегическое значение переправы было так велико, что англичане открыто советовали японцам вывести ее из строя. В это тяжелое время весь груз ответственности приняли на себя железнодорожники, моряки, жители Иркутской губернии и Забайкалья.

Прокладка рельсового пути по льду озера составляет одну из блестящих страниц истории Русско-японской войны. К лету 1905 г. ценой титанических усилий пропускная способность магистрали была максимально увеличена. К этому времени Россия располагала на Дальнем Востоке миллионной армией, оснащенной всем необходимым.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-72. — Оп. 1. — Д. 25; Д. 26; Д. 1269; Д. 1294.
2. История железнодорожного транспорта России. — Т. 1. — Санкт-Петербург : Петербург. гос. ун-т путей сообщения, 1996. — 336 с.
3. Колотило Л. Г. Транс-байкальский перекресток: проблемы транспортных путей и железнодорожной паромной переправы через озеро Байкал на рубеже XIX–XX вв. / Л. Г. Колотило, В. Г. Андриенко — Санкт-Петербург : «Наука», 2005. — 520 с.
4. Колотило Л. Г. Военные моряки Байкала. Проблемы исторической реконструкции деятельности военных моряков российского флота по физико-географическому изучению и освоению озера Байкал в XVIII–XX вв. / Л. Г. Колотило. — Москва : Наука, 2004. — 560 с.
5. Мелентьев А. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японскую войну (1900–1907 гг.) / А. Мелентьев. — Ашхабат, 1911. — 226 с.
6. Третьяков В. Восточно-Сибирская железнодорожная магистраль: Путь в сто лет (1898–1998) / В. Третьяков. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1998. — 550 с.
7. Третьяков В. Г. Байкальская паромная железнодорожная переправа: К 100-летию строительства и эксплуатации / В. Г. Третьяков, А. И. Касьянов, Г. П. Комаров и др. / под общ. ред. Третьякова В. Г. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2000. — 334 с.

Информация об авторе

Пашков Константин Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея, 664081, Иркутск, ул. Станиславского, 18-15.

Author

Konstantin I. Pashkov — PhD in History, senior researcher of the department of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.18

Е. В. ПОЧЕРЕВИН

УДК 94(571)

ББК 63.3(2)53

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СЕТИ В ИРКУТСКОЙ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье исследована деятельность Иркутского и Енисейского губернских управлений по развитию сельской медицинской сети в конце XIX — начале XX вв. Автор приходит к выводу о том, что оба региона предпринимали попытки ее расширения, однако это не имело успеха. Однако в Енисейской губернии более активно велся процесс управления имеющимися ресурсами.

Ключевые слова: сельская медицинская сеть, Иркутская губерния, Енисейская губерния.

E. V. POCHEREVIN

DEVELOPMENT OF THE RURAL MEDICAL SYSTEM IN THE IRKUTSK AND YENISEI GUBERNIYAS IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

The article studies the activities of the Irkutsk and Yenisei guberniyas administrations for the development of the rural health system in the late XIX — early XX centuries. The author concludes that both regions made several attempts to expand this system, but they were unsuccessful. However, in the Yenisei guberniya, the process of managing the available resources was more active.

Keywords: rural health system, Irkutsk guberniya, Yenisei guberniya

Из научных трудов по истории развития сельской медицины в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв. следует отметить работу А.И. Малозёмовой, где данному предмету уделено некоторое внимание [1]. Из современных исследований можно выделить две статьи В.А. Шаламова, где на основе анализа статистических материалов о сельской медицине тщательно разработан вопрос о численности врачей в регионе [2; 3]. В соавторстве с Л.М. Дамешеким им рассмотрена реформа сельско-врачебной части в Восточной Сибири 1897 г. [4]. Не смотря на то, что вышеуказанная работа всесторонне описывает и анализирует процесс становления сельской медицинской сети в регионе в изучаемый нами период, некоторые вопросы могут быть подвергнуты более детальному исследованию. В связи с чем, данная статья имеет целью изучить деятельность губернских управлений Иркутской и Енисейской губерний по изменению сельской врачебной сети в конце XIX — начале XX вв.

Положение об окружных сельских врачах в Восточной Сибири 1865 г. заложило основу сельской медицины в регионе. Планировалось ввести 15 штатных единиц сельских окружных врачей [5]. Создание же участковой системы связано с проведением реформы, инициированной законом 1897 г., согласно которому в Иркутской губернии планировалось открыть 19 врачебных участков [6].

В 1910 г. для Киренского уезда были учреждены две должности участкового врача, шести фельдшеров и двух фельдшериц-акушеров. Предполагалось открыть две новые лечебницы и два фельдшерских пункта [7]. В «Памятной книжке Иркутской губернии» новые врачебные пункты появились только в 1912 г. [8, с. 233].

В декабре 1911 г. Общее присутствие Иркутского губернского управления, в рамках расширения сельской медицинской сети, планировало открытие семи врачебных участков, пяти фельдшерских пунктов и увеличение количества кроватей Тулуновской больницы до десяти. На реализацию этого замысла предполагалось затрачивать по 52 000 руб. в год. Однако, при обсуждении проекта земской сметы были приняты во внимание данные о размере существовавших и планировавшихся на ближайшее трехлетие податей. Министерство внутренних дел со своей стороны планировало ввести регулярное квартирное довольствие низшему персоналу, пособия медицинским служащим при несчастных случаях, добавочное содержание врачебному инспектору и его помощнику. Предполагалось организовывать научные командировки для повышения квалификации врачей, устраивать периодические врачебные съезды. Также планировалось учреждение административной должности делопроизводителя при врачебном отделении по сельско-врачебной части. На основании полученных данных и анализе платежеспособности населения, Общее присутствие пришло к выводу о том, что увеличение земских расходов вряд ли посылно для населения.

Тем не менее, расширение медицинской сети было крайне необходимо ввиду постоянных эпидемических угроз, отдаленности населенных пунктов от лечебниц. Поэтому, в январе 1912 г. Общее присутствие ходатайствовало перед иркутским генерал-губернатором об увеличении сельской медицинской сети. Высокий чиновник отослал журнал Общего присутствия на Первый губернский съезд врачей, который проходил в декабре 1912 г. Форум, рекомендовал открыть врачебный пункт в г. Нижнеудинске и шесть пунктов в селах Балаганского и Иркутского уездов. Кроме того, резолюция съезда предусматривала закрытие одного участка в Киренском уезде, и открытие в Балаганском уезде.

В марте 1913 г. Общее присутствие Иркутского губернского управления вновь рассматривало вопрос об увеличении сети сельских медицинских учреждений в губернии. Принимая во внимание ходатайство старшины Орлингской волости Киренского уезда, где планировали закрыть лечебницу и то обстоятельство, что по закону от 5 декабря 1912 г. в зем-

ском бюджете может ежегодно освобождаться до 100 000 руб., Общее присутствие полагало возможным открытие восьми участков, ничем не жертвуя. Всего было запланированы расходы в размере 52 424 руб. на новые врачебные участки и 6 170 руб. в год на пять новых фельдшерских пунктов. Было возбуждено ходатайство об открытии указанных учреждений [9, л. 8-11 об.].

При подготовке сметы на 1915–1917 гг. иркутская губернская комиссия, в состав которой входили и представители крестьян, было рассмотрела пожелание финансовой комиссии Государственной Думы о необходимости открытия хотя бы четырех фельдшерских пунктов в предстоящем трехлетии. Врачебное отделение высказалось за учреждение пяти пунктов, что немного сгладило бы острую нехватку медицинской помощи населению. После долгого обмена мнениями, комиссия остановилась на решении об открытии шести фельдшерских пунктов. Общий расход на их содержание составил 8 720 руб. в год. Причем в с. Шимки Иркутского уезда здание для лечебного учреждения и квартира для фельдшера предоставлялись населением. Долго обсуждался вопрос о создании восьми новых врачебных участков. Однако из-за значительных земских расходов, комиссия пришла к выводу об открытии только шести участков и расширении нижеудинской городской больницы на 10 кроватей, вместо учреждения там особой сельской лечебницы [10, с. 25-26]. Ввиду военного времени данный проект не был осуществлен.

Основываясь на законе о введении сельской врачебной сети в Енисейской губернии, 13 ноября 1897 г. иркутский генерал-губернатор утвердил распределение врачебных участков по округам. В пяти округах Енисейской губернии было учреждено 24 участка, из них семь участков приходилось на Минусинский округ. На каждом из них должен быть один врач и три фельдшера, в Туруханском крае и Усинском округе предполагалось наличие только фельдшеров [11, с. 118-126].

Вскоре выяснилось, что этого количества врачебных пунктов недостаточно. В 1903 г. губернское начальство через генерал-губернатора ходатайствовало о добавлении 10 врачебных участков. Дело было передано в министерство финансов, которое благосклонно отнеслось к проекту, но в июле 1905 г. возвратило его генерал-губернатору, «для соображений со средствами кассы». Генерал-губернатор в феврале 1906 г. передал проект енисейскому губернатору. В июле 1908 г. МВД запросило сведения о размерах планируемых участков, количестве населения в них, наименования пунктов пребывания врачей, фельдшеров. Сведения были собраны и в сентябре 1908 г. Общее присутствие Енисейского губернского управления возбудило ходатайство об открытии 10 врачебных участков с тремя фельдшерами в каждом и восьми отдельных фельдшерских приемных покоев. Однако просьба не была удовлетворена в полном объеме.

По закону от 21 июня 1910 г. были учреждены должности одного врача для Туруханского края и четырех участковых врачей для других уездов. Губернское управление в ноябре 1910 г. постановило временно открыть врачебный участок не в Туруханском крае (с. Дудинское), а в Минусинском уезде (с. Идринское), ввиду большей населенности местности и «образовавшейся уже у населения привычки обращаться к врачебной помощи».

По предложению врачебного отделения губернского управления в октябре 1911 г. снова было возбуждено ходатайство об открытии десяти врачебных участков. Генерал-губернатор в июле 1912 г. передал журнал с ходатайством на рассмотрение Первого съезда врачей Енисейской губернии. Съезд, состоявшийся в сентябре 1912 г. рекомендовал открыть еще восемь врачебных участков и девять фельдшерских приемных покоев. Причем, часть из них должно было открыть Переселенческое управление. Общее присутствие постановило включить в земскую смету расход 100 283 руб. и просить генерал-губернатора ходатайствовать об открытии вышеуказанных учреждений [12, с. 228-229]. Однако и в этот раз расширение сельско-врачебной части не было проведено в планируемом объеме. Тем не менее, за период с 1901 г. по 1915 г. сельская медицинская сеть губернии выросла на шесть врачебных участков.

Не имея возможности полномасштабно осуществлять численный рост медицинских пунктов, губернская администрация использовала способы гибкого маневрирования. Уже к 1901 г. произошло изменение в дислокации одного из участковых врачей Минусинского уезда: из с. Шушенского больница была переведена в с. Ермаковское [13, с. 71-76]. В 1903 г. иркутский генерал-губернатор утвердил перенос врачебных пунктов из с. Шарыповского в с. Березовское, из с. Есаульского в с. Вознесенское [14, с. 283]. Они были перенесены к 1908 г., кроме того из пригородного села Покровского лечебница переместилась в г. Ачинск (позднее она будет именоваться то Покровской, то Ачинской лечебницей), из с. Сагайского больница была переведена в с. Каратузовское. Общее количество пунктов не изменилось [15, отд. 3, с. 22-27].

К 1911 г. открылось пять новых пунктов, однако только в одном из них был врач. Также известно о существовании восьми фельдшерских приемных покоях [16, с. 69-71]. Под 1913 г. в «Памятной книжке Енисейской губернии» показано два новых пункта, в одном списке с переселенческими участками. Всего в губернии, вместе с переселенческими, 43 сельских врачебных участка. Возможно, это отражало интеграцию переселенческой медицины и сельско-врачебной части. Имелось 18 фельдшерских приемных покоев [17, с. 139-143]. Кроме того, Ачинский (Покровский) врачебный пункт перебазировался в с. Аскызское Минусинского уезда, куда были перемещены оборудование и медикаменты. На это было выделено из губернского земского сбора 138 руб. Однако еще в 1915 г. место врача оставалось вакантным [18, л. 185].

В 1915 г. был ликвидирован Канскоперевозинский врачебный пункт, который существовал с 1897 г., но появилась лечебница в с. Христорожественском, число приемных покоев возросло до 24-х [17, спр. отдел, с. 22-23].

Активная деятельность по изменению сельской медицинской инфраструктуры, возможно, связана с ростом численности населения, изменениями в административно-территориальном делении губернии. Заметно стремление администрации выстроить более эффективную систему медицинского обслуживания, учесть различные меняющиеся факторы. В Иркутской губернии изменение структуры сельской медицинской сети происходило менее интенсивно. За период с 1901 г. по 1916 г. произошло перемещение только двух врачебных пунктов: из с. Тельма в с. Усолье и из с. Смоленщины в г. Иркутск, оба случая относятся к 1903 г. [19, л. 147]. Численность врачебных участков также практически не росла. В 1912 г. появились два новых участка, оба в Киренском уезде [8, с. 233]. Нежелание администрации учитывать существующие реалии и гибко решать вопросы территориального распределения медицинской помощи иллюстрирует следующий случай.

В декабре 1906 г. общество с. Кутулика Балаганского уезда Иркутской губернии постановило приговор, в котором просило «перечислить» его в другой врачебный участок, ввиду дальнего расстояния до больницы. Врачебный пункт в с. Зима находился от них в 78 верстах, а в с. Черемхово всего в 28 верстах. Прошение не было удовлетворено, и 9 июля на сходе снова был поднят этот вопрос [20, с. 2].

Таким образом, Иркутское губернское управление предпринимало попытки расширения сельской медицинской сети. Принимались решения по увеличению количества медицинских пунктов, однако анализ платежеспособности населения не давал возможности осуществить финансово затратные мероприятия. Кроме того, правительство империи проводило в жизнь собственные планы, не позволяя реализовывать губернские проекты. Мнение профессионального сообщества и значительные свободные финансовые средства, появившиеся в губернии благодаря правительственным льготам, не смогли повлиять на увеличение численности врачебных участков. В Енисейской губернии вскоре после введения участковой системы сельской медицины, местные власти осознали недостаточность созданных участков и предпринимали настойчивые попытки по расширению медицинской сети. Несмотря на то, что воплотить запланированное в полном объеме не удалось, губернское управление гибко маневрировало имеющимися ресурсами. В частности, был открыт врачебный участок в густонаселенной местности, а не в Туруханском крае, как предписывалось высшей властью. Кроме того, многочисленные перемещения врачебных участков в течение первых 15 лет XX века указывают на поиск оптимального использования имеющихся средств.

Список использованной литературы и источников

1. Малозёмова А. И. Из истории здравоохранения в Иркутской области / А. И. Малозёмова. — Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1961. — 180 с.
2. Шаламов В. А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным 1898 г. / В. А. Шаламов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. — Иркутск : изд-во БГУЭП, 2014. — С. 390–395.
3. Шаламов В. А. Численность и состав врачей Восточной Сибири по данным 1913 г. / В. А. Шаламов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2014. — Т. 7. — С. 88-93.
4. Шаламов В. А. Реформа сельско-врачебной части Восточной Сибири 1897 года: причины, основные положения последствия / В. А. Шаламов, Л. М. Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири: всероссийский научный журнал Сибирского отделения РАН. — 2018. — Т. 25, № 2. — С. 5-12.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. — Т. XL, Отд. I. — 1865. — № 42199. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1867.
6. ПСЗРИ. Собр. 3-е. — Т. XVII. — 1897. — № 14188. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1900.
7. ПСЗРИ. Собр. 3-е. — Т. XXX, Отд. I. — 1910. — № 33900. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913.
8. Памятная книжка Иркутской губернии на 1912 г. — Иркутск : Губернская типография, 1912. — 359 с.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 32. — Оп. 11. — Д. 104.
10. Итоги совещания по обсуждению сметы земских повинностей в иркутской губ. на трехлетие 1914–1917 гг. // Сибирская врачебная газета. — 1914. — 12 янв. (№ 2). (без подп.).
11. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1-е января 1898 г. / Изд. Енисейского губерн. стат. ком. — Красноярск : Енис. губ. тип., 1897. — 146 с.
12. ГАИО. — Ф. 25. — Оп. 10. — Д. 2193.
13. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем на 1901 г. / Изд. Енисейского губерн. стат. ком. — Красноярск: Енис. губ. тип., 1901. — 282 с.
14. Врачебная хроника // Сибирские врачебные ведомости. — 1903. — 1 нояб. (№ 22).
15. Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. / Изд. Енисейского губерн. стат. ком. — Красноярск : Енис. губ. тип., 1909 (обл. 1908). — 422 с.
16. Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год / Изд. Енисейского губ. стат. ком. — Красноярск : Енис. губ. тип. 1911. — 445 с.
17. Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. / Изд. Енисейского губ. стат. ком. — Красноярск : Енис. губ. тип. 1913. — 229 с.
18. ГАИО. — Ф. 25. — Оп. 10. — Д. 2090.
19. Памятная книжка Иркутской губернии на 1903 г. / Изд. Иркутского губ. стат. ком. — Иркутск : Губернская типография, 1903. — 265 с.
20. Корреспонденции // Восточная Сибирь. — 1906. — 29 авг. (№ 8).

Информация об авторе

Почеревин Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин. Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, 659333, Россия, г. Бийск, ул. Короленко, 53, E-mail: pev2@mail.ru

Author

Evgeny V. Pocherevin — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of historical, legal and social-humanitarian disciplines, The Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, 53, Korolenko str., Biysk, Russia, 659333, pev2@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.19

В.В. СИНИЧЕНКО

УДК 338(571.5)

ББК 63.3

ШВЕЙНАЯ КОМПАНИЯ «ЗИНГЕР» В РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ликвидационной компанией российского государства в отношении предприятий «подданных враждебных держав» в годы Первой мировой войны. В рамках этой компании под санкции попала американская фирма «Зингер и К». Поскольку сведений о шпионаже руководства фирмы установлено не было, фирма вновь открыла свои отделения в начале 1916 г. После этого между Россией и США был улажен конфликт, связанный с действиями российских властей в отношении американской компании.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная экономика, фирма «Зингер», военные заказы, шпионаж, контрразведка.

V. V. SINICHENKO

SEWING COMPANY “SINGER” IN RUSSIA AND EASTERN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR

The article considers issues related to the liquidation company of the Russian state in relation to enterprises of “subjects of hostile powers” during the First World War. As part of this company, the American company Singer and K. fell under sanctions. Since no information was established about the espionage of the company’s leadership, the company reopened its branches in early 1916. After that, the conflict between Russia and the United States was eliminated over the actions of the Russian authorities against the American company.

Keywords: World War I, military economy, Singer company, military orders, espionage, counterintelligence.

В годы Первой мировой войны очень скандальным делом стала попытка ликвидации международной компании «Зингер».

Удивительным было то, что под нормы так называемого «ликвидационного законодательства» в рамках борьбы с «немецким засильем» попала не немецкая, а американская компания, имевшая отделения на территории всего мира и многих регионов Российской империи [1, с. 79-80].

Каким образом американские предприниматели попали под санкции? Почему в 1915–1916 гг. дипломатические отношения России и США нельзя было назвать идеальными и даже относительно партнерскими? Почему власти США в ответ на преследование компании американских граждан отказывались защищать имущественные права российских предпринимателей, закупавших оборудование и военную технику в Северной Америке, и рассказывает настоящая статья.

Компания «Зингер» в России имела в 1914 г. акционерный капитал в 50 млн. руб., на компанию работали более 30 тыс. рабочих и служащих. Поэтому мы можем утверждать, что «Зингер» была одной из крупнейших торгово-промышленных компаний в Российской империи, правление которого находилось в Москве, а 51 отделение в крупных городах империи.

Отметим, что «Зингер» принадлежали и сотни мелких магазинов по всей России.

Сибирские жандармы впервые узнали о подозрениях в адрес «Зингер» из циркуляра начальника Иркутской контрразведки в июле 1914 года.

МВД долгое время не обращало внимания на страхи военных: слишком зыбки были все их подозрения. Только однажды, 5 ноября 1914 года, Департамент полиции отдал распоряжение начальникам жандармских управлений установить наблюдение за работниками компании «Зингер» в связи с тем, что ее правление неоднократно поручало своим агентам «собирать негласным путем сведения о количестве и названиях селений с указанием в таковых численности усадеб и жителей...» [2].

Тем временем о шпионаже компании «Зингер» в России заговорила столичная и провинциальная пресса. «Сибирский промышленный вестник» в № 13 за 1915 год опубликовал статью «Что за учреждение «Зингер» в России», где недвусмысленно указывалось на «тайную» деятельность фирмы. Это еще больше активизировало офицеров военной контрразведки.

Чтобы разом «накрыть» всю германскую агентуру, работавшую под прикрытием «Зингер», 6 июля 1915 года по предложению одного из руководителей военной контрразведки М.Д. Бонч-Бруевича практически во всех военных округах страны были одновременно произведены обыски в конторах и магазинах фирмы. Результаты оказались весьма скромными. Только в 2 отделениях компании — в Петрограде и Гельсингфорсе —

контрразведка нашла документы, которые можно было условно принять за инструкции по сбору информации о промышленности России.

Тем не менее по требованию Главного управления Генерального Штаба жандармы закрыли магазины «Зингер-Россия» и начали аресты служащих.

31 июля 1915 г. М.Д. Бонч-Бруевич приказал немедленно закрыть более 500 магазинов компании и арестовать их имущество и счета. В результате этой акции было уволено 6 тыс. рабочих и арестовано товаров на 12 млн. руб. [2].

В ответ правление компании подало прошение министру внутренних дел с ходатайством «Об открытии магазинов, закрытых в разных городах властями». Расследование, проведенное МВД, не установило, что фирма «Зингер», основанная американскими подданными, занималась шпионажем в пользу Германии [3, с. 350].

Так, начальник Омского жандармского управления полковник Козлов доложил: «С моей стороны за деятельностью агентов по продаже машин и служащих в магазинах Зингера было установлено наблюдение, списки всех служащих постепенно составлены и направлена была агентура для получения сведений, но ничего предосудительного в поведении указанных лиц не обнаружено...» [2].

Из канцелярии Иркутского генерал-губернатора также сообщили, что кроме одного анонимного доноса на заведующего магазином «Зингер» в Иркутске других сведений о «преступлениях» компании «Зингер» на территории Енисейской, Иркутской, Якутской губерний и Забайкальского края нет [4, с. 236].

Вмешательство возмущенного американского посла, крупного финансиста Дж. П. Моргана и других известных лиц заставило князя Г.Е. Львова, главу объединенного Союза земств и городов (Земгора), провести общественное расследование дела компании «Зингер». Результаты были опубликованы в августе 1915 г. в специальном отчете, отмечавшем, что из 30 328 служащих компании до войны только 131 были подданными враждебных государств — Германии и Австро-Венгрии. В отчете содержалось заключение о том, что компания «Зингер-Россия», была открыта в 1897 г. по нормам российского акционерного законодательства и получала оборудование и технологии из Нью-Йорка, а не из Берлина. Только один из трех основателей «Зингер-Россия» был германским подданным, но даже он вышел из капитала общества и управления компанией в 1902 г. Аресты сотрудников компании и закрытие ее филиалов привели к срыву 82 оборонных заказов на общую сумму в 3,6 млн. руб. [5, с. 153-155].

К тому же общество «Зингер» в Нью-Йорке приказала кораблям, на борту которых находились авиамоторы для авиации военно-воздушных сил России развернуться, возвратиться в Нью-Йорк и оставаться там до тех пор, пока не прекратятся репрессии в отношении компании, а также

не будет снят запрет на перевод денег из России в Нью-Йорк [Там же, с. 157; 6, с. 203].

Важность США для военной экономики России в годы Первой мировой войны показывают следующие данные:

На ноябрь 1914 г. военные заказы России за границей были распределены по следующим странам:

Англия — 115 млн руб.

Япония — 44 млн руб.

США — 31,5 млн. руб.

Франция — 6 млн. руб.

Швеция — 0,5 млн руб. [7, л. 4-6].

Однако уже летом 1915 г. выяснилось, что Великобритания не сможет выполнить этот большой заказ. Она сама испытывала потребность в снабжении своей армии и армии своих доминионов.

Так, руководитель миссии по закупкам вооружения в Лондоне — помощник морского министра России вице-адмирал Русин докладывал 26 сентября 1915 г. начальнику морского генерального штаба, что английское правительство категорически запретило свободный вывоз из Англии металлов — меди, свинца, цинка, сурьмы, инструментальной стали и пр. То же самое было с продукцией машиностроения — моторами для российских аэропланов, подводных лодок и надводных судов [Там же, л. 220].

Центральный военно-промышленный комитет 28 сентября 1915 г. доносил верховному главнокомандующему, что для нужд военной промышленности России в первую очередь придется выпустить металлы, а именно: медь, олово, цинк, сурьму и ферросплавы, ранее закупаемые на английском рынке. Отказ Великобритании в поставках ценного сырья вызывает необходимость переориентации на закупки в Северной Америке [7, л. 159].

По «Сводной справке военно-санитарного ведомства по предметам санитарного снабжения с 1 января 1916 г. по 1 сентября 1917 г.», хранящейся в фондах Российского военно-исторического архива, цены в Великобритании на медикаменты и реактивы осенью 1915 г. повысились на 50 %. Поэтому из-за перегруженности британской фарминдустрии русское ведомство перешло на заказы в США [Там же, л. 192].

Сам военный министр Великобритании — лорд Г. Китченер, в конце 1915 г. выступил с инициативой размещать русские военные заказы в США, как английские заказы, при условии, что Россия обеспечит эти военные заказы передачей Англии части своего золотого запаса.

Удивительно, что при таких обстоятельствах несмотря на давление нейтральной страны — США, включая прямые угрозы Дж. П. Моргана покинуть Россию и агитировать против предоставления ей кредитов, контрразведка России настаивала на своем. 26 сентября 1915 г. военный министр приказал закрыть еще более 100 отделений «Зингер» по всей стране.

Антироссийская деятельность конторы «Зингер и К» подтвердилась только письмом австрийского лейтенанта Макса Клейна, получившего в конторе 200 руб. за счет внесенных его родственниками денег в отделение «Зингер и К» в Германии [8, л. 116].

В отобранном у руководства «Зингер-Россия» объяснении говорится, что военнопленный Макс Клейн был ранее до призыва фабрикантом обуви в Вене. Он, будучи выпущенным из лагеря в город Никольск-Уссурийский, намеревался поставить о своей судьбе в известность родных в Вене и не имея знакомств, как покупатель обратился через отделение фирмы и ее начальника Роберта Когана. Тот из Владивостока отправил письмо в Стокгольм. Отделение «Зингер и К» в Стокгольме связалось с родственниками Клейна в Австрии и получили ответ, который и передала обратно через Стокгольм) [8, л. 121].

Таким образом, руководство «Зингер и К» было только уличено в нарушении военных положений о цензуре. Поэтому зимой 1915–1916 гг. почти всех арестованных по делу «Зингер» властям пришлось освободить. Только двум старшим агентам компании — Теодору Грасгофу и Оскару Кельпину — были предъявлены обвинения в государственной измене. Дело было передано в Департамент полиции МВД России. Руководитель расследования действительный статский советник Департамента полиции — Жижин официально признал, что компания «Зингер и К», «не может быть заподозрена в организации в России шпионажа в пользу Германии» [9, с. 152].

Центральные власти позволили большинству магазинов к марту 1916 г. открыться вновь. Инцидент был исчерпан и поставки военной продукции в Россию из США пошли без угроз и взаимных претензий.

Список использованной литературы и источников

1. Ерохина О. В. Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны / О. В. Ерохина // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2014. — № 1. — С. 69–81.
2. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н. В. Греков // Электронная библиотека Modernlib.net. — URL: http://modernlib.net/books/grekov_n/russkaya_kontrrazvedka_v_19051917_godah_shpionomaniya_i_realnie_problemi/read_17/ (дата обращения: 20.02.2019).
3. Алишина Г. Н. Критерии выявления «внутренних врагов» в Российской империи в годы Первой мировой войны / Г. Н. Алишина // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию) : мат-лы 4-й Межд. науч.-практ. конф., Москва, 24–27 августа 2012. — Москва, 2013. — С. 349–353.
4. Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья / В. С. Дякин // Первая мировая война. 1914–1918. : сб. ст. — Москва, 1969. — С. 234–237.

5. Поткина И. В. Транснациональная корпорация «Компания Зингер» в России / И. В. Поткина // История предпринимательства в России: XIX — начало XX вв. Вып. 3 : мат-лы Межд. науч. конф. — Санкт-Петербург : Изд. дом СПбГУ, 2007. — С. 152–170.

6. Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. / И. В. Поткина. — Москва : Норма, 2009. — 304 с.

7. Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 369. — Оп. 10. — Д. 2.

8. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. — Ф. 511. — Оп. 2. — Д. 51.

9. Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны / И. Г. Соболев. — Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ка, 2004. — 176 с.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, Москва, 125130, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8; 89647334929; v.v.sinichenko@bk.ru

Author

Vladimir V. Sinichenko — doctor of historical sciences, professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Strategic Problems of the Management of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, 125130, st. Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh, 8; 89647334929; v.v.sinichenko@bk.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.20

УДК 93/94 (571.54)

ББК 63.2 (2Р54)

А.А. ШИРАПОВ

«СЕРЕБРО В СЛИТКАХ, КОНЬЯК, СБОР МЕТЕОДАНЫХ...»: НЕТИПИЧНЫЕ ОПЕРАЦИИ КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РУССКО-КИТАЙСКОГО БАНКА*

Данное исследование посвящено истории развития банковского дела в приграничном регионе Российской империи на примере деятельности отделения Русско-Китайского банка, располагавшегося на территории Кях-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия».

тинской слободы. Основной акцент сделан на изучении проводившихся Кяхтинским отделением операций, направленных на оказание содействия в продвижении российской экономической экспансии в страны Внутренней Азии.

Ключевые слова: Русско-Китайский банк, Кяхта, Китай, Монголия, торговля.

A.A. SHIRAPOV

**«SILVER IN BULLION, COGNAC, ANALYTICAL
COLLECTION OF METEOROLOGICAL DATA...»:
ATYPICAL OPERATIONS OF THE KYAKHTA BRANCH
OF THE RUSSO-CHINESE BANK.**

This research is devoted to the history of banking development in the border region of the Russian Empire on the example of the activities of the branch of the Russo-Chinese bank, located on the territory of the Kyakhtinskaya Sloboda. The main focus of the research is on the study of the operations carried out by the Kyakhta bank branch, aimed at assisting in the promotion of the Russian economic expansion of the country of Inner Asia.

Keywords: Russo-Chinese bank, Kyakhta, China, Mongolia, trade.

В истории финансово-кредитной системы России Русско-Китайский банк занимает особенное место. Его по праву можно считать уникальным финансово-кредитным учреждением Российской империи. Созданный как орудие внешней политики державы на Дальнем Востоке, банк играл важную роль в продвижении российской экспансии в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [1, с. 116–125].

Непосредственное участие в организации банка принял министр финансов Российской империи С.Ю. Витте, по замыслу которого он должен был упрочить «русское экономическое влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане» [2, с. 164]. Данный проект стал результатом дипломатических усилий С.Ю. Витте, удачно воспользовавшегося поражением Китая в войне с Японией (1894–1895 гг.) Согласно условиям Симоносекского договора от 5 апреля 1895 г., правительство Цинской империи помимо территориальных уступок было обязано выплатить Японии огромную контрибуцию — около 140 млн. руб. [1, с. 86]. Не имея в своем распоряжении столь значительной суммы, китайские власти были вынуждены прибегнуть к займу недостающих средств за рубежом. С.Ю. Витте, пользуясь своими связями с представителями французских банков, смог организовать получение у них Китаем под гарантии России кредита в размере 100 млн. руб. [Там же, с. 86–90]. Одним из условий, обеспечивающих выплату Китаем долга, стало создание 10 декабря 1895 г. Русско-Китайского банка [3, р. 197].

Согласно утвержденному императором Николаем II уставу [4, с. 698–707], банк получал чрезвычайно широкие полномочия для осуществления своих операций в целях «поддержки торговых сношений» России «со странами Восточной Азии» [5, с. 10]. Уже к 1898 г. офисы банка были открыты на территории Китая в городах Ньючванг, Пекин, Тяньцзинь, Ханькоу, Чифу, Шанхай. Японские отделения учреждения работали в городах Кобе, Йокогама, Нагасаки. В Западной Европе действовал Парижский филиал банка. На территории Российской империи отделения Русско-Китайского банка появились в Санкт-Петербурге, Москве, Благовещенске, Верхнеудинске, Владивостоке, Иркутске, Николаеве, Чите и Кяхте [6, с. 307].

В ходе осуществления своей деятельности Русско-Китайский банк оказывал своим клиентам следующие услуги — учет, переучет, акцепт векселей и иных обязательств, покупка и продажа за свой счет и по поручению товаров и ценных бумаг, векселей и тратт, драгоценных металлов. Банк мог открывать публичную подписку на публичные займы, акции и облигации, заниматься перевозкой и приемом в залог товаров. Отделения Русско-Китайского банка осуществляли кредитование под залог ценных бумаг, драгоценных металлов и товаров. Банк принимал вклады и обеспечивал хранение ценных бумаг своих клиентов [5, с. 10–14]. Указанными операциями могли заниматься как российские, так и иностранные отделения банка. Согласно положениям устава, филиалы Русско-Китайского банка, действующие на территории Цинской империи, получили особые права — выпуск собственной валюты, привязанной к местным платежным средствам (таэлям), получение в пределах Китая налогов, чеканка местной монеты, обслуживание правительственных займов, приобретение концессии на постройку железных дорог и телеграфных линий [Там же, с. 11–12]. После получения Российской империей в результате соглашения с китайским правительством в 1897 г. прав на часть Маньчжурии и Ляодунского полуострова [7, с. 309–312]. Русско-Китайский банк принял на себя обязательство осуществлять на территории новообразованной области и княжеской функции [8, с. 818–819].

Согласно положениям устава и общей политике банка, его отделения подразделялись, в зависимости от делегируемых им полномочий и месторасположения, на две группы — внутрироссийские и зарубежные. Впоследствии практика показала, что, кроме двух указанных групп, можно выделить и третью — пограничные филиалы, зачастую выполнявшие функции, не относящиеся к кредитным или депозитарным операциям. Одним из таких отделений Русско-Китайского банка был Кяхтинский офис.

Кяхтинская слобода, на территории которой располагалось с 1898 г. отделение Русско-Китайского банка [6, с. 307], была основана в 1727 г. [9, с. 28]. Особое географическое положение — на границе с Китаем и с выходом в другие регионы Внутренней Азии — позволяло кяхтинскому торгу занимать важное место во внешней торговле Российской империи. Магистральным направлением деятельности местных предпринимателей были торговые

операции с китайским чаем. Так, «в 1811 г. экспорт чая в Россию составлял 80 тыс. пудов, в 1820 г. — более 100 тыс., причем торговля чаем составила 88 % от общего объема российской-китайской торговли» [10, с. 51]. В начале 1840-х гг. торговый оборот Кяхты превысил 16 млн руб. [11, с. 240]

Однако уже в 1860-е гг. начался процесс постепенного снижения объемов кяхтинской торговли. Серьезным ударом стало открытие в 1869 г. Суэцкого канала, благодаря которому сроки поставки чая морем в Европу резко сократились. К примеру, время по маршруту Ханькоу–Одесса уменьшилось с 50–60 дней до 35–40 дней [12, с. 6].

Гораздо более низкие расходы на морскую доставку грузов, по сравнению с сухопутной транспортировкой, стали определяющими в утрате Кяхтой статуса ведущего российского игрока на мировом чайном рынке. Открытие регулярного железнодорожного сообщения по Транссибирской железной дороге, снизившего цену на провоз чая, окончательно отбросило Кяхту в сторону от Великого чайного пути. Город стал играть роль места чайного торга «с заметно ограниченными объемами и небольшой трансграничной торговли с Монголией» [11, с. 241].

Правительство Российской империи понимало важность Кяхты как независимого (в отличие от морского) от третьих лиц пути торговли с Китаем. Приграничные с Россией регионы Цинской империи были важным рынком сбыта российской промышленной продукции, особенно текстильной [13, с. 123]. Кроме того, стартовавший в конце XIX в. процесс усиленного продвижения российского влияния в Китай и страны Внутренней Азии требовал от руководства империи форсированного и многовекторного развития пограничных территорий с целью создания надежного базиса для дальнейшей экспансии. Этими обстоятельствами и была обусловлена организация в Кяхтинской слободе офиса Русско-Китайского банка.

Кяхтинское отделение начало свою деятельность в 1898 г., став одним из первых подразделений Русско-Китайского банка в Российской империи. В организационной структуре Кяхтинский филиал входил в группу с Иркутским, Верхнеудинским, Красноярским и Ургинским отделениями банка. Главным в группе был офис в Иркутске [14, с. 208].

Кяхтинский филиал играл важную роль в координации работы на монгольском направлении, будучи связующим звеном в иркутской группе отделений с филиалами банка в Урге (ныне г. Улан-Батор, Монголия) и Улясутае (ныне г. Улиастай, Монголия). Это очень хорошо понимал директор отделения И.Д. Сеницын — известный местный купец и золотопромышленник, написавший в адрес Правления банка следующее сообщение: «Кяхтинское Отделение Банка по своим задачам предназначено обслуживать известный обширный приграничный район, реагируя соответственно на прилегающий обширный заграничный монгольско-китайский район, но не на отдельный пункт, в котором он играл бы роль мелкой банковской конторы. В этой основной задаче и прочих целях своего учреждения оно и было открыто именно в Кяхте, как в главнейшем международном торговом

центре — фокус и единственных на обширной и дикой границе открытых ворот в Монголию» [15, л. 27]

Помещения банка располагались на территории Кяхтинской слободы в доме его директора-управляющего И.Д. Синицына [16, р. 298–299].

Персонал учреждения был немногочисленный. В 1911 г., спустя почти 13 лет работы отделения, численность его сотрудников составляла всего восемь человек. Кроме директора И.Д. Синицына и доверенного М.В. Громова, в штате значились двое служащих, артельщик, рассыльный, сторож и переписчик [15, л. 59]. Небольшое число сотрудников не мешало филиалу оказывать своим клиентам достаточно широкий спектр услуг.

К их числу относились:

1. Учет векселей. К примеру, с ноября 1908 г. по апрель 1909 г. в портфеле банка было учтено векселей на сумму 18 825 руб. [18, л. 82]

2. Выдача ссуд и обслуживание специальных текущих счетов под залог процентных бумаг и товаров. По состоянию на 13 октября 1908 г. под залог процентных бумаг было выдано ссуд на сумму 20 750 руб. Ссуд под залог товаров, главным образом верблюжьей и бараньей шерсти (всего 2 127 пудов 26 фунтов стоимостью в 16 885 руб. 20 коп.), было оформлено на 8 900 руб. [18, л. 85 об, 86].

3. Прием на хранение ценных бумаг. По состоянию на 13 октября 1908 г. в хранилище отделения находилось ценных бумаг (в том числе купонов 5 % облигации Государственного казначейства разных лет) на сумму 17 197 руб. [18, л. 85, 85 об].

4. Открытие и обслуживание текущих счетов и вкладов. В 1908 г. на текущих счетах и вкладах в Кяхтинском отделении Русско-Китайского банка числилась сумма 578 400 руб.

5. Прием денежных переводов. По данным за 1908 г. в отделении было принято переводов на сумму 26500 руб. [Там же, л. 81].

Помимо вышеуказанных услуг Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка осуществляло в рамках своей деятельности и достаточно специфические операции, зачастую не относящиеся к числу разрешенных уставом банка в его российских филиалах [5, с. 14–17]. К таким можно отнести доставку в интересах своих клиентов драгоценных металлов (золота и серебра) из Западной Европы в Китай. После разрешения в 1861 г. «вывоза золота и серебра в неограниченных количествах, драгоценные металлы стали основным предметом российского экспорта в Китай» [19, с. 11]. Предприниматели из Цинской империи предпочитали получать в обмен на свой главный товар — чай, не российскую промышленную продукцию, а золото и серебро.

Поскольку Русско-Китайский банк находился под покровительством Министерства финансов Российской империи, в подчинении которого находился Департамент таможенных сборов, доставка драгоценных металлов через Кяхту в Китай производилась без особых препятствий. Услугами банка пользовались все наиболее крупные торговые дома Кяхты. Напри-

мер, в начале 1901 г. из Вержболовской таможни (ныне г. Вирбалис, Литовская Республика) в Кяхтинскую прибыл груз серебра в слитках (20 пуд. 4 фунт. 32 зол.) для фирмы «Коковин и Басов» с целью вывоза в Китай [20, л. 2 об, 3].

Обычно в сопроводительных документах к грузам, содержащим драгоценные металлы, получателем значился Русско-Китайский банк (Кяхта) [Там же, л. 6, 6 об, 7, 8, 16 об, 17]. Лицом, ответственным за прием товара, выступал сотрудник отделения. К примеру, 2 марта 1902 г. кассир А.П. Чижов обратился с просьбой к служащим Кяхтинской таможни о «проверке количества серебра и разрешении на его ввоз в Монголию» [Там же, л. 8].

Стоит отметить, что операции по транзиту драгоценных металлов Кяхтинским отделением не были регулярными. По данным кяхтинской таможни, с января по октябрь 1907 г. «золото и серебро в слитках и монетах» Русско-Китайским банком не вывозилось [21, л. 1–8].

Еще одно направление деятельности Кяхтинского отделения было связано с добычей золота в Монголии. Банк активно сотрудничал с Акционерным обществом рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор»). Представители Русско-Китайского банка А.Ю. Ротштейн и А.А. Давыдов, значившиеся в качестве его учредителей, были в числе непосредственных организаторов «Монголора». Общество, начавшее свою деятельность 13 марта 1900 г., занималось разработкой месторождений золота и его добычей в бассейне рек Иро и Орхон (Монголия). Согласно условиям договора о концессии, полученной российским подданным бароном В. фон Гротом у китайского правительства [23, с. 137], российские промышленники за право пользования золотоносными участками уплачивали в пекинскую казну 15 % от стоимости добытого золота. Самостоятельно «Монголор» золотодобычей практически не занимался, преимущественно сдавал в аренду свои золотоносные участки другим промышленникам или простым старателям. Одним из крупнейших арендаторов «Монголора» был кяхтинский купец М.А. Лушников. Согласно условиям договора, он уплачивал «Монголору» 10 % от стоимости добытого золота и принимал на себя обязательство об уплате 15 % сбора в пользу Пекина [24, с. 92].

Русско-Китайский банк в лице своего Кяхтинского отделения принимал активное участие в работе «Монголора». Сотрудник банка выступал посредником между обществом и Кяхтинским отделением Казначейства Российской империи. Три раза в неделю представитель Кяхтинского офиса сопровождал партию золота «из Урги, в слитках», каждая партия «не более 2-х пуд» [19, с. 33].

Кяхтинское отделение помогало золотодобытчикам в снабжении приисков разного рода материалами и припасами. Согласно сопроводительному документу 1901 г. «О выпуске инструментов заграничных для золотопромышленных работ акционерного общества Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии», на адрес отделения Русско-Китай-

ского банка в Кяхте из Санкт-Петербурга был отправлен груз, содержащий косилки, чугунные, медные и фаянсовые изделия (общий вес — более 146 пуд.) [22, л. 6, 6 об., 7]. В другой товарной накладной, также адресованной кяхтинскому отделению, значились маслобойки и сепараторы (свыше 25 пуд.). Если металлургические изделия и оборудование пропускались беспрепятственно, то оправленные тем же грузом коньяк (более 6 пуд.), рыбные консервы (свыше 12 пуд.) и сушеные яблоки (1 пуд. 6 фунт.) согласно таможенным правилам были задержаны на границе. Лишь благодаря вмешательству Министерства финансов было получено разрешение на провоз продуктов питания и алкоголя в Монголию [22, л. 22].

Сотрудники Кяхтинского отделения, благодаря знанию обычаев монголов, оказывали важные консультативные услуги в деле продвижения российского финансового капитала в Монголию. 4 апреля 1907 г. в Иркутск был направлен доклад, содержащий сведения об административно-территориальном устройстве Монголии и особенностях делопроизводства. В частности, подробно описывалась практика применения «хошунной» печати, используемой для визирования документов [18, л. 4], в том числе долговых обязательств перед кредитными учреждениями. По мнению авторов доклада, наличие «хошунной» печати на документе не могло служить твердой гарантией кредитоспособности клиента. Поскольку в распоряжении чиновников, ведавших печатью, имелось большое количество незаполненных, завизированных бланков, они зачастую использовали их в личных целях. Данные особенности монгольской бюрократической системы негативно сказывались на финансово-кредитной деятельности учреждения [18, л. 1, 1 об, 2]. Впоследствии некомпетентность в данном вопросе сотрудников Ургинского офиса, к тому же плохо владевших монгольским языком, привела к плачевным результатам. К 1908 г. за монгольским отделением числился убыток в 300 тыс. руб., что стало одной из главных причин его ликвидации [2, с. 171].

Сотрудники Кяхтинского филиала, будучи местными уроженцами, руководствовались в вопросе предоставления кредита монголам личным знакомством с заемщиком. Кроме того, сотрудники отделения проводили мониторинг кредитоспособности «хошунов» — выясняли количество населения в них проживающего и размер поголовья скота. Особое внимание уделялось сбору метеоданных, от которых напрямую зависел уровень продуктивности скотоводства в том или ином районе Монголии. Получаемые сведения позволяли руководству Кяхтинского отделения достаточно точно знать финансово-кредитные возможности своих потенциальных клиентов. Этому в немалой степени способствовало хорошее знание руководством и служащими банка монгольских обычаев и свободное владение монгольским языком [18, л. 2, 2 об, 3].

Приграничное расположение отделения в Кяхте, которая была удалена от удобных транспортных путей сообщения с густонаселенными и промышленно развитыми регионами империи, оказало и негативное воз-

действие на его деятельность. Сильно пострадав во второй половине XIX в. вследствие переориентации путей (с сухопутных на морские) мировой торговли чаем, экономика Кяхты получила новый удар в XX в. Открытие проезда по Транссибирской железнодорожной магистрали окончательно лишило Кяхту статуса основного посредника в торговле с Китаем [25, с. 195]. Последовавшее за этим поражение Российской империи в войне с Японией привело к постепенному свертыванию деятельности Русско-Китайского банка на территории Цинской империи [2, с. 187–188]. Уже к 1910 г. были ликвидированы филиалы в Урге и Улясутае, что негативно отразилось на деятельности Кяхтинского отделения.

История Русско-Китайского банка завершилась 14 (27) июня 1910 г. с утверждением императором Николаем II Положения Совета министров «Об учреждении акционерного коммерческого банка под наименованием «Русско-Азиатский банк». Согласно данному документу, произошло слияние Русско-Китайского и Северного банков (1901–1910 гг.) [26, с. 787]. Уже с октября 1910 г. Кяхтинский офис в документах значился как «Отделение Русско-Азиатского банка» [16, л. 22]. Таким образом, в ходе осуществления своей деятельности Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка наряду с оказанием своим клиентам обычных для кредитно-финансового учреждения услуг решало в интересах банка и особые, обусловленные его географическим — приграничным — положением, задачи. Сбор информации о состоянии монгольского внутреннего рынка, составление на основе полученных данных ценных рекомендаций для Правления банка, помощь в обеспечении функционирования российских золотодобывающих компаний на территории Монголии, транзит драгоценных металлов из Европы в Китай — все это формировало ту специфику, которая отличала деятельность Кяхтинского филиала от других банков. Отделение Русско-Китайского банка в Кяхтинской слободе сыграло значимую роль в деле продвижения российского влияния в регионы Внутренней Азии. Благодаря его работе российские купцы и промышленники имели возможность разворачивать активную деятельность на территории Монголии.

В то же время Кяхтинское отделение Русско-Китайского банка в силу ряда причин так и не смогло полностью использовать все свои возможности в деле распространения российского финансового капитала в сопредельные страны. Отсутствие развитого железнодорожного сообщения, поражение России в войне с Японией и свертывание Правлением банка финансовой активности в Монголии и Китае не дали в полной мере раскрыть Кяхтинскому отделению весь свой потенциал.

Список использованной литературы и источников

1. Романов Б. А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики в эпоху империализма / Б. А. Романов. — Ленинград : Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе, 1928. — 607 с.

2. Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. / И. В. Лукоянов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 668 с.
3. Crisp O. The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation / O. Crisp // The Slavonic and East European Review. — 1974. — V. 52, № 127. — P. 197–212.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье: 1895 г. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1899. — Т. XV. — 1542 с.
5. Устав русско-китайского банка: утв. 10 дек. 1895 г. — Санкт-Петербург : Тип. А. Бенке, 1895. — 39 с.
6. Яго К. Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии / К. Яго / пер. с англ. и науч. ред. С. А. Саломатина // Экономическая история. Ежегодник. — 2012. — Т. 2011–2012. — С. 293–314.
7. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / сост. И. В. Козьменко ; под ред. Е. А. Адамова. — Москва : Госполитиздат, 1952. — 462 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье: 1898 г. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — Т. XVIII, Отделение 1. — 1189 с.
9. Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен / И. Ф. Попова // Mongolica. — 2013. — Т. 11. — С. 28–36.
10. Евдокимова С. В. Организация городского управления г. Троицкосавска — Кяхты в XVIII — начале XX в. / С. В. Евдокимова // Развитие городских поселений Байкальской Азии : мат-лы 3-й Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 345-летию г. Улан-Удэ, Улан-Удэ, 15-16 дек. 2011 г. — Улан-Удэ, 2012. — С. 50–61.
11. Кальмина Л. В. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. — 2019. — № 1. — С. 3–8.
12. Дондоков З. Б.-Д. Ретроспективный анализ экономической эффективности маршрутов монгольского коридора / З. Б.-Д. Дондоков, А. Б. Базаров // Вестник Бурятского государственного университета. — 2019. — Т. 27, № 2. — С. 240–245.
13. Кальмина Л. В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 122. — С. 122–125.
14. Плеханова А. М. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья / А. М. Плеханова, А. А. Ширапов // Власть. — 2019. — Т. 27, № 3. — С. 206–211.
15. Российский государственный исторический архив. — Ф. 630 (Русско-Азиатский банк). — Оп. 1. — Д. 405.
16. Российский государственный исторический архив. — Ф. 630 (Русско-Азиатский банк). — Оп. 1. — Д. 404.
17. Barzini L. Peking to Paris: An Account of Prince Borghese's Journey Across Two Continents in a Motor Car / L. Barzini. — London : E. Grant Richards, 1907. — 646 p.
18. Российский государственный исторический архив. — Ф. 632 (Русско-Китайский банк). — Оп. 1. — Д. 282.

19. Курас Л. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. / Л. В. Курас, Л. В. Кальмина, А. В. Михалев. — Иркутск : Оттиск, 2018. — 112 с.
20. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. 102 (Кяхтинская таможня). — Оп. 1. — Д. 156.
21. ГАРБ. — Ф. 102 (Кяхтинская таможня). — Оп. 1. — Д. 353.
22. ГАРБ. — Ф. 102 (Кяхтинская таможня). — Оп. 1. — Д. 127.
23. Фурман Е. Л. Страницы истории Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии в начале XX в. («Монголор») / Е. Л. Фурман // Экономика и гуманитарные исследования: проблемы, тенденции, достижения : материалы 2-й Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 12–30 декабря 2017 г. — Новосибирск : Изд-во ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2017. — С. 137–144.
24. Московская торговая экспедиция в Монголию. Сборник статей. — Москва : Тип. П. П. Рябушинского, 1912. — 353 с.
25. Кальмина Л. В. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. — 2016. — Т. 24, № 7. — С. 193–198.
26. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье: 1910 г. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1913. — Т. XXX, Отделение 1. — 1425 с.

Информация об авторе

Ширапов Алдар Амаголович — стажер-исследователь, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирское отделение Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: agmaren@mail.ru.

Author

Aldar A. Shirapov — trainee-researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova str., Ulan-Ude, 670047, e-mail: agmaren@mail.ru.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.21

А.А. ДЮПИН

УДК 070(571.5)(09)

ББК 76.01(253)г

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЭВЕНКИИ И ТАЙМЫРА В 1930–1940 ГГ.

В данной статье рассматривается процесс создания и развития средств массовой информации в Эвенкийском и Таймырском национальных округах в первой половине XX в. В 1930-е гг. происходит закладывание основ радиовещания и периодической печати. Данный процесс был осложнен дефицитом оборудования и нехваткой сотрудников, но, несмотря на это, к концу десятилетия в округах издавалось множество стенных газет, печатались номера окружных и районных изданий, шло расширение радиосети. Уже в этом время, в ряде газет начинают печатать материал на национальных языках КМН. В военные годы особого развития СМИ не наблюдалось, однако в послевоенное время, вследствие улучшения снабжения округов, происходит развитие радиовещания.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, национальная политика, СМИ, Крайний Север, Сибирь.

A.A. DUPIN

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MASS MEDIA OF EVENKIA AND TAIMYR IN 1930–1940S

This article examines the process of creation and development of mass media in the Evenkia and Taimyr national districts in the first half of the XX century. In the 1930s the foundations of radio broadcasting and periodicals are being laid. This process was complicated by a shortage of equipment and a shortage of employees, but despite this, by the end of the decade, many wall newspapers were published in the districts, numbers of district and regional publications were printed, and the radio network was expanding. Already at this time, a number of newspapers began to publish material in the national languages of the indigenous peoples. During the war years, there was no particular development of the media, however, in the post-war period, due to the improvement in the supply of districts, the development of radio broadcasting took place.

Keywords: indigenous peoples, national policy, mass media, Far North, Siberia.

В советский период средства массовой информации (СМИ) занимались поддержкой политического курса партии, путем выгодного освещения общественных и политических событий в стране и мире. В 1930 г.

происходит образование Эвенкийского и Таймырского национальных округов, населенных большим числом коренных малочисленных народов (КМН), для которых советское государство отводило важную роль в социалистическом строительстве на Крайнем Севере. Ввиду этого, партия стремилась ускорить их экономическое, социальное и культурное развитие, посредством проведения комплекса мероприятий, включавших в себя создание образовательных, медицинских и культурно-просветительских учреждений. В рамках данного процесса органы СМИ способствовали пропаганде деятельности данных учреждений и привлечения к ним представителей КМН.

Вместе с тем, отдельные мероприятия государства вначале 1930-х гг. (репрессии родовой верхушки и насильственная коллективизация традиционных хозяйств), привели к росту недоверия и враждебности КМН по отношению к советской власти, в ряде случаев, доходивших до антисоветских выступлений (Таймырское восстание 1932 г.). В связи с этим, создание и развитие окружных органов СМИ являлось важной задачей, необходимой для умиротворения коренного населения и повышения его доверия к государству.

В Эвенкии первый радиоприемник был установлен в Доме Туземца на Туринской культурной базе в 1927 г., однако полноценное радиовещание началось лишь после организации в 1930–1932 гг. трех радиостанций, располагавшихся в поселках Тура, Байкит и Стрелка-Чуна. В 1934 г. из Стрелки радиостанцию перевозят в Ванавару, более удачно расположенную на берегу судоходной реки Подкаменная Тунгуска.

В числе первых радистов были Михаил Соколов, Георгий Яковлевич Фроленко, Виктор Романович Тенешев, Бронислава Яблоковская и другие. Среди их обязанностей было обеспечение радиосвязи между поселениями, проведение электрификации домов, трансляция радио с «большой земли» (Красноярск, Москва). Ввиду нехватки кадров, многих радистов назначали начальниками отделений связи, тем самым помимо основных обязанностей, занимаясь почтовыми операциями. Кроме дополнительной трудовой нагрузки, радиовещание осложняли трудные метеословия и малая мощность передатчиков (всего 500 ватт), что ограничивало охват аудитории. Несмотря на это, с постепенной электрификацией районов, количество слушателей уверенно росло. Так в 1937 г. в Ванавару поступили первые 20 радиоприемников, в 1939 г. их число выросло до 60, в 1942 г. — до 122, а в 1950 г. — до 223 [1].

В основу Таймырского радиовещания легло Дудинское агентство связи, реорганизованное в мае 1931 г. в окружную контору связи. В том же году начинается трансляция радиогазеты, первый выпуск которой состоялся в октябре. Первым редактором газеты был секретарь оргбюро Андрей Евменович Пермьяков. Изначально радиоредакция работала на общественных началах, но в 1932 г. ее штат был укомплектован шестью сотрудниками. Они рассказывали населению о событиях страны и окру-

га, включая освоение Северного морского пути, создание и укрепление колхозов, завоза товаров первой необходимости и тому подобное.

Первоначально вещание проходило с помощью маломощной приемно-передающей радиостанции, но в 1934 г. Таймыр получает новую станцию с мощностью в 1 киловатт, благодаря которой радиовещание охватывает все районные центры и фабрики округа. Вследствие этого, происходит организация радио-редакций в Карауле, Хатанге и Нордвике. На Диксоне также ежедневно шли передачи, рассказывавшие жителям о событиях в округе и передававшие сообщения ТАСС. Кроме этого, для работников полярных станций, охотников и рыбаков по радио звучали концерты. На протяжении десятилетия шла постепенная электрификация округа. Так в первой половине 1930-х гг. в Дудинке был создан радиоузел на 100 радиоточек. К 1937 г. по всему округу действовало уже 400 радиоточек [2].

Одновременно с радио в национальных округах шло создание периодической печати. В Эвенкии первым печатным органом стала окружная газета «Эвэды омакта ин» («Эвенкийская новая жизнь»). Ее создание способствовала резолюция бюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) «О положении в Эвенкийском национальном округе» от 1932 г., в которой среди прочего было утверждено решение о направлении в округ персонала (редактора, наборщика и двух агитаторов), типографского оборудования и иных материалов, необходимых для организации собственной газеты [3].

В соответствии с резолюцией, в 1933 г. на Туринскую культбазу была направлена типография с четой Машуковых. Ефим Сидорович Машуков был одним из лучших наборщиков Канского районного издательства «Власть Советов», имевший стаж работы 26 лет. Его жена Агния Ивановна Машукова также являлась опытным наборщиком. Выехали они в феврале, но из-за сложной дороги, смогли добраться до Туры лишь к осени. Для редакции и типографии были выделены два небольших помещения в бараке. Условия работы были тяжелыми: в типографии всегда было холодно, отсутствие электричества вынуждало проводить все печатные работы вручную, а из-за дефицита керосина набор газеты проходил при тусклом свете жирника. Не хватало и работников: первый штат газеты состояли лишь из исполняющего обязанности редактора члена Илимпейского райкома Бердигистяцкого и супругов Машуковых [4; 5].

Первый номер газеты вышел 10 октября 1933 г. тиражом в 100 экземпляров. Последующие номера выходили 2-3 раза в месяц тиражом в 200 экземпляров. С 1934 г. тираж вырастает до 250 экземпляров, а с апреля 1935 г. выпуски начинают выходить 5-6 раз в месяц. С того же года в газете начинают печатать страницу на эвенкийском языке. С 1936 г. газета становится 4-х полосной и в ней начинают публиковать фотографии ТАСС. С 1940 г. частота выпусков увеличивается до

12 раз в месяц, а на страницах газеты появляются линогравюры художника Владимира Ильича Мешкова, на которых он изображал портреты людей, пейзажи Эвенкии, повседневную жизнь оленеводов, охотников и рыбаков [5; 6].

Рост тиража и частоты выпусков номеров были обусловлены постепенным увеличением штата газеты. Так среди журналистов 1930-х гг. были: Дмитрий Язев (впоследствии редактор), Анна Василевская (в 1939 г. назначенная секретарем редакции), поэт Анатолий Мичурин, художник В.И. Мешков и другие. Кроме них, с окружной газетой на общественных началах сотрудничали рабочие корреспонденты, сообщавшие о ходе коллективизации, отличившихся на производстве людях и успехах культурно-просветительской деятельности. В числе рабкоров были: был председатель Амовского кочевого совета стахановец Мирошко, работник заготовительной организации Крупенин, работник Туринского потребительского интеграла Поэтов, охотник-стахановец из Ессея Прокопий Осогосток и другие. Кроме этого, происходит увеличение штата типографии, в которой, к концу десятилетия, работало 10 человек, включая чету Машуковых, Петра Сергеева и Антона Салаткина [5].

Вместе с тем, помимо окружной газеты в Эвенкии, на протяжении 1930-х гг., выпускалось множество стенных газет. Так в Байкитском районе издавалось около 14 стенгазет, при этом шесть из них — в колхозах. Лучшими считались стенгазеты в Куюмбе (редактор Салаткина) и на фактории Сталино (редактор Жарикова). В Илимпийском районе наиболее отличились три стенгазеты, за что их редакции были награждены участием во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 г.

Первой из них была стенгазета «Вперед», издававшаяся на фактории Учами. Ее редактор Юрьев заочно учился на курсах редакторов стенных газет и дважды принимал участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Полученный им опыт благотворно сказался на развитии издания. В свою очередь, член редколлегии Хороших занимался оформлением номеров и рисовал карикатуры на недостатки и проблемы производственных объединений района. Кроме этого, в период пушных заготовок стенгазета выходила в трех экземплярах, которые отправлялись в бригады. Второй отличившейся стенгазетой была «Эвенкия», издававшаяся на фактории Кочумдек. Она рассказывала о ходе пушных заготовок и развитии оленеводства, обсуждала будни кочевого совета, раскрывала имена «лодырей» и прогульщиков. Активную помощь в ее работе оказывал секретарь районного комсомола Панов. Третьей стенгазетой была «За колхозные кадры» (редактор И.В. Осогосток), издававшаяся в окружной политико-просветительской школе. Она освещала быт и учебу курсантов, просвещала их по вопросам социалистического общежития, помогала укреплять дисциплину. Ее материалы обсуждались на комсомольских и партийных собраниях, а провинившихся строго наказывали [6].

В конце 1930-х гг. в Эвенкии появляются первые районные газеты: «Новая жизнь» в Байките и «Чунский колхозник» в Ванаваре. Первое время они переживали трудный организационный период, вследствие чего ограничивались перепечатыванием материалов ТАСС, скудно освещая местные события. С налаживанием работы данные газеты стали уделять значительно больше внимания будням охотников и оленеводов, а также общественной жизни района, попутно способствуя обмену опытом лучших работников. «Чунский колхозник» начал свою деятельность 10 ноября 1939 г., под руководством редактора Лубкиной. Редакция и типография газеты располагались в небольшом деревянном доме в центре Ванавары. Ввиду отсутствия электрификации поселка все работы в типографии выполнялись вручную печатником Василием Григорьевичем Брюхановым. Постоянного наборщика не было, в разное время этой работой занимались: Вера Матвеевна Сизых, Антонина Васильевна Брюханова, Мария Герасимовна и Нина Герасимовна Брюхановы, Мария Ивановна Анкудинова (Власова) и другие люди [6; 7].

С газетой активно сотрудничали сельские корреспонденты, рассказывавшие о партийной и комсомольской жизни района, быте односельчан, проблемах добычи и сдачи пушнины. В 1945 г. с газетой работало 28 селькоров, к 1950 г. их количество выросло до 67 человек. Возросла и их активность: в 1945 г. в редакцию приходило 249 писем, а в 1950 г. — 375. Помимо них, ценный материал предоставляли партийные работники, учителя и врачи. Так по вопросам политического просвещения часто выступала заведующая отделом райкома партии Фекла Алексеевна Кожухова. Кроме этого, информацию о международном положении получали через радиосвязь с «большой землей», которую записывал секретарь газеты Семен Александрович Черных. Несмотря на примитивное оборудование, тираж газеты постепенно увеличивался. Если в 1940 г. «Чунский колхозник» издавал 190 экземпляров, то к 1950 г. — 420 экземпляров [7; 8].

На сегодняшний день, о развитии периодической печати Таймыра в 1930-е гг. известно мало. Начало ее формирования было положено созданием в 1932 г. окружной газеты «Советский Таймыр». В Дудинку в июне на речном караване прибыли персонал и оборудование для типографии. Редакция и типография были размещены в одной из комнат бывшего купеческого дома. Первое время над газетой работало всего 3 человека: редактор Иван Ильин, печатник Иван Борушевский и наборщик Михаил Щербанюк. Номера газеты выходили раз в 10 дней, тиражом в 600 экземпляров. Постепенно штат газеты расширялся и к концу 1930-х гг. с ней сотрудничало 150 сельских и рабочих корреспондентов. Росла и популярность газеты: в предвоенные годы она выходила 3 раза в неделю, а число ее подписчиков достигало 1 300 человек. Кроме этого, были организованы выездные редакции, на основе которых были созданы районные газеты в Карауле, Волочанке и Хатанге [2].

В годы Великой Отечественной войны работа органов СМИ была сосредоточена на оказании всевозможной помощи фронту. Радио и газеты освещали ход боевых действий, озвучивали и публиковали письма с фронта, рассказывали о трудовых подвигах населения и агитировали его на дальнейшее выполнение и перевыполнение производственных норм. Кроме этого, сотрудники организовывали сбор средств и вещей в Фонд Оборона, а также принимали участие в разных видах работы, включая сбор пушнины и рыбодобычу.

Вместе с тем деятельность органов СМИ была осложнена резким сокращением персонала, вызванным призывом и добровольным уходом на фронт многих сотрудников газет и радиовещания. Так, несмотря на малый штат, «Эвенкийская новая жизнь» предоставила фронту более десятка солдат, в числе которых были редактор Дмитрий Язев, секретарь Подлипский, журналист Мичурин, художник Мешков и другие сотрудники, многие из которых так и не вернулись домой. Ввиду этого газета временно сократила объем номеров, вновь став 2-х полосной. Несмотря на это, в округе продолжали работать 1 окружная, 2 районные и около 30 стенгазет. Точное количество действовавших на Таймыре, в годы войны, периодических изданий неизвестно, однако большую активность в данный период продолжала проявлять окружная газета. В числе ее работников, ушедших на фронт, были Василий Полежаев и Иван Лобовиков [2; 5; 8; 9].

В годы войны радиосвязью в Эвенкии занимались опытные специалисты, в числе которых были и мужчины, оставленные в тылу по состоянию здоровья. В Полигусе радистом работал Константин Ловцов, в Кумонде — Павел Блиц, в Сталино — Александр Кожемякин, в Усть-Каме — Афанасий Рукосуев, в Кузьмовке — Буланкин, а на ныне исчезнувших факториях Тычаны и Чунка — Ольга Коновалова и Зоя Овсюкова. Кроме них, на разных факториях работала Ольга Михайловна Новикова, которую посылали на особо сложные участки. Радиосвязью также занималась Валентина Николаевна Черкашина, а Н. Г. Старкова работала в Байките в качестве радиотехника [10].

В послевоенные годы работа органов СМИ постепенно приходила в норму. Среди периодических изданий того времени наблюдалось увеличение количества стенных газет. Так в 1947 г. только в Тунгусско-Чунском районе издавалось 57 стенгазет. Известно, что окружная газета Эвенкии способствовала реализации задач 4-й пятилетки, рассказывая населению о постановлениях партии и освещая выполнение Госплана по оленеводству и пушнине. Кроме этого, редакция занималась выявлением производственных недостатков, о которых ей сообщали читатели. Так в 1950 г. в разные предприятия было направлено 37 писем, по 31 из которых были приняты конкретные меры по ликвидации недостатков работы. В данный период лучшими сель-

корами были: А.М. Тонин, М.Е. Ладышев, М.В. Галанова, В.П. Увачан, И.И. Суворов, Л. Парилова, А. Торпушонок и другие корреспонденты. Кроме них, с газетой делились своим опытом председатели колхозов Рукосуев, Карнаухов, Доонов, Кочени и лучшие оленеводы П. Паликаренок и Л. Дженкоуль [8].

Параллельно в Эвенкии продолжалось развитие радиовещания, аудитория которого к 1950 г. составила 1066 человек. В свою очередь, на Таймырском радио с 1948 г. началось вещание на долганском языке, проходившее 5-7 минут. В тоже время в радио-редакции появляются первые сотрудники из числа ненцев и нганасан. Создаются радиопередачи на русском языке для подростков и детей. В 1951 г. в Таймырский округ прибывает партия из 24 колхозных радиоузлов, в один набор которого входил приемник, усилитель и 50 репродукторов. Благодаря таким наборам радиосвязь повсеместно распространяется среди жителей тундры [2; 11; 12].

Таким образом, на протяжении всего советского периода на территории Эвенкии и Таймыра шло развитие окружного радиовещания и периодической печати. В 1930-е гг. шла фаза активного формирования окружных и районных СМИ, которая была осложнена недостатком оборудования и специалистов. Несмотря на это, к концу десятилетия в национальных округах было организовано множество стенных газет, работали окружные издания, происходило расширение радиовещания. В данный период органы СМИ были сосредоточены на повышении доверия коренного населения к советской власти, пропаганде коллективных форм хозяйств, а также продвижению деятельности медицинских, образовательных и культурно-просветительских учреждений среди КМН.

В первой половине 1940-х гг. деятельность СМИ была направлена на агитацию населения на оказание всевозможной помощи фронту. Их работа была осложнена сокращением штата и увеличением трудовой нагрузки. В послевоенные годы продолжается развитие окружных и районных СМИ: улучшается снабжение, появляются новые специалисты. Это приводит к расширению аудитории радиовещания, а также улучшению работы окружных и районных газет.

Список использованной литературы и источников

1. Радисты Севера // Эвенкийская жизнь. — 2005. — 8 дек.
2. Шакун Е. Таймыр «в точке текущего момента» / Е. Шакун // GoArtic. — URL: <https://goartic.ru/work/taymyr-v-tochke-tekushchego-momenta/> (дата обращения: 26.07.2020)
3. История газеты — история округа // Эвенкийская жизнь. — 2002. — 24 окт.
4. Как Машуковы типографию везли // Эвенкийская жизнь. — 2002 — 6 нояб.
5. От тридцатых годов и до наших дней // Эвенкийская жизнь. — 2008. — 9 окт.

6. Сила печатного слова // Эвенкийская жизнь. — 2003. — 26 июня.
7. Чунский колхозник // Эвенкийская жизнь. — 2007. — 11 янв.
8. Газета из прошлого // Эвенкийская жизнь. — 2003. — 12 июня.
9. Вчера, сегодня, завтра... // Эвенкийская жизнь. — 2003. — 9 окт.
10. О байкитянах с теплотой и уважением // Эвенкийская жизнь. — 2012. — 10 авг.
11. Печатное слово — людям // Эвенкийская жизнь. — 2012. — 16 нояб.
12. Красный чум — очаг культуры // Эвенкийская жизнь. — 2005. — 1 дек.
13. Номера газеты «Эвенкийская жизнь» и спецвыпуски с нормативно-правовыми документами // Официальный сайт органов МСУ Эвенкийского муниципального района. — URL:<http://evenkya.ru/infoeg/life/?page=43> (дата обращения: 27.12.2020)

Информация об авторе

Дюпин Андрей Андреевич — аспирант, базовая кафедра истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: Gohnaydeli@yandex.ru

Author

Andrey A. Dupin — postgraduate student, Basic Department of History, Pedagogy and Psychology, Bratsk State University, 40, Makarenko str., Bratsk, 665709, e-mail: Gohnaydeli@yandex.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.22

П.В. КУРГУЗОВ

УДК 94(5+41/99)

ББК 63.3(2)612

КЯХТА 1920 ГОД: ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Статья посвящена забытым и недостаточно известным широкой научной общественности подробностям китайской интервенции 1920 г. происходившей на восточной границе Российского государстве в далекой Кяхте. В статье на основе архивных данных описаны ход и основные события одиннадцатимесячной оккупации китайскими войсками российской территории в Троицкосавском уезде, указаны основные действующие лица указанных событий. Изучение данной проблемы позволит лучше понять ход и основные проблемы, связанные с пребыванием китайских иностранных войск на территории России в период Гражданской войны.

Ключевые слова: партизанское движение, иностранная интервенция, Троицкосавская Дума, Троицкосавск, Кяхта, китайские войска.

P. V. KURGUZOV

KYAKHTA 1920: FORGOTTEN PAGES IN THE HISTORY OF THE CHINESE INTERVENTION

The article is devoted to the forgotten and insufficiently known to the general scientific community details of the Chinese intervention of 1920, which took place on the eastern border of the Russian state in the distant Kyakhta. On the basis of archival data, the article describes the course and main events of the eleven-month occupation of Russian territory by Chinese troops in the Troitskosavsky district, identifying the main characters in these events. Studying this problem will make it possible to better understand the course and main problems associated with the presence of Chinese foreign troops on Russian territory during the Civil War.

Keywords: partisan movement, foreign intervention, Troitskosavsk Duma, Troitskosavsk, Kyakhta, Chinese troops.

В истории Гражданской войны в России монгольская революция 1921 г., происходившая, на восточной границе Российской империи и предшествующие ей события сыграли особую роль. Одним из ее драматических эпизодов явилась китайская вооруженная интервенция в г. Троицкосавске (ныне г. Кяхта) в начале 1920 г.

События на русско-монгольской границе проходили на фоне падения Омского правительства Колчака и активном продвижении советских частей на восток России, широком партизанском движении в Забайкалье. В середине декабря 1919 г. подпольный Прибайкальский комитет РКП(б), принял решение о начале партизанского восстания в районе деревень, расположенных на стыке Верхнеудинского и Троицкосавского уезда, где располагались наиболее крупные партизанские силы.

В конце декабря 1919 г. обстановка в Троицкосавске резко обострилась, вследствие принятого решения военной администрацией атамана Г.Семенова ликвидировать заключенных временной тюрьмы в Троицкосавских «Красных казармах», перевезенных колчаковским правительством из тюрем Урала и Западной Сибири осенью 1919 г. Кроме этого, испуг местных обывателей и органов самоуправления подогревали слухи о походе в направлении русско-монгольской границы, так называемой «Дикой дивизии», под руководством генерал-майора, начальника Верхнеудинского гарнизона и при этом имеющего гражданство Монголии и местный княжеский титул — «Гун», Петра Петровича Левицкого. Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада имени Зорикто Батора («Дикая дивизия»), вышла из Верхнеудинска, в начале января, достигнув 14 января 1920 г., после нескольких кровопролитных боев (Мухино, Ганзурино, Янгажинские Ключи, Бабкино), Гусиноозерского дацана в местности Тамча. Угроза грабежей и убийств мирного населения, сопровождавших проход частей этой бригады, будоражил

общественное мнение все еще зажиточной и богатой Кяхты. Еще одной и видимо, главной причиной, стал разгром 8 января 1920 г., основных сил Троицкосавского белого гарнизона, а именно дивизиона имени генерала Крымова, под командованием полковника А. Львова.

Вышедший из Троицкосавска под колокольный звон, дивизион из 450 солдат и офицеров, имел стратегическую задачу разгромить бичурскую группировку красных партизан. 7 января 1920 г., казаки дивизиона остановились на ночлег в деревне Окино — Ключи. Через несколько дней дивизион должен был соединиться с экспедиционным сводным русско-японским отрядом под командованием подполковника В.А. Иеропеса, вышедшего в это же время из г. Петровский завод. На следующий день, в ходе внезапного удара партизанской конницы в тыл дивизиона и удачного отсечения обозов, крымовцы потерпели полное поражение, было убито 125 человек казаков, 150 попали в плен, в том числе 4 офицера. Партизаны под руководством И.С. Афанасьева, А.П. Алферова и Е.Л. Петрова захватили 300 винтовок, 6 пулеметов, 55 000 патронов и другое снаряжение. Оставшиеся солдаты дивизиона частью разошлись по своим домам (из насильно мобилизованных местных жителей), остальные отошли в Троицкосавск [1, с. 75].

Остатки этого отряда (около 150 человек), уже не могли эффективно противостоять многочисленным партизанским соединениям, окруживших Троицкосавск, к середине января 1920 г., занявших стратегическую слободу Усть-Кяхту, села Окино-Ключи, Киран, Усть-Киран и др. Вследствие этого, вскоре прервалось и телеграфное сообщение белогвардейской Кяхты с вышестоящими штабами в Чите и Верхнеудинске.

13 января 1920 г., депутаты местной Думы и руководители городских организаций провели экстренное заседание, на котором было принято решение об обращении к китайскому консулу в Маймачене, с целью ввода в город китайских войск. В числе подписантов с обращением к китайским войскам вошли такие известные в Троицкосавске деятели, как Товарищ (Заместитель) Председателя городской Думы, преподаватель Алексеевского реального училища меньшевик А.Г. Эпов, городской голова Н.Д. Смолев и другие руководители уезда и города. В дальнейшем решение Думы явилось легитимным предлогом для объяснения причин китайской оккупации русской территории в пределах 25 верст от границы. В тексте резолюции говорилось, что все это делается исключительно в интересах «мирного пограничного населения» и по просьбе русских властей и именно властей гражданских — выборных от населения гласных (депутатов) — в лице Троицкосавской Думы [2, с. 176].

Чтобы окончательно легитимизировать решение о вводе иностранных войск на российскую территорию, через три дня (16 января 1920 г.), было проведено еще одно заседание Думы, которое прошло в расширенном составе. Участие в заседаниях приняли как гласные (депутаты) Троицкосавской Думы, так и руководители государствен-

ных организаций и учреждений, элита кяхтинской буржуазии и чиновничества.

От Троицкосавской Думы присутствовали и участвовали в баллотировке (голосовании) на обоих заседаниях следующие депутаты и чиновники: Темников Д.Н. (секретарь собрания с депутатским мандатом), Смолев Н.Д. (городской голова г. Троицкосавска), Смолев Д.Н., Смолев И.Н., Барбот-де Марни Я.Н. (местные купцы-предприниматели), начальник Троицкосавской почтово-телеграфной конторы Зданович И.И., и чиновник этой же конторы Тараканов Н.В., а также Михно П.С. и Успенский С.А. (сотрудники Кяхтинского краеведческого музея), Казаков И.И., Чернышев А.А. (священники), смотритель Кяхтинского продовольственного магазина (складов) Демкин И.С. Гласные и граждане города: Капустин С.В., Сердюков Н.И., Наквасин И.И., Свинин Т.М., Назимов К.И., Курбатов И.И., член городской Управы Иванов В.М., начальник Троицкосавского гарнизона, атаман 1-го отдела ЗКВ Сысоев П.П., управляющий Троицкосавским уездом Афанасьев П.И., управляющий Кяхтинским отделением Государственного банка Ермоленко В.И, инспектор мелкого кредита Стоянов Ф.М., податный инспектор Троицкосавского участка Вагман А.И., начальник Троицкосавской уездной милиции Рассохин И.И., казначей Кяхтинского казначейства Квашнин А.А., председатель педагогического совета Троицкосавской женской гимназии и инспектор Троицкосавского реального училища Шамраев В.В., преподаватель этого же училища Платонов Г.М., заведующий Троицкосавским высшим первым начальным училищем Рыжов И.И., лесничий Забайкальского казачьего войска (1 отдела) Татаринский А.И., директор Кяхтинского отделения Сибирского торгового банка Малыгин И.И., и его сотрудники Лапердин Г.Г. и Мягков В.В. Оба заседания состояли под председательством Эпова А.Г. [З, ф. Р-711, оп. 1, д. 69, л. 341 об.].

13 января 1920 г. на экстренном заседании (согласно журнала Троицкосавской городской Думы за № 2) присутствующие заслушали доклад, где сообщалось, что: «телеграфное и телефонное сообщение со Слободой Усть-Кяхтой с 9 часов вечера 12 января прервано, что высланный в Усть-Кяхту для разведки семеновский военный разъезд не вернулся и по частным сведениям установлено, что в окрестностях Слободы (Усть-Кяхты), наблюдались разъезды красных, что командир I-го Забайкальского конного генерала Крымова дивизиона полковник А. Львов по телефону сообщил: «Быть на заседании не может, но все положение доложит начальнику гарнизона. Начальник гарнизона (Сысоев П.П.), сообщил, что гарнизон русских войск очень мал, и защитить города от красных не в состоянии и что начгар совместно с японским гарнизоном, тоже незначительным, будет защищаться только в одной из красных казарм, где уже устроены блокгаузы» [З, ф. Р-711, оп. 1, д. 69, л. 337].

На заседаниях присутствовало всего 13 гласных (положено по закону о кворуме — 25 депутатов), а также 13 представителей ведомств, учреждений и граждан города.

Итогом первого заседания от 13 января 1920 г., явилась резолюция — обращение к китайским властям: «Принимая во внимание критическое положение города, полное оставление его гарнизоном на произвол судьбы и грозящую ему опасность красных со стороны Усть-Кяхты при желании могущих занять город во всякое время, без чьего бы то ни было сопротивления, Совецание, открытой баллотировкой, 13 голосами против семи, при пяти воздержавшихся, нашло необходимым обратиться к представителям соседней дружественной Китайской республики со следующей резолюцией: Городская Дума, учитывая тяжелое положение города и помня постоянные добрососедские отношения за многолетний период, обращается к представителям Китайской республики в Маймачене с просьбой прийти на помощь временно городу Троицкосавску, впредь до изменения создавшегося положения» [Там же, л. 22, вкл. об.].

14 января 1920 г., рано утром, в город вошли китайские солдаты, представители Троицкосавской Думы встречали их хлебом-солью. В этот же день, прибыв в автомобиле в Усть-Кяхту (городская слобода, в 20 верстах от Троицкосавска), представитель китайского правительства, секретарь-помощник, пограничного китайского сановника в Маймачене Нью-Ван-Бин заявил, «что в силу существующего договора, правительство не может допустить кровопролития на почве партийной борьбы среди русского населения на 25 верстной пограничной полосе. Китайское правительство, в целях обеспечения спокойствия населения на этой территории, а именно, г. Троицкосавска с его слободами Усть-Кяхтой и Кяхтой взяло под свое покровительство, впредь до установления общегосударственной власти, основанной на доверии всего русского народа. Для этой цели китайское правительство означенную выше территорию занимает своими войсками, разоружив все отряды атамана Семенова. Благодаря этому население на этой территории должно оставаться нейтральным. Вопрос об организации будущей гражданской власти остается открытым» [З, ф. Р-1401, оп. 1, д. 1, л. 28].

Через некоторое время китайские солдаты заняли Усть-Кяхту и Усть — Киран (25 верст от города), полностью оккупировали слободу Кяхту и военный городок «Красные казармы», разоружили белогвардейский гарнизон г. Троицкосавска, выставили вооруженные патрули на улицы Троицкосавска. Находившийся в военном городке небольшой японский отряд (около 50 кавалеристов), ушел в эти дни (середина января 1920 г.) через Маймачен в Ургу. 19 февраля китайские войска заняли в городе почту, телеграф и телефонную станцию. Были, опечатаны все телеграфные аппараты и таким образом местные повстанцы остались без связи со штабом партизанского движения.

Между тем оккупация русской территории в районе Троицкосавского уезда происходила на фоне активных партизанских действий и восстания в Троицкосавске (началось 18 февраля 1920 г), результатом кото-

рого стало установление на территории города и уезда власти местного Ревкома. При этом китайские оккупационные власти не признали легитимность образования последнего и предприняли силовую акцию против мирной манифестации в его поддержку 22 февраля 1920 г., закончившуюся кровавым конфликтом прямо в центре Троицкосавска на Соборной площади возле здания Госбанка (Казначейства), когда китайскими солдатами были убиты восемь и ранены десятки мирных жителей. В результате этой акции погиб и один китайский солдат с подозрением на нечаянное убийство своими же пехотинцами.

23 февраля 1920 г. Троицкосавская Дума обратилась к китайскому командованию с воззванием, в котором выразила решительный протест против действий китайских войск и заявила о немедленном начале переговоров с ЦИК Прибайкалья для вывода китайского военного контингента с территории Троицкосавского уезда [3, ф. Р.-711, оп. 1, д. 69, л. 24].

Петиция Городской Думы, решительность Ревкома в отстаивании своей позиции и нажим со стороны партизанских отрядов, окруживших Троицкосавск и Усть-Кяхту, заставили китайского наместника отступить.

На следующий день возле Госбанка были сняты, само помещение в котором находились китайские солдаты, было освобождено. Китайцы отступили в «Красные казармы», в слободу Кяхту и китайский приграничный Маймачен. Этому также содействовало обращение Троицкосавского ревкома к Центральному штабу партизанских войск с просьбой о помощи от 23 февраля 1920 г. [4, с. 336-339].

25 февраля в Кудару приехала миссия китайцев во главе с полковником Лу-Пан-Тао, с письмом от маймаченского сановника, в котором содержалась просьба о проведении мирных переговоров в Троицкосавске или Усть-Кяхте. Предложение было принято, в ответ партизаны просили не мешать работе Троицкосавского Ревкома, разблокировать его помещения, восстановить деятельность банков, складов, пакагузов. Отдельно была озвучена просьба о восстановлении связи в Троицкосавске с центральными городами и крупными сельскими населенными пунктами [3, ф. Р.-1737, оп. 1, д. 70, л. 17].

21 февраля, за день до кровавых событий, произошедших в центре Троицкосавска (расстрел мирной демонстрации), ЦИК Советов Прибайкалья находящийся в это время в Тарбагатае, (Верхнеудинский уезд), в лице Председателя Ф. Иванова и заместителя Председателя, военного комиссара В.И. Малькова (Манторова), назначили представителями для ведения переговоров с чиновниками китайского правительства в Маймачене Ф. Жаркого (известного в уезде партизана, казака из Шарогола) и И. Канунникова (народного учителя). Им было поручено провести переговоры по поводу вывода войск с русской территории и вопросов охраны русско-монгольской границы в Троицкосавском уезде.

Переговоры начались в Усть-Кяхте, 27 февраля 1920 г. и продолжались несколько дней. В них, помимо И. Канунникова и Ф. Жаркого, дополнитель-

но приняли участие Андреев-Кривоносов, учитель, заведующий делами народного образования ЦИК Прибайкалья и А. Кравченко, руководитель Троицкосавского ревкома. От военного командования с российской стороны на заседании прибыли командующий Юго-Западным фронтом П. Смолин и его заместители А. Назимов с Г. Аносовым. Китайскую делегацию представляли помощник китайского сановника Лу, старший секретарь Нью-Ван-Бин, и чиновник при китайском сановнике Ли-Ван-Жу [5, с. 185].

Главным вопросом для партизан было заключение соглашения о выводе китайских войск с территории Троицкосавского уезда и недопустимое покровительство ими убежавших белогвардейцев на территорию Монголии. Делегаты ЦИКа первым делом оспорили «юридические основания» китайской интервенции, туманные соглашения, заключенные Нью-Ван-Бином (текст их был составлен им же), с партизанским командованием в середине февраля 1920 г., с якобы согласием последнего о «25-ти верстной нейтральной зоне».

Затянувшиеся по вине китайской стороны переговоры и явное нежелание их покинуть оккупированные территории, вынудили партизан начать боевые действия. 1 марта 1920 г. отряды Южного фронта под командованием Е.Л. Петрова заняли Наушки и Усть-Кяхту, а отряды Юго-Западного фронта, Киран и Усть-Киран.

Вечером 4 марта на улицах Троицкосавска появилось следующее объявление китайского командования:

«Отряд войск Китайской республики января 14 дня по просьбе городской думы и с целью защиты Маймачена вошел в увг. Троицкосавск и его окрестности, в районе 25 верст от города, и объявил, что в указанном районе не будут допущены никакие вооруженные столкновения. Скоро будет уже 2 месяца, как в городе установилось спокойствие, так как мы имели целью только недопущение вооруженных столкновений и охрану спокойствия в городе.

В последние дни появилась группа, которая, не зная наших истинных целей, распространяла ложные слухи о том, что, якобы мы имели целью аннексию русской земли, и тем восстановили русских против нас, что является для нас обижаящим.

Поэтому мною дан приказ моим отрядам, стоящим в вышеуказанном районе снять с него охрану и вернуться временно в красные казармы. Этим мы докажем искренность наших целей и нелепость слухов, распространяемых указанной группой. Начальник Китайского охранного отряда, генерал Сун» [2, с. 201].

В ночь с 4 на 5 марта по городу были уже поставлены ревкомовские посты, а окрестные деревни (Усть-Кяхта, Киран, Усть-Киран) были полностью заняты партизанскими отрядами. Стоявшие там китайские караулы были переведены в «Красные казармы» и слободу Кяхта.

5 марта 1920 г. в Троицкосавск начали вступать партизанские соединения. Первым в город зашел отряд во главе с Е.Л. Петровым.

С этого момента китайские власти в жизнь города не вмешивались, но и освободить территорию слободы Кяхта и военный городок в «Красных казармах» отказались, ссылаясь на то, что в крае нет еще центральной власти.

Основным и стратегическим пунктом размещения китайских войск стал военный городок «Красные казармы» находящийся южнее Троицкосавска и Кяхты. Именно отсюда направлялись патрульные команды в захваченную китайцами слободу Кяхта, в которой продолжали проживать примерно 350 жителей и непосредственно на границу Троицкосавска. Основной китайский пост, позволяющий удерживать стратегическое шоссе направлением на Маймачен (ныне Алтан-Булак), был расположен на окраине Троицкосавска, возле Сенной площади, недалеко от Успенского храма и одноименного кладбища. Обладая контролем над этим местом, китайские солдаты могли наблюдать и задерживать все передвижения в сторону границы и сохранять в безопасности подходы к «Красным казармам».

После уничтожения заключенных зимой 1919–1920 гг. и бегства семеновских казаков в Маймачен указанные выше казармы заняли порядка 400 китайских солдат. Расположились они в корпусах под № 30, 31, 16, 17, а также во флигелях под № 42 и 43. Питание осуществляли в корпусах № 18 и 19. После ухода из «Красных казарм» подразделений китайских войск была образована комиссия из представителей Государственного контроля Министерства финансов ДВР по инвентаризации и уточнению ущерба, причиненного интервентами зданиям военного городка. Комиссия работала с 1 ноября 1920 г. по 9 февраля 1921 г. В ее отчете отмечалось, что некоторым зданиям нанесен серьезный ущерб, а антисанитарные условия в городке достигли критического уровня. Отмечалось, что китайцы: «по свойственной своей нечистоплотности увеличили, а может быть и привели заново некоторые из них (корпуса), в совершенную негодность для жилья, поэтому, казалось бы, вполне целесообразным войти, с ходатайством через соответствующие органы к Китайскому правительству о возмещении тех убытков кои причинены зданиям во время пребывания в них китайских войск» [3, ф. Р.-579, оп. 2, д. 26, л. 9].

Необходимо также отметить, что происходившие в казармах и за ними в лесочках на горе массовые казни, в начале 1920 г. осуществлялись казаками атамана Г. Семенова из состава крымковского дивизиона в течение очень сильных морозов. Никаких захоронений не производилось в силу того, что не были вырыты для этого могилы. Все близлежащие канавы и ямы были завалены трупами людей. На территории казарм 101 труп заключенных лазарета был сброшен в действующий колодец и засыпан навозом.

После захвата казарм китайскими войсками в середине января 1920 г., ими были устроены всего три небольших захоронения (60,

67 и 80 трупов). Из-за морозов тела были закопаны неглубоко и в дальнейшем были выкопаны и перезахоронены. Оставшиеся сотни трупов остались лежать на открытой поверхности в окрестных лесах [4, с. 345-347].

Работы по рытью могил начались за «Красными казармами» только 28 марта 1920 г. Китайское командование долго не допускало похоронные команды на места казней и только сильное возмущение местных жителей заставило их пойти на встречу настоятельным просьбам Ревкома и городской Думы. В это время, собаки начали растаскивать по городу остатки тел. Создалась угрожающая антисанитарная обстановка. Наконец к началу апреля все трупы были собраны и подготовлена братская могила, представляющая собой одну большую траншею в которой были погребены по некоторым данным около 800 человек.

Уход китайских войск их «Красных казарм» состоялся в начале ноября 1920 г. Большая часть их вернулась в казармы Маймачена, расположенных за одноименным городом. До революции там располагались русские казахи сотни для сопровождения дипломатических миссий, так называемых конвоев. Некоторая часть китайцев расположилась также в пустующих особняках купцов слободы Кяхты, бежавших в Монголию. Окончательный уход китайских войск из самой слободы Кяхты произошел 16 ноября 1920 г. [3, ф. Р.-579, оп. 2, д. 12, л. 34].

Старая граница была восстановлена. Об этом было доложено делегатам учредительного съезда Дальневосточной республики (ДВР) в феврале 1921 г. Переговоры с китайскими властями начавшись в феврале 1920 г. велись достаточно долго. Их вели ВЦИК РСФСР, Земская власть Прибайкалья, а также дипломатические структуры ДВР.

Вскоре после одиннадцатимесячной оккупации китайскими войсками в середине ноября 1920 г. Троицкосавск вновь стал свободным.

Список использованной литературы и источников

1. Борьба за Советы в Бурят-Монголии. (1918 –1920 гг.) (Воспоминания и материалы). — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. — 282 с.
2. Кожиков И. П. Борьба за советскую власть у ворот Монголии / И. П. Кожиков // Пролетарская революция. — 1926. — № 10 (57). — С. 156–206.
3. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. Р.-579. — Оп. 2; ф. Р.-711. — Оп. 1; ф. Р.-1737. — Оп. 1; ф. Р.-1401. — Оп.1.
4. Партизанское движение в Бурятии. Сборник документов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1965. — 454 с.
5. Хаптаев П. Т. Бурятия в годы гражданской войны / П. Т. Хаптаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1967. — 263 с.

Информация об авторе

Кургузов Павел Владимирович — независимый исследователь, 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, абонентный ящик 3904, e-mail: bpnf1968@bk.ru.

Author

Pavel V. Kurguzov — independent researcher, 670047, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, PO Box 3904, e-mail: bpnf1968@bk.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.23

В.Б. ЛАПЕРДИН

УДК 94(571)«1930/39»

ББК 63/3(253)614-2

ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ В 1930-Е ГГ.*

В статье рассматривается финансовое состояние МТС и его влияние на работу станций в 1930-е гг. в Западно-Сибирском крае. Делается вывод о тяжелом финансовом состоянии МТС, обусловленном государственной системой финансирования. Постоянный дефицит денежных средств негативно отражался на работе станций и стал причиной хозяйственных нарушений со стороны их дирекции, а также втягивания в теневую экономику. Регулярные сигналы о проблемах МТС, поступавшие с мест в Центр, привели к поискам оптимальной формы финансовой системы и, в конечном счете, к ее реорганизации.

Ключевые слова: крестьянство, аграрная политика, МТС, колхозно-совхозная система, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

FINANCING OF MACHINE AND TRACTOR STATIONS OF WEST SIBERIAN REGION IN 1930S

The main theme of the article is financing of machine and tractor stations of West Siberian region in the 1930s and impact of financing on its work. It is asserted that difficult financial condition of MTS due to the state financing system. Constant shortage of funds negatively affected the operation of the stations and caused economic offenses by their management, as well as their involvement in the shadow economy. Regular signals about problems of MTS operation, received from the localities in the Center, led to the search for the optimal form of financial system and, ultimately, to its reorganization.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: становление и функционирование колхозной системы».

Keywords: peasantry, agrarian policy, MTS, collective and state farm system, Siberia.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства в 1930-е гг. не мыслилось без его технического усовершенствования. Особая роль при этом отводилась машинно-тракторным станциям (МТС), ставшим очагами технического прогресса в деревне. Они не просто обслуживали колхозы, предоставляя им услуги по использованию сельскохозяйственных машин. Наравне с местными органами власти, МТС стали проводниками государственной политики в сельской местности. Цель данной статьи — осветить один из аспектов функционирования машинно-тракторных станций, — их финансовое состояние. Это поможет лучше понять роль МТС в структуре колхозно-совхозного строя.

Финансовое состояние МТС оставалось на протяжении 1930-х гг. весьма напряженным. До 1938 г. станции имели несколько основных источников поступления денежных средств. В первую очередь это оплата колхозами произведенных работ, состоявшая до хлебозаготовительной кампании 1933 г. из натуральной и денежной части, а затем только натуральной. Переход к оплате только произведенной продукцией произошел по причине крайне тяжелого финансового положения колхозов, обслуживаемых МТС. Низкие государственные закупочные цены не позволяли им расплатиться за оказанные услуги. По отдельным колхозам задолженность превышала товарную продукцию полеводства. Иными словами, даже продав государству все выращенное зерно, они оставались должниками. Только за 1930–1931 г. МТС Западно-Сибирского края недополучили 5,6 млн. руб. [1, оп. 2, д. 305, л. 276]. Стремясь возместить хотя бы часть этих денег, МТС в 1931 г. удерживали средства за сдаваемую колхозами продукцию, оставляя последние в финансовой яме. Ситуация требовала вмешательства государства. Изменение системы оплаты было выгодно всем сторонам: колхозы не создавали новые долги, а финансирование МТС становилось заботой государства, которое получало дополнительные ресурсы в виде продукции полеводства.

После изменения системы оплаты, МТС получали 5 % отчисления от сданного колхозами хлеба для снабжения работников и премирования трактористов. Колхозы оплачивали работу механизаторов деньгами и выращенным хлебом, передаваемыми дирекции станций. Кроме того, МТС получали деньги из средств союзного бюджета, а также кредиты Госбанка и ассигнования Сельхозбанка. Расходы состояли из заработной платы управленческого аппарата и рабочих, приобретения запчастей и горюче-смазочных материалов для техники, прочих административно-хозяйственных расходов. Директора МТС получали эти средства и самостоятельно ими распоряжались в рамках возложенных на них функций. Если к концу года оставались деньги, руководство

станций имело право сохранить их и использовать в следующем году, в том числе для премирования сотрудников и рабочих. Таким образом, система финансирования имела элементы хозрасчета.

В 1938 г. МТС были полностью переведены на сметное финансирование из государственного бюджета. Теперь все средства поступали в госбюджет СССР. Изменение системы финансирования стало необходимо по причине длительное время сохранявшегося тяжелого финансового положения машинно-тракторных станций. Многие МТС были убыточными, в их хозяйственных отчетах постоянно говорилось о высокой задолженности по заработной плате и перерасходе горючего, исчислявшихся десятками тысяч рублей, а общий дефицит бюджета отдельных станций мог превышать 100 тыс. руб. В границах Западной Сибири финансовая задолженность достигала значительных сумм. По предварительным расчетам, убыток МТС края в 1932 г. составил 8 млн. руб. [1, оп. 2, д. 347, л. 112]. Вместе с расширением сети станций и увеличением их численности, росли и долги. По данным крайкома, в посевную кампанию 1936 г. 25 наиболее неблагополучных МТС произвели перерасход горючего на 903 тыс. руб. [1, оп. 10, д. 780, л. 432]. В последующие месяцы положение дел усугубилось, задолженность МТС Западной Сибири только за ГСМ в 1936 г. достигла 6,9 млн. руб., что составляло 45 % всех чистых убытков. Такая ситуация сложилась из-за просчетов планирующих организаций [Там же, оп. 2, д. 869, л. 1]. Конечно, процветавшая в МТС бесхозяйственность приводила к потерям и воровству горюче-смазочных материалов, но основной причиной стали слишком низкие нормы расхода, установленные Народным комиссариатом земледелия СССР. Потребность станций в ГСМ превышала отпускавшиеся им лимиты. Кроме того, снабжающие организации игнорировали районные особенности. В 1936 г. многие новые МТС открылись на севере края, где земельные массивы разбросаны между лесами и болотами, что вызывает необходимость дополнительных поездок техники. Убытки за передвижение тракторов, комбайнов и автомашин вхолостую возмещались МТС.

Руководство МТС, используя систему штрафов, стремилось переложить ответственность за перерасход горючего на механизаторов. Согласно утвержденному 23 сентября 1933 г. СТО СССР положению, трактористы штрафовались за перерасход горючего в пятикратном размере его стоимости. Одновременно с этим государственные цены на горючее для МТС увеличивались в десять раз (если ранее тонна керосина стоила 70-80 руб., то к концу 1933 г. уже 800 руб.). Отсюда и столь значительная общая сумма налагавшихся штрафов. В 1936 г. из 6,9 млн руб. задолженности МТС за ГСМ, было взыскано с механизаторов путем начисления штрафов 3,7 млн руб. [Там же, л. 101] Так, дирекция Тогульской МТС удержала с рабочих плату за перерасход горючего согласно старым нормам его потребления, несмотря на то что краевое

земельное управление эти нормы увеличило. В итоге комбайнеры не только не получили причитающуюся им зарплату, но и остались должны дирекции 472 руб. [Там же, оп. 10, д. 779, л. 293-295]. Только после вмешательства крайкома был произведен перерасчет.

Возместить финансовые потери за счет работ, выполнявшихся для колхозов, было затруднительно. Колхозы сами находились в тяжелом финансовом положении. Задолженность колхозов машинно-тракторным станциям в 1935 г. составляла 18785 тыс. руб., из них 7 млн руб. за работы, выполнявшиеся МТС до 1933 г., когда оплата производилась частично в денежной форме. Выплата колхозами своих денежных обязательств растягивалась на годы. При этом колхозы имели значительные дебиторские задолженности. Хозяйственные организации и частные лица должны были колхозам к началу 1935 г. 57,8 млн. руб. [Там же, оп. 2, д. 743, л. 213]. Невозможность взыскать с них денежные средства приводило как к финансовым затруднениям колхозов, так и тяжелому положению МТС.

Не только колхозы не выполняли своих обязательств по отношению к МТС, но и государство. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе жаловался Сталину на задержку при отпуске средств со стороны НКЗ СССР, к августу 1934 г. недофинансировавшего МТС региона в счет запланированных сельскохозяйственных кампаний на 55,6 млн. руб. [2, оп. 1, д. 2, л. 16], в результате чего они остались без горючего и оказались вынуждены либо прекратить совсем, либо сократить объемы производимых работ. Образовавшуюся задолженность со стороны машинно-тракторных станций госбанк закрывал за счет поступавших из Центра средств фонда освоения, удержав таким образом 16 млн. руб. В итоге МТС не получали реальных денег, оставшись без финансирования не только предстоящей посевной и уборочной, но и капитального строительства.

Планирующие организации могли просчитаться не только при распределении финансирования, но и обеспечения запчастями. В 1932 г. крайком докладывал И.В. Сталину, что трактора вырабатывают в 1,5-2 раза меньше установленной им нормы (1800-2400 часов за сезон), по причине отсутствия горючего и запчастей. Сибирская промышленность не могла полностью удовлетворить потребность в запчастях, поэтому приходилось их завозить из-за пределов региона, либо изготавливать на местах кустарным способом. Кустарное производство было налажено, но удовлетворить в полном объеме нужды сельского хозяйства оно не могло. Кроме того, цена таких изделий оказалась в разы выше. К примеру, поршень для трактора СТЗ по нормированной цене, обходился МТС в 4,7 руб., при изготовлении его в мастерской станции цена увеличивалась до 14–18,8 руб., а на местных предприятиях — до 19,5 руб. [1, оп. 2, д. 347, л. 110-112]. Затраты на производство ложились тяжелым грузом на бюджет станций, оборачивавшимся для финансовой

системы МТС серьезными затруднениями. Снабжающие организации не могли удовлетворить их потребности, обеспечив бесперебойную работу техники, в результате чего норма выработки тракторов не выполнялась.

Тяжелое финансовое положение многих машинно-тракторных станций и отсутствие должного контроля со стороны вышестоящих инстанций, вело к многочисленным финансовым нарушениям, злоупотреблению должностными полномочиями и, в конечном счете, втягиванию МТС в теневую экономику.

Нельзя сказать, что государство не осознавало эту проблему и не принимало никаких действий по предотвращению нарушений. Тем не менее, правительственные меры оказались весьма спорными. Повышение цен на нефтепродукты для МТС, столь негативно отразившееся на экономическом состоянии многих станций и на практике обернувшееся многомиллионными поборами для механизаторов, преследовало целью не пополнение госбюджета, а борьбу с хищениями. В постановлении СНК СССР от 23 декабря 1933 г. увеличившем цены, прямо заявлялось: «В целях борьбы с воровством, бесхозяйственным расходованием и продажей на сторону горючего, отпускаемом государством машинно-тракторным станциям, совхозам, промышленности и другим государственным организациям, поднять цены на керосин для машинно-тракторных станций, совхозов и промышленно-технического потребления и приравнять их к существующим ценам широкого рынка» [Там же, оп. 10, д. 801, л. 47]. Иными словами, СНК принял меры по борьбе с уводом нефтепродуктов на черный рынок, вместе с тем нанеся значительный урон финансовому положению хозяйственных организаций.

С установлением натуральной оплаты услуг МТС, последним приходилось полагаться только на финансирование государства. Однако Центр не стремился решать проблемы машинно-тракторных станций, поэтому их руководство шло на махинации. В 1934 г. Анджеро-Судженская МТС отправила 22 новых трактора на капитальный ремонт с целью получения запчастей и дополнительного финансирования, хотя ремонт требовался только 8 машинам [2, оп. 1, д. 2, л. 1].

Дирекция МТС стремилась поправить финансовое положение своих организаций за счет рабочих не только путем наложения штрафов за пережог горючего. В 1935 г. директор Пригородной МТС израсходовал из фонда рабочего займа 7 тыс. руб., так как ему оказалось не на что отремонтировать технику [1, оп. 10, д. 765, лл. 205–206; 234–234 об].

Управляющие организации также могли преднамеренно или вследствие своей некомпетентности допускать ошибки. В 1935 г. Лаптевская МТС жаловалась на недополучение 188,1 тыс. руб. от Западно-Сибирского крайзу, обвиняя краевую организацию в обмане — через сельхозбанк было отпущено меньше средств, чем указано в окончательных расчетах [Там же, д. 773, л. 32–33].

Справедливости ради необходимо отметить, что не все МТС имели серьезные финансовые проблемы. Некоторые директора благодаря хорошим административным навыкам и связям, умело руководили организациями, получая прибыль. Директор Ужанихинской МТС Тишин, переведенный в 1935 г., жаловался, что на прежнем месте работы его МТС имела денежные накопления на протяжении ряда лет. Здесь же происходят убытки из-за тяжелого финансового положения, доставшегося ему «по наследству» от прошлого руководства. И даже он не видит способов исправления ситуации — три бухгалтера, присланные из Новосибирска с целью разобраться в крайне запутанной финансовой документации, не справились со своей задачей [Там же, д. 765, л. 474-476].

Имея большое влияние на колхозы и легкий доступ к производимой ими продукции, 5 % отчисления от сдаваемой колхозами натуроплаты, а кроме того и собственные посеи, в распоряжении дирекции МТС находились значительные продовольственные фонды, которые они использовали по своему усмотрению. Конечно же, отношения между артелями и машинно-тракторными станциями, не вписывавшиеся в установленные государством правила, воспрещались и пресекались, но фактически они существовали на протяжении 1930-х гг. по причине отсутствия строгого контроля со стороны вышестоящих инстанций. Это позволило МТС стать поставщиками продукции сельхозартелей на черный рынок. Руководители станций пускали колхозные фонды «налево» не только движимые своекорыстными интересами — цены свободного рынка значительно превышали государственные и сулили быстрое обогащение. Их вынуждало преступать законы тяжелое финансовое положение своих организаций и невозможность достать дефицитные запчасти к технике. Директор и начальник политотдела Новой МТС Купинского района в 1933 г. под разными предлогами заимствовали продукцию колхозов, а затем перевозили ее в Омск и, используя услуги колхозников, продавали на городских рынках в розницу по спекулятивным ценам. Таким способом они сбыли шесть тонн хлеба. Практиковался и прямой товарообмен между снабжающими организациями и Новой МТС. Там же в Омске старший механик получил необходимые ему запчасти для тракторов в местном складе, выменяв их на хлеб и масло [2, оп. 1, д. 17, л. 5, 55].

Исилькульская МТС тоже отвозила в Омск принадлежащие ей муку и картофель, наладив прямой товарообмен со снабжающими организациями. Кроме того, продукция направлялась в один из городов Казахской АССР — Петропавловск. На помощь пришли родственники директора Романюк и механика Ставского. «Ставский проводил обмен в Петропавловске через своего брата, который сносился с областными организациями и, главным образом, с облсельхозснабом... в Петропавловске техника обменной операции проводилась следующим образом: Ставский привозил продукты на квартиру своего брата, брат развозил их по за-

ранее составленному списку на квартиры работников облсельхозснаба. Кладовщик облсельхозснаба, получив список с распиской в получении продуктов, выписывал запасные части, разница доплачивалась в кассу. Фактура на отпуск запасных частей выписывалась на имя колхоза Петропавловской обл[асти] Казахстана. Таким образом, Исилькульская МТС, получая запчасти по чужим фактурам, их приходовала, тем самым прикрывала подлог облсельхозснаба» [1, оп. 2, д. 348, л. 44-45]. Похожая техника прямого товарообмена была налажена в Омске. Дирекция следила, чтобы не попасться при хотя и редких, но изредка проходивших, проверках. Командируемые от МТС сотрудники отчитывались перед бухгалтерией, представляя расписки, кому и за что они передали продукты, после чего бухгалтерия списывала их в расход. В общей сложности по данным ОГПУ было обменено на запчасти 3 тонны муки, принадлежащей МТС, и 8 центнеров картофеля, взятого в колхозах для снабжения рабочих мастерских. Участниками черного рынка стал ряд колхозов, входивших в радиус действия Исилькульской МТС. Последняя помогала артелям, предоставляя грузовые машины для перевозки продуктов. Сами же артели получали, по всей видимости, хорошую прибыль, установив связи с представителями теневой экономики в городах. «Насколько широко втянуты в это дело колхозы, показывает пример колхоза “Буденный”. Член правления этого колхоза Фурс с весны до осени жил в Челябинске в качестве постоянного представителя (ему писали трудодни в колхозе). Он обменивал продукты, покупал стекло, там же продавал стекло и покупал лес. В этом колхозе имеется 360 метров брезента, запас стекла, леса и пр[очих] материалов» [Там же, л. 45]. Подобные успехи были невозможны без содействия со стороны Исилькульской МТС.

Естественно, черный рынок не мог полностью исправить финансовое положение МТС. Возмещать многомиллионные убытки, приходилось государству, в противном случае МТС бы просто прекратили работу, не имея возможности приобретать горючее и запчасти, выплачивать заработную плату. Только по окончании посевной кампании 1933 г. государству предстояло покрыть убытки МТС СССР в размере 324 млн. руб. и предоставить дополнительные ассигнования на 76,3 млн. руб. [Там же, д. 538, л. 22] Вместе с ростом сети машинно-тракторных станций, увеличивались и их долги, ложившиеся тяжким бременем на плечи государства. Необходимость реорганизации и оздоровления финансовой системы МТС ощущалась все сильнее. На местах чаще обращали внимание на существующие недостатки. Еще в 1932 г. Западно-Сибирский крайком сигнализировал Центру: «Автоматическое распространение на МТС установленных методов финансирования создает для МТС ненормальную обстановку. Вопрос о хозрасчете по существу смазывается. Большинство МТС живут без денег, часто не имея возможности заплатить за горючее и выкупить запчасти и рем[онтные] материалы.

Идти на дальнейшее повышение расценок за работы тракторов при

сохранении существующих цен на хлеб, нет никакой возможности, так как колхозы этого повышения не выдержат. Перевод МТС с денежной формы расчетов за работу на получение натурой улучшит взаимоотношения МТС с колхозами, повысив качество их работы, в финансовое же положение МТС никакого изменения не внесет.

Финансовое положение МТС усугубляется еще и тем, что в связи с повторившимся недородом вынуждены ежегодно отстрачивать платежки колхозов.

Надо отметить, что мы не видим попыток руководства трактороцентра и Н[ародного] К[омиссариата] З[емледелия] решить эти вопросы, разрешить создавшееся противоречие, занять определенную линию, которая бы была известна директорам. Сейчас же и краевой центр и директора работают вслепую со всеми вытекающими отсюда последствиями» [1, оп. 2, д. 347, л. 112].

Тяжелое финансовое положение МТС и запутанность финансовой отчетности, заставили вмешаться государство. В 1938 г. МТС были полностью переведены на сметное финансирование из государственного бюджета. Теперь все средства поступали в госбюджет СССР. Годовой план работ МТС, себестоимость этих работ и объем финансирования утверждались СНК СССР. На основе этого плана краевые и областные земельные органы разрабатывали для каждой МТС показатели их работы на планируемый год. После чего МТС составляли производственно-финансовые планы, где учитывались все возможные расходы. После проверки финансовыми органами, планы утверждались. При этом сохранялись некоторые элементы хозяйственного расчета (оборотные средства в виде запасов горючего, смазочных материалов и запасных частей, премирование за выполнение и перевыполнение плана). Однако и эта система не была оптимальной для государства, что привело к ее дальнейшему преобразованию в послевоенные годы.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. П–3.
2. ГАО. — Ф. П–175.

Информация об авторе

Лапердин Вячеслав Борисович — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; e-mail: laperdin2011@mail.ru

Author

Viacheslav B. Laperdin — PhD in History, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8 Nikolaev St., 630090, Novosibirsk, Russia; e-mail: laperdin2011@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.24

В.М. ЛЕВЧЕНКО

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1966–1970 ГГ.

Предметом настоящей статьи является деятельность партийных, советских, профсоюзных организаций Восточной Сибири по развитию творческой активности сельских тружеников, достижению высоких результатов в их труде в 1966–1970 гг.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, сельское хозяйство, соревнование.

V.M. LEVCHENKO

DEVELOPMENT OF CREATIVE ACTIVITY OF RURAL WORKERS IN EASTERN SIBERIA IN 1966–1970

The subject of this article is the activities of the party, Soviet, trade union organizations of Eastern Siberia to develop the creative activity of rural workers, to achieve high results in their work in 1966–1970.

Keywords: Eastern Siberia, agriculture, competition.

В обозначенный период времени в практической деятельности по развитию сельскохозяйственного производства Восточно-Сибирского региона, равно как и по всей стране в целом, значительное место занимали вопросы роста творческой активности сельских тружеников. В наиболее концентрированном виде оно нашло отражение в организации социалистического соревнования на селе.

В годы восьмой пятилетки был предпринят ряд мер, направленных на усиление органической связи соревнования с главными направлениями экономической политики.

В этой связи в совместных постановлениях ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС были приняты решения по моральному и материальному поощрению участников соревнования в сельскохозяйственном производстве.

Важное значение для развертывания соревнования сельских тружеников имело постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1966 г. «Об организации Всесоюзного социалистического соревнования в сельском хозяйстве», который был определен порядок материального и морального поощрения работников, колхозов и совхозов, районов, областей, краев и республик, победивших в соревновании.

Все это стало своего рода руководством к действию для партийных организаций и партийных комитетов Восточной Сибири. Основными

формами их работы в этом плане были: обсуждение вопросов развития массового движения на пленумах и бюро райкомов, крайкома и обкомов партии, на заседаниях партийных комитетов и партийных бюро, на собраниях коммунистов, рабочих и колхозников. Так, например, бюро Бурятского обкома КПСС только в 1970 г. обсудило работу Еравнинского и Бичурского райкомов партии по руководству социалистическим соревнованием. Читинский и Иркутский обкомы КПСС поставили этот вопрос на пленумах обкома партии. Наряду с этим получили такие формы руководства соревнованием, как проведение краевых, областных и районных слетов передовиков соревнования, семинаров партийных, профсоюзных и комсомольских работников, теоретических конференций, использование печати, радио и телевидения.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, опыт Улетовского райкома КПСС Читинской области.

Выступив инициатором социалистического соревнования по досрочному выполнению заданий пятилетнего плана, партийные организации района провели значительную работу по его организации. В начале пятилетки в колхозах района были разработаны и приняты социалистические обязательства по досрочному выполнению планов пятилетки. Принятию этих обязательств предшествовала кропотливая работа по выявлению в хозяйствах резервов и по использованию имеющихся возможностей в деле досрочного выполнения пятилетки. В каждом колхозе расчеты и наметки социалистических обязательств были обсуждены предварительно на собраниях коллективов животноводческих ферм, механизированных звеньев и бригад. С учетом поступивших в ходе обсуждения предложений проекты обязательств были рассмотрены на собраниях в первичных партийных организациях, а затем приняты общим собранием колхозников. На основе социалистических обязательств хозяйств были разработаны и приняты социалистические обязательства района в целом, которые предусматривали выполнение пятилетнего плана по продаже зерна государству за 4 года, по продаже продуктов животноводства за 4,5 года.

В целях мобилизации усилий работников сельского хозяйства района на успешное выполнение принятых обязательств, райком КПСС и райисполком разработали и утвердили «Условия социалистического соревнования колхозов». В них были предусмотрены меры по моральному поощрению передовиков сельского хозяйства. Была учреждена районная доска почета, на которую заносились коллективы предприятий, успешно выполнившие по всем показателям плановые задания и социалистические обязательства. Труженики района, особенно отличившиеся в работе за досрочное выполнение пятилетнего плана, роста производительности труда, снижения себестоимости продукции и повышения ее качества, заносились в районную книгу «Летопись славных дел пятилетки», присваивались почетные звания: «Лучшая доярка района»,

«Лучший чабан», «Лучший полевод» и так далее. С целью подведения итогов социалистического соревнования и чествования победителей проводился районный праздник «Труда» /в июле/ и районный праздник «Урожая» — в октябре месяце [1, ф. 14, оп. 31, д. 3, лл. 88-89].

Значительное место в организации социалистического соревнования партийные организации отводили совершенствованию его гласности. Так, партком племзавода «Элита» Емельяновского района Красноярского края для улучшения гласности соревнования животноводов создан в Красных уголках молочно-товарных ферм доски показателей соревнования доярок. Итоги его подводились ежедекадно и ежемесячно и по их результатам выпускался общесовхозный бюллетень соревнования. Партийная организация Минского отделения этого совхоза применяла такую форму гласности, когда на домах передовых работников животноводства вывешивались Красные флажки и таблички с надписью: «Здесь живет лучшая доярка/телятница, скотник».

Интересной формой подведения итогов соревнования и придания им гласности является опыт партийной организации Хакасской области Красноярского края. 15 августа 1967 г. на страницах областной газеты «Советская Хакассия» был опубликован общественный отчет двух соревнующихся районов: Усть-Абаканского и Аскизского. Труженики полей и ферм этих районов отчитывались о выполнении юбилейных обязательств, рассказывали о своих планах на будущее, договорились крепить деловую дружбу и взаимопомощь в соревновании за дальнейший подъем сельскохозяйственного производства. Общественный отчет явился одной из форм гласности в проведении соревнования, он прочно вошел в жизнь. Газета регулярно освещала успехи и вскрывала недостатки в организации соревнования в хозяйствах. По инициативе партийного комитета Березовской бройлерной фабрики Красноярского края своеобразной формой подведения итогов соревнования, коллективно-обсуждения и анализа работы цехов, бригад и в целом коллектива фабрики стали совместные заседания фабричного комитета, парткома, комитета ВПКСМ и руководства фабрики с участием рабочих. Это в не-малой степени способствовало росту трудовой активности и инициативы соревнующихся, увеличению выпуска продукции [2, ф. 26, оп. 44, д. 9, л. 45].

Профсоюзные комитеты Восточной Сибири провели значительную работу по совершенствованию социалистического соревнования сельских тружеников. Так, например, при организации соревнования в 1967 г. профсоюзные организации колхозов и совхозов Красноярского края обратили особое внимание на разработку и принятие обязательств. В отличие от предыдущих лет, социалистические обязательства коллективов были более конкретными, обусловлены необходимыми организационно-техническими мероприятиями, способствующими их выполнению. Принятые обязательства отражали не только производственные показа-

тели, но и вопросы культуры производства, улучшения условий труда и быта, техники безопасности, трудовой дисциплины рационализаторства и изобретательства. Они ориентировали тружеников на борьбу не только за количественные показатели, но и за высокое качество продукции, экономию средств, материальных и трудовых ресурсов, эффективное и быстрое внедрение достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, повышение производительности труда.

Во всех сельскохозяйственных предприятиях рабочие ведущих профессий имели свои личные обязательства. Значительное распространение получило заключение договоров на социалистическое соревнование между коллективами хозяйств, предприятий, бригад, между работниками ведущих профессий. Например, обсуждая на партийном собрании вопросы о задачах тружеников совхоза на период уборки урожая 1968 г., комбайнер первого отделения Алтайского совхоза Красноярского края коммунист Р.А. Кох вызвал на соревнование механизаторов второго отделения с условием закончить уборку урожая с хорошим качеством и без потерь зерна. Лично сам механизатор вызвал на соревнования комбайнера второго отделения И.П. Колисниченко.

В хозяйствах, имеющих договоры на социалистическое соревнование практиковались систематические взаимопроверки по выполнению принятых обязательств, своевременно проводились итоги соревнования, которые обсуждались на собраниях коллективов и через различные формы гласности предавались придавались известности. В результате взаимопроверок при проведении итогов соревнования выявлялись отстающие, которым оказывалась необходимая помощь со стороны профсоюзных и хозяйственных органов. Прделанная работа по совершенствованию организации соревнования в 1967 г. способствовала вовлечению в него основной массы тружеников. В 1967 г. в Красноярском крае всеми видами соревнования было охвачено 194 569 человек, или 95 % всех занятых в сельском хозяйстве [2, ф. 712, оп. 1, д. 1, л. 93].

Большое распространение среди комсомольцев и молодежи Иркутской области получило соревнование в честь 50-летия ВЛКСМ. В борьбе за звание «Чемпион юбилейной страды» приняло участие свыше 700 комсомольско-молодежных агрегатов. Высоких показателей в соревновании достигли комсомольские организации колхозов «50 лет Октября» и «Путь Ильича», совхоза «Гороховский», комсомольско-молодежный агрегат Геннадия Малых из колхоза «50 лет Октября» во время весенне-полевых работ за десять рабочих смен засеял 592 гектар при норме 350 гектар, а агрегат под руководством Георгия Даниловцева — за семь дней засеял 830 гектар. Эти показатели молодых механизаторов были самыми высокими в районе.

Социалистическое соревнование сельских тружеников приняло в годы восьмой пятилетки действительно широкий размах. Только в Иркутской области в 1970 г. в нем участвовало 89 979 человек, или бо-

лее 86 % всех работающих в сельском хозяйстве. Массовый характер соревнования, многообразие его форм содействовало успешному выполнению главной цели — досрочному выполнению сельским хозяйством Восточной Сибири пятилетнего плана по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства. Так, колхозы и совхозы Красноярского края к 1969 г. продали государству 305 млн. пудов зерна из 310 по пятилетнему плану. В 1968 г. 15 районов края из 50 завершили свою пятилетку по продаже зерна государству. За получение высоких урожаев зерновых культур, успешное проведение уборки и за сверхплановую продажу зерна государству в 1968 г. Красноярскому краю, 4 передовым районам и 18 колхозам и совхозам были присуждены переходящие Красные знамена Совета Министров РСФСР и ВЦСПС [Там же, ф. 26, оп. 42, д. 10, л. 23].

Качественные сдвиги в социалистическом соревновании тружеников сельского хозяйства наиболее отчетливо проявились в движении за коммунистическое отношение к труду.

Это можно проследить на примере партийной организации совхоза «Максимовский» Иркутского района. По инициативе парткома и рабочкома совхоза во всех отделениях, бригадах, фермах и цехах были проведены партийные, профсоюзные и рабочие собрания, на которых было принято решение о включении коллектива совхоза в движение за коммунистическое отношение к труду, были обсуждены и приняты социалистические обязательства. Вопросы организации социалистического соревнования находились в центре внимания парткома совхоза. Он стремился четко определить роль партийных и профсоюзных организаций в развертывании движения за коммунистическое отношение к труду, оказать помощь по вовлечению в соревнование всех рабочих совхоза. В ноябре 1966 г. на заседании парткома был обсужден вопрос о руководстве рабочкомом движением за коммунистическое отношение к труду, где было отмечено, что развитие этого движения способствовало достижению хозяйством определенных производственных успехов, заметно повысилась активность и дисциплина многих рабочих. Вместе с тем партком обратил внимание рабочего комитета на наличие отдельных недостатков в организации этой работы среди механизаторов и овощеводов, на отсутствие у ряда рабочих индивидуальных обязательств. Партком принял соответствующее постановление, направленное на устранение имеющихся недостатков. В 1967 г. за звание ударника коммунистического труда в совхозе боролись 650 рабочих, в том числе 96 коммунистов и 44 комсомольца [3, ф. 191, оп. 17, д. 25, л. 52].

Во многих районах Восточной Сибири к организации этой высшей ступени соревнования партийные организации подходили творчески, своевременно и глубоко обобщали, и пропагандировали опыт ударников и коллективов коммунистического труда. Интересен в этом отношении

пример Приаргунского райкома КПСС Читинской области. Необычным днем было 4 июля 1967 г. у трудящихся этого района. Праздничный районный центр встречал ударников коммунистического труда, прибывших на свой первый районный слет. С докладом «Об усилении организаторской работы по дальнейшему развитию движения за коммунистический труд» перед участниками слета выступил первый секретарь райкома партии Н.Я. Репин. Многие передовики производства поделились с товарищами опытом своей работы. В заключении слета победителям соревнования в районе коллективам колхоза «Россия» и ТЭЦ были вручены символические Серп и Молот, олицетворяющие нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства [1, ф. 3, оп. 16, д. 69, л. 12].

В годы восьмой пятилетки произошло увеличение числа участников движения за коммунистическое отношение к труду. В 1970 г. в Красноярском крае в нем участвовало 81 478 сельских тружеников против 60 670 человек в 1966 г. Количество бригад коммунистического труда в Иркутской области выросло с 91 в 1966 г. до 150 — в 1970 г.

В годы восьмой пятилетки партийные и совхозах в результате роста экономики возникли общественные фонды потребления, роль которых с каждым годом все возрастала. Что же касается отдачи материального стимулирования труда, то она видна на примере колхоза «Память Ленина» Кыринского района Читинской области. В течении 1966–1970 г. колхоз выделял на материальное поощрение большие суммы денежных средств — по 70–80 тыс. руб. ежегодно. Только в 1968 г. на эти цели было израсходовано более 90 тыс. руб. — примерно такой доход колхоз имел в 1952 г. За ударную и добросовестную работу партком и правление колхоза в День работника сельского хозяйства в торжественной обстановке премировал и награждал ценными подарками более 170 лучших колхозников, ветеранов артели и молодых тружеников — победителей в соревновании.

Выделяя немалые средства на материальное поощрение, колхоз много выигрывал: за 1966–1968 г., например, объем производства валовой продукции увеличился на 6 310 тыс. руб. Этот рост был достигнут при наличии прежнего количества работающих за счет повышения производительности труда.

Наряду с материальными стимулами, широкое распространение получило и моральное поощрение, сошлемся здесь на опыт партийной организации колхоза «Путь Ильича» Кыринского района Читинской области. Партком и местком колхоза старались оперативно использовать моральные стимулы, придавая им широкую гласность и гибкость. Разумно сочетая различные формы морального стимулирования, они тем самым поднимали еще выше уровень соревнования, которое складывалось из трудового соперничества коллективов производственных участков, ферм, бригад, передовиков и новаторов, выступивших инициаторами высокопроизводительного труда.

В колхозе была заведена Книга почета, куда раз в год заносились имена передовиков производства. Этого почетного права к 1969 г. были удостоены В.К. Путинцев, В.Н. Салтанов, И.Н. Трухин, Г.С. Мищенко, Д.А. Лескова и многие другие. Труженики колхоза имели немало Почетных грамот, а десять человек были награждены орденами и медалями. В хозяйстве была заведена Книга трудовой славы. В нее заносились имена ударников коммунистического труда и ветеранов колхоза. В фойе клуба на красочном стенде вывешивались портреты лучших людей колхоза, удостоенных почетного звания «Почетный чабан» или «Почетный колхозник».

Но не только эти формы морального поощрения использовались партийной организацией. Партком всегда учитывал то обстоятельство, что вовремя сказанное доброе слово о труженике, оказывает дорожку и действеннее запоздалой благодарности или денежной премии. Если уж добился колхозник успеха, вышел победителем в соревновании об этом сообщалось в стенной печати, по местному радио [4, с. 29, 31].

Необходимо отметить, что такой подход к применению различных форм морального стимулирования в деле организации соревнования был характерен для большинства партийных организаций колхозов и совхозов. Так, например, в хозяйствах Бурятской АССР в годы восьмой пятилетки возникли и активно применялись такие формы морального поощрения как вручение победителям соревнования переходящих призов «Серп и Молот», «Золотой колос», присвоение почетных званий по профессии. Как важный фактор поощрения передовиков большое признание у тружеников сельского хозяйства получили в 1967 г. «Октябрьские юбилейные тетради», «Книги трудовой славы», а в 1969–1970 гг. — «Ленинские тетради» куда заносились имена лучших колхозников и рабочих совхозов [5, ф. 1, оп. 23, д. 115, л. 20].

В деятельности партийных организаций Восточной Сибири по обобщению и внедрению передовых образцов труда в годы восьмой пятилетки появились новые черты. Они не ограничивались только изучением в определенной степени стихийно сложившегося нового опыта: Задача ставилась значительно шире — создавать новый опыт, формировать его, а затем добиваться повсеместного его внедрения. Значительную роль в решении этой задачи играли народные университеты, школы коммунистического труда, районные и областные экономические школы, школы передового опыта, научно-практические семинары и конференции. Иркутский обком КПСС активно использовал такую форму, как слеты и совещания передовиков сельского хозяйства.

Целеустремленно работала над изучением, отбором и внедрением в практику достижений передового опыта партийная организация Канского района Красноярского края. Эти вопросы регулярно обсуждались на заседаниях бюро райкома партии. При нем на общественных нача-

лах был организован институт экономики сельского хозяйства. Совет института состоял из 31 человека. В его состав входили партийные, советские работники, специалисты различных отраслей хозяйства. Институт изучал и обобщал достижения передового опыта, разрабатывал рекомендации и помогал внедрять их в производство. Только в 1968 г. по рекомендации института было внедрено 8 новшеств по механизации трудоемких процессов в животноводстве, экономический эффект которых составил 15 тыс. руб. При институте работала секция пропаганды передовых методов и приемов труда, которая систематически издавала листовки и экономические бюллетени. Она помогала партийным организациям лучше разобраться в вопросах экономики, а также привлекала к этой работе рабочих совхозов [6].

Из-за неимения возможности остановиться на всех передовых методах, возникших и получивших распространение в годы восьмой пятилетки, хотели бы выделить среди них опыт Читинской областной партийной организации по созданию укрупненных хозрасчетных чабанских бригад, который нашел широкое распространение и применение во многих районах страны.

Принцип организации и работы укрупненных чабанских бригад можно проследить на примере колхоза имени Ленина Кыринского района — инициатора их создания. Такая бригада в количестве 12-13 человек обычно обслуживала 3 маточные отары и 1-2 отары молодняка. Она полностью осуществляет все работы, связанные с содержанием овец. Лишь на период окота бригадам добавлялись люди, из расчета 4 человека на маточную отару и во время стрижки — по числу стригальных машинок.

Бригаду возглавлял неосвобожденный бригадир, который выбирался членами бригады и утверждался парткомом и правлением колхоза. За ведение отчетности и руководство бригадой ему доплачивалось к основной заработной плате 20 рублей. Чабаны бригады сами планировали работу, выходные дни, отпуска. Внутри бригады отары закреплялись персонально за каждым овцеводом. В состав бригады входил один механизатор, которому выделялся трактор и необходимый прицепной инвентарь.

Создание таких бригад позволило механизировать трудоемкие процессы, повысить производительность труда, улучшить качество продукции и поднять заинтересованность каждого ее члена в конечных результатах труда. В 1967 г. колхоз продал государству 4 859 центнеров баранины и 1 305 центнеров шерсти, в то время, как в 1963 г. — соответственно 2 604 центнера баранины и 844 центнера шерсти. Настриг шерсти с одной овцы возрос за это время с 2,9 кг до 4,2 кг, а выход ягнят на каждые 100 овцематок с 60 до 88 [7].

Для изучения опыта передовиков и его распространения во всех хозяйствах области по решению обкома КПСС была создана специальная областная школа передового опыта. Ее десятое заседание прошло непосредственно в колхозе имени Ленина Кыринского района.

В результате всех этих мер к концу 1970 г. в колхозах и совхозах области насчитывалось 4 200 укрупненных чабанских бригад, объединявших 3 500 чабанов и обслуживающих 30 % всего овце-поголовья.

Изложенное выше свидетельствует о большой работе, проделанной партийными организациями колхозов и совхозов, райкоммами, крайкомом и обкомами КПСС по повышению творческой активности тружеников села, по воспитанию у них высоких моральных качеств, коммунистического отношения к труду. Массовое участие работников сельского хозяйства в социалистическом соревновании способствовало успешному выполнению пятилетнего плана. Так, например, труженики села Красноярского края досрочно, к 24 октября 1970 г. выполнили задание пятилетки. Сверх плана было сдано 75,2 млн. пудов зерна, около 87 тысяч тонн мяса, 126 тысяч тонн молока и 3 380 тонн шерсти. За достижение этих результатов Красноярский край был награжден вторым орденом Ленина [2, ф. 26, оп. 44, д. 15, л. 44]. На 13,4 % увеличилась, по сравнению с предыдущей пятилеткой, валовая продукция сельского хозяйства Иркутской области [3, ф. 127, оп. 88, д. 10, л. 51]. В ходе широкой борьбы за досрочное выполнение заданий восьмой пятилетки были рождены новые трудовые подвиги, которые получили путевку в жизнь.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. 3. — Оп. 16. — Д. 69; Ф. 14. — Оп. 31. — Д. 3.
2. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края. — Ф. 26. — Оп. 42. — Д. 10; Оп. 44. — Д. 9, Д. 15; Ф. 712. — Оп. 1. — Д. 1.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 127. — Оп. 88. — Д. 10; Ф. 191. — Оп. 17. — Д. 25.
4. Космачев В. П. Колхозные вожаки / В. П. Космачев. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — 49 с.
5. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 1. — Оп. 23. — Д. 115.
6. Красноярский рабочий. — 1968. — 2 нояб.
7. Забайкальский рабочий. — 1968. — 24 янв.

Информация об авторе

Левченко Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Natalu.69@mail.ru.

Author

Vladimir M. Levchenko — Ph.D. of History, Chair of history and international Relations, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, e-mail: Natalu.69@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.25

С.А. СЕМИНА

УДК 334.713

ББК 63.3(2)613

ПЕРЕХОД К ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И СУДЬБА МЕЛКОЙ И КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ 1920-Х ГГ.)

Рассматриваются особенности воздействия командно-административного управления на развитие кустарно-промысловой кооперации; специфика постепенного перерастания мелкой и кустарной промышленности в крупное производство, что являлось одним из ведущих направлений государственной политики в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Ключевые слова: индустриализация, огосударствление, мелкая промышленность, кустарно-промысловая кооперация.

S.A. SEMINA

TRANSITION TO INDUSTRIALIZATION AND THE FATE OF THE SMALL AND HANDICRAFT INDUSTRIES OF THE IRKUTSK PROVINCE (LATE 1920S)

Consideration of the impact of the command and control on the development of handicraft and trade cooperation; specifics of the gradual growth of small and handicraft industries into large-scale production, which was one of the leading areas of public policy in the late 1920s and early 1930s.

Keywords: industrialization, statehood, small industry, handicraft and trade cooperation.

Период нэпа позволил преодолеть экономическую катастрофу, вызванную войнами и военным коммунизмом и дал шанс дальнейшему хозяйственному росту. Провозглашенная X съездом партии новая экономическая политика с одной стороны привела к свободе торгово-рыночных отношений и экономической самостоятельности производственных предприятий, в том числе мелких и кустарных заведений. Однако с утверждением нэпа государство лишь ослабило, но не прекратило регулирование хозяйственно-экономических процессов в стране. Временное восстановление посреднических и торговых функций в области производственного кооперирования параллельно дополнялось внедрением системы государственного планирования и контроля над хозяйственной деятельностью предприятий и кооперативов разного уровня.

К концу 1920-х гг. советское государство контролировало и регулировало все аспекты работы кооперативов различных видов — производственные процессы, заготовительные операции (цены, условия,

объемы заготовок), продажные цены, реализация продукции, направления поставок товарной массы, размеры торговых скидок и накладные расходы, размеры капиталовложений, ставки заработной платы, штатное расписание, социальный состав (происхождение, материальное положение, партийная принадлежность) и так далее.

К концу 1920-х гг. усиление государственного регулирования кооперативного производства привело к тому, что предприятия промысловой кооперации всё интенсивнее вовлекались в систему командно-административного управления, планового производства и распределения. А коммерческая, посредническая деятельность кооперации была замещена технической работой по сбору сырья от крестьян и доставке ею промышленных товаров с заранее установленными планами и целями.

Более того кооперация лишалась самостоятельной хозяйственной, финансовой и производственной деятельности; экономических стимулов, необходимых для развития нормальных производственных и торгово-рыночных отношений; опытных кадров, заинтересованных в кооперативной организации труда; строго регламентировались социальный состав кооперативов, ставки заработной платы, штатное расписание и т. д.

Весь этот комплекс мероприятий привел к огосударствлению и кустарно-промысловой кооперации. Огромное значение мелкого и кустарно-промышленного производства в экономике Сибири заставило местные плановые органы уже в 1926–1927 гг. разработать генеральную схему его развития вплоть до 1941 г.

В постановлении СНК от 3 мая 1927 г. «О кустарной промышленности и промысловой кооперации» ВСНХ предлагалось принять меры к плановому снабжению кустарной промышленности сырьем и полуфабрикатами, обеспечив в первую очередь возможное удовлетворение потребностей кооперированной части кустарно-ремесленной промышленности и в меру реальной возможности — не кооперированной [1, с. 699–708].

Значительные природные богатства Восточно-Сибирского края, его географическое расположение определили преобладание в мелкой промышленности производств и промыслов, использующих местное недефицитное сырье (производство стройматериалов, деревообработка, лесохимическое производство) [2, с. 33].

В Иркутском промысловом союзе планомерное развитие ряда отраслей началось с конца 1927 г. Кредитование промысловых кооперативов шло более активно в лесохимической отрасли (добыча смолы, дегтя, вара, канифоли), в добыче стройматериалов (алебастр, известь, кирпич), в лесозаготовках и в карбазостроении. Именно по этим отраслям наблюдался численный рост артелей. Например, на 1 июля 1928 г. кроме производства пищевых продуктов, по количеству

артелей лидировали производства по сухой перегонке дерева [3, л. 6 об.]. За полгода с 1 октября 1928 г. по 14 марта 1929 г. в Иркутске было вновь образовано еще 7 кооперативов, а в деревне — 14, из которых: 7 кожевенно-овчинных, 1 карбазостроительный, 1 по обработке металлов, 1 по лесным заготовкам, 1 по добыче извести [4].

Обеспечение союзом своих кооперативов кредитами, снабжением и сбытом также возрастала. С конца 1927 г. активно заключаются договора с государственными и кооперативными организациями. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о все возрастающих связях между союзом и кооперативами в снабженческих и бытовых операциях, в усилении централизации снабжения и сбыта. В 1926–1927 гг. союз снабдил артели сырьем и материалами на сумму 194 тыс. руб., а в 1927–1928 гг. — на сумму 509 тыс. руб., с 1 октября 1928 г. по 1 июля 1929 г. союз выделил для снабжения кооперированных кустарей 1 413 тыс. руб. [3, л. 7 об.].

Существенно менялся внешний облик и внутреннее содержание системы кооперативного управления. Еще в 1925 г. была ликвидирована Сибирская контора союза кустарно-промысловой кооперации. Позднее постановлением ЦК ВКП(б) от 10 мая 1928 г. был ликвидирован и Центральный кооперативный совет наряду с кооперативными советами на местах. Взамен их при ЦК и местных партийных комитетах были организованы периодические кооперативные совещания для рассмотрения основных кооперативных вопросов.

Таким образом, к началу 1930-х гг. огосударствление экономической и хозяйственной деятельности кустарно-промысловых кооперативов Иркутской губернии было практически завершено.

Помимо этого, в развитии мелкой и кустарной промышленности к концу 1920-х гг. наблюдалась одна доминирующая тенденция. Обозначена она была в государственных директивах XV съезда ВКП(б) по составлению плана первой пятилетки. В них указывалось на необходимость «иметь ввиду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной, каковая, служа в настоящее время необходимым дополнением крупной государственной промышленности, способной изживанию товарного дефицита и смягчения безработицы» [5, с. 91]. Постепенное перерастание мелкой промышленности в крупное производство являлось одним из ведущих направлений государственной политики.

Начало политики индустриализации было законодательно закреплено в апреле 1927 г. IV съездом Советов СССР. Большая роль в проведении индустриализации в стране отводилась Сибири, которая обладала огромными запасами полезных ископаемых. Для извлечения природных ресурсов предполагалось строительство в восточных районах Сибири шахт, рудников, электростанций, железных дорог, фабрик и заводов.

Важной задачей в области экономики конца 1920-х гг. было восстановление промышленности. Особое внимание уделялось реконструкции старых промышленных предприятий. В этот период для повышения технической оснащенности мелко-промышленного производства имела большое значение передача промысловой кооперации законсервированных или нерентабельных предприятий. Так, в Иркутском округе в 1927–1928 гг. окружной отдел местного хозяйства передал в систему промкооперации Тальцинский и Покровский стеклоделательные заводы и Бархатовскую писчебумажную фабрику.

На 1 октября 1928 г. в округе существовало 30 механизированных мастерских с общим количеством членов 1 462 человека. В среднем на одну производственную артель приходилось 30 человек, а в 1929 г. — 65 человек. Некоторые общие мастерские представляли собой крупные механизированные предприятия, относящиеся к группе ценовых. Большинство предприятий мелкой промышленности постепенно были переведены в ценовую промышленность (крупную). Так, например, на базе таких мастерских выросли крупнейшие предприятия Сибири — завод тяжелого машиностроения имени В.В. Куйбышева и Иркутский механический завод.

Первый, будучи обозной мастерской, начал свою деятельность во время Русско-японской войны, когда особенно остро ощущалась необходимость организации в Восточной Сибири производства и ремонта армейских повозок (главные базы снабжения русской армии находились в европейской части страны, далеко от театра военных действий). Созданная подвижная обозная мастерская, вскоре стала крупным промышленным предприятием. С 1907 г. она производила ремонт военного транспорта всех сибирских и дальневосточных военных округов. В 1913 г. здесь установили новое оборудование.

Предприятие приобрело большое значение не только для Иркутска, но и для других районов страны, оно выпускало сельскохозяйственное и обозное оборудование. С передачей в 1920 г. мастерской в ведение губсовнархоза она получила новое название — Сельскохозяйственный механический завод.

В середине 1920-х гг., когда государством был взят курс на индустриализацию страны, Иркутский завод сельскохозяйственных машин становится механическим заводом, который должен был изготавливать буровое оборудование, скреперы, трубы, гидравлические устройства, вагонетки и другое. В 1930 г. с вводом в эксплуатацию механического цеха завод стал выпускать оборудование для золотодобывающей промышленности и в связи с изменением профиля деятельности стал называться металлическим.

Вторым крупным предприятием металлообрабатывающей промышленности был механический завод областного отдела местной

промышленности, выросший из механических мастерских Восточно-Сибирского индустриального техникума. Завод выпускал запасные части для сельскохозяйственных машин, мельничное оборудование, изделия широкого потребления.

Из предприятий обрабатывающей промышленности к числу крупных относились Иркутский кожевенный завод (объединявший несколько заводских помещений с количеством рабочих в 300 человек), Тельминская государственная суконная фабрика, Государственная пимокатная фабрика № 1 и другие. Все они выросли на базе мелких кустарных заведений.

Из полукустарных мастерских выросло швейное производство губернии. В дореволюционное время оно находилось в руках предпринимателей Лонцых, Щуколь, Дорона, Залесова, Капустина и других. В середине 1920-х гг. швейное производство было объединено в кооператив «Игла», состоящий из нескольких цехов. На базе кооператива выросла Иркутская швейная фабрика. Большие успехи были достигнуты в пищевой промышленности. Вместо кустарных и полукустарных предприятий с примитивным оборудованием были созданы новые и коренным образом реконструированы старые предприятия, оснащенные передовой советской техникой.

Восстановление старых и создание новых промышленных предприятий, имеющих наибольшую ценность в промышленно-экономическом развитии Восточно-Сибирского края и страны, возможно было только при достаточно сильном развитии мелкого и кустарного производства.

При проведенной в 1929 г. Всесоюзной переписи мелкой промышленности выяснилось, что удельный вес кустарно-промыслового сектора в валовом обороте промышленной продукции Сибирского края составлял 38,7 % и был почти в 2,5 раза выше, чем по стране в целом (13,8 %) [2, с. 13].

В конце 1928 г. страна вступила в стадию ускоренного индустриального развития. Взятый руководством страны курс на всемерное ускорение индустриального развития привел к утверждению первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.) развития советского хозяйства, который отразил приоритетное значение крупной промышленности в развитии народного хозяйства страны. С усилением государственного контроля над экономико-промышленным развитием страны, все накопленные кооперацией средства поступали на форсирование крупного производства. Так произошло с перераспределением денежных фондов упраздненной в 1925 г. Сибирской конторы союза кустарно-промысловой кооперации.

Таким образом, с конца 1929 г. наступает завершающий этап нэпа. Правительством был принят курс на массовое кооперирование кустарей и ремесленников с преимущественным производственным уклоном. «В условиях советского государства мелкая промышленность

превращается в один из факторов индустриализации и подъема производственных сил страны... Производственные перспективы мелкой промышленности Восточно-Сибирского края громадны...», — отмечали исследователи Вильрат В.Г. и Дробышева Г.Н. [2, с. 99].

С этого времени началось планомерное развитие ряда отраслей, имеющих важное экономическое значение — производство стройматериалов, деревообработка, лесохимическое производство, суконное, швейное производство и др. В систему государственного кредитования был включен и Иркутский промысловый союз. Большинство предприятий мелкой промышленности постепенно было переведено в разряд государственных предприятий, имеющих важное значение в промышленном развитии региона.

К началу 1930-х гг. в развитии мелкой и кустарной промышленности наметился переход к более крупной производственной деятельности, которая должна была стать основной промышленной базой края и страны.

Список использованной литературы и источников

1. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928. — Москва : Политиздат, 1957. — Т. 1. — 880 с.
2. Вильрат В. Г. Мелкая промышленность 13 районов Восточно-Сибирского края / В. Г. Вильрат, Г. Н. Дробышева. — Иркутск : Статсектор В.-Сиб. крайплана, 1930. — 104 с.
3. Государственный архив Иркутской области. — Ф. р-312 (Фонд Иркутского окружного отдела местного хозяйства. 1926–1930 гг.). — Оп.1. — Д. 191.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. р-16 (Фонд Иркутского окружного комитета ВКП(б). 1926–1930 гг.). — Оп. 1. — Д. 698; Оп. 1. — Д. 1072.
5. Партия о промысловой кооперации и кустарной промышленности : Сб. решений и постановлений ВКП(б), Коминтерна и ЦК ВЛКСМ. — Москва : КОИЗ, 1932. — 248 с.
6. Кооперативное строительство в СССР 1923–1927 гг.: Документы и материалы. — Москва : Наука, 1991. — 428 с.

Информация об авторе

Семина Снежана Александровна — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Восточно-Сибирский институт экономики и права, 664057, г. Иркутск, ул. Байкальская, 258а, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru

Author

Shezhana A. Semina — Ph.D in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, East-Siberian Economics and Law Institute, 258a, Baikalskaya str., Irkutsk, 664057, e-mail: snezh-kaSem@yandex.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.26

В.Ю. ТИТОВ

УДК 316.4(571.1/.5)(091)

ББК 60.524(253)г

**НЕГЛАСНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ» В СССР,
НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ
В РЕГИОНАХ СИБИРИ (1920–1930-Е ГГ.)**

Актуальность статьи обусловлена тем, что «правила социалистического общежития» являлись основой деятельности, граждан по добровольному участию в управлении страной, согласно ст. 59 Конституции СССР.

Ключевые слова: «крестсоюзы», многолавка, «автономность», протест политических сказок.

V. YU. TITOV

**UNSPOKEN SOCIO-CULTURAL FACTORS
OF THE “SOCIALIST HOSTEL” IN THE USSR,
ON THE EXAMPLE OF PROTEST MOODS
IN THE SIBERIAN REGIONS (1920 — 1930)**

The relevance of the article is due to the fact that the “rules of the socialist hostel” were the basis of activity, citizens on voluntary participation in the administration of the country, according to article 59 of the Constitution of the USSR.

Keywords: “kristaus”, mnohelova, “autonomy”, a political protest tales.

Большая часть протестных настроений была выявлена при изучении делопроизводственной документации. Работа с содержательной стороной источников отражающих протестные настроения, заставила анализировать тексты документов и выделять в них те словосочетания, на которые протестующий человек делал опору при аргументации своих доводов. Как правило, это обращения граждан в учреждения и организации, обладавшие возможностью, повлиять на желаемый результат. У таких документов всегда есть четыре особенности:

- 1) апелляция к авторитету власти,
- 2) просьба о заступничестве, поскольку все методы перепробованы и не дают положительного результата,
- 3) тон, которым пишутся такие документы в народе принято называть «сиротским»,
- 4) часто такие обращения носили ультимативный характер.

Согласно статистическим подсчетам, документы, отражающие протестные настроения, в которых апелляция делалась на право «местного обычая», подразделяются на следующие группы:

1) аналитическая (документы созданные на основе оперативных данных ОГПУ-НКВД-МВД, МГБ-КГБ, материалов подготовленных для заседаний Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП (б), а затем КПСС),

2) контрольная (документы, созданные в результате жалоб граждан и проверок, вызванных ревизиями органов Госконтроля),

3) общественная (документы созданные на основе работы редакционных почт СМИ Советского Союза, писем, поступавших в общественные приемные руководителей различного уровня, протоколы заседаний и материалы проверок уполномоченных представителей Комитета Народного контроля и Совета по делам религий),

4) тематическая (документы, созданные в результате целенаправленного анализа социальной обстановки, в рамках которой развивались протестные настроения).

Все источники систематизированы по блокам тем, связанных с предметом «социалистического общежития» на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке: «крестсоюзы», многолавка, «автономность», протест политических сказок.

Дискуссия в «крестсоюзах». На рубеже 1920–1930-х гг. Советская Россия и в особенности ее Азиатская часть — Сибирь — была крестьянской страной середняков и кулаков. Краеугольным камнем всех крестьянских споров внутри общины становились причины землеобеспечения хозяйств. Этот процесс называли скидками-накидками. До революции передел земли между дворами производился раз в три или даже в пять лет. Частые переделы происходили только между отдельными дворами в виду неравномерностей, возникающих изменений среди крестьянских семей: брака, приймачества, рождения, смерти, призыва в армию. Статьи Земельного кодекса четко оговаривали порядок передела через 9 лет для общины в целом и не чаще 3-х лет между отдельными общинниками [1, ф. 4, оп. 5, д. 1, л. 1]. На самом деле скидки-накидки следовали один за другим каждый год после октября 1917 г. и до зимы 1924/1925 г. Такие данные, по оценке специалистов Коммунистической академии, носили очень приблизительный характер и не могли отражать всей полноты сложившейся ситуации.

Согласно статье № 92 Земельного кодекса РСФСР, перемещение местоположения полос осуществлялось ради уравнительного распределения земли между членами общества. При этом предполагалось, что крестьяне без чьего-либо вмешательства смогут сами, добровольно договориться о качестве и месторасположении отрезков. Наркомзем республики наивно полагал, что отсутствие чьей-либо воли и заинтересованности в данном вопросе является самым хорошим регулирующим механизмом. Кулаки этим положением не преминули воспользоваться. Путем многократного передела земли крепкие хозяйства добивались в свое пользование лучших пахотных и луговых угодий. Одновременно, в процессе скидок-накидок, кулаки осуществляли практику сговоров и

сформировали негласное крестьянское право обсуждать различные проблемы села, а, затем, через волостные советы, придавать принятым решениям форму права местного обычая. Так возникла идея создания «крестсоюзов» — организаций, помогающих на неформальном, самодостаточном уровне, без государственного регулирования, реализовывать зерно крестьян [1, ф. 3, оп. 5, д. 15, л. 17].

Основным мотивом для поддержки идеи о «крестсоюзе» в деревнях были проблемы с реализацией зерна и ценами на хлеб. С этой точки зрения Сибирь, где межрегиональные рынки были развиты хуже всего, должна занять в примере втором первое место. Но этого не произошло, поскольку средний показатель цен на хлеб за 1 пуд составлял 1 руб. 12 коп. В то же самое время в Центрально-европейской полосе России, в Сибири и на Дальнем Востоке средний показатель за пуд хлеба колебался в следующем диапазоне: от 1 руб. 3 коп. (в Смоленской губернии) до 1 руб. 25 коп. (в Одесской губернии) иногда доходил до 1 руб. 90 коп. [2, оп. 85, д. 151, л. 172].

У крестьян, проживавших в Сибири на Дальнем Востоке, для поддержки разговоров на тему о «крестсоюзе» были дополнительные стимулы: близость границы с Китаем, на которой находились части бывшей белой гвардии, интенсивный процесс внутренней миграции, влияние староверов.

В Центрально-европейской полосе России таких стимулов для разговоров о крестсоюзе у крестьян было значительно меньше. Но зато появлялся соблазн продажи зерна по более высоким ценам из-за скупенности межрегиональных рынков и более развитой железнодорожной сети, существенно сокращавшей расстояния. Тем более, что по себестоимости 1 пуд хлеба в Центральной России стоил 80-85 коп. [Там же].

На фоне беспомощности власти, рост кулацких группировок и банд, пропаганда идей создания крестсоюзов — организации, которая защищала бы интересы крестьянства, — привлекала к себе новых сторонников. Большую популярность в деревнях Сибири получили листовки, призывавшие объединяться крестьян в политические союзы.

В 1923–1924 г. обстановка изменилась не в лучшую сторону для большевиков, их начали постепенно выдавливать из кооперативов. ГПУ в своих отчетах отмечало, что протесты крестьян на селе тесно переплетены с развитием кооперативного хозяйства. С 1926 г. кооперация в Губсоюзе, по мнению чекистов, окончательно приобретала ненормальные отклонения в сторону выпадения советской власти в никуда. По данным ГПУ, на Урале и в Западной Сибири уже с середины сентября 1924 г. вся низовая кооперация контролировалась кулаками. Такая неутешительная картина развивалась в силу неблагоприятного материального положения населения.

Расследования ОГПУ в отношении мифической «кооперативной» оппозиции крестьян нашли свое продолжение в так называемом деле

крестсоюзов весной 1925 г. В то время попытки отдельных лиц организовать крестьянский профсоюз с целью легальной координации сельского кооперативного движения были восприняты Кремлем как попытки формирования контрреволюционных протестов. Подобный взгляд был не нов. Просто в предыдущие три года Кремль вынашивал и искал подходящий повод для такого заявления. Вот что говорили на селе о крестсоюзах до 1925 г.: «Крестсоюз улучшает быт крестьянства» (Северный Кавказ, Донской округ), «Крестсоюз необходимо создать для защиты экономических интересов крестьянства» (Центр, Московская губерния), «Задачей крестсоюзов является защита правовых и экономических интересов крестьянства» (Поволжье, Пензенская губерния). Тем не менее большевики забеспокоились только тогда, когда услышали призывы к объединению всех крестьян России. Например, организация «Хлебороб» (Иркутская губерния город Черемхово) приглашала вступать в свои ряды всех: бедняков, середняков и кулаков. Для подкрепления правоты такого подхода устроители «Хлебороба» ссылались на положительный опыт аналогичных союзов фермеров в Америке и Германии [2, оп. 7, д. 177, л. 2-6].

В предложении иркутян звучало обвинение коммунистов в хозяйственной близорукости и в том, что кроме голода, войны, коммунисты ничего не дали крестьянину и делалось предложение о выработке крестьянских законов для села [Там же, оп. 87, д. 199, л. 74].

Многолавка или «многолабочная система», подразумевала широкое кредитование кооперации для рабочих и крестьян, это происходило до середины 1930-х гг. Речь шла о развернутой мелкой частной торговле сельскохозяйственной продукцией и промышленными изделиями для бытового потребления. Иначе говоря, любой город превращался в рыночную площадь. Предполагалось, что уличная торговля сможет удовлетворить потребительский спрос и понизить уровень цен. Термин «многолавка» означал легальное право торговать любому человеку любым товаром в строго отведенном для этого месте, но не закрепленным за продавцом на длительный период времени. Вот такой метод действительно подпадал под определение «самодеятельность населения». Местные сотрудники ОГПУ дали «многолавке» следующую характеристику.

Попытки развить кооперацию за пределы торговли, например, в русло кустарного производства, ни к чему не приводили. Вся проблема заключалась в чрезмерном, по мнению россиян, контроле низовых партийных организаций. Все попытки оказывались тщетными, особенно когда контролировать пытались окружные органы. Крестьяне и горожане, задействованные в деятельности многолавок, оставляли за местными органами советской власти и партийными организациями только право вкладывать средства в развитие такого вида кооперации. Все то, что касалось производства, пускай даже кустарного, россияне предпочитали утаивать перед властями и приносить уже готовую продукцию в многолавку.

Основа всей работы многолавки приходилась на различные сельскохозяйственные товарищества, которые занимались снабжением и сбытом. Именно через них шел основной товарооборот между селами и провинциальными городами. Внутреннее положение в многолавках являлось поистине образцовым социалистическим укладом. Решения принимались большинством голосов, которые составляли середняки и бедняки. Первое место приходилось на середняков, от 48 до 66 % крестьян, державших хозяйство средней руки, было занято в торговле через многолавку. Вслед за ними шли бедняки, от 19 до 45 %, и на третье место попадали кулаки — 20 % [1, ф. 4, оп. 5, д. 12, л. 28].

РКИ постоянно фиксировало внимание что население не желает жертвовать налаженным бытом и превращать «многолавку» в очередной плацдарм строительства коммунизма, местное коммунистическое руководство по максимуму старалось использовать разногласия, возникавшие среди ее членов. Проблемы, выливавшиеся в открытые столкновения между середняками и бедняками, между крестьянами и горожанами, возникали по причине недоверия населения к коммунистическим руководителям.

Отдаленность многих сел от места нахождения товариществ и, следовательно, по мнению сотрудников Бюро жалоб, недоверие к советской власти для крестьян не означало какой-либо классовой борьбы или идеологического противостояния. Это недоверие было выражено в конкретной форме — слабо развитых вкладов в кредитно-кооперативной сети. Едва ли этого можно было избежать. Повсеместно господствовало натуральное хозяйство. Крестьянство стремилось покупать за наличные денежные знаки товары крайней необходимости. Более того, основная масса деревни не могла за два года (1925–1926) выработать в себе чувство доверия к финансовой устойчивости товариществ, что, естественно, снижало их активность в «многолавке», особенно когда речь заходила о сотрудничестве с городскими кустарями. Лишним поводом для сомнений служили факты несоблюдения тайны вкладов.

Неудивительно, что реальным хозяином многолавки, пользующимся льготами артели или коммуны, был кулак. У него имелись лошади и подводы, а, как правило, большая семья давала возможность постоянно торговать на рынке. В этой ситуации для рабочего с его кустарными изделиями, сделанными порой на заказ, который оставался на руках, не было места в кредитно-кооперативных товариществах [3, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 9]. Крестьянин отказывался приобретать все подряд, что нес рабочий, ограничивая свой выбор на фабричных изделиях. Для коммунистов оказывался непонятным весь этот подводный механизм взаимоотношений в товариществах. Они начинали с упоением ругать крестьян за слабую активность. Больше всего доставалось беднякам. Коммунисту, недавно пришедшему с фронта, где он проливал кровь за счастье тех же крестьян, было непонятно, почему в деревне не было энтузиазма, желания

пожертвовать всем ради светлого завтра. Чаще, чем в прежние годы, на заседаниях обкома звучали обвинения в пассивной оппозиции со стороны деревни [1, ф. 4, оп. 5, д. 12, л. 28]. На самом деле у большинства крестьян не было возможности постоянно участвовать в кооперативном движении. Усредненно, по паевым взносам артели и коммуны давали в общий валовой доход области только 1,5 %, а по вкладам члены кооперативных товариществ — не более 20 %. Областное отделение РКИ для преодоления сложившихся обстоятельств снова предложило методы, близкие к принуждению. Во-первых, волевыми действиями организовать «твердую сеть сельскохозяйственных товариществ». Во-вторых, установить постоянные цены на кредитование одни, на сбыт — другие. Такое искусственное «оживление» низовой кредитной кооперации вело население только к антипатии к партии [4, л. 2].

К 1933 г. накопившееся чувство досады на бестолковых партийных и комсомольских руководителей становилось отправным мотивом для роста возмущения и протеста на селе. Так, в октябре 1933 г. на бюро обкома разбирался вопрос о коммуне «СКНЕМВАР». Секретариат Уралобкома партии характеризовал сложившуюся ситуацию с коммунной как контрреволюционный выпад, похожий на десятки других точно таких же ситуаций. На основе непроверенных данных райкомы партии «квалифицировал старейшую на Урале коммуну как кулацкую, проводящую в своей практике чаяновскую политику “мужицкого рая”» [1, ф. 4, оп. 9, д. 43, л. 110]. Виновных крестьян без промедления исключили из партии и коммуны.

На многоглаву рабочие возлагали очень большие надежды. Непродолжительное время сотрудники провинциальных ГПУ надеялись, что эти настроения, благоприятно повлияют на укрепление политической благонадежности рабочих. Постоянно ухудшающееся политическое состояние рабочих объяснялось невыдачей заработной платы. Часть оплаты рабочие получали «талонами в кооперацию и очень незначительный процент наличными деньгами» [Там же, л. 13].

«Нет самых основных товаров — сообщало ГПУ в обком ВКП(б). Месяцами ожидающую мануфактуру рабочие не могли получить, так как она выдавалась только на деньги и только не рабочим. Рабочему человеку приходилось реализовывать талоны на черном рынке на то, что можно и нужно купить в первую очередь». Реализовать по себестоимости такие талоны было нельзя. Естественно, процветала спекуляция, цены на продукты питания по таким талонам были искусственно завышены. Кроме того, за обмен талонов на продукты торговцы требовали брать «ненужный товар». Лежалый товар продавался как бы в довесок, для того, чтобы не сдавать сдачу деньгами. Такие тенденции приобрели норму регулирования.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в сфере потребления вызвала рост рабочих возмущений. Мотивом для протестов стало чувство

обиды за происходящие вокруг них беды. Себя рабочие считали совершенно незащищенными. Заводским и профсоюзным администрациям открыто выражали недоверие. Особенно наглядно это просматривалось в течение всего 1924 г. на Ляляном лесобумажном заводе близ города Иркутска. По мнению населения, администрация завода не вмешивалась в регулирование социальных и бытовых проблем рабочих. Верховушку профсоюза предприятия рассматривали как составную часть администрации заводоуправления, поскольку ее не выбирали на общем собрании, а назначал директор. Самостоятельностью сам по себе любой профсоюз не мог пользоваться. В г. Ляле профсоюзная жизнь была сплошь наполнена конфликтными ситуациями из-за столкновения интересов бумажников, деревообработчиков и химиков. Защита интересов рабочих в каждом объединении приобретала черты торга. Например, химики в силу своей малочисленности не очень-то сильно ввязывались в грызню, а сосредоточивались на любых формах штрейкбрехерства, выпрашивали у администрации завода какие-либо льготы и послабления для своих. Такая форма защиты интересов рабочих делала очевидным никчемность политических союзов. Отсутствие стабильности и возможность ориентироваться на конкретные позиции профсоюзов способствовали росту пьянства и хулиганства среди рабочих. Они были полны гнева и отчаяния, но вылить душу было некому. По мнению местного отдела ГПУ, только благодаря отсутствию политического вождя на Урале и в Сибири не было поднято восстание, подобно Кронштадту или антоновскому мятежу. Тягостней всего в малых городах и поселках обстояло дело с коммунальным хозяйством. Плачевное, а конкретнее аварийное, состояние котельных и водопровода приводило в бешенство, сопровождавшееся нецензурными выражениями по отношению к представителям советской власти. Рост задолженностей за коммунальные квартиры, незначительные заработки подводили рабочих к убежденности в безысходности своего положения и в стремлении писать жалобы в Бюро жалоб, которое воспринималось неким органом, легализовавшим надежды провинциальных рабочих на справедливость [2, л. 13.].

«Автономность» — такое понятие часто звучало в обращениях «малых национальностей» Сибири и Дальнего Востока, адресованных в Бюро жалоб. «Автономность» воспринималась как некая надежда на возможность творить право «местного обычая» в рамках конкретных территориальных образований [3, ф. 6, оп. 1, д. 11, л. 6].

В середине 1930-х — 1937 гг., в Сибири наряду со слухами о приближающейся смене Советской власти преобладала еще одна тенденция в общественном мнении — это разговоры о возможной автономности. Причем понятие «автономность» понималась очень широко [5, л. 12]. Автономность могла распространяться на разговоры об экономической самостоятельности того или иного региона, о независимости сельского общества от партийных организаций, о кооперации. Вопрос: «ну, а ско-

ро ли будет нам дана автономность?» достаточно часто приходилось слышать агитаторам середины 1920-х — начала 1930-х гг. Политики в таких вопросах не было. Люди, интересовавшиеся «автономностью, занимались обсуждением практических советских или хозяйственных вопросов», затрагивавших взаимоотношения городской артели и сельского общества [6, л. 73–74].

В этой связи население выражало открытые протесты через митинги, высказывало критические замечания на общих собраниях, ругало на улице действия большевиков, нарушавших принципы автономности в школах, кооперативах, артелях. Вмешательство в дела кооперативов и артелей приводило к протестам, окрашенным в тона русофобии и националистической ненависти [7, л. 12]. В национальных окраинах наблюдался антагонизм между русскими и малыми национальностями, в основном по вопросам о землепользовании. Но даже там, где удавалось решить проблему с землепользованием, все равно оставались «чрезвычайно обостренными отношения во мнениях, словах, взглядах» между русскими и малыми национальностями. Эти обстоятельства мешали развитию хозяйственной инициативы» и приводили к свертыванию любого выгодного, с экономической точки зрения предприятия, а также к вступлению в колхозы, коммуны и т.п. В связи с чем многие нац/меньшинства считали, что «автономность» — это право жить по своим законам [6, л. 72].

На эти обстоятельства насаивались причины местного характера, еще больше усугублявшие протестные настроения общественности. Например, в городах Дальнего Востока «русское население обвиняло корейцев, что, мол, почувствовав себя у власти, они держат себя очень вызывающе, часто без причины подвергают обыску русское население. Корейцы говорят, что русские к ним враждебно относятся за то, что все они коммунисты, комсомольцы, делегатки, видят в этом желание примазаться к власти и поэтому угрожают избиением и нередко избивают, как говорят корейцы, полавшихся на территории русского села комсомольцев или пионеров». Советские власти никаких мер к ослаблению национального антагонизма не предпринимали [Там же, л. 76].

Во многом это происходило из-за отсутствия четкого разграничения власти между советскими и партийными руководителями. Но на это власти старались не обращать внимания. Напротив, по всей стране руководители различных органов советской власти предпочитали замалчивать и национальные, и имущественные причины конфликтов между разными социальными категориями населения. Позднее, в 1926–1928 гг., на назойливые замечания инструктора по нацменьшинствам вообще перестали обращать внимания, делая вид, что проблема во взаимоотношениях корейцев и русских надуманна. Как показала практика, замалчивание проблемы привело к появлению такого явления, как «политическая сказка» [3, ф. 5598, оп. 1, д. 2, л. 156]. Часто, в колхозах и на предприятиях «допу-

скались массовые приукрашивания» в угоду отчета перед вышестоящей инстанцией. Происходило формирование местной «политической сказки», которую, затем, оформляли, как решение трудового коллектива.

Список использованной литературы и источников

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области. — Ф. 3. — Оп. 5. — Д. 15; — Ф. 4. — Оп. 5. — Д. 1. — Д. 12; Оп. 9. — Д. 43.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 7. — Д. 177; Оп. 85. — Д. 151; Оп. 87. — Д. 199.
3. Государственный архив Томской области. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 1; Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 11; Ф. 5598. — Оп. 1. — Д. 2.
4. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 1.
5. Красноярский краевой партийный архив. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 11.
6. Государственный архив Приморского края. — Ф. П-61. — Оп. 1. — Д. 578.
7. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1.

Информация об авторе

Титов Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, учитель, МБОУ гимназия № 25 г. Иркутска, E-mail: titov.v@yandex.ru

Author

Vladimir Yu. Titov — PhD, Associate Professor, Irkutsk-75, a / z-11, E-mail: titov.v@yandex.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.27

В.А. ШАЛАМОВ

УДК 614.2(571.53)(091)

ББК 51.1(253.5)г

СЛУЖБА ЗДОРОВЬЯ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ И КРАСНЫЙ КРЕСТ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920-Е ГОДЫ

В 1924 г. Российское общество Красного Креста (РОКК) приняло на себя оказание медицинской помощи пионерским организациям. Для этой цели была создана Служба здоровья юных пионеров. К концу 1920-х гг. они действовали во всех округах Восточной Сибири. Пионерские отряды прикреплялись к врачам, работавшим бесплатно. Врачи обязаны были следить за здоровьем подростков. Для укрепления здоровья пионеров при помощи Красного Креста стали организовываться пионерские летние лагеря, детские площадки и санатории.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, служба здоровья юных пионеров, Российское общество Красного Креста (РОКК).

V. A. SHALAMOV

HEALTH SERVICE OF YOUNG PIONEERS AND THE RED CROSS IN EASTERN SIBERIA IN THE 1920S

In 1924, the Russian Red Cross society (RRCS) took over the provision of medical assistance to pioneer organizations. For this purpose, the health Service of young pioneers was created. By the end of the 1920s, they were operating in all districts of Eastern Siberia. Pioneer detachments were attached to doctors who worked for free. Doctors were required to monitor the health of teenagers. To strengthen the health of the pioneers, with the help of the red cross, pioneer summer camps, playgrounds and sanatoriums were organized.

Keywords: history of healthcare, history of medicine, health service of young pioneers, Russian red cross society (RRCS).

В ходе Гражданской войны, существовавшие в Сибири учреждения Российского общества Красного Креста (РОКК) волей-неволей оказались втянуты в вооруженное противостояние. В основном, помощь оказывалась военным колчаковской армии, что делало Красный Крест в глазах большевиков реакционной организацией. По мере оставления армией адмирала А. Колчака все новых территорий в 1920 г., вновь утвердившаяся советская власть ликвидировала местные комитеты Красного Креста. Учреждения передавались органам здравоохранения, медперсонал мобилизовался в Красную армию, а имущество распределялось между заинтересованными ведомствами.

Советская власть не планировала восстанавливать в дальнейшем Красный Крест, но, вспыхнувший в 1921 г. голод в Поволжье, заставил пересмотреть свои позиции. Существующие государственные институты не справлялись. В этой ситуации правительство призвало иностранные благотворительные организации, в том числе Красный Крест [1, с. 34-40]. Этого оказалось недостаточно. Потребовалось пересмотреть вопрос о собственной общественной организации, способной мобилизовать общественную инициативу на борьбу с чрезвычайными происшествиями. В силу этого Российское общество Красного Креста оказывается реанимированным.

В Сибири РОКК восстановился в 1922 г., когда потребность в нем ощущалась особенно остро. Ряд местностей Западной Сибири охватил голод, проблемы испытывали народности Севера, в Сибирь хлынули беженцы из Поволжья. При Сибздраве было учреждено Сибирское отделение РОКК, которым длительное время руководили врачи М.Л. Айзин и Н.С. Тейман. Тогда же возникает Дальневосточный округ РОКК, с Центральным управлением в Чите (с 1925 г. в Хабаровске) [2, с. 9-10].

В отличие от имперского периода Красному Кресту не позволили создавать параллельную органам здравоохранения систему лечебно-профилактических учреждений. В этих условиях Центральный комитет Красного Креста (ЦК РОКК) стал отбирать направления деятельности, которые государственные службы здравоохранения охватить были не в состоянии. В первую очередь взяли шефство над армией. Различного рода чрезвычайные происшествия также привлекли внимание РОКК (землетрясения, наводнения, голод). Оказание медпомощи национальным меньшинствам, отдаленным местностям, охрана материнства и младенчества, организация исследовательских экспедиций и многое другое стали специфичными задачами этой общественной организации.

В 1924 г. ЦК РОКК принял на себя задачу по организации Службы здоровья юных пионеров. В рамках упомянутой службы проводилось исследование состояния здоровья пионеров, условий их труда и быта. Дети приучались к санитарно-гигиеническим навыкам и участию в организации всех форм оздоровительной работы в пионерской среде.

Для осуществления этой работы в 1924 г. было открыто 6 первичных пунктов в бывших губернских городах Сибири, в том числе в Иркутске и Красноярске. Через год число пунктов удвоилось, а в 1926–1927 г. уже функционировало 17 первичных пунктов во всех окружных центрах (за исключением Киренска и Якутска) [3, с. 21–22]. До конца 1920-х гг. из окружных центров Восточной Сибири таких пунктов не было только в Киренске [4, с. 213, 252].

В большинстве случаев для руководства первичными пунктами приглашались врачи по совместительству, поскольку за их труд оплаты либо не было, либо она была символической. Все отряды были снабжены аптечками первой помощи. Подростки на специальных курсах учились пользоваться ей. При первичных пунктах образовывались антропометрические кабинеты для обследования физического состояния детей. В ходе обследований пионеров выяснилось, что их здоровью угрожает немало опасностей. Так, обследование, проводившееся в Иркутске доктором Э.А. Обервегером, показало, что у 36 % пионеров плохое питание. У большинства детей наблюдалась перегрузка в работе, доходя у наиболее активных до 18–20 часов в неделю. Помещения, в которых размещались отряды, отличались теснотой, антисанитарией, отсутствием вентиляции и т.д. (из 30 отрядов в 7 были особенно неудачные помещения). Заболеваемость отмечалась высокой: глистные болезни — 40 %, туберкулез — 5 %, кариес зубов — 33 % и т.д. [5, с. 54–62].

Похожие данные дают исследования доктора Н.С. Теймана среди пионеров Красноярского округа. Так, 25 % детей имело плохое питание. Анемия встречалась у 25 % пионеров, заболевания костной системы у 14 %, нервные заболевания у 15 % [6, с. 5–10]. Эти данные показывали, что необходимы профилактические меры для восстановления здоровья подрастающего поколения. Именно от этого и стали отталкиваться при организации последующих мероприятий.

Уже в 1925–1926 г. почти все оздоровительные комиссии при окрбюро юных пионеров встали на путь организации летних лагерей санаторного типа. Однако в первый год полноценной работы не вышло. Из-за недостаточного финансирования лагеря были обеспечены весьма скромно, дети жили в старых армейских палатках, иногда на неудачно выбранном месте (болота). Жизнь в лагерях была построена на самообслуживании, что также не всегда было допустимо, особенно при заготовке топлива и воды. В результате наблюдались случаи бегства ребят домой (в Красноярске до 50 %). В то же время все лагеря были обеспечены медпомощью, дети неплохо питались, занимались водными процедурами и физкультурой, росли культурно. В Иркутской губернии был организован лагерь на 600 пионеров, в Енисейской — на 200 [7, с. 67-74]. Тогда же были открыты пионерские лагеря в Верхнеудинске, Якутске и Чите [8, л. 174; 9, с. 12-14].

К концу 1920-х гг. такие лагеря имелись почти во всех округах. Наиболее типичные проблемы по организации и финансированию были преодолены, и с этого времени шло ежегодное наращивание числа ребят, набирающихся сил на природе. Кроме того, для городских детей формировались детские площадки, частично с горячим питанием. Отдельно выделялись площадки для слабых или больных детей. С ними проводились разумные развлечения, экскурсии, физкультурные занятия. К 1930 г. таких площадок в Восточно-Сибирском крае было всего восемь [10, стб. 26].

В 1926–1927 г. до 66 % пионеров уже было охвачено в летний период оздоровительными кампаниями. В 1928 г., к примеру, в Читинском округе оздоровительной кампанией было охвачено 7 861 чел., из которых доля пионеров составляла 70 %. Всего в округе имелось: лагерей санаторного типа 2 (посетило 619 чел.), полу-санаторного 8 (614), детплощадок с питанием 77 (3 960), детплощадок без питания 49 (2 248) и отрядных домов отдыха (420) [8, л. 174]. Эти учреждения создали благоприятные условия для развития детей. К тому же в них проводилась целенаправленная работа по внедрению санитарно-гигиенических правил.

Одновременно в 1925 г. организуется специальный санаторный лагерь для пионеров, болеющих туберкулезом. Его организовали недалеко от курорта «Боровое» на 100 человек. Это был второй лагерь РОКК после знаменитого «Артека». Дети направлялись в этот лагерь со всей Сибири по норме с показаниями врачей. В лагере занимались физкультурой, принимали солнечные ванны, культурно развлекались. Было хорошо поставлено усиленное питание. В результате шестинедельного отдыха около трети ребятшек вернулись домой здоровыми или со значительным улучшением здоровья [3, с. 24-26]. На следующий год подключили к работе курорт «Озеро Шира» в Енисейской губернии [11, с. 46]. В Читинском округе в 1928 г. был организован лагерь-санаторий на курорте Шиванда. На его организацию и содержание было выделено 13 370 руб., из которых 8 тыс. руб. дал Красный Крест [8, л. 174].

На курорты отправляли детей по норме от каждого округа. В 1929 г. из Красноярского округа было направлено в Крым 7 пионеров, а в санатории краевого значения — 15 [12, л. 6]. Как правило, счастливый билет получали сильно нуждающиеся в поправлении здоровья. При определении на курорт имело значение социальное происхождение детей, что диссонировало с врачебной этикой.

Служба здоровья пионеров возникла как необходимость, когда государство не могло справиться со множеством социальных проблем. На помощь пришел Красный Крест, но он не мог физически охватить огромную массу детей, в силу чего он взял на себя только группу, наиболее ценных с идеологической точки зрения детей. В целом в 1920-е гг. удалось охватить около двух третей пионеров, сосредоточенных, главным образом, в окружных центрах. Благодаря этой службе появились статистические данные о состоянии здоровья подростков, что позволило выработать необходимые меры. Первая мировая и Гражданская войны, хозяйственная разруха, безотцовщина и другие причины непосредственно сказались на состоянии здоровья подрастающего поколения. Истощенные организмы легче поддавались различного рода заболеваниям. Нужны были меры для восстановления здоровья. Одной из самых действенных мер стала отправка пионеров в летние лагеря, санатории или детские площадки с разумными развлечениями, что положительно сказалось на подрастающем поколении. Этот опыт был признан успешным и в последующем широко реализовывался вплоть до крушения Советского Союза.

Список использованной литературы и источников

1. Русинов А. А. Конкуренция между американскими благотворительными организациями в контексте международной помощи голодающим в Советской России (1921–1923 годы) / А. А. Русинов // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 5. — С. 34-40.
2. Степанов-Бродский А. Г. Красный Крест на Дальнем Востоке / А. Г. Степанов-Бродский. — Хабаровск : [б. и.], 1926. — 28 с.
3. Пять лет работы общества Красного Креста в Сибири / под ред. М. И. Баранова. — Ново-Николаевск : Изд. Сиб. ком. О-ва Красного Креста РСФСР, 1927. — 33 с.
4. Государственный архив Новейшей истории Иркутской области. — Ф. р-67. — Оп. 1. — Д. 26.
5. Обервегер Э. А. Результат медицинского обследования пионеров города Иркутска / Э. А. Обервегер // Сибирский медицинский журнал. — 1929. — № 8-9. — С. 54-62.
6. Тейман Н. С. О физическом развитии и состоянии здоровья пионеров г. Красноярска / Н. С. Тейман // Сибирский медицинский журнал. — 1926. — № 3. — С. 5-10.

7. Айзин М. Л. Деятельность Красного Креста в Сибири / М. Л. Айзин // Сибирский медицинский журнал. — 1925. — № 3. — С. 67-74.
8. Государственный архив Забайкальского края. — Ф. р-623. — Оп. 1. — Д. 3.
9. Малышев Н. Н. Из истории пионерского движения в Якутии / Н. Н. Малышев, Е. И. Колесова // Юный ученый. — 2015. — № 1. — С. 12-14.
10. Сибирская Советская энциклопедия : в 4 т. / под общ. ред.: М. К. Азадовского [и др.]. — Т. 4: О-С. — 1937. — 1082 стб. // Электронная библиотека ТГУ. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156>
11. Тейман Н. С. РОКК к десятилетию советской медицины / Н. С. Тейман // Сибирский медицинский журнал. — 1928. — № 10-11. — С. 46.
12. Красноярский рабочий (Красноярск). — 1930. — 8 марта.

Информация об авторе

Шаламов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru

Author

Vladimir A. Shalamov — PhD in Historical Sciences, Associate Professor Department of history of Russia, Irkutsk state University, 664025 Irkutsk, Chkalov str., 2, e-mail: Wladimir13x@ya.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.28

О.Н. ШУЛБАЕВ

УДК 94 (47) 084.8/084.9

ББК 63.3(2)632

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТРУКТОРСКИХ ГРУПП РАЙКОМОВ ПАРТИИ ПО ЗОНАМ МТС В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1953–1957 ГГ. В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье, на основе материалов периодической печати, освещены основные аспекты деятельности инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС по осуществлению партийно-политической работы в машинно-тракторных станциях (МТС) и колхозах Красноярского края и Иркутской области в 1953–1957 гг. Значительное внимание уделено как положительному опыту, так и основным недостаткам работы этих партийных органов, в указанный период.

Ключевые слова: периодическая печать, машинно-тракторная станция, инструкторская группа по зоне МТС, секретарь райкома, колхоз, Красноярский край, Иркутская область.

**MANAGEMENT ACTIVITIES OF DISTRICT COMMITTEE
PARTY'S INSTRUCTOR GROUPS BY MACHINE
AND TRACTOR STATION'S ZONES IN THE EASTERN
SIBERIA IN 1953–1957 IN THE COVERAGE
OF PERIODICAL PRESS (ON THE EXAMPLE
OF KRASNOYARSK TERRITORY AND IRKUTSK REGION)**

The article deals with the main aspects of activities of the District Party Committee's Instructor groups by machine and tractor station's zones that carried out the party political work in machine and tractor stations (MTS) and collective farms of Krasnoyarsk Territory and Irkutsk Region in 1953 — 1957. The input is based on contributions from periodical press. Much attention is given to both positive experience and to the major disadvantages of the party organs during this period.

Keywords: periodical press, machine and tractor station, instructor group by machine and tractor station's zone, Secretary of the District Party Committee, collective farm, Krasnoyarsk Territory, Irkutsk Region.

Масштабная программа по подъему сельского хозяйства, принятая на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, включала в себя целый комплекс мер, среди которых важное значение отводилось повышению уровня партийно-политической работы в колхозной деревне и улучшению руководства колхозами и МТС. В частности, на сентябрьском пленуме (1953 г.) было принято решение о перестройке структуры сельских райкомов партии, в целях «устранения обезлички и безответственности в руководстве МТС и колхозов, и создания в райкоме на каждую МТС группы работников во главе с секретарем райкома партии, в целях ведения партийно-политической работы в МТС и в обслуживаемых ею колхозах. Общее руководство деятельностью всех этих групп осуществлял первый секретарь райкома» [1, с. 343]. Таким образом, было решено ликвидировать институт заместителей директоров МТС по политической части.

Партийные работники инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС должны были работать и жить там, где находился непосредственный участок, за состояние дел в котором они несли ответственность. Соответственно, зональным инструкторам райкомов местами жительства были определены — колхозы, а секретарям райкомов партии по зоне МТС — их центральные усадьбы. Функционирование зональных групп осуществлялось на основе территориально-производственного принципа. Выбор МТС, в качестве «опорных пунктов» райкомов был определен тем, что в них была сосредоточена сложная сельскохозяйственная техника, имелась телефонная связь с райцентрами, а также существовали наиболее крупные первичные партийные организации на селе [2, с. 77]. Таким об-

разом, по мнению М.А. Вылцана, «районные партийные работники были приближены к производству и получили возможность оказывать постоянное и непосредственное воздействие на положение дел в МТС» [3, с. 173–174]. Безусловно, это значительно усиливало влияние партийных органов на развитие хозяйственной деятельности МТС и колхозов.

Важно подчеркнуть, что опора райкомов партии на МТС была также обусловлена тем, что после сентябрьского пленума (1953 г.) «участие машинно-тракторных станций в колхозном производстве приобретало всеохватный характер, т.е. начиная со стадии планирования и заканчивая сдачей государству готовой продукции» [4, с. 485].

Деятельность инструкторских групп по зонам МТС получила широкое освещение в газетах, которые являлись официальными печатными органами краевых и областных партийных комитетов Восточной Сибири. В качестве авторов статей в них выступали секретари и инструкторы райкомов и обкомов КПСС, секретари райкомов по зоне МТС, которые отмечали и делились положительным опытом работы инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС, а также указывали на характерные ошибки, допускаемые в их работе с колхозами и МТС.

В период деятельности инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС с 1953–1957 гг. в Красноярском крае существовала 131 МТС и Иркутской области, соответственно, в 1953 г. — 74, 1957 г. — 68 МТС [5, с. 165; 6, с. 68].

В Красноярском крае была создана 131 инструкторская группа по зонам МТС. Тем самым, как указывалось в газете «Красноярский рабочий», в крае было «ликвидировано ненормальное положение, когда из 758 работников партийного аппарата сельских райкомов, лишь 155 инструкторов занимались непосредственно парторганизациями МТС и колхозов» [7, с. 2].

В Иркутской области в ходе перестройки организационной структуры райкомов партии 71 секретарь райкома и 140 инструкторов райкомов стали работать непосредственно в зонах, обслуживаемых МТС. Обком и райкомы партии отобрали для работы секретарями партийных организаций МТС 74 коммуниста, 150 руководящих работников и 136 специалистов были рекомендованы для работы председателям и колхозов» [8, с. 61].

Следует отметить, что в передовицах краевых и областных газет основными задачами инструкторских групп райкомов КПСС по зонам МТС определялись такие, как улучшение руководства первичными партийными организациями колхозов и МТС, повышение массово-политической работы на селе, а также проведение воспитательной и организаторской работы среди колхозников и механизаторов и др.» [9, с. 1].

В связи с тем, что в некоторых колхозах уровень партийной работы среди колхозников находился на низком уровне, зональным инструкторам приходилось начинать работу с улучшения дел в самих первичных пар-

торганизациях, т.е. заниматься вопросами налаживания внутривнутрипартийной работы и партийной дисциплины в этих организациях.

Секретари райкомов КПСС по зонам МТС нередко делились на страницах газет своим опытом по улучшению партийной работы в колхозах, отмечая, что чрезмерная опека первичных партийных организаций колхозов со стороны инструкторских групп часто приводила к тому, что «отдельные секретари партийных организаций стали понимать помощь со стороны работников райкома КПСС неправильно... Считая, что инструктор или секретарь райкома все должны сделать за них: провести собрание, подготовить проект решения, сделать доклад, а дело секретаря только открыть собрание». Все это порождало иждивенчество, полное отсутствие самостоятельности, безынициативность в работе этих партторганизаций» [10, с. 2].

Эффективность массово-политической работы инструкторских групп райкомов партии в колхозах и МТС была тесно связана с организацией и работой в них агитпунктов и агитаторов. Об этом свидетельствует статья газеты «Восточно-Сибирская правда» от 6 октября 1956 г., в которой пропагандировался опыт работы агитаторов в колхозах зоны Икейской МТС Иркутской области. В частности, в ней сообщалось о том, что «агитаторы не только проводили беседы и читки в бригадах, но и организовали круглосуточную работу комбайнов и машин... Также благодаря наглядной агитации и своевременной информации о ходе соревнования между комбайнерами, в четырех колхозах МТС удалось поднять производительность комбайнов на 30 % и раньше закончить уборку урожая» [11, с. 2].

Однако в повседневной деятельности далеко не все инструкторские группы уделяли должное внимание массово-политической работе в колхозах. Например, в газетах подверглась критике работа инструкторской группы райкома партии по зоне Балаганской МТС Иркутской области, в отчетных документах которой «была безупречно расписана работа агитаторов, лекторов, редакторской стенной печати. Но на деле — ничего не было... в числе агитаторов продолжительное время «числился» некий Шулуев (колхоз им. Сталина), который фактически оказался морально разложившимся человеком, пьяницей, систематически спаивающим других» [12, с. 2].

С первых дней деятельности инструкторских групп в периодической печати широко освещался их опыт по подбору, воспитанию и расстановке руководящих колхозных кадров — бригадиров полеводческих бригад, заведующих животноводческими фермами [10, с. 2]. В качестве примера приводилась работа инструктора райкома партии по зоне Нельхайской МТС Иркутской области в колхозе «Красный Нельхай», по инициативе которого был сокращен управленческий аппарат, созданы комплексные бригады, что дало возможность повысить ответственность их руководителей за состояние дел в артельном хозяйстве» [13, с. 1].

В целях улучшения организаторской и политической работы в полеводческих и тракторных бригадах зональными инструкторами создавались партийно-комсомольские группы. Например, в Икейской МТС Иркутской области в 1956 г. было создано 13 партийно-комсомольских групп, что позволило «своевременно подготовить технику к уборке урожая, организовать соревнование между работниками тракторных и полеводческих бригад» [11, с. 2].

На первых полосах краевых и областных газет, нередко публиковались заметки, содержавшие информацию о районах, в которых была правильно проведена перестройка структуры сельских партийных комитетов и получены положительные результаты. В частности, в газете «Восточно-Сибирская правда» от 28 июля 1956 г. указывалось, что «положительный опыт накопили многие инструкторские группы Аларского, Осинского, Нукутского, Заларинского, Куйтунского и других районов Иркутской области» [13, с. 1].

Одним из важных направлений деятельности инструкторских групп райкомов партии являлась партийно-политическая работа в МТС, в отношениях с которыми у секретарей райкомов возникало немало проблем. Например, в газете «Красноярский рабочий» от 22 мая 1954 г. отмечалось, что «некоторые секретари и инструкторы райкомов рассеивают внимание, берясь за разрешение множества хозяйственных вопросов, подчас второстепенных дел, не находят главных вопросов... Бывая в колхозах, они ведут общие разговоры о недостатках, занимаются переговорами, но не принимают действенных мер по организации выполнения очередных задач. Среди таких руководителей были указаны «секретарь Абанского райкома КПСС по Устьянской МТС т. Шевко и секретарь Ачинского райкома по Ачинской МТС т. Рябов, которые, не уделяя должного внимания политической работе среди механизаторов, занятых на весеннем севе, больше занимались хозяйственными делами, подменяя подчас руководителей МТС» [7, с. 2]. Понятно, это превращало некоторых зональных инструкторов и секретарей райкомов партии по зонам МТС, занимавшихся второстепенными текущими хозяйственными делами в МТС и колхозах, в придаток директоров МТС и председателей колхозов.

В этой связи в газете рассматривалась важная проблема — взаимоотношения между секретарями райкомов партии по зонам МТС и директорами МТС, которые предполагали, прежде всего, «контакт в работе, контакт деловой принципиальный основанный на обоюдном желании решить стоящие перед МТС задачи». При этом подчеркивалось, что «секретарь райкома — не работник МТС. Он один из руководителей районной партийной организации» [Там же]. Хотя, в некоторых регионах страны «среди партийных работников, оставшихся в райцентрах, в этот период сложилось мнение, что зональный аппарат — это работники МТС» [2, с. 78].

В периодической печати существенным недостатком в работе большей части секретарей райкомов партии по зонам МТС Красноярского

края, фиксировался их бюрократический стиль руководства. В качестве примера в газете «Красноярский рабочий» от 20 марта 1954 г. приводилась работа секретарей райкома по зонам МТС Иланского района, которые «тратили много времени на различные проверки, подготовку проектов решений, составление планов по проведению различного рода совещаний. Многие вопросы, которые должны были решаться на местах, выносились на обсуждение бюро райкома». При этом повседневной живой связи (организаторской работы) с колхозниками, механизаторами, специалистами сельского хозяйства, практически, не было, только посредством совещаний» Часто причиной этого являлось то, что секретари райкомов по зонам МТС жили в городах, а в МТС и колхозах бывали редко. Например, секретарь Емельяновского райкома партии по Частоостровской МТС постоянно проживал в г. Красноярске» [14, с. 2; 7, с. 2].

Недостатком деятельности некоторых зональных инструкторов и секретарей райкомов являлось то, что «они фиксировали недостатки и упущения в работе председателей колхозов», но конкретных мер по их устранению не принимали. Ярким примером являлась ситуация, сложившаяся в Ользоновской МТС Иркутской области, в которую была завезена новая техника для раздельной уборки зерна. Однако новую технику в МТС не собрали и не опробовали, так как комбайнеры не представляли себе принципы этой уборки урожая [13, с. 1]. При этом партийные работники инструкторской группы, констатируя этот факт, не приняли никаких мер по исправлению положения дел в МТС.

К недостатку в работе инструкторских групп на селе, в периодической печати было отнесено и то, что в 1954 г. в ряде районов Иркутской области в «результате принижения роли инструкторских групп райкомов партии, руководство колхозами, МТС и совхозами, осуществлялось путем посылки на места во время проведения сельскохозяйственных кампаний партийного и советского актива. Такие уполномоченные, зачастую не знающие сельского хозяйства, вследствие неквалифицированного вмешательства больше вредили делу». Наряду с этим, указывалось, что среди ряда партийных работников «не изжиты еще и такие осужденные методы руководства, как гастролерские наезды, указания, даваемые мимоходом, вместо живого руководства. Таковыми были секретарь райкома по зоне Парфеновской МТС Черемховского района тов. Синявский и инструктор райкома партии тов. Пестюрин, руководившие наездами и группа райкома партии по зоне Бартатской МТС, практически устранившаяся от руководства колхозами» [9, с. 1]. Наряду с этим, в газетах отмечалось, что существовала несогласованность в действиях инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС, т.е. встречались случаи полной утери связи между секретарем райкома партии и инструкторами по зоне МТС, которые не виделись по месяцу и более» [12, с. 2].

Как известно, ликвидация инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС в стране в 1957 г. обосновывалась «традиционной формулировкой» – необходимостью сокращения штатов райкомов, в целях повышения ответственности каждого работника за порученное дело, и «обеспечить полное устранение обезлички и параллелизма в руководстве колхозами, МТС и совхозами». Считалось, что инструкторские группы райкомов партии по зонам МТС выполнили свою положительную роль в деле улучшения руководства МТС и колхозами, а также укрепления первичных партийных организаций на селе и стали сковывать инициативу и самостоятельность этих организаций [15, с. 118].

Подводя итоги, отметим, что в периодической печати Восточной Сибири был озвучен положительный опыт в деятельности секретарей райкомов и зональных инструкторов по проведению массово-политической работы на селе, организации работы агитпунктов и агитаторов в колхозах и МТС, оказанию помощи руководству колхозов по подбору, воспитанию и расстановке кадров, налаживанию обменом опытом работы передовых бригад и колхозов и др.

В то же время на страницах газет были освещены существенные недостатки в работе инструкторских групп в МТС и колхозах, такие как отвлечение на второстепенные хозяйственные дела в ущерб основных задач, подмена функций директоров МТС, бюрократический стиль руководства, т.е. отсутствие живой связи с тружениками села, «оторванность» многих секретарей райкомов и зональных инструкторов от мест своей работы (проживание в городах и райцентрах), нередко отсутствие взаимодействия между секретарем райкома партии и инструкторами по зонам МТС.

Таким образом, в периодической печати был широко освещен как положительный опыт деятельности инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС в Красноярском крае и Иркутской области по реализации партийно-политической работы в МТС и колхозах, так и указаны основные недостатки в их работе, которые позволяют объективно оценить деятельность этих партийных органов в 1953–1957 гг.

Список использованной литературы и источников

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 8: 1946–1955. — 542 с.

2. Кометчиков И. В. «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: де-сталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 — начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков // Новый исторический вестник. — 2014. — № 4 (42). — С. 76-88.

3. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958) / М. А. Вылцан. — Москва : Мысль, 1976. — 263 с.
4. Томилин В. Н. Роль машинно-тракторных станций в трансформации аграрного строя СССР / В. Н. Томилин // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2012. — № 2. — С. 476-487.
5. Народное хозяйство Красноярского края: Статистический сборник / ЦСУ СССР. Стат. упр. Краснояр. края. — Красноярск : Издательство «Красноярский рабочий», 1958. — 332 с.
6. Иркутская область: краткий эконом.-статистический сборник / отв. ред. П. П. Силинский. — Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1958. — 167 с.
7. Инструкторские группы райкомов партии // Красноярский рабочий. — 1954. — 22 мая. — С. 2.
8. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Часть II. Книга II. (1946–1975 гг.) / [Ред.-сост. С. А. Меркурьев, А. Я. Шапранова]. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1977. — 288 с.
9. Повышать роль групп райкомов КПСС по зонам МТС // Восточно-Сибирская правда. — 1954. — 23 июня. — С. 1.
10. Попельняк В. За живую организаторскую работу в массах. Из опыта инструкторской группы райкома КПСС / В. Попельняк // Восточно-Сибирская правда. — 1954. — 26 июня. — С. 2.
11. Мищенко Д. Партийное влияние. Из опыта работы инструкторской группы Тулунского райкома КПСС по зоне Икейской МТС / Д. Мищенко // Восточно-Сибирская правда. — 1956. — 6 окт. — С. 2.
12. Чуркин Л. Когда секретарь райкома отрывается от масс / Л. Чуркин // Восточно-Сибирская правда. — 1954. — 10 авг. — С. 2.
13. Инструкторская группа райкомов партии // Восточно-Сибирская правда. — 1956. — 28 июля. — С. 1.
14. Толстоногов Б. В плену отсталых методов руководства / Б. Толстоногов // Красноярский рабочий. — 1954. — 20 марта. — С. 2-3.
15. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953 — 1964 гг. / Составители О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прозуменщиков, В. Ю. Васильев, Й. Горлицкий и др. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2009. — 774 с.

Информация об авторе

Шулбаев Олег Никитович — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90, e-mail: shulbaev9@rambler.ru

Author

Oleg N. Shulbaev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Katanov Khakass State University, 90, Lenin Str., Abakan, 655017, e-mail: shulbaev9@rambler.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.29
УДК 339.543
ББК 67.401.143.1

Е.О. ЗАВЬЯЛОВА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСТ-ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

В связи с упрощением и гармонизацией таможенных процедур, ориентацией таможенного контроля на период после выпуска, важная роль отводится таможенному контролю после выпуска товаров. Показывается необходимость внедрения пост-таможенного контроля с учетом международных стандартов и правил. Приводится опыт Китая по внедрению пост-таможенного аудита в государственную систему таможенного контроля.

Ключевые слова: таможенные платежи, таможенное администрирование, бюджет, таможенный контроль, таможенный контроль после выпуска товаров.

E.O. ZAVYALOVA

TRENDS IN POST-CUSTOMS CONTROL

An important role is given to post clearans control, in connection with the simplification and harmonization of customs procedures, the orientation of customs control for the period after release. The need to introduce post-customs control taking into account international standards and rules is shown. The experience of China on introduction of post-customs audit in the state system of customs control is presented.

Keywords: customs payments, customs administration, budget, customs control, post clearans control.

В последние годы наблюдается быстрый рост международной торговли, вызванного диверсификацией мирохозяйственных связей, наращиванием темпов производства, расширением товарного ассортимента, а также углублением международного разделения труда и транснациональной кооперации. В то же время интеграция Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в мировое экономическое пространство приводит к необходимости имплементации международных стандартов по сокращению сроков и объемов таможенных процедур, в частности таможенного оформления и таможенного контроля, однако такие трансформации не должны повлиять на эффективность их проведения, что обуславливает поиск новых подходов к организации и

осуществлению контрольных мероприятий в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Поэтому особую актуальность приобретают методы и способы контроля формирования системы таможенных платежей.

Стратегия развития России, постепенное уменьшение финансового давления на внешнеэкономическую деятельность позволят вывести систему управления таможенными платежами на новый уровень управления в сфере таможенного контроля. Теоретическое обоснование необходимости управления таможенными платежами имеет значение не только для науки, но и для практики в сфере взимания таможенных платежей при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, усовершенствование нормативно-правовой базы в сфере таможенного контроля. В формировании доходной части бюджета главную роль играет деятельность таможенных органов России, которые в соответствии с законодательством осуществляют контроль за начислением и своевременной уплатой таможенных платежей, применяют принудительные меры и наложения пени в случае нарушения сроков уплаты таможенных платежей и тому подобное. Этим подчеркивается необходимость и важность исследования понятия и нормативного регулирования администрирования таможенных платежей в современных условиях.

На сегодняшний день системе администрирования таможенных платежей при осуществлении внешнеэкономических сделок и совершенствованию порядка его осуществления, уделяется значительное внимание со стороны ученых и государственных служащих финансовых органов России. Российским Правительством проводится масштабная работа по направлению модификации законодательства по вопросам администрирования таможенных платежей. Так, система администрирования таможенных платежей не теряет своей актуальности, особенно в условиях реализации государственных реформ. Поэтому различные аспекты таможенного администрирования вызывают особый интерес в научной литературе, например, у таких авторов как Запорожец Е.Ф., Матвеева О.П., Попова Л.И., Тарасенко А.В., Хапиллин С.А., Цидилина И.А., Чуватов И.С. и многих других.

В последние годы активно проводится работа по разработке нормативно-правовой базы, направленная на ускорение товаро- и пассажиропотоков, упрощение таможенных процедур, а также в целом процедур государственного контроля и управления таможенными платежами для обоснования путей их совершенствования. Следует отметить, что контроль за уплатой таможенных платежей в бюджет является и останется на долгие годы одной из важнейших задач органов таможенной службы России. Внедрению системы таможенного контроля, основанной на международных таможенных стандартах, в научных исследованиях уделяется особое внимание.

Так Рыльская М.А., Шохин С.О., Боброва О.Г., Кожанков А.Ю., Еремеева Н.В. связывают улучшение таможенного контроля с необходимостью эффективного взаимодействия таможенных и налоговых органов на основе международных стандартов ВТО, ВТамО, ФАФТ и ОЭСР. Предлагается идея перераспределения администрирования налоговых и неналоговых платежей в составе таможенных платежей между этими органами [1]. Лытнева Н.А., Ходырева О.И., Тукаев Д.Л., Шашкина А.Н. рассматривают введение таможенного пост-аудита как способ улучшения качества таможенного контроля после выпуска товаров с одновременным упрощением таможенных проверок для участников ВЭД. При этом таможенный пост-аудит должен быть основан на международных стандартах, правилах и опыте зарубежных стран [2; 3; 4].

Важность таможенного контроля в этих реалиях связана с тем, что товары, импортированные из третьей страны и помещенные под таможенную процедуру (например, выпуск в свободное обращение, транзит), могут транспортироваться через всю единую таможенную территорию ЕАЭС без использования дополнительных таможенных средств контроля. Торговля товарами из-за рубежа связана с множеством таможенных обязательств как со стороны субъектов, осуществляющих эту деятельность, так и со стороны таможенных органов.

На протяжении последних десяти лет в России происходит модернизация и обновление применения различных таможенных методов и процедур, с помощью которых обеспечивается защита экономической безопасности государства. К основным из них можно отнести таможенные платежи — важный инструмент регулирования внешнеэкономической деятельности и основная статья доходов в составе федерального бюджета. Современная наука и практика доказывают, что взимание таможенных платежей зависит от эффективности процесса их администрирования.

Усиление контроля за правильностью исчисления таможенной пошлины и других таможенных платежей при ввозе товаров на таможенную территорию страны является первоочередной задачей таможенных органов в условиях упрощения таможенных процедур и минимизации контрольных мероприятий при их перемещении через таможенную границу [5]. Поэтому во многих странах таможенные органы обеспечивают реализацию новейшей философии таможенного контроля, основанной на принципе избирательности. Это приводит к росту значимости пост-таможенного аудита и определения его места в системе контрольных мероприятий в целях обеспечения поступления доходов в бюджет в максимально полном объеме и без нарушения сроков уплаты.

При исследовании зарубежного опыта внедрения системы таможенного контроля наблюдаем ситуацию, когда во многих странах (странах Европейского Союза, участниках Всемирной торговой организации),

странах постсоветского пространства и России цель, задачи и функции таможенного контроля значительно отличаются. Однако, результативность и эффективность таможенного контроля напрямую зависит от теоретических разработок и качественной нормативно-правовой базы о порядке его организации и осуществления таможенного аудита.

Интересным представляется рассмотреть опыт Китая в проведении таможенного контроля. 28 июня 2017 г. Главное таможенное управление («ГАС») выпустило Объявление Главного режима таможенного оформления («Объявление № 25»), в котором указано, что реформа интеграционного режима таможенного оформления функционирует по всей стране с 1 июля 2017 г. До объявления № 25 о расширении этих новых режимов по всей стране, ГАС запустил пилотный проект национального интеграционного режима таможенного оформления в Шанхае с 1 июня 2016 г. Позднее было опубликовано Объявление ГАС (2016) № 62 («Объявление № 62»). 29 октября 2016 г. были возвращены ключевые элементы реформ для отдельных видов товаров в ряде портов. Данная реформа интеграционного режима таможенного оформления привела к стандартизации правоохранительных органов на национальном уровне и повысила эффективность таможенного контроля [6].

Режим интеграции таможенного оформления состоит из двух ключевых элементов, называемых «Два центра» и «Три системы», описанных ниже:

1. Два центра. Три национальных центра таможенного контроля и предотвращения рисков («RPCC») созданы в Шанхае, Хуанпу и Циндао. RPCC обеспечивает надзор и управление для мероприятий по предотвращению и контролю таможенных рисков, которые выявляются по всему Китаю в пунктах таможенного оформления. Они призваны обеспечить безопасный ввоз товаров, перемещаемых морским, воздушными и сухопутными путями (за исключением небольших судов, курсирующих между Гонконгом и Макао).

Помимо этого, RPCC несут ответственность за установку параметров безопасного входа для безбумажного оформления: импортных и экспортных лицензий, сертификатов происхождения, а также за установление стандартов сбора таможенных платежей и их администрирования.

Три центра сбора и администрирования таможенных платежей (TCAC) созданы в Пекине (Тяньцзине), Шанхае и Гуанчжоу. Они позволяют проверить точность таможенных платежей и декларации для товаров, ввозимых через все порты Китая, в частности, использование соответствующих классификаций кодов товаров, оценок таможенной стоимости, деклараций страны происхождения. Основные направления таможенного контроля в центрах сбора и администрирования таможенных платежей представлены в таблице [6].

Таблица

Основные направления таможенного контроля в центрах сбора и администрирования таможенных платежей

ТСАС	Ответственные категории ввозимых товаров
Пекин, Тяньцзинь	Продукция сельского и лесного хозяйства, готовые пищевые продукты, фармацевтическая продукция, продукция легкой промышленности, разные промышленные товары, текстильные изделия, самолеты и т. Д.
Шанхай	Машины и электрооборудование (электромеханические приборы и счетчики, транспортные средства и др.)
Гуанчжоу	Химическая продукция (химическое сырье, высокополимерные продукты, энергетические продукты, минеральные продукты и металлические изделия)

2. Три системы режима таможенного оформления, представленные в объявлении № 25, включают «Единую декларацию с поэтапной проверкой», «Реформу процедур сбора таможенных платежей и администрирования» и «Совместное наблюдение». В трех системах администрирование импортных или экспортных деклараций происходит в три этапа:

Шаг 1. Осмотр перед выпуском товаров. РПСС должны проанализировать, есть ли у импортируемых товаров риски для безопасного ввоза, такие как ограничение или запрещение импорта, нарушение прав на патенты и товарные знаки или использование ложных сведений.

Шаг 2. Проверка рисков после выпуска товаров. ТСАС проводят анализ партии товаров в формах таможенных деклараций, проверяя и отбирая импортные товары с высоким риском, выполняя работу по проверке.

Шаг 3. Регулярный или специальный аудит, проводимый уполномоченной таможней.

Ответственная таможня несет основную ответственность за выполнение пост-импортного надзора посредством регулярных или специальных проверок.

Перенос основного акцента таможенного контроля на проведение последующего таможенного контроля имеет множество преимуществ, в том числе, сокращение времени контрольных мероприятий, содействие упрощению и ускорению процесса прохождения таможенных процедур и создание дополнительных возможностей для субъектов ВЭД.

Целью осуществления такого таможенного контроля является контроль за соблюдением таможенного законодательства всеми участниками таможенных правоотношений при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС. Ведь его сущность сводится к принужде-

нию декларантов и субъектов ВЭД к дисциплине и самоконтролю, а потому своевременное проведение самопроверки предприятий (субъектов ВЭД) может спасти от доначисления таможенных платежей и штрафных санкций. При этом надо понимать, что при документальной проверке 90 % проверяемых вопросов, касающихся исключительной компетенции таможенных органов, требуют соответствующих профессиональных знаний и опыта работы в сфере таможенного контроля. В Китае же также основной контроль проводится на этапах после ввоза товаров, используя при этом современные технологии и интеграцию всех государственных органов, отвечающих за таможенный контроль и сбор информации по нему.

Поскольку Россия стала на путь либерализации таможенной политики, основным резервом увеличения поступлений таможенных платежей в бюджет на перспективу станет усовершенствование организации таможенного контроля. Одним из основных факторов, негативно влияющих на поступления таможенных платежей в бюджетную систему страны, остается теневой сектор экономики, масштабность которого стала превалирующим фактором не только экономической, но и общественной жизни России. Кроме этого, на сегодня наиболее типичными проблемами, которые остаются в таможенной политике, — это чрезвычайно большое и неоправданное количество формальных процедур, перезагруженность работников таможенных органов.

Список использованной литературы и источников

1. Рыльская М. А. Администрирование таможенных платежей: международные стандарты взаимодействия налоговых и таможенных органов / М. А. Рыльская, С. О. Шохин, О. Г. Боброва, А. Ю. Кожанков, Н. В. Еремеева // Финансы: теория и практика. — 2019. — Т. 23, № 1. — С. 106-121.
2. Лытнева Н. А. Методы и приемы импортных операций / Н. А. Лытнева // Научные записки ОрелГИЭТ. — 2011. — № 2 (4). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25799386.pdf (дата обращения: 11.01.2021).
3. Тукаев Л. Д. Перспективы использования в Евразийском экономическом союзе международного опыта по осуществлению таможенного после выпуска товаров / Л. Д. Тукаев // Бюллетень инновационных технологий — 2019. — Т. 3, № 2. — URL: <https://elibrary.ru/download/elibrary.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
4. Шашкина А. Н. Административно-правовое регулирование таможенного контроля после выпуска товаров в государствах-членах таможенного союза ЕвразЭС / А. Н. Шашкина // Вестник Российской таможенной академии. — 2014. — № 4. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22619681_36800820.pdf (дата обращения: 11.01.2021).
5. Ахмедзянов Р. Р. Таможенно-тарифное регулирование в особых экономических зонах / Р. Р. Ахмедзянов, Е. В. Алексеева, М. И. Филиппов, А. О. Мосеенкова // Московский экономический журнал. — 2019. — № 13. — С. 89–96.

6. China Customs Authority Implements National Customs Clearance Integration Regime Reform. — URL: <https://home.kpmg/cn/en/home/insights/2017/08/china-tax-alert-24.html> (дата обращения: 12.12.2020)

Информация об авторе

Завьялова Екатерина Олеговна — ассистент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: nalog.audit@mail.ru.

Author

Ekaterina O. Zavyalova — Teaching Assistant, Department of International Relations and Customs affairs, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: nalog.audit@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.30

А.В. ЗАДОРИН

УДК 323.21(571.51)«2020»

ББК 66.3(2Рос-4Крн), 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2020 Г.: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

Анализируются основные события политической жизни Красноярского края в 2020 г. В частности, процесс голосования по поправкам в Конституцию РФ на территории региона, арест бизнесмена Анатолия Быкова, деятельность регионального отделения Коммунистической партии Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая ситуация, Красноярский край, Конституция России, Анатолий Быков, Андрей Новак, Коммунистическая партия Российской Федерации.

A. V. ZADORIN

THE POLITICAL SITUATION IN THE KRASNOYARSK REGION IN 2020: ANALYSIS OF MAIN EVENTS

The main events of political life of Krasnoyarsk Region in 2020 are analyzed. In particular, analyzed process of voting on amendments to the Constitution of the Russian Federation in the region; arrest of businessman Anatoly Bykov; activities of the regional branch of the Communist Party of the Russian Federation.

Keywords: political situation, Krasnoyarsk Region, Constitution of the Russian Federation, Anatoly Bykov, Andrey Novak, Communist Party of the Russian Federation.

Под политической ситуацией понимается «конкретное соотношение политических сил, совокупность событий, результат политической деятельности» [1]. Политическая ситуация в Красноярском крае в 2020 г. складывалась под воздействием различных событий. Их можно классифицировать, прежде всего, по уровню развития. В таком случае речь пойдет о событиях федерального и регионального уровня (масштаба). В свою очередь, события в регионе различались по степени влияния на местную жизнь. И хотя ситуация на протяжении всего года оставалась устойчивой, они находили отклик в общественном мнении и социальных сетях. При этом необходимо учитывать реалии современного мира, когда весомая часть протестных настроений ушла в виртуальное пространство (чаты, форумы и т.д.)

Следует сказать, что ушедший год в политическом плане оказался насыщенным, особенно лето и осень. Решались судьбоносные вопросы России, и Красноярский край, как часть страны, также принимал в этом участие. Речь идет, прежде всего, о голосовании по вопросу внесения изменений в Конституцию России.

Впервые внесение поправок было анонсировано президентом РФ Владимиром Путиным в Послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. [2]. В тот же день глава государства подписал распоряжение о создании рабочей группы по подготовке поправок. Затем законопроект о поправках обсуждался Государственной думой (два чтения). Причем во время второго чтения была предложена поправка, позволяющая действующему президенту снова избираться на высший пост в стране. Пожалуй, это ключевая поправка, ради которой и затевался референдум.

Поправки активно обсуждались и с общественностью. Например, 18 февраля 2020 г. Красноярск посетил председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андрей Клишас [3]. Он обсудил пакет изменений с представителями краевой и муниципальной власти, ветеранами и молодежью. Конечно, от подобных мероприятий сложно ожидать слишком многого, но обсуждение прошло сухо, бюрократично и пафосно. «Решать всей страной»? Формально — да, но здесь достаточно вспомнить судьбу референдума 17 марта 1991 г. А было вот что: три четверти советского народа проголосовали за сохранение СССР, и в том же году Союз развалили инициаторы этого самого референдума. Как власть захочет, так и будет.

К слову, закон о поправках в Конституцию РФ должен быть одобрен не менее чем двумя третями депутатов Госдумы и тремя четвертями членов Совета Федерации. Эти рубежи были пройдены, а затем уже поправки рассматривали в регионах. Документ должны были поддержать не менее двух третей законодательных собраний субъектов страны. В итоге всего два дня — 12 и 13 марта — хватило на то, чтобы

парламенты субъектов федерации одобрили поправки. Из 3 980 региональных депутатов против поправок проголосовали 67. Скорость голосования стала рекордной в истории изменений российской Конституции. В Красноярском крае обсуждение и одобрение поправок тоже прошло спокойно [4].

После одобрения регионами закон был подписан президентом, а далее направлен на рассмотрение Конституционного суда, который уже 16 марта подтвердил соответствие поправок Конституции. Наконец, с 25 июня по 1 июля прошло само голосование. Помимо избирательных участков голосование шло в общественных местах: парках, дворах и т.д. Там организовывались пункты для голосования. Для тех, кто не мог проголосовать в эту неделю из-за работы, отъезда или по иным причинам, работал «Мобильный избиратель». Избиратели могли подать заявление о прикреплении к удобному участку и проголосовать по месту нахождения. Как писали СМИ, голосовать семь дней — «это безопасно и удобно, каждый сможет найти день и время, чтобы проголосовать» [Там же]. Но, с другой стороны, какой простор для влияния на результат! Наблюдателей во всех местах не поставишь.

И все же более 15 тысяч наблюдателей, работавших в крае на участках, не заметили существенных нарушений [5]. Результаты голосования такие. На избирательные участки пришло 58,93 % избирателей. Из них 70,1 % проголосовали за поправки в Конституцию, остальные 28,97 % голосовали против [6]. В соседней Хакасии явка составила 51,4 %. Там изменения главного закона страны поддержали 69,52 % избирателей [6]. Рекордной оказалась явка в Туве — 92,79 %. За поправки в Конституцию проголосовали 83,09 % [6].

Из региональных событий следует отметить очередное задержание известного красноярского бизнесмена и политика А.П. Быкова [7]. На этот раз Быкова задержали 7 мая 2020 г. по обвинению в организации двойного убийства, которое произошло в далеком 1994 г. [8]. Суд постановил оставить бизнесмена под арестом до 4 июля 2020 г. Пока Быков находился в СИЗО, в отношении него возбудили новое уголовное дело — за руководство преступным сообществом [9]. Срок задержания продлили до 3 октября включительно.

Далее такая схема несколько раз повторялась: возбуждалось новое уголовное дело, а срок ареста продлялся. Так, в августе 2020 г. в отношении Быкова возбудили уголовное дело за организацию убийства по найму [10]. А в сентябре заподозрили в подстрекательстве к убийству [11]. 30 сентября Железнодорожный районный суд Красноярска вновь оставил без изменения меру пресечения А. Быкову. Срок содержания под стражей был продлен по 6 декабря 2020 г. [12].

22 октября Красноярский краевой суд изменил ему меру пресечения на домашний арест, но вечером того же дня его задержали по подозрению в организации убийства в 2005 г. [13]. На следующий день Цен-

тральный районный суд постановил продлить арест еще на два месяца [14]. Не прошло и недели, как в отношении Быкова возбудили пятое уголовное дело. Оно касалось уклонения от уплаты налогов в особо крупном размере [15]. 29 октября Октябрьский районный суд Красноярска арестовал имущество Быкова [16].

16 декабря Красноярский краевой суд продлил арест А. Быкову еще на два месяца, до 24 февраля 2021 г. [17]. Однако 19 декабря тот же Красноярский краевой суд сократил ему арест на три дня. Быков будет находиться под стражей до 21 февраля 2021 г. [18].

Как стало недавно известно, следствие предлагало ему заключить досудебное соглашение по делу об организации убийства двух человек в 1994 г., то есть признать себя виновным и прекратить дело в связи с истечением срока давности. Со слов адвоката бизнесмена, предложение было озвучено еще на этапе расследования уголовного дела, но Быков отказался от заключения такого соглашения и признания своей вины [19].

27 января 2021 г. дело об организации двойного убийства поступило в Свердловский районный суд Красноярска, но к рассмотрению еще не назначено [19]. А. Быков просит рассмотреть дело судом присяжных [20].

Надо сказать, даже находясь в СИЗО, А. Быков оказывает определенное влияние на политическую ситуацию в крае: координирует политическую партию «Патриоты России», имеет многочисленных сторонников, в том числе и среди молодежи (автор этих строк не раз видел молодых людей в футболках «Свободу Быкову!»)

Другой скандал был связан с отставкой главы красноярских коммунистов П.П. Медведева. 30 декабря 2019 г. новый лидер фракции КПРФ в Законодательном собрании Красноярского края А. Бойченко дал интервью журналистам. Он рассказал, что причиной отставки его предшественника стало нарушение кодекса чести депутата — Медведев пытался внести свои личные поправки в закон «О перераспределении между органами местного самоуправления некоторых муниципальных образований края и органами государственной власти края отдельных полномочий в сфере рекламы» от лица всей фракции. На официальном бланке фракции, ни с кем не советуясь. По словам Бойченко, Медведев «прикрываясь фракцией, пытался провернуть свои дела» [21]. Этот поступок возмутил коллег, и они сместили его. Коммунисты срочно собрали в перерыве заседание фракции и лишили Медведева должности руководителя. Решением фракции КПРФ ее новым главой стал А. Бойченко, его заместителем остался А. Новак.

Но неприятности у коммунистов на этом не закончились. В конце августа 2020 г. по Красноярску прокатилась волна вандализма против отделений КПРФ. Были испачканы краской Кировский и Свердловский райкомы, мемориальная табличка на доме-музее В.И. Ленина на улице Марковского, и залили краской баннер со Сталиным на улице Ленина,

113 [22]. Почему это случилось в конце августа — понятно: на 13 сентября намечались выборы в органы местного самоуправления.

На сентябрьских выборах «Единая Россия» получила более 72 % замещаемых мандатов [23]. В то же время коммунисты смогли упрочить свое положение. Выборы показали, что краевая организация КПРФ начинает выбираться из серьезного провала 2015–2016 гг., когда ее показатели на выборах в органы местного самоуправления и в Законодательное собрание края снизились по сравнению с аналогичными результатами выборов в 2010–2011 гг., в среднем почти на 10 %. Средний результат КПРФ на выборах депутатов местных Советов по краю в 2020 г. составил 18,67 % [24]. Первый секретарь Красноярского краевого отделения КПРФ А.П. Новак считает, что «есть перспективы выйти на более высокие показатели» [24]. Ставится задача в выборной кампании 2021 г. в Законодательное собрание удвоить свое представительство в краевом парламенте [25]. Конечно, у коммунистов есть конкуренты, прежде всего либерал-демократы (ЛДПР), но лишь КПРФ имеет первичные отделения почти в каждом населенном пункте.

Итак, анализ основных событий политической жизни Красноярского края позволяет говорить в целом о стабильной ситуации. Население пока еще поддерживает политический курс президента, о чем свидетельствуют итоги голосования по поправкам в Конституцию РФ. Большинство проголосовало за, и это на фоне ухудшающейся социально-экономической ситуации в крае. Дорожают продукты и товары широкого потребления, растет безработица, люди берут кредиты и попадают в кабалу к банкам и прочим финансовым организациям¹. Внешне все выглядит спокойно, но отсутствие массовых уличных протестов сегодня еще не говорит о благополучной ситуации.

В настоящее время недовольство выплескивается в кухонных дебатах и социальных сетях. Людей раздражает бедность, коррупция и бесхозяйственность в стране и собственном регионе. Вместе с тем правящий режим в лице региональной власти, похоже, уверовал в свою всесильность (история с арестом А.П. Быкова тому пример). Однако нет гарантии, что пассивный народный протест однажды не перерастет в активный. От любви до ненависти один шаг — это показала наша история 1905 и 1917 г., и самоуверенность нынешнего режима лишь ускоряет такую развязку.

Список использованной литературы и источников

1. Ситуация политическая // Словари и энциклопедии на Академике. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2601/Ситуация> (дата обращения: 12.02.2021).

¹ Здесь можно привести много ссылок, но автор статьи не стал этого делать, так как задача рассмотрения социально-экономической ситуации в регионе не ставилась.

2. Стенограмма Послания Путина Федеральному Собранию // Президент России : офиц. сайт. — 15.01.2020. — URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (дата обращения: 12.02.2021).

3. «Решать будем всей страной»: как Красноярский край формирует поправки в Конституцию // Интернет-газета Newslab.ru. — 19.02.2020. — URL: <https://Newslab.ru/article/949999> (дата обращения: 12.02.2021).

4. Иванова К. Большой путь к историческому голосованию: вспоминаем, как формировались поправки в Конституцию / К. Иванова // Интернет-газета Newslab.ru. — 22.06.2020. — URL: <https://Newslab.ru/article/974087> (дата обращения: 12.02.2021).

5. «Край выглядит достойно»: спикер Законодательного Собрания прокомментировал итоги голосования по поправкам в Конституцию // Интернет-газета Newslab.ru. — 02.07.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/976842> (дата обращения: 12.02.2021).

6. Центризбирком опубликовал предварительные итоги голосования по вопросу внесения изменений в Конституцию России // Интернет-газета Newslab.ru. — 02.07.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/976788> (дата обращения: 12.02.2021).

7. Быков Анатолий Петрович // Интернет-газета Newslab.ru. — URL: <https://Newslab.ru/info/dossier/bykov-anatolij-petrovich> (дата обращения: 12.02.2021).

8. Анатолию Быкову официально предъявили обвинения в организации двойного убийства. Показания против него дали 3 свидетеля // Интернет-газета Newslab.ru. — 15.05.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/968459> (дата обращения: 12.02.2021).

9. В отношении Анатолия Быкова возбудили уголовное дело за руководство преступным сообществом // Интернет-газета Newslab.ru. — 13.07.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/978722> (дата обращения: 12.02.2021).

10. В отношении Анатолия Быкова возбудили еще одно уголовное дело. Теперь его подозревают в организации убийства по найму // Интернет-газета Newslab.ru. — 25.08.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/988177> (дата обращения: 12.02.2021).

11. Красноярского бизнесмена Анатолия Быкова заподозрили еще и в подстрекательстве к убийству // Интернет-газета Newslab.ru. — 21.09.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/992924> (дата обращения: 12.02.2021).

12. Анатолий Быков останется под стражей до начала зимы // Интернет-газета Newslab.ru. — 30.09.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/994555> (дата обращения: 12.02.2021).

13. Красноярского бизнесмена Анатолия Быкова не отпустили домой, а сразу же задержали по другому уголовному делу // Интернет-газета Newslab.ru. — 22.10.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/998490> (дата обращения: 12.02.2021).

14. Анатолий Быков еще на 2 месяца вернется в СИЗО // Интернет-газета Newslab.ru. — 23.10.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/998653> (дата обращения: 12.02.2021).

15. В отношении Анатолия Быкова возбудили пятое уголовное дело. Оно касается уклонения от уплаты налогов // Интернет-газета Newslab.ru. — 27.10.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/999352> (дата обращения: 12.02.2021).

16. Суд арестовал имущество подозреваемого в неуплате налогов красноярского бизнесмена Анатолия Быкова // Интернет-газета Newslab.ru. — 29.10.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/999705> (дата обращения: 12.02.2021).

17. Красноярский бизнесмен Анатолий Быков останется в СИЗО до конца февраля // Интернет-газета Newslab.ru. — 16.12.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/1008150> (дата обращения: 12.02.2021).

18. Красноярскому бизнесмену Анатолию Быкову сократили арест // Интернет-газета Newslab.ru. — 30.12.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/1010593> (дата обращения: 12.02.2021).

19. Адвокат: Следствие предлагало Анатолию Быкову досудебное соглашение по делу об убийстве // Интернет-газета Newslab.ru. — 28.01.2021. — URL: <https://Newslab.ru/news/1017469> (дата обращения: 12.02.2021).

20. Анатолий Быков просит рассмотреть его дело судом присяжных // Интернет-газета Newslab.ru. — 23.01.2021. — URL: <https://Newslab.ru/news/1016561> (дата обращения: 12.02.2021).

21. Коммунисты объяснили причины отставки главы фракции КПРФ в Заксобрании Красноярского края // Интернет-газета Newslab.ru. — 30.12.2019. — URL: <https://Newslab.ru/news/940359> (дата обращения: 12.02.2021).

22. Вандализм // За Победу! — 2020. — 9 сент. — С. 1.

23. «Единая Россия» получила более 72% замещаемых мандатов на всех уровнях выборов в Красноярском крае // Интернет-газета Newslab.ru. — 14.09.2020. — URL: <https://Newslab.ru/news/991761> (дата обращения: 12.02.2021).

24. Новак А. Анализ и понимание: выдержки из доклада первого секретаря Красноярского краевого отделения КПРФ Андрея Петровича Новака / А. Новак // За Победу! — 2020. — 22 окт. — С. 3.

25. Платонова К. Андрей Новак: «Будем побеждать!» / К. Платонова, А. Новак // За Победу! — 2021. — 13 янв. — С. 1.

Информация об авторе

Задорин Артем Викторович — старший преподаватель, кафедра истории России, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, e-mail: a.zadorin2013@yandex.ru.

Author

Artem V. Zadorin — Senior Lecturer, Chair of History of Russia, Siberian Federal University, 82, Svobodnyi avenue, Krasnoyarsk, 660041, e-mail: a.zadorin2013@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.31

Т. П. УРОЖАЕВА

УДК 332:368

ББК 65.9(2Рос)98

ПРОБЛЕМА ХРАНЕНИЯ И УТИЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОТХОДОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990–2010-Е ГГ.

В 1990–2010-е гг. в области были предприняты меры по увеличению объема переработки отходов крупных промышленных предприятий. Однако оставались нерешенными следующие проблемы: нехватка финансирования, устаревшие технологии утилизации, недостаток внимания региональных и федеральных властей. Были и положительные шаги. В частности, была начата утилизация опасных отходов на предприятиях, где это не происходило давно (ПО «Усольехимпром», БЦБК, Ангарский металлургический завод и др.). Было найдено применение огромным объемам золошлаковых материалов и отходам лесоперерабатывающей промышленности.

Ключевые слова: промышленные отходы, полигоны, утилизация, схема загрязненных мест.

T. P. UROZHAEVA

THE PROBLEM OF STORAGE AND DISPOSAL OF INDUSTRIAL WASTE IN THE IRKUTSK REGION IN THE 1990–2010S

In the 1990–2010s in the region, measures were taken to increase the volume of waste processing of large industrial enterprises. However, the following problems remained unresolved: lack of funding, outdated recycling technologies, lack of attention from regional and federal authorities. There were also positive steps. In particular, the disposal of hazardous waste was started at enterprises where this has not happened for a long time (according to Usolekhimprom, Baikal Pulp and Paper Mill, Angarsk Metallurgical Plant, etc.). Huge volumes of ash and slag materials and waste from the timber processing industry were used.

Keywords: industrial waste, landfills, disposal, scheme of contaminated sites.

Острая экологическая ситуация в Приангарье сложилась не сегодня. Корни ее уходят в период интенсивного развития производительных сил Сибири, которое началось в послевоенный период. Интенсивная несбалансированная индустриализация Иркутской области, проводившаяся зачастую по устаревшим уже на момент строительства проектам, стала причиной того, что практически все промышленные

города региона находились в экологически неблагоприятной обстановке. Приангарье характеризуется высокой степенью индустриализации. Здесь, на относительно небольшой территории, сосредоточены мощные предприятия теплоэнергетики, химической, нефтехимической и целлюлозно-бумажной промышленности, цветной металлургии и других производств.

В конце 1990-х гг. на территории Иркутской области, по приведенным в докладе данным облкомстата, образовалось 970 тыс. т токсичных отходов. По данным территориальных подразделений Госкомприроды Иркутской области, ядовитых отходов в области образовалось почти в пять раз больше, – 4,6 млн. т.

В 1999 г. контроль за отходами на территории региона осуществлял Госкомприроды, охватывая все виды деятельности, связанные с образованием, сбором, хранением, транспортировкой и захоронением отходов производства и потребления. В докладе было указано также, что на территории области не было ни одного специализированного полигона для размещения отходов, который отвечал бы всем необходимым требованиям для защиты природной среды от вторичного загрязнения. Все места размещения отходов были несанкционированными, многие из которых исчерпали свои мощности, подлежали закрытию и рекультивации [1, с. 3–4].

В 1994 г. на федеральном уровне г. Братск был признан городом чрезвычайной экологической ситуации. Основные направления существующей федеральной программы заключались в модернизации и техническом перевооружении экологически вредных производств, решение задач очистки выбросов и сбросов, утилизации отходов [2, с. 4]. В 1999 г. в пригороде открылся небольшой завод по сбору и утилизации ртути. Завод мог перерабатывать в год 1,5 млн. ртутьсодержащих ламп дневного освещения. Мини-завод перерабатывал лампы не только Братска, но и других северных городов области [3, с. 2].

В 2000 г. на основе отходов лесохимии и цветной металлургии в Братске начался промышленный выпуск жидкого стекла, которое служило связующим сырьем при производстве строительных материалов. Для этого в городе на базе комбината «Братскжелезобетон» было создано новое предприятие «Экологические материалы» (предприниматель А. Митюгин). В городе твердые отходы перерабатывались в различные виды продукции. Необходимо было утилизировать «свежие» отходы и шламовые поля цеха кремния [4, с. 1].

Ангарская нефтехимическая компания (г. Ангарск) являлась единственным в Восточной Сибири нефтехимическим гигантом. Часть отходов АНХК, как известно, вывозилась на полигон. Около 20 тыс. т твердых отходов было захоронено. Однако различными способами это количество пытались сократить. Например, внедряли переработку нефтешламов на нефтеперерабатывающем заводе. Байкальский лимно-

логический институт изучал возможность использования илов, которые тоже вывозили на свалку. Ученые считали, что после биологической очистки илы можно было использовать как технический грунт для рекультивации земель [5, с. 2].

В Иркутской области лишь два предприятия имеют официальное право на захоронение радиоактивных отходов – это «Радон» г.Иркутска и электрохимический комбинат г. Ангарска (АЭХК). Если первое изолировало в могильнике радиоактивные изотопы, то второе складировало радиоактивные отходы от деятельности комбината. Еще при становлении АЭХК, в середине 1950-х гг., на его территории были запроектированы места для захоронения радиоактивных отходов. Строились такие могильники в начале 1960-х гг. и к концу 1990-х гг. они оказались переполненными.

АЭХК выполнял Постановление Правительства РФ № 1030 от 28 октября 1996 г. «О Федеральной целевой программе обращения с радиоактивными отходами и отработанными ядерными материалами, их утилизации и захоронения в период 1996–2005 гг.». Вся информация датчиков, установленных на полигоне, передавалась в администрацию города и в областной комитет природы [6, с. 3].

Сотрудники управления Роспотребнадзора по Иркутской области за январь–сентябрь 2010 г. выявили 341 санкционированных свалок. Всего в регионе было зарегистрировано 11 полигонов промышленных отходов. В связи с этим была разработана и утверждена комплексная схема очистки г. Иркутска, согласованы генеральные схемы очистки территорий гг. Черемхово, Усть-Кута, Усть-Илимска. В остальных городах генеральные схемы отсутствовали [7, с. 4].

В 1957 г. в г. Зиме был начато строительство гидролизного завода. Новое предприятие было запущено в 1962 г. и без проблем проработало до конца 1990-х гг. В связи с деятельностью предприятия, на территории Зиминского района в течение многих лет сохранялась тяжелая экологическая обстановка, обусловленная самовозгоранием лигнина. На полигоне площадью 25,2 га накопилось более 11,3 млн. т лигнина [8, с. 2].

С 1997 г. объемы производства начали резко снижаться, а в 1999 г. у Зиминского гидролизного завода из-за долгов отозвали лицензию на производство и реализацию спиртосодержащей продукции. В марте 2001 г. на предприятии было введено внешнее управление, в феврале 2002 г. — конкурсное производство, а в 2003 г. завод был закрыт. После закрытия предприятия, полигоны передали в собственность муниципалитета, не располагавшего ни техникой, ни деньгами. При этом ущерб окружающей среде от горящих отходов был ощутим: так, замеры, которые специалисты областного центра Госсанэпиднадзора проводили в апреле 2004 г., показали, что в зоне влияния полигона, содержание углеродов в атмосфере превышало пре-

дельно допустимую концентрацию в 4,8 раза. «Кто бывал в Зиме в те годы, наверняка помнил, что в городе стояли смог и тяжелый запах, — отметил заместитель мэра Зиминского района по управлению муниципальным хозяйством Н. Ступин. — Очень много было жалоб от населения, люди дошли до того, что собирались перекрывать федеральную трассу» [9, с. 2].

На полигоне закрывшегося предприятия несколько лет действовал пожар. Гидратированную золу из отвала Ново-Зиминской ТЭЦ в декабре 2013 г. использовали для тушения очага возгорания лигнина, произошедшего на полигоне. Именно здесь в 2005 г. впервые в России золошлаковые материалы применили для ликвидации пожара на площадке, где складировались отходы гидролизного производства.

Предприятия «Усольехимпром», Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) и Ангарский металлургический завод (АМЗ) в г. Свирске входили в число наиболее известных своим опасным «наследием» предприятий в Приангарье. АМЗ был открыт в 1949 г., и свирчане десятилетиями жили рядом с «бомбой замедленного действия» — мышьяк и другие ядовитые вещества постепенно просачивались в грунтовые воды. Развалины зданий и оборудование содержали по разным оценкам 100 тыс. т сырья со средним содержанием мышьяка 56 % и 131,1 тыс. т отвалов пиритных огарков (1,15 %) [10, с. 4].

В 1989 г. была проведена конверсия военного производства на Свирском заводе «Востсибэлемент». Сточные воды из цеха, выпускающего для военных целей серебряно-цинковые аккумуляторные батареи, содержали различные яды (дихлорид ртути, цианистый калий, мышьяк, цианиды и др.) [11, с. 2].

В 2013 г. г. Свирск избавился от мышьяка. Опасные отходы и грунт с промышленной площадки Ангарского металлургического завода были вывезены. С территории бывшего АМЗ было вывезено 150 тыс. т мышьяковистых огарков, около 16 тыс. т строительного мусора и порядка 40 тыс. т зараженной почвы. Грунт, строительный мусор и огарки были вывезены на отработанный участок «Северный-5» Черемховского угольного разреза, где уже обустроен котлован. Отходы, обезвреженные с помощью известкового молочка, были заключены в саркофаг, который не позволял вредным веществам распространяться. На строительство полигона было выделено 260 млн. руб. [12, с. 5-6].

На другом опасном предприятии — ПО «Усольехимпром» (г. Усолье-Сибирское) лишь в 2015 г. был начат процесс демеркуризации цеха ртутного электролиза. Также удалось привлечь федеральные власти к решению проблемы шламонакопителей БЦБК на берегу Байкала. За 2011–2012 гг. все эти вещества I и II классов опасности, не пригодные для применения, в общем объеме 123 т были вывезены на специализированные полигоны. В 2014 г. были выявлены бесхозные ядохимика-

ты на территории Тайшетского района, но в рамках введения режима чрезвычайной ситуации решение также удалось найти [13, с. 3].

В 2016 г. только по официальным данным, на территории Иркутской области находилось 147 объектов размещения отходов. Это захоронения нефтеперерабатывающих и энергетических предприятий, заводов и комбинатов, шламонакопители, золошлакоотвалы и, конечно же, полигоны захоронения твердых промышленных отходов. Для сравнения, в соседнем Красноярском крае официальных мест для отходов насчитывалось 123, а в Бурятии – 45 [14, с. 4].

В 2003 г. уникальные технологии переработки отходов лесозаготовительной промышленности были представлены на Всероссийской конференции «Экологическая безопасность Восточно-Сибирского региона», которая проходила в Иркутском государственном техническом университете. Около 20 % этих отходов не утилизировалось. Это хвоя, ветви деревьев, кора, щепа. Между тем, как утверждают ученые, весь этот мусор является ценнейшим материалом для изготовления косметических, лекарственных средств, удобрений для почвы. Промышленная переработка лигнина не требовала привлечения дорогостоящего оборудования и внедрения сложных технологических процессов [15, с. 3].

В регионе оставался нерешенным вопрос утилизации отходов крупных предприятий, которые работали в прежние десятилетия, а позже были обанкрочены и оставались «бесхозными». Ликвидировать их планировалось до 2020–2030 гг. Отходы деятельности бывшего завода по производству фосгена в Свирске складировали, на очереди были отходы БЦБК, «Усольехимпрома». Всего, по данным статистики, предприятия образовывали около 120 млн. т отходов в год, 98 % из них составляли отходы IV–V класса опасности [16, с. 129].

Всего же в Иркутской области было расположено 11 лицензированных площадок для размещения отходов крупных предприятий. В итоге всего 30 % территорий Приангарья было охвачено легальными полигонами складирования промышленных отходов. По данным областного Министерства природы, для того, чтобы справиться со всем объемом мусора, необходимо было еще около 20 мест размещения промышленных отходов [17, с. 3].

В Иркутской области оставалось немало экологических «горячих точек». В госреестр правительство региона пыталось внести больше десятка из них. Один из объектов — микро-полигон отходов производственного объединения «Восток» — находился в Иркутске. В Братске были расположены еще три: склад топливной щепы завода «Стройдеталь», полигон промышленных отходов комбината «Братскжелезобетон» и склад топливных древесных отходов котельной «Телес». В г. Тайшете насчитали два объекта — территорию бывшего мясокомбината и АООТ «Тайшетстройиндустрия». В государственный реестр

также хотели включить свалки промышленных отходов в г. Железногорске-Илимском и Игирминском участковом лесничестве [18, с. 4].

В г. Усолье-Сибирском были свои проблемы. В частности, производитель древесного угля не мог организовать заготовщиков леса в Усольском районе, чтобы те регулярно поставляли отходы. Те районы, в которых не было крупных перерабатывающих предприятий, как в Братске и Усть-Илимске, страдали от своеволия мелких переработчиков, которые мусор бросали, поджигали, свозили в не предназначенные для этого места» [19, с. 3].

Оставалась сложной ситуация с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (БЦБК). Проблема эта пришла из 1950–1960-х гг., когда был спроектирован и построен этот завод. Решить ее в создавшейся экономической ситуации без помощи федеральных структур было невозможно. В 2001 г. на БЦБК началась модернизация цеха переработки осадка (ЦПО), который являлся важнейшим звеном в системе экологической безопасности предприятия.

Как сообщил главный инженер комбината С. Ефимов, в сутки перерабатывалось до 32 т отходов производства. Таким образом, ОАО «Байкальский ЦБК» полностью прекратил вывоз шлам-лигнина на полигон. На территорию, выделенную для размещения отходов, стал поступать только зольный остаток, безвредный для почвы. Данный проект реализовался в рамках программы природоохранных мероприятий, по которой в течение двух лет ОАО «БЦБК» вложил в защиту окружающей среды более 350 млн. руб. [20, с. 4].

БЦБК за более чем 40 лет своего существования нанес огромный экологический ущерб окружающей среде. Шлам-лигнин продолжал храниться на двух площадках, общая площадь которых превышала 180 га. Здесь оставшуюся от производства целлюлозы токсичную субстанцию, содержащую множество вредных веществ, складировали до 1979 г. [21, с. 3]. По данным областного Минприроды, образование новых промышленных отходов V класса опасности пошло на спад — 104,5 т появилось в 2013 г., что на 10,5 % меньше, чем в 2012 г. Во многом это было связано с закрытием БЦБК [13, с. 3].

На технологию для переработки шлам-лигнина, по данным ИргТУ, необходимо было затратить 6,6 млрд. руб. [22, с. 4]. Шлаки, оставшиеся от сжигания угля на ТЭЦ БЦБК, при всем желании нельзя было разложить даже при высокой температуре [23, с. 2]. Отходы, накопленные за время работы комбината, планировалось утилизировать к 2024 г. [24, с. 4].

В другом индустриальном городе Приангарья — Усолье-Сибирском на промплощадке цеха ртутного электролиза хранилось около 1,5 тыс. т элементов I и II классов опасности, а также стояли зараженные ртутью промышленные здания [13, с. 3]. Администрация области своим постановлением от 14.08.98 г. прекратила деятельность цеха

ртутного электролиза на ОАО «Усольехимпром» и выполнить, таким образом, предписание Госкомприроды [25, с. 2].

Разработанный в 2014 г. проект утилизации отходов не получил положительного заключения государственной экспертизы и был отправлен на доработку. Позднее рассматривалась возможность вывоза химических отходов для утилизации на полигонах в Томске, Красноярске и Новосибирске, однако было сложно найти подрядчика, который бы смог профессионально осуществить их перекачку и транспортировку [26, с. 3].

Лишь в 2020 г. цех ртутного электролиза «Усольехимпрома» официально признали объектом накопленного вреда окружающей среде. По расчетам ученых из Института геохимии имени А.П. Виноградова СО РАН, только в конструкциях здания и грунте под ним содержалось 338 т ртути. Ее концентрация в земле и в воздухе внутри цеха превышала ПДК в сотни раз [27, с. 4].

На территории «Усольехимпрома» было расположено 18 скважин, которые были пробурены для добычи рассола, но затем использовались для захоронения отходов производства и были запечатаны. В одной из них — под номером Р2Х — находилось 18 тыс. т эпихлоргидрина. По всей промышленной площадке были разбросаны цистерны с ядовитыми отходами — наследство не только «Усольехимпрома», но и «Усольского силикона». Были обнаружены 62 емкости, содержащее малой части из них — 11 т высоко- и чрезвычайно опасных веществ — было исследовано и утилизировано в 2019 г. [18, с. 4].

Проблема переработки и использования золошлаковых отходов оставалось актуальной в регионе. На территории области действовало 15 тепловых электростанций (ТЭЦ), работающих преимущественно на бурых углях, общее потребление которых составляло более 16 млн. т в год. Суммарное количество накопленных ТЭС ОАО «Иркутскэнерго» золошлаков составило более 80 млн. т, из которых 70 млн. т располагалось в природоохранной зоне о. Байкал [28, с. 42].

На общественных слушаниях по золоотвалу в г.Иркутске в 1992 г., рассматривалась идея сооружения на Правобережье подземной станции теплоснабжения. Конечно, с угольной золой проблема была не так остра, как с радиоактивными отходами, которые не знали, куда девать, но тут тоже было не так просто из-за больших масштабов. К примеру, на Ново-Иркутскую ТЭЦ ежедневно поступало пять вагонов угля, а это давало полвагона золы [29, с. 4].

«Дочка» ОАО «Иркутскэнерго» с 2005 г. продавала золошлаковые материалы (ЗШМ) в основном представителям стройиндустрии. Они использовали золу в качестве заменителя щебня, песка, частично — цемента. Самый крупный покупатель золы — ОАО «Ангарскцемент» — ежегодно потребляло около 200 тыс. т ЗШМ. На остальных 40 кли-

ентов «Иркутскзоллопродукта» приходилось не более 10 % от объемов потребления «Ангарскцемента» [30, с. 4].

Основным направлением применения золошлаков в Иркутской области стало гашение поверхностных пожаров (на него приходилось 61% ЗШМ) в основном в г. Ангарске, Зиме, Саянске. 12 % приходилось на производство цемента, 11 % — на рекультивацию земель [31, с. 159].

Золошлаковую смесь с Усть-Илимской ТЭЦ использовали для отсыпки дорог. Стекловидный шлак, который производили станции, не обладал такими негативными свойствами, как пыление и расплывание, и соответствовал всем нормативам — это подтвердили исследования «Иркутскзоллопродукта» совместно с Братским государственным университетом. На базе ТЭЦ-10 в Ангарске «Иркутскзоллопродукт» реализовал проект по производству безобжигового зольного гравия. Цех мощностью 40 тыс. т в год был запущен в 2011 г. [32, с. 4].

В Братске росло число предприятий, которые были готовы использовать золошлаковые смеси с целью рекультивации земель и профилактики пожаров на больших площадях, где хранились твердые бытовые отходы. В 2014 г. в перечень потребителей золошлаковых смесей вошел полигон ТБО «Падунской коммунальной компании» (8 тыс. т), а также предприятие по глубокой переработке древесины ООО «Лесобалт» (в пределах 20 тыс. т) [33, с. 4].

Значительная часть золошлаков была использована для рекультивации полигонов твердых бытовых отходов в г. Ангарске и Братске. В Усть-Илимске их использовали как отсыпку нулевого уровня площадки для постройки домов, куда переселяли людей из ветхого и аварийного жилья. Определенный объем золошлаковых материалов реализовали в г. Шелехове. Вдобавок 72 тыс. т золы уноса, осевшей в электрофильтрах Ново-Иркутской ТЭЦ и участка №1 ТЭЦ-9 (бывшей ТЭЦ-1), ушло на нужды строительной отрасли (65 тыс. т) [9, с. 2].

К примеру, в г. Ангарске золошлаки использовались для рекультивации полигона твердых бытовых отходов и тушения площадного пожара на бывшей свалке компании «Китойлес». В 2014 г. был заключен договор с группой «Илим» в г. Братске на рекультивацию шламонакопителя № 1». Для этого использовали около 190 тыс. м³ золошлаковых материалов. В результате свалку на въезде в один из районов Братска нейтрализовали и «укрыли» слоем почвы [34, с. 2].

Таким образом, в 1990–2010-е гг. на уровне области были предприняты меры по увеличению объема переработки отходов крупных промышленных предприятий. Вместе с тем, оставались нерешенными следующие проблемы: нехватка финансирования, устаревшие технологии утилизации, недостаток внимания региональных и федеральных властей.

Однако во многих направлениях были сделаны положительные шаги. В частности, была начата утилизация опасных промышленных отходов на предприятиях, где это не происходило несколько деся-

тилетий (ПО «Усольехимпром», БЦБК, Ангарский металлургический завод и др.). Кроме того, было найдено применение огромным объемам золошлаковых материалов и отходам лесоперерабатывающей промышленности.

Список использованной литературы и источников

1. Кузнецов Г. Доклад – лебединая песня / Г. Кузнецов // СМ-номер один. – 2001. – 6 февр. – С. 3
2. Чайковская Е. Программа «Экология Братска» завершается. Что дальше? / Е. Чайковская // Братский металлург. – 2000. – 26 февр. – С. 3–4.
3. Монахов В. Дышать в Братске стало легче / В. Монахов // Знамя. – 1999. – 29 апр. – С. 2.
4. Уруков Е. «Экология Братска»: второй этап / Е. Уруков // Знамя. – 2000. – 29 июля. – С. 1.
5. Алферова Т. Земля, воздух, вода – главная забота / Т. Алферова // Время. – 2002. – 6 мая.
6. Нью-саркофаг для радиоактивных отходов // Время. – 1999. – 10 июня. – С. 3.
7. Роспотребнадзор выявил более 300 несанкционированных свалок // Конкурент. – 2010. – 13 нояб. – С. 3–4.
8. Петрова Е. Лигнин хуже торфа / Е. Петрова // Приокская правда. – 2005. – 26 апр. – С. 2.
9. Щербаков Е. Золошлаковый огнетушитель / Е. Щербаков // Саянские зори. – 2014. – 24 янв.
10. Большие надежды маленького городка // Конкурент. – 2011. – 19 авг. – С. 3–4.
11. Сказка для рыбака о рыбке // Свирская энергия. – 2000. – 6 июля. – С. 2.
12. Шмелева М. Чистый Свирск / М. Шмелева // Черемховский рабочий. – 2013. – 14 июня.
13. Ткачук Ф. Плюсом к ртути и лигнину / Ф. Ткачук // Губерния. – 2014. – 26 дек. – С. 3.
14. Постнова Е. В Иркутской области создается схема расположения полигонов и контейнерных площадок / Е. В. Постнова // Иркутский репортер. – 2016. – 2 сент. – С. 4.
15. Косметика из отходов // Вечерний Иркутск. – 2003. – 30 окт. – С. 3.
16. Богданов А. В. Развитие научных и практических основ технологий комплексной переработки осадков карт-шламонакопителей / А. В. Богданов. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. – 203 с.
17. Подходы к отходам // Сибирский энергетик. – 2017. – 5 мая. – С. 3.
18. Щербаков Е. Один из цехов «Усольехимпрома» официально признали объектом загрязнения природы / Е. Щербаков // Губерния. – 2020. – 16 июня. – С. 3–4.

19. Григорьев И. Депутаты совершили поездку по деревообрабатывающим предприятиям региона / И. Григорьев // Парламентские вести. – 2020. – 9 июня. – С. 4.
20. Отходы будут утилизированы // Конкурент. – 2011. – 30 июня. – С. 3.
21. Борисов Г. Отходы превратятся в камень / Г. Борисов // Губерния. – 2014. – 11 апр. – С. 3.
22. Павлова А. Разменные карты БЦБК / А. Павлова // Конкурент. – 2017. – 19 сент. – С. 3–4.
23. Подрядчика, предлагавшего высокотемпературное разложение отходов БЦБК, сменит другая компания // Губерния. – 2020. – 20 окт. – С. 2.
24. Матвеев А. Сказка о потерянном времени: БЦБК не работает уже семь лет, а его отходы до сих пор не ликвидированы / А. Матвеев // Губерния. – 2020. – 19 июня. – С. 4.
25. Коваль П. Байкальский регион: экологическая реальность и будущее / П. Коваль // Восточно-Сибирская правда. – 1998. – 15 сент. – С. 2.
26. Нужен комплексный проект по утилизации отходов «Усольехимпрома» // Усольская городская газета. – 2019. – 25 февр. – С. 3.
27. Рихванов Е. В. Серебро живое и мертвое ртуть, здоровье и окружающая среда / Е. В. Рихванов // Волна. – 2000. – № 1 (22). – С. 3–4.
28. Самусева М. Н. Направление использования золошлаков ТЭС Иркутской области в качестве вторичного сырья / М. Н. Самусева // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 8. – С. 41–44.
29. Кошелев А. Похвальное слово золе / А. Кошелев // СМ-номер один. – 2002. – 6 июня. – С. 3.
30. Арбузова Е. Заставить отходы работать / Е. Арбузова // Губерния. – 2007. – 21 дек. – С. 2.
31. Коваль Т. В. Золошлаки ТЭС отходы или неиспользуемое сырье? / Т. В. Коваль // Повышение эффективности производства и использования энергии в Условиях Сибири. – Иркутск : изд-во ИргТУ, 2007. – С. 158–161.
32. Махнева А. Ресурс для развития / А. Махнева // Губерния. – 2011. – 17 июня. – С. 4.
33. Лагунова И. Братские предприятия увеличивают объемы использования золошлаков / И. Лагунова // Сибирский энергетик. – 2014. – 3 окт. – С. 2.
34. Законодателей впечатлил опыт «Иркутскзолупродукта» в переработке отходов ТЭЦ // Иркутский репортер. – 2015. – 15 мая. – С. 3.

Информация об авторе

Урожаева Татьяна Петровна — кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания МАОУ «СОШ № 11», 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей 36, e-mail: olgo@ya.ru.

Author

Tatiana P. Urozhaeva — teacher of history and social studies school №11, candidate of historical Sciences, 666683, Ust-Ilimsk, 36 Dreamers str., e-mail: olgo@ya.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.32

Н.Ф. ХАЧАТРЯН

УДК 329.78

ББК 66.75

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Цель представленной работы — исследование особенностей субъектов общественной молодежной политики в современной России на примере СФО. Методы исследования: аналитический метод, обзорный метод, индукция. Результаты статьи демонстрируют, что работа в области общественной молодежной политики ведется на уровне государственных органов власти и негосударственных общественных объединений. Исследования и направления в данной области уже на протяжении многих лет широко реализуются и имеют свои тенденции к совершенствованию.

Ключевые слова: общественная молодежная политика, СФО, мероприятия, финансово-инвестиционный механизм, законодательство.

N.F. KHACHATRYAN

FEATURES OF SUBJECTS OF PUBLIC YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE SFO

The purpose of the presented work is to study the features of the subjects of public youth policy in modern Russia on the example of the SFO. Research methods: analytical method, survey method, induction. The results of the article demonstrate that the work in the field of public youth policy is carried out at the level of state authorities and non-state public associations. Research and trends in this area have been widely implemented for many years and have their own trends for improvement.

Keywords: public youth policy, SFO, events, financial and investment mechanism, legislation.

В настоящее время одним из приоритетных направлений государственной политики является активизация работы с молодежью с использованием для этого законодательных и практических возможностей субъектов общественной молодежной политики. Законодательная база служит основой для реализации молодежной политики, а практические возможности используются для планирования и проведения конкретных мероприятий в области молодежной политики [1, с. 13].

Реализация молодежной политики в России в настоящее время невозможна без использования программного и финансово-инвестиционного механизма. На примере СФО рассмотрим особенности субъектов общественной молодежной политики в современной России. Для этого

потребуется провести анализ нормативно-правовой базы, а также программ, направленных на поддержку молодежи в отдельных направлениях деятельности [2, с. 78].

В настоящее время СФО является одним из лидеров по количеству негосударственных молодежных объединений, в то же время на уровне региональных правительств созданы и успешно работают министерства и комитеты по делам молодежи.

СФО имеет свои проблемы, которые наиболее остро ощущаются в молодежной среде. В первую очередь речь идет о проблеме занятости и трудоустройства по профессии после получения профессии. Характерной проблемой в регионах СФО является недоступность жилья для молодежи, ограниченные возможности для сохранения и укрепления здоровья ввиду нехватки спортивных объектов.

В малых населенных пунктах практически не ведется работы по организации досуга молодежи. При этом уровень распространения преступности и асоциальных явлений в молодежной среде в СФО является одним из самых высоких в сравнении с другими федеральными округами [3, с. 784].

В СФО одним из лидеров молодежной государственной политики является Иркутск с Иркутской областью. Здесь обеспечена работа молодежного парламента, куда входят представители от молодежи - студенты и выпускники вузов, участники и победители конкурсов и соревнований. Молодежный парламент проводит заседания и открытые совещания, для него предусмотрено право выхода с законодательной инициативой.

В соответствии с такой политикой уже обеспечено эффективное взаимодействие между региональными властями и молодежью. Активно решаются проблемы в области социального обеспечения студентов, организации для них практики на предприятиях области, решаются вопросы по трудоустройству после окончания вуза.

В соответствии с отчетом о работе молодежного правительства уже подготовлены к рассмотрению проекты об организации работы студенческих клубов, которые должны качественным образом изменить досуг студентов. Еще один проект направлен на получение финансирования для научно-исследовательских работ при вузах. Кроме законодательной инициативы для молодежного парламента предусматривается функция по разработке и сопровождению реализации молодежной политики. Работа ведется по самым разным направлениям, начиная от профилактики преступности среди подростков, заканчивая организацией досуга и созданием условий для того, чтобы выпускники вузов оставались в своем регионе, а не переезжали на постоянное место жительства в Москву или Санкт-Петербург.

Также на уровне Иркутской области принята и реализуется программа поддержки молодежи. Гранты предусматриваются для старшеклассников и студентов вузов, направлены на финансирование научно-исследовательских проектов. Предусмотрены в программе и шаги по решению жилищной проблемы. В регионе действует сразу несколько ипотечных

программ, предназначенных для молодежи. Предусматривается выплата подъемных при готовности молодого специалиста к переезду в сельскую местность для постоянного проживания и работы. Здесь речь в основном идет о врачах и учителях, специалистах системы местного самоуправления. Программой поддержки молодежи предусматривается финансирование спортивных клубов и секций, что должно сделать спорт доступным, обеспечить модернизацию оборудования и спортивного инвентаря. За счет созданной базы планируется популяризировать среди молодежи спорт и здоровый образ жизни.

В Омской и Томской областях проблема охраны молодежи стоит наиболее остро, в то же время в Красноярском и Алтайском крае проблема преступности и распространения асоциальных явлений среди молодежи стоит более остро, чем в других регионах. В Кемеровской области наиболее выражена проблема с оттоком молодых специалистов после получения ими образования. Именно на основе исследования проблем молодежи в каждом конкретном регионе должна выстраиваться и реализовываться своя программа молодежной политики [4].

В основе молодежной политики сегодня находится программный механизм в виде целевых программ на федеральном, региональном и местном уровнях. Реализация политики представлена в виде конкретного набора мероприятий. По степени консолидации мероприятия в области молодежной политики представлены в виде отдельных мероприятий, комплексных и целевых программ. Отдельные мероприятия имеют простую организационную структуру. В таком формате проводятся молодежные форумы и семинары. Основное преимущество заключается в возможности применения данной формы для решения локальных проблем. В то же время нельзя не отметить, что реализация отдельных мероприятий, которые координируются разными органами и организациями, не позволяет выстроить единые цели и задачи государственной молодежной политики. Поэтому и ее эффективность будет низкой.

Целевые программы ориентированы на решение проблем по конкретным направлениям. Целевая программа может быть направлена на патриотическое воспитание молодежи (ранее такая программа была реализована в Новосибирске), на профессиональную ориентацию молодежи (была реализована в Новосибирской области ранее) и т. д.

Такая форма взаимодействия с молодежью характеризуется наличием конкретных целей и задач. В результате выстраивается целый ряд мероприятий, направленных на достижение цели программы. Недостаток такой формы взаимодействия с молодежью заключается в том, что она направлена на реализацию отдельных направлений молодежной политики.

Наиболее высокоорганизованной формой для реализации молодежной политики сегодня считаются комплексные программы. Преимущество таких программ заключается в том, что в их основе находится

системный подход к решению проблем молодежи. В настоящее время программы молодежной политики разработаны и реализуются во всех субъектах СФО и в ряде случаев — в отдельных городах.

Практика реализации молодежной политики в регионах СФО указывает на характерную тенденцию. Она связана с тем, что эта политика носит общественный уклон. Так, в соответствии с комплексной программой молодежной политики в Новосибирской области предусматривается участие государственных органов власти в поддержке общественно-значимых инициатив, оборудование и предоставление мест для общественно-полезной деятельности молодежи и т. д. Область лидирует среди остальных регионов СФО по количеству детских общественных объединений. В Красноярском крае программой молодежной политики предусматривается оказание содействия экономической самостоятельности молодых граждан, реализации их права на труд. На базе центров занятости населения в регионе ведется обучение по востребованным профессиям с последующей сдачей экзаменов и получением корочек штукатура-маляра, электрика и т. д. В случае необходимости молодые люди в регионе могут обратиться в центры занятости населения для получения помощи в трудоустройстве.

На основе решения краевого правительства создан банк данных с вакансиями для молодых специалистов по востребованным профессиям в области машиностроения, сельского хозяйства и т. д.

Общей чертой для всех регионов СФО является то, что здесь уделяется особое внимание социально-экономической поддержке молодежи.

Предусматриваются выплаты на первого ребенка при рождении, помощь молодым семьям в приобретении земли под строительство дома или помощь в аренде муниципального жилья. Алтайский край развивает пилотный проект в области физического развития молодежи.

Только в период 2015–2019 гг. на территории региона появилось свыше 20 новых спортивных объектов для занятий разными видами спорта, оборудованные лыжные трассы и т. д. Молодежь, которая сегодня занимается спортом, дает положительный пример для детей, также получает возможность через участие в соревнованиях проявить свои навыки и сноровку, претендовать на включение в олимпийский резерв. В Омской области в связи с напряженной криминогенной обстановкой программой молодежной политики предусматриваются профилактические меры в области безнадзорности подростков и совершения ими правонарушений. В этой работе принимают участие сотрудники полиции, социальные работники и психологи, работники учебных заведений. Проблемные подростки своевременно выявляются, с ними ведется профилактическая работа, оказывается помощь в решении проблем внутри семьи [5, с. 102].

Не такое сильное внимание уделяется патриотическому воспитанию молодежи. Как показывает практика, мероприятия в рамках этой работы с молодежью популярностью не пользуются, хотя к ним и стараются

привлечь публичных личностей. Возможно, проблема заключается в неверно выбранном формате.

В Новосибирской области предусматривается поддержка общественных инициатив молодежи. Предложения для решения конкретных проблем собираются вузами области и затем передаются для рассмотрения специальным комитетом при правительстве.

Некоторые инициативы являются инновационными с точки зрения государственного управления. Поэтому не исключается в будущем, что именно инициативная молодежь сформирует кадровый резерв для системы государственного и муниципального управления. В то же время в Томской области уделяется достаточно большое внимание решению жилищной проблемы среди молодежи. Кроме программы льготной ипотеки предусматривается предоставлением бесплатного жилья при трудоустройстве на селе в системе здравоохранения или образования. Это отчасти позволило решить проблему с молодыми кадрами на селе, однако для большей эффективности требуется еще финансовая поддержка.

Однако недостаточное внимание уделяется проблеме в трудоустройстве и занятости молодежи. Активная работа ведется только по направлению занятости в бюджетной сфере (врачи, педагоги, социальные работники и т. д.). В этих отраслях в целом нормальная кадровая обстановка.

В то же время можно отметить переизбыток на рынке кадров со специализацией «экономика», «юриспруденция». До 40 % вставших на учет безработных имеет юридическое или экономическое образование.

В данном случае речь идет о том, что реальные потребности в экономистах и юристах меньше, чем вузы выпускают специалистов с данным уровнем подготовки. Требуется усилить работу с вузами, так как уже сейчас наблюдается дефицит молодых кадров в области государственного и муниципального управления. Региональные власти в данном случае должны выступить в качестве заказчика образовательных услуг, при необходимости профинансировать обучение специалистов по направлению государственного и муниципального управления [6, с. 15].

Практически никакой работы с молодежью не ведется на базе малых населенных пунктов — в селах и деревнях. Если там есть школы и детские сады, то это уже считается хорошим показателем. Досуговая работа в основном ведется на базе домов культуры и библиотечного обслуживания населения. Однако молодежь не проявляется сильного интереса к таким занятиям. Требуется применить новые формы взаимодействия, которые будут интересны молодежи. В качестве успешного примера можно привести Новосибирскую область и г. Бердск.

На базе местного молодежного туристического отряда летом 2019 г. более 80 школьников приняли участие в исследовании природы и культуры родного края. Для них были организованы походы, организовано исследование местной флоры и фауны, предложено участие в проекте по сохранению природы родного края. В результате было подготовле-

но 12 проектов, которые были презентованы на выставке в областном центре зимой 2019 г. Все участники были награждены почетными грамотами, собранная ими информация была передана в фотобанк данных.

В 2020 г. работа по данному направлению должна быть продолжена, но ее были вынуждены перенести из-за пандемии. Это успешный пример только одного направления работы с молодежью — досуга во время летних каникул. В Вороново в 2017 г. летом проходил фотоконкурс среди юных любителей природы. В результате конкурсного отбора для участия в фотовыставке в Москве были отправлены 4 призера. Главная цель участия была сведена к тому, чтобы информировать детей о природе родного края и ее особенностях, предоставить детям возможность через фотографию рассказать о природе родного края.

В Довольном в 2016 г. был завершен проект ремонта спортивного зала при школе, были полностью заменены инженерные коммуникации, напольное покрытие, закуплено и установлено спортивное оборудование.

В настоящее время в зале 4 дня в неделю проходят занятия по 4 видам спорта, включая игру в волейбол и баскетбол. Спортивные секции посещают дети от 8 лет и старше. До этого специально оборудованного помещения для занятий спортом не было. В перспективе у местных властей есть план расширить зал, чтобы в нем могли тренироваться не только школьники, но и студенты, которые приезжают в село на время каникул и выходные.

Таким образом, на примере регионов СФО мы видим, что работа в области общественной молодежной политики ведется на уровне государственных органов власти и негосударственных общественных объединений. Вопросами молодежной политики власти регионов начали заниматься еще в начале 2000-х гг., пытаясь возродить ту систему патриотического воспитания, которая была утрачена вместе с распадом СССР. Во всех рассмотренных регионах действуют комплексные программы в области молодежной политики, что указывает на интерес властей и общественных организаций к работе с молодежью. А это является перспективным с точки зрения типичных проблем для современного поколения.

Список использованной литературы и источников

1. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под общ. ред. С. Ю. Поповой. — Москва : Аквилон, 2019. — 448 с.

2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под общ. ред. В. А. Лукова. — Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — 280 с.

3. Гукова И. Н. Становление государственной молодежной политики в РФ: политико-правовой аспект / И. Н. Гукова // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. История. Политология. — 2018. — Т. 45, № 4. — С. 784-795.

4. Заседание Государственного совета Российской Федерации. 27 декабря 2020 г. // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59528> (дата обращения: 22.02.2021).

5. Зубок Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина. — Москва : Перспектива, 2016. — 166 с.

6. Кара-Мурза С. Г. Сложные проблемы молодежной политики / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Когито-Центр, 2016. — 56 с.

Информация об авторе

Хачатрян Норайр Фрунзович — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета, ФГБЮУ «БГУ», 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: norik.38@mail.ru

Author

Norayr F. Khachatryan — Post-graduate student of the Department of International Relations and Customs Affairs of the Baikal State University, BSU, 664003, Irkutsk, Lenin Street, 11. E-mail: norik.38@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.33

И.С. ШИРОКОВ

УДК 321.7:004.77

ББК 66.3(2Рос),1

РАЗВИТИЕ ФОРМ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается эволюция понятия «электронная демократия», отражение данной проблемы в научных трудах, формулируется авторское определение электронной демократии. Исследуется развитие проектов электронной демократии в России, их результаты. Соотноится предложенное понимание процедур электронной демократии с имеющимся механизмами в России и Иркутской области, а также отчасти с другими регионами страны. Делается вывод об уровне развития электронной демократии в регионе, отмечаются проблемы в реализации электронной демократии на современном этапе.

Ключевые слова: электронная демократия, Иркутская область, электронная коммуникация, формы электронной демократии, общественная инициатива.

I.S. SHIROKOV

DEVELOPMENT OF FORMS OF ELECTRONIC DEMOCRACY IN IRKUTSK REGION

The article examines the evolution of the concept of «e-democracy», the reflection of this problem in scientific works, formulates the author's definition of e-democracy. The development of projects of electronic democracy in Russia and their results are investigated. The proposed understanding of e-democracy procedures compares with the existing mechanisms in Russia and the Irkutsk region, as well as partly with other regions of the country. A conclusion is made about the level of development of e-democracy in the region, problems are noted in the implementation of e-democracy at the present stage.

Keywords: e-democracy, Irkutsk region, e-communication, forms of e-democracy, public initiative.

Зарождение компьютерных технологий и автоматизированных систем в 1950-х гг. столкнулось с осмыслением политического пространства. Компьютерные технологии заставили иначе взглянуть на процессы политических переговоров и разрешения конфликтов после Второй мировой войны. Позднее в 1960-х гг. расширялось применение компьютеров, появились такие методы управления, как системное планирование и бюджетирование (PPBS). В 1970 и 1980 гг. электронная демократия значительно продвинулась к своей конечной форме с приходом кабельного телевидения и персональных компьютеров. Такие технологии стали как проблемой для политической реальности, так и новыми взглядами на социальное взаимодействие, а также новой концепцией политики, согласно которой общество могло бы лучше трансформироваться снизу-вверх. Возник термин теледемократия, послуживший основой для электронной демократии.

Полноценное расширение политического публичного пространства началось в 1990-х гг. с появлением интернета. За следующее десятилетие он стал удобным и недорогим средством коммуникации в промышленно развитых странах, присвоив себе статус политической «независимости» и идеологической свободы. При этом видение политики киберпространства включает множество вариаций, однако стоит выделить два основных. Одно из них описал Говард Рейнгольд в работе «The Virtual Community: Finding Connection in a Computerized World», он определял виртуальные сообщества как «социальные группы», складывающиеся в результате долгой дискуссии большого количества людей. Такие социальные группы становятся основной политической ячейкой в новой эпохе политики.

Второе видение политики киберпространства отражается в работах Элвин Тоффлера, Эстера Дайсона и Джорджа Гилдеара и основано на верховенстве идей перед материальной собственностью, что требует гиб-

кого правительства, заинтересованного в общении с гражданами. В связи с этим централизованная власть государства неизбежно заменяется на власть большинства, расширяя возможности тех, кто имеет более уникальные и эффективные идеи (решения), положительно влияющие на развитие государства.

Электронная демократия представляет собой политический процесс, который при помощи ИКТ организует общественно-политическую деятельность граждан в правотворческом и избирательном процессах, выражая таким образом волю народа. Полноценной электронной демократией может стать только при глубоком и всеобъемлющем применении информационных технологий, обеспечивающих открытые дискуссии в онлайн пространстве, повсеместные электронные выборы, в которых смогут принимать участие все граждане.

В России уже на протяжении десятка лет существуют проекты по развитию форм электронной демократии, при этом инициаторами таких проектов являются как оппозиция, так и официальные власти. Таким проектом является «Фонд информационной демократии» призванный способствовать обновлению демократических институтов и участием граждан в управлении государством при помощи ИКТ [1]. Так же при помощи фонда существует сайт «Российская общественная инициатива» как форма обратной связи государства, этот ресурс создан для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации [2]. Несмотря на разносторонние оценки исследователей, этот Интернет-ресурс является, пожалуй, наиболее ярко выраженной формой электронной демократии в нашей стране, при помощи него граждане могут оставлять свои инициативы, и они гарантированно найдут отклик в лице государства при условии большой поддержки населения. Выдвинутые инициативы, набравшие сто тысяч голосов, могут быть предложены на рассмотрение Госдумой. Такой Интернет-ресурс был бы невозможен без помощи форм электронного правительства, а именно без системы ЕСИА. Еще одним примером, стимулирующим граждан использовать ИКТ в политическом отношении, является использование электронного правительства в рамках портала госуслуг. К 2015 г. 39,6 % населения страны были пользователями портала госуслуг, а уже в 2018 г., согласно Росстату, 74,8 % населения пользуются электронными госуслугами портала, что говорит о росте заинтересованности среди граждан к ИКТ в госсекторе.

В развитии формы электронной демократии в нашей стране значительная роль отводилась официальной «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года», которая определяла основные цели, направления и этапы развития в Российской Федерации делиберативной демократии при помощи информационно-коммуникационных технологий. Среди прочих задач, в нее включалось создание единой системы электронной демократии на региональном и муниципальном уровнях, интегрировав ее с порталами органов власти, социальными сетями и создать возможность к быстрому доступу с мобильных устройств.

В Иркутской области удалось реализовать такую форму электронной демократии не только на региональном уровне, но и в социальных сетях. Возможность онлайн взаимодействия граждан с властью существует и на сайтах партий, в рамках региональной общественной приемной.

В целях развития электронной демократии требуется повышать степень информированности граждан в вопросах социальной, экономической культурной сфер жизни, а также цифровой грамотности населения. Для этого создана государственная программа «Информационное общество» [3]. При этом сторонники развития технологий электронной демократии рассматривают ее как «новый способ обратной связи от общества к государству» [4].

В Иркутской области электронная демократия представлена в таких формах, как выражение в сети Интернет волеизъявления по поводу инициации проекта нормативного решения или сбора количества голосов для поддержки инициативы по принятию определенного правового акта или сбора голосов против правотворческой инициативы. Одновременно она представлена и в форме объединения в социальных сетях групп людей в сообщества с разными политическими интересами, независимое высказывание своей позиции по вопросам политической повестки.

Электронное голосование является неотъемлемой частью электронной демократии. В то же время, основываясь на опыте ряда субъектов Российской Федерации по его применению, на сегодня можно зафиксировать неготовность Иркутской области по использованию такого формата. Пока технология электронного голосования является инновацией. Принять решение о его применении должны сами субъекты, а для этого требуется перестроить традиционный процесс голосования. ЦИК определил два таких региона, которые готовы с организационной и технической готовности: это Москва и Нижегородская область. Председатель Центрального избирательной комиссии (ЦИК) Элла Памфилова по поводу применения электронного голосования осторожно заявила: «Мне бы этого не хотелось. Я все время говорю, что мы находимся в старой реальности, которая уходит. Нужно честно признаться в том, что мы не вернемся к прежней жизни и все новые вызовы и проблемы будут диктовать нам формирование новой реальности, однако она еще не сформулирована» [5].

Несмотря на то, что данный эксперимент пока проводится только в двух регионах, в Иркутской области остаются другие возможности использования элементов электронной демократии. Граждане региона пользуются подачей электронных инициатив через портал «Российская общественная инициатива», обращения от граждан также поступают и через официальные сайты партий. Количество таких обращений растет. Например, через сайт общественной приемной партии «Единая Россия» в нашем регионе в 2016 г. подано 680 обращений, из них по 487 требовались консультации, а по 85 серьезное вмешательство органов власти. Большая часть обращений связана с предоставлением жилищно-коммунальных услуг и состав-

ляет 16,5 % от общего числа. Граждане Иркутской области неоднократно пользовались возможностью, предоставляемой сайтом «Российская общественная инициатива», что тоже можно отнести к ярко выраженной форме электронной демократии. Количество инициатив иркутян на этом сайте составляет 45, из них: 34 федеральных, 9 региональных, 2 муниципальных, такие показатели были к концу 2020 г. Также существует открытая интернет приемная при правительстве Иркутской области для подачи обращений, где можно не только задать вопрос или обратиться за помощью, но и сообщить информацию, которую подавший обращение считает нужной или влияющей на решения правительства.

Несмотря на малую долю электронных обращений, государство пытается донести до граждан возможности электронной демократии. Именно такие обращения в виде критики принимаемых законов или предложений по изменению отдельных законодательных актов, законотворческой инициативы от граждан - все это попадает под представленное выше определение электронной демократии. Однако в настоящее время в регионе существуют только ее отдельные проявления.

Нужно отметить, что онлайн пространство — это не только участие в голосовании, но и обсуждение среди граждан, оно повышает степень социальной интеграции, ее объем. Социальная интеграция - это процесс улучшения условий, улучшение способностей, возможностей и достоинств тех, кто находится в неблагоприятных условиях ввиду их идентичности [6]. Именно онлайн пространство может не только помочь решить проблему с информированностью граждан о процессе электронных выборов, но и усилить агитацию до их начала.

В Иркутской области активно расширяется политическая коммуникация при помощи социальных сетей, граждане региона могут напрямую подключаться к политикам для принятия участия в их деятельности. Например, на страницах в Instagram у губернатора области более 132 тыс. и у мэра Иркутска более 25 тыс. подписчиков. Такое значительное количество свидетельствует о заинтересованности населения в деятельности власти, а не только к конкретным ее представителям. В этой связи особенно популярны в предвыборных дискуссиях стали сообщества в социальных сетях с собственным взглядом на политическую картину региона, например, сообщество «Правительство Иркутской области» и портал «Ирсити.ру», а также официальные страницы отдельных политических акторов.

В целом, Иркутская область в сравнении с другими регионами Сибирского федерального округа имеет высокую политическую активность в интернете. Это проявляется и в том, что количество поданных гражданских инициатив через портал «Российская общественная инициатива» (45 поданных инициатив), значительно выше по сравнению с Новосибирской областью (33 поданных инициативы), Кемеровской областью (17 поданных инициатив) или Омской областью (11 поданных инициатив). Такое участие было бы невозможно без Единой системы идентификации и аутентифи-

кации (ЕСИА). По оценке Минкомсвязи Иркутская область в 2015 году занимала первое место в Сибирском федеральном округе по количеству зарегистрированных в ЕСИА, что доказывает активное пользование гражданами региона электронными инновациями в политических отношениях. В 2018 г. доля зарегистрировавшихся граждан Иркутской области составляла 52,2 % [7].

Техническая надежность и тайна голосования (в рамках электронного волеизъявления) являются определяющим фактором при принятии решения об участии в выборах через интернет. На вопрос «Почему бы вы не стали голосовать онлайн на следующих выборах?» 20 % из числа ответивших в нашей стране сомневаются в технической надежности системы, еще 14 % респондентов не верят в сохранение тайны и 33 % предполагают наличие умышленных манипуляций и мошенничества. В качестве недостатков 21 % ответивших на вопрос «Какие есть недостатки в голосовании через интернет?» называют простота в фальсификации голосов и 15 % убеждены в огромных рисках утечки данных и факты утечки данных имели место быть. По этой же причине часть оппозиционных партий и электорат настроены против использования электронного голосования на выборах.

Данные опроса свидетельствуют скорее об отрицательном отношении населения к электронной демократии. 65 % опрошенных высказали желание голосовать традиционно на избирательном участке с помощью бумажного бюллетеня. Электронное голосование выбирают только 30 %, причем 28 % из них все преимущества электронной формы голосования сводят к возможности не выходить из дома. Хотя, с точки зрения электронной демократии, преимуществом такой возможности должна являться прозрачность, неподкупность выборов, отсутствие возможности их фальсификации. Расширение аудитории сторонников электронного голосования будет расти по мере дальнейшего внедрения такого инструмента и увеличение его масштабирования. Барьерами такого расширения остаются технические ограничения: отсутствие устройств, интернета и неумение пользоваться системой [8].

Иркутская область столкнулась с такими же преградами на прошедших всероссийских выборах, которые показали техническую и организационную неготовность региона.

Несмотря на это, «тенденция к развитию общественной онлайн дискуссии и возможность подачи общественной инициативы online проявляется все отчетливее. Онлайн среда и информационно-коммуникационные технологии создают неограниченные временем и территорией площадки, со свободным входом, где каждый может оценивать и выражать свои демократические воззрения» [9, с. 207].

Несмотря на существующие трудности с распространением электронного формата голосования на выборах, актуальность различных форм электронной демократии по-прежнему высока. Желание придерживаться такого формата даже среди 30 % населения в стране позволяет говорить о тенденции вовлечения граждан в процессы электронной демократии.

Список использованной литературы и источников

1. О Фонде // Фонд Информационной Демократии. — 08.10.2012. — URL: <https://www.f-id.ru/about/> (дата обращения: 30.12.2020).
2. Что такое «Российская общественная инициатива» // Российская общественная инициатива. — 04.03.2013. — URL: <https://www.roi.ru/page/about/> (дата обращения: 30.12.2020).
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : Постановление Правительства Российской Федерации от 15. 04. 2014 г. № 313 // Российская газета. — 2010. — 16 окт. — С. 10
4. Общественное мнение о развитии механизмов электронной демократии и электронного правительства // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). — 11.03.2013. — URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2013/06/Survey_EGov_EDemocracy.pdf (дата обращения: 30.12.2020).
5. Председатель ЦИК Элла Памфилова надеется, что дистанционное электронное голосование не заменит полностью традиционное // РИА Новости. — 03.08.2020. — URL: <https://ria.ru/20200803/1575323683.html> (дата обращения: 04.08.2020).
6. What is Social inclusion? // The World Bank. — 2020. — URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/social-inclusion> (дата обращения: 04.08.2020).
7. Рейтинг регионов по доле граждан, зарегистрированных в ЕСИА // Экспертный центр электронного Государства. — 12.04.2018. — URL: <https://d-russia.ru/opublikovan-rejting-regionov-po-dole-grazhdan-zaregistrirovannyh-v-esia.html> (дата обращения: 30.12.2020).
8. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра политической конъюнктуры // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). — 29. 05.2020. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/elektronnoe-golosovanie-novye-tehnologii-menyayut-elektoralnye-privyuchki> (дата обращения: 06.08.2020).
9. Барышев Е. В. Интернет и перспективы демократии / Е. В. Барышев // Вестник РГГУ. Политология. Социально-коммуникативные науки. — 2013. — № 1 (102). — С. 207 — 208.

Информация об авторе

Широков Иван Сергеевич — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: shirokov.iw@yandex.ru

Author

Ivan S. Shirokov — Postgraduate Student, Department of International Relations and Customs, Baikals State University, 664003, Irkutsk, str. Lenin, 11, e-mail: shirokov.iw@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.34

И. В. МЕЗЕНЦЕВА

УДК 94(047)

ББК 63.3 (2Р54)

«НЕ ПРОПАДЕТ ВАШ СКОРБНЫЙ ТРУД ...»: О СУДЬБЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (К 35-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ ДЕКАБРИСТОВ В ЧИТЕ)

Забайкалье — одно из немногих мест в России, где сохранению памяти о декабристах придается особое значение. Примером трепетного отношения к доброму имени «первых русских революционеров» является музей, размещенный в Михайло-Архангельской церкви в старой части Читы. История незатейливо соединила в себе деревянный храм, возведенный в конце XVIII в. и социально-политическое событие начала XIX в. Церковь стала центром пребывания декабристов в Чите и поэтому, совсем не случайным было решение о размещении музея именно в ней. Сегодня наследие декабристов на забайкальской земле переживает не простые времена. Статья посвящена истории этого вопроса.

Ключевые слова: Забайкалье, Чита, декабристы, Михайло-Архангельская церковь, Церковь декабристов, Музей декабристов.

I. V. MEZENTSEVA

«YOUR SORROWFUL WORK WILL NOT BE LOST ...»: ABOUT THE FATE OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN A CHANGING WORLD (TO THE 35TH ANNIVERSARY OF THE MUSEUM OF DECEMBRISTS IN CHITA)

Zabaikalye is one of the few places in Russia where the memory of Decembrists is given special importance. An example of fondness for a good name of «the first Russian revolutionaries» is the museum located in Mikhailo-Arkhangelsk church in the old part of Chita. The history simply combined a wooden church built at the end of the 18th century and a socio-political event of the early 19th century. The church became the center of the Decembrist stay in Chita, and therefore, it was not by chance the decision to locate the museum there. Today, the legacy of the Decembrists on the Trans-Baikal land is going through difficult times. The article is devoted to the history of this issue.

Keywords: Transbaikal (Zabaikalye), Chita, Decembrists, Mikhailo-Arkhangelsk church, Decembrist Church, Decembrist Museum.

По данным межевого инженера А.И. Попова, автора «Справочника-путеводителя по Чите», изданного в начале XX в., Михайло-Архангельская церковь была построена на средства купца Е. Гуркина в 1774–1776 гг. на месте бывшей, сгоревшей во время пожара [1, с. 144-145]. Но особым вниманием к себе она обязана именно декабристам.

В Читинском остроге отбывали наказание 85 участников восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Сюда к ним прибыли их верные спутницы — жены и невесты. Весной 1828 г. в местном храме венчались декабрист Иван Анненков и француженка Полина Гебль, осенью 1839 г. — Дмитрий Завалишин и Аполлинария Смолянинова, нашедшая через шесть лет последний приют у стен этой же церкви. «Романтическая сторона» истории декабризма активно разрабатывалась исследователями и писателями [2], несколько затеняя собой истинные мотивации и значимость выступления декабристов.

В начале 2000-х гг. в связи с изданием XIX и XX томов документов из серии «Восстание декабристов», посвященных памяти М.В. Нечкиной, появлением работ С.В. Мироненко, О.И. Киянской, П.В. Ильина, В.Я. Грошула начинается новая веха в изучении истории движения декабристов [3]. «Состоянием кризиса» в значении «поворотного пункта» назвал ее В.А. Шкерин, отметив, что «исчерпала себя не научная проблематика, а монополярная концепция советского декабриствоведения, рассматривавшая декабристов исключительно как первых русских революционеров, родоначальников освободительного движения» [4, с. 123]. В рамках нового подхода на первый план выдвигались личность и определение ее места в движении декабристов, существенно образом дополненные сведениями о пребывании на каторге и в ссылке. Анализ уже введенных в научный оборот документов позволил исследователям более глубоко без идеологического давления посмотреть на события 1825 г.

Беспристрастность подхода отразилась и на «романтической стороне» пребывания декабристов в Сибири. Ставшее практически хрестоматийным мнение о том, что, разделив изгнание мужа, Мария Волконская совершила самоотверженный «подвиг любви бескорыстной», испытывавшая от чувства исполненного долга только душевный подъем, а не разочарование, несколько корректируется после знакомства с воспоминаниями близких семьи Волконских. На что обрекала себя княгиня, бросая родителей и новорожденного сына, «не знал никто, меньше всего она сама ... И только в Нерчинске, за восемь тысяч верст от родного дома, она увидела, куда она приехала... И окружавшая пустыня понемногу овладела ее душой» [5, с. 112]. Покидали Сибирь Волконские порознь и в разное время, «поскольку, видимо, совместное существование становится просто невозможным». После возвращения Волконский жил в Москве у дочери и считал свою жизнь вполне состоявшейся: «Избранный мною путь довел меня в Верховный уголовный суд, и в каторжную работу, и к ссылочной жизни тридцатилетней, но все это не изменило вновь

принятых мною убеждений, и на совести моей не лежит никакого гнета упрека» [Там же, с. 113]. Смог бы он это сказать, если бы в его судьбе не случилась княгиня Мария Николаевна Волконская, пережить которую он смог всего лишь на два года.

В эту своеобразную дискуссию, разворачивающуюся на страницах научной печати, были вовлечены и сотрудники Музея декабристов в Чите, которые сосредоточились на изучении сибирского наследия и влияния декабристов на развитие края «слезам и скорби посвященного». К тому же «поворотный пункт» наметился и в судьбе самого музея.

Декабристы приняли самое деятельное участие в судьбе церкви. Дмитрий Завалишин, вернувшийся в Читу в 1839 г. на поселение, обратился «к своим товарищам и их родным с просьбою о содействии к поддержанию церкви... в память нашего пребывания...» [6, с. 533], затем занимался вопросами ремонта храма, организованного на деньги матери Никиты и Александра Муравьевых — Екатерины Муравьевой. Церковь носила статус городского собора до 1875 г., затем стала приходской. Примечателен и тот факт, что именно в этом храме 22 октября 1851 г. был озвучен указ о создании Забайкальской области и присвоении Чите статуса областного города [7]. Революция 1917 г. и новая атеистическая идеология изменили отношение к церкви вообще, и к «Церкви декабристов», как называли ее местные жители, в частности. До начала 1920-х гг. она оставалась еще действующей, но затем на протяжении 30 лет служила аэроклубом, общежитием, складским помещением. В 1939 г. представителем Оргкомитета Верховного совета РСФСР по Читинской области в Областной исполнительный комитет был представлен доклад «Об исторических памятниках Читинской области», в котором содержалось подробное описание состояния здания и решение по его дальнейшему использованию: «Церковь декабристов является памятником старины..., все живописно-исторические ценности церкви забелены и закрашены. Оградки у могил засорены, памятники побиты, плиты сорваны. Постановили: обязать Горсовет срочно освободить помещение Церкви декабристов как единственный исторический памятник в Союзе, связанный с личностями декабристов, и передать помещение Читинскому отделу искусств» [8, с. 196]. В 1969 г. по решению Читинского облисполкома помещение церкви было передано Областному краеведческому музею для размещения в нем экспозиции по истории города.

Идея сохранения памяти о пребывании декабристов в Чите стала спасением для обветшавшего здания. Тогда Епархия не могла препятствовать передаче здания для организации в нем светской организации, это было государственное решение. В 1974 г. церковь включили в перечень памятников архитектуры и градостроительства республиканского значения, следствием чего стали одиннадцатилетняя масштабная реконструкция и открытие Музея декабристов. Это, в свою очередь, положило начало развитию целого направления в забайкальском краеведе-

нии — изучению истории Нерчинской каторги и истории декабристского движения.

Музей декабристов — это связь поколений, подпитка исторических корней и, как бы это ни звучало сегодня высокопарно, гордость за свое Отечество. В свое время прямой потомок декабриста Василия Ивашева Татьяна Цукшвердт, искренне желая оставить зримую память о своем знаменитом предке на читинской земле, передала музею венчальные свечи, принадлежавшие сыну декабриста Петру Ивашеву, то есть ее прадеду. Украшенные белыми лентами и яблоневым цветом из шелка, они демонстрируются в экспозиции рядом с портретом ее прапрабабушки француженки Камиллы де Лантю, приехавшей в Сибирь невестой опального революционера [9]. Тем самым, продолжалась своеобразная эстафета памяти в той самой «романтической стороне» истории декабристов, которая не раз подвергалась критике с извечным вопросом — во имя чего? Здесь, в Забайкалье, отношение к ней всегда было особенным, а ответом на вопрос служил свет лампы, долгие годы горевший как «путеводная звезда» в склепе на могиле Александры Муравьевой в Петровском Заводе [10, с. 144].

Музей декабристов — это запечатленное время, хранитель памяти, назидание потомкам, не стесняющимся сегодня оставаться в «благодущном неведении» или в угоду политической конъюнктуре заниматься перекраиванием исторической памяти. Именно поэтому сотрудники музея с момента его создания верны своему историческому подвижничеству. На протяжении многих лет в здании музея проходили «Декабристские чтения» и музыкально-поэтические вечера, на страницах газеты «Забайкальский рабочий» в публицистической форме находили свое отражение научные изыскания сотрудников музея, историков, литературоведов [11].

И это, несмотря на откровенные провокации и нападки, включая причисление деятельности декабристов к истокам терроризма в России «историком-любителем» под звучным псевдонимом «Палкин» [12] и остро критическую позицию журналиста О. Нехаева: «Музей декабристов открыли в Чите в начале перестройки. Экспозицию разместили в самом «намоленном» храме Забайкалья. Тех, кого церковь предала проклятию, сделали героическим содержанием древнего храма. Но не одним невежеством был порожден этот конфликт. Сам по себе декабризм уже тогда возвели в ранг своеобразной религии. В читинском музее даже картину «Восстание 1825 года» повесили на место бывшего иконостаса» [13]. Во многом это указание на «нравственно неоправданное» размещение музея, посвященного «государственным преступникам», в стенах церкви становится отправной точкой в борьбе за судьбу наследия декабристов в Забайкалье. Здесь свои истоки и своя история.

В 1992 г. Исполнительный комитет областного Совета народных депутатов опубликовал решение о возвращении Михайло-Архангельского храма церкви, но только после определения (не позднее 31 декабря

1992 г.) места размещения музейной экспозиции. При этом не оговаривалось, когда, куда и как перемещать экспонаты и раритеты. Вопрос «повис в воздухе» и музей остался в прежних стенах на долгих двадцать три года. В поисках компромисса актом защиты и сохранения музея становится идея строительства в Чите большого храма, освободив для этого часть привокзальной площади, где располагался городской каток. Забайкальцы собирали добровольные пожертвования, приобретали билеты на благотворительные вечера, изыскивали возможность финансовой помощи Забайкальская железная дорога, городская и областная администрации. В итоге в 2007 г. в центре города был возведен величественный храм, но даже его появление не остановило церковь от новых призываний на «храм культурный и просветительский».

14 декабря 2015 г. Митрополит Читинский Владимир во время проходивших в Чите Забайкальских рождественских чтений сделал заявление о возвращении здания Музея декабристов как церковного имущества. Заявление было поддержано известным религиоведом, доктором исторических наук Р.А. Силантьевым: «Если здание строилось как церковь, то должно и использоваться как церковь; декабристы же не использовали его как музей» [14]. В момент пребывания декабристов в Чите, они и представить не могли, что память о них на этой земле будет освещена отсветом Михайло-Архангельской церкви. В Читинской епархии настаивали на переносе экспозиции музея в Забайкальский институт предпринимательства, что, по их мнению, явилось бы «весомым вкладом в восстановление исторической справедливости». Митрополита поддержал и атаман Забайкальского казачьего войска, вице-премьер правительства Г. Чупин, направив письмо Губернатору Забайкальского края К. Ильковскому с просьбой передать здание музея — «Церковь декабристов» — русской православной церкви. В очередной раз общественность города оказалась втянута в полемику — быть или не быть Музею декабристов?

Тогда служители церкви особо не задумались над вопросом о том, почему краеведы, научная интеллигенция, общественность так рьяно отстаивает интересы музея. Между тем ответ, как казалось, лежал на поверхности — не появившись на забайкальской земле декабристы, неизвестно, как долго шла бы сюда цивилизация. Еще декабрист Д. Завалишин заметил, что «в числе других выгод, которые обе местности, как Чита, так и Петровский завод, извлекли от нашего пребывания в них, было учреждение почтовых контор, которых до нас не было и которые остались там и после нас» [6, с. 370]. По мнению краеведа А. Букина, декабристы стали «первой невольной, но качественной инвестицией в развитие Забайкалья... Потраченные здесь ими и их женами средства всколыхнули экономику и товарное производство, стали основой для развития территории..., во многом предопределили культурное развитие края...» [15]. По воспоминаниям сибирского врача и литератора А. Белоголового, «благодаря знакомству с декабристами многие иркутские чиновники

и купцы познали силу непосредственного обаяния просвещения, почувствовали большую потребность в духовных наслаждениях жизни, стали больше читать и особенно стали заботиться о том, чтобы дать своим детям по возможности совершенное образование» [16, с. 13]. Также было в Чите, Петровском Заводе и во многих других местах пребывания декабристов. И среди их сибирских учеников были дети не только чиновников и купцов. Не будь декабристов, самой ближайшей перспективой на это могло бы стать строительство Транссибирской магистрали.

Немаловажным являлось и то обстоятельство, что экспозиция музея была разработана и создана специально для размещения в помещении церкви. Мало кому известно, что чугунное ограждение территории музея и вокруг захоронения новорожденной Софьи Волконской изготавливалось в цехах Читинского машиностроительного завода по чертежам, выполненным на Ленинградском комбинате живописно-оформительского искусства с использованием декабристской символики — факелов, кистей, знамен [17]. Все это неразрывно связано с музеем, его спецификой и делалось далеко не для облагораживания обычной церкви. Музей — это не только сама церковь, это дух и атмосфера той части земли, по которой ходили декабристы, занимались хозяйством, на которой установлен первый верстовой столб, обозначивший начало многодневному переходу декабристов из Читы в Петровский Завод.

Заслуженный работник культуры РФ В.С. Терёхина, будучи с 1975 по 1985 г. директором Областного краеведческого музея, а значит непосредственным участником создания Музея декабристов, заметила, что в 1960-х гг. здание церкви «было никому не нужным, его никто не разрушал, деревянное здание ветшало от времени и приходило в аварийное состояние» [18]. С 1976 по 1983 г. проводились реставрационные и оформительские работы. Сотрудниками будущего музея Е.Ф. Калашниковой и Н.С. Козловой была проделана огромная подготовительная работа в архивах Москвы, Ленинграда, Читы, Тобольска и других городов. Реализация художественного проекта экспозиции музея осуществлялась при непосредственном участии талантливого ленинградского архитектора и художника Р.Г. Кравцова. Требовательный профессионал поставил задачу создать не только музей, что, несомненно, имело ключевое значение, но и важный туристический объект Забайкалья — исторический комплекс, объединяющий в себе Михайло-Архангельскую церковь, фундаменты и казематы Читинского острога, прилегающие к ним улицы и домик Е.П. Нарышкиной.

В канун 160-летия со дня восстания на Сенатской площади 26 декабря 1985 г. Музей декабристов был открыт, а через несколько лет стал лицом города, известным не только в Чите, но и далеко за пределами Забайкалья. Относительно вопроса о претензиях православной церкви на здание, в котором располагается музей, В.С. Терёхина высказалась довольно определенно, отметив, что русская православная церковь получила на территории Забайкалья «один из самых крупных и богатых

храмов России, а также несколько новых церквей в Чите и в крае», и уже поэтому у нее нет серьезных оснований претендовать на маленькую деревянную церковь — памятник деревянного зодчества XVIII в. [18]. Отношение к церкви меняется в обществе, но не является определяющим в формировании мировоззрения современного человека. Людям интересна история, культура, искусство — все то, что показывают музеи. И Музей декабристов — это не просто свидетельство другой эпохи, рассказ о людях с критическим мышлением, готовых к самопожертвованию за свои убеждения, но и сильнейший воспитательный и духовный заряд. Декабристы, будучи по воспитанию и образованию людьми верующими, не могли не понимать, что сама мысль о цареубийстве, к которому они готовились, «греховна» и уже преступление. На каторге и в ссылке одни в вере они искали оправдание своим действиям, пути искупления и утешение, другие отходили от догм религиозного мировоззрения. Без понимания нравственных и человеческих позиций нельзя ни понять, ни оценить декабристов. Музей в стенах церкви помогает проникнуться этим сложным переплетением духовности и нравственности. Невольно напрашиваются поэтические строки, написанные иркутским писателем и поэтом М. Сергеевым для спектакля Читинского драматического театра «Записки княгини Волконской», премьера которого состоялась 8 октября 1975 г., а смысл последней строки в свете рассматриваемого вопроса приобретает особое содержание:

Нева подо льдом и под снегом, но жарок огонь эполет.

Над злым девятнадцатым веком вскипает декабрьский рассвет.

Россия раскроешь ли вежды? — Проснись, мы идем на царя!

Друзья, да спасет нас надежда, что все это было не зря (курсив мой — И.М.).

В конечном итоге декабристы выполнили свою миссию, хотя их выступление было поспешным, недостаточно организованным и по ряду объективных причин обреченным на поражение. Но обреченным оказалось и само самодержавие, неспособное принять «вызовы времени» и затормозить распространение передовых общественных идей в России.

В декабре 2015 г. в своем послании участникам Краевой научно-практической конференции, посвященной 190-летию восстания декабристов и 30-летию «Музея декабристов», губернатор Забайкальского края К. Ильковский подчеркнул важность происходящего события именно «в здании одного из лучших музеев Сибири и значение которого для сохранения нашей истории, культуры трудно переоценить» [17]. Оказавшись в Чите, декабристы собрали средства на ремонт уже ветхой к тому времени церкви и, таким образом, спасли это уникальное здание. С церковью, которая находилась буквально в 100 метрах от острога, неразрывно связана вся история их пребывания в Чите — здесь они венчались, крестили детей, молились, отмечали церковные праздники, провожали в последний путь своих близких, что, вполне справедливо, отразилось

на ее народном восприятии. Тридцать пять лет назад не было сомнений, где размещать музейную экспозицию. Относительно небольшой по размерам музей и сегодня является уникальным явлением культурной жизни Забайкалья, а по своему тематическому содержанию, воссозданной атмосфере, наличию подлинных вещей (почти 900 экспонатов — предметы быта, книги, документы, письма декабристов и их жен, акварели Н.А. Бестужева, Н.П. Репина и, даже... фонарный столб, стоявший когда-то у стен Читинского острога) — одним из немногих, посвященных декабристской тематике, и одним из лучших музеев не только в Сибири, но и в стране.

Сотрудники музея, сохраняя и оберегая память о декабристах в стенах церкви, отдали дань уважения и ее памяти. В 2016 г. в читинском «Экспресс-издательстве» вышла книга Л. Храмовой «Тот храм, построенный из бревен ...» [8], в аннотации к которой отмечено, что «на обширном материале прослежены не только различные этапы ее существования и восстановления, но также судьбы священнослужителей и причетников; по возможности восстановлены фамилии погребенных у стен храма». В связи с этим возникают вопросы — можно это считать «вкладом в восстановление исторической справедливости» и какая еще маленькая провинциальная церковь удостоилась такого внимания и почтения?! «Отдельной страницей выделен период, связавший воедино историю жизни церкви, ее прихожан с судьбами сосланных в Сибирь декабристами, чье имя носит теперь музей, размещенный в стенах храма» [Там же]. В связи с этим, можно задать еще один вопрос — существовала бы сегодня Михайло-Архангельская церковь, практически в первоначальном состоянии, если бы не декабристы и сохранение памяти о них?

Судьба Музея декабристов в меняющемся мире вопрос далеко не праздный. Главные аргументы здесь у двух сторон — музея и церкви. Позиция первой предельно ясна — «от окончательного разрушения здание спасло создание музея; зачем разрушать то, что хорошо работает и пользуется большим спросом». Со стороны церкви в достижение ее целей продолжают поступать предложения «объективно, независимо от чьих-то сентиментальных чувств» и «относительно азав сохранения культурного наследия» — «необходимо отдать должное экспозиции Музея декабристов 1985 г. Для своего времени она была прорывом. Но мы давно живем в XXI в. ... И ветхие стены храма не позволяют воспользоваться современными возможностями музейного дела. Можно сформулировать двуединую задачу: новое помещение для новой экспозиции, старый интерьер для старой церкви» [19]. При всех точках зрения, далеких пока от компромисса, очевидно то, что музей необходимо сохранить как дань памяти людей, которые «жертвовали не только жизнью, ... но и состоянием, и положением в обществе, и тем, что имели уже, и тем, что, наверное, имели бы при том порядке вещей, которые искали изменить вопреки своей выгоде» [6, с. 178].

Список использованной литературы и источников

1. Немеров В. Прогулки по старой Чите / В. Немеров. — Чита : Экспресс-издательство, 2010. — 332 с.
2. Гессен А. Во глубине сибирских руд... Декабристы на каторге и в ссылке. Документальная повесть / А. Гессен. — Москва : Детская литература, 1976. — 351 с.; К России любовью горя. Декабристы в Восточном Забайкалье / отв. ред. С. Ф. Коваль. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1976. — 256 с.; Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов / Э. А. Павлюченко. — Москва : Издательство «Наука», 1980. — 157 с.
3. Восстание декабристов. Документы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. XIX / сост. К. Г. Ляшенко, О. В. Эдельман ; отв. ред. В. П. Козлов, С. В. Мироненко. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 528 с.; То же. Т. XX / сост. А. В. Семенова ; отв. ред. А. Н. Сахаров. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 529 с.; Мироненко С. В. 14 декабря 1825 года. Восстания могло не быть / С. В. Мироненко // Отечественная история. — 2002. — № 3. — С. 57–66; Киянская О. И. Декабрист Сергей Волконский / О. И. Киянская // Отечественная история. — 2004. — № 6. — С. 98–125; Киянская О. И. Пестель / О. И. Киянская. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 335 с.; Ильин П. В. Персональный состав тайных обществ декабристов: проблемы изучения / П. В. Ильин // Отечественная история. — 2004. — № 6. — С. 117–125; Гросул В. Я. Декабристы и эмиграция / В. Я. Гросул // Отечественная история. — 2006. — № 6. — С. 6–19.
4. Шкерин В. А. Об исследованиях по истории декабристского движения / В. А. Шкерин // Отечественная история. — 2008. — № 3. — С. 123–125.
5. Киянская О. И. Декабрист Сергей Волконский / О. И. Киянская // Отечественная история. — 2004. — № 6. — С. 98–125.
6. Завалишин Д. Воспоминания (Серия «Биографии и мемуары») / Д. Завалишин. — Москва : Захаров, 2003. — 608 с.
7. Бардакова В. «... В степень областного города» / В. Бардакова // Забайкальский рабочий. — 2001. — № 138 (24 июля). — С. 3.
8. Храмова Л. «Тот храм, построенный из бревен...» / Л. Храмова. — Чита : «Экспресс-издательство», 2016. — 208 с.
9. Константинова Н. Наследница декабриста / Н. Константинова // Забайкальский рабочий. — 2006. — № 227 (14 нояб.). — С. 3.
10. К России любовью горя. Декабристы в Восточном Забайкалье / отв. ред. С. Ф. Коваль. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1976. — 256 с.
11. Калашникова Е. Является трудом коллективным (об участии Д. Завалишина в подготовке «Проекта на устройство областного города Читы» 1862 г.) / Е. Калашникова // Забайкальский рабочий. — 2005. — № 203 (26 нояб.). — С. 10; Калашникова Е. Церковь декабристов: история и судьба / Е. Калашникова, Н. Козлова // Забайкальский рабочий. — 2005. — № 215 (13 дек.). — С. 4; Калашникова Е. ... Среди страниц российской истории (к 180-летию со дня прибытия декабристов в Благодатский рудник) / Е. Калашникова // Забайкальский рабочий.

— 2006. — № 219 (3 нояб.). — С. 9; Калашникова Е. ...И воздух здесь был благодотворен (к 180-летию прибытия в Читу первых декабристов) / Е. Калашникова. — Забайкальский рабочий. — 2007. — № 16 (29 янв.). — С. 13; Полетаева Л. «Декабристы всегда интересны...» (о наследии ссыльных дворян-революционеров в забайкальской культуре) / Л. Полетаева // Забайкальский рабочий. — 2009. — № 230 (11 дек.). — С. 4.

12. Палкин В. Патриоты или клятвопреступники? / В. Палкин // Читинское обозрение. — 2002. — № 32 (8 авг.). — С. 9.

13. Нехаев О. Преступные мечтатели. Их называли и изменниками, и героями. Так кем же были декабристы на самом деле? / О. Нехаев // Российская газета. — 2006. — № 288 (22 дек.). — С. 20–21.

14. Митрополит Читинский Владимир ратует за возвращение здания музея декабристов в лоно церкви // Комсомольская правда. — 14.12.2015. — URL: <https://www.kp.ru/daily/26470.5/3340125/> (дата обращения: 12.01.2021)

15. Баринов И. «Каторжная республика»: как декабристы превратили Читы из деревни в столицу Забайкалья / И. Баринов // Военное обозрение. — 2017. — 4 февр. — URL: <https://topwar.ru/108579> (дата обращения: 10.01.2021).

16. Бутаков Ф. Пока сердца для чести живы. Очернители российской истории добрались и до памяти декабристов / Ф. Бутаков // Забайкальский рабочий. — 2009. — № 158 (2 сент.). — С. 12–13.

17. Арзамасцева Л. «Один из лучших музеев Сибири — быть или не быть?» / Л. Арзамасцева // Читинское обозрение. — 2016. — № 3 (20 янв.) — URL: <http://obozrenie-chita.ru/article/muzei-dekabristov> (дата обращения: 22.12.2020).

18. Терёхина В.С. Создание Музея декабристов в Чите: как это было / В.С. Терёхина // Читинское обозрение. — 2016. — № 15 (13 апр.). — URL: <http://obozrenie-chita.ru/news/sozдание-muzeya-dekabristov> (дата обращения: 08.01.2021).

19. Пояркина Т. Правда на правду — два мнения о судьбе Музея декабристов / Т. Пояркина // Чита!РУ. — 07.05.2020. — URL: <https://www.chita.ru/articles/145325/> (дата обращения: 16.01.2021)

Информация об авторе

Мезенцева Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, 670000, г. Чита, ул. Анохина, 56, e-mail: iv_mezenceva@mail.ru

Author

Irina V. Mezentseva — Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Department of World Economy, Business Organization and Social Sciences, Chita Institute of Baikal State University, 56, Anohin str., Chita, 672000, e-mail: iv_mezenceva@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.35

М.А. РОГАЧЕВСКАЯ

УДК 331.32

ББК 60.564.0

К. МАРКС О ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РАБОЧЕГО И СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ОБЩЕСТВА

Жизнь отдельного человека и общества в целом совершается во времени. Во второй половине XX в. в материальном производстве стали складываться условия, приводящие к повышению эффективности использования рабочего времени, сокращению его, и к увеличению свободного времени. Установив взаимозависимость между рабочим и свободным временем, Маркс отмечает особенности использования времени индивидом и обществом. Он обращает внимание на значение экономии времени, становящейся, по его мнению, важнейшим экономическим законом на основе коллективного производства.

Ключевые слова: рабочее, свободное время, развитие личности, укрепление государства.

M.A. ROGACHEVSKAYA

K. MARX ABOUT THE PROBLEM OF INTERCONNECTION OF WORKING TIME AND SPARE TIME IN SOCIETY

The life of an individual and the society on the whole develops in the course of time. In the second half of the XX-th century, in the sphere of material production, the conditions begin to form, which lead to improving the efficiency of working time, to its reduction and the increase in spare time. Establishing the interconnection between working and spare time, K. Marx points out peculiarities of the use of time by an individual and by the society. He pays attention to the significance of time saving, which becomes, in his opinion, the most important economic law on the basis of collective production.

Keywords: working, spare time, the development of personality, strengthening the state power.

Жизнь и деятельность каждого человека и общества в целом протекает во времени, образуя многогранную структуру. Важнейшее значение в ней имеет рабочее время, в течение которого создаются материальные блага, необходимые людям для поддержания жизни и обществу для его развития.

Многовековой опыт предыдущих поколений людей свидетельствует, что, прежде всего люди стремятся удовлетворить свои, насущные потребности, обеспечивая себя предметами потребления. По мере овладения природными ресурсами и навыками их преобразования, совершаемые в условиях общественного производства, люди стали производить необходимые им материальные блага в возрастающем объеме, полней

и лучше удовлетворяя свои потребности. В то же время развивались и производительные силы, позволяющие удовлетворить возросшие потребности людей. Затрачиваемое на производство жизненно важных продуктов время Маркс образно назвал «царством необходимости», тогда как время, в течение которого происходит культурное и физическое развитие личности, являющееся для человека самоцелью, он определил как подлинное «царство свободы» [1, с. 386-387].

Иными словами, прежде чем заниматься наукой, культурой, искусством, человек должен обеспечить себя пищей, одеждой жилищем, употребляя для этого соответствующее время. По мере роста производительности труда, уменьшающем время для производства предметов потребления, общество получает возможность увеличить выигранное время «для другого производства, материального или духовного. <...> Общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям» [2, с. 117].

Наблюдая происходящее в Англии развитие промышленного производства, Маркс приходит к выводу, что создание действительного материального богатства общества происходит на основе развития крупной промышленности. Оно становится все более зависимым от общего уровня развития науки и применения ее достижений к производству. При этом Маркс обращает внимание на необходимость включения в учебные программы школ, в которых получают образование дети рабочих, технических знаний, применяемых в производстве. Но этого недостаточно, в рабочих кварталах следует создавать своего рода клубы для подростков, в которых они могли бы получить научные знания, обрести художественное, развитие благодаря целенаправленной деятельности филантропических организаций, создававших школы, кооперативы, используя для этой цели свободное время своих членов [3, с. 213]. Наибольшую известность получила деятельность А. Тойнби, выпускника Оксфордского университета. Маркс знал о появлении в Англии, Ирландии, США и распространении деятельности последователей А. Тойнби и других. Были они и в России [4, с. 134-138].

Маркс отмечает, что современное производство — это сила знания, воплощенная в машинах и технологии. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее человеческое знание превратилось в непосредственную производительную силу [3, с. 215]. Это значит, что чем больше свободного времени направляется обществом на создание условий, необходимых для развития личности, равно как и на применение достижений науки в производстве, тем больше в обществе становится возможностей для его совершенствования. Отсутствие препятствий для развития каждого члена общества устраняет пределы и для роста производительной силы его труда.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивида, тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми работоспособными членами общества [5, с. 539].

Свободное время — представляет собой время не только для досуга (понимая под этим понятием бездеятельный пассивный отдых), а для развития индивида, благодаря которому индивид, возвращаясь в процесс производства, повышает производительность своего труда [Там же, с. 221].

При этом развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, свободное время всех возрастет. Действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов, и мерой богатства станет уже не рабочее, а свободное время [Там же, с. 217].

Речь идет о совокупном времени общества, включающем наряду с общественным временем и индивидуальное время, которым располагают все люди в отдельности.

Формируется структура времени, различным образом используемая каждым человеком и обществом в целом, а потому по-разному воздействующая на развитие общества и совершенствование личности.

Следует иметь в виду, что индивидуальное время характеризуется линейной структурой, тогда как время общества, представляющее совокупность времени индивидов, выражается особой сегментарной структурой.

При линейной структуре индивид, использует свое время последовательно, переходя от одного занятия к другому. Не исключается возможность совмещения занятий, но особого значения это не имеет. Общество, состоящее из множества индивидов, позволяет каждому из них произвольно выбирать вид занятия во вне рабочее время. В одно и то же время суток кто-то читает или танцует, или спит, или готовит пищу, или едет с ребенком на экскурсию и т.д. В результате, вне рабочее время, стихийно или планомерно распределенное по различным сферам функционирования, обеспечивает достижение обществом определенных результатов.

Индивидуальное время может рассматриваться в различном объеме: сутки, неделя, месяц, год. Остановимся на суточной продолжительности.

В каждом государстве законом установлена определенная продолжительность рабочего дня, от которой зависит остальная деятельность человека. Время за пределами рабочего времени считается вне рабочим.

Его часть используется на поддержание жизни, т.е. часть времени человек тратит на сон, принятие пищи. Много времени занимает домашний труд, включающий время, необходимое на покупку продовольственных товаров и приготовление пищи. Люди, имеющие семью, детей, должны часть времени уделять семейным делам, в частности, воспитанию детей. Непременными ежедневными затратами времени является необходимость перемещения на работу и обратно, посещение магазинов, разного рода учреждений, совершаемая на общественном или личном транспорте. Оставшаяся часть времени суток и будет представлять индивидуальное свободное время. В выходной день исключается рабочее время и обусловленные им затраты, благодаря чему возрастает продолжительность свободного времени.

Тяжесть труда, размеры города, качество жилого фонда, транспорта, размещение бытовых, культурных учреждений — все это оказывает соответствующее влияние на величину индивидуального свободного времени, увеличивая или уменьшая его.

Индивид в течение рабочего дня выполняет необходимый комплекс работ, реализуя полученное профессиональное образование или хотя бы соответствующую подготовку. Постепенно повышается квалификация рабочего, улучшается качество повторяемых изо дня в день приемов работы, растет заработная плата. Смысл общественного разделения труда и состоит в производстве каждым работником частички закрепленного за ним необходимого продукта или операции. Но люди, обладают многими интересами, способностями, для реализации которых требуются иные условия. Имея средства к жизни, рабочие или служащие получают возможность осуществить свои способности в свободное время.

Восстановление экономики после второй мировой войны особенно в европейских странах дало возможность населению обратить внимание на удовлетворение своих культурных и физических потребностей.

В большинстве наиболее развитых стран в XX в. законом был установлен 7-6 часовой рабочий день и обязательный выходной день. В сознании рабочих и служащих постепенно утвердилось понимание, что они получили время для отдыха и для разнообразной деятельности. Добившись законодательного предоставления им ежегодных оплаченных отпусков, они стали обладателями концентрированного вне рабочего времени.

Приоритетную позицию в исследовании использования социального времени заняли советские ученые. Начало было положено профессором П.П. Масловым, затем к исследованию этой важной проблемы приступил Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения АН под руководством чл.-корр. АН СССР Г.А. Пруденского. Внимание было сосредоточено на изучении использования бюджетов времени разными категориями трудящихся, живущих в

различных климатических условиях. Проводились всесоюзные, а затем и международные научные конференции.

Как показали социальные исследования, люди, располагая одинаковым бюджетом времени, получили, в конечном счете, различные результаты.

Внимание исследователей было сосредоточено на особенностях использования индивидуального внерабочего времени в будни, предвыходные, выходные дни и в период ежегодных отпусков. Изучались исходные профессиональные особенности, уровень образования, финансовые возможности, материальные условия, состав семьи, распределение домашних обязанностей и другие обстоятельства. Появилась специальная статистика, позволяющая не приблизительно, «на глазок», а точно выявить ряд объективных причин, приводящих к формированию разностороннего развитого человека или к примитивному бытию.

В структуре внерабочего времени обязательным элементом является время, необходимое для сна и отдыха. Его продолжительность определяется степенью тяжести и напряженности выполняемой работы. Организм испытывает потребность в постоянном восстановлении своей работоспособности.

Самым главным антагонистом свободному времени как в количественном, так и в качественном отношении выступает домашний труд. Стремление людей не только его облегчить, но и сократить, привело к появлению специальных товаров бытового назначения, способствующих уменьшению затрат времени по уходу за жилищем. При этом предприниматели во многих странах обратили внимание на постоянно растущий спрос на эти товары.

Следующим шагом в уменьшении затрат времени на кухне, требующегося для приготовления пищи, стало развитие отраслей пищевой промышленности, производящих полуфабрикаты или разнообразные продовольственные товары высокой степени готовности, уменьшающие затраты времени на домашний труд. Изменились и нагревательные приборы: вместо печей, использующих дрова и уголь, появились газовые плиты и микроволновые печи.

К объективным постоянным затратам времени относится необходимость ежедневного перемещения по территории города или любого поселения, обусловленного посещением места работы или осуществления бытовых и разного рода социальных потребностей. Сократить их можно рациональной планировкой населенного пункта, развитием общественного транспорта или использованием личных средств передвижения. Собственный комфортабельный или скоростной автомобиль стал целью миллионов автолюбителей.

Появление и возрастание индивидуального свободного времени общества поставило перед государством (обществом) проблему его использования. На первый взгляд, никакой проблемы для потребителя

здесь нет. Будучи дома, человек может читать специальную, политическую, художественную литературу, смотреть ТВ-программы, заниматься любительским трудом. Люди могут посещать имеющиеся в городе учреждения культуры: кинотеатры, театры, концертные залы, музеи, выставки, а также в качестве зрителя-болельщика посещать спортивные мероприятия. Зрителем быть легко: проблема существует лишь в том, чтобы получить информацию о времени проводимого мероприятия и совместить с ним наличие индивидуального свободного времени. Если в городе имеются спортивные клубы, залы, стадионы, площадки, катки, бассейны, то у жителей есть возможность заниматься физкультурой и спортом.

Иначе обстоит дело, когда речь идет не о пассивном присутствии человека на мероприятии в качестве зрителя, а об активном занятии спортом, о пользовании людьми, являющимися спортсменами разных возрастов, спортивными залами, площадками, стадионами, специальными техническими сооружениями, оснащенных соответствующим инвентарем. Будучи предназначенными для серьезных занятий различными видами спорта, они должны функционировать под руководством профессионально подготовленных тренеров и обслуживающего персонала. Иными словами, для того, чтобы одни люди могли хорошо использовать свое свободное время, посвящая его спорту, другие должны обеспечить им осуществление их желания.

Помимо этого, необходимо развивать производство, создающее специальный спортивный тренировочный инвентарь, спортивную одежду и обувь для разных видов спорта.

Возникает специфическое материальное производство, продукция которого предназначена для особого использования. Спортивные сооружения, предназначенные для показа соревнований, применяемая техника должны соответствовать определенным требованиям, быть безопасными в процессе эксплуатации как для участников, так и для зрителей.

Уговаривать заниматься каким-либо видом физической культуры или спорта при отсутствии или недостатке бассейнов, катков, освещенных, удобных лыжных трасс, а также необходимого инвентаря (коньки, лыжи, сани и др.) — бесполезно. Это же относится и к другим видам спорта, занятия которыми проводятся в залах.

В период отпуска вне рабочее время не только возрастает, но и трансформируется, увеличивая элементы, непосредственно посвященные занятиям, требующим больших затрат времени. Значительное развитие получил туризм, специфическая форма активного отдыха, помимо всего имеющая весьма важную финансовую составляющую его использования.

Туризм — весьма специфическая форма использования свободного времени, его целью является преодоление рутины жизненного

однообразия, получения новых впечатлений, интересных встреч и т.п. Он привлекателен людям разного возраста, семейного положения. Осуществляемый вблизи города, туризм требует небольших финансовых и материальных затрат, его достоинством является возможность уложиться в выходные или праздничные дни.

Развитие получил не только внутренний, но и внешний, вплоть до международного масштаба, туризм.

Как и другие виды спорта и физической культуры, туризм должен осуществляться под руководством профессионально подготовленных специалистов.

Огромное значение он имеет для культурного и экономического развития регионов.

Между рабочим и свободным временем нет антагонистических противоречий: и та и другая форма социального времени являются сторонами единого процесса развития личности и общества в целом.

Список использованной литературы и источников

1. Маркс К. Капитал. Т. III. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — Т. 25, ч. 2. — Москва : Госполитиздат, 1952. — 551 с.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»), ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — Т. 46, ч. 1. — 2-е изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1969. — 559 с.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс и Ф. Энгельс // Сочинения. — Т. 46, ч. 2. — 2-е изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1969. — 618 с.
4. Рогачевская М. А. Академик Иван Иванович Янжул — создатель финансовой науки России: научная биография / М. А. Рогачевская. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2014. — 214 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — Т. 23. — 2-е изд. — Москва : Изд-во полит. лит-ры, 1960. — 907 с.

Информация об авторе

Рогачевская Майя Антоновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансы и кредит Сибирского института управления, филиала РАНХиГС, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. e-mail: mrogachevskaya@mail.ru

Author

Maya A. Rogachevskaya — Candidate of Economic sciences, Docent, Assistant professor of the Finances and credit department of the Siberian institute of management, Branch of RANEP, 630102, Novosibirsk, Nizhegorodskaya Str., 6. e-mail: mrogachevskaya@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.36

В.В. ТКАЧЕВ

УДК 94(571.53)

ББК 63.3(253)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье анализируются источники периодической печати начала XX века по вопросу об организации художественных выставок в городах Иркутской губернии. Газеты рассказывали читателям об уникальных событиях, знакомили жителей с живописью отечественных и зарубежных художников, художественной жизнью региона. В исследовании рассматриваются основные этапы проведения выставок, определяются проблемы и результаты событий. Работа доказала, что источники периодической печати показывают то, как формировалось представление жителей городов о проходящих выставках, ценностные ориентиры в искусстве.

Ключевые слова: история Сибири, источниковедение, периодическая печать, художественная жизнь.

V. V. TKACHEV

TO THE QUESTION OF ORGANIZATION OF ART EXHIBITIONS IN THE CITIES OF THE IRKUTSK PROVINCE OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: ON THE MATERIALS OF PERIODIC PRINTING

The article analyzes the sources of periodicals of the early XX century. on the organization of art exhibitions in the cities of the Irkutsk province. Newspapers told readers about unique events, familiarized residents with the paintings of domestic and foreign artists, the artistic life of the region. The study examines the main stages of exhibitions, identifies problems and results of events. The work proved that the sources of periodicals show how the idea of urban residents about the exhibitions taking place, value guidelines in art was formed.

Keywords: history of Siberia, source study, periodicals, artistic life.

В начале XX в. в Иркутской губернии активно развивалась художественная жизнь. Одним из способов приобщения жителей городов к искусству являлись выставки. На данных мероприятиях возможно было познакомиться с отечественной и зарубежной живописью, творчеством художников, приобрести понравившиеся работы. Большинство выставок организовывались по инициативе коллекционеров, но в дальнейшем с созданием творческих объединений появляется возможность показывать творчество и местных мастеров. Данные события обсуждались в

обществе. Выражали свое мнение общественные деятели в своих воспоминаниях. Также определенную оценку давали и авторы статей в сибирских газетах.

В современной исторической науке особое значение определяют источникам периодической печати, которые фиксировали изменения в художественном пространстве Иркутской губернии. Они отражают с одной стороны события, связанные с городской жизнью, с другой передают впечатления, мнения участников мероприятий. Правильный подход в проведении подробного анализа источников периодической печати при изучении художественной жизни Иркутской губернии, дает возможность определить ценностные ориентиры в городском обществе, роль предметов изобразительного искусства в жизни людей и значение творческой, общественной деятельности мастеров в регионе.

В статьях сибирских газет отмечается то, что творческая интеллигенция городской среды активно включалась в художественное пространство Иркутской губернии. В городском обществе они нашли свое главное место, как носители культуры, определенных взглядов, исследователи региона, реставраторы и педагоги. Жители городов уважительно относились к творческим людям, обращались к ним за советами, заказывали портреты и пейзажи для своих домов, помогали в приобретении необходимых материалов [1].

В результате увеличения численности населения городов Иркутской губернии, развития культурных, образовательных связей, появляется свое дискуссионное пространство [2, с. 137]. Многие проблемы поднимались на встречах с местной властью, на общественных собраниях. Художники стремились улучшить свое положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создавать городские галереи и музеи. Также и говорили о том, что необходимо улучшить сферу художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Иркутской губернии, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в источниках периодической печати.

В начале XX в. в Иркутской губернии активно просветительской деятельностью занимались творческие организации. Они охватывали разные культурные сферы: искусство, театр, кино. Важное место в передаче результатов о проделанной работе занимают источники периодической печати. Выпускались газеты «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирский еженедельник», «Сибирская газета для всех», «Вестник понеделника», юмористический еженедельник «Сибирский альманах» и другие. На основе источников периодической печати возможно представить процесс изменения взглядов жителей Иркутской губернии на художественные выставки, изобразительное искусство.

Исследование охватывает период начала XX в. Была изучена организация творческого пространства; проведение художественных выставок;

история формирования представлений жителей городов об искусстве. Целью исследования было на основе периодической печати представить художественную жизнь Иркутской губернии и историю развития взглядов жителей региона на художественные выставки в начале XX в. В качестве задач исследования было намечено: определить значение деятельности художников в создании выставок; проследить историю отражения в периодической печати организацию и проведение художественных выставок.

История организации художественных выставок в Иркутской губернии начала XX в. в научных трудах сибирских историков. Историю развития взглядов жителей Иркутской губернии на художественные выставки и мероприятия в начале XX в., художественное пространство региона изучали исследователи разных научных направлений. Историю культуры Сибири, влияние исторических событий на общественное мнение горожан представили в своих трудах Л.В. Кошман, В.П. Шахеров, Т.В. Паликова, Е.С. Манзырева, В.Ф. Чирков и другие [3, с. 348; 4, с. 36]. Историки подробно рассматривали историю создания собраний живописи сибирских музеев. По данной теме известны научные труды А.Н. Копылова, Л.В. Кошмана, Ю.П. Лыхина, А.Д. Фатьянова, П.Д. Муратова и других [5, с. 45; 6, с. 122; 7, с. 2; 8, с. 6; 9, с. 19]. Исследователи обращались ко многим историческим источникам. Особенно подробно изучали источники личного происхождения. Рассматривали они и материалы периодической печати. К сожалению, многие фрагменты статей из газет, которые публиковали в своих работах историки, не были в полной степени проанализированы. Авторы давали определенную характеристику статей, раскрывали вопросы об исторических событиях в тот период. Вопросы же более глубокие, такие как предпочтения жителей в искусстве, ценностные ориентиры и особенности развития художественного пространства не были рассмотрены.

Также стоит отметить, что сами редакторы газет участвовали в определении путей развития общественного мнения об искусстве. Так о художественных выставках в начале XX в. писали в газетах «Восточное обозрение» и «Сибирь». Многие авторы публикаций критиковали мероприятия, указывали на недостатки, неэффективность события для публики и наоборот отмечали положительные стороны. Особенно редакторы постоянно стремились найти уникальные мероприятия, которые вызывали большой интерес в городском обществе.

Таким образом, несмотря на обширные исследования по истории живописи в Сибири и в Иркутске, историки подробно не изучают особенности формирования взглядов жителей Иркутской губернии на мероприятия, связанные с художественной жизнью региона в начале XX в. В полной степени не изучены источники периодической печати. При анализе таких исторических источников необходимо использовать комплексный подход, чтобы выявить механизмы, закономерности в определении основных этапов развития художественного пространства,

ценностных ориентиров городского общества, общественного мнения о предметах изобразительного искусства.

Организация художественных выставок в Иркутской губернии начала XX в.: по материалам периодической печати. В начале XX в. источники периодической печати показывали разнообразные мероприятия, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии: выставки, творческую и общественную деятельность мастеров, лекции и экскурсии, тематические встречи, организацию и проведение концертов и праздников, развитие образования в сфере искусства и т.д. [10, с. 12-15]. Статьи раскрывали значение художественных мероприятий, выставок для развития общества и общественных взглядов на искусство.

Газета «Восточное обозрение» активно отражала культурную сферу региона. В разных номерах обсуждались новые постановки спектаклей в городском театре, общественные мероприятия и праздники. Также размещались объявления о том, что состоится очередное собрание творческих объединений. В одном из номеров газеты «Восточное обозрение» за 6 января 1900 г. было написано: «Правление иркутского общества любителей музыки и литературы покорнейше просить гг. членов общества пожаловать на общее собрание, назначенное в помещении общественного собрания в субботу 8 января, в 7 часов вечера, для выслушивания доклада председателя правления об изменившихся отношениях общества к музыкальной теме А.А. Гинита-Пилсудского и для дополнительных выборов кандидатов по членам правления. Если к назначенному часу достаточного по уставу числа членов общества не соберется, в субботу 15 января, в 7 час. вечера, назначается вторично общее собрание, на котором вопросы будут решены наличным числом членов общества. Председатель правления Н. Оглоблин» [11, с. 2].

Многие статьи рассказывали о том, что устраивались в городе тематические вечера и концерты. В оформлении торжественных залов участвовали известные мастера того времени. В 1900 г. в газете «Восточное обозрение» было описано событие. В зале частной музыкальной школы А.Ю. Гиниты-Пилсудского по воскресным и праздничным дням проводились спектакли, концерты и свадьбы. Оформлением помещения занимался Н.И. Верхотуров. Мастер выполнял заказы, писал картины, занимался и преподавательской деятельностью. Известно, что совместно с М.А. Рутченко-Короткоручко, он открыл рисовальную школу в Иркутске. Николай Иванович участвовал в выставке 1900 г. и представил свои работы: портреты А.П. Богословского и В.В. Оглоблина и др. Его деятельность активно представляли в периодической печати, в том числе и в газете «Восточное обозрение». Редакторы писали об общественной, творческой работе мастера. Отмечали роль Николая Ивановича в распространении народного образования, изучении региона.

В газете «Восточное обозрение» писали и об открытии важных для городского общества художественных выставках. 14-23 апреля 1900 г. в

статье писали о том, что в зале Общественного собрания г. Иркутска состоялась художественная выставка имеющихся в городе произведений искусства. Организацией выставки занимался А.П. Боголюбский и другие представители кружка любителей живописи, образовавшегося при Обществе любителей музыки и литературы в 1899 г. В экспозиции были представлены работы как отечественных, так и зарубежных художников: И.К. Айвазовского, М.М. Антокольского, А.Г. Варнека, А.И. Корзухина, К.Е. Маковского, С. Тончи, Л. Хофелиха, Р. Шульце, польских ссыльных С. Вронского и Ю. Беркмана, лейтенанта Ф.М. Белкина и др. [12, с. 2]. Также указывалось то, что в результате проведения выставки появилась возможность и местным художникам демонстрировать свои творческие способности в разных направлениях искусства. Были представлены работы таких мастеров, как Н.И. Верхотурова, М.И. Зязина, А.И. Кузнецова, В.Г. и И.Г. Шешуновых. Данный фрагмент из статьи показывает исследователю, что проведение важного для городского общества события, вызвало большой интерес у посетителей. Редактор через статистику говорит о том, что выставка горожанам понравилась. За первые три дня экспозицию посетили более 550 человек. Организаторы и мастера составили подробный каталог.

В номерах газеты «Восточное обозрение» приводились фрагменты из художественной жизни, связанные и с музейной деятельностью. Так 8 апреля 1901 г. вышла заметка о том, что на Тихвинской площади, в самом центре Иркутска состоялось открытие «музея-паноптикума». В музее были представлены отделы: «художественно-скульптурный, исторический, научно-анатомический, большая художественная панорама и проч.». В панораме для публики демонстрировались «художественные картины», в том числе «всемирно-известная картина» «Нана» (по роману Э. Золя) работы художника Черепихина. Данное событие активно обсуждалось в городском обществе. Выражали свое мнение и профессиональные художники. Н.И. Верхотуров выступил с резкой критикой мероприятия в своей статье. Он оценил работы, как «балаганное малевание» и «лжехудожество».

Газета «Восточное обозрение» также отмечала резкий рост интереса городского общества к зарубежной живописи. В номере от 28-29 мая 1902 г. сообщалось то, что в зале Общественного собрания г. Иркутска эффективно работала выставка французских гобеленов. В экспозиции были представлены цветные и однотонные гобелены. Они были «исполнены или в подражание старинным знаменитым гобеленам или сделаны по образцу картин знаменитых художников». Данная выставка получилась яркой, интересной, что многие известные иркутяне желали покупать гобелены для своих домов. Владельцы таких работ стремились не только их приобрести, но и больше узнать о творчестве художников. Таким образом, происходил процесс приобщения городского общества к произведениям иностранных мастеров.

В начале XX в. газета «Сибирь» представляла в своих номерах истории, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии. В статьях в большинстве случаев описывались художественные выставки известных мастеров, творческих объединений. После того, как создаются творческие организации художников, газеты раскрывают просветительскую роль художественных выставок для общества.

Во многом авторы статей отмечают стремление местных художников создать свое творческое объединение по примеру других регионов. Когда общественность проводит выставки мастеров из разных городов, иркутяне начинают обсуждать планы создания своей организации. В очередном номере газеты «Сибирь» от 1910 г. сообщалось, что в малом зале Общественного собрания г. Иркутска работала «1-я сибирская передвижная выставка картин томских художников»: А.П. Базановой, В.Д. Ложкина, В.И. Лукина, Н.П. Никифорова, З.А. Рокачевского, П.Г. Тарасова, П.С. Тарского и Н.П. Ткаченко — членов возникшего в 1909 г. Томского общества любителей художеств. Одной из задач нового общества было объединение художественных сил Сибири. С этой целью Томское общество любителей художников решило организовать ряд периодических передвижных выставок сибирских художников в крупных центрах Сибири. Выставка томских художников в Иркутске стала первым шагом в реализации этой идеи. В организации выставки большую роль сыграл Г.Н. Потанин.

В дальнейшем источники периодической печати подробно описывают художественные выставки Иркутского общества художников. Так в газете «Сибирь» от 20 марта 1915 г. говорится о том, что в Иркутске открылась первая выставка Иркутского общества художников. Автор статьи так описывает событие: «В Иркутске устраивается выставка картин недавно образовавшимся здесь «Обществом художников». Это первые шаги молодого общества и по многим причинам нельзя не пожелать этой новой общественной организации большого успеха» [13, с. 2]. Автор подчеркивает, что задачи искусства всеобъемлющи, и невозможно полно проследить всех видов воздействия искусства на человека и формы его жизни и деятельности, так как форма жизни отражается на росте и характере искусства, так и последнее служит творческим, действующим фактором и влияет на изменение формы быта.

Данный фрагмент показывает то, что городское общество интересуется положением творческих объединений, следит за их активностью, проведением выставок. Для общественности было важно, что у мастеров получилось не только соединиться в одной организации, но и найти помещение для демонстрации своих работ. Обсуждались постоянно и живописные полотна художников.

Многие аспекты живописи авторы статей отражали в разных номерах. Так, в данном фрагменте от 20 марта 1915 г. определена позиция городского общества в художественной жизни Иркутской губернии. Искус-

ство и живопись в своем воздействии обслуживают не одни духовные, но через них и материальные нужды народа. Развитие вкуса, графических искусств находится под непосредственным влиянием живописи, а развитие в народе вкуса есть необходимое основание промышленного успеха. Главная задача Иркутского общества художников состояла в том, чтобы создать художественную галерею, которая будет способствовать развитию вкуса жителей Иркутской губернии в искусстве. Для выставки, организованной 20 марта 1915 г., В.Е. Маковский дал одну из любимых своих картин, являющуюся повторением картины, приобретенной Третьяковской галереей: «Варить варенье». Также в выставке активно приняли участие, по замечанию автора статьи, такие мастера, как Е.Е. Волков, Н.П. Боданов-Бельский, Н.К. Бодаревский, Н.Н. Дубовской, В.И. Зарубин, К.Е. Маковский [14, с. 1]. Старшина Петроградского общества художников И.А. Вельц, объединив художников своего общества, принял на себя ответственность по отправке картин в Сибирь. Далее автор отмечает: «Такое начало дает возможность рисовать широкие перспективы устройства в близком будущем в Сибири сезонных и, в особенности, передвижных выставок «Товарищества Передвижных Художественных выставок», свято хранящего высокие заветы искусства» [15, с. 96-107].

Таким образом, в начале XX в. в Иркутской губернии активно просветительской деятельностью занимались творческие организации, мастера, образовательные учреждения. Важное место в описании художественных выставок, отражении взглядов жителей региона, занимают источники периодической печати. Выпускались газеты «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирский еженедельник», «Сибирская газета для всех», «Вестник понедельника», «Сибирский альманах» и другие. Они не только рассматривают художественные мероприятия, которые проходили в Иркутской губернии, но и показывают работы мастеров через тематические иллюстрации. Такие изображения передают события, которые авторы видели в действительности. Через источники периодической печати можно говорить о том, что в обществе формируются определенные взгляды на просветительские мероприятия, художественные выставки и на произведение искусства.

Материалы периодической печати активно используют в своих исследованиях многие историки в качестве иллюстрации исторических событий, их подтверждения. В то же самое время, более глубокий анализ газет не проводится. Используя комплексный метод, возможно просмотреть разные стороны событий. Так можно определить мнения участников процесса, самого автора статьи. Появляется возможность определить ценностные ориентиры городского общества того времени, предпочтения в искусстве.

В начале XX в. сибирские газеты показывали разнообразные мероприятия, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии: выставки, творческую и общественную деятельность мастеров, лекции и

экскурсии, тематические встречи, организацию и проведение концертов и праздников, развитие образования в сфере искусства и т.д. Периодическая печать раскрывала значение художественных мероприятий, выставляла для развития общества и общественных взглядов на искусство. Многие авторы статей высказывали положительные и отрицательные стороны исторических событий. Выражали редакторы и свои пожелания в сторону организаторов мероприятия. В этих частях статей можно определить важность изучения источников периодической печати в современной исторической науке для эффективного, детального исследования разных сторон художественной жизни региона.

Творческая интеллигенция в городском обществе Иркутской губернии нашла свое главное место в культурной, художественной жизни. Мастера воспринимались как носители культуры, определенных взглядов, исследователи региона, реставраторы и педагоги. Жители городов уважительно относились к творческим людям, обращались к ним за советами, заказывали портреты и пейзажи для своих домов, помогали в приобретении необходимых материалов.

Мастера выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т.д. Многие проблемы поднимались и на встречах с местной властью на общественных собраниях. Художники стремились улучшить свое положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создавать городские галереи и музеи. Также и говорили о том, что необходимо улучшить сферу художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Иркутской губернии, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в источниках периодической печати.

События начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Для жителей Иркутской губернии проводились выставки, просветительские мероприятия, экскурсии, работали музеи и частные галереи. В данный период формируется система художественного образования. Постепенно расширялся кругозор знаний о культуре Российской империи, а для художников появилась возможность реализовать свои творческие способности, используя разные методы и приемы. Появляется большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. Общество активно проявляло интерес к актуальным социальным проблемам. Жителей Иркутской губернии волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили в начале XX в. Они читали свежие номера газет и журналов, где были представлены события, связанные с художественной жизнью Иркутской губернии.

В результате исследования было отмечено то, что источники периодической печати по художественной жизни остаются неизученными. Работа представила художественную жизнь городского общества Иркут-

ской губернии начала XX в. Был проведен анализ статей из сибирских газет, которые раскрывают основные этапы развития художественного пространства в регионе. В исследовании отмечается то, что источники периодической печати раскрывали с разных сторон творческие мероприятия мастеров: выставки, встречи, лекции, исторические события. Газеты с одной стороны отражают деятельность художников, а с другой подробно описывают результаты проведения художественных выставок, реакцию посетителей на живописные полотна. События начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Определено значение источников периодической печати для изучения художественной жизни городского пространства.

Правильный подход в проведении подробного анализа источников периодической печати при изучении художественной жизни Иркутской губернии, дает возможность определить ценностные ориентиры в городском обществе, роль предметов изобразительного искусства в жизни людей и значения творческой, общественной деятельности мастеров в регионе.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-3518. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 3.
2. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии / В. П. Шахеров // Государственная власть и общество : на материалах городов Иркутской губернии XIX — начала XX веков. — Иркутск : изд-во «Оттиск», 2019. — 612 с.
3. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. — Москва : изд-во «РОССПЭН», 2008. — 446 с.
4. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI вв. Словарь-указатель в 2-х т. / В. Ф. Чирков. — Т. 1. — Тобольск : Общественный Благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. — 1648 с.
5. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю. П. Лыхин. — Иркутск : Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы», 2002. — 334 с.
6. Лыхин Ю. П. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век — 1917 год). Библиографический словарь / Ю. П. Лыхин. — Иркутск : Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы», 2000. — 408 с.
7. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. : автореф. дис. ... канд. наук : 17.00.00 / П. Д. Муратов. — Ленинград, 1974. — 20 с.
8. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. — 112 с.
9. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии / А. Д. Фатьянов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. — 192 с.

10. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. — 559 с.
11. В общественном собрании // Восточное обозрение. — Иркутск. — 1900. — № 3.
12. Художественная выставка // Восточное обозрение. — Иркутск. — 1900. — № 69.
13. Художественная выставка // Сибирь. — Иркутск. — 1915. — № 67.
14. Выставка картин // Сибирь. — Иркутск. — 1915. — № 73.
15. Ткачев В. В. Деятельность творческих организаций художников Восточной Сибири в период политических потрясений и гражданской войны (1917–1920 гг.) / В. В. Ткачев // История и современность. — 2020. — № 2 (36). — С. 96–107.

Информация об авторе

Ткачев Виталий Викторович — аспирант, кафедра Истории России, Иркутский государственный университет, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2; e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru.

Author

Vitaliy V. Tkachev — postgraduate student, Department of Russian History, Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, ul. Chkalova, 2; e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru.

РОЛЬ КОММУНИКАЦИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.37

УДК 33:94(571)

ББК 65.03(2)53

С.К. КАНН

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ПРАКТИКЕ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Освоение Северного морского пути являлось составной частью программы вспомогательных предприятий Комитета Сибирской железной дороги. Первая попытка использовать трассу СМП для транспортировки строительных и железнодорожных грузов потерпела неудачу. Причины крылись в спешке, плохой организации, дефиците финансовых, материальных и кадровых ресурсов и абсолютной не изученности СМП. Было принято решение вывести это предприятие из общей программы КСЖД и возложить обязанности по организации многолетней исследовательской гидрографической экспедиции СМП на морское ведомство.

Ключевые слова: Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905), Северный морской путь, изучение, освоение Арктики, научно-прикладные работы.

S.K. KANN

DEVELOPMENT OF THE NORTHERN SEA ROUTE IN THE PRACTICE OF THE COMMITTEE OF THE SIBERIAN RAILROAD

The development of the Northern Sea Route (NSR) was an integral part of the program of auxiliary enterprises of the Committee of the Siberian Railroad (CSR). The first attempt to use the NSR for the transportation of construction and railroad cargo failed. The reasons were in a hurry, poor organization, lack of financial, material and human resources and the absolute unexplored NSR. It was decided to withdraw this enterprise from the general program of the CSR and assign the responsibility for organizing a long-term research hydrographic expedition of the NSR to the maritime ministry.

Keywords: Committee of the Siberian railroad (1892–1905), Northern Sea Route, exploration, development of the Arctic, scientific and applied work.

Изучению и освоению Северного морского пути (СМП) посвящена обширная литература. Вместе с тем, целый ряд сюжетов изучен совершенно недостаточно не только на фактологическом, но и на концептуальном уровне. Неточно определены цели и задачи научно-прикладных работ,

осуществленных на отдельных этапах освоения СМП, не изучены ближайшие и отдаленные последствия проводившихся экспедиций.

Наиболее тщательно тема данной статьи разобрана в фундаментальном труде, изданном Арктическим и Антарктическим НИИ Главного управления Северного морского пути. Во 2-м томе этого труда Д.М. Пинхенсон подробно описывает многочисленные исследования СМП, произведенные отечественными и зарубежными мореплавателями в капиталистическую эпоху и, на основе документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), приводит работы, связанные с сооружением Транссибирской магистрали и осуществлением программы вспомогательных предприятий (ВП) Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) [1, с. 172–177, 203–213].

Особая ценность исследования Пинхенсона заключается в том, что он рассматривает правительственные мероприятия по освоению СМП на широком фоне общего транспортного и аграрно-индустриального освоения Сибири. Тем не менее, недостатки источниковой базы повлияли на общие выводы исследования, опиравшегося исключительно на делопроизводство центральных морских управлений, — в частности, на фонд Главного гидрографического управления, созданного летом 1885 г. [2] Автор не пользовался многочисленными источниками Российского государственного исторического архива (РГИА), а также региональных архивов Сибири и Дальнего Востока. Между тем, в задачу ВП КСЖД входило решение широкого комплекса научно-прикладных задач, без целостного анализа которых картина получается далеко не полная. В частности, в деятельности КСЖД гидрографическое изучение СМП сочеталось с проведением топографических и картографических работ, геологическими, метеорологическими и почвенно-агрономическими исследованиями, мероприятиями по развитию золотопромышленности и пр.

Программа ВП предусматривала меры, призванные ускорить и удешевить постройку Сибирской железной дороги, обеспечить ее грузами и снизить издержки по эксплуатации магистрали. По плану, разработанному С.Ю. Витте, все ВП делились на три большие группы: 1) улучшение условий судоходства (сюда входило изучение и освоение СМП), 2) развитие местной сибирской промышленности (горнодобывающей, металлургической) и 3) всемерное поощрение переселений. С одной стороны, изучение СМП должно было содействовать быстрой и безопасной транспортировке строительных грузов и железнодорожных принадлежностей из европейской части страны к главным пунктам строительных работ на востоке, где магистраль пересекалась с реками. С другой, — исходя из того, что большинство главных сибирских рек текут с юга на север, к Ледовитому океану, — планировалось организовать вывоз сибирского сырья, продуктов горнорудной промышленности и сельхоз-переработки на западные рынки.

О возможности такого выхода сельскохозяйственной продукции Зауралья на запад писали уже при появлении первых железнодорожных проектов для Сибири. Например, авторы записки «Несколько слов по вопросу о Сибирской железной дороге» (1882) подчеркивали, что благодаря экспедиции Норденшельда (1878–1879) и открытию северо-восточного прохода к Тихому океану, стало ясно, что Зауралье «имеет целую сеть судоходных рек, которые ведут в настоящее время... не к замкнутому навеки морю, а к морскому пути» [3, с. 119]. Конкуренция дешевого и качественного американского хлеба, говорилось в записке, сильно подорвала российскую «отпускную хлебную торговлю» на рынках Европы. Но при устройстве удобных путей сообщения зауральская «кубанка» (яровая пшеница) вполне может потеснить конкурента. «Со временем, — писали авторы, — когда фарватер Обской губы будет обстоятельно исследован (исследование уже два года производится экспедицией от морского ведомства) и наше купечество воспользуется, наконец, северным морским путем, Обский и Иртышский хлеб пойдет уже к Тобольску, а не к Тюмени... Надежды на морской путь ничего не имеют в себе несбыточного. Нам известно, что Трапезниковым уже готовятся три громадных баржи для отправки их предстоящей весной по Оби на север ...» [3, с. 81-85].

Тем не менее, при непосредственной разработке проекта Сибирской железной дороги в начале 1890-х гг. идея использования СМП возникла далеко не сразу. В условиях упорного соперничества ведомств, а также вследствие первоначально ограниченного взгляда С.Ю. Витте на задачи КСЖД, план по созданию Комитета не предусматривал участия в нем военного и морского министров (см. доклад Витте от 13.11.1892 г. «О порядке и способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути» [4, с. 228-229]). Через некоторое время стало понятно, что это упущение создает трудности для принятия решений по стратегическим вопросам. Поэтому уже через месяц (18.12.1892 г.) по всеподданнейшему докладу Витте в Гатчине последовало высочайшее соизволение на расширение состава КСЖД за счет представителей военного и морского ведомств [5, л. 22; 6; 7].

Американский исследователь Стивен Маркс, со ссылкой на работу У. Фуллера, назвал этот эпизод «небольшим поражением» Витте в противостоянии с военными [8, р. 135, ref. 79; 9]. Но представляется более правдоподобным отметить быструю эволюцию взглядов Витте на задачи вспомогательных предприятий. Проектированное развитие судоходства находилось в прямой зависимости от осуществления гидрографических работ, организации топографической съемки берегов, промера фарватеров и прочих специализированных занятий, находившихся в компетенции морского ведомства. Обратим внимание и на то, что, по целому ряду свидетельств, своим продвижением по службе Витте был обязан адмиралу Н.М. Чихачеву — руководителю морского министерства [10,

с. 89-91; 11, с. 510]. Когда-то тот помог Витте занять должность начальника движения Одесской железной дороги, а впоследствии рекомендовал на должность министра путей сообщения. Естественно, что Витте не мог не помнить оказанных ему услуг.

Уже в 3-м заседании КСЖД Чихачев (в записке от 19.02.1893 г.) выдвинул рискованную идею ускорить сооружение дороги с помощью доставки железнодорожных грузов из Англии через Карское море к устью Енисея, а затем к Красноярску. Адмирал сообщил членам Комитета, что по данному вопросу он «совещался с лучшими знатоками полярных морей», в том числе с бароном Норденшельдом, и они единогласно подтвердили, что доставка в Сибирь железнодорожных материалов по СМП «представлялась делом вполне осуществимым». Начиная с 1874 г., преимущественно англичанами и норвежцами, по этому пути было направлено 36 судов, из которых 25 благополучно достигли цели, а 10 не выполнили задачу и вернулись обратно [12, л. 34 об]. И только одно судно А.М. Сибирякова потерпело крушение в 1882 г.

В своих воспоминаниях А.Н. Куломзин мимоходом обращает внимание на то, что «Витте нетрудно было доказать фантастичность проекта», выдвинутого Чихачевым. Для реального ускорения постройки необходимо было перевезти около 3,5 млн пудов груза. Но тогда потребовалось бы зафрахтовать до 30 пароходов, причем сделать это в сжатые сроки — не позднее осени 1894 г. В противном случае, уже через год подвозку железнодорожных грузов к месту работ можно было бы производить по уже готовым рельсовым участкам. Кроме того, закупка английских рельсов противоречила заявленному принципу строить Сибирскую дорогу из русских материалов. Тем не менее, управляющий делами, понимавший всю сложность запутанных отношений членов КСЖД, не стал вмешиваться. В мемуарах он осторожно свидетельствует, что «проект представлялся заманчивым, и поэтому частичное его осуществление в виде опыта Витте считал возможным» [11, с. 418].

Положительное решение Комитета по проекту Чихачева удостоилось высочайшего утверждения 5.03.1893 г. [13, т. 1 (1893), л. 209-222]. С. Маркс назвал его «самой честолюбивой» и, одновременно, наименее результативной затеей Комитета [8, р. 146-147]. Витте не скупясь выделил на реализацию предприятия огромную сумму в 300 тыс. р., как бы не замечая того, что записка морского министерства, подготовленная в дикой спешке, носила оттенок явной авантюры. В печатном экземпляре записки, отложившемся в «Материалах КСЖД», ее заголовок был вписан от руки, а исходящий номер отсутствовал [13, т. 1 (1893), л. 209-211]. Не заставила насторожиться членов Комитета и подготовленная к заседанию историческая справка «Об исследовании Северного морского пути в Сибирь», где говорилось о полной не изученности СМП и большим риске столкнуться с мелями и скалами из-за незнания фарватера Енисея [14, с. 25-29].

В срочном порядке на верфях «Denny Brothers» в Глазго за 22 тыс. фунтов стерлингов были заказаны два колесных парохода и баржа «с парусным вооружением», а также сформирована экспедиция под командованием лейтенанта Л.Ф. Добротворского. Принципиально, что на флагштоках судов были подняты военные флаги — с целью обозначить приоритет российских интересов на Севере [1, с. 172-177; 14, с. 23-24; 15, л. 368; 16, с. 157-164; 17, с. 40-41]. Небольшие и непрочные речные суда русской флотилии поспешили совершить «отважный переход открытым морем» из Англии к устью Енисея. А для перевозки груза рельсов и скреплений, закупленных МПС (93 тыс. пудов по цене 61 коп. за пуд или 4 английских фунта за тонну), была законтрактована английская торгово-транспортная фирма, снарядившая караван под командованием капитана Дж. Виггинса. Любопытно, что по оценке английских историков, Виггинс практически не известен у себя на родине, но внес большой вклад в развитие русско-британских отношений. Александр III отметил заслуги капитана вручением ему ценного подарка — серебряного пушного сервиза [1, с. 175, прим. 5; 18, р. 9; 19].

Общий план операции предполагал, что в устье Енисея русские и английские корабли будут встречены гидрографической партией Г.И. Залевского, которая обеспечит условия для доставки грузов в Красноярск, наймет перевозочные средства, людей и лоцманов. Для этого партия уже в конце мая 1893 г. отправилась из Петербурга в Сибирь и затем, двигаясь вниз по Енисею, приступила к изучению фарватера реки, обставляя его предупреждающими знаками [13, т. 8 (1895), л. 435-437 об; 20, л. 2-3об]. В Гольчихе ожидалась перегрузка 1,5 тыс. тонн рельсов на баржи тюменского купца А.Н. Гадалова, с которым было заключено особое соглашение.

Но с самого начала всю операцию подстерегали трудности. Число пароходов, плававших по Енисею, было крайне ограничено, а при быстром течении реки для каждой баржи был нужен отдельный буксир. Вдобавок, разовая перегрузка почти 100 тыс. пудов рельсов требовала большого количества рабочих рук, которых за сотни верст от жилья просто негде было найти. Из-за позднего освобождения Карского моря ото льда караван с железнодорожными грузами смог добраться до устья Енисея только осенью — к началу сезона штормов.

В итоге, по словам Добротворского, неприспособленный рейд Гольчихи «едва не сделался нашей могилой» [15, л. 335; 21, с. 81]. Операция по перегрузке рельсов, проходившая при сильном ветре 24.08.1893 г., завершилась полным крахом — пароходы получили повреждения, а три баржи разломались. На берег вытащили только 450 рельсов, около 3 тыс. из них пошли на дно, а еще 1149 штук английский пароход «Орестес» отвез в Архангельск, откуда их впоследствии возвращали в Сибирь за дополнительную плату. Катастрофа широко освещалась в сибирской печати [22-27]. К началу октября из общего числа нагруженных

в Англии 5 994 рельсов до Красноярска смогли добраться только одна десятая часть.

Пропагандистский эффект от операции оказался совсем не тот, на который рассчитывали в Петербурге. Если бы не мужество моряков, которое Добротворский приравнял к «лучшему военному подвигу» (приказ № 93 от 11.09.1893 г.) [15, л. 502-503], то потери были бы еще значительнее. Впрочем, экстренные водолазные работы по подъему груза с 20-саженной глубины обошлись казне и без того недешево — по 65 коп. за каждый рельс. Около 3 % груза так и не было поднято. Чихачев пытался оправдать убытки чрезвычайной «торопливостью организации» и «опасением упустить полезное время» и валил всю вину на Виггинса, которого «спровоцировали страховщики» [13, т. 3 (1893), л. 143 об]. Что же касается Куломзина, то он выразил свое «возмущение» в более поздних мемуарах, воскликнув: «Что бы это было, если бы комитет согласился на предложение Чихачева о заказе в Англии 3 миллионов пудов рельсов!» [11, с. 454, прим.].

На 10-м заседании КСЖД в ноябре 1893 г. пришло время подвести итоги. Чихачев собирался продолжать свою «затею» в будущем. По отзыву Куломзина, записка адмирала «была составлена в тоне полной удачи операции и предлагалось повторить ее в обширных размерах в следующем году, но на деле было другое» [11, с. 461; 28, л. 11]. Согласно справке канцелярии Комитета министров, заграничные рельсы обошлись «не дешевле уральских», в одной цене с путиловскими (при их доставке кружным путем через Владивосток) и лишь на 6 коп. дешевле брянских [11, с. 461]. «В таком положении, — пишет Куломзин, — Чихачев, несмотря на известную его любовь к иностранным заказам, не поддержал в самом заседании свою записку», а предлогом избрал намеченное ускорение постройки на два года, независимо от подвоза рельсов из Англии [28, л. 11].

«Катастрофа в Гольчихе» стала хорошим уроком для всех участников. Возглавлявший КСЖД наследник цесаревич постарался не заметить неутешительные итоги и заявил, что надо, чтобы «Сибирская железная дорога, это великое народное дело, — была осуществлена русскими людьми и из русских материалов». Куломзин «подхватил эту мысль» и обратил ее в заключительное постановление Комитета. В официальных отчетах произошедший конфуз благопристойно замалчивали или преподносили как «вполне удачный» исход предприятия [17, с. 41-42; 28, л. 12; 29, с. 57; 30, с. 148, 386]. Некоторые современные исследователи истории освоения СМП также не склонны драматизировать случившееся [31].

Тем не менее, на перспективу были сделаны разумные выводы. Предполагая развитие морского маршрута в качестве «вспомогательной ветви» Транссиба для вывоза сибирских продуктов в Европу, Комитет принял решение продолжить подробное изучение и картографирование

СМП. На заседании 03.05.1894 г. был утвержден новый план Чихачева, предусматривавший организацию двухлетнего гидрографического исследования устьев Оби и Енисея и части Карского моря. Соглашаясь ассигновать на два года (1894–1895) кредит в 108.010 р. (52.353 р. + 55.657 р.), КСЖД осторожно провел его по статье на «непредвиденные расходы», установив, чтобы дальнейшие кредиты относились на «общие ресурсы морского ведомства» (выс. утв. 13.05.1894 г.) [13, т. 5 (1894), л. 154-154 об].

В состав экспедиции под командованием А.И. Вилькицкого вошли 6 офицеров и 50 нижних чинов. Работу на Севере обставили льготами — круглогодичным «добавочным до Сибирского положения» жалованием и морским довольствием «по заграничному положению, но в кредитных рублях». Для проезда к месту работ выдавалось 400 р. подъемных. Зимой офицеры возвращались в Петербург, а их суда и снаряжение зимовали в Тобольске и Енисейске [32, л. 9, 71, 106, 117, 119-120; 33, л. 23-23об]. Тем же, кто зимовал в Сибири, платили по 300 р., включая стоимость нанимаемого жилья в смету экспедиции.

Тем не менее, кадровая проблема носила все более острый характер. Из рапорта Вилькицкого № 17 от 16.02.1895 г. видно, что несмотря на то, что списочный состав экспедиции предусматривал наличие 46 нижних чинов, на самом деле их было меньше. Из названного количества четверо попросту сбежали перед отходом из Енисейска, трое были под судом «с отсутствием от команды», а один — на излечении в больнице. В действительности в кампанию оставалось лишь 38 человек, а ко времени написания рапорта стало еще меньше — с учетом уволенных в запас флота, больных и комиссованных. Вилькицкий просил Петербург прислать еще 10, а лучше 11 человек, так как «по самому крайнему расчету» людей в команду требовалось не менее 41. При этом он добавлял, что из остающихся лиц «более чем четверть всей команды или состоят или уже состояли под судом и было бы желательно, чтобы хотя те, которые будут назначены, не были бы плохого поведения» [34, л. 32-33]. Как оказалось, часть матросов была предана Иркутскому военно-окружному суду за «буйство и оскорбление насильственным действием» [Там же, л. 104].

Впрочем, в этом нет ничего удивительного, учитывая тяжесть занятий, которые были на них возложены. В условиях крайнего Севера приходилось самим или с помощью местного населения обеспечивать суда топливом, запасами и снаряжением. Каменный уголь, так необходимый для судов, получали из двух копеек: 10 тысяч пудов были доставлены из Троицкой копи возле Красноярска, а 22 тысячи — из Александрово-Невской, в 100 верстах от села Дудинского. Уголь заранее подвезли к реке на оленях еще зимой 1893/94 г. [11, с. 564].

Об условиях кампании 1894 года Вилькицкий писал, что «рулевые и лотовые почти постоянно болели от усиленной работы и простуды, несмотря на то, что как с моей стороны, так и со стороны командиров

судов прилагались все заботы, чтобы во время вахты они были бы тепло одеты, чтобы по смене с вахты они переодевались в сухое платье, получали бы горячий чай не в зачет, а иногда и полчарки водки или коньяку, когда то вызывалось особыми обстоятельствами» [34, л. 32 об-33].

Крайне скудным было финансирование экспедиции. В Подготовительной комиссии при КСЖД проекты смет беспощадно резались — прежде всего, на нижних чинов, рабочую силу и операционные расходы. Например, в журнале 20-го заседания КСЖД 30.11.1894 г. говорилось, что комиссией было обнаружено «некоторое несоответствие размера издержек, исчисленных на морское довольствие и провизию нижних чинов экспедиции, с действующими в морском ведомстве по сему предмету правилами. В виду этого в Комитете признаваемо было полезным указать, что расходование отпущенного по высочайшему повелению кредита во всяком случае должно производиться на точном основании подлежащих морских узаконений» [35, л. 24].

Положительным достижением экспедиции Вилькицкого была проверка и дополнение составленной Залевским карты Енисея. Кроме того, выяснилось, что эта река не имеет бара и без лоцмана вполне доступна для океанских судов с осадкой в 20–21 фут на тысячу верст вверх по течению, вплоть до Туруханска. А с лоцманом можно было заходить в Енисей до самых порогов, отстоящих от Гольчихи на 1,5 тыс. верст [11, с. 564].

Экспедиция доказала, что прежние географические карты обозначали остров Сибирякова на 20 миль севернее его действительного местонахождения и описала западный берег. Было определено 17 астрономических пунктов, произведены наблюдения в 10 точках над всеми элементами земного магнетизма, а в трех — над маятником [11, с. 529; 12, л. 207–207 об]. В 1895 г. исследования были перенесены в Обскую губу, где тоже были исправлены ранее существовавшие карты. На них, например, восточный берег губы был показан с ошибкой на 30–55 миль. Кроме того, к определениям добавились еще 27 астрономических пунктов, 9 пунктов с магнитными наблюдениями, и 3 — с маятниковыми [12, л. 253–253 об]. Входящий в состав экспедиции лейтенант А.С. Боткин собрал богатый естественнонаучный материал и сдал его на обработку в Академию наук [11, с. 564].

Несмотря на тяжелый труд, моряки в Сибири принимали участие в жизни местного общества. Распорядитель Енисейского общественного музея А.И. Кытманов сообщает, что в 1894 г. музей посещал Л.Ф. Добротворский с офицерами команды П.И. Патонем и П.К. Тундерманом. Начальник экспедиции А.И. Вилькицкий пожертвовал для коллекции несколько находок окаменелостей с устья Енисея. Одновременно велся интенсивный обмен научными данными, собранными представителями различных ведомств [36, л. 51–52; 37, л. 44–44 об].

Посетителями научных обществ и сибирских музеев были инженеры и геологи, моряки и военные. В этом усматривается значительная объ-

единяющая и координирующая роль КСЖД. На первых порах в рамках научной программы Комитета и мероприятий по «оживлению» Сибири ему удалось сплотить большое количество самых разных научных сил.

В заключение нужно отметить, что общая оценка мероприятий КСЖД по изучению Северного морского пути представляется весьма противоречивой. С одной стороны, Комитет дал старт обширной и многолетней правительственной программе развития СМП. С другой, — успехи непосредственных мероприятий в этом направлении носили скромный характер, а выделенные кредиты в значительной степени были истрачены «непроизводительно». Сберегая копейки на рядовом составе экспедиций, Комитет выбрасывал тысячи рублей на «затеи», дававшие крайне незначительную отдачу.

На 30-м заседании КСЖД 10.12.1897 г. прозвучало, что «при ассигновании впервые кредита в 108.010 р. на гидрографическое исследование устьев рек Енисея и Оби и части Карского моря в 1894 и 1895 гг., было предположено, с целью полного изучения условий плавания в помянутых водах, продолжать работы в течение пяти-шести лет, с тем, чтобы потребные на сие в последующие, после 1895 г., годы расходы были относимы на общие ресурсы Морского ведомства. Между тем, представляя задачу исчерпанной, указанное ведомство прекратило исследование через три года» [12, л. 362 об]. В принятом решении члены Комитета настояли на том, чтобы морское ведомство закончило «дело исследования вод, омывающих северное побережье Сибири» на свой собственный счет.

Таким образом, КСЖД видел свою первостепенную задачу в том, чтобы инициировать принципиально важные проекты по развитию производительных сил и инфраструктуры Сибири на начальной фазе их осуществления. Именно так, опираясь на фонд вспомогательных предприятий, КСЖД финансировал проект по развитию СМП. В дальнейшем начатые работы перекладывались на текущую деятельность и сметы профильных министерств и ведомств.

Список использованной литературы и источников

1. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 2 : Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма / Д. М. Пинхенсон. — Ленинград : Мор. транспорт, 1962. — 766 с.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). — Ф. 404 : Главное гидрографическое управление (9 описей 1886–1918 гг.).
3. Несколько слов по вопросу о Сибирской железной дороге. — 2-е изд. — Москва : Тип. В. М. Фриш, 1882. — 148 с.
4. Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов : в 5 т. Т. 1 : Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 1 / С. Ю. Витте. — Москва : Наука, 2004. — 647 с.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 560. — Оп. 27. — Д. 1.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (ПСЗРИ-III). — 1892. — Т. 12. — № 9174.
7. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. — 1893, Января 1-го. — Ст. 3.
8. Marks S. G. Road to power : the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917 / S. Marks. — Ithaca : Cornell University Press, 1991. — 261 p.
9. Fuller W. C. Civil-Military Conflict in Imperial Russia: 1881–1914 / W. C. Fuller, Jr. — Princeton : University Press, 1985. — 321 p.
10. Витте С. Ю. Воспоминания : в 3 т. Т. 1 : (1849–1894) / С. Ю. Витте. — Москва : Соцэкгиз, 1960. — 636 с.
11. Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания / А. Н. Куломзин; сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К. А. Соловьева. — Москва : Политическая энциклопедия, 2016. — 1038 с.
12. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 42.
13. Материалы Комитета Сибирской железной дороги / экземпляр Российской государственной библиотеки. — Т. 1–28. — Санкт-Петербург, 1893–1904.
14. Журнал Министерства путей сообщения. — 1893. — Кн. 1, офиц. часть (2-я паг. : Сибирская железная дорога).
15. РГА ВМФ. — Ф. 417. — Оп. 9. — Д. 12174.
16. Цим Д. Морской путь в реку Енисей / Д. Цим, В. Семенов // Морской сборник. — 1894. — № 6.
17. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. — Санкт-Петербург, 1894. — 59 с.
18. Siberia: Two Historical Perspectives. — London : Great Britain-USSR Association : School of Slavonic & East European Studies, 1984. — 50 p.
19. Виггинс И. Морской путь в Сибирь Карским морем, 1874–1894 : доклад капитана Виггинса, читанный 14 января 1895 г. / И. Виггинс. — Санкт-Петербург: Тип. Е. Евдокимова, 1895. — 20 с. — URL: <https://www.prlib.ru/item/427776>
20. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 626 (К-97).
21. Журнал Министерства путей сообщения. — 1893. — Кн. 3, офиц. часть (2-я паг. : Сибирская железная дорога).
22. Об экспедиции лейтенанта Добротворского к Енисейску: (из «Кронштадтского вестника») // Владивосток. — 1893. — № 38.
23. О нагрузке и доставке рельсов с казенных пароходов // Енисейский листок. — 1893. — № 41.
24. Н. С. Встреча русских моряков в Енисейске / С. Н. // Енисейский листок. — 1893. — № 42.
25. Встреча русских пароходов, прибывших из Англии с рельсами // Сибирский вестник. — 1893. — № 122.
26. Крушение судов рельсовой экспедиции в устье Енисея: корр. из Туруханска // Сибирский вестник. — 1893. — № 144.

27. Емельянов Н. Англичанин о катастрофе в Гальчихе / Н. Емельянов // Сибирский вестник. — 1893. — № 148.
28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). — Ф. 178 (Музейное собрание). — М. 9803 (Воспоминания А. Н. Куломзина). — Д. 7.
29. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. — Санкт-Петербург, 1897. — 86 с.
30. Саблер С. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С. В. Саблер, И. В. Сосновский. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1903. — 475 с.
31. Goncharov A. E. The Trans-Siberian railway and the Northern Sea Route / A. E. Goncharov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2013. — Т. 6, № 1. — С. 31–42.
32. РГА ВМФ. — Ф. 404. — Оп. 1. — Д. 218.
33. Тобольский филиал Госархива Тюменской области. — Ф. 479. — Оп. 2. — Д. 42.
34. РГА ВМФ. — Ф. 404. — Оп. 1. — Д. 208.
35. РГИА. — Ф. 1273. — Оп. 1. — Д. 40.
36. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 119.
37. ГАИО. — Ф. 293. — Оп. 1. — Д. 128.

Информация об авторе

Канн Сергей Константинович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, e-mail: skann@yandex.ru.

Author

Sergey K. Kann — PhD in Historical Sciences, Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 15, Voskhod st., Novosibirsk, 630200, e-mail: skann@yandex.ru.

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.38

И. В. КУРЫШОВА

УДК 349.6(47)(091)

ББК 67.407.2(2Рос)г

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ УСТАВА ЛЕСНОГО)

На основе анализа памятников права и опубликованных материалов показан процесс развития лесного законодательства Российской империи. Особое внимание уделено анализу правовых норм Устава Лесного Российской империи (редакций 1842, 1857, 1876, 1893, 1905 гг.).

Ключевые слова: лесное законодательство, Устав Лесной, Российская империя, лесоохрана, лесоуправление, кодификация.

I. V. KURYSHOVA

EVOLUTION OF FOREST LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF THE FOREST STATUTE)

Based on the analysis of legal monuments and published materials, the process of development of the forest legislation of the Russian Empire is shown. Particular attention is paid to the analysis of the legal norms of the Forest Statute of the Russian Empire (editions of 1842, 1857, 1876, 1893, 1905).

Keywords: forest legislation, Forest Statute, Russian Empire, forest protection, forest management, codification.

На протяжении всей истории нашего государства пользование лесными ресурсами было предметом правового регулирования. До начала XIX в. правовые нормы, регламентировавшие вопросы лесопользования, лесоохраны содержались в разнородных нормативных актах и не были систематизированы. Уже в «Русской правде» содержались правовые нормы, направленные на охрану объектов, находящихся в лесу и имеющих экономическое значение (борти, бортные деревья, дрова, межевые знаки). Известны случаи, когда князья объявляли отдельные категории лесов заповедными, например, княгиня Ольга, Владимир Мономах [1, с. 18]. В XIV в. был закреплен заповедный характер оборонительных лесных заповедных участков, служивших средством защиты от набегов татар. В XVI в. появляются заповедные лесные участки, в которых было запрещено охотиться и рубить деревья. Большой вклад в развитие лесного

законодательства внесло Соборное уложение 1649 г., согласно которому все леса подразделялись на «государевы» (т.е. царские), вотчинные, поместные и казенные, среди которых выделялись поверстные (т.е. те, что можно было расчищать под сельхозугодья), а также заповедные и засечные, в которых была запрещена хозяйственная деятельность («...ни почто не ездити, а возити служилым людям дрова и всякой лес на становое строение про себя, а не на продажу» [2]). По отношению к этим лесам впервые определяются обязательства, вытекающие из причинения вреда, предусматривающие в большинстве случаев гражданско-правовую ответственность, при отдельных обстоятельствах — и уголовные санкции.

Значимые преобразования в сфере регулирования пользования лесными угодьями были проведены в первой четверти XVIII в., — в связи с возросшей потребностью в древесине, необходимой для создания и поддержания боеспособности военного флота. Петром I по этому поводу было издано около 200 указов, в результате чего кардинально изменилась система управления лесами, произошло выделение заповедных государственных лесов, заложены основы лесоохраны, оформлена идея необходимости лесовозобновления.

При Екатерине II лес стал рассматриваться как средство пополнения казны, вследствие чего была упразднена служба вальдмейстеров, сократились площади заказных участков, постепенно уходила в прошлое практика применения лесо-охранных мер в частновладельческих лесах. Однако, именно при Екатерине II были проведены исследования, позволившие получить общее представление о состоянии лесного фонда Российской империи, впервые были охарактеризованы экологические, экономические, количественные и качественные особенности российских лесов, тем самым были созданы условия для усовершенствования законодательства, касающегося лесоохраны и лесопользования в целом. Большой вклад в разработку такого законодательства внес немецкий ученый-энциклопедист, естествоиспытатель П.С. Паллас, находившийся на русской службе. В 1786 г. им был составлен проект «Устава о лесах», согласно которому все леса делились на казенные и частные. Устройством казенных лесов должно было заниматься государство, а частные владельцы должны были брать пример с государства в деле «лесоохранения». Леса, приписанные к селениям казенного ведомства, должны были быть описаны, обмежеваны и разделены на лесосеки, при этом должна была быть учтена классификация лесов (предлагалось их разделить на три категории: высокоствольные, малорослые и кустарники). Устав о лесах определял круг обязанностей чиновников и порядок ведения лесного хозяйства в различных географических зонах Империи (северной, средней полосе, южной). Ряд исследователей считает, что этот проект являлся прототипом Лесного устава [3, с. 55]. И хотя проект 1786 г. целиком не был принят и утвержден как закон, на него активно

ссылались, используя его нормы при решении различных вопросов. Отдельные разделы Устава были опубликованы в виде указов Санкт-Петербуржскому, Тульскому и Калужскому генерал-губернаторам [4, с. 29].

На рубеже XVIII-XIX вв. актуальность лесного законодательства возросла настолько, что дальнейшее промедление в этом вопросе грозило обернуться потерей контроля государства над хозяйственной деятельностью, производимой в лесах или так или иначе связанной с лесными ресурсами. В 1799 г. указом Павла I были введены штрафы за самовольную порубку деревьев и утверждены первые таксы за заготовку и продажу леса (исходя из качества и размера древесины) [5, с. 133-159].

В 1802 г. был утвержден проект «Лесного устава», определившего приоритетные направления лесоохраны: повышение эффективности системы управления лесами (через ее совершенствование), разработку мер по предотвращению сокращения лесных угодий и, что важно, — формирование механизмов извлечения максимальных доходов от лесопользования. Устав передавал все леса Российской империи, за исключением частных, в ведение Лесного департамента, получившего статус государственной коллегии (со штатом, состоящим из трех членов и шести советников). Структура и функции Лесного департамента были описаны в первой главе Устава, последние сводились в целом к тому, «чтобы Государственные леса приведены были в известность, положены на планы и карты, с подробным как о родах и свойствах их описанием», а также «чтобы посредством лесного надзирательства сохранены были оные от всякого вреда и опустошения» [6, с. 352]. Конкретно Лесной департамент занимался организацией лесного надзора, лесоустройством, воспроизводством и восстановлением лесов, контролем за «лесными доходами», поступавшими в казну. Вторая глава Устава очерчивала правила рационального лесоустройства, основанного на разумном балансе вырубок и лесовоспроизводства. Для этого казенные леса должны были быть поделены на «годовые» лесосеки в соответствии с породой деревьев и их сортностью. Статья 29 Устава прямо говорила: «Разделение леса на известные части или годовые лесосеки полагается для того, чтобы каждая вырубленная лесосека толикое число лет на растение и сбережение до вторичной рубки оставлена была» [6, с. 353]. Третья глава Устава содержала правовые нормы, призванные регулировать общественные отношения, возникающие в процессе наделения населения казенных земель лесными наделами.

Таким образом, «Лесной устав» 1802 г. был серьезным шагом вперед в сравнении с проектом П.С. Палласа, но все же приходится согласиться с мнением Э.С. Навасардовой, что по факту он не представлял собой кодификации лесного законодательства, а, скорее, явился базисом для формирования таковой позднее [7, с. 15].

В 1832 г. в рамках проводимой в России общей кодификации законодательства все нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы лесопользования, лесоустройства и лесоохраны были собраны, обработаны и систематизированы. Они были включены в восьмой том Свода законов Российской империи под названием «Свод учреждений и уставов лесных» (сокращенно — «Устав Лесной»). Именно это документ лег в основу отечественного лесного законодательства и по сути знаменовал начало оформления отдельной отрасли российского права.

Впоследствии до начала XX столетия было подготовлено и издано несколько редакций Лесного устава (в 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг.). Каждая последующая редакция отличалась от предыдущей как количеством правовых норм, так и их содержанием, которое диктовалось процессами трансформации социально-экономической системы Российской империи. Неизменным оставался круг регулируемых вопросов и структура Устава, оформившаяся окончательно уже в редакции 1842 г.

Вторая редакция Лесного устава, изданная в 1842 г., была составной частью второй редакции Свода законов Российской империи. Устав состоял из 1716 статей. Еще в первом Лесном уставе (1832 г.) содержался полный перечень родов лесов, находящихся в распоряжении различных ведомств и собственников (в первой статье). Согласно редакции 1842 г. все леса по их принадлежности подразделялись на государственные и частные. Уставом учреждалась система управления лесами, определялись формы и методы контроля за использованием лесных ресурсов, регламентировался порядок пользования различными категориями лесов, устанавливалась ответственность за нарушения лесного законодательства (в качестве наказания было предусмотрено в большинстве случаев денежное взыскание).

В 1857 г. принимается новая редакция Лесного устава. Часть норм, входивших в предыдущую редакцию, была переработана, а отдельные положения отменены. В результате произошло сокращение общего количества статей (с 1716 до 1669), но структура прежней редакции сохранилась. Устав состоял из пяти книг: «О разных родах лесов, об учреждении управления ими и об учебных заведениях по лесной части», «О казенных лесах, состоящих в ведомстве Министерства государственных имуществ», «О казенных лесах, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам», «О лесах духовного ведомства, городских, удельных, въезжих, общих, спорных, частных и состоящих в частном владении поиезуитских и ленных» и «О взысканиях и наказаниях за нарушение законов о казенных лесах» [8].

В 1860–1870-х гг. в результате реформ Александра II, затронувших все сферы общественной жизни Империи, произошли кардинальные изменения в ее правовой системе. Не стало исключением и лесное законодательство. В 1876 г. была издана третья редакция Лесного устава, явившаяся результатом существенной доработки текста правовых норм. Новая редакция состояла из 733 статей (т.е.

их количество уменьшилось в сравнении с предыдущей редакцией больше чем вполтину — на 966 статей). Столь существенные количественные сокращения были связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, из текста Лесного устава были убраны статьи, содержащие правовые нормы, уже зафиксированные в иных действующих отраслевых кодификациях (например, в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» или в «Уложении о наказаниях»). Такого рода сокращение было по сути устранением повторяющихся норм. Во-вторых, Лесной устав лишился части статей, регулировавших хозяйственную деятельность, ввиду их очевидного устаревания. Так, например, потеряли к этому времени актуальность нормы, изымавшие из хозяйственной системы когда-то стратегически важные «корабельные леса». В-третьих, часть статей была удалена из Лесного устава в связи с тем, что нормы, в них содержащиеся, вошли в состав специальных документов, детализирующих статьи Лесного устава. Например, в 1869 г. было издано Положение о лесной страже, и нормы, регламентирующие деятельность этой службы, оказались в Лесном уставе лишними. К главным изменениям, характеризующим эволюцию содержания правовых норм, следует отнести изменения отношений в области управления казенными лесами, в частности, подверглась пересмотру процедура привлечения корпуса лесничих к ответственности [7, с. 16]. Изменения содержания Устава отразились и в названиях его основных составных частей — книг. Вторая книга теперь называлась «О порядке управления казенными лесами», третья — «О порядке управления государственными лесами, имеющими особое значение», четвертая — «О лесах, владеемых на праве собственности обществами, установлениями и частными лицами и о лесах въезжих, общих и спорных», пятая — «О взысканиях и наказаниях за преступления и проступки по лесной части».

Завершение эпохи «Великих реформ» и начало «контрреформ» конца XIX столетия естественным образом отразились на российском законодательстве. Не обошла эта тенденция и Лесной устав. В 1893 г. была принята его новая редакция, уже четвертая по счету, в целом сохранившая дух и букву своей предшественницы — редакции 1876 г. Но это событие предварялось и принятием целого ряда специальных нормативно-правовых актов, регулировавших сферу использования и охраны лесов (например, Положения «О сбережении лесов» в 1888 г.). Наличие, по сути, нескольких кодификаций в области лесного законодательства (нормы, регламентирующие лесопользование и лесосохрану, содержались в разных сборниках установлений) создавало многочисленные неудобства, препятствующие его эффективному применению. Требовалось объединение разрозненных нормативно-правовых актов в рамках единой кодификации. Это было осуществлено в 1905 г.

Лесной устав (официально — «Устав Лесной») редакции 1905 г. был первой кодификацией лесного законодательства, который и устанавливал систему управления лесами, и включал в себя нормы, регламентирующие лесопользование, и содержал статьи, посвященные охране лесов от истощения или уничтожения. Регламентировался порядок охраны лесов от пожаров, самовольных вырубок («порубок») и пастьбы скота; регулировался порядок заготовки древесины, межевания лесов, лесовосстановления; определялся порядок управления лесами и, одновременно, устанавливались меры содействия и поощрения сбережения и разведения лесов; ну и, естественно, предусматривались меры ответственности за правонарушения по лесной части. Таким образом, Устав 1905 г. имел, что называется, «комплексный характер». Такая эволюция лесного законодательства Российской империи стала следствием усиления эксплуатации лесных ресурсов (что было связано с ускорением экономического развития страны и развитием капиталистических отношений), порождавшим, помимо прочего, сокращение лесных массивов.

Следует отметить, что редакция 1905 г. своими «прародителями» имела не только все предшествующие редакции, но только даже Устав 1802 г., но и некоторые узаконения, изданные еще в XVIII столетии. Общее количество статей Устава увеличилось до 815. К новеллам редакции Лесного устава 1905 г. следует отнести классификацию лесов по трем признакам: форме собственности, принадлежности владения и степени охраны. По форме собственности все леса Российской империи подразделялись на частные, общественные и государственные. Последние составляли собственность казны и делились на собственно казенные и имеющие особое предназначение. Они различались по принадлежности владения. Так, леса, имеющие особое предназначение, делились на: «1) государственные, состоявшие в пользовании государственных крестьян; 2) леса, отведенные в надел крестьянам и инородцам в Сибири; 3) выделенные монастырям; 4) состоящие в пользовании инородцев, казачьих войск» [9, с. 154]. В свою очередь, казенные леса подразделялись на: 1) леса, отданные в срочное пользование (казенно-оброчные статьи, леса сорокалетнего пользования); 2) леса, находящиеся в бессрочном пользовании государственных учреждений; 3) «пустопорожные» (т.е. незаселенные и неосвоенные) леса [9, с. 154-155]. По степени охраны выделялись: 1) леса защитные и/или водо-охранные, и 2) леса, не относящиеся к защитным и/или водо-охранным. Важно, в эти категории могли попасть леса любые по форме собственности — и государственные, и частные, и общественные. Юридическое значение разных видов лесов сводилось к особенностям правового режима пользования ими [10, с. 124]. В части наказаний за нарушения лесного законодательства Устав содержал отсылочные статьи (к «Уложению о наказаниях» и «Уставу о наказаниях»).

К 1913 г. Главным управлением землеустройства и земледелия был подготовлен проект нового Устава о лесах, который должен был оптимизировать систему взаимоотношений между государственными органами, занимавшимися управлением лесным хозяйством, с одной стороны, и частными владельцами лесов и лесопромышленниками — с другой. Необходимо было согласовать государственные интересы, лежащие в плоскости рациональной эксплуатации казенных лесов, с запросами и нуждами лесной промышленности и лесоторговли [11, с. 134]. Разработчики нового Устава должны были решить следующие задачи: ликвидировать правовые пробелы, повторы, устаревшие нормы, избавиться от казуистики. Изменялась структура устава — количество статей сократилось на 334 (с 815 до 481), существенно было переработано и содержание статей. В частности, предполагалась модернизация системы охраны лесов, а именно — учреждение новой системы специализированных органов — Лесоохранительного комитета при Главном управлении землеустройства и земледелия и подчиненных ему губернских и уездных лесоохранительных комитетов. Предлагалось также учредить должности уездных лесничих, применять поощрительные и стимулирующие меры к лесовладельцам, организующим рациональное лесопользование и внедряющим научно-обоснованные принципы хозяйствования. Особое внимание уделялось охране сибирских лесов, устанавливался запрет на бесплатное пользование казенными лесами. Однако в силу сложившейся политической ситуации (сначала — Первая мировая война, затем — Революция) Устав Лесной в новой редакции не был принят и вскоре потерял свою актуальность.

Таким образом, рассматривая редакции Лесного Устава на протяжении всего XIX в. можно отметить, что главными предметами правового регулирования в этих документах выступают управление лесами и охрана лесов. Многочисленные кодификации «лесных» правовых норм свидетельствует о том, что в России в XIX столетии формируется самостоятельная отрасль — лесное право, имеющее двойную ориентацию — как на хозяйственные отношения, связанные с лесами, так и, одновременно, — на природоохранную деятельность. Редакции Лесного устава в частности, и лесное законодательство Российской империи начиная с XVIII в. в целом демонстрируют преемственность принципов, духа и даже, зачастую, буквы законов. Такая стабильность, устойчивость законодательной базы связана и с отсутствием эпохальных реорганизаций управления государственными лесами в Российской империи вплоть до 1917 г. были основой устойчивого управления лесами и ведения лесного хозяйства. Вместе с тем следует отметить, что нормы Лесного устава вплоть до 1905 г. не распространялись на Сибирь, а те нормативно-правовые акты, которые так или иначе все же затрагивали сибирское лесопользование, не влияли на его свободный характер по существу.

Список использованной литературы и источников

1. Черных В. В. Историко-правовые аспекты лесной собственности на Руси и в Российской империи / В. В. Черных // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 2 (61). — С. 15-21.
2. Соборное Уложение 1649 года. — Москва : Изд-во Московского университета, 1961. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649.htm>
3. Насонова А. В. Эволюция лесного законодательства в дореволюционной России / А. В. Насонова // Юридическая мысль. — 2011. — № 2 (64). — С. 53–56.
4. Черных В. В. Российское лесное законодательство в период правления Екатерины II / В. В. Черных // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 1 (76). — С. 23 — 33.
5. Полное собрание законов Российской империи — Т. XXV. 1798-1799. Санкт-Петербург : типография 2-го Отделения СЕИВК, 1830. — № 18429. — 940 с.
6. Полное собрание законов Российской империи — Т. XXVII. 1802–1803. Санкт-Петербург : типография 2-го Отделения СЕИВК, 1830. — № 20506. — 1122 с.
7. Навасардова Э. С. Кодификация лесного законодательства России в XIX / Э. С. Навасардова // Общество и право. — 2009. — № 4 (26). — С. 13-17.
8. Свод законов Российской империи. — Т. VIII. — Ч. 1. — Санкт-Петербург : типография 2-го Отделения СЕИВК — 718 с.
9. Извлечение из Устава Лесного (Св. Зак. VIII ч. 1) // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. — Санкт-Петербург : Изд. переселенческого управления, 1909. — Лесной Устав. — С. 513-532.
10. Пуряева А. Ю. Устав о лесах 1905 года как источник лесного законодательства дореволюционной России / А. Ю. Пуряева // Экономика. Налоги. Право. — 2011. — № 3. — С. 119-124.
11. Зайцев Д. М. Лесное Законодательство (комментарии к проекту нового Устава Лесного) / Д. М. Зайцев — Санкт-Петербург : Типография М. Я. Квара, 1913. — 151 с.

Информация об авторе

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета, (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kiw09@mail.ru)

Author

Irina V. Kuryshova — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, (664074, Irkutsk, Lermontov St., 83, e-mail: kiw09@mail.ru)

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.39

Г. А. ЦЫКУНОВ

УДК 338 (571.53)(091)

ББК 65 (253.5) Г

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ БРАТСКА ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ГОРОДА: К ИСТОРИИ ПЕРВОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ

В статье излагается история одного из первых произведенных в стране социологических исследований по определению экологического сознания населения на примере г. Братска. Рассматриваются исторические и современные аспекты формирования экологической обстановки в городе, ее влияние на жизнедеятельность населения. Изучается отношение жителей к экологической ситуации и мерам по ее оздоровлению среди различных социальных и возрастных групп. Особое внимание уделяется соотношению экологии и миграционному оттоку жителей города, что подтверждается данными современной статистики.

Ключевые слова: Братск, экологическая обстановка, социологическое исследование, респонденты, общественное мнение.

G. A. TSYKUNOV

PUBLIC OPINION OF RESIDENTS OF BRATSK ON THE ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF THE CITY: HISTORY OF THE FIRST SOCIOLOGICAL SURVEY

The article describes the history of one of the first sociological studies carried out in the country to determine the ecological consciousness of the population on the example of the city of Bratsk. The author examines the historical and modern aspects of the formation of the ecological situation in the city, its impact on the life of the population, studies the attitude of residents to the ecological situation and measures for its improvement among various social and age groups. The author pays special attention to the ratio of ecology and the migration outflow of city residents, which is confirmed by the data of modern statistics.

Keywords: Bratsk, ecological situation, sociological research, respondents, public opinion.

С началом крупномасштабного освоения природных ресурсов Сибири экологическая проблема остается одной из наиболее острых во всех ее регионах. При разработке проектов крупных промышленных районов, размещении конкретных промышленных предприятий вопросы природоохранной деятельности предавались забвению. Не проводилось тщательного изучения местных условий будущих вредных производств, не учитывались возможные экологические последствия для жизнедеятельности населения.

В числе самых загрязненных сибирских городов оказался Братск с его промышленными гигантами — алюминиевым заводом, лесопромышленным комплексом, а позднее сооруженным заводом отопительного оборудования. Следует отметить, что в период строительства и ввода первых мощностей предприятий местные органы власти, как и жители, еще не осознавали всю опасность размещенного производства. Однако с наращиванием производственного цикла стали ощущаться некомфортные экологические условия и формироваться общественное мнение об опасном соседстве города с промышленными выбросами. В то же время государство проводило политику по территориальному регулированию заработной платы, когда ее рост регулировался введением районных коэффициентов, надбавок за вредное производство. К примеру, в Братске для работников промышленности и строительства был установлен коэффициент 1,7, тогда как для работников социальной сферы — 1,3.

В конце 1980-х гг. в Братске стало складываться протестное движение против опасной экологической ситуации в городе, выразившееся в критических публикациях в местной прессе, публичных выступлениях некоторых трудовых коллективов. Природоохранная деятельность была немыслима без изучения учета общественного сознания горожан. В 1990 г. по согласованию с Братским горисполкомом и московским центром «ДИАГ Интернешнл» была проведена экологическая экспертиза на основе комплексного отбора проб воды, почвы, коры деревьев, снега по специально разработанным картам-схемам с целью определения веществ, загрязняющих окружающую среду Братска. Расчеты показали, что местные предприятия заметно занижают уровень выбросов вредных веществ. Ученые составили по каждому предприятию карту объектов-загрязнителей, как и по каждому городскому району [1].

Одновременно с проведением физико-химических исследований загрязнения атмосферы, водоемов и почвы проводились социологические исследования с целью изучения экологического сознания жителей Братска, выяснения социального самочувствия людей в кризисной экологической ситуации. Следует признать, что в тот период изучение массового экологического сознания населения в нашей стране еще не проводилось. Социологическое исследование выполнялось по заказу Братского горисполкома научными сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с отделением международного научного центра оценки воздействия на окружающую среду «ДИАГ Интернешнл». Непосредственными исполнителями проекта и авторами научного отчета являлись доктор исторических наук С.С. Букин, кандидаты наук А.А. Долголюк и Г.А. Цыкунов.

Социологические исследования в г. Братске были проведены в июле 1990 г. В опросе-интервью участвовало свыше 5 тыс. человек в возрасте

15 лет и старше. Объем выборочной совокупности составил 1,7 % от генеральной. Количество респондентов по поселкам города определялось с таким расчетом, чтобы оно примерно соответствовало доли их населения в общей численности жителей Братска. Опросом были охвачены представители крупных, средних и небольших предприятий промышленности, строительства, транспорта, а также непромышленной сферы. Опрашивались и такие группы населения как пенсионеры, учащиеся, домохозяйки. Анкета опроса включала в себя 34 признака, которые находились в корреляционной зависимости и позволяли охарактеризовать общественное мнение по самым различным параметрам.

По данным социологического опроса, к числу главных источников загрязнения, без всякого сомнения, относились Братский алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс. В то же время жителями города не полностью осознавалось вредное воздействие на окружающую среду и здоровье людей автомобильного транспорта. Подобное мнение было связано с тем, что большинство горожан просто не знало о тех неблагоприятных последствиях для здоровья человека выхлопов газов в городе. С учетом того, что Братск состоит из большого числа поселков, один из вопросов анкеты предлагал дать свою оценку экологической обстановке по месту проживания. Опрос показал, что многие респонденты назвали тот район, в котором они проживали. Как и следовало ожидать, самым неблагоприятным в экологическом отношении оказался Центральный район, где расположены БрАЗ и БЛПК, а самыми благоприятными оказались поселки Падун и Энергетик. В ходе социологического исследования три четверти опрашиваемых негативно оценили санитарное состояние поселков, прежде всего недостаточным уровнем благоустройства. Интересно отметить, что женщины, которые в целом более негативно, чем мужчины, оценили общую экологическую обстановку, при характеристике санитарного состояния были более удовлетворительными (20 %), чем мужчины (17 %) [2, с. 23].

Проведенное исследование выявило растущую тревогу всего населения города за создавшееся положение. Так из 5 тыс. опрошенных братчан 26 человек (!) посчитали экологическую обстановку в городе нормальной. Была отмечена дифференциация в оценках экологической обстановки в городе представителями различных возрастных групп, когда наиболее критический подход продемонстрировали респонденты в возрасте от 15 до 24 лет и от 30 до 49 лет. И наоборот наиболее оптимистично ее оценили опрошенные в возрасте 50 лет и выше. Примечательно, что среди представителей самой старшей возрастной группы (более 60 лет) оказался наименьшим в 2 раза удельный вес тех, кто охарактеризовал экологическую обстановку, как тяжелую [Там же, с. 25]. Возможно, такое труднообъяснимое положение связано с особенностями психологии людей старшего поколения и реалиями нашего исторического прошлого.

В последней трети XX в. среди факторов, воздействующих на здоровье населения, формирующих структуру заболеваемости и смертности населения, резко возрастает значение состояния окружающей природной среды. Братск относили к территориям, где особенно велико влияние деформированных природных условий жизни на здоровье населения. Согласно исследованию, только менее 2 % опрошенных жителей города считают, что экологическая обстановка совершенно не влияет на состояние их здоровья. Вместе с тем более 90 % респондентов высказали мнение, что экологическая обстановка в городе является фактором, ухудшающим здоровье, вызывающим болезненные явления. Причем среди мужчин выше удельный вес тех, кто считает состояние окружающей среды безвредным для здоровья, а женщины более восприимчивы к влиянию экологии на их здоровье. Некоторые различия в оценках связи между окружающей средой и здоровьем человека наблюдались во мнениях отдельных возрастных групп. Среди молодых возрастов до 30 лет заметно была выше доля не связывающих свое самочувствие с воздействием экологической обстановки в городе. Начиная с тридцатилетнего возраста, число придерживающихся такого мнения резко сокращается [2, с. 36].

Проведенные исследования показали, какие болезненные явления общественное мнение связывает с неблагоприятной экологической обстановкой. Так, около 80 % опрошенных жителей указывали на головную боль, свыше 40 % высказывали жалобы на кашель, что свидетельствовало, прежде всего, о сильном загрязнении воздушного бассейна. Каждый третий братчанин отмечал такие болезненные явления как головокружение и тошноту. Сильнее всего от воздействия экологических факторов страдали женщины. Среди них более чем вдвое по сравнению с мужчинами ниже удельный вес респондентов, не отметивших связи болезненных явлений с экологической обстановкой. Среди молодых возрастов до 25 лет вдвое выше была доля лиц, не отметивших влияние экологической обстановки на свое самочувствие. Эти различия прослеживались применительно к новоселам и старожилам Братска. К примеру, среди тех, кто прожил в городе менее трех лет, заметно реже высказывались жалобы на здоровье. Однако по мере увеличения срока проживания наблюдалась тенденция нарастания болезненных явлений. Налицо проявление закономерности: чем дольше человек живет в городе, тем хуже состояние его здоровья. Социологическое обследование 1990 г. и современная миграционная политика позволяют сделать вывод, что заболеваемость населения Братска является важным фактором, стимулирующим выезд из Братска в другие районы страны.

Большая часть горожан (75 %) отмечала загрязнение питьевой воды. Три четверти из них подчеркивали зависимость ухудшения качества питьевой воды с ростом заболеваний. После употребления рыбы

и воды из местных водоемов многие братчане испытывали на себе различные болезненные ощущения: общую слабость, головную боль, изжогу, зуд и шелушение кожи.

В ходе социологического опроса жители Братска высказывали свое отношение к разнообразным методам, призванным возместить ущерб здоровью населения, который наносят неблагоприятные экологические факторы. Более всего братчане (58 %) склонялись к такой мере как выплата денежных пособий и установление повышенного районного коэффициента. На втором месте предложений (45 %) оказалось предоставление путевок в санатории других регионов страны. Далее горожане (29 %) выступали за строительство новых поликлиник, больниц, за расширение профилактической работы местного здравоохранения (19 %). Эта последняя мера, которая могла бы сыграть значительную роль в укреплении здоровья населения, оказалась наименее популярной. Возможно, это было связано с тем, что многие братчане не связывали всю свою жизнь с этим городом, и после выхода на пенсию планировали уехать в районы прежнего проживания. Наблюдались различия в отношении к методам компенсации у мужчин и женщин. Если первые из них сильнее выражали интерес к выплате денежных пособий, то вторые проявляли заинтересованность в не лимитированном предоставлении путевок в санатории. Следует отметить ориентацию на выплату дополнительных денежных средств у 30–40-летних жителей. В то же время молодежь и пожилое поколение поддерживали предложение по строительству новых объектов здравоохранения [2, с. 50].

В результате нерационального природопользования оказались загрязненными не только городские районы, но и прилегающие к ним территории. Большинство опрошенных (81,5 %) отмечали, что сложившаяся в городе экологическая ситуация оказывает негативное воздействие на условия отдыха в пригородной зоне. Несмотря на удаленность городских поселков друг от друга, мнение их жителей по этому вопросу различались незначительно. Мнение самых молодых братчан (15–18 лет) заметно отличалось от средних показателей, когда 18,6 % из них считали, что экологическая обстановка не влияет на условия отдыха в пригородной зоне. В анкетах опроса был поставлен вопрос о влиянии экологических проблем Братска на принятие его жителями решения о выезде из города во время очередного отпуска. 80 % опрошенных назвали сложную экологическую обстановку в качестве одной из главных причин их выезда из Братска на период отпуска. По данному вопросу женщины более остро, чем мужчины реагировали на неблагоприятную экологическую обстановку (82 % против 76,8 %). Среди опрошенных проявилась такая закономерность, при которой: чем больше возраст жителей, тем в большей мере учитывается экологическая мотивация проведения отпуска [2, с. 56-57].

Жителям города предлагалось высказать их отношение к основным путям оздоровления экологической обстановки. По данным опроса основной популярной мерой, которую поддерживали 51,9 % респондентов, являлось внедрение экологически безопасных технологий. За закрытие предприятий, наносящих ущерб окружающей среде, высказались 35,4 % опрошенных жителей. Можно сделать вывод, что в Братске при резком обострении экологических проблем не нашли должного отражения радикальные меры по закрытию опасных производств. Возможно, это было связано с тем обстоятельством, что большинство жителей города занято в производстве, наносящем ущерб окружающей среде, но и одновременно являющиеся основным источником средств существования их семей. Около трети респондентов поддерживали предложение о перепрофилировании предприятий или отдельных производств. Следует отметить, что наименее популярной мерой оказалось ужесточение контроля и штрафных санкций за загрязнение городской среды, которую поддержали 25,4 % респондентов. Подобный подход вероятнее всего связан с тем, что штрафы ухудшают финансовое положение предприятий и скажутся на материальном положении работников [2, с. 62-63].

Определенные различия в отношении к основным путям оздоровления природной среды прослеживаются у основных социальных групп населения. Так, женщины более решительно настроены за закрытие вредных производств, тогда как мужчины в большей мере выступали за внедрение экологически безопасных производств. Опрос выявил и другую тенденцию: чем моложе братчане, тем решительнее они выступают за закрытие вредных производств. А вот среди пожилого населения поддерживается мера на ужесточение контроля и штрафных санкций. Наблюдалось различие в отношении работников разных предприятий к оздоровлению окружающей среды. За внедрение экологически безопасных технологий в большей мере высказывались работники крупных заводов. Однако респонденты этих предприятий менее всего поддерживали меру закрытия вредных производств. На промышленных гигантах абсолютное большинство работников отвергало эту меру. В то же время в коллективах социальной сферы в большинстве поддерживали ужесточение штрафных санкций. Таким образом, общественное мнение жителей Братска более всего склонялось к закрытию или перепрофилированию экологически вредных производств. Менее популярным мероприятием являлись сокращение производственных мощностей и особенно ужесточение контроля и штрафных санкций.

В опрашиваемой анкете содержались вопросы об источниках получения жителями Братска различного информационного материала по экологической ситуации в городе. Как выяснилось, даваемая через печать информация не всегда была понятна населению, не отмечала

влияние повышенных предельно-допустимых концентраций вредных веществ на здоровье людей. Большая часть респондентов (69,7 %) полностью или частично проявляли недоверие к достоверности официальной информации. Среди возрастных групп наибольшее недоверие к получаемой информации наблюдалось у жителей группы 30–39 лет — 73,7 %, 40–49 лет — 71,5 % [2, с. 69].

Анализ деятельности органов г. Братска в области охраны природы и рационального природопользования показал запоздалую постановку этих вопросов перед общественным мнением и практикой. Это подтвердилось социологическим опросом населения, когда братчане дали оценку деятельности горисполкома по решению экологических проблем: считаем незначительной — 26,3 %, считаем безрезультативной — 64,4 %. Следует подчеркнуть полностью совпадения по всем параметрам оценок мужчин и женщин. В возрастной группе 17–29 лет наблюдался наибольший удельный вес отрицательно оценивших деятельность местных властей. Интересными оказались оценки природоохранной деятельности самих жителей Братска. Так, 54,3 % опрошиваемых заявили о пассивности населения, 35,7 % оценили эту деятельность как незначительной [2, с. 75].

Столь низкое экологическое движение жителей г. Братска можно объяснить следующими факторами: во-первых, психологией времени, когда население города формировалось за счет прибывших из других районов страны и планирующих обратное возвращение. Подобная психология порождает ошибочное убеждение в неисчерпаемости местных природных ресурсов, была характерна среди значительной части работников. Во-вторых, существенным различием интересов между «работниками» и «жителями», когда первые считали, что блага, приобретенные в системе (повышенная зарплата, социальные выплаты и т. д.) компенсируют негативные стороны их вредного производства, а вторые стремились сохранить и улучшить не организацию, к которой принадлежали, а именно среду обитания.

В период сооружения основных промышленных предприятий и самого города Братска наблюдалась высокая миграционная подвижность населения, при которой число прибывших превышало число выбывших. Однако со второй половины 1970-х гг. отток населения из города увеличился. По данным социологического исследования 1990 г. 45 % жителей города в ближайшей или отдаленной перспективе предполагали сменить свое место жительства. Наибольший удельный вес жителей, собирающихся в течение ближайших трех лет уехать из Братска, составлял 27 %, тогда как среди респондентов старшего возраста их доля была в два раза меньше. Среди лиц пенсионного возраста 83 % опрошенных жителей планировали жить в Братске постоянно. Исследование показало, что среди тех, кто планировал в будущем покинуть город, подавляющее большинство (87 %) в качестве

одной из основных причин называли сложную экологическую обстановку в Братске [2, с. 87, 91].

Последующие десятилетия подтвердили демографический прогноз, обозначенный в ходе социологического исследования в 1990 г. Из Братска на протяжении всех лет выезжало примерно по 1,5 тыс. чел. в год. С 1989 г. по 2019 г. население города сократилось с 286,4 тыс. до 226,9 тыс. чел. или на 20,8 %. Подобные изменения можно назвать демографической катастрофой для некогда благополучного города [3].

Проведенные в 1990 г. социологические исследования по изучению экологического сознания жителей г. Братска наряду с физико-химическими исследованиями состояния окружающей среды позволили определить основные параметры экологической обстановки и предложить практические меры по защите человека и природной среды, управления качеством экологии. На основе этих данных были разработаны программы природоохранных мероприятий в г. Братске, которые были рассмотрены в российском производстве. В итоге это позволило отнести г. Братск к зоне экологического бедствия, включить его в первые разработанные республиканские программы по охране и восстановлению окружающей среды с необходимым для этого финансированием.

Список использованной литературы и источников

1. Ваганова К. Что, природа, с тобой мы сделали / К. Ваганова // Красное знамя (Братск). — 1990. — 17 авг.
2. Общественное мнение жителей Братска по экологическим проблемам города. Научный отчет. Авторы С. С. Букин, А. А. Долголюк, Г. А. Цыкунов. — Новосибирск — Братск, 1990.
3. Численность постоянного населения Иркутской области по переписи населения 1989 г.; Среднегодовая численность постоянного населения Иркутской области по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики по Иркутской области : офиц. сайт. — URL: <http://irkutskstat.qks.ru> (дата обращения 12.11.2020).

Информация об авторе

Цыкунов Григорий Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tsykunov-ga@gmail.com

Author

Grigory A. Tsykunov — doctor of historical sciences, professor, Chair of State and Legal Disciplines, Baikal State University, 11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, e-mail: tsykunov-ga@gmail.com.

СИБИРЬ: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.40

Э.В. БАТУНАЕВ

УДК 339.5(470+517.3)(09)

ББК 65.428(2Рос+5Мон)г

ЗАМЕТКИ О РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В НАЧАЛЕ XX В.*

Статья посвящена изучению истории русско-монгольских торгово-экономических связей в начале XX в. Показано развитие русско-монгольских торговых-экономических отношений, рассмотрены объемы торговли, соотношение торгового оборота русско-монгольской торговли, основных направлений торговых путей, экспедиций для изучения монгольского рынка. Показано соперничество русских, китайских и иностранных предпринимателей в борьбе за монгольский рынок. Выявлены позиции российских государственных деятелей, торговых кругов и общественности по развитию перспектив русско-монгольской торговли.

Ключевые слова: русско-монгольские торгово-экономические отношения, торговый оборот, товары, конкуренция, экспедиция, импорт, торговля.

E. V. BATUNAEV

NOTES ON RUSSIAN-MONGOLIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the study of the history of Russian-Mongolian trade and economic relations in the early XX century. The development of Russian-Mongolian trade and economic relations is shown, the volume of trade, the ratio of trade turnover, the study of the main directions of trade routes, expeditions to study the Mongolian market are considered. The rivalry of Russian, Chinese and foreign entrepreneurs in the struggle for the Mongolian market is shown. The positions of Russian statesmen, trade circles and the public on the development of the prospects for Russian-Mongolian trade are revealed.

Keywords: Key words: Russian-Mongolian trade and economic relations, trade turnover, goods, competition, expedition, import, trade.

* Работа подготовлена в рамках проекта НИР «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

Торгово-экономические отношения между Россией и Монголией довольно основательно освещены в трудах И.М. Майского [1], Е.М. Даревской [2], Ш.Б. Чимитдоржиева [3], Н.Е. Единарховой [4], Е.А. Белова [5], С.Г. Лузянина [6], А.В. Старцева [7], Ю.В. Кузьмина [8]. Первые российско-монгольские отношения стали устанавливаться в середине XVII в. Это были главным образом посольские и торговые отношения. До первой половины XIX в. русско-монгольские отношения развивались на основе Нерчинского (1689 г.) и Кяхтинского договоров (1727 г.)

Со второй половины XIX в. важную роль в истории взаимоотношений между Россией и Монголией стали играть Кульджинский (1851 г.), Айгунский (1858), Тяньцзиньский (1858 г.), Пекинский (1860 г.), торговые правила (1862 г.) Петербургский (1881 г.) договора. Они способствовали значительному расширению торгово-экономических связей и развитию русско-монгольской торговли [3, с. 105]. По утвержденным договорам, Россия получила права свободной торговли в Монголии, был узаконен беспошлинный провоз товаров и купля-продажа в пределах 50 верст по обе стороны русско-монгольской границы, а для русских купцов по всей Монголии.

Согласно Пекинскому договору в 1861 г. в Урге было открыто русское консульство, во главе которого, более 50 лет проработал генеральный консул Я.П. Шишмарев [4]. В 1881 г. были открыты также консульства в Кобдо и Улясутае для защиты торговых и экономических интересов российских подданных. Русские подданные получили право строить дома, лавки и амбары в городах [3, с. 121]. Основным средством укрепления российского влияния в Монголии была традиционная русско-монгольская торговля, составлявшая в начале XX в. 16 млн. 900 тыс. руб., увеличившись по сравнению с серединой XIX в. в 80 раз [6, с. 40; 9, с. 240].

Русско-монгольская торговля велась по нескольким направлениям: кяхтинскому, ононо-аргунскому, тункинскому и бийскому [3, с. 114]. Из России в Монголию ввозилась мануфактура, галантерейные и металлические изделия, керосин, посуда, медь и другие товары. В Россию вывозилось, главным образом, сырье — звериные шкуры, кожи, масло, жир, овечья и верблюжья шерсть, конский волос. Через Монголию в Россию и Западную Европу шли транзитные (китайские) товары — золото, пушнина, чай. В 1886 г., например, русскими купцами было отправлено через Ургу в Кяхту 347 225 ящиков чая. Его транспортировкой занимались в основном три торговых дома, обособившиеся в Урге, крупном центре транзита чая, отправляемого в Россию: «Коковин и Басов», «Батуев и К°», «Братья Шульгины». В 80-90-х гг. XIX в. русско-монгольская торговля велась как в пограничных пунктах, так и на монгольской территории, преимущественно в Урге [3, с. 122].

Примерно 40 % всего русского импорта из Монголии составлял скот. С середины XIX в. потребность в скоте увеличилось в связи с ростом числа занятых на золотых приисках в Верхнеудинском и Баргузинском острогах [3, с. 112]. В 90-х г. XIX в. из Монголии ежегодно прогонялись до 17 тыс. голов крупного рогатого скота и около 21 тыс. овец. В прессе и специальных коммерческих изданиях фигурировали цифры о наличии в Монголии (включая Внутреннюю) 50 млн. крупного, 80 млн. мелкого рогатого скота и 25 млн. лошадей. Из этого делались выводы о возможности ежегодного выгона 450 тыс. голов скота в Южную Сибирь и другие регионы и увеличения русско-монгольской торговли до 30-35 млн. руб. против сложившегося на тот момент оборота в 16 млн. руб. российские торгово-промышленные круги сумели к 1908 г. наладить бесперебойную ежегодную доставку 339 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота через пункты Кош-Агач и Кяхта [6, с. 40].

Торговый баланс для России был пассивным. С 80-х г. XIX в. в русско-монгольской торговле наметилась тенденция к преобладанию вывоза монгольского сырья над ввозом русских промышленных изделий. Торговля велась главным образом на основе обмена и кредита. Так, в 1911 г. через Кяхту в Монголию было ввезено русских товаров на 1 465 977 руб., а вывезено в Россию через тот же пункт сырья и пушнины. Кроме того, транзитом через Россию в Западную Европу было вывезено пушнины и золота на 2 219 832 руб. [5, с. 134] Менее благоприятно складывалась ситуация с экспортом. Объем последнего, несмотря на беспешинный характер торговли (по русско-китайскому договору 1881 г.) был почти в два раза меньше объема импорта и в количественном отношении в пять раз уступал экспорту в Монголию товаров из Китая и других стран. Россия и Китай были главными торговыми контрагентами Монголии.

Рост торговли происходил в основном по линии импорта в Россию, составлявшего в 1907 г. — 5 млн., а в 1910 г. — 12 млн. руб. Увеличение импорта было закономерным явлением, ибо в России из года в год усиливался интерес к возможностям монгольского рынка как поставщика дешевого мяса и животноводческого сырья [6, с. 40]. Как свидетельствуют данные таможенной статистики, уже в 1909 г. Монголия давала 12 % процентов всего ввозимого в Россию кожевенного сырья, 13 % шерсти, 25 % конского волоса, 10,5% крупного рогатого скота, 10,8 % лошадей, 24,9 % мелкого рогатого скота и 34,2 % пушнины [10, с. 12]. Общий оборот русско-монгольской торговли в 1908 г. составил 8 млн. руб. при обороте китайско-монгольской торговли 50 млн. руб. [11, с. 142].

Конкуренцию российским товарам на монгольском рынке наряду с китайскими составляли также иностранные (американские, английские, немецкие, японские). Иностранные товары (ткани, керосин и

пр.) попадали в Монголию, прежде всего, через китайских купцов. С 1909 г. после открытия в Урге американских филиалов торговых фирм «Норберс К°» «Вильсон К°», торговля пошла без посредников. Ежегодно из Монголии в США через Тяньцзиньский порт вывозилось по 200 тыс. пудов шерсти и 3 млн. выделанных кож. В 1910 г. в Монголии появились представители еще трех американских фирм: «Стандарт Ойл Компани», «Бритиш-Американ Табакоу», и «Андерсен Мейер К°» [6, с. 44].

Российские товары отличались хорошим качеством, особенно мануфактура, и заслуженно пользовались среди местных жителей спросом. Монголы и китайцы в торговле любую качественную вещь называли «морозовским товаром» как знак высокого качества [10]. Но русские товары вследствие дороговизны, возникавшей в результате высоких транспортных расходов, не могли выдерживать конкуренцию с более дешевыми китайскими товарами. Задача русских купцов заключалась в том, чтобы расширить торговлю юфтью, недорогими сукнами, хлопчатобумажными тканями различных расцветок, металлическими предметами, галантереей, т. е. теми товарами, на которые имелся большой спрос у монголов.

Ведущее положение в Монголии продолжал занимать китайский торгово-ростовщический капитал. В 60-х годах XIX в. там действовало несколько десятков крупных и средних китайских фирм, которые оказывали сильное противодействие проникновению русского капитала в эту страну, расширению русско-монгольской торговли. Особенностью китайской торговли в Монголии были поставки в кредит под высокие проценты [9, с. 228].

Монголы оказывались в должниках у китайских купцов, плата за долги была настолько высокой, что покупатели часто разорялись, а их скот переходил в руки поставщиков. По закону они не могли превышать 36 %, но в действительности доходили до 80-100, порою до 400 %. Ростовщики ссужали деньгами и товарами не только аратов, но и феодалов Монголии. Общая задолженность страны к 1911 г. составила огромную сумму - 11 млн. лянов [9, с. 229]. Русские же купцы в это время продали монголам товары главным образом на рубли и серебро. В рассматриваемое время китайские купцы торговали кроме традиционных английскими и американскими товарами, преимущественно хлопчатобумажными тканями, а также японскими, которые были дешевле русских [3, с. 124].

Для изучения монгольского рынка, торговых маршрутов были отправлены специальные экспедиции, по возвращении представлявшие свои рекомендации правительству и торговым кругам России. В 1861 г. из Урги через земли дархатов на оз. Косогол (Хубсугул) состоялись экспедиции капитана Генерального штаба Гельмерсена, в Западную Монголию, ученых и путешественников Г. Принтца, В. Рад-

лова. Российское консульство в 1862–1864 гг. снарядило экспедиции для изучения путей, связывающих Ургу с ононским и приаргунскими регионами, а также для исследования экономических возможностей монгольских территорий. Выводы экспедиции, которую возглавлял сам консул Я.П. Шишмарев, сводились к тому что есть существенные возможности к расширению торговли с Восточной Халхой, прежде всего с Цеценханским аймаком и приграничных приаргунских и ононских маршрутов. В 1903 г. капитан Генштаба В.Л. Попов, побывавший Монголии, сделал обзор русской торговли и подчеркнул ее незначительный объем и в то же время большую важность. Он предложил ряд практических мероприятий с целью укрепления экономических и политических позиций России в Монголии [12].

В 1910 г. были организованы две торговые экспедиции в Монголию для широкого изучения монгольского рынка, условий торговли и выяснения способов сбыта русских товаров. Сибирские купцы субсидировали посланных Томским университетом М.И. Боголепова, М.Н. Соболева. [13], а московские, среди которых были такие крупные банкиры и промышленники, как П.П. Рябушинский, Н.Д. Морозов и другие, на средства 73 фирм командировали в страну представителей шести крупнейших компаний под руководством полковника В.Л. Попова и агронома И.М. Морозова [10].

Участники экспедиции пришли к выводу, что дальнейшее развитие торговли было немыслимо без удобных путей сообщения, умело разработанных торговых маршрутов, наведение порядка в таможенных тарифах и ветеринарном контроле. Так, наиболее влиятельная ее часть — московское купечество считало, что Монголия не может служить рынком сбыта для российской обрабатывающей промышленности в силу ее удаленности, бедности населения и сильной конкуренции в лице китайских и иностранных торговцев [8, с. 76].

Сибирские же купцы и предприниматели, тесно связанные с монгольским рынком, наоборот, выступали за более решительные меры и оказания содействия со стороны государства в деле улучшения русско-монгольской торговли, протекции русских товаров, улучшения работы ветеринарных служб, введения новых сухопутных и водных маршрутов [13].

В связи с ростом русско-монгольского товарооборота по настоянию торгово-промышленных кругов при царской администрации был создан ряд комиссий и комитетов. Так, при иркутском генерал-губернаторе был создан Постоянный особый комитет по монгольским вопросам, при Министерстве торговли и промышленности в Петербурге в 1910 г. образовано Особое междудеPARTMENTовное совещание по делам Монголии. Оно разработало ряд мероприятий, однако революция в Китае и подъем национально-освободительного движения в Монголии помешали их осуществлению. В связи с обстоятельствами воен-

ного времени встал вопрос о широком использовании монгольского рынка для продовольственных целей.

После объявления независимости Монголии в 1911 г. и подписания русско-монгольского соглашения 1912 г. (торгового протокола) возникли благоприятные условия для русских купцов и предпринимателей, в результате падения объемов китайской торговли. Иными словами, русско-монгольское соглашение 1912 г. и торговый протокол [14] прилагаемый к нему максимально благоприятствовали русской торговле, что обусловило ее заметный рост: в 1911 г. ввоз русских товаров в Монголию составлял 2 млн. 115 тыс. руб., вывоз — 758 тыс. руб., а в 1915 г. — соответственно 11 млн. 451 тыс. руб. и 2 млн. 429 тыс. руб.

Но воспользоваться ситуацией сразу не удалось, поскольку до конца 1912 г. русская торговля была довольно примитивной. Купцы сами закупали, привозили и продавали свои товары. В большей мере русская торговля носила хошунный характер, когда купцам приходилось торговать по дальним заимкам и улусам. Для успешной торговли необходимы были большие склады в крупных центрах, откуда купцы могли бы закупать товар и продавать по хошунам. Из-за отсутствия хороших складских помещений товар выгружался в открытом месте.

В 1912 г. в Урге открылось «Русское экспортное товарищество» [15], в которое входило 68 московских торговых и промышленных фирм во главе которого стал известный миллионер, купец и фабрикант Рябушинский, открывший филиалы «Товарищества» в Урге и Улясутае [11, с. 143]. Русская экспортная палата уделяла большое внимание торговле с Монголией; на заседаниях дальневосточного отдела палаты регулярно слушались доклады представителей торговых кругов. Экспортная палата имела своих уполномоченных в Монголии, во многих районах Сибири и Дальнего Востока.

Российское правительство с целью расширения торговли открыло отделение государственного банка в Троицкосавске, понизило железнодорожные тарифы на перевозку товаров для Монголии, приняло решение открыть в Урге монгольский национальный банк. В 1913–1914 гг. торговый оборот России и Внешней Монголии увеличился, русские купцы стали вывозить в Монголию больше текстиля, крупчатки и других товаров.

В 1915 г. была образована «Монгольская экспедиция» во главе с известным путешественником Центральной Азии полковником П.К. Козловым и на него была возложена обязанность закупать и выгонять из Монголии в Россию скот для удовлетворения нужд действующей армии [16]. Цель, которую «Экспедиция» преследовала вполне сознательно, состояла в том, чтобы выгнать возможно большее количество скота и таким путем способствовать смягчению продовольственного кризиса в России, а как и каким способом будет достигнута цель, представляло для нее второстепенное значение.

Необходимо отметить, что после кяхтинского тройственного соглашения 1915 г. китайские торговые круги смогли нарастить торговлю в Монголию. Это объясняется тем, что Россия, хотя имела экономические преимущества, но все же не могла воспользоваться благоприятной ситуацией в расширении своего экономического и торгового влияния. Начавшаяся Первая мировая война, отнимала все больше ресурсов, вследствие этого Россия не могла обеспечить в полном объеме товарами монгольский рынок Монголия испытывала товарный голод. В этой ситуации китайские торговцы начинают активно действовать в Монголии. В течение 1915–1917 гг. в автономной Монголии появилось 70 новых китайских фирм, развернувших свою деятельность в Урге, Улясутае и Кобдо, что сразу сказалось на объемах монголо-китайской торговли: в 1915–1916 гг. она составляла 45-50 млн. руб., превысив как объемы русско-монгольской торговли, так и показатели торговли собственно Китая за 1909–1910 гг. [6, с. 72]. Таким образом, в 90-е годы XIX в. произошел значительный рост русско-монгольской торговли, особенно импорта из Монголии. Причем еще с 1880-х годов наметилась тенденция преобладания вывоза монгольского сырья над ввозом русских промышленных изделий.

В целом торгово-экономические отношения России с Монголией в начале XX в. развивались по восходящей линии. Медленно, но неуклонно расширялись объем и номенклатура торговли, развертывалась предпринимательская деятельность русских на монгольской территории, что стимулировало развитие товарно-денежных отношений. Особенно интенсивно русско-монгольские экономические отношения развивались в первые годы существования теократической монархии, т. е. в 1911–1915 гг. Первая мировая война и революционные потрясения в России привели к ослаблению политических и экономических позиций России в Монголии.

Список использованной литературы и источников

1. Майский И. М. Современная Монголия: (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз») / И. М. Майский. — Иркутск : Гос. изд-во, 1921. — 472 с.
2. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков / Е. М. Даревская. — Иркутск : Издательство Иркут. ун-та, 1994. — 400 с.
3. Чимитдожиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. — Москва : Наука, 1987. — 233 с.
4. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: Основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н. Е. Единархова. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 250 с.

5. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Е. А. Белов. — Москва : Институт востоковедения РАН, 1999. — 239 с.
6. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — Москва : Наука, 2000. — 300 с.
7. Старцев А. В. Русская в Северо-Западной Монголии во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Старцев // Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур) : материалы II региональной конференции 26 октября 1999 г. — Барнаул : Издательство БГПУ, 1999. — С. 58-62.
8. Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения 1911–1912 гг. и позиция общественных кругов России / Ю. В. Кузьмин // Монголика — III. Из архивов... — Санкт-Петербург : «Фарн», 1994. — С. 76.
9. История Монгольской Народной Республики. — Москва: Наука, 1983. — 601 с.
10. Московская торговая экспедиция в Монголию. — Москва: тип. П. П. Рябушинского, 1912. — 353 с.
11. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории / И. Я. Златкин. — Москва: Издательство восточной литературы, 1957. — 300 с.
12. Попов В. Л. Через Саяны и Монголию: (Отчет нач. Монгольской экспедиции Ген. штаба кап. Попова) / В. Л. Попов. — Ч. 1. — Омск : тип. Штаба Спб. воен. округа, 1905. — 27 с.
13. Боголепов М. И. Очерки русско-монгольской торговли: монография / М. И. Боголепов, М. Н. Соболев. — Томск: типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. — 498 с.
14. Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 — 2 ноября 1913 гг.). — Санкт-Петербург, 1914. — 82 с.
15. Российская экспортная палата. Отчет Российской экспортной палаты. — Петроград, 1914. — 112 с.
16. Кроль М. А. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг. Маньчжурско-Владивостокский район / М. А. Кроль. — Харбин, 1919–1920. — 50 с.
17. История Монголии. Век XX / отв. ред. Г. С. Яскина. — Москва : Ин-т Востоковедения РАН, 2007. — 448 с.

Информация об авторе

Батунаев Эдуард Владимирович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Author

Eduard V. Batunaev — candidate of historical sciences, research worker at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of science, Siberian Branch. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 6. e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.41

И.В. ОЛЕЙНИКОВ

УДК 327(519.5+470)

ББК 66.4(5Кор+2Рос)

КОРЕЙСКИЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ*

Представлен анализ взаимодействия между Иркутской областью РФ и Республикой Корея в конце 2010-х гг. в административной, экономической и гуманитарной сферах. Рассмотрено влияние корейского фактора на международное сотрудничество региона, выявлены проблемы и перспективы взаимодействия.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, Иркутская область, международное сотрудничество.

I. V. OLEYNIKOV

THE KOREAN FACTOR IN INTERNATIONAL COOPERATION OF IRKUTSK REGION

The article presents analysis of the characteristics of cooperation in economic, administrative and humanitarian spheres between the Irkutsk oblast of Russia and the Republic of Korea in the end of 2010th. The influence of the Korean factor on the international cooperation is considered, problems and prospects of interaction are identified.

Keywords: Russia, Republic of Korea, Irkutsk oblast, international cooperation.

На протяжении последних тридцати лет Республика Корея активно развивает торговые, административные и культурные контакты с Приангарьем. Столь продолжительное взаимодействие в различных областях ставит задачу осмысления опыта сотрудничества, выявления актуальных тенденций, сформировавшихся за последнее время.

Активизации корейского фактора в международном сотрудничестве Иркутской области способствует наличие институциональных структур. Правительство региона с 1996 г. является участником Ассоциации региональных администраций стран Северо-Восточной Азии, войдя в Подкомиссию по приграничному сотрудничеству. В Иркутске с 2009 г. работает Генеральное консульство Республики Корея; фактором, повлиявшим на его открытие, стало комплексное развитие

* Работа выполнена при финансовой поддержке Корейского фонда (Korea Foundation) в рамках проекта «Российско-корейские отношения в контексте новых социально-экономических вызовов в постковидную эпоху: восстановление экономических связей и проблема трансграничной миграции», Грантовое соглашение б/н от 02.02.2021.

двусторонних контактов, наличие значительной корейской диаспоры в регионе, научные и образовательные обмены. Помимо этого, Иркутская область была привлекательна для корейской стороны в силу своего ресурсного потенциала — одного из крупнейших месторождений природного газа — Ковыктинского; в его разработке планировали принять участие корейские компании-инвесторы. Помимо природного газа, топлива и нефтепродуктов, корейских предпринимателей интересовали лесные богатства региона: алюминий, целлюлоза, — привлекал и рекреационный потенциал озера Байкал.

На протяжении ряда лет Республика Корея уверенно входит в пятерку ключевых торговых партнеров региона, но сальдо торгового баланса несимметрично — наблюдается ярко выраженный крен в пользу продукции, поставляемой в Южную Корею из Приангарья. Иркутский исследователь-корейист К. В. Иванов справедливо отмечает, что в структуре двусторонней торговли «...очевиден перекося в узнаваемости товаров и брендов. В большинстве своем, товары, экспортируемые из России в Корею, не имеют бренда по определению — сложно, мягко говоря, брендировать древесину и нефтепродукты. При этом корейские бренды — “Хёндрэ”, “Самсунг”, “Доширак” и т.д. — хорошо известны в России и представлены не только в виде товаров, но и в виде совместных предприятий, расположенных на территории России» [1].

В российско-корейском взаимодействии на субнациональном уровне присутствуют и негативные аспекты. Так, на низком уровне находится сотрудничество в сфере инвестиций. Несмотря на достаточное количество проектов и деклараций, реальные достижения в этой области весьма скромные — крупный корейский бизнес не торопится вкладывать серьезные средства в экономику периферийного и политически турбулентного региона, предпочитая сотрудничать с компаниями из европейской части России. Так, в 2019 г. на территории области было зарегистрировано 13 предприятий с инвестициями физических и юридических лиц из Республики Корея (строительство, туризм, производство электрооборудования, торговля металлами и лекарственными средствами) [2, с. 106]. Но, тем не менее, появляются определенные результаты.

Так, в Иркутской области есть пример кооперации российских и южнокорейских компаний в области производства медицинского оборудования на принципах «концессионного соглашения»: иркутская компания ООО «МедТехСервис» при поддержке АНО «Агентство инвестиционного развития Иркутской области» и АО «Корпорация развития Иркутской области» совместно с южнокорейской компанией B-bio Ltd в ноябре 2018 г. запустила производство глюкометров

и тест-полосок для измерения сахара в крови — отмечает в своей статье коллектив иркутских исследователей [3, с. 58–59]. Вполне возможно, что такой опыт сотрудничества в сфере производства медицинского оборудования будет не только способствовать модернизации этой промышленной сферы на территории Российской Федерации, но и станет ориентиром в сложном деле привлечения южнокорейских инвестиций в экономику Иркутской области.

В административной сфере в рамках побратимских связей по линии Иркутск — Каннн продолжают контакты иркутских парламентариев на уровне Думы Иркутска и городского совета Каннина. Депутаты Думы г. Иркутска изучают особенности городского благоустройства, вопросы работы с общественными пространствами, взаимодействие корейских муниципалитетов с провинцией и столицей — Сеулом, в котором народные избранники посетили «смарт сити».

В августе 2019 г. после наводнения в г. Тулуне члены делегации форума парламентской дипломатии «Корея-Россия-СНГ» Национальной Ассамблеи Республики Корея передали депутату ГД ФС РФ С.Ю. Тену гуманитарную помощь пострадавшим от паводка в Иркутской области. В ноябре 2020 г. в рамках борьбы с пандемией COVID-19 партнерская провинция Кёнсанбук-до поставила в регион партию из 700 защитных костюмов для иркутских медиков. Руководство Иркутской области выразило благодарность корейской стороне за помощь и заинтересовалось корейскими наработками в борьбе с коронавирусной инфекцией [4].

В последние годы «доковидной эпохи» Южная Корея стала местом для заработка, которое интенсивно используют для получения прибыли жители Иркутска и Иркутской области, в особенности после резкого падения курса рубля по отношению к доллару в 2014–2015 гг. Россияне работают в соседней стране преимущественно «вахтовым методом», чернорабочими-гастарбайтерами в сельском хозяйстве, строительстве, девушки — хостесс в ночных клубах, караоке и барах — на это их толкает нужда, попытка быстрого заработка и поиск новых впечатлений [5; 6, с. 174].

Однако использование возможностей безвизового въезда в Южную Корею для заработка является нелегальным и может привести к последующей депортации и судебной ответственности. Примечательно, что для жителей Республики Корея Иркутская область — место рекреационного туризма, отдыха, «цифрового детокса», в то время как россияне — трудовые мигранты, использующие возможности туризма для заработка.

Развиваются образовательные связи. Маркером этого процесса является факт того, что на факультетах и институтах Иркутского го-

сударственного университета за последние годы было открыто три центра изучения корейского языка, культуры и истории, действующих в Международном институте экономики и лингвистики, Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникации и историческом факультете. В Ботаническом саду ИГУ работает «Корейский сад» — проект, поддержанный генконсульством РК в Иркутске, в котором беседка, мостик, ограждения и каменный фонарь со скульптурами сделаны в стиле, традиционном для Южной Кореи. Отметим, что наличие центров такого рода способствует двусторонним обменам в сфере образования и науки, позволяет проводить научные мероприятия, направленные на комплексное изучение не только языка и культуры «Страны утренней свежести», но и анализировать двусторонние связи, вопросы корейского права, проблемы и перспективы политико-административных контактов [7].

Важным подспорьем для этого служит ресурс корейской «мягкой силы» — финансирование, выделяемое по линии «Корейского фонда» (Korea Foundation), позволяющее проводить научные мероприятия даже в ситуации пандемии. Остается надеяться, что областные и федеральные власти, в свою очередь, обратят внимание на финансирование корееведческих программ в университетских и научных центрах Сибири и Дальнего Востока, что будет способствовать формированию востоковедческого потенциала.

В сфере культуры наблюдается положительная динамика. Так, Иркутский драматический театр им. Охлопкова в июле 2018 г. принял участие в Третьем корейском театральном фестивале в Сеуле, представив на сцене «Daehakro Ars Theater» спектакль «Евгений Онегин». На регулярной основе в столице Восточной Сибири проходят выставки корейских художников и фотографов, в иркутских кинотеатрах — «Дни корейского кино».

Таким образом, можно констатировать, что влияние корейского фактора на международное сотрудничество Иркутской области способствует появлению различных тенденций. Интенсивно развиваются научно-образовательные, гуманитарные проекты, институциональные и административные контакты. Можно делать осторожные положительные заключения относительно некоторой «разморозки» двустороннего инвестиционного сотрудничества, но полноценное экономическое взаимодействие по-прежнему остается прерогативой вертикально-интегрированных холдингов и госкорпораций с российской стороны и финансово-промышленных групп — «чёмбелей» — с корейской. На субнациональном уровне Иркутской области для торговли с партнерами из Южной Кореи остается незначительное пространство лишь для среднего и малого бизнеса.

Список использованной литературы и источников

1. Иванов К. В. 2020 год в российско-корейских отношениях: социально-экономический аспект / К. В. Иванов // Россия и Корея: взгляд из Сибири: тезисы и доклады Международ. науч.-практ. конф., Иркутск, 10-11 октября 2020 г. / отв. ред. К. В. Иванов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. — С. 23-26.
2. Иванов К. В. Состояние и перспективы российско-корейского сотрудничества (на примере Иркутской области) / К. В. Иванов // Материалы IX Междунар. корееведческой конф. ДВФУ, Владивосток, 2-3 октября 2020 г. / отв. ред. М. П. Кукла, К. А. Пак. — Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2020. — С. 105-109.
3. Колодина Е. А. Перспективы международного сотрудничества России и Республики Корея в области медицины и здравоохранения / Е. А. Колодина, О. В. Архипкин, Ж. С. Каetano // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. — 2021. — Т. 35. — С. 55-63.
4. Республика Корея передала гуманитарную помощь для иркутских медиков // Твой Иркутск : сайт. — URL: <https://www.irk.ru/news/20201127/helps/> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Заработать в Корее: дневник гастарбайтера из Иркутска // Твой Иркутск : сайт. — URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20180116/korea/> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Ткачук А. В. Трудовая миграция из регионов Сибири в Республику Корея / А. В. Ткачук // Сибирь в пространстве международных отношений: прошлое, настоящее, будущее. 2020 : мат-лы регион. студ. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 27 марта 2020 г. / отв. ред. Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 170-176.
7. Россия и Корея: взгляд из Сибири: тезисы и доклады Международ. науч.-практ. конф., Иркутск, 10-11 октября 2020 г. / отв. ред. К. В. Иванов. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. — 130 с.

Информация об авторе

Олейников Илья Васильевич — канд. ист. наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: oleynikov@isu.ru, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 007240@bgu.ru

Author

Ilya V. Oleynikov — PhD in History, associate professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, History Faculty, Irkutsk State University, Chkalov str. 2, Irkutsk, 664003, e-mail: oleynikov@isu.ru, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str. 11, e-mail: 007240@bgu.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.42

Ц.С. ОЧИРОВ

УДК 94:917.3

ББК 63.3

ПРОЕКТ «ЖЕЛТОРОССИЯ» И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ И ХУЛУН-БУИРЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: СОВРЕМЕННАЯ КИТАЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ*

Статья посвящена изучению причин, предпосылок и хода национально-освободительного движения монголов во Внешней Монголии и Хулун-Буире в первой четверти XX века. Работа основана на публикациях китайских историков, с использованием российской историографии. Автор приходит к выводу, что китайские ученые рассматривают феномен национально-освободительного движения во Внешней Монголии и Хулун-Буире через призму реализации Россией особого геополитического проекта, известного как «Желтороссия».

Ключевые слова: проект «Желтороссия», Хулун-Буир (Барга), Внешняя Монголия, национально-освободительное движение, независимость.

TS.S. OCHIROV

THE PROJECT «YELLOW RUSSIA» AND THE NATIONAL LIBERATION MOVEMENT IN OUTER MONGOLIA AND HULUN BUIR IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY (BASED ON MATERIALS BY CHINESE RESEARCHERS)

The article is devoted to the study of the reasons and prerequisites of the national liberation movement of the Mongols in Outer Mongolia and Hulun-Buir in the first quarter of the XX century. The work is based on the publications of individual Chinese historians, using a number of data from Russian researchers. The author concluded that Chinese scholars viewed the phenomenon of the national liberation movement in Outer Mongolia and Hulun-Buir through the prism of Russia's implementation of a special geopolitical project known as Zheltorossiya (Yellow Russia).

Keywords: project “Yellow Russia”, Hulunbuir (Barga), Outer Mongolia, national liberation movement, independence.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МиноКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

Современные российские и китайские историки уделяют должное внимание проблематике национально-освободительного движения монгольских народов в начале XX в., которое получило мощное развитие после Синьхайской революции 1911 г. и возникновения независимых правительств Внешней Монголии и Хулун-Буира (др. назв. Барга). В настоящей статье мы акцентируем внимание на мнении отдельных китайских историков по этому поводу; а также анализируем некоторые исторические события, основываясь на трудах российских исследователей.

В доступных нам работах китайских историков истории Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1911–1920 гг. рассматривается как время, когда давние притязания Российской империи на земли Западной Маньчжурии были реализованы в проекте «Желтороссия» [1; 2; 3; 4]. Здесь следует учесть, что Российская империя преследовала геополитические, а с другой стороны, сугубо экономические цели. По мнению одного из идеологов проекта «Желтороссия» И.С. Левитова, проект был направлен на экономическую организацию периферии Российской империи на основе принципов открытой экономики. Свободная торговля в условиях близости и доступности природных богатств региона и дешевизны рабочей силы должна была принести серьезные прибыли [5, с. 64-65]. Внешняя Монголия также была объектом внешнеэкономической политики России. В конце XIX — начале XX вв. уровень российско-монгольского торгово-экономического сотрудничества был высоким, филиалы российских торговых учреждений были открыты в Урге, Улясутае, Кобдо [6, с. 403-404]. Монгольское сырье в большом количестве вывозилось в Россию, шел непрерывный поток монгольского скота на скотобойни Сибири. На российско-цинской границе в районе Маймачена и Кяхты было создано единое торгово-экономическое пространство [7, с. 188]. История Маймачена, откуда берет начало Монгольская революция 1921 г., достаточно ясно показывает, что данный тип городков был китайским прообразом свободной экономической зоны [8, с. 161]. Таким образом, Российская и Цинская империи стремились, помимо геополитических планов, максимально использовать приграничье в экономических целях.

По мнению китайского историка Кан Цзиань, национально-освободительное движение монголов в начале XX в. связано с деятельностью ведущих держав того времени, и прежде всего царской России. В начале XX в. был подготовлен проект «Желтороссия», главной задачей которого было ослабление позиций Китая и усиление российского влияния на Дальнем Востоке. Также были важными планы России вернуть территории, начинающиеся с гор Чогори (вторая горная вершина, после Эвереста, расположенная на границе Кашмира и Синьцзяна — авт.), Синьцзяна и вплоть до Владивостока. Поэтому с 1896 г. Россия усилила свое влияние в Монголии и начала принимать меры к созданию Желтороссии. В этом проекте были задействованы различные слои российского общества. Россия вынудила Цинское правительство

подписать ряд договоров, чтобы получить право на добычу полезных ископаемых и другие привилегии в Монголии. В дальнейшем, заручившись поддержкой Российской империи, монгольские князья Внешней Монголии в 1911 г. объявили о своей независимости [6, с. 403–404]. Другой китайский исследователь Цинской считает, что Россия не намеревалась останавливаться только на Внешней Монголии, а планировала усилить свое влияние и во Внутренней Монголии [4]. Здесь следует отметить, что Цинской, говоря о притязаниях Российской империи к Внутренней Монголии, в первую очередь имеет ввиду Хулун-Буир, с середины XIX в. входивший в орбиту российского экономического, политического и культурного влияния [9, с. 128].

Изучаемая проблематика нашла отражение в статье Да Шицзы «Очерк истории оккупации Хулун-Буира царской Россией». По мнению автора, начиная с XVII в. Россия пыталась взять под свой контроль весь Северо-восток Китая, но маньчжурская династия не позволила реализоваться этим планам, что, в конечном счете, привело к подписанию в 1689 г. Нерчинского мирного договора, определившего территориальные границы двух стран и на время остановившего продвижение России в Маньчжурию. Переломным моментом, по мнению Да Шицзы, стала Вторая опиумная война (1856–1860 гг.), после которой Цинский Китай потерял способность отстаивать свои геополитические интересы и противостоять ведущим европейским державам. Российская империя, наряду с Англией, Францией, Германией и США, со второй половины XIX в. начала активную экспансию на территории Китая, что, в конечном счете, привело к строительству КВЖД и размещению российского военного контингента в Западной Маньчжурии. Как отмечает Да Шицзы, помимо России на рубеже XIX–XX вв. Северо-Восточный Китай стал объектом экспансионистских устремлений Японии. Противоборство двух империй привело к подписанию тайного соглашения, по которому Западная Маньчжурия отходила к России, а Восточная Маньчжурия — к Японии [1]. Усилилось японское влияние в Хулун-Буире. Его население, отчасти родственное российским бурятам (в 1734 г. часть бурят откочевала в Хулун-Буир, где присоединилась к родственным баргутам — авт.) [10, с. 15], привыкало к японским советникам, военным, исследователям [11, с. 79]. Тем не менее, как считает Да Шицзы, Хулун-Буир, как и Внешняя Монголия, в указанный период находился под сильным влиянием российской пропаганды, направленной на разжигание национально-освободительного движения монгольских народов. Российский фактор, таким образом, сыграл ключевую роль в росте национального самосознания населения Внешней Монголии и Хулун-Буира и провозглашения независимости руководством этих регионов [1].

В монографии Ушоугуи, эвенка по национальности (китайский эвенк — авт.), в целом поддержана позиция Да Шицзы о ключевой роли России и ее проекта «Желтороссия» в формировании независимого прави-

тельства в Хулун-Буире после Синьхайской революции 1911 г. Однако в отличие от своих ханьских коллег, Ушоугуи не считает фактор России главной причиной военного мятежа, поднятого этническими меньшинствами Хулун-Буира в период Китайской Республики, включая время «Эры милитаристов» (1916–1928 гг.). Автор приводит и другие весомые факты, послужившие причиной развития национально-освободительного движения в Хулун-Буире: недовольство национальной элиты региона реформами позднего периода Цинской династии (упразднение института фудутунства; разграничение местного управления и утрата автономности управления). К тому же правление милитариста Чжан Цзолина на северо-востоке Китая ознаменовалось разделением пастбищ Хулун-Буира на пахотные участки для занятия земледелием. В результате многие скотоводы были насильственно переселены в горные места, что закономерно вызвало протест и недовольство аратов [2]. Заметим, что проблемы кочевого скотоводства в Монголии и Хулун-Буире имеют место и в настоящее время [12, с. 211].

Особый интерес вызывает статья китайского ученого Цзатаня «Дело о независимости Хулун-Буира», опубликованная в известном в КНР научном журнале «Общая история народов Внутренней Монголии». Журнал издается Институтом изучения истории и культуры народов Внутренней Монголии. В своей работе Цзатань широко использовал материалы из фондов архива провинции Хэйлуцзян. Опираясь на них, автор приводит, неоспоримые, по его мнению, доказательства открытого вмешательства России во внутренние дела Хулун-Буира в первой четверти XX века. Так, он пишет: «... Одновременно с подписанием российско-китайского пограничного соглашения в Маньчжурии в 1911 г. царской Россией в Харбине была создана Организация по делам монголов, которая занималась привлечением на свою сторону знати Барги и подготовкой вооруженного восстания в Хулун-Буире. С июня по июль 1911 г. проводилась постепенная дислокация русской армии к северной границе Маньчжурии. Уже в сентябре 1911 г. под предлогом проведения совместного с Китаем военного парада русские войска вошли в Западную Маньчжурию. Затем после событий Синьхайской революции, в Хайлар был направлен консул Усатый, которому было велено встретиться с лидерами олетов Шэнфу и баргутов Чэгжэ и обсудить план вооруженного мятежа в целях свержения китайской власти и создания независимого местного правительства в Хулун-Буире. С 18 по 25 декабря 1911 г. в Баргу были дополнительно переброшены 242 единиц военной техники и 7 000 русских военнослужащих. 14 января 1912 г. Шэнфу и Чэгжэ под предводительством Усатого мобилизовали свыше 1 000 монгольских воинов. Россия предоставила им вооружение в количестве 500 орудий. Уже 15 января 1912 г. «мятежники» захватили Хайлар и провозгласили свою независимость от китайского подданства. В дальнейшем российская сторона, прилагая всевозможные усилия, препятствовала осуществлению намерений Китая

вернуть себе Баргу, отказав ему в военных перевозках по КВЖД. Данное обстоятельство стало определяющей причиной успеха восстания в Хулун-Буире» [3]. Сведения Цзатаня находят отражение и в работах российских исследователей. По некоторым данным, элита Хулун-Буира в лице даурского чиновника Гуйфу встречалась в г. Харбин для переговоров о поставке оружия и боеприпасов с управляющими КВЖД генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и Е.И. Мартыновым [13, с. 203].

В 1915 г. после подписания Кяхтинского тройственного соглашения Барга была возвращена под управление Китайской Республике, но только в качестве специального округа, подчиненного центральному китайскому правительству с оговорками о необходимости «предупреждения России» и получения «разрешения у местных властей» [14, с. 52-53]. По мнению некоторых российских ученых, Хулун-Буир, будучи формально подчинен центральному правительству Китая, фактически сохранял свою, объявленную ранее, независимость от него вплоть до 1920 г., когда он был захвачен китайскими милитаристами [15, с. 3; 9, с. 130]. Китайские исследователи также придерживаются даты 1920 г., как времени окончательного возвращения Хулун-Буира Китаю. Это событие они связывают с ослаблением российского влияния в Западной Маньчжурии, вызванного поражением в Первой мировой войне и Гражданской войной в России после Октябрьской революции.

Между тем во Внешней Монголии, в отличие от Хулун-Буира, ситуация благоприятствовала установлению власти «красных монголов». Начиная с 1920 г. в ДВР и Советскую Россию из Урги выезжали группы монгольских делегатов, членов подпольных антикитайских кружков [16, с. 163-175]. В Троицкосавске они были встречены уполномоченным Народного Комиссариата иностранных дел РСФСР в Монголии О.И. Макстенеком. Поскольку Урга была занята китайскими войсками, он вел свою деятельность в приграничном районе [17, с. 305-317; 18, с. 83-90]. Троицкосавск и территория Дальневосточной Республики явились своеобразной «колыбелью» Монгольской революции 1921 года [19, с. 866-875; 20, с. 171-184]. 18 марта 1921 г. Маймачен был взят частями Монгольской народной армии под командованием Д. Сухэ-Батора [21, с. 141]. Это было началом победоносной Монгольской революции 1921 г.

В заключении отметим, что в российской исторической науке, говоря о национально-освободительном движении монгольских народов, выделяют именно Внешнюю Монголию, поскольку она, безусловно, является воплощением устремления монголов к созданию своего государства. Относительно опыта национально-освободительного движения во Внутренней Монголии российские историки полагают, что по разным причинам он был не столь успешным [22, с. 192]. Поэтому на фоне изучаемого исторического периода отчетливо выделяется Хулун-Буир (Барга), где в 1912 г. произошло первое крупное антикитайское восстание на территории Внутренней Монголии.

Таким образом, в настоящей работе мы проанализировали труды отдельных китайских историков, затрагивающих проблему национально-освободительного движения монгольских народов в первой четверти XX века. Как полагают китайские ученые, Россия и ее проект «Желтороссия» стали ключевым фактором, определившим зарождение национально-освободительного движения во Внешней Монголии и Барге. По их мнению, целью проекта было ослабление позиций Китая и усиление своего влияния в указанных регионах, вследствие чего в первой четверти XX в. Китай потерял контроль над Внешней Монголией и Хулун-Буиrom.

Список использованной литературы и источников

1. Шицзы Да. Очерк истории оккупации Хулун-Буира царской Россией / Да Шицзы // Изучение истории. — 2020. — URL: <https://www.163.com/dy/article/FO9TV1L9052386FT.html> (на кит. яз.)
2. Ушоугуи. История эвенкийского общества / Ушоугуи. — Пекин : Народное изд-во, 2012. — 548 с. (на кит. яз.)
3. Цзатань. «Дело о независимости Хулун-Буира» / Цзатань // Общая история монголов. — Пекин : Народное издательство, 2001. — URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_48df91ed01019yr3.html (на кит. яз.)
4. Цинсюй. Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1921 году / Цинсюй // Voxun. — 2005. — URL: https://boxun.com/news/gb/z_special/2005/07/200507110640.shtml (на кит. яз.)
5. Курас Л. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX-XX вв. / Л. В. Курас, Л. В. Кальмина, А. В. Михалев. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2018. — 112 с.
6. Очиров Ц. С. Монгольская народная революция 1921 г. в работах китайских исследователей / Ц. С. Очиров // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 401-409.
7. Курас Л. В. Регионы Сибири и Монголия: проблемы и перспективы приграничного сотрудничества / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. — 2013. — № 7. — С. 188–192.
8. Курас Л. В. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 1 (9). — С. 159-173.
9. Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буири в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2017. — Т. 21. — С. 128-135.
10. Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори-бурят (XVIII — нач. XX в.) / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2011. — 136 с.
11. Курас Л. В. Усиление японского влияния в Хулун-Буири в первой трети XX в. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. — 2020. — Т. 31. — С. 71-81.

12. Энхтувшин Б. Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации / Б. Энхтувшин, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 4 (12). — С. 208-223.
13. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 201-210.
14. Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалья / А. П. Тарасов // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 4. — С. 50-55.
15. Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. / С. Л. Кузьмин // Вестник КИГИ РАН. — 2018. — № 6 (40). — С. 2-14.
16. Хишигт Н. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия лаборатории древних технологий. — 2020. — Т. 16, № 1. — С. 163-175.
17. Хишигт Н. Отто Иванович Макстенек: у истоков монгольской революции 1921 года / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Oriental Studies*. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 305-317.
18. Курас Л. В. Отто Иванович Макстенек: год из жизни советского дипломата / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. — 2020. — Т. 32. — С. 83-90.
19. Курас Л. В. Дальневосточная республика как «колыбель» Монгольской революции (К 100-летию ДВР и Монгольской революции 1921 г.) / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Oriental studies*. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 866-875.
20. Курас Л. В. Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Современное историческое сибиреведение XVIII — начала XX в. : Сборник научных трудов / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. — Санкт-Петербург : Медианапир, 2020. — С. 171–184.
21. Курас Л. В. Монголия: «Алтанбулаг» — свободная торговая зона / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2013. — № 2. — С. 141-144.
22. Курас Л. В. Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. / Л. В. Курас // *Власть*. — 2015. — № 8. — С. 190–195.

Информация об авторе

Очиров Цыден Солбонович — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

Author

Tsyden S. Ochirov — postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, e-mail: tsyden.ochirov@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.43
УДК 94(47)+94(517)
ББК 63.3(2)612+63.3МОН

*Н. ХИШИГТ,
Л. В. КУРАС,
Б. Д. ЦЫБЕНОВ*

ОТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К НАЧАЛУ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МОНГОЛИИ (1905–1918 ГГ.)*

В статье рассматривается эволюция политики Российской империи и ее преемницы Советской России в отношении Монголии, с периода обострения русско-японских отношений в начале XX в. и до первых внешнеполитических шагов страны Советов в 1917–1918 гг. Авторы детально анализируют военно-разведывательную, дипломатическую и революционную составляющие российской политики в Монголии. Особое внимание уделено вопросу о вероятной встрече в 1917 г. монгольских представителей с революционерами Центральной Сибири и Сибирского бюро ЦК РКП(б).

Ключевые слова: Российская империя, Советская Россия, Монголия, внешняя политика, революция, большевики, Центросибирь.

*N. KHISHIGT
L. V. KURAS
B. D. TSYBENOV*

FROM INTELLIGENCE TO THE BEGINNING OF REVOLUTIONARY COOPERATION: THE EVOLUTION OF RUSSIAN POLICY IN RESPECT OF MONGOLIA (1905–1918)

The article is devoted to the evolution of the policy of the Russian Empire and Soviet Russia on the issue of Mongolia. The period under study begins with the Russo-Japanese War at the beginning of the 20th century and ends with the attempts of Soviet Russia to establish relations with Mongolia in 1917–1918. The authors analyzed in detail the military-intelligence, diplomatic and revolutionary aspects of Russian politics in Mongolia. The article also examines the question of the probable meeting in 1917 of Mongolian representatives with the revolutionaries of the Central Executive Committee of Soviet power in Siberia and the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks).

Keywords: Russian Empire, Soviet Russia, Mongolia, foreign policy, revolution, Bolsheviks, Central Executive Committee of Soviet power in Siberia.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (Мин ОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

В мировую историю XX век вошел как период грандиозных по масштабам революций и глобальных политических и социально-экономических потрясений. В то же время он стал судьбоносным временем для многих народов мира, использовавших различные возможности для обретения государственной независимости. Именно в начале XX в. стали претворяться на практике плоды радикальных теоретических взглядов второй половины XIX в. Одним из наиболее радикальных и действенных направлений был путь социальной революции. В 20-х гг. XX в. мечты о светлом будущем в виде идей социализма- коммунизма приблизились к своему воплощению в реальные дела. Особенно этими идеями была охвачена Европа.

После Октябрьской революции 1917 г. на территории бывшей Российской империи возникли советские социалистические государства. Самыми передовыми идеями того времени стали проекты социалистических и национальных революций, исследования путей государственной независимости и суверенитета. Страны Востока, по большей части еще не были охвачены новой революционной идеологией. Но все же Монголия была одной из тех стран, где народные массы включились в революционный процесс, желая освободиться от национального и колониального гнета.

Географическое положение Монголии неизменно побуждало ее делать выбор в пользу двух своих великих соседей — России или Китая. И ее судьба всецело зависела от изменений их внешней политики, их двусторонних взаимоотношений. И даже находясь в таких трудных условиях, Монголия пыталась воспользоваться меняющейся геополитической ситуацией, ожидая благоприятные условия и время.

С начала XX в. многие государства, несмотря на отдаленность и границы, стали проявлять интерес к Монголии, богатой природными ресурсами, скотом, сырьем. Это было обусловлено ослаблением Цинской империи и недостаточным контролем ситуации на национальных окраинах. Этот интерес неизбежно должен был привести к сосредоточению интересов России на монгольском вопросе. В свое время Российская империя привела в некое соответствие отношения с Цинами, было заключено несколько договоров о пограничных рубежах. И хотя до конца XIX в. Россия оставляла Монголию без надлежащего внимания, но в начале XX в. отношение к ней резко изменилось. С началом русско-японской войны в военно-стратегических целях были проведены мероприятия разведывательного характера. Об этих первых практических шагах известно из материалов современных российских исследований. Так, в разгар русско-японской войны российские военные, закупающие скот в Монголии, занимались также и сбором разведывательных данных. Например, в монографии М.Н. Алексеева фигурирует А.Г. Громов, занимавшийся сбором сведений в монгольских местностях [1, с. 179]. В апреле 1905 г., с це-

лью проведения глубокой разведки, в Монголию были направлены штабс-капитан Россов, переводчик монгольского языка при штабе Главногокомандующего студент Санкт-Петербургского Императорского университета В. Шангин под видом датского исследователя и переводчика [2, с. 192]. С 1906 г. разведывательная деятельность стала проводиться силами российских военных округов. Так, территория Западной Монголии становилась объектом изучения Омского военного округа. Несколько позже Иркутский военный округ приступил к изучению Халхи. В результате специальный агент Омского военного округа, казак, владеющий монгольским языком, собирал сведения в районе оз. Хубсугул; военные Иркутского военного округа для сбора сведений располагались в Верхнеудинске [Там же, с. 175-176]. Свидетельством особой важности сведений о соседнем регионе является то, что Монголия фигурирует в экзаменационных вопросах для военных, поступающих в Военную академию. Следует заметить, что большую информационно-аналитическую работу проводили российские консулы в Монголии, постоянно информируя о деятельности цинских наместников — амбаней, Богдо-гэгэна, давая оценку общей ситуации в Монголии [3, с. 106-117]. Так, из сведений генерального консула Российской империи в Урге Я.П. Шишмарева от 1910 г., можно понять причины и ход антикитайского выступления буддийских монахов в Урге в марте 1910 г., а также причины противостояния между Джеб-цзун-Дамба-хутухтой и амбанем Сань До [4, с. 210-213].

После русско-японской войны разведывательная деятельность была переведена на регулярную основу. В донесении российского Главного штаба от 1 января 1910 г. отмечалось, что начиная со времени войны на Дальнем Востоке, в Восточной Монголии, с целью проведения стратегической и военно-разведывательной деятельности, начал работу на постоянной основе коммерческий агент Китайско-Восточной железной дороги В.Ф. Ладыгин. В 1909–1914 гг. он возглавлял разведывательную организацию в Монголии под секретным номером «20». На его расходы ежегодно выделялось 4 тыс. руб. [2, с. 234-235, 488, 512].

Под прикрытием Русского географического общества направлялись в пределы Монголии исследовательские группы, во главе которых стояли офицеры Генштаба. Они оценивали стратегическое значение региона, военно-экономический потенциал, выясняли географические особенности Монголии, ее погодные условия; предварительно намечали пути сообщения на случай вероятной войны. Так, в 1906 г. группа под руководством полковника российского Главного штаба В.Ф. Новицкого более 5 месяцев работала в Восточной Монголии, выясняя условия вероятного военного похода из Кяхты в Ургу и далее в Калган. Военно-стратегическое положение Монголии, граничащей с Сибирью, изучалось капитаном В. Поповым. Все эти факты являются свидетельством особого стратегического значения Монголии для России. Это обстоятельство

было учтено в дальнейшем правительством Советской России в проведении политики в отношении Монголии [5, с. 140].

В то же время монголы, усвоившие тяжкие уроки гнета Цинского правления, не желали быть поглощенными новым агрессивным Китаем. У них не было другого выбора, кроме как последовать за Россией и с ее помощью защитить себя. Перед их глазами стояла реальная действительность, когда пастбища монголов Внутренней Монголии были превращены в китайские пашни. Настроения монголов того времени созвучны с взглядами знатока Китая и Монголии О. Латтимора, который писал: «Китайская колонизация станет для халха-монголов настоящим бедствием» [6, с. 17]. Реальная угроза монголам как нации исходила не с севера, а с юга, поэтому они были вынуждены обратиться к России. Аналогично ситуация складывалась и в 1920-е гг.

Синьхайская революция 1911 г. привела к крушению Цинскую империю и явилась предвестником монгольской национальной революции 1911 г. Революционные события в Китае послужили «спусковым крючком» к началу конкретной борьбы монголов за обретение государственной независимости. Ситуацией решила воспользоваться и Россия, в чьи планы входило смелое по меркам того времени мнение о создании буферного государства на территории Внешней Монголии. Тем более, что надежды на избавление от маньчжурского гнета высказывались монголами российским консулам, начиная с 60-х гг. XIX в. [3, с. 118]. Благодаря решительным действиям российского дипломата И.Я. Коростовца с использованием известного давления на монгольских правителей, российско-монгольские переговоры, начавшиеся в сентябре 1912 г., увенчались подписанием 3 ноября 1912 г. в Урге дружественного Соглашения о признании Россией автономной Монголии [7, с. 159]. На следующий день состоялось подписание еще одного документа — Протокола о торговле, который закреплял за русскими право беспошлинной торговли, свободы проживания и передвижения по всей территории Монголии [8, с. 218]. С этого времени российские купцы и торговцы стали беспрепятственно заниматься торговыми операциями в Монголии. Резкое сокращение русского экспорта было вызвано лишь началом Первой мировой войны; но в то же время увеличился импорт монгольских лошадей, скота, мяса и другого животноводческого сырья [9, с. 137].

После подписания соглашения 1912 г. в Монголию были направлены российские военные инструкторы, на которых была возложена задача создать монгольскую бригаду, Монгольскому правительству были выданы ссуды на организацию и вооружение монгольской армии [10, с. 33-38].

Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г., по которому Внешняя Монголия признавалась автономией Китайской Республики, не могло изменить наметившиеся тенденции в Монгольском правительстве и народе к продолжению борьбы за обретение полной независимости страны.

Послы и консулы Российской империи были смещены с постов после провозглашения Советской России и об этом были извещены государства, и в их числе Монголия. Однако Советская Россия не сумела установить отношения с правительством автономной Монголии. 25 ноября 1917 г. была осуществлена первая неудачная попытка установить дипломатические отношения между Советской Россией и автономной Монголией. В этот день Советское правительство отправило телеграмму в Российское консульство в Урге с требованием безоговорочного признания Советской власти [11, с. 180]. Несмотря на первую неудачу в деле установления двусторонних контактов, тем не менее, в январе 1918 г. около здания русского консульства в Урге собралось несколько сот русских, которые приветствовали установление новой власти в России и заявили о своем неподчинении царскому консулу и другим представителям старого режима [12, с. 26].

По мнению российского ученого, монголоведа С.Г. Лузянина, внешняя политика Советской России в отношении Монголии в изучаемый период имела два основных направления. Первое направление имело целью замену прежних российских консулов представителями новой советской власти и установление официальных отношений с правительством автономной Монголии. С этой целью Советская Россия в период с конца ноября 1917 г. до весны 1918 г. направила своих представителей Васильева, Зинкевича, Владимирского. Однако Монгольское правительство не пропустило их. По этому обстоятельству нарком иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин направил 9 апреля 1918 г. телеграмму Монгольскому правительству, в которой выразил пожелание, чтобы оно не взаимодействовало с освобожденными от должностей старыми российскими представителями. В частности, он отмечал, что «любая поддержка их будет расцениваться как вмешательство во внутренние дела России» [13, с. 77]. Вместе с телеграммой было отправлено для ознакомления и обращение правительства Советской России к народам Востока.

Другим направлением было проведение подпольной революционной деятельности в Монголии по линии Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь) и Сибирского бюро ЦК РКП(б). Подробные инструкции на этот счет были даны НКВД РСФСР. Так, в телеграмме Г.В. Чичерина, отправленной 28 февраля 1918 г. на имя председателя Центросибири, говорилось о необходимости проведения пропагандистской деятельности среди находящихся под гнетом монголов, их привлечении к деятельности Советской России. Затем, в апреле того же года Сибирское бюро ЦК РКП(б) издало инструкцию для пропагандистов большевистских взглядов, в которой отмечалось: «... Поддерживать традиционное (панмонгольское) движение, использовать противоречия между чиновниками, проводить пропаганду среди народа и чиновников и тем самым поднять авторитет советского прави-

тельства в Монголии» [13, с. 78]. Хотя и давались подробные указания, однако реальная деятельность не могла выйти за пределы русской колонии в монгольской столице [5, с. 141].

В этой ситуации Советская Россия наблюдала за состоянием монгольской политики из приграничных регионов, получала сведения из Информационного бюро, созданного в среде российских рабочих Урги, отправляла в Монголию некоторых своих представителей из учреждений, расположенных в Сибири. Так, в 1918 г. большевик Я.Д. Янсон и лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино встречались в приграничном городке Алтанбулак с местным чиновником Дугаржавом. В частности, Э. Д. Ринчино говорил о готовности новой России оказать помощь в деле борьбы монголов за обретение независимости [14, с. 387]. Однако под предлогом необходимости согласования с ургинскими властями, они были возвращены обратно, в российские пределы [15, с. 221]. По другим данным, член Центросибири Л.Д. Клейман-Муллер и переводчик Э.-Д. Ринчино в 1918 г. смогли приобрести оружие у Сэцэн-хана [16, с. 90]. Таким образом, можно предположить, что вышеуказанные лица выезжали в 1918 г. через Хяту в Монголию.

Как отмечал известный общественно-политический деятель, революционер Б.З. Шумяцкий, монголы также ездили в Россию, интересовались положением нового государства. Так, в конце 1917 г. несколько человек прибыли из монгольского Маймачена в Иркутск. Они встречались с Б.З. Шумяцким и С. Лазо, представлявшими Центросибирь и Сибирское бюро ЦК РКП(б). Монголы поднесли им красный хадак (ритуальный шелковый шарф, преподносимый в знак уважения, дружбы) и выразили надежду на помощь в указании путей и методов борьбы против иноземного гнета. Они также интересовались созданием революционных организаций, установлением контактов с партией Ленина [17, с. 87-88].

Подробных данных об этих монголах; о том, кем они были, не обнаружено. При этом, И.А. Сороковиков, основываясь на неподтвержденные разговорные сведения, предположил, что одним из них мог быть Сайн-нойон хан Намнансурэн. С ним монгольские исследователи не согласны, так как нет сведений о том, что Намнансурэн в указанный период выезжал в Иркутск.

С.Г. Лузянин, который ввел в научный оборот материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), также указывает, что в декабре 1917 г. руководители Центросибири С. Лазо и Б.З. Шумяцкий встречались с Сайн-нойон-ханом Намнансурэном в Маймачене. Встреча со стороны первых носила больше пропагандистский характер [13, с. 85].

Данное сведение привлекает внимание тем, что место встречи обозначено как Маймачен, а не Иркутск, что вероятно стоит близко к истине. Если обратиться к материалам, имеющим отношение к истории Центросибири, в центре внимания этой организации была заготовка

мяса в Монголии. И возможно, председатель Исполнительного комитета Центросибири Б.З. Шумяцкий и член Центросибири С. Лазо вместе выехали в приграничный район и встречались с официальными лицами, представлявшими монгольскую сторону [18, с. 117]. Имеются данные, что Б.З. Шумяцкий, действительно, решал несколько вопросов, связанных с пограничными вопросами, а также заготовками мяса и поставками мяса для нужд фронта. И этот момент также несколько проясняет исследуемый вопрос.

И все же оставляя вопрос о Т. Намнансурэне открытым, обратимся к другим сведениям, о том, кто из официальных лиц Монголии мог встретиться с представителями Советской власти: «...когда Советы были заново учреждены в Троицкосавске, гун Дугаржав, назначенный монгольским чиновником Кяхты, был на приеме в советском Троицкосавске и высказал пожелание об укреплении давних взаимоотношений между двумя странами» [19, с. 94]. Действительно, кяхтинский консул В. Лавдовский сообщал, что 21 марта 1918 г. заместитель монгольского чиновника, гун Дугаржав ездил в советскую администрацию г. Троицкосавск, спрашивал о прежних консулах; узнав, что прежние консулы мешают Советам установить отношения с Монгольским правительством, пожелал обратиться всвое ведомство в Кяхте» [20, с. 25-27]. Исходя из этого, становится ясно, что некоторые представители власти в приграничных монгольских районах проявили дружелюбие по отношению к новым российским властям и не возражали против установления связей с ними. В то же время понятно, что этих ранних шагов и инициатив недостаточно для рассмотрения взаимодействия на уровне государственных отношений [5, с. 142]. И все же политика нового Советского государства оставалась во многом малопонятной для монгольских властей, поэтому временный разрыв официальных отношений между РСФСР и Монголией имел место быть вплоть до победы монгольской революции 1921 г. [21, с. 14]. Ситуация стала кардинально меняться в 1919 г., когда монгольская автономия была упразднена китайским милитаристом, генералом, японофилом Сюй Шучжэном. Монголия вступила в новую фазу своей политической жизни [22, с. 161].

Таким образом, политика Российской империи / Советской России в отношении Монголии в начале XX в. претерпела существенные изменения. Глубокая разведка Монголии, предпринятая Россией в годы русско-японской войны, сменилась явной дипломатической поддержкой страны, закрепленной в 1912 г. дружественным соглашением и торговым протоколом. Политика, направленная на создание в Монголии буферного государства, была взята на вооружение и Советской властью. Первые годы существования Советской России (1917–1918) не принесли ощутимых результатов в деле установления официальных отношений между странами. Тем не менее, как показывает наше изучение, были сделаны первые шаги в этом направлении.

Список использованной литературы и источников

1. Алексеев М. Н. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. Кн. I / М. Н. Алексеев. — Москва : Русская разведка, 1998. — 472 с.
2. Тайны русско-японской войны / сост. И. В. Деревянко. — Москва : Прогресс-академия, 1993. — 326 с.
3. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917) / А. А. Сизова. — Москва : Наука — Вост. лит., 2015. — 295 с.
4. Цыбенков Б. Д. Джебцзун-Дамба-хутухта и амбань Сань До: начало противостояния (из донесений генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева в 1910 году) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Монголоведение (Монгол судлал). — 2020. — Т. 12. — № 2. — С. 203-215.
5. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй) / Н. Хишигт. — Улаанбаатар : Бэмби сан, 2011. — 299 с.
6. Латтимор О. Нүүдэлчид ба хувьсгалчид / О. Латтимор. — Улаанбаатар : Соёмбо, 1994. — 145 с.
7. Базаров В. Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. / В. Б. Базаров // Власть. — 2017. — Т. 25, № 9. — С. 158-163.
8. Курас Л. В. 100 лет российско-монгольскому соглашению 1912 г. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2012. — № 2 (6). — С. 213-219.
9. Батунаев Э. В. Некоторые аспекты российско-монгольских торгово-экономических отношений в начале XX века / Э. В. Батунаев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 132-139.
10. Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. В 2 ч. Ч. I / отв. ред. В. П. Козлов, С. Чулуун. — Москва : «Граница», 2019. — 360 с.
11. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас / рук. проекта ; отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
12. Бат-Очир Л. Дамдины Сухэ-Батор. Биография / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. — Москва : Наука, 1971. — 135 с.
13. Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — Москва : Огни, 2003. — 320 с.
14. Курас Л. В. От «революции в колчакии» до монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Н. Хишигт, Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 385-392.
15. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии / сост. и редкол. : Базаров Б. В. и др. — Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 1998. — 255 с.
16. Кузьмин С. Л. Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года / С. Л. Кузьмин // Восточный архив. — 2018. — № 2 (38). — С. 89-99.

17. Даш Д. Борис Захарович Шумяцкий / Д. Даш. — Улаанбаатар : Улсынхэвлэлийн газар, 1987. — 110 с.

18. Подвиг Центросибири, 1917–1918: сборник документов / сост. В. Т. Агалаков. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. — 477 с.

19. Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх (Залруулсан хоёрдахь удаагийн хэвлэл) / Б. Ширэндэв. — Улаанбаатар : ШУАХ, 1999. — 400 с.

20. История советско-монгольских отношений / сост. М. И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др. ; редкол. : Б. Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) и др. — Москва : Наука, 1981. — 352 с.

21. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой российской революции», посвященной 100-летию революционных событий в России и периоду гражданской войны и иностранной интервенции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 14-23.

22. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма / А. В. Бурдуков. — Москва : Наука, 1969. — 418 с.

Информация об авторах

Норовсамбу Хишигт — кандидат исторических наук, исполняющий обязанности директора Института истории и этнологии Монгольской академии наук. Монголия, 13330. г. Улаанбаатар, район Баянзүрх, Проспект мира 55, e-mail: khishigt_58@yahoo.com; n.khishigt09@gmail.com

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru)

Цыбенев Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН, 670047, Улан-Удэ, e-mail: bazar75@mail.ru

Authors

Khishigt Norovsambuu — Ph.D. In History, Acting Director at Institute of History and Ethnography of Mongolian academy of sciences, e-mail: khishigt_58@yahoo.com

Leonid V. Kuras — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: bazar75@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.44

УДК 338.45: 622(510) (091)

ББК 65.305.14(5Кит)-03

ЧЖАН ЯНЬЦЗЕ,

А.Ф. ШУПЛЕЦОВ

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОТРАСЛИ

Инициатива Китая по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути получила положительный отклик в России и Монголии. Эти страны будут совместно строить экономический коридор Китай-Россия-Монголия. Внутренняя Монголия граничит с Россией и Монголией, и является основным участком этого проекта. В статье рассматривается вопрос об особенностях энергетического строительства Внутренней Монголии Китая, которое способствует дальнейшему развитию сотрудничества в области энергетики между странами.

Ключевые слова: экономический коридор Китай-Монголия-Россия, угольная промышленность, потенциал и проекты преобразования отрасли, энергетическое сотрудничество.

*ZHANG YANJIE,
A.F. SHUPLETSOV*

INNER MONGOLIA COAL INDUSTRY: CURRENT STATE AND INDUSTRY TRANSFORMATION PROJECTS

China's initiative to jointly build the Silk Road Economic Belt has received a positive response in Russia and Mongolia. These countries will jointly build the China-Russia-Mongolia economic corridor. Inner Mongolia borders Russia and Mongolia and is the main part of this project. The article discusses the peculiarities of China's Inner Mongolia energy construction, which contributes to the further development of energy cooperation between the countries.

Keywords: China-Mongolia-Russia economic corridor; coal industry; potential and industry transformation projects; energy cooperation.

«Экономический коридор Китай-Монголия-Россия» является важной частью инициативы «Один пояс, один путь». Внутренняя Монголия имеет уникальные преимущества в углублении сотрудничества с Монголией и Россией. За счет укрепления сотрудничества в энергетической сфере этот регион становится лидером в «экономическом коридоре Китай-Монголия-Россия». Для этого есть основания, поскольку она имеет уникальные преимущества в плане участия в энергетическом сотрудничестве и имеет хорошую основу для укрепления энергетического сотрудничества с Монголией и Россией [1].

Внутренняя Монголия расположена на северной границе Китая и простирается по диагонали с северо-востока на юго-запад, имеет длин-

ную и узкую форму, протяженностью около 2 400 километров с востока на запад, с максимальным пролетом более 1 700 километров с севера на юг. Общая площадь — 1,183 миллиона квадратных километров. На северо-востоке, севере и северо-западе она граничит с 8 провинциями Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Хэбэй, Шаньси, Шэньси, Нинся и Ганьсу, а также граничит с Россией и Монголией. Линия границы составляет более 4 200 километров [2].

По состоянию на конец 2019 г. во Внутренней Монголии было 19 «открытых портов», одобренных Государственным советом. Среди них 4 приграничных порта с Россией, 10 приграничных портов с Монголией и 5 международных авиационных портов. Эта провинция представляется с наибольшим количеством портов Китая, которая реализовала взаимосвязь с Россией и Монголией.

Исходя из статуса китайских ресурсов можно утверждать, что Внутренняя Монголия «богата углем, мало нефти, меньше газа», ресурсы угля региона являются важным энергетическим минералом. Доля его потребления в первичной энергии остается на уровне между 65 и 70 %. Базовые запасы угольных ресурсов были первыми в регионах китайского меньшинства — 40 166 000 000 т. в 2012 г. Поддержание запасов угля было первым в Китае, добыча угольных ресурсов в регионе была в Китае 637 000 000 т., больше, чем в Шаньси в 2009 г. Благодаря крупномасштабной эксплуатации угольных ресурсов с 2002 г. темп роста ВВП Внутренней Монголии был самым высоким в Китае, что позволило региону стать членом клуба «триллион ВВП», достигшим 1 162 000 000 000 юаней в 2010 г. Добыча «сырого» угля в 2019 г. составила 1 090,681 млн. т. Угольные ресурсы стали самым важным ресурсом для производства энергии для экономического и социального развития Внутренней Монголии.

Производство «сырого» угля в автономном районе Внутренняя Монголия с 2008 по 2018 гг. выросло, что отражено в табл. [3].

Период (год)	Производство сырого угля, млн. тонн
2008	472.70
2010	789.13
2012	1066.03
2014	993.91
2016	845.59
2018	975.60

За период «одиннадцатой пятилетки» Внутренняя Монголия произвела 2,5 миллиарда т. необработанного угля, что составило 18 % от общего объема его добычи в стране. Из них 1,38 млрд. т. продано за пределы региона и 1,12 млрд. т. угля потреблено внутри региона. В 2010 г. Внутренняя Монголия произвела 787 млн. т. необработанного угля, а в угледобывающей и обогащительной отраслях добавленная стоимость в промышленности составила 131,4 млрд. юаней.

В «одиннадцатой пятилетке» угольная промышленность Внутренней Монголии продемонстрировала устойчивый, упорядоченный и быстрый рост. Начали формироваться крупные базы добычи угля, которые стали важной национальной основой его переработки и поставок. На конец периода «одиннадцатой пятилетки» насчитывалось уже 551 угольная шахта с мощностью добычи сырого угля 750 млн. т. Это мощности по добыче угля в Дуншэн и Хо Байпин. Крупная группа угольных предприятий мощностью 10 тыс. т. 14 предприятий региона вошли в число 100 лучших угольных предприятий страны.

В результате во Внутренней Монголии было интегрировано и закрыто 899 малых угольных шахт, ликвидированы устаревшие производственные мощности на 50,12 млн. т и все угольные шахты мощностью менее 300 000 т ушли с рынка. Ордос и другие ключевые угледобывающие города коалиции реализовали план модернизации вторичной промышленности, эффективно повысив уровень механизации добычи угля.

В «одиннадцатой пятилетке», опираясь на преимущества угольных ресурсов, Автономный регион Внутренняя Монголия реализовал демонстрационные проекты конверсии угля, такие как преобразование угля в жидкость, угля в газ, угля в олефины, угля в диметиловый эфир и угля в этиленгликоль, которые расширяют мощности и потенциал угольной промышленности. В результате сформировались мощности производства из угля 1,06 млн. т олефинов, 1,42 млн. т нефти, 200 000 т гликоля и производства 200 000 т диметилового эфира. Реализован проект непрямого сжижения угля мощностью 160 000 т.

Yitai7 Group стала первым отечественным заводом по производству синтетического масла с независимыми правами интеллектуальной собственности, производственная линия вышла на полную нагрузку и стабильно работает [4].

После одиннадцатого пятилетнего плана упорядоченное развитие угольных операций во Внутренней Монголии способствовало непрерывному увеличению добычи угля. Был проведен ежегодный обзор квалификации угольных предприятий, в результате предприятия с «плохим» управлением были ликвидированы, и стандарты угольного бизнеса были скорректированы.

Входные требования позволили некоторым крупным, хорошо оснащенным и мощным компаниям выйти на рынок угольного бизне-

са и скорректировать его. На официальном веб-сайте угольной промышленности Внутренней Монголии была создана система запросов предприятий угольного бизнеса для получения информации о деловой квалификации. Соответствующая информация не только облегчила ведение бизнеса, но и предотвращает получение фальшивых сертификатов. Регион активно исправляет и регулирует порядок операций с углем, изучает эффективные методы управления для отделов надзора за операциями и планирует создать крупномасштабные рынки торговли в центрах распределения угля. Был построен парк логистики угля в порту и стал зоной импорта угля во Внутренней Монголии [5].

В течение двенадцатой пятилетки Внутренняя Монголия произвела количество угля, заняв первое место в стране. Совокупный его экспорт превысил более 40 % чистых перевозок угля между провинциями страны. Общее производство увеличилось с 497 млн. т стандартного угля в 2010 г. до 563 млн. т в 2015 г., среднегодовой рост на 2,5 %. Добыча необработанного угля увеличилась с 787 млн. т в 2010 г. до 910 млн. т в 2015 г.

Были построены две крупные национальные угольные базы в Мэндонге и Шендун (Дуншэн), а производственная мощность горнодобывающих районов более 10 млн. т достигла 630 млн. т. Во Внутренней Монголии построены два современных угледобывающих района мощностью 100 млн. т и 5 — мощностью 50 млн. т, шахты мощностью менее 300 000 т были выведены с рынка. Средняя производственная мощность одной скважины угольной шахты составляет 1,96 млн. т., степень механизации добычи угля составляет более 95 %, а коэффициент извлечения ресурсов более 65 %, что выше, чем в среднем по стране.

Производственные мощности по переработке угля в жидкость составляли 1,24 млн. т, а производственные мощности по переработке угля в газ — 1,73 млрд. кубометров, что составляет 52 % и 56 % от общенационального показателя соответственно. Энергетическая структура постоянно оптимизировалась. В течение периода «двенадцатой пятилетки» энергетическая структура Внутренней Монголии постепенно перешла от традиционной ископаемой энергии к ископаемой и неископаемой энергии. Развитие энергетики продемонстрировало характеристики диверсификации и с низким содержанием углерода [6].

В «13-й пятилетке» общие мощности по добыче угля во Внутренней Монголии составляли 1,34 млрд. т. Производственные мощности 10-миллионных угольных шахт превышали 40 %. Средняя производственная мощность рудников достигла 2,6 млн. т, что в три раза превысило средний показатель по стране. Были завершены работы по переработке угля в жидкость в размере 1,24 млн. т и по переработке

угля в газ в размере 1,73 млрд. кубических метров, возрос уровень нефтегазовой безопасности.

Большое внимание уделено оптимизации производственной схемы и экологии. Намечалось закрытие угольных шахт в заповеднике, прекращались проекты ветроэнергетики и производства фотоэлектрической энергии в основной зоне пастбищ. Новые угольные шахты будут построены в соответствии с ограничениями по восточной и западной схеме и не будут реализовываться новые угольные проекты на пастбищах. С 13-й пятилетки в общей сложности было выведено из оборота 63,15 млн. т. избыточных производственных мощностей [7].

Стала реализовываться задача по содействию применения передовых технологий, как прямая подземная газификация угля, извлечение дымовых газов для производства бурого угля. Чистая и эффективная конверсия угля, способствовали преобразованию угля из топлива в сырье, ускорилось развитие современных углехимических производств, таких как переработка угля в газ, олефины и этиленгликоль, ежегодно перерабатывает более 100 миллионов т угля и построить современную углехимическую производственную базу с полным спектром категорий по всей стране [8].

В производственном процессе Внутренняя Монголия продвигала преобразование технологий со сверхнизкими выбросами и внедрялись преобразования в области энергосбережения. В «умных» рудниках был запущен «План запуска China Mobile 5G + Smart Mines», создана «Совместная лаборатория карт для беспилотного майнинга 5G +», указана «демонстрационная база умных рудников 5G +». Первые *Vaipun Obo* были испытаны на угольных шахтах Мадилианга, на шахте Хейдайгоу был построен демонстрационный проект нового беспилотного горнодобывающего комплекса, в то же время было построено 11 интеллектуальных забоев и 432 интеллектуальных подстанции. Акцент был сделан на транзакцию продвигайте создание национальных промышленных интернет-платформ, таких как угольная и углехимическая промышленность. Интеллектуальная транспортная и маркетинговая платформа для угля *Meiyitong Technology Co Ltd.* включена в демонстрационный проект промышленного Интернета Министерства промышленности и информационных технологий [7].

В «Четырнадцатом пятилетнем плане (2021–2025 гг.) национального экономического и социального развития автономного района Внутренняя Монголия и в общих чертах долгосрочных целей на 2035 год» регион продолжит координацию по внедрению технологических инноваций в области использования и модернизации проекта «экологически чистого угля», содействие информатизации, искусственному интеллекту и традициям глубокой отраслевой интеграции. Ускорение создания замкнутой промышленной системы и содействие интеграции и скоординированному использованию ресурсов между пред-

приятными, парками и отраслями промышленности. Будет поощряться комплексное использование твердых отходов, таких как летучая зола, угольные породы, угольный шлак, плавильный шлак и пылевой шлак, остатки химических отходов, металлургический шлак, хвосты, остатки угольных энергетических отходов и другие твердые отходы. К 2025 г. общий коэффициент использования промышленных твердых отходов достигнет более 50 %.

Должное внимание будет уделено усилению сохранения и интенсивного использования минеральных ресурсов, интеграции концепции «зеленого» развития на протяжении всего процесса разработки минеральных ресурсов, оптимизации планирования территорий разработки горных работ, строгому внедрению системы управления доступом к минимальным масштабам добычи, будет оказано внимание и содействие крупномасштабной и интенсивной добыче. Осуществление работ по экологически чистому строительству шахт, содействие строительству демонстрационных зон зеленых шахт в Чжунгэр-Донгшэн, северном городе Чифэн и Залайноер-Иминь, создание системы управления списком зеленых шахт и усиление надзора за строительством зеленых шахт [9].

За последние 15 лет угольная промышленность Внутренней Монголии постоянно оптимизировала промышленную структуру, проводила реформы и укрепляла «чистое» и эффективное использование угля. Она стала одной из основных угольных провинций Китая. Благодаря реализации ряда основных национальных стратегий, Внутренняя Монголия имеет интегрированные возможности развития в благоприятных условиях, продвигая развитие с акцентом на экологические приоритеты и проект «зеленого развития».

Построение новой модели развития создало для Внутренней Монголии пространство для содействия преобразованию сравнительных преимуществ в ресурсах, экологии и местоположении в преимущества развития. В то же время регион сталкивается со многими проблемами, такими как неадаптация уровня комплексного развития к требованиям нового этапа развития, глубокие структурные проблемы и системные противоречия, которые не были разрешены, а также неотложные проблемы трансформации режима и структуры улучшения качества товара.

Список использованной литературы и источников

1. Чжу Юэчжун. Построить Внутреннюю Монголию в качестве лидера в энергетическом сотрудничестве в «Экономическом коридоре Китай-Монголия-Россия» / Чжу Юэчжун, Лю Цзяньго, Цзян Циньюнь, Цзи Шиюй, Сяо Синьцзянь // *Research and Approach*. — 2019. — № 2 (4). — С. 29-31.

2. Региональный обзор. Народное правительство Автономного района Внутренняя Монголия — URL: http://www.nmg.gov.cn/asnmg/yxnmg/qgqk/202003/t20200304_235646.html (дата обращения: 15.02.2021).

3. Статистический ежегодник Внутренней Монголии. — URL: <http://tj.nmg.gov.cn/> (дата обращения: 15.02.2021)
4. 内蒙古自治区煤炭工业“十二五”发展规划 [Двенадцатый пятилетний план развития угольной промышленности автономного района Внутренняя Монголия]. — URL: <http://gxt.nmg.gov.cn/portal/m/article/id/41516/cid/24.html>
5. 内蒙古自治区煤炭经营企业“十一五”结构调整与合理布局工作总结 [Резюме «одиннадцатой пятилетки» структурной перестройки и рационального размещения угледобывающих предприятий в автономном районе Внутренняя Монголия]. — URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/gdzt/mtscjyjg/201105/t20110516_1191408.html (дата обращения: 17.02.2021).
6. 内蒙古自治区能源发展“十三五”规划 [13-й пятилетний план развития энергетики в автономном районе Внутренняя Монголия]. — URL: http://www.nmg.gov.cn/zwgg/zfgb/2017n_4768/201706/t20170630_303949.html
7. 自治区人民政府召开全区工业能源交通领域重点工作推进情况新闻发布会[Народное правительство автономного округа проводит пресс-конференцию о ходе выполнения ключевых задач в области промышленной энергетики и транспорта]. — URL: http://www.nmg.gov.cn/zwgg/xwfb/fbh/zqzfxwfb/202012/t20201225_371517.html
8. 内蒙古自治区能源局召开“十三五”自治区能源发展取得的成就和“十四五”能源发展思路新闻发布会 [Энергетическое бюро автономного района Внутренняя Монголия провело пресс-конференцию, посвященную достижениям в развитии энергетики автономного региона в течение 13-го пятилетнего плана и идеям развития энергетики в течение 14-го пятилетнего плана]. — URL: <http://nyj.nmg.gov.cn/index.php?v=show&cid=59&id=2044>
9. 内蒙古自治区国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития автономного района Внутренняя Монголия и план долгосрочных целей на 2035 год]. — URL: http://www.nmg.gov.cn/zwgg/zfxgk/zfxgkml/ghxx/202102/t20210210_887052.html

Информация об авторах

Чжан Яньцзе — аспирант, кафедра экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: zhangyanjie@mail.ru.

Шуплецов Александр Федорович — д.э.н., Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: shupletsovaf@bgu.ru.

Authors

Zhang Yanjie — Post-graduate Student, Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Baikal State University, 11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: zhangyanjie@mail.ru.

Alexander F. Shupletsov — Doctor of Economics, Baikal State University, 11 Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: shupletsovaf@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.45
УДК 94(47)+94(517)
ББК 63.3(2)612+63.3Мон

**Б. Д. ЦЫБЕНОВ,
Л. В. КУРАС**

**«УРГИНСКИЙ РАЙОН ОПРЕДЕЛЕННО ПРОСЛЫВШИЙ
В ХАРБИНЕ КАК БОЛЬШЕВИСТСКИЙ...»: БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН И МОНГОЛИЯ 1917–1919 ГГ.
В МАТЕРИАЛАХ МОНГОЛЭКС***

Статья посвящена изучению отдельных моментов истории Байкальского региона и Монголии в 1917–1919 гг., тесно связанной с революционными событиями и гражданской войной в России, через призму видения проблем сотрудниками «Особой экспедиции полковника Козлова». Основой работы послужили материалы фонда 71 Государственного архива Иркутской области.

Ключевые слова: Монголэкс, Монголия, Западно-Монгольский район, Ургинский район, большевики, белогвардейцы.

**B. D. TSYBENOV,
L. V. KURAS**

**«PEOPLE IN HARBIN REASONABLY CONSIDER
THE URGINSKYDISTRICT AS A DISTRICT
OF BOLSHEVIKS...»: BAIKAL REGION AND MONGOLIA
1917–1919 IN THE MATERIALS
OF THE MONGOLIAN EXPEDITION FOR PURCHASING
LIVESTOCK**

The article is devoted to the study of some details of the history of Baikal region and Mongolia in 1917–1919. The Mongolian history of this period is closely related to the revolutions and the civil war in Russia. The authors studied the materials of the fund 71 of the State Archives of the Irkutsk Region, which contain reports from Russian officials involved in the purchase of cattle in Mongolia.

Keywords: Mongolian expedition, Mongolia, West Mongolian region, Urginsky region, Bolsheviks, white guards.

После подписания русско-монгольского соглашения 1912 г. и протокола о торговле влияние России в Монголии стало усиливаться. С нача-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (МиОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

лом Первой мировой войны увеличилась закупка скота в Монголии, и в конце 1915 г. по указу Николая II была создана специальная закупочная организация в Монголии — Экспедиция по закупке скота в Монголии для нужд действующей армии (другое название — «Особая экспедиция полковника Козлова», «Монголэкс»). Ее штаб располагался в Иркутске [1, с. 128]. Начальником экспедиции был известный путешественник, полковник П.К. Козлов. Его соратник по экспедициям, Ц.Г. Бадмажапов был назначен на должность уполномоченного Ургинского района.

После Февральской революции 1917 г. их освобождают от должностей: Козлова — 1 июня 1917 г., а Бадмажапова — в сентябре того же года. На должность начальника экспедиции назначается помощник Козлова, бывший ветеринарный инспектор Забайкальской области А.А. Дудукалов. Временным уполномоченным Ургинского района становится В.Г. Гей, бывший ветеринарный начальник 2-го участка Иркутского уезда. В мае 1918 г. его сменяет ветеринарный врач Велимирович, затем Завадский [2, л. 12-12 об.]. По данным М.В. Оськина, первоначально революционные события в России не оказали заметного влияния на деятельность Монголэкса [3, с. 132]. Однако бурное и непредсказуемое развитие революционных событий со временем затронуло и эту организацию, чьи закупочные отряды в районах действовали на огромных пространствах от Семипалатинска до Владивостока, от Баргузинской долины до степей Внутренней Монголии. В частности, сотрудники Монголэкса отмечали, что «нормальному ходу работ по составлению экспедиционной отчетности сильно вредили общеполитические события: война, часто отвлекавшая от дела, благодаря беспрерывным мобилизациям, наиболее ценных и опытных работников бухгалтерии; затем революционные события и т.д.» [2, л. 15].

Заместитель уполномоченного (подпись неразборчива, фамилия не определена — авт.) Западно-Монгольского района Монголэкса в своем докладе от 25 октября 1918 г. указал на нажим со стороны Советской власти, отметив, что период пребывания у власти большевиков в значительной степени отразился на ходе работ экспедиции. Так, в докладе говорилось: «Верная своему разрушительному принципу, Советская власть, с первых же шагов своего существования в крае, проявила настойчивое стремление к вмешательству в дела экспедиции, с целью сначала ограничить, а затем и вовсе лишить ее самостоятельности, которым экспедиция до этого пользовалась. По-видимому, у Советской власти, с самого же начала, установился на экспедицию взгляд, как на гнездо «контрреволюционеров» и «саботажников», т.е. лиц, не признававших Советской власти. Нельзя не признать, что такой взгляд на экспедицию, с точки зрения Совдепов, соответствовал действительности, ибо состав работников экспедиции, разве за самым малым исключением, был антибольшевистский. Экспедиция широко открывала свои двери для приема лиц, так или иначе потерпевших от большевистского режима или не хотевших

работать с большевиками. По мере укрепления Советской власти, состав служащих экспедиции все более пополнялся служащими государственных учреждений, судебными чиновниками, юнкерами и офицерами русской армии. Приток последних в экспедицию особенно усилился после известных декабрьских событий в Иркутске» [4, л. 79 об. — 80]. Все это, по данным заместителя уполномоченного Западно-Монгольского района Монголэкса, вызвало несколько подозрительное отношение к этому району со стороны Советской власти. Она предпринимала попытки вмешаться в дела Монголэкса, сначала навязывая свой контроль над ней, а затем и командирова своих эмиссаров. Перед самым падением Советской власти в Восточной Сибири была сделана попытка полного поглощения экспедиции как автономной организации Сибирским комиссариатом снабжения Центросибири. Администрация Монголэкса пыталась противостоять этим мерам Советской власти. И все же она не всегда могла вступать в открытую борьбу с Советской властью, рискуя погубить многомиллионное дело, столь необходимое для государства. Как отмечал чиновник, «администрация экспедиции никогда не сомневалась в кратковременном существовании Советской власти» [4, л. 80]. Заметим, что доклад написан в октябре 1918 г., к тому времени уже пала Центросибирь и большевики в Байкальском регионе перешли от борьбы организованным фронтом к тактике подполья и партизанской войны. Отход советских отрядов на восток, вызванный приходом белогвардейцев и чехословацких войск, сопровождался экспроприацией красноармейцами имущества Западно-Монгольского района Монголэкса и заготовленных продуктов [Там же, л. 80 об.].

В этой связи было отдано распоряжение всем закупочным отрядам об уgone заготовленного скота из российских пределов к монгольской границе. В архивных материалах отмечено, что инвентарь и материальные ценности Западно-Монгольского района Монголэкса были эвакуированы на казенном пароходе на остров и левый берег оз. Хубсугул, куда не могли попасть красноармейцы [Там же, лл. 81, 83 об.]. С другой стороны, Монголэкс с энтузиазмом встретил правительственные (так в тексте доклада отмечены белогвардейцы — авт.) и чехословацкие войска, с первого дня их вступления в Иркутск, взяв на себя снабжение мясом, как новообразованных гарнизонов, так и воинских частей на фронте. Были сделаны распоряжения закупочным отрядам: экстренно организовать кормовое снабжение мясом воинских частей, по мере занятия ими освобожденной от большевиков территории [Там же, л. 81].

В докладе о деятельности уполномоченного Маньчжурско-Владивостокского района Монголэкса А.С. Мещерского за 1917–1918 гг. и начало 1918–1919 гг. наше внимание привлекла фраза «...главноуполномоченный, взявший на себя большую ответственность решением ликвидировать Ургинский район, определенно прослышавший в Харбине как большевистский, решил для наблюдения за ликвидацией, выгоном скота и для информации о его положении дела послать своего уполно-

моченного» [4, л. 109]. Ургинский район Монголэкса, очевидно, занимал большую часть Халхи (без Западной Монголии). Его составной частью являлся также Калганский район [Там же, л. 108 об.], расположенный на территории Внутренней Монголии. В Харбине располагался штаб уполномоченного Маньчжурско-Владивостокского района Монголэкса. Можно предположить, что ко времени подготовки доклада А.С. Мещерского в деятельности Монголэкса Харбин стал играть немаловажную роль. Он необратимо становился центром более спокойной, размеренной жизни для русских эмигрантов, в отличие от бурных, противоречивых перемен в России. Ликвидация Ургинского района, очевидно, была вызвана возникшими серьезными затруднениями в деятельности Монголэкса, связанными с оплатой закупки скота, незаконной реквизицией скота и имущества закупочных отрядов, как белогвардейцами, так и Красной Армией. Наш интерес вызывает фраза «... Ургинский район определенно прославивший... как большевистский». Можно допустить, что сотрудники закупочных отрядов, работавшие в Ургинском районе, в силу обстоятельств, сталкивались и вступали во взаимодействие с прогрессивно настроенными жителями русской колонии в Урге, в том числе и с членами Ургинского Революционного комитета.

Очевидно, в целом в глазах правления Монголэкса Ургинский район резко выделялся на фоне других районов своей просоветской ориентацией. Это обстоятельство, на наш взгляд, очень важное и свидетельствует о довольно активной и плодотворной деятельности Ургинского Революционного комитета в период обострения гражданской войны в Байкальском регионе. С другой стороны, российское консульство в Урге оставалось верным прежнему правительству и проигнорировало как телеграмму правительства Советской России от 25 ноября 1917 г. [5, с. 95], так и Обращение правительства Советской России в адрес правительства и народа Внешней Монголии в 1918 г. [6, с. 180]. Несмотря на непримиримую позицию российского консульства в Урге, в городе, особенно, в его русской части, витали революционные настроения. Монголы, как чиновники, так и простолюдины, по-своему переживали происходящие события как в Монголии, так в Байкальском регионе. Как отмечает монгольская исследовательница Н. Хишигт, по мере изменения общей ситуации вокруг Монголии и нарастания политического кризиса в стране все более вырисовывалось, что в данный момент монголы могли обратиться за помощью только к Советской России. Особую роль в становлении пророссийской/просоветской ориентации монгольских чиновников и прогрессивно настроенной части аратов сыграли буряты, находившиеся в Монголии. Большинство из них пользовалось уважением монголов, представители бурятской интеллигенции приложили большие усилия в деле гражданского образования и культурного возрождения страны [7, с. 15-16]. Через бурят, проживавших в Урге, в Монголию могли проникать известия о событиях, происходивших в Байкальском регионе, о деятель-

ности новых бурятских общественно-политических структур: Бурнацкома и Бурнардумы. Как известно, в условиях утверждения Советской власти Бурнацком стремился к проведению независимой политики, направленной на национальное самоуправление и создание бурятской автономии [8, с. 49]. Таким образом, несколько поблекшая после Кяхтинского соглашения 1915 г. идея политического панмонголизма вновь ярко засияла на северной окраине монгольского мира.

Ургинские революционеры — члены Ургинского ревкома, по всей видимости, поддерживали связи с большевиками российско-монгольского приграничья г. Троицкосавск (Кяхта). Как известно, в апреле 1917 г. там был образован Совет рабочих и солдатских депутатов; в ноябре 1917 г. в городе была установлена Советская власть [9, с. 172-173]. В последующем советизация и события 20-30-х гг. XX в. привели Кяхту к экономическому угасанию [10, с. 243]. Вытесненные в Монголию бывшие белые офицеры, купеческая молодежь и реалисты Алексеевского училища — граждане Троицкосавска в марте 1918 г. стали ядром организации белого движения в Монголии [11, с. 291].

Таким образом, документы Государственного архива Иркутской области позволяют сделать вывод о том, что правление Монголэкса изначально стояло на антибольшевистских позициях и оказывало всемерную помощь белогвардейцам. Территория Монголии зачастую использовалась сотрудниками Монголэкса для укрытия скота и имущества организации от реквизиций красноармейцев. Один из районов Монголэкса — Ургинский район характеризуется сотрудником Монголэкса как «определенно прослышавший большевистским», что наводит нас на мысль о достаточно сильных позициях Ургинского Революционного комитета в Монголии. Его члены как русские, равно как и буряты, по долгу службы, проживающие в Монголии, оказывали сильное влияние на монгольскую элиту и прогрессивно настроенную часть аратства. Во многом благодаря их деятельности появились первые монгольские кружки и революционеры, решительно настроенные на радикальное решение вопроса о независимости Монгольского государства.

Список использованной литературы и источников

1. Оськин М. В. Петр Кузьмич Козлов — организатор и первый руководитель экспедиции по заготовке скота в Монголии. Июль 1915 — март 1917 г. / М. В. Оськин // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23, № 3. — С. 127-131.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 5.
3. Оськин М. В. Монголия — России: организация «Монголэкс» до и после революции 1917 г. / М. В. Оськин // Россия и АТР. — 2018. — № 3 (101) — С. 128-137.
4. ГАИО. — Ф. 71. — Оп. 6. — Д. 4.
5. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. — 160 с.

6. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас / рук. проекта; отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
7. Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой Российской революции. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 14-23.
8. Курас Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 188 с.
9. Курас Л. В. Город Троицкосавск — «колыбель» монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Современное историческое сибиреведение XVIII — начала XX в. : Сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Шайдурова. — Санкт-Петербург: Медианапир, 2020. — С. 171–184.
10. Кальмина Л. В. Кяхта в 1840–1930-х гг.: блеск и нищета «окна в Китай» / Л. В. Кальмина, А. М. Плеханова // Власть. — 2019. — Т. 27, № 2. — С. 240-245.
11. Кургузов П. В. К истории формирования Ургинского отряда атамана Семенова на территории Внешней Монголии в 1918 г. / П. В. Кургузов // Монголоведение в современном мире: опыт исследований, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения — X». — Улан-Удэ, 2019. — С. 288-292.

Информация об авторах

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Authors

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: bazar75@mail.ru

Leonid V. Kuras — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.46

М.В. СЕНТЯБОВА

УДК 94(571.51)+314.4

ББК 60.7

ДИНАМИКА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И РАБОТА В СФЕРЕ ДЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КРАСНОЯРСКЕ В 1950-Х — 1960-Х ГГ.*

В статье рассматриваются вопросы детской смертности и заболеваемости в Красноярске во второй четверти XX века. Автор изучает проведение и результативность мероприятий в области детского здравоохранения, а также проблемы и трудности в их осуществлении.

Ключевые слова: детская смертность, городское население, Красноярск, демографический переход, вторая половина XX века.

M. V. Sentyabova

THE DYNAMICS OF MORBIDITY AND WORK IN THE FIELD OF CHILDREN'S HEALTH IN KRASNOYARSK IN THE 1950S–1960S

The article deals with the issues of child mortality and morbidity in Krasnoyarsk in the second quarter of the XX century. The author studies the behavior and effectiveness of measures in the field of children's health, as well as problems and difficulties in their implementation.

Keywords: child mortality, urban population, Krasnoyarsk, demographic transition, the second half of the XX century.

Для территории Восточной Сибири вторая четверть XX в. стала временем ускоренной модернизации и индустриализации. Как указывает Н.Я. Бегизардов, с конца 1950-х гг. в Красноярском крае развернулось бурное промышленное освоение и, как следствие, ускорилась урбанизация региона [1, с. 239]. Демографические изменения, сопровождающие этот процесс, в последние годы неизменно остаются в зоне внимания отечественных исследователей. Можно назвать уже ставшие классическими работы Г.Ф. Куцева, Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, а также труд «Население России в XX веке» [2; 3; 4].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Краевого фонда науки (проект № 19-49-240002).

С.А. Рафикова исследует вопросы динамики численности городского населения, сосредотачивая свое внимание на социальных аспектах жизни горожан [5; 6; 7]. Уровень рождаемости городского населения и факторы, влияющие на это процесс, исследовали Н.В. Гонина и И.В. Копылов [8; 9; 10]

Проблема связи демографических процессов с уровнем развития системы здравоохранения на материалах Красноярского края была рассмотрена И.В. Копыловым и Л.Н. Славиной [11]. Этот момент представляется нам особенно важным, поскольку показатели здоровья населения неразрывно связаны с научно-техническим прогрессом и урбанизацией. На них влияет множество факторов: степень развития медицинской науки, доступность медицинской помощи, уровень жизни, выражающийся в доступности сбалансированного питания и комфортных жилищных условий, состояние экологии и внешней среды. Детская заболеваемость, как и детская смертность в этом плане может считаться особенно показательной в силу большей восприимчивости детей к условиям внешней среды. К сожалению, на настоящий момент этот вопрос на материалах Красноярского края можно считать недостаточно проработанным.

Второй демографический переход характеризует не только снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни, но и снижение смертности, в том числе детской. Как показывают исследования, уровень рождаемости в городах Красноярского края в 1960 г. составил 25,3 на 1 000 человек, к 1970 г. снизившись до 17,1 на 1 000 человек [8, с. 465]. Однако снижение детской смертности не было столь заметным.

Таблица 1

Количество детских смертей в Красноярске

Умерло	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Всего	291	415	383
Из них: новорожденных	95	169	132
детей до 1 года	214	316	300

Данные, указанные в табл. 1 [составлено по: 12, л. 70-71; 13, л. 192; 14, л. 35], не демонстрируют существенного снижения детской смертности в абсолютных цифрах. Если же сравнивать соотношение числа умерших детей к количеству родившихся, то в 1960 г. умирало 22 ребенка из 1000, а в 1970 г. — 23 из 1000 [12, л. 70; 14, л. 35]. В структуре

смертности остается высокая доля младенческой смертности (новорожденных и детей в возрасте до 1 года).

Если обратиться к причинам ранней детской смертности, то можно видеть картину четкой дифференциации по возрастным группам. Новорожденные чаще всего умирали от врожденных аномалий (пороков развития), от травм, вызванных течением родов, а также из-за отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде. Так, в 1961 г. от родовых травм и пороков развития в 10 роддомах Красноярска скончались 60 новорожденных, а в 1965 г. — 118. Следующими по значимости причинами смерти новорожденных в Красноярске следует признать болезни органов дыхания, прежде всего пневмонию. В 1961 г. от пневмонии умерло 52 новорожденных, а в 1965 г. — 31 [12, л. 71; 13, л. 195].

Среди причин смерти детей в возрасте до 1 года преобладали пневмония и респираторные инфекции, второе место с большим отрывом занимали желудочно-кишечные инфекции. Эти же факторы оставались среди основных причин смерти детей в возрасте до 3-х лет. Например, в 1964 г. от пневмонии скончалось 103 ребенка в возрасте до 1 года, 11 в возрасте от 1 до 3-х лет и 2 в возрасте до 14 лет [13, л. 198]. Что же касается более старшей возрастной группы, то по мере взросления на первое место среди причин смертности выходили всевозможные травмы в результате несчастного случая. По данным 1970 г. в Красноярске отмечено в общей сложности 1 055 случаев детских травм, из них в возрастной группе от 1 года до 3-х лет к смерти привели 7 случаев, а в возрастной группе от 3-х до 14 лет — 21 [14, л. 45; 15, л. 60].

Детская смертность, вызванная не травмами и патологическими состояниями, а инфекциями, на протяжении 1960-х гг. неуклонно снижается по мере развития медицинской науки и улучшения качества медицинского обслуживания. Хорошо это видно на примере отдельных заболеваний: например, если в 1961 г. в Красноярске от пневмонии скончалось 132 ребенка, то в 1970 г. — уже 49 [12, л. 73; 14, л. 38]. Поэтому при оценке уровня детского здоровья важно учитывать не только смертность, но и заболеваемость.

На общее снижение числа инфекционных заболеваний огромное влияние оказывает широкое внедрение практики вакцинации. Приказ Министерства Здравоохранения СССР от 16.09.1958 г. впервые вводит обязательную поголовную вакцинацию детей от таких болезней как натуральная оспа, полиомиелит, дифтерия, коклюш и туберкулез [16]. Результат этого постановления наглядно демонстрирует табл. 2 [составлено по: 12, л. 78].

Таблица 2

**Количество больных инфекционными болезнями
всех возрастов в Красноярске**

Болезнь	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
Корь	2678	3720	4843	4075	4117	5643	7418
Дифтерия	776	814	926	912	558	354	193
Коклюш	1267	987	2180	2713	1018	533	315
Скарлатина	2679	1707	1541	2550	1963	2057	1363
Полиомиелит	64	22	168	58	19	9	5

По приведенным данным видно, что по сравнению с 1958 г. заболеваемость дифтерией в 1961 г. снизилась почти в 5 раз, коклюшем в 8,6 раз, полиомиелитом — в 11 раз. Пример дифтерии в этом смысле можно считать наиболее показательным если обратить внимание на возрастную структуру заболеваемости, представленную в таблице 3 [составлено по: 12, л. 83; 13, л. 208-210].

Таблица 3

Распределение больных дифтерией по возрастным группам

Год	До 1 г.	1 — 3 г.	4 — 6 л.	7 — 14 л.	15 — 19 л.	19 — 49 л.
1960 г.	15	118	77	98	16	30
1965 г.	0	0	3	10	3	6

Если в 1960 г. основное количество заболевших дифтерией отмечалось в младших возрастных категориях, то в 1965 г. наблюдается смещение остроты заболевания в сторону подростков и взрослых — то есть тех категорий населения, которые оказались не охвачены прививочной кампанией, начатой в 1958 г.

В 1966 г. приказ Министерства Здравоохранения СССР от 28.12.1966 г. № 990 «О сроках проведения профилактических прививок детям и подросткам» вносит изменения в прививочный график, сделав его более плотным и добавив к обязательной поголовной вакцинации возможность Министерством Здравоохранения союзных республик в случае необходимости проводить вакцинацию от брюшного тифа, туляремии, бруцеллеза, лептоспироза и клещевого энцефалита. К 1970 г. в Красноярске 88 % детей первого года жизни были привиты от коклюша и дифтерии. В этом же году была проведена поголовная вакцинация от кори [14, л. 20].

Таблица 4

Количество случаев инфекционных болезней у детей Красноярска

Болезнь	1950	1954	1960	1961	1965	1970
Корь	3379	6422	5380	6641	41 на 1000	0.24 на 1000
Дифтерия	456	445	266	138	16	-
Коклюш	992	1908	416	289	1 на 1000	-
Скарлатина	1318	2081	1769	1168	21 на 1000	2101 ¹
Полиомиелит	-	-	9	5	0	0

Результат нового подхода к вакцинации явно демонстрирует таблица 4 [составлено по: 17, л. 11; 12, л. 78; 13, л. 185 об. — 186; 14, л. 32]. Такое заболевание как полиомиелит в Красноярске фактически исчезает, а количество случаев коклюша и дифтерии настолько мало, что перестает учитываться статистикой как значимый показатель. К 1970 г. группа капельных инфекций в отчетных документах больниц представлена преимущественно скарлатиной. Резко снижается заболеваемость корью: в 15 раз в 1970 г. по сравнению с 1969 г. [14, л. 31].

Естественно, только вакцинацией снижение заболеваемости не объясняется. Увеличивается в абсолютных цифрах охват детей медицинской помощью. В 1961 г. в общих и специализированных стационарах Красноярска для лечения детей было выделено в общей сложности 900 мест, а также 2 детских санатория. В 1970 г. в городе имелось уже 8 детских больнично-поликлинических объединений, 6 отдельных поликлиник, 1 поликлиника в составе взрослого больнично-поликлинического объединения, а также 1 инфекционная детская больница, 5 детских отделений в составе городских больниц, 1 детский тубдиспансер и 3 детских санатория [12, л. 91, 93; 14, л. 4].

Данные позволяют нам говорить и о постепенных попытках улучшения качества детского питания. В 1954 г. в Красноярске действовала 1 молочная кухня производительностью в 9 000 порций. На 1965 г. уже работали 4 молочные кухни на 18 раздаточных пунктов, что, учитывая рост населения города, следует признать явно недостаточным [17, л. 15; 13, л. 175]. Постепенно увеличивалось и распространение грудного вскармливания. На 1965 г. на грудном вскармливании нахо-

¹ Вместе с другими капельными инфекциями.

дильсь 74 % детей в возрасте до 1 года, и 26 % — на искусственном питании и раннем прикорме. К 1970 г. уровень распространенности грудного вскармливания вырос до 79 %. Характерно, что уровень грудного вскармливания зависел не столько от усилий санитарно-просветительской работы медперсонала, сколько от условий занятости матерей. Так, в поселке Черемушки Кировского района Красноярска в 1965 г. 86 % детей до 1 года находились на искусственном вскармливании и раннем прикорме, что объяснялось отдаленностью данного поселения от промышленных предприятий — мест работы матерей [13, л. 181; 14, л. 16].

Однако не все инфекционные болезни можно было победить с помощью вакцинации, ярким примером чего можно считать борьбу с детским туберкулезом в Красноярске. Обязательная вакцинация новорожденных в городских роддомах СССР начинается еще с 1942 г. приказом НКЗ от 31 августа 1942 г. № 448. В 1954 г. в Красноярске степень противотуберкулезной вакцинации новорожденных составляла 89,9 %, однако вакцина полностью от заболевания не уберегала. В начале 1960-х гг. город переживает настоящую вспышку детского туберкулеза: если в 1960 г. болезнь выявили у 508 детей, то в 1961 г. — уже у 901. В 1961 г. для лечения детского туберкулеза в городе были выделены 65 больничных коек, чего было явно недостаточно. Также в городе действовал 1 детский туберкулезный санаторий на 250 мест, 75 мест для тубинфицированных в яслях и 5 детских садов на 355 мест. Вакцинация в этом году охватила 91 % новорожденных [17, л. 15; 12, л. 91-92]. К 1971 г. для лечения детского туберкулеза в Красноярске действовали уже 1 детский стационар на 100 мест, 83 мест в санаторных яслях и 883 места в санаторных детских садах, 290 мест в санаторных комбинатах и 1 школа-интернат на 325 мест. Охват вакцинацией был достаточно высок — до 99,2 % новорожденных. Все предпринятые меры способствовали тому, что количество выявленных открытых случаев туберкулеза у детей в 1971 г. снижается до 78, однако полностью справиться с детским туберкулезом в этот период так и не удалось [14, л. 135-136].

Большую проблему для города составляли заболевания, распространение которых связано с неблагоприятными жизненными условиями. В первую очередь это брюшной тиф и дизентерия, болезни с фекально-оральным механизмом передачи, заражение которыми связано с нарушением санитарно-гигиенических условий приготовления и хранения пищи и с проблемами с доступом к канализации и водопроводу.

Таблица 5

**Количество больных дизентерией и брюшным тифом
всех возрастов в Красноярске**

Болезнь	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
Брюшной тиф	86	82	82	74	225	75	160
Дизентерия	2806	2092	2790	2688	2793	2830	2771

Указанная в табл. 5 [составлено по: 12, л. 78] динамика заболеваемости брюшным тифом и дизентерией среди детей и взрослых хорошо демонстрирует проблемы в санитарно-гигиеническом состоянии города. На 1955 г. «город Красноярск находится в антисанитарном состоянии. Многие дворы города захлаплены, нечистоты вывозятся нерегулярно и заливают территории дворов, помойные ямы дезинфицирующими средствами заливаются крайне редко или вовсе не заливаются, в помещениях магазинов, столовых и даже лечебных учреждений большое количество мух» [17, л. 13]. Данные о заболеваемости второй половины 1960-х гг. показывают, что эта проблема не была полностью решена. Если в 1961 г. острой дизентерией болели 6,3 детей из тысячи, то к 1965 г. это число составило уже 8,4. К 1970 г. оно возросло до 12 случаев из тысячи. В 1970 г. в Красноярске действовали 1 детские ясли и 1 ясельная группа для детей с хронической дизентерией, а также 1 санаторий [12, л. 78; 13, л. 185об. — 186; 14, л. 4, 48, 89].

Высокий уровень заболеваемости дизентерией позволяет нам судить о сохранении неблагоприятной санитарной обстановки в городе. Косвенно это умозаключение подтверждается тем, что на конец 1960 г. из площадей обобщественного жилищного фонда в Красноярске только 51,5 % был оснащен водопроводом и 47,5 % — канализацией. Даже к 1989 г. из тысячи семей, проживающих в индивидуальных домах, только 72 имели водопровод и 14 — канализацию [18, с. 24; 19, л. 7, 10, 11, 19].

Также к группе заболеваний, распространение которых связано с неблагоприятными жизненными условиями, следует назвать детскую пневмонию, особенно у детей первого года жизни. К факторам, способствующим распространению пневмонии у детей, относятся недостаточное питание, проживание в перенаселенных жилищах, курение в доме и загрязнение воздуха в помещениях в результате использования биотоплива.

Данные в табл. 6 [составлено по: 12, л. 73; 13, л. 196; 14, л. 38, 59-65] показывают сокращение смертности от пневмонии, что может быть связано с повышением качества медицинской помощи. Но уровень заболеваемости на протяжении исследуемого периода остается достаточно

высоким, что подтверждает большое влияние на распространение этого заболевания социальных факторов, прежде всего — недостаточное и неправильное питание детей.

Таблица 6

Количество случаев детской пневмонии в Красноярске

	1961 г.	1964	1965 г.	1968	1969	1970 г.
Заболело всего	4146	3795	3140	3563	3161	4504
детей до 1 г.	1819	1657	1334	1398	1034	1536
Умерло всего	122	-	94	76	73	49
детей до 1 г.	112	103	112	-	36	45
Хроническая пневмония	-	250	500	664	824	928
Повторно заболели	-	397	254	-	-	384

В документах городского отдела здравоохранения справедливо указывалось, что «дети недоношенные, ослабленные, часто болеют из-за неблагоприятных материально-бытовых условий» [12, л. 75]. В 1965 г. 37 % детей, болеющих пневмонией, также страдали от рахита 1 и 2 степеней. В 1970 г. таких детей насчитывалось уже 42 % [13, л. 198; 14, л. 62]. Кроме того, заболеваемость пневмонией имела четкий сезонный характер — наибольший процент заболевших в зимнее время, что может быть связано как с распространением в этот период сезонных респираторных инфекций, так и со слишком низкой температурой в домах и детских учреждениях.

Как видно из таблицы 6, с середины 1960-х гг. наблюдается постоянное увеличение случаев развития хронической пневмонии, что может быть объяснено проблемами в организации лечения из-за перегрузки медицинских учреждений в разгар вспышек заболевания, а также плохой приспособленности детских соматических больниц, что приводило к рецидивам заболевания вследствие реинфекции. Кроме того, часто лечение пневмонии проводилось только в остром периоде и обрывалось после первого этапа лечения, что могло способствовать переходу заболевания в хроническую форму. Проблема роста случаев хронической детской пневмонии была настолько острой, что для ее решения в 1970 г. был открыт детский санаторий на 100 мест и было увеличено количество коек для госпитализации детей с пнев-

монией и кабинетов ЛФК при детских поликлиниках [13, л. 203–204; 14, л. 65, 67].

Еще одной проблемой для Красноярска следует считать детский ревматизм (по современной классификации — острая ревматическая лихорадка, ОРЛ), вызванное стрептококковой инфекцией заболевание соединительных тканей. Предрасположенность к ОРЛ во многом определяется наследственностью, но среди факторов, способствующих ее развитию можно назвать проживание в холодных, влажных и перенаселенных помещениях. Летальность детского ревматизма (ОРЛ) в Красноярске в указанные период была низкой — на уровне 0,008 случаев на 1 000 человек в 1961 г. [12, л. 93], что можно объяснить неплохим уровнем лечения. В городе имелись два детских ревмокабинета, 1 детское ревматологическое отделение и ревматологический санаторий на 25 мест. Но вот заболеваемость продолжала оставаться достаточно высокой — 6 случаев на 1 000 в 1961 г., 5 на 1 000 в 1965 г. [12, л. 93; 13, л. 185 об.].

Это свидетельствует о том, что охрана детского здоровья в Красноярске требовала не только повышения уровня медицинского обслуживания, но и существенного повышения качества жилищных условий, водопровода и канализации. Кроме того, уже в 1970-е гг. все большее влияние на состояние детского здоровья начинает оказывать фактор ухудшения экологических условий, вызванный бурным промышленным развитием города в 1970-х гг.

Список использованной литературы и источников

1. Бегизардов Я. Н. К вопросу о динамике смертности городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы / Я. Н. Бегизардов // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов IV региональной молодежной научной конференции, Новосибирск, 22–24 августа 2010 г. — Новосибирск, 2010. — С. 238–244.
2. Куцев Г. Ф. Новые города: социол. очерк на материалах Сибири / Г. Ф. Куцев. — Москва : Мысль, 1982. — 269 с.
3. Малинин Е. Д. Население Сибири / Е. Д. Малинин, А. К. Ушаков. — Москва : Статистика, 1976. — 166 с.
4. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. — Москва : РосСпЭН, 2011. — Т. 3, кн. 2. — 295 с.
5. Рафикова С. А. Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. / С. А. Рафикова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 4. — С. 96–100.
6. Рафикова С. А. Вторая советская легализация аборт и ее влияние на репродуктивное поведение горожанок Красноярского края / С. А. Рафикова, И. В. Копылов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1 (75). — С. 172–175.

7. Рафикова С. А. Изучение репродуктивного поведения: от метода — к инструменту / С. А. Рафикова, И. В. Копылов // Вопросы. Гипотезы. Ответы: Наука XXI века. — 2017. — С. 52–68.
8. Гонина Н. В. Модернизация рождаемости городского населения Красноярского края во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. / Н. В. Гонина // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. — Курган, 2014. — С. 462–474.
9. Гонина Н. В. Влияние миграционных процессов на формирование городского населения в Красноярском крае во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. / Н. В. Гонина // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 4. — С. 28–34.
10. Копылов И. В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960–1980-е годы / И. В. Копылов // Исторический курьер. — 2020. — № 4 (12). — С. 164–173.
11. Копылов И. В. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960–1980-х гг. / И. В. Копылов, Л. Н. Славина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. — 2014. — № 3 (29). — С. 149–153.
12. Красноярский городской архив (КГА). — Ф. Р-1024. — Оп. 2а. — Д. 80.
13. КГА. — Ф. Р-1024. — Оп. 2а. — Д. 118.
14. КГА. — Ф. Р-1024. — Оп. 2а. — Д. 162.
15. КГА. — Ф. Р-1024. — Оп. 2а. — Д. 163.
16. Намазова-Баранова Л. С. Новые горизонты Национального календаря профилактических прививок / Л. С. Намазова-Баранова, М. В. Федосеенко, А. А. Баранов // Вопросы современной педиатрии. — 2019. — № 18 (1). — URL: <https://doi.org/10.15690/vsp.v18i1.1988> (дата обращения: 12.02.2021).
17. ГАКК. — Ф. Р-1300. — Оп. 12. — Д. 338.
18. Летопись городов Сибири. Красноярск — 390 : Стат. сб. / отв. ред. С. И. Безрзовская. — Красноярск : Красноярскстат, 2018. — 145 с.
19. ГАКК. — Ф. Р-1300. — Оп. 7. — Д. 501.

Информация об авторе

Сентябова Мария Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, кафедра истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, 660130, г. Красноярск, ул. Стасовой, 37, e-mail: m.v._redko@mail.ru

Author

Maria V. Sentyabova — PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Political Science, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agrarian University, 37 Stasova str., 660130, Krasnoyarsk, e-mail: m.v._redko@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.47

Д.А. БУРДИНА

УДК 930

ББК 63.3(2)6

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В 1936–1953 ГГ.

В статье рассмотрена историография социальной политики СССР в области материнства и детства в период 1936–1953 гг. Проанализированы работы советских авторов и российских ученых, а также труды зарубежных исследователей данной проблемы. Отмечены основные направления, которые вызывают наибольший интерес авторов в социальной политике СССР изучаемого периода, а также пробелы в изучении темы.

Ключевые слова: историография социальной политики, социальная политика, материнство, детство, советская семья.

D.A. BURDINA

SOCIAL POLICY OF THE USSR IN THE FIELD OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN 1936–1953: NORMATIVE-LEGAL ASPECT

The article considers the historiography of the social policy of the USSR in the field of motherhood and childhood in the period 1936–1953. The article analyzes the works of Soviet authors and Russian scientists, as well as the works of foreign researchers of this problem. The main directions that arouse the greatest interest of the authors in the social policy of the USSR of the studied period, as well as gaps in the study of the topic, are noted.

Keywords: historiography of social policy, social policy, motherhood, childhood, the Soviet family.

Социальная политика СССР в 1930–1950-е гг. не раз становилась предметом исследований отечественных и зарубежных авторов. Исследование социальных проблем всегда вызывало интерес у ученых, поскольку реализация социальных мер в современном государстве невозможна без учета опыта предшествующих поколений.

В социальной политике особой задачей является поддержка, охрана и защита института семьи, материнства и детства. Историография данного вопроса по сравнению с освещением проблемы социальной политики не так обширна. В изучении данного вопроса можно выделить два основных периода: советский (конец 1940-х гг. — 1991 г.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время).

Одним из первых авторов, обратившихся к проблеме социальной политики, в контексте которой затрагивались аспекты материнства и детства, стал Н.К. Амосов [1, с. 27]. Он отметил тот факт, что советское государство проявляло заботу о материальных нуждах населения в сложный для страны период, а также выделил основные формы проявления заботы о населении. На фоне практически прекратившихся социальных исследований 1940-х гг. выводы автора являются объективной оценкой социальной политики не только в контексте взглядов историка, но и взглядов современника происходящих событий.

Именно в конце 1940-х гг. активизируется научный интерес историков и социологов к социальным проблемам периода Великой Отечественной войны, а также появляются работы, содержащие сравнительный анализ довоенного и военного состояния социальной сферы государства. Появляется интерес к семьям военнослужащих и исследованию их положения. Так, А.П. Греков первым обратил внимание на проблему государственного обеспечения военнослужащих и их семей. Фактически, это была первая работа, посвященная семейной политике государства, затронувшая самую актуальную проблему, поскольку в военные и первые послевоенные годы именно семьям военнослужащих уделялось особое внимание со стороны советской власти. А.П. Греков в своем труде подробно рассмотрел основные меры социальной поддержки таких семей, а также льготы, которые гарантировались населению в период Великой Отечественной войны [2, с. 111].

Дальнейшее исследование института материнства и детства развивалось в 1950–1960-е гг.: после XX съезда КПСС исследование истории социальных отношений вновь активизировалось. Особое место среди аналитических трудов составляли работы, содержащие оценки вклада женщин в победу в войне. Так, А.Д. Зарубина опубликовала свою статью «Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны» [3, с. 40]. Автор отмечает всю тяжесть работы и быта в тылу, которая была возложена на плечи женщин в 1941–1945 гг., а также тот факт, насколько много усилий требовалось советским женщинам-матерям для совмещения изнурительного труда с воспитанием детей, которых в семье чаще всего было несколько.

Важно отметить, что именно в это время также появляются первые труды, посвященные региональному аспекту социальной политики в области материнства и детства. Кроме того, исследователей все больше начинает интересовать история партии, в том числе и деятельность партийной организации по созданию механизма реализации социальной политики.

В 1970-е гг. проблема материнства и детства рассматривалась в основном в контексте общей характеристики социальной политики советского государства. Социальное обеспечение в СССР было изучено М.С. Ланцевым [4]. Автор затронул экономический аспект проблемы,

осветив всестороннее обеспечение матерей и детей наряду с другими категориями населения СССР. В рамках теории государства и права социальная политика советского государства была рассмотрена В.Д. Попковым. Вопросы материнства и детства были затронуты автором при анализе основных направлений социальной политики государства [5].

В 1980-х гг. социальная политика в области материнства и детства все еще продолжала рассматриваться в общем контексте государственной политики в социальной сфере. Однако стоит отметить, что в это время резко возросло количество работ, посвященных данной проблеме. Так, с уклоном на анализ развитого социализма социальную политику рассматривал В.З. Роговин [6]. Особый вклад в развитие проблемы внесла М.С. Зинич. В ее работе «Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг.» [7] затронуты все основные направления развития социальной сферы СССР, в том числе институт материнства и детства. Важным отличием историографии 1980-х гг. является оценка роли партии в социальной политике государства. Если в более ранних трудах авторы не акцентировали внимание на деятельности КПСС, то в указанный период оценивается именно партийное управление социальной политикой. Это прослеживается как в трудах М.С. Зинич, так и в работах К.И. Микульского [8, с. 122].

В это же время продолжается развитие региональных исследований. Так, в Новосибирске публикуется работа В.В. Алексеева и В.А. Исупова «Население Сибири в годы Великой Отечественной войны» [9], в которой находят отражение особенности демографических процессов в Западной Сибири, а также содержится значительное количество статистических данных, в том числе характеризующих советские семьи.

Таким образом, советский период изучения проблемы социальной политики в области материнства и детства характеризуется наличием общих трудов, освещающих указанный аспект в контексте изучения социальной сферы и ее преобразований. Работ, содержащих частные исследования института материнства и детства, издано практически не было. Единичные работы, которые были посвящены изучаемой проблеме, содержали анализ региональных особенностей политики в отношении материнства и детства. В частности, были изданы работы по материалам Хакасии, появились первые работы о Западной Сибири.

Иная картина представлена в постсоветской историографии. Круг исследуемых историками проблем значительно расширяется. Еще большее значение в трудах приобретает региональный компонент.

В 1990-е гг. особое внимание исследователей привлекает проблема детства в годы Великой Отечественной войны. Здесь нельзя не отметить труды Н.Н. Карамашевой, которая рассматривала историю борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также основные проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны [10]. Исследование Н.Н. Карамашевой построено на материалах Восточной

Сибири и включает анализ структуры детской заболеваемости и смертности. Автором отмечено негативное влияние войны на общее развитие детей различных возрастных групп. Проблема детства рассмотрена в рамках влияния таких факторов, как ухудшение материального положения населения, дефицит продовольствия. Работы автора также содержат анализ основных направлений деятельности государства по осуществлению всеобуча в Восточной Сибири.

Проблема детства в изучаемый период также была затронута такими авторами как В.З. Роговин [11], А.Ю. Рожков [12], А.С. Ващук [13], М.Р. Зезина [14]. Авторы изучали вопросы реализации социальной политики СССР, социальную защиту детей-сирот в военные и послевоенные годы, а также борьбу советской власти с беспризорничеством, которое процветало как во время, так и после войны.

Особый вклад в изучение социальной политики и социальных проблем Восточной Сибири внес А.В. Шалак. Обобщенным трудом автора является монография, посвященная социальным проблемам населения Восточной Сибири в 1940-е гг. [15, 16]. Труд охватывает годы Великой Отечественной войны, а также первое послевоенное пятилетие. Данная монография впервые на широкой источниковой базе раскрывает реальную картину социальной жизни различных слоев населения: подробно рассматривается социальное положение малообеспеченных групп населения, среди которых особое место отводится детям, а также семьям военнослужащих.

В первые годы нового тысячелетия также опубликовано значительное количество диссертационных исследований. Среди них можно отметить работы А.В. Молодчика [17], И.В. Пелих [18], которые подробно рассматривали социальную политику СССР изучаемого периода, однако уклон в работах был сделан на изучение экономических показателей: финансирование данной сферы, привлечение капитала, покупательскую способность населения и обеспечение продовольствием. Вопросы материнства и детства практически не рассматривались или затрагивались незначительно.

Более подробно проблему социальной политики в отношении материнства и детства стали разрабатывать такие исследователи как Л.Е. Васильева [19], В.А. Рубин [20], Ф.А. Такташева [21]. Историками были подробно изучены особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства, история охраны материнства и детства в СССР, реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и другие аспекты изучаемой проблемы.

В настоящее время сохраняется тенденция изучения отдельных регионов. Так, социальная политика в области материнства и детства на примере Сталинградской области была изучена А.В. Липатовым [22], Ф.А. Такташевой [21], В.С. Меркурьевой [22] и Ф.А. Хуснутдиновой [23], на материалах Кировской области — Н.В. Чернышевой [24], Челябин-

ской области — П.А. Власовой, Г.А. Паниной [25], на материалах нижнего Поволжья — Е.Е. Красноженовой [26], на примере Башкирской АССР — И.П. Кузнецовой [27]. Авторами отмечены особенности реализации социальной политики в области материнства и детства различного региона, показаны основные проблемы работы социальной сферы.

Единичные работы были посвящены таким проблемам как финансирование социальной сферы, региональное проявление политики охраны материнства и детства в РСФСР в 1950–1980 гг., социальная политика СССР в отношении коренных малочисленных народов, динамика социальной политики в отношении детства, охрана здоровья матери и ребенка. Однако целостной картины для понимания социальной политики в области материнства и детства они не создают, что порождает необходимость проведения объективного и глобального исследования в этой сфере.

В настоящее время также активно ведется работа по опубликованию исторических источников, архивных документов социальной сферы. В 2020 г. под руководством В.В. Журавлева, Л.Н. Лазаревой был издан сборник документов «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.», в который были включены наиболее значимые законодательные и делопроизводственные документы советской эпохи [28].

Проблемы советского института материнства и детства в контексте реализации социальной политики стали объектом внимания современных зарубежных авторов. Конечно же, в первую очередь исследователей привлекает изучение периода Второй мировой войны. Так, Л. Киршенбаум [29] активно занималась изучением положения советских детей в период войны, а детство в период оккупации стало предметом исследования Б. Штельцль-Маркс [30], которая затрагивала вопросы «поиска корней» в послевоенное время. Особое место в зарубежных исследованиях занимает положение семей во времена сталинского террора. К примеру, Ж. Граффенрид [31] и С. Вонг [32] рассматривают репрессии в среде советских семей и советскую политику в отношении сирот, критикуя меры советской власти. В зарубежных трудах можно встретить анализ советской миграционной политики в послевоенный период, а также значительное количество статей, посвященных советским женщинам, чья сила и воля, а также участие в труде и в военных действиях восхваляются авторами на фоне общей критики коммунистического режима.

Анализ советской и постсоветской научной литературы показал, что в основном работы отечественных авторов были посвящены социальной политике СССР, в контексте которой рассматривалась проблема материнства и детства. При этом работы в основном посвящены изучению военного периода, незначительно количество работ послевоенной тематики, а труды о довоенной социальной политике в отношении материнства и детства практически отсутствуют. Также стоит отметить, что

исследователями проанализированы материалы лишь некоторых регионов. В частности, Восточная Сибирь в контексте изучения социальной политики в области материнства и детства фактически не упоминается, что оставляет широкое поле для изучения проблемы.

Список использованной литературы и источников

1. Греков А. П. Льготы и государственное обеспечение военнослужащих и их семей / А. П. Греков. — Москва : Воениздат, 1951. — 168 с.
2. Амосов Н. К. Забота социалистического государства о нуждах народа / Н. К. Амосов. — Москва : Профиздат, 1947. — 48 с.
3. Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны: (по материалам Хакасии) / А. Д. Зарубина // Ученые записки. — 1963. — Вып. 9. — С. 40-48.
4. Ланцев М. С. Социальное обеспечение в СССР / М. С. Ланцев. — Москва : Экономика, 1976. — 143 с.
5. Попков В. Д. Социальная политика советского государства и права / В. Д. Попков. — Москва : Изд-во МГУ, 1979. — 136 с.
6. Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе / В. З. Роговин. — Москва : Наука, 1980. — 205 с.
7. Зинич М. С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг. / М. С. Зинич // История СССР. — 1985. — № 3. — С. 87-104.
8. Микульский К. И. Социальная политика КПСС / К. И. Микульский, В. З. Роговин, С. С. Шаталин. — Москва : Политиздат, 1987. — 351 с.
9. Алексеев В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. — Новосибирск : Наука, 1986. — 230 с.
10. Карамашева Н. Н. Некоторые проблемы охраны детства в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Восточной Сибири) / Н. Н. Карамашева // Проблемы отечественной истории. — 1993. — Вып. 2. — С. 84-104.
11. Роговин В. З. Проблемы социальной политики и общественно-политической мысли в России и СССР / В. З. Роговин и др. — Москва : ИС, 1992. — 188 с.
12. Рожков А. Ю. Беспризорники (1920–1970 гг.) / А. Ю. Рожков // Родина. — 1997. — № 9. — С. 7-76.
13. Ващук А. С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 г. — конец 80-х годов) / А. С. Ващук. — Владивосток : Дальнаука, 1998. — 212 с.
14. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945 — 1955 гг.) / М. Р. Зезина // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 127-134.
15. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1945 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 357 с.
16. Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. — 183 с.

17. Молодчик А. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / А. Молодчик. — Москва, 2004. — 322 с.

18. Пелих И. В. Социальная политика СССР в 1945–1953 гг. (на материалах Краснодарского края): дисс. ... канд. ист. наук / И. В. Пелих. — Москва, 2005. — 194 с.

19. Васильева Л. Е. Особенности развития семейного права СССР в области охраны материнства и детства в 1930–40-е годы / Л. Е. Васильева // Известия Саратов. ун-та. — 2007. — № 2. — С. 67-69.

20. Рубин В. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941–1945 гг. / В. А. Рубин, А. А. Рубин // Вестник ОГУ. — 2009. — № 4. — С. 25-30.

21. Такташева Ф. А. Государственная поддержка материнства в 1943 — начале 1950-х гг. (по материалам Сталинградской области) / Ф. А. Такташева // Известия ВГПУ. — 2018. — № 4 (127). — С. 192–196.

22. Липатов А. В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области / А. В. Липатов, В. С. Меркурьева, Ф. А. Такташева // Известия ВГПУ. — 2017. — № 2 (115). — С. 192–198.

23. Хуснутдинова Ф. А. Восстановление системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1943–1945 годах / Ф. А. Хуснутдинова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2011. — № 2. — С. 211-213.

24. Чернышева Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) / Н. В. Чернышева // Вестник ВятГУ. — 2012. — № 1. — С. 54-59.

25. Власова П. А. Профсоюзные организации Челябинской области и проблемы социальной защиты женщин в годы Великой Отечественной войны / П. А. Власова, Г. А. Панина // Вестник ЧелГУ. — 2012. — № 34 (288). — С. 89-94.

26. Красноженова Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны (на материалах нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Известия ВГПУ. — 2012. — № 3. — С. 36-39.

27. Кузнецова И. П. Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х — первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР) / И. П. Кузнецова // Вестник ЧелГУ. — 2014. — № 8 (337). — С. 41-48.

28. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. — Москва : Росспэн, 2020. — 718 с.

29. Kirschenbaum L. The Meaning of Resilience: Soviet Children in World War II / L. Kirschenbaum // Journal of Interdisciplinary History. — 2017. — № XLVII. — P. 521–535.

30. Stelzl-Marx B. Soviet children of occupation in Austria: The historical, political and social background and its consequences / B. Stelzl-Marx // European Review of History: Revue européenne d'histoire. — 2015. — № 22:2. — P. 277-291.

31. Graffenried J. Silence Was Salvation Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union / J. Graffenried // The soviet and post-soviet re-view. — 2015. — № 42. — P. 353-372.

32. Wong S. The Failure of Soviet Orphan Policies, 1918–1939 / S. Wong // Armstrong Undergraduate Journal of History. — 2019. — Vol. 9, iss. 2. — P. 112-134.

Информация об авторе

Бурдина Дарья Александровна — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: lisa-udachi@yandex.ru.

Author

Daria A. Burdina — post-graduate student, Department of International Relations and customs affair, Baikal State University, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: lisa-udachi@yandex.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.48

Л.Г. ЗИМИН

УДК 930 (510)

ББК 63.2 (5 Кит)

БАРГА (ХУЛУН-БУИР) ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / СССР: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Статья посвящена изучению работ российских исследователей, в которых в той или иной мере затронуты вопросы внешней политики Российской империи / СССР в Барге. В начале работы автор дает краткую характеристику населения региона и его двух названий — Барга и Хулун-Буир. Далее в статье проанализированы основные исторические события (в том числе провозглашение независимости в 1912 г.; захват Хайлара монгольскими повстанцами в 1917 г.; жизнь русских рабочих КВЖД и белоэмигрантов), происходившие в Барге в первой половине XX в.

Ключевые слова: Барга (Хулун-Буир), Российская империя, СССР, внешняя политика, историография.

L. G. ZIMIN

BARGA (HULUN-BUIR) IN THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE: RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the analysis of the works of Russian researchers, which studied the foreign policy of the Russian Empire / USSR in Barga. The

author examines works on Russian foreign policy in the first half of the 20th century, including publications written during this period. The article analyzed in detail the publications of contemporary Russian historians on this issue.

Keywords: Barga (Hulun-Buir), Russian Empire, USSR, foreign policy, historiography.

Начиная со второй половины XIX века Российская империя проводила активную внешнюю политику в Северо-Восточной Азии. Были существенно расширены ее территориальные границы за счет присоединения новых территорий — Приамурья и Приморья. Россия стала оказывать большое влияние и на приграничный с Забайкальем регион Цинской империи, известный как Барга.

Название региона — это этноним, происхождение которого связано с монгольским племенем баргутов, состоящего из двух частей: новых баргутов (шэнэ-барга) и старых баргутов (хуушан-барга) [1, с. 40-46]. Они составляют основное монгольское население региона. До проведения русско-цинской границы в 1727 г. часть новых баргутов была тесно связана кровнородственными узами с хори-бурятами — одной из крупных составных частей бурятского этноса [2, с. 15]. Кроме баргутов, в регионе проживают другие монгольские и тунгусо-маньчжурские этнические группы. Из них можно выделить дауров, переселенных в регион из местности Бутха в 1732 г. по указу цинского императора [3, с. 57]. Благодаря своей энергичности и образованности дауры были хорошо представлены в чиновничьей среде Барги [4, с. 202–203]. К другим коренным этническим группам относятся эвенки, делящиеся на солонов, ороحوнов и яко. В Барге также проживает небольшая группа западно-монгольского (ойратского) населения, известная как олеты Хулун-Буира. Они приняли маньчжурское подданство после войн Цинской империи с ойратским ханом Галдан-Бошогту в конце XVII в. и подавления восстания последнего правителя Джунгарского ханства Амурсаны в середине XVIII в. [5, с. 146-147; 6, с. 461-462]. К поздним переселенцам можно отнести русских, которые начали переселяться в Баргу в начале XX в. Причем, основная масса русских появилась в период строительства КВЖД, революций и гражданской войны в России. В то же время в Барге появляются буряты и хамниганы, в основном проживавшие в Забайкалье, в районе рек Борзя, Урулюнгуй, Ага. Так в XVIII — начале XX вв. формировалось население Барги.

Барга известна также под другим названием — Хулун-Буир. Это китайское название Барги, и связано с двумя озерами, расположенными на территории региона — Хулун-нур и Буйр-нур. Ныне на территории Барги расположен Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия КНР. Помимо исконной степной зоны Барги в состав аймака включены обширные горно-таежные массивы Прихинганья. Поэтому, на наш взгляд, название Хулун-Буир не совсем точно отражает территорию

Барги, известную по российским источникам. По всей видимости, в них под Баргой понималась степная зона, простирающаяся от г. Маньчжурия до г. Хайлар и несколько южнее, до р. Халх-гол (др. назв. Халхин-гол). Поэтому в своем исследовании мы решили сохранить старое название — Барга, как наиболее точно отражающее его территориальные рамки.

Как мы отметили, Барга со второй половины XIX в. стала объектом внимания Российской империи. Оно стало более пристальным в период русско-японской войны 1904–1905 гг. В эти и последующие годы Барга и другие монгольские регионы изучались российскими военными, в результате чего был издан ряд трудов военных топографов, разведчиков и других военных специалистов. Их работы выходили под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно», поэтому долгое время не были известны широкой читательской аудитории. Одним из военных разведчиков, собравших подробные сведения о Барге, был полковник А.М. Баранов. По единодушному мнению российских историков, он был крупным военным специалистом по Маньчжурии и Монголии, а его военно-аналитические и научные записи до сих пор представляют неподдельный научный интерес [7, с. 340-341; 8, с. 26]. Баранов особо интересовался Баргой и посвятил ей некоторые свои исследования. В них он собрал уникальный материал по географии, экономике, политическому положению региона. Особое внимание он обратил на административное устройство и местное управление, сословные отношения, расположение монастырей в Барге. Большая часть сведений, добытых им во время поездок по Монголии и Барге, была получена впервые. Он сделал ряд ценных уточнений топографического характера [9; 10]. Российская империя путем научного изучения Барги пыталась понять наилучшие направления для закрепления в этом имеющем важное геополитическое значение регионе. В то время внешняя политика России вступила в противостояние с политикой Японии, делающей первые шаги по захвату территорий на азиатском материке [11, с. 71-73].

Интерес России к Барге сохранялся и в годы Первой мировой войны, в период Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны. Барга, прежде всего, была объектом внимания фуражиров, закупавших мясо для российских войск, воюющих на германском фронте. Согласно отчетам Отдела заготовок продовольствия и фуража для действующих армий Министерства продовольствия с 1915 по 1918 гг., Барга относилась к Владивостокско-Маньчжурскому району деятельности Монголэкса. В этом можно увидеть некую интеграцию Барги в торгово-экономические отношения российского Дальнего Востока. В основном, они были односторонними и заключались в импорте из Барги в Забайкалье мяса и скота. Деятельность Монголэкса в районе Барги описана в работе А.С. Мещерского, врача-ветеринара, выпускника Юрьевского ветеринарного института, заведующего Владивостокско-Маньчжурским районом Монголэкса [12], умершего в ноябре 1932 г. в эмиграции, в г. Харбин [13].

Во второй половине 20-х гг. XX в. Барга продолжала интересовать исследователей, в первую очередь, из числа эмигрантов, осевших в Харбине. Одним из них был В.А. Кормазов, чиновник переселенческого управления и агент Экономического бюро КВЖД. Как и полковник А.М. Баранов, он являлся членом Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). Свои научные изыскания он публиковал в журнале «Вестник Маньчжурии». В 1928 г. Кормазов издал ценный труд, посвященный экономическому состоянию Барги. Как отмечает М.А. Дорофеева, к тому периоду в иностранной и китайской научной литературе работы подобного научного уровня не существовало [14, с. 40-42]. Работа, действительно, уникальная; с указанием деталей многих исторических событий первой трети XX в. Так, в ней отмечено время китайской колонизации Барги, начавшееся после замены монгольских караулов китайскими в 1905 г.; посредничество России между Баргой и Китаем в октябре-ноябре 1915 г.; решение вопроса с Центральным Правительством Китайской Республики о подъездных путях и лесных вырубках, совершаемых в Барге Обществом Китайской Восточной железной дороги и другими русскими комиссиями [15, с. 13-15]. Другая работа Кормазова была посвящена изучению рыбных промыслов в Барге [16]. В 20-30-е гг. XX в. российскими исследователями, находящимися в эмиграции в Китае, были написано немало ценных трудов. Ныне нами рассмотрена лишь публикации А.С. Мещерского и В.А. Кормазова.

На современном этапе наблюдается возросший интерес к внешней политике Российской империи и СССР в данном регионе. Он берет начало в 90-х гг. XX в., когда российские историки стали подробно изучать проблемы межгосударственного взаимодействия в рамках треугольника «Россия — Монголия — Китай». Очевидно, этому научному подъему способствовало снятие грифов секретности с ряда недоступных прежде архивных источников. В этот период, в 1993 г. Е.А. Беловым была подготовлена и защищена докторская диссертация на тему «Русско-китайские отношения в 1911 - 1915 гг.», в которой было уделено внимание проблеме Барги. По данным исследователя, Барга стала одним из спорных регионов в русско-китайских взаимоотношениях. Опираясь на российские архивные источники, он отмечает, что в 1912 г. командир Корпуса Пограничной стражи генерал-лейтенант Е.И. Мартынов оказал помощь восставшим баргутам, передав им тысячу берданок, предварительно получив разрешение у штаба Иркутского военного округа. Белов также анализирует планы министра иностранных дел С.Д. Сазонова в отношении Барги, деятельность российского вице-консула в Хайларе П. Усатого, посла России в Китае В.Н. Крупенского. Обращаясь к соглашению о Барге, подписанном в ноябре 1912 г. между Крупенским и министром иностранных дел Китая Сунь Баоци, Белов приходит к выводу, что Барга получала фактическую независимость от Китая и контроль со стороны Российской империи [17, с. 11].

В диссертации С.Г. Лузянина «Россия-Монголия-Китай: Внешне-политические отношения в 1911–1946 гг.» также затронута проблема Барги во внешней политике Российской империи и СССР. Автор анализирует революционную деятельность в Барге и Внутренней Монголии в 1921–1928 гг. В частности, в исследовании отмечен факт прибытия революционеров Мэрсэ и Фуминтая из Барги в Ургу в 1923 г. Они организовали Баргинскую молодежную партию, в 1925 г. переименованную в Народно-революционную партию Восточного края. Лузянин также указывает, что ЦК МНП в 1923 г. заключило секретное соглашение с баргутскими революционерами и приводит девять пунктов этого документа [18, с. 187–188]. Как известно, Монгольская Народная партия в тот период тесно взаимодействовала с Коминтерном и проводила его линию в Барге и Внутренней Монголии. Таким образом, в целом можно говорить о внешней политике Советской России, проводимой в отношении Барги в изучаемый период, направленной на распространение революции в Азии.

Ряд новых публикаций российских историков по проблеме Барги выходит в начале XXI в. В 2003 г. Г.В. Мелихов, проживший в Китае более полувека, издал воспоминания «Белый Харбин: середина 20-х». В частности, он описывает жизнь в Харбине, нелегкое существование российских эмигрантов на линии КВЖД, в Трехречье, городах Хайлар, Маньчжурия и других населенных пунктах в период первых послереволюционных лет. Как отмечает автор, их родовое гнездо находилось на ст. Бухэду на Западной линии КВЖД. В Хайларе и в казачьей станции Хунхульди на р. Имин-гол также проживали близкие родственники. Рядом с Хайларом, по данным Мелихова, был построен поселок русских железнодорожников Залинья. Здесь была воздвигнута Спасо-Преображенская церковь. Со временем появились районы-поселки с русскими названиями: Роща, Подгорный [19]. В сведениях Мелихова о деятельности КВЖД в Маньчжурии, о событиях в русско-китайском приграничье можно проследить направления внешней политики Российской империи и СССР в изучаемый период.

Некоторые сведения о Барге в 20-е гг. XX в. имеются в монографии Н.Н. Аблажей «С востока на восток: Российская эмиграция в Китае» (2007). Так, в ней представлены сведения об этническом составе Барги. Автор указывает, что помимо русских мигрантов в регионе были тунгусы и буряты, мигрировавшие из Забайкалья [20, с. 37]. Результаты научных экспедиций в Баргу под руководством российских военных А.М. Баранова, А.Н. Куропаткина, А.В. Кушелева нашли отражение в коллективной монографии «История Монголии. XX век». Авторы справедливо отмечают, что большая часть военных рассматривала русско-китайские отношения исходя из национальных и военно-стратегических интересов России в Барге [21] и с этим нельзя не согласиться. В диссертационной работе В.А. Семенова «Деятельность российских

консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны: 1911–1918 гг.» прослежено отражение проблемы политического статуса Барги в деятельности российских консулов [22, с. 18]. Внутри- и внешнеполитические процессы в Барге, включая столкновения различных вооруженных группировок в регионе в 20-е гг. XX в., изучены в диссертационной работе Д.Р. Касаточкина «Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии» [23].

Одним из видных специалистов по истории Барги является С.Л. Кузьмин. Им написан ряд статей, в которых освещена проблема взятия Хайлара (столицы Барги) монгольскими повстанцами в 1917 г. Основу работ Кузьмина составили документы из Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного военно-исторического архива. Особое внимание автор уделяет регулярным донесениям вице-консула в Хайларе П. К. Усатого о текущей обстановке, а также отчету 1-го секретаря российской миссии в Пекине В.В. Граве о его командировке в Хайлар [24, с. 174-175]. В написании работ автором также были использованы донесения разведки Заамурского округа Пограничной стражи и материалы переписки российских дипломатов, служивших в то время в Монголии, Маньчжурии и Китае. В частности, можно отметить переписку начальника 4-го политического отделения МИД Г.А. Козакова — вице-консула в Хайларе П.К. Усатого в 1917 г. [25, с. 617-618].

Становление механизма обеспечения интересов России в Маньчжурии на фоне становления и развития государственности Барги рассмотрены в работах П.Н. Дудина. По мнению автора, проиграв русско-японскую войну и потеряв ряд опорных территорий, Россия смогла сформировать зоны преимущественных интересов. Благодаря этому Россия сумела контролировать процесс обретения относительной самостоятельности Барги [26, с. 12-13].

Некоторые сведения о внешней политике СССР в отношении Барги содержат статьи Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова. В публикации, посвященной деятельности филиала «Монголтранспорта» на востоке Монголии в 1928–1929 гг., красной линией проходит конкурентная борьба между государственными и частными компаниями. Одной из был Со-вторгфлот, филиал которого находился в г. Маньчжурия (т.е. на территории Барги) [27, с. 35-36]. Таким образом, авторы осветили проблемы транспортного, и соответственно внешнеэкономического взаимодействия между МНР и СССР на территории Барги.

В работе, посвященной созданию даурского отряда самообороны в конце 1920-х гг., отмечается, что в деле убийства китайского милитариста Чжан Цзолина прослеживается советский след [28, с. 412]. Очевидно, в этот период внешняя политика СССР вступила в острое противостояние с японской захватнической политикой в Северо-Восточном

Китае. Поэтому советская разведка получила приказ на устранение Чжан Цзолия. Рассмотрен авторами и последующий период истории Маньчжоу-Го, когда китайские партизаны боролись с полицией и регулярными частями на территории, населенной даурами. Ценным является указание на то, что партийный комитет Северной Маньчжурии поставил перед партизанами задачу — развернуть борьбу против вооруженных сил Маньчжоу-Го, чтобы отвлечь японские силы от продолжения агрессии в районе Халхин-гола [29, с. 150]. По данным Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова, антияпонскую подпольную борьбу в Хайларе в 1939–1945 гг. осуществляли лица, прошедшие обучение в СССР и МНР [30, с. 414-416; 31, с. 367-371]; многие из них были агентами советской разведки [32, с. 382; 33, с. 160-162], что свидетельствует о подготовке революционных кадров Коминтерном и последующем взаимодействии этих кадров с разведывательными органами СССР.

Таким образом, можно отметить, что российские историки, начиная с конца XIX — начала XX вв., активно занимались изучением Барги как важного военно-стратегического и геополитического региона и вероятного театра военных действий. Они детально изучали географию, экономику, политическое состояние региона. Современные российские исследователи делают большой упор на неизвестные ранее архивные источники по Барге первой трети XX в., активно вводя их в научный оборот. На основе их трудов можно понять многие вопросы взаимоотношений в сложной многогранной системе: Российская империя / СССР — Барга (Хулун-Буир) — Цинская империя / Китайская Республика — правительство Богдо-хана / МНР — Япония.

Список использованной литературы и источников

1. Цыбенков Б. Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира / Б. Д. Цыбенков // Баргуты: история и современность. Сб. науч. ст. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. — С. 40-46.
2. Цыбенков Б. Д. Из истории буддизма хори — бурят (XVIII — нач. XX в.) / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2011. — 136 с.
3. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.
4. Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун — Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 201-210.
5. Цыбенков Б. Д. Олеты Хулун-Буира: миграции и родовой состав / Б. Д. Цыбенков // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. — С. 143-156.
6. Цыбенков Б. Д. К изучению источников по духовной культуре олетов Хулун-Буира / Б. Д. Цыбенков // Монголоведение (Монгол судлал). — 2020. — Т. 12, № 3. — С. 455-467.

7. Кузьмин Ю. В. Российское военное монголоведение : исследования русско-монгольских отношений полковника А. М. Баранова / Ю. В. Кузьмин, И. Ю. Ванина // Россия и Монголия в начале XX века : дипломатия, экономика, наука: сборник архивных документов / редкол. : Ю. В. Кузьмин, Т. Дорж. — Иркутск : Изд-во БГУЭП ; Улан-Батор, 2014. — С. 340-343.

8. Русские военные востоковеды до 1917 года: библиографический словарь / авт.-сост. М. К. Басханов. — Москва : Восточная литература, 2005. — 293 с.

9. Баранов А. М. Монголия, Барга и Халха / А. Баранов. — Харбин : типо-лит. Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1905. — 60 с.

10. Баранов А. М. Барга: [геогр.-экон. очерк] / А. М. Баранов. — Харбин : типо-лит. Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1912. — 59 с.

11. Курас Л. В. Усиление японского влияния в Хулун-Буиуре в первой трети XX в. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия : История. — 2020. — Т. 31. — С. 71-81.

12. Мещерский А. С. Автономная Барга / А. С. Мещерский. — Шанхай, 1920. — 39 с.

13. Участники Белого движения в России // Списки погибших солдат России, СССР и Российской империи — URL : <https://xn--90adhkb6ag0f.xn--p1ai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojni/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-mg-mz.html> (дата обращения: 12.01.2021)

14. Дорофеева М. А. Научно-исследовательская и издательская деятельность Экономического бюро КВЖД в Северной Маньчжурии / М. А. Дорофеева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : Мат-лы III Межд. науч.-практ. конф. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. — С. 38-43.

15. Кормазов В. А. Барга: экономический очерк / В. А. Кормазов. — Харбин, 1928. — 256 с.

16. Кормазов В. А. Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. / В. А. Кормазов. — Харбин, 1926.

17. Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911 — 1915 гг. : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. — Москва, 1993. — 36 с.

18. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай: внешнеполитические отношения в 1911–1946 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. — Москва, 1997. — 433 с.

19. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г. В. Мелихов. — Москва : Русский путь, 2003. — 438 с.

20. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Н. Н. Аблажей. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. — 298 с.

21. Гольман М. И. История Монголии. XX век / М. И. Гольман. — Москва : ИВ РАН, 2007. — 448 с.

22. Семенов В. А. Деятельность российских консулов в приграничных районах Китая и Монголии накануне и в годы Первой мировой войны: 1911–1918 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Семенов. — Иркутск, 2012. — 225 с.

23. Касаточкин Д. Р. Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. Р. Касаточкин. — Москва, 2016. — 324 с.

24. Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулун-буира) в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // *Oriental Studies*. — 2019. — № 2 (42). — С. 174–182.

25. Кузьмин С. Л. Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // *Oriental Studies*. — 2019. — № 4 (44). — С. 615–626.

26. Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект / П. Н. Дудин // *Genesis : исторические исследования*. — 2020. — № 8. — С. 12–25.

27. Цыбенков Б. Д. О деятельности «Монголтранспорта» на маршруте «Санбэйсэ — Маньчжурия» в 1928–1929 гг. (на основе архивных материалов) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : Мат-лы Межд. науч.-практ. конф.* — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2019. — С. 33–36.

28. Цыбенков Б. Д. Дауры района Бутха и создание отряда самообороны (конец 20-х — начало 30-х гг. XX в.) / Б. Д. Цыбенков // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 410–416.

29. Цыбенков Б. Д. В декабре 1939-го : эпизод из партизанской антияпонской войны в даурском районе Морин-Дава / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество*. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2020. — С. 149–152.

30. Курас Л. В. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 411–419.

31. Цыбенков Б. Д. Участие дауров в антияпонском сопротивлении (1932 — 1945 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : мат-лы X Межд. науч.-практ. конф.* — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2020. — С. 367–371.

32. Цыбенков Б. Д. Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 года / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019*. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — С. 380–388.

33. Курас Л. В. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // *Власть*. — 2016. — Т. 24, № 11. — С. 158–163.

Информация об авторе

Зимин Лев Геннадьевич — аспирант Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru

Author

Lev G. Zimin — postgraduate Student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, e-mail: lev.zimin.1997@mail.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.49

С.А. ШАЛАМОВА

УДК 271.2:929.5 (571.53) (091)

ББК 86.372:63.2(2Р-4Ир)

ИСПОВЕДНАЯ РОСПИСЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КАЗАЧЬИХ РОДОВ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОВЕДНОЙ РОСПИСИ ТУНКИНСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ЗА 1900 Г.)

В статье анализируется исповедная роспись Тункинской Николаевской церкви Иркутского уезда за 1900 год как важный источник по изучению истории казачества и казачьих родов в Иркутской губернии. Автор определяет особенности данного церковного документа и подчеркивает практическую значимость источника в генеалогических и исторических исследованиях казачества Тункинской волости Иркутского уезда.

Ключевые слова: исповедная роспись, казачество, Тункинская волость, Тункинская Николаевская церковь, родословная

S.A. SHALAMOVA

CONFESSIONAL PAINTING AS A SOURCE FOR THE STUDY OF COSSACK FAMILIES IN THE IRKUTSK PROVINCE (ON THE EXAMPLE OF THE CONFESSIONAL PAINTING OF THE TUNKA NICHOLAS CHURCH IN 1900)

The article analyzes the confessional painting of the Tunka Nicholas Church of the Irkutsk district in 1900 as an important source for the study of the history of the Cossacks and Cossack families in the Irkutsk province. The author defines the features of this church document and emphasizes the practical significance of the source in the genealogical and historical studies of the Cossacks of the Tunka volost of the Irkutsk district.

Keywords: confessional painting, Cossacks, Tunka parish, Tunka Nicholas Church, genealogy

В дореволюционной России церковный учет населения велся приходскими священниками и фиксировался в разных церковных документах: ревизских сказках, исповедных росписях, метрических книгах и т.д. Казаки, как и другие социальные категории населения, также подвергались учету в церковных документах. В данном случае внимание автора будет обращено на специфику исповедальной ведомости как источника по изучению родословной, а также на анализе данного церковного документа, на примере исповедной росписи Тункинской Николаевской церкви Иркутской губернии за 1900 г., которая имеется на хранении в ГАИО.

Исповедная роспись (Исповедальная ведомость, Духовная роспись, Великопостная роспись) представляла собой посемейный список всех проживающих на его территории прихожан (как правило, за исключением младенцев возрастом менее 1 г.), с указанием для каждого человека, был ли он в этом году во время Великого поста, или во время других трех постов, на исповеди и причащался ли у своего священника, а если нет — то по какой причине [1, с. 158]. Как правило, один экземпляр росписи оставался на хранении в церкви, другой отсылался в консисторию, где подшивался в дело вместе с отчетами по соседним приходам.

Следует отметить, что первые инструкции по составлению и ведению исповедных ведомостей появились с указом Московского Патриархата в 1697 г. Ее появление было связано с борьбой со старообрядчеством и выявлением раскольников. В 1722 г. вышел указ Синода об исповедных росписях, обязывающий жителей, начиная с 7-летнего возраста, каждый год исповедоваться если не во время Великого поста, то хотя бы в Петров (15 июня — 12 июля), Успенский (14 августа — 27 августа) или Рождественский (28 ноября — 6 января) посты.

Форма заполнения исповедных росписей, которая сохранилась до конца их существования в 20-е гг. XX в. была определена по указу 1737 г. Официальный отказ государства от ведения исповедных росписей произошел после Революции 1917 г., но отдельные священники продолжали вести списки несколько последующих лет, поэтому не случайно в фондах церквей, епархиальных управлений и духовных консисторий сохранились исповедные росписи и за более поздний период [2, с. 246]. Согласно бюллетеню Центрархива РСФСР от 25 мая 1927 г., все исповедные росписи, начиная с 1865 г. и более поздние, подлежали уничтожению в архивах, как не имеющие исторической ценности. В этой связи исповедные росписи церковью Иркутской епархии, которые сохранились не полностью, а только по отдельным церквям Иркутской губернии представляют большой интерес для исследователей, изучающих свою родословную, что подчеркивает ценность и значимость данного источника в настоящее время.

Исповедная роспись имела следующую структуру. В первую графу вносился порядковый номер семьи, во вторую — порядковый номер для лиц мужского пола, в третью — порядковый номер для лиц женского пола, в четвертую — состав семьи: домохозяин, его супруга, их дети. Первой так же могла быть записана вдова. Бывало также, что записан мужчина, а с ним его мать или отец, сестры и братья, племянники и т.д. В пятой графе указывался возраст каждого члена семьи, в шестой — кто был у исповеди, в седьмой — кто был у исповеди, но не причащался, в восьмой — кто не был у причастия и по каким причинам. Обычно причинами отсутствия на исповеди и причастии были: по малолетству (наиболее частая причина), по отлучке, по болезни,

за нерачением (невежество, лень, пренебрежительное отношение), а также по совету духовника/священника (священник не допустил до причастия за какой-либо проступок). В конце исповедальной ведомости приводились статистические общие сведения о приходе в виде таблицы, разделенной на сословия [3].

В исповедной росписи всех жителей прихода группировали по сословиям. Первыми записывались духовные и их домашние. Самый первый — священник, возглавляющий приход. Затем его жена и дети, а потом остальные церковнослужители с семьями. Затем шли военные и кантонисты, дворяне и их семьи, а также статские, купцы, мещане, однодворцы, крестьяне. Отдельным списком перечислялись иногородние для конкретного прихода.

Важно подчеркнуть, что в отсутствии метрических книг исповедные росписи обладали юридической силой и использовались при разрешении брачных и земельных конфликтов. В частности, переселенцам настоятель церкви выдавал справку об исповедовании, без которой невозможно было совершить обряд бракосочетания на новом месте.

Таким образом, исповедная роспись позволяет узнать состав семьи и семейные отношения. Благодаря таким сведениям из ведомостей, сегодня исследователи родословных могут получить дополнительную информацию и сделать определенные выводы о духовности предка из династии и соединять родственные линии. Кроме того, изучая исповедные росписи можно узнать не только состав семей, их возраст, место проживания, но и принадлежность жителей к определенному владению, их социальное положение, а иногда и род занятий.

В настоящее время исповедные росписи хранятся в региональных архивах в фондах духовных консисторий, духовных правлений, епархиальных управлений, отдельных церквей. В ГАИО исповедные росписи отложились в основном в 50 фонде Иркутской духовной консистории. Но, следует отметить, что исповедные росписи церковью Иркутской губернии в архиве сохранились не по всем церквям и не за все годы, многие из них находятся в неудовлетворительном физическом состоянии, в россыпи, сканированию (копированию) не подлежат. Но, тем не менее, часть этих церковных документов сохранилась и доступна пользователям, исследователям в читальном зале архива, многие из них оцифрованы.

В связи с активизацией интереса исследователей к истории казачества в Иркутской губернии, к изучению казачьих корней, которое возникло еще на волне 90-х гг. XX вв. исповедные росписи казачьих церквей, которые сохранились в ГАИО, представляют особый интерес. Поэтому, изучение исповедных росписей на примере Тункинской Николаевской церкви является важной отправной точкой в генеалогических и исторических исследованиях казачьих семей.

В ОГКУ ГАИО на хранении имеются исповедные росписи Тункинской Николаевской церкви за 1838, 1874, 1900 гг. Они содержат сведения о составе казачьих семей Тункинской волости, позволяют узнать распределение их по полу, возрасту, социальной принадлежности, роду занятий, месту проживания. А также сделать выводы об уровне их духовности и религиозности, помогают восстановить связь поколений.

Следует подчеркнуть, что история Иркутского казачества неразрывно связана с Тункинским казачеством. Важно вспомнить, что значительная часть казачьего населения Иркутской губернии находилась на территории Тункинской долины. Так, в 1919 году, в Иркутском казачьем войске (ИКВ) насчитывалось 8 станиц, из них 2 станицы находились в Тункинской долине. Никольская станица состояла из трех объединенных селений — Никольского, Зактуйского и Тункинского. В станицу входили села Гужиры, Тибельти, Нерюхай, Бадары, Булунтулай, в которых казаки составляли подавляющее большинство населения. Кроме того, казацкие семьи проживали либо на заимках, либо в крестьянских селениях Никольское, Токурэн, Затунка, Ахалик, Еловка, Бычье, Улан-Горхон, Тальское селение. Численность казачьего населения данной станицы составляла 3 171 человек (1 616 мужчин и 1 555 женщин) [4].

Сегодня на страницах интернет источников, генеалогических и краеведческих форумов по истории Тункинских казаков имеется информация о династии Шубиных — одной из древнейших среди Тункинских казаков, о казаках по фамилии: Зверевы, Ляховы, Котовщиковы, Конюшкины, Пермьяковы, Пежемские, Сороковиковы, Томиловы, Бобковы, Нефедьевы, Бутаковы, Красильниковы, Кузнецовы, Деминны, Могилевы, Гульковы, Лифантьевы, Поповы, Шитовы, Лихачевы, Усольцевы, Визгуновы, Кухтины, Тюменцевы, Домышевы, Полубенцевы, Ермаковы, Донские, Донсковы, Усовы, Белобородовы, Васильевы, Ерофеевы, Захаровы, Чернеговы, Мельниковы, Михалевы, Москвитины, Балашовы, Назаровы, Бекетовы, Серебренниковы, Ревякины, Переваловы, Савватеевы и др.

В Исповедной росписи Тункинской Николаевской церкви за 1900 г. содержатся сведения о таких казачьих фамилиях, как: Чернеговы, Сизых, Беспаловы, Бронниковы, Пежемские, Холкины, Донские, Кистиневы, Распутины, Зверевы, Семеновы, Зарубины, Бутаковы, Лифантьевы, Константиновы, Малышевы, что немаловажно при восстановлении их родословной.

Указанная исповедная роспись была отреставрирована и оцифрована и доступна пользователям в читальном зале архива. Ведомость насчитывает 213 листов, из них 44 листа составляют непосредственно исповедальную роспись, а остальные листы содержат документы официального характера: прошения священников разных приходов о

повышении по службе, переводе в другую церковь и должность, об отпуске, о разрешении вступить в брак, увольнении и прочую переписку священников с консисторией. В документе содержатся доклады священников, которые вели исповедную роспись и отчитывались о проделанной работе в Иркутскую духовную консисторию, в том числе архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Тихону.

Завершает документ общая ведомость по количеству лиц исповедавшихся и не исповедавшихся, статистические подсчеты с изменениями и дополнениями, внесенные в таблицу священником Павлом Поповым [5, л. 213]. Ведомость была окончена 23 сентября 1900 г. и заверена подписями священника П. Попова, псаломщика С. Педина, благочинного протоиерея С. Благообразова. Анализ документа показывает, что в 1900 г. в приход Тункинской Николаевской церкви входили прихожане следующих селений: Казачье, Пески, Тункинское, Култучек, Верхний Зактуй, Нижний Зактуй, Красный Яр, Далдашин, Хабухай, Хам-Горхон, Нюрхай, Зверевский мыс, Затунка, Тукурен, Еловка, а также ясачные (инородцы), живущие у реки и за рекой Иркут, в Калимнице.

Подчеркнем, что в данной исповедной росписи кроме посемейных списков казаков внесены посемейные списки других социальных категорий населения: духовенства, мещан, служащих (стацких), крестьян, ясачных, которые входили в приход Тункинской Николаевской церкви. В конце документа также отмечено, что при данной церкви числится 400 дворов.

В количественном отношении лица мужского и женского пола среди казаков, бывших и не бывших на исповеди и причастии Тункинской Николаевской церкви за 1900 г. представлены в итоговой ведомости по приходу данной церкви в следующей таблице 1.

По ее данным видно, что количество исповедавшихся и не бывших у исповеди казаков отличается, поскольку значительное число не исповедавшихся было по малолетству, а среди взрослых по отлучке (заработки, переезд в другую деревню, военная служба (для мужчин), отпуск на промыслы, услужение (женщины) и т.д. Итоговая ведомость показывает, что раскольников в приходе не числится.

Одновременно из таблицы 1 видно, что среди лиц мужского и женского пола, кто был на исповеди и не причастился, стоит прочерк, что свидетельствует о том, что казачьи семьи, которые являлись прихожанами Тункинской Николаевской церкви, старались соблюдать церковные обряды и один раз в год ходить на исповедь и причащаться. Также таблица показывает, что при данной церкви проживало в Казачьем селении 1 679 человек казаков обоего пола, из них 404 человека обоего пола были на исповеди, а остальные 1 275 человек не были на исповеди по разным причинам (малолетство, отлучка, опущение и т.д.).

Таблица 1

Всего при вышеозна- ченной церкви жителей право- славного исповеда- ния	Число лиц												
	Испове- давшихся и прича- стившихся		Испове- давших- ся, но не прича- стивших- ся		Не бывших у исповеди								
					По мало- летству		По от- лучке и др. препят- ствиям		По опу- щению		Итого:		
М. п	Ж. п	М. п	Ж. п	М. п	Ж. п	М. п	Ж. п	М. п	Ж. п	М. п	Ж. п	Об. полов	
Духовного ведомства	4	4	–	–	–	1	–	–	–	–	4	5	9
Казачьих	151	253	–	–	103	125	28	4	539	476	821	858	1679
Статских	1	–	–	–	1	2	–	–	–	1	2	3	5
Ясачных	39	27	–	–	41	24	1	1	130	122	211	174	385
Крестьян	25	23	–	–	17	15	–	–	53	64	95	102	197
Итого:	220	307	–	–	162	152	29	5	722	549	1133	1142	2275
Расколь- ников												нет	
Всего:												1133 1142 2275	

Кроме сведений религиозного характера, исповедная роспись Тункинской Николаевской, как уже упоминалось ранее в тексте, является важным документом по родословной казачьих семей. Анализ документа показывает, что основная масса казачьих семей были многодетными, в семьях насчитывалось от 4-х до 8-ми детей, нередко в семьях жили дети от первого и второго брака, а также дети, родившиеся вне брака (незаконнорожденные), приемные дети. Состав семей был не только из одного и двух поколений, когда в одной семье значились родители, дети, но даже из трех поколений, когда в семье числятся бабушки, дедушки, нередко в семьях записаны семьи детей (внуков). Также в исповедной росписи встречаются примеры, когда в составе семьи числятся родственники главы семейства: невестка, зять, теща, его братья. В графе «Казачьи и их домашние» всегда прописывалось семейное положение членов семьи (муж, жена, дети), а также их семейный статус: холост, женат, обязательно указывалось вдовство.

В качестве примера приведем состав казачьей семьи Чернеговых, которые довольно часто упоминаются в духовной ведомости указанной церкви с. Казачье [5, л. 2-6].

Исходя из данных таблицы 2 видно, что семья действительно отличалась многодетностью, были примеры, когда в семье числятся родители мужа, главы семейства, а также их родственники: братья, сестры, жены сыновей (невестки) и т.д.

Таблица 2

Число		Казачье се- ление	Лета их рождения		Показание действия		
Домов или дворов	Людей		Мужска пола	Женска пола	Кто были у Исповеди и Святого Причастия	Кто исповеда- лись только, а не причастились и за каким ви- нословием	Которые у Исповеди не были
	Мужска пола	Женска пола					
6		19	Вдова Евдо- кия Поликто- ва Чернегова	80		была	
	15		Сые ее Игна- тий Констан- тинов холост	57			не был
7	16		Козьма Кон- стантинов Чернегов	55			не был
		20	Жена его Анна Пав- лова		52		не была
			Дети их:				
	17		Николай	22		был	
	18		Семен	16			не был
		21	Иустиния		21		не была
		22	Евгения		13		не была
10	23		Максим Ва- сильев Чер- негов	48			не была
		32	Жена его Ма- рия Авилова		43		не была
		33	Мать его Фек- ла Леонтьева		78	была	
			Дети их:				
	24		Зиновий	26			не был
	25		Константин	24			не был
	26		Иоанн	19			не был
		34	Евдокия		12		не была
		35	Елизавета		8	была	

Продолжение таблицы 2

		36	Татьяна		5			По малолетству
		37	Жена Зиновия Феофановича Яковлева		21			не была
		38	Жена Константина Анна Львова		24			не была
17	42		Никанор Вавилов Чернегов	39				не был
		53	Жена его Екатерина Николаева		41			не была
			Дети их:					
	43		Георгий	18				не была
		54	Параскева		12			не была
		55	Невестка его вдова Мария Иосифова		37			в отлучке
34	92		Николай Васильев Чернегов	21		был		
		96	Жена его Ирина Дмитриева		21			не была
	93		Брат его Андрей	18				не была
		97	Сестра его Агрипина		15	была		

Таким образом, исходя из вышесказанного, следует, что исповедная роспись Тункинской Николаевской церкви содержит ценную информацию по генеалогии казачьих семей, их половозрастной структуре, семейному, социальному положению, религиозной принадлежности и имеет большое практическое значение при изучении казаков, как особой социальной группы населения Российской империи.

Список использованной литературы и источников

1. Воскобойников В. М. Иллюстрированная православная энциклопедия / В. М. Воскобойников. — Москва : Эксмо, 2008. — 288 с.
2. История религиозных учреждений Восточной Сибири: Тематический путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области / сост. Е. А. Луговская. — Иркутск : Изд-во «Оттиск» — 256 с.

3. Исповедальные ведомости (духовные росписи, великопостные росписи). — URL: livemem.ru/articles/ispovednye_ropisi.html (дата обращения: 12.02.2021).
4. Меринов Н. М. Иркутское казачье войско: история и современность / Н. М. Меринов. — Иркутск: Изд-во «Репроцентр А1», 2009. — 440 с.
5. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 50. — Оп. 1. — Д. 7629.

Информация об авторе

Шаламова Светлана Александровна — кандидат исторических наук, главный архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций, Государственный архив Иркутской области, 664047, г. Иркутск, ул. Байкальская, 79, e-mail: Swetlana15x@ya.ru

Author

Svetlana A. Shalamova — Candidate of Historical Sciences, Chief archivist of the Department for the Use of Documents and Work with Appeals of Citizens and Organizations, State Archive of the Irkutsk Region, 664047, Irkutsk, ul. Baykalskaya, 79.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.50

Ю.П. ВАХРУШЕВ

УДК 353(571.56)(091)

ББК 67.401(2Рос.Яку)г

ЯКУТИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА*

Рецензия на монографию коллектива авторов, в которой исследуется широкий круг вопросов, связанных с историческим опытом преобразований системы управления в Якутии: в ранний, имперский и постимперский периоды. Рассматриваются реформы областного управления и государственной политики в контексте их эффективности в условиях специфики имперских окраин.

Ключевые слова: Якутия, управление, инородцы, улусы, зимовье, малолюдные города, воеводы, коменданты, чиновники, губернаторы, революция, партия, республика.

YU.P. VAHRUSHEV

YAKUTIA IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN STATE

Review of a monograph by a team of authors, which examines a wide range of issues related to the historical experience of the transformation of the management system in Yakutia: in the early, imperial and post-imperial periods. The article considers the reforms of regional administration and state policy in the context of their effectiveness in the context of the specifics of the imperial suburbs.

Keywords: Yakutia, administration, foreigners, ulus, winter quarters, sparsely populated cities, voivodes, commandants, officials, governors, revolution, party, republic.

В ряду новых исследований посвященных, возникновению и развитию Российского государства, увидела свет коллективная монография «Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII — начало XX вв.)».

Авторы небольшой, но емкой по содержанию работы, проанализировали создание и эволюцию системы управления обширным географическим пространством богатого самыми разнообразными ре-

* Рец. на: Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII — XX вв.) / Отв. ред. А. А. Борисов. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2020. — 268 с.

сурсами — «Якутской землицей», которая довольно быстро вошла в систему управления русского государства. На этой территории постепенно строились остроги, ясачные зимовья для сбора «государева ясака». Крупные родовые и улусные объединения иноверцев-якутов превращались в «ясачные волости». Территории проживания народов Сибири признавались государственной собственностью, властные действия по отношению к народам Якутии диктовались обеспечением максимального и бесперебойного поступления ясака. Созданное в 1638 г. воеводское управление, помимо ответственности за подведомственную территорию, населенную полукочевыми племенами, получило обязанности, выходящие далеко за рамки задач, возлагавшиеся на местное управление. В частности, якутские воеводы по царскому указу должны были «проведовать» новые земли, защищать присоединенные территории.

Во многом именно таким путем шло расширение пространства Российского государства. Увеличение его пределов, появление новых подданных приводило к кардинальным изменениям в жизни проживающих на этих территориях народов, которые должны были взаимодействовать с новой для них административной системой и иными обстоятельствами экономической жизни. В этих условиях одной из основных задач государства становится интеграция обширных восточных земель в общееимперское пространство. Наряду с оформлением административно-территориального обустройства новых земель происходило распространение и утверждение православия, которое становилось частью государственной политики, действенным средством постепенного включения местного населения в новые для него привычки и традиции.

Авторский коллектив, изучив особенности формирования и развития системы управления обширного края с учетом этнокультурного своеобразия Якутии, как части цивилизаций Центральной и Северной Азии, вступившей во взаимодействие с европейской державой и оказавшейся под воздействием закономерностей имперского строительства, поставил задачи: изучить управление территорией, прежде всего, как систему комплексного воздействия на население края через деятельность административно-управленческого аппарата, особенно в периоды преобразований различных управленческих структур; изучить изменение места и роли носителей власти: высшего уровня — воевод, комендантов, областных начальников, губернаторов, областного правления, областных комиссаров, комитета общественной безопасности. Окружного уровня — исправников, земских судей. Иногороднего управления, представленного улусными головами, инородческими управами. Городского уровня — городскими, магистратами. Религиозного уровня — духовного управления, благочинных, приходских священников. В более позднее время — деятельность различных региональных организаций и политических партий.

При этом основное внимание авторы уделяют анализу предреформенного состояния законодательно-правовых основ деятельности всех управленческих структур, выявлению причин проводимых преобразований, дают оценку их результативности. Прежде всего, реформ (губернской 1775 г., сибирской 1822 г., буржуазных преобразований 1860–1870-х гг., революционных трансформаций начала XX века) в контексте их целесообразности и эффективности в Якутии.

Материалы монографии сгруппированы по принципу кейсов — примеров, выбранных среди тех, которые либо хронологически соответствуют реформам областных управленческих структур, либо фокусируют внимание на конкретных сферах экономической и социокультурной жизни края в период их реформирования и последующей деятельности. Все кейсы объединены целью детального анализа и оценки степени успешности преобразований в конкретных сферах управленческой деятельности.

Структурно работа состоит из двух глав и четырех разделов, которые в целом и реконструируют достаточно полную картину деятельности различных органов управления в разные периоды их существования. В результате исследования авторский коллектив пришел к выводу, что в развитии системы управления регионом просматривается три периода. Первый, самый длительный по времени, характеризуется созданием предпосылок для формирования будущего устойчивого областного административного устройства. Основы процесса были заложены в последней четверти XVIII в., в этот период в общих чертах оформились устойчивые границы территории региона, которые с момента включения обширного географического пространства в состав Российского государства менялись шесть раз.

Были выделены главные окружные административные центры, которые существуют и в наши дни, не утратив своего административно-хозяйственного значения. Оформилась «география» власти, которая, минув краткий период времени с 1775 по 1783 гг., пребывания в качестве провинции, приобрела статус области со своим аппаратом управления. Была сформирована стабильная иерархия власти над инородческой системой самоуправления, повсеместно утвержденная в последней четверти XVIII в. Русское население края в этот период времени было организовано: в сельской местности — в крестьянские волости, в городах оно находилось под управлением комиссаров, позднее — окружных исправников. Это был переходный период превращения ясачных зимовий в города и превращения их в центры уездов и комиссарств (Алдан, Оленск, Зашиверск, Жиганск), но вскоре упраздненных и включенных с подчиненными им уездами в состав Якутского, Верхоянского и Средне-колымского округов.

В краткий период существования Первой Якутской области, возникшей в результате очередной имперской административно-террито-

риальной реформы, управление усложняется за счет формирования новых органов власти, предусмотренных областной реформой 1777 г. Вводится должность областного коменданта, создаются новые административные органы: Верхняя и Нижняя расправы, Палата Якутского нижнего земского суда. На местах власть осуществлялась сельскими заседателями, в местах компактного проживания инородцев – улусными головами и наследными старостами. И хотя время существования пятичленной системы управления оказалось недолгим, она доказала свою эффективность. Это проявилось в полном объеме после изменений, проведенных в 1796 г., в ходе которых Якутия потеряла статус области, а вместе с ним и административно-территориальную структуру управления, сложившуюся к этому времени.

После возвращения в 1805 г. территории статуса области, в Якутии произошло восстановление и закрепление установившейся ранее административно-территориальной системы с пятью округами во главе с исправниками, постепенно сформировался окружной штат управления, окончательно закрепленный реформой М.М. Сперанского. Установились номенклатура и состав инородческих улусов и наслегов в составе Якутского, Вилюйского, Олекминского, Верхоянского и Колымского округов. В это время окончательно обособилась от Якутского областного управления система власти Охотским Приморским округом и Камчаткой, где также предпринимались попытки ввести областное управление. Якутск как центр области и отдельного округа был отнесен к категории средних городов, а окружные центры — Олекминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск — к малолюдным городам.

В середине XX в. в Якутской области была введена должность губернатора, получившего более широкие полномочия по сравнению со своим предшественником — областным начальником. Он, помимо ответственности за вверенную ему область, ее снабжение, общественное хозяйство, председательства в областном управлении, возглавил также целый ряд других учреждений, а после упразднения коллегияльных органов власть его значительно усилилась. Губернатор стал главным звеном всей системы власти, в условиях удаленного географического положения области и неразвитости путей сообщения, многое стало зависеть от его личных качеств, инициатив и способностей решать многочисленные проблемы жизнедеятельности области.

Именно в этот период определились важнейшие направления хозяйственного освоения Якутии: перевод инородцев на оседлость, распространение хлебопашества, развитие товарно-денежных отношений, организация системы кредитно-финансовой поддержки хозяйственной деятельности местного населения. Так, личная активная поддержка В.Н. Скрипицына, ставшего во главе Якутской области, позволила впервые в Сибири провести масштабную работу по эконо-

мическому реформированию хозяйственной жизни области. Будучи администраторами высшего ранга, они, в своей практической деятельности, осознавали острую необходимость интеграции нерусских народов в общеимперское социокультурное пространство. Благодаря инициативам губернаторов происходит создание и развитие системы образования. Несмотря на различия в оценке качества обучения в наиболее распространенных и доступных для местного населения церковно-приходских школах и так называемых министерских школах, все они пользовались их поддержкой. Губернаторы стремились привести образование в крае в соответствие с общегосударственными стандартами. Так, якутский губернатор А. Д. Лоховицкий еще в 1865 г. поставил вопрос о необходимости преобразования Якутского уездного училища в реальную прогимназию, которая в 1890 г. получила статус шестиклассного реального училища. Еще ранее в 1882 г. открывается женская прогимназия с педагогической направленностью, которая в последующие годы стала основным поставщиком учительских кадров в регионе.

Следует отметить, что авторский коллектив, опираясь на проведенные исследования, пришел к выводу о том, что в Якутии в имперский период оформилась и получила развитие своеобразная система власти. Она стала итогом преобразований 1777, 1822, 1860-х гг., когда центральное правительство стремилось действовать по мере возможности с учетом местных условий и обстоятельств. На протяжении веков она приобрела свои местные особенности, что и составило основу ее эффективности и устойчивости.

Анализируя систему управления Якутией, которая возникла в ходе революционных преобразований начала XX века, исследователи показывают, как в марте 1917 г., после отстранения от власти царской администрации, к руководству в области пришли революционные органы власти. Сформированные явочным порядком прежде всего из ссыльно-поселенцев, наиболее активных представителей различных политических партий: социал-демократов (большевики и меньшевики), эсеров, кадетов, местных федералистов. В результате их деятельности, на коллегиальной основе была создана новая система управления областью, которая постоянно трансформировалась с учетом всех изменений, происходивших в центре страны: власти Временного правительства, прихода к власти большевиков, событий гражданской войны.

В Якутске уже в начальный период формирования этих управленческих структур стало происходить фактическое слияние государственных органов власти — Областного Комиссара, который унаследовал права и обязанности губернатора и практической деятельности общественных организаций, объединенных в Якутский Комитет Общественной Безопасности. Создание новых органов управления в рамках Коми-

тета на инициативных началах шло хаотично, по мере возникновения проблем, практическая работа по решению конкретных вопросов передавалась в многочисленные комиссии, численность которых постоянно возрастала, но отсутствие профессиональных знаний, неопределенность полномочий, правового статуса, неповоротливость в выработке и принятии решений, отсутствие устойчивого финансирования. Все это, в конечном счете, несмотря на энтузиазм новых носителей власти, не способствовало улучшению системы управления обширной территорией Якутской области. В итоге в период с марта 1917 до осени 1920 года деятельность органов власти в крае, не имея массовой поддержки населения, носила крайне неустойчивый характер.

В условиях начавшейся гражданской войны основным аргументом в борьбе за власть стала вооруженная борьба различных политических сил, находившиеся на тот момент в системе управления. Представители разных политических направлений в тяжелых условиях военного времени стали решать, прежде всего, насущные потребности обеспечения всем необходимым населения области и его выживания. Таким образом, к середине 1920 г. после событий Февральской революции в новейшей истории Якутии завершился недолгий период многопартийной деятельности, обозначился процесс становления однопартийной системы, которая позднее и привела к провозглашению государственности и созданию ЯАССР.

Оценивая монографию авторского коллектива Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера следует отметить, что список трудов, посвященный историографии Якутии пополнился весьма содержательной работой, в которой детально и подробно на комплексной основе анализируются причины и последствия административно-территориальных реформ и преобразований, сделан определенный шаг в осмыслении всех этих мероприятий, проводимых в специфических условиях отдаленного региона Российской империи. Представляется, что материалы и выводы исследования будут интересны как профессиональным историкам, юристам—государствоведам, так и широкому кругу заинтересованных читателей.

Информация об авторе

Вахрушев Юрий Петрович — кандидат философских наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru

Author

Yuri P. Vahrushev — PhD in Philosophy, Associate professor of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Lenin str., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.51

А.М. КУРЫШОВ

УДК 94(571.5)

ББК 63.3(253.5)

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПРОТИВ СТАРОЖИЛОВ: НОВЫЙ ВЫПУСК «СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ»*

В статье рецензируется четвертый выпуск сборника документов «Сибирские переселения», посвященный конфликтам между сибирскими крестьянами-старожилками и новоселами, переселившимися в Сибирь в ходе «Великого сибирского переселения» (вторая половина XIX — начало XX вв.).

Ключевые слова: «Великое сибирское переселение», сибирские старожилы, переселенцы, колонизация Сибири, история Сибири, земельные споры.

А.М. KURYSHOV

NEW SETTLERS VS OLD DWELLERS: NEW ISSUE OF “SIBERIAN RESETTLEMENTS”

The article reviews the fourth issue of the collection of documents “Siberian Resettlements”, dedicated to conflicts between Siberian old dwellers and new settlers who moved to Siberia during the “Great Siberian Migration” (second half of the 19th — early 20th centuries).

Keywords: “The Great Siberian Migration”, Siberian old dwellers, new settlers, colonization of Siberia, history of Siberia, land disputes.

Обращение сибирских историков к теме переселений конца XIX — начала XX вв. и в советский период, и на современном этапе отличается постоянством. Изменяются оценки, по-разному расставляются акценты, характеризующие процессы переселения, но сам интерес к ним неизбытен. Объясняется это не только (и не столько) объективными факторами, связанными с наличием значительного количества документов, относящихся к этому периоду, что позволяет историкам качественно делать свою работу. Важно и другое — переселения рубежа XIX–XX столетий — особая страница сибирской истории. Она без преувеличения является связующим звеном между историей Сибири и историей всей России. Именно эти переселения превратили Сибирь, до этого — по сути дела колонию Российского государства, в его неотъемлемую часть. Именно они сделали сибирские процессы развития контекстом исторического движения России как цивилизации.

* Рец. на: Сибирские переселения : документы и материалы. Выпуск 4 : Конфликты старожилов и переселенцев. 1980–1910-е годы / авт.-сост.: А. К. Кириллов, М. В. Шиловский, П. А. Афанасьев, Д. Ю. Хоменко; отв. ред. М. В. Шиловский. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 664 с., ил. (карты)

Ремесло историка сродни труду золотоискателя: в массиве «пустой породы» разного рода информации он должен увидеть те редкие «зерна», которые позволят ему подтвердить или опровергнуть его не до конца оформившиеся представления, утолить жажду его научных интересов и сформулировать выводы, которые могут оказаться полезными для общества и облегчат труд коллег. Для этого, как правило, требуется «перелопатить» множество письменных источников, разбросанных по разным хранилищам, доступ к которым может оказаться затруднен. Но и обнаруженные источники еще нужно уметь подвергнуть анализу, даже не содержательному, а «фенотипическому» — разобрать трудночитаемый почерк, датировать, определить авторство и назначение документа. Все это, помимо известных навыков, требует огромных временных затрат и недюжинного терпения. Поэтому обнаружение ранее неопубликованных или малоизвестных источников — это труд, значение которого для исследователей невозможно переоценить.

Все сказанное дает основания считать усилия историков Сибирского отделения Российской Академии наук, предпринятые ими для публикации архивных документов, характеризующих сибирское переселенческое движение 1880-х — 1910-х гг. и вылившиеся в издание уже четырех сборников, не только оправданными, но и необходимыми.

Рецензируемый — четвертый — сборник «Сибирских переселений» посвящен теме конфликтов между сибирскими крестьянами-старожилками и переселенцами. Тема эта так или иначе затрагивается многими исследователями — специалистами по социально-экономической истории Сибири конца XIX — начала XX вв., даже если сфера их научных интересов не включает непосредственно переселения, поскольку упомянутые конфликты являлись важной стороной социальных отношений в сибирской деревне и характеризовали противоречия переселенческой политики российского правительства.

Собственно, уже в предыдущих сборниках «Сибирских переселений» содержался ряд документов, дающих представление об отношениях переселенцев и старожилов. Первый сборник¹ состоял из материалов, освещающих, по выражению авторов-составителей, «технологическую цепочку» переселения — правовую регламентацию (первый раздел) и особенности организации (второй раздел). Третий же раздел сборника (документы №№ 46-61) характеризовал процесс переселения «изнутри» — через оценку его представителями различных групп населения. Второй сборник² включал в себя до-

1 Сибирские переселения: документы и материалы. Выпуск 1 / отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2003. — 198 с.

2 Сибирские переселения. Выпуск 2: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: сборник документов / отв. ред. М. В. Шиловский. — Новосибирск : Издательский дом «Сова», 2006. — 263 с.

кументы, описывающие деятельность Комитета Сибирской железной дороги (главным образом — нормативно-правовые и справочные), но и среди них есть материалы, иллюстрировавшие отношения между переселенцами и старожильческим населением. Больше таких документов в третьем сборнике¹, посвященном миграционным и хозяйственным процессам, протекавшим в Сибири в XVII — начале XX вв. (в седьмой и восьмой его частях). Последние тем более интересны, что затрагивают отношения между переселенцами и коренными сибирскими народами. Правда, третий сборник имеет достаточно узкую географическую привязку — он посвящен освоению только Верхнего Прииртышья.

Четвертый сборник, с одной стороны — тоже узко специализирован (не только тематически, но также и географически (освещаются восемь наиболее полно документированных конфликтов между старожилами и переселенцами, имевшими место на Алтае и на юге Енисейской губернии)), с другой — выгодно отличается от своих предшественников структурно. Эти отличия можно свести к трем основным моментам: во-первых, по каждому из освещаемых конфликтов собран весь набор имеющихся в распоряжении исследователей документов (жалобы старожилов и переселенцев, справки о количестве земли и жителей, переписка чиновников, общественные приговоры и т.п.; собраны документы, отложившиеся в пяти российских архивах — Государственном архиве Красноярского края, Государственном архиве Алтайского края, Государственном архиве Томской области, архиве города Минусинска и Российском государственном историческом архиве), по сути они составляют целые «дела», характеризующие механизмы зарождения, развития и разрешения конфликтов во всей их полноте; во-вторых, все «дела» дополнены подробными исследованиями, имеющими самостоятельное научное значение; в-третьих, авторы-составители постарались максимально корректно обойтись с документами, каждый из них сопровождается исчерпывающей археографической легендой. Что касается «географической ограниченности», то она не умаляет значения проделанной авторами-составителями сборника работы ни в коей степени, поскольку именно территория Юго-Западной Сибири «поглотила» большую долю переселенцев второй половины XIX — начала XX столетий, а значит, процессы, здесь происходившие, вполне возможно рассматривать как характерные, показательные. Кроме того, каждый из восьми описанных случаев имеет, по выражению одного из авторов-составителей сборника, А.К. Кириллова, свою «изюминку».

1 Сибирские переселения. Выпуск 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII — начале XX вв.: сборник документов / отв. ред. М.В. Шиловский. — Новосибирск: Параллель, 2010. — 276 с.

Сборник документов предваряется обстоятельным «Введением» (с. 4–18), являющимся, по сути, самостоятельной статьей. В нем ответственный редактор и ответственный секретарь сборника (М.В. Шитловский и А.К. Кириллов) не только определяют замысел сборника и кратко описывают представленные материалы, но и очерчивают круг проблем, связанных с темой конфликтов переселенцев и старожилов в контексте тенденций социального развития Российской империи рубежа XIX–XX вв. Среди них: проблема интерпретации указанных конфликтов историками (как проявления классовой борьбы между беднейшими и зажиточными слоями как переселенческого, так и старожильского населения; как одной из сторон противоречий между различными ментальными «моделями территориального поведения» или хозяйственными укладами; как ипостаси «переселенческо-старожильского фронта» — теории, которой придерживаются сами авторы «Введения») (с. 6–7); проблема места сибирских переселений в истории России (авторы констатируют, что, несмотря на относительную масштабность, они так и не стали условием существенного изменения социальной обстановки в Европейской России, и они несопоставимы с теми миграциями, в ходе которых в это же время огромные массы людей перемещались из Европы в Америку, но механизмы их схожи (с. 12)); проблема факторов переселения в «достопыпинский» период, когда поддержка переселенцев со стороны властей имела ограниченный (в сравнении со «столыпинской» реформой) характер (авторам близка теория «цепной миграции», обусловленной не тем, что «притягивает» переселенцев на новые территории или «выталкивает» с обжитых мест, а личностными связями первых и последующих мигрантов (с. 13)). Обращают авторы внимание читателей и на то, что при ближайшем рассмотрении обнаруживается множество нюансов, связанных с неоднородностью движущих сил, сторон конфликта — новоселов, старожилов и лавирующих между ними властей, обуславливающих их поведение в конкретных ситуациях. Если учитывать этот фактор, процессы сибирского переселения предстают в новых красках. В частности, наличие среди «старожилов» по закону (т.е. причисленных к сельским обществам) фактических новоселов, обосновавшихся на новом месте в 1860-е — 1870-е гг. (или, если угодно, наличие среди «переселенцев» фактических старожилов (по отношению к прибывающим в годы 1880-е)) как раз и становится важнейшим условием возникновения конфликтов.

Итак, во «Введении» определяются три главных тезиса, последовательно и логично раскрывающиеся на последующих более чем шестистах страницах сборника: 1) «Великое сибирское переселение» может рассматриваться как часть охвативших мир во второй половине XIX — начале XX вв. процессов, описываемых в рамках «теории фронта»; оно, безусловно, имеет свои важные особенности, но в

целом может быть понято через применение к нему основополагающей характеристики упомянутой теории — колонизацию как способ развития; 2) сибирские переселения второй половины XIX — начала XX вв. демонстрируют характер «цепной миграции», когда ранее поселившиеся на новой территории новоселы, благосклонно принятые старожилками, постепенно «перетягивают» к себе своих бывших земляков, что со временем приводит к превышению в данной конкретной местности «критической массы» новопоселенцев, и именно такая «цепная миграция» запускает скрытый механизм конфликтов между старожилками и новоселами; 3) конфликт, вытекающий из «цепной миграции» и обусловленный наличием в среде старожилов недавно переселившихся крестьян, которые принимаются сельским обществом (к обоюдной выгоде), происходит по причине объективной нехватки земельных ресурсов, наступающей после превышения «критической массы» переселенцев в условиях экстенсивного хозяйства, таким образом конфликт является закономерным результатом сложившегося ранее взаимовыгодного сотрудничества.

Первый раздел сборника (с. 19-150) составляют документы о конфликте в селе Ново-Тырышкино (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Новотырышкино Смоленского района Алтайского края), первому из рассмотренных в сборнике по времени возникновения. Исследование, открывающее раздел, выполнено А.К. Кирилловым (как и исследования, предваряющие последующие пять разделов). Алексей Константинович проводит целое расследование развития конфликта, начиная с 1882 г., подробно и в хронологической последовательности излагая его суть, анализируя почти каждый представленный документ и последовательно обращая внимание на фактор неоднородности движущих сил конфликта. Автором подробно рассматривается состав сторон противостояния и мотивы, ими двигающие. Подчеркивается устойчивая позиция губернских властей, с одной стороны не желающих принуждать старожилов к причислению новопоселенцев, а с другой — сдерживающих инициативу старожилов по отселению последних. Обращается внимание на то, что на различных «этажах» властной вертикали отношение к взаимным претензиям сторон было различным и склонным к трансформации. Исследование А.К. Кириллова опирается на анализ 46 документов. Основным его выводом стало выявление связи между конфликтом, возникшим по вопросу причисления новоприбывших крестьян к сельскому обществу (что давало им право пользования земельными ресурсами общины), и наличием между старожилками и переселенцами «мостика» в лице ранее приехавших переселенцев, с которыми старожилы первоначально успешно сотрудничали. Также следует признать значимым тезис автора (опирающийся на анализ данных начала XX столетия по новотырышкинскому сельскому обще-

ству) о том, что крестьяне, оказавшись в стесненных из-за нехватки земли условиях, по-видимому были вынуждены интенсифицировать свое хозяйство, какая-то их часть стала заниматься промыслами и торговлей, приспосабливаясь к новой жизни (с. 63).

Второй раздел сборника (с. 151-214) содержит материалы, иллюстрирующие конфликт в станице Антоньевской (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Антоньевка Петропавловского района Алтайского края). Антоньевский конфликт — особый: он «самый крупный по территориальному охвату» (с. 153) и случился он на казачьих землях. Особыми были и условия, в которых зародилось противостояние старожилов и переселенцев. Во-первых, к моменту начала переселения (1870-е гг.) станица Антоньевская серьезно обезлюдела — часть казаков была переселена южнее в силу упразднения Кольвано-Кузнецкой укрепленной линии. Во-вторых, переселение сюда крестьян активно поддерживалось генерал-губернатором Западной Сибири в целях русификации, «окультуривания» района (с. 155-156). В-третьих, конфликт случился не столько из-за земли (в ней, видимо, недостатка не было), сколько из-за денег: крестьяне не желали платить сборы, положенные для жителей казачьих земель (поскольку не были причислены к казачьему сословию), а казаки требовали этого. Однако скрытый механизм, запустивший конфликт, был тем же, что и в селе Ново-Тырышкине: закрепившиеся ранее на казачьих землях крестьяне стали «перетягивать» к себе земляков; казаки первоначально сами разрешили крестьянам жить на своих землях, получая с крестьян деньги.

Третий раздел (с. 215-258) освещает конфликт, имевший место в деревне Харлова (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Харлово Краснощекинского района Алтайского края). Особенностью этого конфликта было то, что он был прямо связан с резким превышением «критической массы» переселенцев — «разведчик», укоренившись в деревне и получив согласие сельского общества на причисление двух земляков, «привел семь десятков человек» (с. 223). На примере случая в Харлова А.К. Кириллов подробно разбирает механизм «цепочки переселений», и именно его выпуклость, показательность, характеризующая, помимо прочего, и подготовленность переселенцев (в итоге — одержавших победу) к сопротивлению старожилов, по мнению автора «составляет ценную особенность Харловского случая» (с. 230).

Четвертый раздел (с. 259-326) содержит документы по старожильческо-переселенческому конфликту в деревне Огневой (Бийский округ (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Огни Усть-Калманского района Алтайского края). Его особенностью была религиозная подоплека — старожилы были староверами, а переселенцы — никонианами, и поводом к конфликту стало желание

переселенцев поставить в деревне церковь. Также «изюминкой» этой ссоры можно считать нетипичный (в сравнении с вышеописанными случаями) мотив первоначального сотрудничества — обустройство первых переселенцев было осуществлено при поддержке властей (при этом старожилы, конечно, получили свою выгоду — втридорога продали переселенцам избы). Однако камнем преткновения, конечно, была земля, но не пахотная, а та, что была отведена под сенокосы, которые к тому же искусственно орошались. Религиозные мотивы конфликта не получили развития и не были учтены губернскими властями, снова занявшими в этом споре по сути нейтральную позицию (с. 280).

Пятый раздел сборника (с. 327-362) состоит из исследования А.К. Кириллова и документов, освещающих ссору между старожилами и переселенцами Ново-Шульбинского поселения (Змеиногорский уезд Томской губернии, ныне — село Новая Шульба Бородулихинского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан). Новошульбинский спор начался в 1909 г. и, таким образом, относится к числу конфликтов, обязанных своим возникновением «столыпинским» преобразованиям. Суть конфликта состояла в нежелании старожилов пускать на свои земли переселенцев — они опасались, что со временем их прибавит еще больше, и земли будет не хватать на всех. Для того, чтобы «отвадить» новоселов, для них были введены заповедные денежные сборы (взимаемые не за пашню собственно, а за усадьбу и скот), которые не могли быть покрыты переселенческой ссудой (с. 338). Алексей Константинович, опираясь на источники, подробно рассматривает механизм развития конфликта: 1) закрепление «новых» переселенцев (несмотря на противодействие сельского общества), арендовавших землю у «старых» переселенцев; 2) запрет сельского общества на строительство жилья на арендованных землях, что вынуждает новоселов покупать или арендовать усадьбы в селе; 3) обложение усадеб и скота новоселов высоким денежным сбором; 4) подача сельским обществом исков в волостной суд новоселов, отказавшихся платить сбор; 5) отказ примерно трети новоселов от поселения в Ново-Шульбинском. Новошульбинский случай отличает стремление и той, и другой стороны решить спор юридически: «По части готовности бороться за свои интересы в правовом поле крестьянское сообщество ничем не уступало более образованным слоям русского общества начала XX в.» (с. 340).

Шестой раздел (с. 363-448), включающий 55 документов, иллюстрирует историю конфликта, закончившегося убийством двух человек — старожила и новосела деревни Сартаковой (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Сартаково Коченевского района Новосибирской области). Строго говоря, данный конфликт сложно трактовать, как старожильческо-пере-

селенческий: как указывает сам автор, деревня Сартакова появилась вряд ли ранее 1899–1900 гг., и ее основателями были также переселенцы. На момент начала конфликта (1911 г.) жители Сартаковой были «старожилами» по закону, но не по сути. Появившиеся здесь «новые» переселенцы изначально не имели шансов быть причисленными к обществу. Следовательно, не может идти речь о стадии «сотрудничества», перерастающего впоследствии в противостояние. Конфликт отличается бросающейся в глаза численной диспропорцией сторон (пять семей переселенцев против всего сельского общества) и отсутствием со стороны властей всех уровней поддержки «новых» переселенцев (возможно, это было связано и с тем, что «старожила» тоже были переселенцами). Этот спор, приведший к убийствам, судя по документам, связан с поземельными отношениями не прямо, на что указывает косвенно и сам А.К. Кириллов, характеризуя его исход как «исключение из правил, обусловленное личными особенностями переселенцев» (с. 383), и это — закономерный вывод из подробнейшего анализа истории, сделанного Алексеем Константиновичем в исследовании, открывающем раздел. Вместе с тем другой вывод, сделанный автором, в целом не вызывают серьезных возражений. Речь идет о том, что конфликта можно было бы избежать, если бы переселенцы получили хоть какую-то поддержку со стороны властей, если бы власти действовали не «по шаблону, сложившемуся с 1880-х гг.» (с. 382), а по обстановке.

Седьмой раздел (с. 449-572) освещает спор между старожилами и поселенцами сел Мормыши (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Мормыши Романовского района Алтайского края) и Павловское (Барнаульский уезд (часть Алтайского горного округа) Томской губернии, ныне — село Павловск, центр Павловского района Алтайского края). Раздел подготовленный П.А. Афанасьевым, содержит наибольшее количество документов — 66, none все они напрямую связаны с указанными конфликтами. Собственно, конфликты в Мормышах и Павловском (а также в других населенных пунктах, упомянутых в исследовании П.А. Афанасьева, — Усть-Мосихе, Шарчино, Рогозихе, Ключковском, Средне-Краюшкинском (все это — села и деревни Барнаульского уезда)) не вышли за пределы отказа старожилов, в ряде случаев по численности уже уступавших переселенцам, причислять последних к сельскому обществу, по причине нехватки земельных ресурсов. В Мормышах крестьяне-старожила сами отказались от претензий к переселенцам, поскольку после проведения землеустройства претендовали на прирезку к их землям еще одного участка, но это было невозможно без причисления к обществу дополнительных членов (с. 456). В Павловске и других упомянутых здесь населенных пунктах протесты старожилов в отношении новоселов прекратились после ареста

«зачинщиков» (ими выступали «влиятельные» крестьяне-старожилы) (с. 463-464). Иными словами, конфликты между старожилами и переселенцами в густонаселенном Барнаульском уезде Томской губернии были потушены на ранней стадии, главным образом — по причине занятия властями открыто «пропереселенческих» позиций. Интереснее другое, на что обращает внимание П.А. Афанасьев: социальное напряжение в селениях уезда, связанное с нехваткой земли, изначально стало следствием политики Кабинета его императорского величества (Барнаульский уезд был частью «кабинетских земель» — Алтайского горного округа, наряду с еще несколькими уездами Томской губернии — Бийским, Кузнецким и Томским). Кабинет старался ограничивать отведение земель под переселенческие участки, предпочитая их сдавать в аренду и получать доход. Попытки губернских властей и Переселенческого управления преодолеть сопротивление Кабинета разбились о непримиримую позицию императора. Понятно, что последовавшее за этим обострение противоречий между старожилами и новоселами стало следствием неудачных попыток старожильческого населения «урезонить» Кабинет, но следует ли считать указанное обострение стадией ранее начавшегося конфликта, или принципиально иным? Павел Алексеевич выбирает второй вариант, предлагая собственную классификацию конфликтов, возникших на почве земельных противоречий. Он определяет три их типа, при этом несколько выходя за рамки обозначенного в подзаголовке сборника противостояния исключительно между «старожилами» и «переселенцами». Критерием выделения этих типов являются не движущие силы конфликта, а, по сути, степень землеустроительных мероприятий, которой он (конфликт) соответствовал: 1) конфликты между Кабинетом и Переселенческим управлением на этапе отведения земель под переселенческие участки; 2) конфликты между крестьянами и Кабинетом на этапе проведения землеустроительных работ; 3) конфликты между старожилами и новоселами после проведения землеустройства (с. 465-466). Выводы П.А. Афанасьева интересны тем, что они несколько расширяют наши представления о предпосылках старожильческо-переселенческих конфликтов, сложившиеся по ходу рассмотрения шести предыдущих случаев: пять из них (т.е. все, кроме Новошуйбинского) произошли на землях Кабинета его императорского величества, следовательно, «кабинетский след» вполне мог быть и там.

Восьмой раздел (с. 573-642) — единственный, содержащий документы по спорам, возникшим не в Томской губернии. Он посвящен освещению конфликта между старожилами и переселенцами в деревне Гнадендорф (Минусинский уезд Енисейской губернии, ныне — деревня Николаевка Краснотуранского района Красноярского края). Раздел подготовлен Д.Ю. Хоменко. Конфликт в Гнадендорфе — особенный,

поскольку он проходил на фоне этнических разногласий, хотя и из-за земли. Основными сторонами конфликта выступали немцы-колонисты и русские переселенцы, а «яблоком раздора» выступил запасной участок Сайбарский в Минусинской котловине. Это — еще одна особенность данного спора: он возник из-за земель, которые на момент начала конфликта не принадлежала ни немецким переселенцам, ни русским новоселам. Основным препятствием для обеих сторон была позиция губернского управления, по каким-то причинам «придерживавшего» Сайбарский участок. В 1907 г. вопрос все же был решен в пользу немцев (решающую роль сыграло мнение Иркутского генерал-губернатора), но к этому времени на спорном участке уже были две самовольно возведенные деревни — немецкая (Гнадендорф) и русская (Карасук).

Решение 1907 г. делало пребывание русских поселенцев незаконным, но и насильно отселять их власти не стали (по-видимому, из-за недостатка сил (с. 579)). Поскольку на всех теперь земли в участке не хватало, было принято решение прирезать ее от соседних старожильческих угодий. Таким образом, обозначилась третья сторона конфликта — старожили, которые по сути были втянуты в него искусственно, и которые, в конце концов, и оказались проигравшей стороной. Также особенностями конфликта Денис Юрьевич считает юридическую грамотность немецких колонистов, позволившую им в итоге добиться желаемого, и стремление властей в спорных ситуациях между переселенцами решать проблему за счет старожилов (с. 284).

В целом четвертый выпуск «Сибирских переселений» — больше, чем сборник документов. Это — полноценное исследование, в котором документы, являясь источниковой базой статей, открывающих разделы, выступают одновременно и подтверждением сделанных авторами-составителями выводов, и основой, на которой другие историки могут строить свои предположения. Такой жанр научного исследования импонирует автору этих строк. Составители выполнили свою работу предельно качественно, добротнo. Наличие карт, прилагаемых к каждой вступительной статье, и археографических легенд, сопровождающих каждый документ, лишь усиливает общее благоприятное впечатление от издания.

Представление исследователями своей источниковой базы под одной обложкой с самими исследованиями, помимо прочего, позволяет читателю оценить качество сделанных выводов. И они, в целом, представляются весьма интересными и оригинальными. Довольно стройная концепция механизма возникновения конфликтов между старожилами и переселенцами, выстроенная А.К. Кирилловым, действительно получает подтверждение в документах. Важнейшим достижением авторов следует признать подробное рассмотрение состава участников споров, учет при формулировании выводов неоднородности социальных групп, предстающих сторонами конфликта.

Это касается, в том числе, «властей», позиции которых в зависимости от уровня и ситуации могли быть диаметрально противоположными («переселенческие чиновники заботились о переселенцах, крестьянские начальники — о старожилах» (с. 581)). Авторы стараются рассматривать предпосылки и причины конфликтов с различных точек зрения (старожилов, переселенцев, властей), придерживаясь одного из основополагающих принципов исторической науки, на практике не так уж часто соблюдающегося, — принципа объективности.

Вместе с тем, применение упомянутой концепции механизма возникновения земельных споров для анализа случаев, имевших место в «столыпинский» период, требует уточнений. Как мы видели, стадия «сотрудничества», которая, согласно упомянутой концепции, должна впоследствии привести к конфликту, в ряде конфликтов отсутствует или просматривается недостаточно четко.

За частными вопросами, подробнейшим образом рассмотренными авторами-составителями, скрылся один из важнейших процессов, порождением которого и были земельные конфликты — трансформация сибирской общины. Ее кризис был связан с нехваткой свободных земель, в силу чего прежняя, «захватная» община не могла развиваться, а проявлялся он в стремлении общинников к уравнительному переделу и юридическому закреплению земель за общиной (что, в общем-то, и предполагалось землеустроительными работами). Переселенцы же, приезжающие из Европейской России, где «захватной» общины не было уже давно, надеялись здесь, в Сибири, ее встретить. Отсюда и самовольные захваты земли, основанные на уже устаревшем для Сибири рубежа XIX-XX вв. представлении о том, что земля тому принадлежит, кто ее использует.

Авторы-составители четвертого выпуска «Сибирских переселенцев» сумели уловить (и подтвердить это множеством уникальных документов) главное: время работало на переселенцев, государственные структуры в целом поддерживали новоселов, процессы колонизации Сибири были необратимы и они, в числе прочего, ставили сибиряков в условия, к которым они были вынуждены приспособиться, изменяя свой хозяйственный уклад.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: history@bgu.ru.

Author

Andrey M. Kuryshov — Ph.D. in History, Associate Professor, of the Department of International Relations and Custom, Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.52

И.В. ОЛЕЙНИКОВ

УДК 902/904(5) + 93/99(100)

ББК Т3(0) + Т4(5)

СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ И КОНТУРЫ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ*

Представлена рецензия на сборник статей, опубликованный к 60-летию юбилею научного руководителя БНЦ СО РАН, академика Б. В. Базарова (ИМБТ СО РАН). В работе рассматриваются актуальные вопросы археологии, всеобщей и отечественной истории, мировой политики на пространстве Евразии.

Ключевые слова: Евразия, всеобщая история, история России, археология, Монголия.

I.V. OLEYNIKOV

THE PLOTS OF HISTORY AND CONTOURS OF SPACE OF EURASIA

The review of the collection of articles published for the 60th anniversary of the scientific director of the BSC SB RAS, academician B.V. Bazarov (IMBT SB RAS) is presented. The paper deals with actual issues of archeology, general and national history and world politics in the Eurasian space.

Keywords: Eurasia, general history, history of Russia, archeology, Mongolia.

В октябре 2020 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору, академику РАН Борису Вандановичу Базарову (ИМБТ СО РАН). К юбилейной дате был приурочен выход сборника статей «Terra Eurasica», в котором объемно и системно представлен срез наиболее актуальных исследований из разных областей исторической науки и международных отношений — от археологии и всеобщей истории до отечественной истории и мировой политики. Подготовка и публикация сборника — ответственная задача, выполненная друзьями и коллегами юбиляра — известными учеными из академических и университетских исследовательских центров России.

Структура рецензируемого издания включает в себя научные статьи, скомпонованные по следующему логическому принципу: всеобщая история, отечественная история, история Монголии, мировая политика.

Обстоятельная вступительная статья о жизни и деятельности юбиляра, его вкладе в науку и организацию научной деятельности, подготовлена членом-корреспондентом РАН Н.Н. Крадиным (ИИАЭ ДВО РАН,

* Рец. на: Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова : сб. науч. статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2020. — 300 с.

г. Владивосток) и доктором исторических наук Л.В. Курасом (ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ) [1]. Авторы отмечают, что «под непосредственным руководством Б.В. Базарова была проделана огромная работа по созданию современных условий хранения рукописей и ксилографов, их современному научному описанию, оцифровке и комментированному переводу» (с. 8). Подчеркивается, что «в многогранной научной деятельности Б.В. Базарова значительное место занимают около 65 грантовых, экспедиционных и международных научных проектов в области монголоведения и тибетологии, инициатором, идеологом и руководителем которых он был» (с. 10). Результатом этой планомерной и многолетней научной деятельности стало выделение ИМБТ СО РАН мегагранта Правительства РФ на тему «Динамика народов и империй Внутренней Азии» (с. 15).

Исследовательский блок открывает статья члена-корреспондента РАН, проф. П.Ю. Уварова (Институт всеобщей истории РАН, НИУ ВШЭ, г. Москва) «Хартленд средневековья (особенности исторической динамики средневекового мира)» [2]. Автор рассматривает материалы второго тома «Всемирной истории» «Мир в Средние века», фокусируется на организационном процессе подготовки и непростом поиске баланса научных составляющих издания в рамках полюсов «западники» — «востоковеды». Возникали и проблемы, так, Павел Юрьевич честно отмечает, что «главной трудностью поначалу было отсутствие общего сценария нашего тома. В советской “Всемирке” такой сценарий был: становление, триумфальное шествие и последующее разложение феодальной общественно-экономической формации... Теперь же понятие “формация” утратило очевидность, а термином “феодализм” если и продолжали по инерции пользоваться, то понимали под ним заведомо разные вещи» (с. 20). Автор указывает, что компоновка материала в книге «Мир в Средние века» была сделана на основе принципа синхронизации: «...нашей целью было дать хронологические срезы, позволявшие охватить все регионы, находившиеся во взаимодействии в данный отрезок времени» (с. 21). Исследователь показывает многогранность и комплексность работы над обновленным изданием тома, посвященного интересной и актуальной эпохе Средневековья.

Статья члена-корреспондента РАН, известного исследователя кочевых обществ Н.Н. Крадина (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток) посвящена обзору гетерархии и иерархии в обществах древних кочевников Забайкалья [3]. В аннотации к статье подчеркивается: «Когда личная власть вождя слаба, кочевые общества структурируются в гетерархическое племя, объединение племен или имперскую конфедерацию. По мере роста личной власти они могут трансформироваться в иерархическое вождество, сложное вождество и кочевую империю» (с. 32). Взяв за основу археологические данные и проработав пласт специальной литературы, Н.Н. Крадин делает вывод о том, что «...чем выше масштаб сложности оседлого аграрного общества, тем более мощной и иерархически

организованной должна быть конфедерация номадов. Для контакта с небольшими оазисами достаточно конфедерации племен или вожества, но для взаимодействия с аграрной цивилизацией необходима кочевая империя» (с. 55).

Проблемам политической истории Китая посвящено исследование члена-корреспондента РАН И. Ф. Поповой (ИВР РАН, г. Санкт-Петербург), в котором подробно рассмотрены механика и процесс управления окраинными территориями Западного края при династии Ранняя Хань [4]. На основе анализа значительного массива источников автор приходит к выводу, что «...обширный регион Западного края при Ранней Хань формально стал объектом административного управления китайской империи. Ненавязчивое и казавшееся поверхностным китайское присутствие в регионе, хотя заметно не влияло на этнический состав и культуру оазисов, оставалось в это время постоянным политическим фактором. Важной задачей Китая полагал защиту земледельческих оазисов на граничивших с ним территориях от разорительных набегов кочевников, что, собственно, и обеспечило экономическую основу местной ханьской полувоенной администрации» (с. 80).

Блок материалов сборника, связанный с проблемами отечественной истории, открывает научная работа профессоров Л.М. Дамешка и И.Л. Дамешек (ИГУ, г. Иркутск) [5] о политике империи в национальных районах. Отражен сложный и длительный путь формирования и «оцентрирования» границ Российской империи, показаны реалии взаимодействия имперской администрации с инородческими окраинами. Историки констатируют, что «...в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства» (с. 102).

На роли института бурятских Степных дум в системе власти Российской империи сфокусировано исследование профессора Л.В. Кураса (ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ) и д-ра ист. наук Б.Ц. Жалсановой (ГА РБ, г. Улан-Удэ) [6]. Авторы отмечают, что «...Степные думы ... действительно представляли систему местного самоуправления, успешно решавшую вопросы местного значения» (с. 117).

Д-р геогр. наук А.В. Псянчин (ИИЯЛ УФИЦ РАН) представил обзор материалов по этническому картографированию Сибири в Русском географическом обществе, отдельно сфокусировав внимание на картографической деятельности ИРГО — ВСОРГО [7].

Член-корреспондент РАН А.В. Головнёв (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург) в своей статье «Перевод кочевников на осёдлость: ревизия идеи» сквозь призму тысячелетнего противостояния оседлых и кочевых культур рассматривает процесс пе-

ревода кочевых племен в оседлое состояние, основывая свой анализ на опыте как ряда зарубежных стран, так и Советского Союза [8]. Рассмотрена полемика среди советских ученых относительно процесса седентаризации, показано, что спустя годы происходит ренессанс номадизма на Ямале и в Монголии. Автор вслед за Дж. Урри верно отмечает, что «в наши дни номадизм уже не рассматривается как след архаики, напротив, в высокой мобильности видится и исконное свойство человечества, и драйвер его развития, и перспектива прорывных технологий будущего» (с. 150).

Темы взаимодействия Монголии и Советской России в сложное и противоречивое время 1920-30-х гг. поднимаются в работах члена-корреспондента РАН В.С. Христофорова (РГГУ, г. Москва) и д-ра ист. наук Ю.Н. Гусевой (МГПУ) [9], д-ра ист. наук Ц.П. Ванчиковой (ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ) [10] и канд. ист. наук А.В. Дамдинова (ГД ФС РФ, г. Москва) [11]. Ученые рассматривают особенности реализации информационной и репрессивной политики советских спецслужб в Сибири и МНР, религиозную политику Коминтерна в Монголии, реалии последних месяцев жизни буддийского религиозного деятеля А. Доржиева.

«Монгольский мир: фактор китайской миграции» — работа д-ра ист. наук М.Н. Балдано (ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ), в которой рассмотрены реалии деятельности китайских мигрантов на территории Автономного района Внутренняя Монголия, Монголии и Республики Бурятия РФ [12]. Автор отмечает: «...проблема китайских мигрантов так же разнообразна, как и монгольский мир. Но есть и общее — они были и остаются важным фактором существования и развития монгольского мира. Отношение к ним диктуется как гигантским воздействием Китая на все сферы жизни региона, так и самостоятельной ролью китайских мигрантов, которые воспринимаются одновременно и как ресурс, и как угроза» (с. 212).

Мирополитические исследования в сборнике представлены статьей члена-корреспондента РАН Е. И. Пивовара (РГГУ, г. Москва) и д-ра ист. наук В.Ф. Ершова ((ЦАП МГОУ, г. Москва) об институциональном измерении финансовой интеграции на евразийском пространстве в постсоветский период [13] и сравнительным аналитическим материалом д-ра экон. наук Н.И. Атанова (НИЦ ИЭУ БГУ, г. Улан-Удэ) и д-ра экон. наук Л.В. Потапова (ОРЭИ БНЦ СО РАН, г. Улан-Удэ) об особенностях стратегического планирования в КНР и РФ [14].

Аналитический обзор д-ра ист. наук С. И. Кузнецова (ИГУ, г. Иркутск) и д-ра ист. наук А.А. Иванова (ИГУ, г. Иркутск) посвящен истории и особенностям подготовки кадров высшей квалификации для Бурятии в диссертационном совете по историческим наукам при ИГУ [15].

В целом, рецензируемое научное издание «Terra Eurasica» выполняет не только лишь «юбилейную» функцию. Это реальный исследовательский инструмент, позволяющий вдумчивому читателю вникнуть

в актуальные проблемы современной исторической науки. В нем органично присутствуют как магистральные темы, так и региональный контекст, что является показателем баланса, который учли составители и авторы. Полагаем, что результаты исследований будут использованы профессиональным сообществом в научной и учебной работе и помогут разобраться в понимании сложных, но увлекательных сюжетов истории и контуров пространства Евразии.

Список использованной литературы и источников

1. Крадин Н. Н. Вместо введения. Дело, которому ты служишь: К 60-летию академика Бориса Вандановича Базарова / Н. Н. Крадин, Л. В. Курас // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 3-15.

2. Уваров П. Ю. Хартленд средневековья (особенности исторической динамики средневекового мира) / П. Ю. Уваров // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 16-31.

3. Крадин Н. Н. Гетерархия и иерархия в обществах древних кочевников Забайкалья / Н. Н. Крадин // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 32-56.

4. Попова И. Ф. Управление окраинными территориями Западного края в китайской империи при династии Ранняя Хань (206 до н.э. — 9 н.э.) / И. Ф. Попова // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 57-82.

5. Дамешек Л. М. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII — начала XX вв.: концепты, закон и практика / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 83-104.

6. Курас Л. В. Бурятские Степные думы в имперской системе власти и степень их изученности в современной российской историографии / Л. В. Курас, Б. Ц. Жалсанова // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 105-118.

7. Псянчин А. В. Этническое картографирование Сибири в Императорском Русском географическом обществе (к 175-летию РГО) / А. В. Псянчин // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 119-133.

8. Головнёв А. В. Перевод кочевников на осёдлость: ревизия идеи / А. В. Головнёв // *Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей* / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 134-151.

9. Христофоров В. С. Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922 — 1934 гг. / В. С. Христофоров, Ю. Н. Гусева // *Terra*

Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 152-177.

10. Ванчикова Ц. П. Религиозная политика Коминтерна в Монголии по документам РГАСПИ / Ц. П. Ванчикова // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 178–189.

11. Дамдинов А. В. Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха / А. В. Дамдинов // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 190–201.

12. Балдано М. Н. Монгольский мир: фактор китайской миграции / М. Н. Балдано // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 202-213.

13. Пивовар Е. И. Международное взаимодействие финансовых институтов как фактор интеграции на Евразийском пространстве (1991–2019 гг.) / Е. И. Пивовар, В. Ф. Ершов // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 237-268.

14. Атанов Н. И. Сопрягаемость «новой нормальности» Китая и стратегического планирования России / Н. И. Атанов, Л. В. Потапов // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 282-290.

15. Иванов А. А. Подготовка кадров высшей квалификации для Бурятии и диссертационный совет по историческим наукам при Иркутском государственном университете / А. А. Иванов // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова : сб. научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 214-236.

Информация об авторе

Олейников Илья Васильевич — канд. ист. наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, e-mail: oleynikov@isu.ru, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 007240@bgu.ru

Author

Ilya V. Oleynikov — PhD in History, associate professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, History Faculty, Irkutsk State University, Chkalov str. 2, Irkutsk, 664003, e-mail: oleynikov@isu.ru, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str. 11, e-mail: 007240@bgu.ru

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.53

А.А. РАСПОПИНА

УДК 94(571.1/5)

ББК 63.3(253)

ПО СТРАНИЦАМ СБОРНИКА СИБИРЯКОВСКИХ ЧТЕНИЙ*

Анализируется сборник статей VII всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения», проходившей в октябре 2019 г. в Музее истории города Иркутска.

Ключевые слова: Сибирь, генерал-губернатор, Н.Н. Муравьев-Амурский, купечество, династия Сибиряковых.

А.А. RASPOPINA

ON THE PAGES OF THE COLLECTION OF SIBIRYAKOV READINGS

The collection of articles of the VII All-Russian scientific and practical conference “Sibiryakovsky Readings”, held in October 2019 at the Museum of the History of the City of Irkutsk, is analyzed.

Keywords: Siberia, Governor-General, N. N. Muravyov-Amursky, merchants, Sibiryak dynasty.

Один раз в два года Музей истории города Иркутска при поддержке администрации города Иркутска и в сотрудничестве с Иркутским государственным университетом проводит всероссийскую научно-практическую конференцию. В октябре 2019 г. состоялась уже VII конференция, а в 2020 г. был выпущен сборник статей ее участников, в котором представлены статьи ученых из 11 городов и поселков. На Сибиряковских чтениях традиционно рассматриваются вопросы, связанные с историей сибирского купечества и предпринимательства, развитием сибирских городов.

Сибиряковские чтения 2019 г. были посвящены одновременно двум круглым датам: 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. В первую секцию «Н.Н. Муравьев-Амурский в памяти России, Сибири, Иркутска» вошли статьи, посвященные как самому Н.Н. Муравьеву, так и отдельным представителям генерал-губернаторского корпуса Сибири. Вторая секция,

* Рец. на: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А.М. Сибирякова / науч. ред. Л. М. Дамешек, Иркутск, 24-25 октября 2019 г. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2020. — 336 с.

обозначенная как «Проблемы изучения истории купечества и предпринимательства Сибири» включала в себя обширный перечень тем научных исследований. В этой секции шла речь не только и не столько о династии Сибиряковых, сколько о различных сферах деятельности иркутского купечества, развитии благотворительности в конце XIX — начале XX вв., представителях других купеческих династий — Второвых, Бревновых и т.д.

Открывает сборник статья доктора исторических наук, профессора Леонида Владимировича Курас, в которой он будучи ответственным редактором «Вестника Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» анализирует цикл статей Л.М. и И.Л. Дамешек, посвященных генерал-губернаторскому корпусу Азиатской России и окраинной политике самодержавия, выходивших в «Вестнике БНЦ СО РАН» на протяжении нескольких лет.

Довольно яркий образ Н.Н. Муравьева, назначенного генерал-губернатором Восточной Сибири в 38 лет, представила Ирина Львовна Дамешек, опираясь на документальные свидетельства, в своей статье «Имперская доктрина Н.Н. Муравьева в оценке современников». О такой стремительной карьере молодого человека говорили тогда и в столичных салонах и конечно в самой Сибири. Приводимые красочные цитаты позволяют взглянуть на фигуру молодого генерал-губернатора глазами его современников и почувствовать с одной стороны то беспокойство, с которым ожидалось прибытие в Иркутск нового главы и с другой стороны — надежды на серьезные изменения в крае, которые связывались с его именем. Материал не предполагает оценку административно-управленческих достижений Н.Н. Муравьева, получившего в последствие приставку Амурский и графский титул, это скорее очень образный портрет человека, оставившего столь заметный след в истории Сибири и Дальнего Востока.

Вопросы, связанные с необходимостью преобразования и самостоятельного управления Якутской областью рассматривались в статьях А.А. Борисова, А.И. Архиповой, А.Д. Васильева — представителей Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. По словам доктора исторических наук Андриана Афанасьевича Борисова, вопрос о независимом административном устройстве Якутской области поднимался еще в петровские времена, но на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. так и не был решен. За это время значительно выросло население области, увеличилась ее роль в деле снабжения всем необходимым портов на побережье Охотского моря, Камчатки и тихоокеанских владений России. А.А. Борисов пишет, что предложение отделить Якутскую область от подчинения иркутским властям было даже одобрено Сибирским комитетом, но с места дело не сдвинулось. Изменения начались лишь после поездки Н.Н. Муравьева по вверенному ему краю. Так А.И. Архипова пишет о ревизии

Н.Н. Муравьева территорий Якутской области, Забайкалья и Охотского края, проведенной им уже в первые годы своего генерал-губернаторства. Исследователь останавливается на причинах, побудивших Муравьева ходатайствовать о необходимости дарования Якутской области самостоятельного управления и учреждения должности губернатора, что по мысли Муравьева должно было самым положительным образом сказаться на развитии этой территории. Огромная и несомненно богатая территория Якутской области нуждалась в изучении и хозяйственном освоении. Н.Н. Муравьев считал, что якутские губернаторы должны заниматься «развитием земледелия, распространением хлебопашества», изысканием новых запасов руды, а реки Лена, Алдан и Мая будут способствовать развитию удобного водного сообщения.

Интереснейшие вопросы взаимосвязи продажи российской Аляски и одновременно закрепления за собой Амура поднимает в своей статье доктор исторических наук Михаил Васильевич Константинов. Он отмечает, что на сегодняшний день вопрос о взаимосвязи истории Аляски и Амура в среде исследователей не востребован. В обобщающих трудах по истории Дальнего Востока не предпринимались попытки взглянуть на эти страницы истории под другим углом, объединив и увязав, таким образом, с общими геополитическими задачами России во второй половине XIX в. По мнению автора, продажу Аляски и сегодня принято относить к не расчетливым действиям императорской власти, но именно Муравьев в записке, написанной Николаю I, предложил отказаться от Аляски в пользу США с тем, чтобы Россия могла все свои силы сосредоточить на незамедлительном освоении устья Амура и закреплением его за собой, опередив таким образом Англию и Францию. Внешнеполитическая ситуация в то время уже была довольно напряженной, а в акватории Охотского моря все чаще появлялись иностранные китобои. Именно в это время Г.И. Невельской совершает открытие того, что Сахалин — это остров, а не п-ов, как долгое время считалось, а также сообщает о судоходности устья Амура. Возможно, эти важнейшие сведения и натолкнули Н.Н. Муравьева на мысль о необходимости своеобразной рокировке, о чем он и изложил в записке Николаю I, получив его предварительное одобрение. В.М. Константинов пишет о масштабном политическом плане, в котором были увязаны судьбы Аляски и Амура. Таким образом, делает вывод исследователь, размышляя о продаже Аляски, «это было сделано с полным осознанием жесткой необходимости, на основе многоаспектного анализа исторической ситуации и с точным стратегическим прицелом».

Статьи кандидатов исторических наук Галины Васильевны Оглезневой и Тамары Алексеевны Перцевой посвящены вопросам взаимоотношения Н.Н. Муравьева и иркутского общества, в частности колонии декабристов, а кроме того, косвенного влияния энергичного генерал-губернатора на книжную культуру города. Уже традиционно считается,

что и библиотечное дело, и периодическая печать Иркутска получили значительный импульс развития в период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского. Известно, что Муравьев являлся не только читателем, но и своего рода распространителем в Иркутске изданий Вольной русской типографии А.И. Герцена. Деятельность энергичного генерал-губернатора была чрезвычайно разнопланова, он был инициатором и организатором Сибирского отдела императорского русского географического общества, именно по его инициативе стали выходить газеты «Иркутские губернские ведомости» и «Амур». Есть предположения о том, что он сам лично мог писать некоторые статьи для иркутских газет под псевдонимом, безусловно, заметна его роль и в организации библиотечного дела в Иркутске. В то же время, Галина Васильевна пишет, что именно Муравьев в конце 1859 г. способствовал закрытию библиотеки М.П. Шестунова, в которой собирались «так называемые известные лица, которые почему бы то ни было имели зубок против администрации». Однако будучи представителем власти, Н.Н. Муравьев пресекал формирование оппозиционного общественного мнения. В генерал-губернаторство Муравьева случилась и наделавшая много шума, печально знаменитая дуэль Беклемишева и Неклюдова, сведения о которой были опубликованы в петербургском журнале «Искра». Размышляя о влиянии Н.Н. Муравьева на развитие книжной культуры Иркутска, Галина Васильевна обращает внимание на то, что заслуга в этом принадлежит не только самому генерал-губернатору, но и безусловно приглашенным им на службу молодым и образованным чиновникам, что способствовало расширению круга владельцев книжных собраний в Иркутске. Можно сказать, формировалась своеобразная мода на чтение, обсуждение новинок, литературно-разговорные вечера получали все большее распространение.

В вопросах взаимоотношения генерал-губернатора Н.Н. Муравьева и иркутского общества очень интересна сюжетная линия: Муравьев — декабристы. Всегда отмечается довольно мягкое, либеральное отношение Н.Н. Муравьева к ссыльным, даже скорее предпочтение общества ссыльных сложившемуся в Иркутске бомонду, что не могло не вызывать недовольство отдельных групп «благонамеренной» общественности. Тамара Алексеевна Перцева чрезвычайно интересно разбирает вопрос взаимоотношений Муравьева и декабристов. Причины такого либерализма, делает вывод Тамара Алексеевна, вероятно, могли быть продиктованы сословной солидарностью. Исследователь отмечает, что «для определенных слоев дворянства было характерно «считаться» не только родством, но и свойством, кумовством и даже соседством по имени». Кроме того, декабристы относились к той группе образованнейших, светских людей, которых в Иркутске было очень не много, но это не значит, что Муравьев всегда симпатизировал всем декабристам безоглядно. Здесь конечно примечательна история с В.Ф. Раевским, ко-

торая, безусловно, показывает и пределы либерализма нового начальника края. Опираясь на воспоминания современников, включающих в себя переписку и обширную мемуаристику, Т.А. Перцева изучает факторы, влиявшие на формирование отношений Н.Н. Муравьева с иркутской колонией декабристов.

Вторую секцию сборника открывает статья доктора исторических наук, Вадима Петровича Шахерова, посвященная проектам сибирского купечества по совершенствованию русско-китайской торговли, расширению внешних рынков и инфраструктуры. Сибирскому купечеству по праву принадлежит ведущая роль в развитии экономического пространства сибирского края, что объясняется особыми условиями формирования и деятельности сибирского купечества. Отсутствие крепостного права и помещичьего землевладения, а кроме того незначительная роль дворянского предпринимательства, открывало, пишет исследователь, широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством. В статье прослеживается как на протяжении XVIII–XIX вв. шел процесс становления купеческих компаний, какова была сфера приложения купеческих капиталов, что влияло на формирование интересов к тем или иным видам деятельности и как это соотносилось с государственными интересами. Вадим Петрович анализирует этапы развития русско-китайской торговли и борьбы купечества за расширение китайского рынка. Отдельные представители сибирского купечества неоднократно выступали с предложениями по совершенствованию торговли и увеличения количества торговых пунктов с Китаем, т.к. вплоть до середины XIX века вся торговая деятельность велась исключительно через Кяхту. Присоединение Амура, заключение Пекинского договора раскрывают новые горизонты применения купеческих капиталов. Вадим Петрович отмечает, что сибирских купцов интересовало уже не столько расширение торгово-промышленной деятельности на русском Дальнем Востоке, сколько возможность выхода на внешние рынки Китая, Кореи, Японии и Америки. Безусловно, расширение грузооборота напрямую зависело от наличия удобной и разветвленной сети сообщений, как водной, так и сухопутной. Сибирь не могла похвастаться наличием таковой, а раз государство не вкладывалось в строительство удобных трактов и организацию водных путей, то инициативу принимало на себя местное купечество, более чем кто-либо заинтересованное в скорейшей и безопасной доставке товаров. Свидетельством этому являются многочисленные проекты по улучшению водных путей, изысканию и прокладке удобных дорог, регулярно подаваемые правительству. Так, в последней четверти XIX в. крупнейшим сибирским предпринимателем А.М. Сибиряковым был разработан поистине грандиозный проект водного сообщения, включающего в себя сибирские водные системы в соединении с арктическим морским путем. Вадим Петрович делает вывод о том, что именно иркутское купечество проявило «наибольшую активность в изучении и креативном осмыслении возможности освоения» сибирских

территорий, оно отличалось «особой деловой хваткой и государственным взглядом на перспективы развития края».

Известный специалист в изучении сибирского купечества — кандидат исторических наук Наталья Игоревна Гаврилова анализирует в своей статье развитие благотворительных обществ в Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Исследуются причины открытия разнообразных благотворительных организаций, их деятельность, активность в организации работы подобных учреждений различных слоев русского общества. Автор пишет, что именно из-за недостатка оказываемой государством помощи социально обездоленным слоям населения в обществе формировался запрос на осуществление благотворительной помощи. Во второй половине XIX в. благотворительность становится уже довольно заметной сферой городской общественной жизни. Наталья Игоревна сравнивает развитие общественной филантропии в разных регионах России. Безусловно, в численном соотношении Иркутск уступал городам европейской России и Прибалтики, но за Уралом этот показатель самым высоким был именно в Иркутске. Благотворительные приюты в Иркутске, пишет Наталья Игоревна, входили в число лучших по стране, за что были удостоены даже наград на Всемирной выставке в Париже и это, по праву, составляло гордость иркутян.

Участие в филантропической деятельности в то время было необходимым элементом светской жизни. Заметную роль в Иркутской губернии в таких организациях играло купечество, высшие слои чиновничества и военных чинов. Среди благотворительных учреждений Иркутска были детские приюты — Александрьевский и Марининский, приют для арестантских детей, Общество попечения о раненых и больных воинах, Знаменская община сестер милосердия, отделение «Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов», Комитет для вспомоществования нуждающимся жителям города, приют «Ясли», Общество для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, обучающимся в заведениях Москвы и много других. Благотворительные общества создавались и национальными объединениями Иркутска — еврейским, польским, мусульманским, украинским, грузинским, армянским. Одним из самых сложных конечно был вопрос финансирования таких организаций, для этих целей организовывались различные общественные мероприятия (лотереи-аллегри, благотворительные базары, спектакли, концерты, денежные подписки), весь доход от которых шел на нужды благотворительности. Наталья Игоревна пишет, что именно «назревшая необходимость решения «местных вопросов» активизировала благотворительную деятельность в городах Иркутской губернии в сфере просвещения и образования, став характерной особенностью этого сегмента общественной жизни населения».

В сборнике, вышедшем по итогам VII Всероссийской научно-практической конференции еще много интересных статей, посвященных краеведче-

ской тематике. Это и чрезвычайно интересный материал о гостиничном деле в Иркутске В.Г. Антоник, о жизни и деятельности предков известного советского авиаконструктора Николая Камова А.В. Ануфриева. Статьи Ю.Е. Колпиковой и Г.Ф. Лебедевой посвящены неизвестным и трагичным страницам уже послереволюционной истории знаменитой купеческой семьи Второва. Увлекательный материал представляет В.И. Тарасов, анализируя такой уникальный изобразительный источник, как многофигурную картину иркутского живописца М.В. Васильева, написанную в первой четверти XIX в. «Перенесение мощей святителя Иннокентия», на ней более 120 портретов самых разных представителей сибирского и иркутского общества, в частности семейные портреты Мыльниковых, Медведниковых и т.д. События на картине относятся к 1805 г. и на ней изображен весь цвет тогдашнего иркутского общества. Работа по атрибуции портретов, проведенная исследователем, чрезвычайно значима и безусловна будет интересна читателям.

Остается пожелать организаторам конференции выпуска новых сборников, а всем интересующимся историей Сибири познавательного чтения.

Информация об авторе

Распопина Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: alen_a77@mail.ru.

Author

Alena A. Raspopina — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University; Lenin str., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: alen_a77@mail.ru.

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.54

УДК 94(571.56)

ББК 63.3(2Рос.Яку)

Е.В. РОЩУПКИНА

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ*

В статье дается обзор монографии А. Борисова «Якутский депутат и российская императрица», которая посвящена анализу личности и общественно-политической деятельности первого якутского депутата С. Сыранова.

Ключевые слова: Уложенная комиссия, Екатерина II, первый якутский депутат, Софрон Сыранов, ясак, наказы якутов.

* Рец. на: Борисов А. А. Якутский депутат и российская императрица / А. А. Борисов. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2020. — 192 с.

IN SEARCH OF HISTORICAL TRUTH

The article reviews A. Borisov's monograph "The Yakut Deputy and the Russian Empress", which is devoted to the analysis of the personality and socio-political activities of the first Yakut deputy S. Syranov.

Keywords: Laid commission, Catherine II, first Yakut deputy, Sofron Syranov, Yasak, Yakut orders.

По образному выражению выдающегося историка В.О. Ключевского: «Екатерина II была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории». С уверенностью можно добавить, что и в историографии тоже.

Для ученых-историков период царствования Екатерины II остается и, по всей видимости, еще долго будет оставаться одним из любимых объектов исследования. На протяжении уже более двух веков в отечественной и зарубежной историографии в исследовании царствования Екатерины Великой на первом месте по популярности стоят «Наказ» императрицы и созыв Уложенной комиссии.

Но несмотря на значительное число публикаций, посвященных непосредственно личности и политике Екатерины II, в современной исторической литературе можно найти исследования, которые показывают период правления Екатерины с другого ракурса, а именно через судьбу и деятельность простых людей, которым довелось жить в эпоху Екатерины и быть непосредственными участниками ее преобразований.

Именно в этом ключе написана книга якутского историка Андриана Борисова «Якутский депутат и российская императрица». Книга посвящена первому выборному якутскому депутату Уложенной комиссии Софрону Сыранову, его необычной судьбе и общественно-политической деятельности.

Как известно, согласно Указа Екатерины II от 14 декабря 1766 г., в 1767 г. была создана «Комиссия для составления проекта Нового Уложения». Реформирование правовой системы российского государства было вызвано объективной необходимостью. В своих записках 1779 г. Екатерина писала, что в первые годы своего царствования из разных прошений, сенатских и коллежских дел, из рассуждений сенаторов она усмотрела «неединообразные о единой вещи суждения и правила», также усмотрела, что законы, изданные в разное время, противоречат друг другу, и задалась целью привести законодательство в лучший порядок.

Действительно, трудно представить себе что-либо более хаотичное, чем русское законодательство того времени. В него входило и Уложение царя Алексея Михайловича 1646 г., и новоуказные статьи, и Петровские

регламенты, и указы, которые изменяли их, и новые указы Сената, Верховного Тайного Совета и т.д. Все эти указы отменяли один другой, не были собраны воедино и вообще не были известны большинству членов правительственных органов.

Хаотичное состояние российских законов беспокоило и предшественников Екатерины, но их попытки улучшить положение остались без результата или имели очень слабый успех.

Вдохновленная идеями французских просветителей (Монтескье, Вольтера, Гельвеция и др.), Екатерина составила «Наказ», в котором изложила общие правила, принципы, на которых, по ее мнению, должны строиться будущие законы русского общества. Но саму задачу составления новой системы законов Екатерина возложила на общество. Она понимала, что правительству не под силу справиться с такой задачей, что в законодательстве должно выражаться коллективное творчество народа.

Екатерина II придала этому мероприятию всероссийский размах и с невероятной пышностью поставила его в центр внутривластной жизни России. Внешние формы, в которые облекла Екатерина II разработку нового Уложения, напоминали что-то вроде созыва древних земских соборов. Центром работы должна была стать особая Уложенная комиссия, члены, или депутаты, которой выбирались от всей страны.

Уложенная комиссия, созданная Екатериной, отличалась тремя особенностями. Во-первых, широким представительством — право избирать депутатов было предоставлено дворянам (по одному депутату от уезда), горожанам (по одному депутату от города), государственным и экономическим крестьянам (по одному депутату от провинции), оседлым «иногородцам» (тоже по одному депутату). Кроме того, каждое центральное учреждение посылало в Комиссию по одному своему представителю. Екатерина II уверяла, что выборы организованы так, «дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Права избирать депутатов были лишены крепостные крестьяне, составлявшие большинство населения страны, а также духовенство.

Депутатам предоставлялись существенные льготы и привилегии: помимо жалованья, выдававшегося сверх получаемого на службе, депутаты до конца дней своих освобождались от смертной казни, пыток и телесных наказаний; имения депутатов не подлежали конфискации за исключением случаев, когда надлежало расплатиться за долги; решение суда относительно депутатов не приводилось в исполнение без благословения императрицы; за оскорбление депутата взыскивался двойной штраф; депутатам выдавался особый знак с девизом «Блаженство каждого и всех».

Вторая особенность екатерининской комиссии состояла в том, что в своей работе депутаты должны были руководствоваться «Наказом», который императрица составила лично и в котором она изложила свои

взгляды на задачи Уложенной комиссии. «Наказ» был творческим переосмыслением идей французских философов, особенно идей Монтескье, бравшего за образец английский парламентаризм, и был приспособлен к русской действительности.

Третья особенность Уложенной комиссии 1767-1768 гг. состояла в наличии наказов депутатам, составленных участниками выборов. В Комиссию было подано около 1,5 тыс. наказов от дворян, от горожан, от черносошных, ясачных, приписных крестьян, от однодворцев, пахотных солдат и т. д. Многие наказания содержали жалобы на мздоимство канцелярских служащих, волокиту в правительственных учреждениях, предлагали вместо назначаемых правительством чиновников заполнять административные должности дворянами, избранными на уездных и провинциальных собраниях. В итоге в Уложенную комиссию было избрано 564 депутата, из которых почти 10 % представляли иноверцы. В список выбранных депутатов от иноверцев попал и якут, князец пяти подгородных улусов Софрон Сыранов.

Книга ученого-историка А. Борисова приурочена к 300-летию юбилею со дня рождения С. Сыранова и, по словам самого автора, представляет собой попытку по-новому взглянуть на деятельность этого неординарного человека.

В отечественной историографии личность С. Сыранова получила неоднозначную оценку. Критическая интонация по отношению к первому якутскому депутату началась с первых же сочинений, в которых впервые упоминается его имя. Впоследствии негативные оценки личности и деятельности С. Сыранова неоднократно тиражировались), и автоматически перешли в исторические исследования советского времени. Между тем, личность и дела С. Сыранова представляют большой интерес с точки зрения современного восприятия в связи с пересмотром прежних классовых методологических установок.

Вызывает уважение позиция автора, который, анализируя довольно обширную и достаточно противоречивую историографию о первом депутате от Якутии, не идет в фарватере устоявшихся в литературе стереотипов о нем. А. Борисов ставит перед собой задачу создания по-настоящему объективной картины жизни и деятельности С. Сыранова. Как пишет сам автор, «современные требования науки, призванные учитывать многомерность исторических процессов, преодолевать узкие рамки разделения общества на классы, беспристрастно рассматривать исторические явления и события, позволяют по-новому взглянуть на деятельность таких личностей, как первый хангаласский голова и якутский депутат С. Сыранов» (с. 24).

Книга А. Борисова начинается с «Пролога», в котором автор в форме занимательной истории рассказывает о зачислении С. Сыранова в состав Уложенной комиссии. Присвоение С. Сыранову звания депутата, представляющего иноверцев-якутов состоялось только после личной

аудиенции с Екатериной II, на которой Сыранов сумел убедить императрицу, что якуты являются не совсем кочевым народом и, следовательно, имеют право иметь своего депутата в Комиссии.

Софрон Сыранов родился в 1719 г. в Хангаласском улусе, в Малтанском наследе. Он приходился правнуком Мазары Бозекову (1633-1703), который в свою очередь был внуком знаменитого правителя якутов, тойона Тыгына. В главе «Тыгынид» А. Борисов подробно рассматривает родословную Сыранова, доказывая знатность и родовитость происхождения будущего депутата, а также дает характеристику Хангаласского улуса, располагавшегося в 50 верстах от Якутска и Малтанского наслега, в котором родился и вырос С. Сыранов. Автор пишет, что «по данным Второй ясачной комиссии (1828–1830 гг.), в Малтанском наследе проживало 999 мужчин и 895 женщин, всего 1 894 чел. Они проживали в 800 юртах, владели 2 500 головами крупного рогатого скота, 1 600 головами лошадей» (с. 53). Цифры эти показывают социально-экономическое развитие наслега, в котором проходила богатая событиями жизнь С. Сыранова.

Для создания полной исторической картины, которая сложилась на родине С. Сыранова накануне его депутатства, в двух главах своей книги «Окраина Империи» и «Ясак и извоз», А. Борисов обращается к описанию жизни якутов и, прежде всего, тех проблем с которыми сталкивалось коренное население Якутии после прихода сюда русского государства.

Первая проблема была связана со сбором ясака - налога в виде ценной пушнины. Автор пишет, «Ясак собирали соболями и лисицами. Если в начале столетия с якутов 35 волостей соболей было собрано на 3 451 руб., а лисиц на 3 046 руб., ... то к середине века, соответственно: на 1 321 руб. и на 3 074 руб. Ясачные сборы упали более чем на 2 102 руб., 32,3 %. Поэтому катастрофически стали расти недоимки» (с. 60). Кто не мог уплатить ясак вынужден был становиться должником, и даже отдавать в залог своих жен и детей. Таким образом, население приходило в «разорение и убожество».

Во-вторых, на фоне упадка промыслов ценных пушных зверей ситуацию усугубляли массовые злоупотребления сборщиков ясака и воевод. «Приношения, — пишет автор, — которые особенно состоятельными якутами и князьями подносились по поводу и без повода, за истекший столетний период после прихода русских в Якутию, настолько укоренились в повседневную практику, что вошли в привычку. Недобросовестные сборщики ясака, а то и просто самые недалекие из них, считавшие это традицией, пользовались нередко этим» (с. 61).

Наконец, третья и, по мнению автора, более тяжкая напасть, пришедшая многих людей на грань нищеты — это извозная повинность. «Середина XVIII столетия ознаменовалась великими географическими открытиями, совершенными российскими путешественниками и

мореплавателями В. Берингом и А. Чириковым, братьями Д. и Х. Лаптевыми, С. Крашенинниковым и другими... Чтобы обеспечить все эти экспедиции, Якутия была превращена в своеобразный плацдарм... Через территорию Якутии осуществлялись поставки оборудования, продовольствия и других грузов для нужд экспедиций. Якутское население, располагавшее конным скотом, стало обязано поставлять огромное количество тяглых лошадей с проводниками, со своим фуражом и провиантом» (с. 62). По подсчетам автора, во второй трети XVIII в. якуты лишились значительной части поголовья конного скота. Так, если в 1736 г. местное население поставило 364 лошади с 56 проводниками, то уже в 1766 г. у них было реквизировано 7 996 лошадей в сопровождении 1 230 проводников. Ужасающим негативным последствием такой практики было то, что лошади либо не возвращались вследствие гибели, либо погибали от истощения по возвращении. «Проводники же, — пишет автор, — были вынуждены отрываться от своих семейств и своего хозяйства. В отсутствие их нередко происходило разорение таких семейств, члены которых становились батраками» (с. 66).

Все эти процессы, делает заключение автор книги, проходили на глазах С. Сыранова и поэтому участие в работе Уложенной комиссии было удобным поводом обратить внимание царского правительства на все наболевшие проблемы якутского населения.

В главе «Выборы» А. Борисов пишет, что «С. Сыранов действительно являлся представителем якутского народа, ибо был избран публично» (с. 77). Выборы проходили 9 декабря 1767 г. в Якутской воеводской канцелярии и из пяти кандидатов, которые были выдвинуты якутскими улусами, С. Сыранов был выбран в депутаты единодушно. При этом, отмечает автор, в расчет брались не столько знатность кандидата, сколько опыт, энергичность и компетентность. По всем этим критериям «С. Сыранов явно превосходил своих конкурентов» (с. 78).

Кульминацией книги А. Борисова являются следующие две главы «Наказы и Пополнение» и «Областной предводитель», в которых автор анализирует реализацию С. Сырановым наказов земляков, а также роль якутского депутата в становлении улусного самоуправления.

В главе «Наказы и Пополнение» А. Борисов пишет, что «С. Сыранов, уезжая в Москву, как и все депутаты, получил указы от своих выборщиков, которые содержали различные требования якутов, направленные в основном на улучшение их экономического положения» (с. 97). И хотя, замечает автор, документальных сведений о работе С. Сыранова в качестве депутата не сохранилось, но последующие решения и действия царского правительства в Якутском регионе красноречиво свидетельствуют об активной и успешной работе С. Сыранова как депутата, потому что были удовлетворены почти все пункты «сырановских» наказов и пополнений к ним.

Во-первых, «7 мая 1769 г. Сибирская комиссия утвердила указ Якутской комиссии, разрешающий ясачным Якутского уезда, не имеющим соболей, выплачивать ясак другим зверем или деньгами. Тем самым было существенно облегчено положение якутов, которые теперь могли, не выезжая на соборинные промыслы, уплатить ясак деньгами» (с. 98).

Во-вторых, разорительная практика извозной повинности не сразу, но была заменена подрядом. Более того, в 1785 г. специальным предписанием иркутского губернатора была выплачена денежная компенсация якутским поставщикам лошадей.

В-третьих, в ответ на жалобы местного якутского населения на злоупотребления со стороны ясачных сборщиков, указом от 26 апреля 1769 г. иркутского губернатора А.И. Бриля был прекращен разъезд сборщиков ясака и разрешен привоз ясака самими якутскими князьями. Автор пишет: «Совершилось великое дело, был отменен устаревший средневековый институт, отныне были ликвидированы основы для злоупотреблений. Недобросовестные ясачные сборщики ведь часто превращались в простых грабителей и вымогателей» (с. 102).

И, наконец, в-четвертых, тем же указом 1769 г. требование депутата С. Сыранова о предоставлении улусным князьям функций судей в делах о воровстве, драках и ссорах были также удовлетворены правительством. Вековая проблема разграничения полномочий центральной власти и лидерами якутской элиты, была разрешена в пользу последней.

В главе «Областной предводитель» А. Борисов пишет о том, что выборы С. Сыранова депутатом Уложенной комиссии в 1768 г. способствовали зарождению такого властного института, как улусные головы, т.е. стройной структуры самоуправления в Якутии, которая продержалась в истории края столетия.

После издания указа от 19 января 1790 г., позволявшего избрание якутского областного головы, состоялись выборы, на которых победу одержал именно С. Сыранов. Таким образом, Сыранов прошел путь от князя Хангаласского улуса до руководителя всей Якутской области. Но поскольку земский суд и часть тойонов впоследствии выступили против избрания С. Сыранова не было утверждено.

Отвечая на вопрос о причинах такого исхода, А. Борисов не согласен с выводами, содержащимися в некоторых источниках дореволюционного и советского времени, о «величайших утеснениях» и «иге» Сыранова. Автор говорит о том, что принимать за истину эти обвинения нельзя за их недоказанностью и отсутствием конкретных, документально подтвержденных фактов. А. Борисов пишет, что «в те далекие времена в Якутском уезде (области) шла борьба не столько классовая (как это силились целые поколения историков доказать), сколько между различными группировками. Первый круг противостояния был в улусах. Понятно, что элита из других улусов ревниво следила за успехами кангаласского депутата...

Другой круг борьбы, может быть, не менее сложный, опоясывал собственно Кангаласский улус. Там, по сути, шла династийная борьба между ветвями Тыгыновичей» (с. 112).

В итоге автор делает предположение о существовании конфликта интересов многих политических сил того времени, что требует, по его мнению, более детального изучения.

В заключение, хочется отметить, что книга А. Борисова является примером научной честности и объективности. Исследование, проведенное А. Борисовым, не просто «слепая» амнистия якутского депутата. Все рассмотренные главы книги А. Борисова, основанные на обширном архивном и историческом материале, на наш взгляд, представляют собой новое слово в изучении личности и общественно-политической деятельности первого якутского депутата С. Сыранова.

Хорошо написанная и красиво изданная книга якутского историка должна занять достойное место в отечественной исторической литературе.

Информация об авторе

Рощупкина Елена Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедры международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: his-tory@bgu.ru.

Author

Elena V. Roshupkina — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, e-mail: history@bgu.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батунаев Эдуард Владимирович — к.и.н., научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО Российской академии наук

Белозерцев Сергей Михайлович — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВСИ МВД России

Бурдина Дарья Александровна — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Вахрушев Юрий Петрович — к.филос.н, доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Волосов Евгений Николаевич — д.и.н., профессор кафедры технической эксплуатации и сервиса на воздушном транспорте Иркутского филиала МГТУ ГА

Дюпин Андрей Андреевич — аспирант базовой кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

Завьялова Екатерина Олеговна — ассистент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Задорин Артём Викторович — старший преподаватель кафедры истории России Сибирского федерального университета

Зимин Лев Геннадьевич — аспирант отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Зуляр Юрий Анатольевич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

Иванова Елена Александровна — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета

Ильиных Владимир Андреевич — д.и.н., профессор, зав. сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

Казарин Виктор Николаевич — д.и.н., профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета

Кальмина Лилия Владимировна — д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Канн Сергей Константинович — к.и.н., младший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Карнышев Александр Дмитриевич — д. психол. н., профессор кафедры социальной работы, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований Иркутского государственного университета

Козырская Ирина Евгеньевна — к.э.н., доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности Байкальского государственного университета

Кудряшов Василий Васильевич — к.и.н., доцент, заведующий базой кафедрой истории, педагогики и психологии Братского государственного университета

Кузьмин Юрий Васильевич — д.и.н., профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности Байкальского государственного университета

Курас Леонид Владимирович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Курас Софья Леонидовна — к.и.н., доцент кафедры таможенного дела и правоведения Иркутского государственного университета путей сообщения

Курас Татьяна Леонидовна — к.и.н., доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета

Кургузов Павел Владимирович — независимый исследователь, Республика Бурятия

Курышов Андрей Михайлович — к.и.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Курышова Ирина Васильевна — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права Иркутского национального исследовательского технического университета

Кушнарева Маргарита Дмитриевна — д.и.н., доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета

Лапердин Вячеслав Борисович — к.и.н., научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

Левченко Владимир Михайлович — к.и.н., профессор кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Майдачевский Дмитрий Ярославович — к.э.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Мезенцева Ирина Витальевна — к.и.н., доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин Читинский институт (филиала) Байкальского государственного университета

Михаэлис Дмитрий Владимирович — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Олейников Илья Васильевич — к.и.н., доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

Очиров Цыден Солбонович — аспирант отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Пашков Константин Иванович — к.и.н., старший научный сотрудник Иркутского областного краеведческого музея

Почеревин Евгений Владимирович — к.и.н., доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина

Распопина Алена Александровна — к.и.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Рогачевская Майя Антоновна — к.э.н., доцент кафедры финансов и кредита Сибирского института управления, филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

Рошупкина Елена Викторовна — к.э.н., доцент кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Семина Снежана Александровна — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Восточно-Сибирского института экономики и права

Сентябова Мария Викторовна — к.и.н., доцент кафедры истории и политологии, кафедра истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета

Синиченко Владимир Викторович — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России

Титов Владимир Юрьевич — к.и.н., доцент, учитель гимназии № 25 г. Иркутска

Ткачев Виталий Викторович — аспирант кафедры истории России Иркутского государственного университета

Урожаева Татьяна Петровна — к.и.н., учитель истории и обществознания школы № 11 (г. Усть-Илимск)

Хачатрян Норайр Фрунзович — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Хишиг Норовсамбуу — к.и.н., исполняющий обязанности директора Института истории и этнологии Монгольской академии наук

Цыбенов Базар Догсонович — к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Цыкунов Григорий Александрович — д.и.н., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета

Чжан Яньцзе — аспирант кафедры экономики предприятия и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета

Шалак Александр Васильевич — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Шаламов Владимир Александрович — к.и.н., доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета

Шаламова Светлана Александровна — к.и.н., главный архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области

Шахеров Вадим Петрович — д.и.н., профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета

Ширапов Алдар Амаголонович — стажер-исследователь отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Широков Иван Сергеевич — аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета

Шулбаев Олег Никитович — к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

Шуплецов Александр Федорович — д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия и предпринимательской деятельности Байкальского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
------------------	---

БАЙКАЛЬСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ – 90 ЛЕТ

Майдачевский Д.Я. Эхо «Илимской пашни», или нереализованный проект написания истории экономики Иркутской области	5
Соколов П.К. Краткий очерк экономики Иркутской области	11
Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. И.А. Сороковиков – активный участник Монгольской революции 1921 года и преподаватель Иркутского финансово-экономического института, автор работ по истории Монголии первой половины XX века	24
Шуплецов А.Ф. Экономика предприятия в Институте народного хозяйства БГУ: история, опыт, перспективы	32

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Волосов Е.Н. Иркутск: «Город падающих самолетов»: мифы и реальность	40
Зуляр Ю.А. Региональная политика Российской Федерации: 30 лет трансформаций	49
Ильиных В.А. Совхозы Западной Сибири во второй половине 1930-х гг.: система управления, динамика производственных показателей	66
Казарин В.Н. Становление и эволюция экономического образования в Иркутском государственном университете. 1918–начало 1930-х гг.	75
Кальмина Л.В. Верхнеудинская ярмарочная торговля в сибирской периодической печати последней трети XIX века	91
Карнышев А.Д., Иванова Е.А. Метаморфозы в медицинских, политических и экологических позициях и тенденции интеграции патриотизма и космополитизма на Байкале	97
Кушнарева М.Д. Освоение месторождений каменного угля фирмой «Наследники А.И. Громовой» в северо-восточной Сибири в начале XX в.	110
Шалак А.В. Экстраполяция опыта нейтрализации эпидемических заболеваний в 1940-е гг. на коронавирус в современной России (на примере Иркутской области)	114
Шахеров В.П. Взлет и падение коммерческих банков Иркутской области в 1990-х – начале 2000 годов	129

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Белозерцев С.М. Особенности развития горной деятельности в XIX – начале XX вв.	140
Кудряшов В.В. Роль политических ссыльных в развитии легальной периодической печати Енисейской губернии в начале XX века.....	146
Курас Т.Л., Курас С.Л. Роль личности в развитии судов и органов исполнения наказания России второй половины XIX – начала XX вв.	152
Михаэлис Д.В. Квалификационные требования к судьям в ходе реализации судебной реформы 1864 г. на примере Иркутской губернии	160
Пашков К.И. Организация и некоторые итоги работы Байкальской переправы в 1904-1905 годах.....	165
Почеревин Е.В. Развитие сельской медицинской сети в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв.	175
Синиченко В.В. Швейная компания «Зингер» в России и Восточной Сибири в годы Первой мировой войны.....	181
Ширапов А.А. «Серебро в слитках, коньяк, сбор метеоданных...»: нетипичные операции Кяхтинского отделения Русско-Китайского банка.....	186

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Дюпин А.А. Формирование и развитие средств массовой информации Эвенкии и Таймыра в 1930-1940 гг.	196
Кургузов П.В. Кяхта 1920 год: забытые страницы истории китайской интервенции	203
Лапердин В.Б. Финансовое состояние машинно-тракторных станций Западно-Сибирского края в 1930-е гг.	212
Левченко В.М. Развитие творческой активности сельских тружеников Восточной Сибири в 1966-1970 гг.	220
Семина С.А. Переход к индустриализации и судьба мелкой и кустарной промышленности Иркутской губернии (конец 1920-х гг.).....	229
Титов В.Ю. Негласные социокультурные факторы «социалистического общежития» в СССР, на примере протестных настроений в регионах Сибири (1920–1930-е гг.).....	235
Шаламов В.А. Служба здоровья юных пионеров и Красный Крест в Восточной Сибири в 1920-е годы	243

- Шулбаев О.Н.** Деятельность инструкторских групп райкомов партии по зонам МТС в Восточной Сибири в 1953–1957 гг. в освещении периодической печати (на примере Красноярского края и Иркутской области)..... 248

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ

- Завьялова Е.О.** Тенденции развития пост-таможенного контроля ... 256
- Задорин А.В.** Политическая ситуация в Красноярском крае в 2020 г.: анализ основных событий 262
- Урожаева Т.П.** Проблема хранения и утилизации промышленных отходов в Иркутской области в 1990-2010-е гг. 269
- Хачатрян Н.Ф.** Особенности субъектов общественной молодежной политики в современной России на примере Сибирского федерального округа..... 279
- Широков И.С.** Развитие форм электронной демократии в Иркутской области 285

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

- Мезенцева И.В.** «Не пропадет ваш скорбный труд ...»: о судьбе историко-культурного наследия в меняющемся мире (к 35-летию Музея декабристов в Чите) 292
- Рогачевская М.А.** К. Маркс о проблеме взаимосвязи рабочего и свободного времени общества..... 302
- Ткачев В.В.** К вопросу об организации художественных выставок в городах Иркутской губернии начала XX в.: по материалам периодической печати..... 309

РОЛЬ КОММУНИКАЦИЙ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ СИБИРИ

- Канн С.К.** Освоение Северного морского пути в практике Комитета Сибирской железной дороги 319

ПРИРОДООХРАННЫЕ ТРАДИЦИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

- Курышова И.В.** Эволюция лесного законодательства Российской империи (на примере Устава лесного)..... 330
- Цыкунов Г.А.** Общественное мнение жителей Братска по экологическим проблемам города: к истории первого социологического обследования 338

СИБИРЬ: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Батунаев Э.В. Заметки о русско-монгольских торгово-экономических связях в начале XX в.	346
Олейников И.В. Корейский фактор в международном сотрудничестве Иркутской области.....	354
Очиров Ц.С. Проект «Желтороссия» и национально-освободительное движение во внешней Монголии и Хулун-Буире в первой четверти XX века: современная китайская историография.....	359
Шишигт Н., Цыбенков Б.Д., Курас Л.В. От разведывательной деятельности к началу революционного сотрудничества: эволюция российской политики в отношении Монголии (1905–1918 гг.).....	366
Чжан Яньцзе, Шуплецов А.Ф. Угольная промышленность Внутренней Монголии: современное состояние и проекты преобразования отрасли.....	375
Цыбенков Б.Д., Курас Л.В. «Ургинский район, определенно прослывший в Харбине как большевистский...»: Байкальский регион и Монголия 1917-1919 гг. в материалах Монголэкса.....	382

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Сентябова М.В. Динамика заболеваемости и работа в сфере детского здравоохранения в Красноярске в 1950-х – 1960-х гг.....	388
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Бурдина Д.А. Историография социальной политики СССР в области материнства и детства в 1936-1953 гг.....	398
Зимин Л.Г. Барга (Хулун-Буир) во внешней политике Российской империи / СССР: современная российская историография.....	405
Шаламова С.А. Исповедная роспись как источник по изучению казачьих родов в Иркутской губернии (на примере исповедной росписи Тункинской Николаевской церкви за 1900 г.).....	414

РЕЦЕНЗИИ

Вахрушев Ю.П. Якутия в системе управления Российского государства.....	423
Курышов А.М. Переселенцы против старожилов: новый выпуск «Сибирских переселений».....	429
Олейников И.В. Сюжеты истории и контуры пространства Евразии.....	440
Распопина А.А. По страницам сборника Сибиряковских чтений.....	446
Рошупкина Е.В. В поисках исторической правды.....	452
Сведения об авторах	460

Научное издание

**ИРКУТСКИЙ
ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК**

2021

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 24.03.21. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. 29 Усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ 186/3.

Издательский дом БГУ
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Изготовлено в типографии «Репроцентр+»
г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1
Тел. (395-2) 540-940, e-mail: 54940a1@mail.ru